

СЯОВЯ

ПРЕПОДОБНАГО СЯЖЕОНА

НОВАГО БОГОСЛОВА.

ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ СЪ НОВОГРЕЧЕСКАГО

ЕПИСКОПА ВЕОФАНА.

Издание второе, Афонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ И. ЕФИМОВА. БОЛЬШАЯ ЯКИМАНКА, Д. СМЕРНОВОЙ.

1892.

ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО СУМЕОНА

НОВАГО БОГОСЛОВА *).

Преподобный Сумеонъ родился въ Пафлагонскомъ селеніи Галатѣ отъ родителей знатныхъ и богатыхъ. Имя отцу его Василій, а матери Теофанія. Изъ дѣтства обнаруживалъ онъ какъ большія способности, такъ и нравъ кроткій и благоговѣйный, съ любовію къ уединенію. Когда подросъ, родители отослали его въ Константинополь къ роднымъ, не послѣднимъ при дворѣ. Тамъ онъ отданъ былъ въ наученіе и скоро прошелъ такъ-называемые грамматическіе курсы. Слѣдовало переходить въ философскіе; но онъ отказался отъ нихъ, боясь увлечься во что либо непотребное по вліянію товарищества. Дядя, у котораго онъ жилъ, не приневоливалъ его, но поспѣшилъ ввести его на служебную дорогу, которая есть сама по себѣ довольно строгая наука для внимательныхъ. Онъ представилъ его царямъ самобратіямъ Василю и Константину порфиророднымъ, и тѣ включили его въ чинъ царедворцевъ.

Но преподобнаго Сумеона мало занимало то, что онъ сталъ однимъ отъ царскаго синклита. На иное устремились его желанія и къ иному лежало его сердце. Еще

*) Составлено ученикомъ его Никитою Стифатомъ. Здѣсь предлагается въ сокращеніи.

во время ученія онъ спознался со старцемъ Симеономъ, котораго звали благоговѣйникомъ, часто бывалъ у него и во всемъ пользовался его совѣтами. Тѣмъ свободнѣе, и вмѣстѣ тѣмъ необходимѣе было дѣлать ему это теперь. Искреннимъ его желаніемъ было поскорѣе посвятить себя міроотречной жизни; но старецъ уговаривалъ его поймѣть терпѣніе, ожидая, пока созрѣетъ и глубже укоренится сіе благое намѣреніе его, потому что онъ былъ еще очень молодъ. Совѣтами же и руководствомъ не оставлялъ его, подготавливая его постепенно къ иночеству и среди мірской суетности.

Преподобный Симеонъ и самъ по себѣ не любилъ по-блжать себѣ, и при обычныхъ трудахъ самоумерщвленія, все свободное время посвящалъ чтенію и молитвѣ. Старецъ снабжалъ его книгами, сказывая, на что особенно должно въ нихъ обратить вниманіе. Однажды, вручая ему книгу писаній Марка подвижника, старецъ указалъ ему разныя въ нихъ изреченія, совѣтуя ихъ обдумать повнимательнѣе и по нимъ направлять свое поведеніе. Въ числѣ ихъ было и слѣдующее: если желаешь имѣть всегда душеспасительное руководство, внимай своей совѣсти и неотложно исполняй, что она будетъ внушать тебѣ. Это изреченіе препод. Симеонъ принялъ къ сердцу такъ, какъ бы оно исходило изъ устъ самого Бога, и положилъ строго внимать и слушаться совѣсти, вѣруя, что будучи гласомъ Божиимъ въ сердцѣ, она внушаетъ всегда одно душеспасительное. Съ этихъ поръ онъ весь преданъ молитвѣ и поученію въ Божественныхъ Писаніяхъ, бодрствуя до полуночи и питаясь только хлѣбомъ и водою, и ихъ принимая лишь столько, сколько нужно для поддержанія жизни. Такъ болѣе и болѣе углублялся онъ въ себя и въ область Божію. Въ это

время сподобился онъ того благодатнаго просвѣтлѣнія, которое самъ описываетъ онъ въ словѣ о вѣрѣ, говоря будто о другомъ нѣкоемъ юношѣ. Тутъ благодать Божія дала ему вкусить полнѣе сладость жизни по Богу и тѣмъ пресѣкла вкусъ ко всему земному.

Послѣ сего естественно было обнаружиться въ немъ сильному порыву къ оставленію міра. Но старецъ не судилъ благомъ удовлетворить тотчасъ сему порыву, и убѣдилъ его еще и еще потерпѣть.

Такъ прошло шесть лѣтъ. Случилось, что ему нужно было отлучиться на родину, и онъ пришелъ къ старцу принять благословеніе. Старецъ хотѣ и объявилъ ему, что теперь время бы вступить въ монашество, однакожь не удерживалъ его отъ побыванія на родинѣ. Преподобный Сумеонъ далъ слово, что какъ только возвратится, такъ оставить міръ. На дорогу въ руководство взялъ онъ себѣ *Лѣствицу* св. Іоанна Лѣстничника. Прибывъ на родину, онъ не увлекался дѣлами житейскими, а продолжалъ ту же строгую и уединенную жизнь, къ чему домашніе порядки давали большой просторъ. Тамъ вблизи была церковь, а подлѣ церкви келлія и недалеко отъ нея кладбище. Въ этой келліи онъ затворился—молился, читалъ и предавался богомыслию.

Въ одно время прочиталъ онъ въ святой *Лѣстницѣ*: нечувствіе есть омертвѣніе души и смерть ума прежде смерти тѣлесной,—и возревновалъ навсегда изгнать изъ души своей эту болѣзнь нечувствія. Съ этою цѣлю выходилъ по ночамъ на кладбище и тамъ усердно молился, размышляя вмѣстѣ о смерти и будущемъ судѣ, равно и о томъ, что стали теперь умершіе, на гробахъ которыхъ онъ молился. умершіе, бывшіе живыми подобно ему. Къ этому приложилъ онъ постъ болѣе строгій и

бдѣніе, болѣе длительное и бодренное. Такъ възгрѣвалъ онъ въ себѣ духъ жизни по Богу и горѣніе ея держало его постоянно въ состояніи сокрушеннаго умиленія, недопускавшаго нечувствія. Если случалось, что подходило охлажденіе, онъ спѣшилъ на кладбище, плакалъ и рыдалъ, бія себя въ грудь, и не вставалъ съ мѣста, пока не возвращалось обычное умиленное сокрушеніе. Плодомъ этого образа дѣйствія было то, что образъ смерти и смертности такъ глубоко напечатлѣлся въ его сознаніи, что какъ на себя, такъ и на другихъ онъ не иначе смотрѣлъ, какъ на мертвыхъ. Отъ этого никакая красота не плѣняла его, и обычныя движенія плотскія замирали при самомъ появленіи своемъ, будучи пожигаемы огнемъ сокрушенія. Плачь сдѣлался пищею для него.

Пришло наконецъ время возвратиться въ Константинополь. Отецъ просилъ было его остаться дома, пока проводить его на тотъ свѣтъ; но увидѣвъ, куда стремилось пламенное желаніе сына, съ любовію и охотнымъ благословеніемъ простился съ нимъ.

Время возвращенія въ Константинополь было для преподобнаго Сүмеона временемъ отреченія отъ міра и вступленія въ обитель. Старецъ принялъ его съ отеческими объятіями и представилъ игумену своей обители Студійской, Петру; но тотъ обратно отдалъ его на руки старцу же, сему великому Сүмеову благоговѣйнику. Принявъ юнаго инока, какъ залогъ Божій, старецъ ввелъ его въ одну небольшую келлію, похожую болѣе на гробъ, и тамъ начерталъ ему порядки тѣснаго и прискорбнаго иноческаго житія. Онъ говорилъ ему: смотри, сынъ мой, если хочешь спастися, ходи въ церковь неодустительно, и тамъ стой съ благоговѣйной молитвой,

не обращаясь туда и сюда и не заводя ни съ кѣмъ бесѣдъ; не ходи изъ келліи въ келлію; не будь дерзновенъ, храни умъ отъ блужданія, внимая себѣ и помышляя о грѣшности своей, о смерти и судѣ.—Въ строгости своей старецъ соблюдалъ однакожъ благоразумную мѣру, заботясь и о томъ, чтобъ его питомецъ не имѣлъ пристрастія даже къ строгимъ подвигамъ. Для чего иногда назначалъ ему послушанія тяжелыя и уничижительныя, а иногда легкія и честныя; иногда усиливалъ его постъ и бдѣніе, а иногда заставлялъ его принимать пищу досыта и спать вдоволь, всячески пріучая его къ отреченію отъ своей воли и своеобразныхъ собою распоряженій.

Преподобный Сумеонъ искренно любилъ своего старца, чтилъ его какъ мудраго отца, и ни въ чемъ ни на волю не отступалъ отъ его воли. Онъ такъ благоговѣлъ къ нему, что цѣловалъ то мѣсто, на которомъ старецъ совершалъ молитву, и такъ глубоко смирялся предъ нимъ, что не считалъ себя достойнымъ приступить и прикоснуться къ одеждѣ его.

Такого рода жизнь не обходится безъ особенныхъ искушеній, и врагъ скоро началъ строить ему ихъ. Онъ напустилъ на него отяжелѣніе и разслабленіе во всемъ тѣлѣ, за которыми слѣдовало разлѣненіе и омраченіе мыслей до того, что ему казалось, будто онъ ни стоять не можетъ, ни открыть устъ своихъ на молитву, ни слушать церковной службы, ни даже возвестъ умъ свой горѣ. Уразумѣвъ, что это состояніе не похоже ни на обычное отъ трудовъ утомленіе, ни на болѣзнь, преподобный вооружился противъ него терпѣніемъ, нудя себя ни въ чемъ себѣ не послаблять, а напротивъ напрягать себя на противное внушаемому, какъ на благопотребное

средство къ возстановленію своего обычнаго состоянія. Борьба при помощи Божіей и молитвахъ старца увѣнчалась побѣдою. Богъ утѣшилъ его такимъ видѣніемъ: какъ облако какое поднялось отъ ногъ его вверхъ и разсѣялось въ воздухѣ, и онъ почувствовалъ себя бодрымъ, живымъ и столько легкимъ, что будто не имѣлъ тѣла. Испытаніе отошло, и преподобный въ благодарность Избавителю положилъ съ этихъ поръ никогда не присаживаться во время богослуженія, хотя это разрѣшается уставомъ.

Потомъ врагъ поднималъ у него - плотскую брань, смущая помыслами, тревожа движеніями плоти, и во снѣ представлялъ ему срамныя воображенія. Благодатію Божіею и молитвами старца прогнана и эта брань.

Далѣе поднимались родные и даже родители, съ жалѣніемъ уговаривая его умирить строгости, или даже и совѣмъ оставить монашество. Но и это не только не умалило его обычныхъ подвиговъ, а напротивъ усилило ихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ, особенно въ отношеніи къ уединенію, устраненію отъ всѣхъ и молитвѣ.

Наконецъ врагъ вооружилъ противъ него братій обители, сподвижниковъ его, которымъ не нравилась его жизнь, хотя они и сами не любили распущенности. Съ самаго начала одни изъ братій отнеслись къ нему благосклонно и съ похвалою, а иные неодобрительно, съ укорами и подсмѣиваніями, больше за глаза, а иногда и въ глаза. Преподобный Сумеонъ не обращалъ вниманія ни на похвалы, ни на оужденія, ни на почитанія, ни на безчещеніе, и строго держался установленныхъ съ совѣта старца своихъ правилъ жизни внутренней и внѣшняго поведенія. И старецъ нерѣдко подновлялъ свои ему убѣжденія быть тверду и терпѣть все мужественно, особенно

же стараться такъ настраивать душу свою, чтобъ она паче всего была кротка, смиренна, проста и незлобива, потому что въ такихъ только душахъ обыкла обитать благодать Св. Духа. Слыша такое обѣтованіе, преподобный усугубилъ свою ревность о жизни по Богу.

Между тѣмъ неудовольствія братій все росли и росли, число недовольныхъ множилось, такъ что къ нимъ приставалъ иногда и игумень. Видя, что соблазнъ усиливался, старецъ перевелъ своего питомца къ славному тогда Антонію, игумену монастыря св. Маманта, ограничиваясь въ своемъ руководствѣ наблюденіемъ издали и нерѣдкими посѣщеніями. И здѣсь жизнь преподобнаго Свмеона текла обычнымъ уже для него порядкомъ. Преспѣваніе его въ подвижничествѣ, не только внѣшнемъ, но паче внутреннемъ, стало явнымъ и подавало надежду, что и впредь ревность къ тому не ослабѣетъ въ немъ. Почему старецъ рѣшился наконецъ сдѣлать его полнымъ монахомъ чрезъ постригъ и облеченіе въ схиму.

Это радостное событіе обновило и усилило подвижническія добродѣтели преподобнаго. Онъ весь предался уединенію, чтенію, молитвѣ и богомыслию; цѣлую недѣлю вкушала одни овощи и сѣмена, и только по воскресеньямъ ходилъ за братскую трапезу; спалъ мало, на полу, подстилая лишь овчину поверхъ рогожи; на воскресенье же и праздники совершалъ всенощныя бдѣнія, стоя на молитвѣ съ вечера до утра и во весь потомъ день не давая себѣ отдыха; никогда празднаго не произносилъ онъ слова, но хранилъ всегда крайнее вниманіе и трезвенное самоуглубленіе; сидѣлъ все запертымъ въ келліи, и если когда выходилъ наружу, посидѣть на скамьѣ, то казался будто облитымъ слезами и носилъ на лицѣ отсвѣтъ молитвеннаго пламени; читывалъ наиболѣе житія

святыхъ и начитавшись садился за рукодѣлье — каллиграфствовать, что нибудь переписывать для обители и старцевъ или для себя; съ первымъ ударомъ симандры, вставалъ и спѣшилъ въ церковь, гдѣ со всѣмъ молитвеннымъ вниманіемъ прослушивалъ богослужебное послѣдованіе; когда бывала литургія, онъ всякій разъ причащался Св. Христовыхъ Тайнъ, и весь тотъ день пребывалъ въ молитвѣ и богомыслии; бодрствовалъ обычно до полуночи, и соснувъ немного, шелъ на молитвословіе вмѣстѣ съ братіями въ церковь; во время четырехдесятницы пять дней проводилъ безъ пищи, въ субботу же и въ воскресенье ходилъ за братскую трапезу и ѣлъ, что подавалось для всѣхъ, спать не ложился, а такъ, склонившись головою на руки, засыпалъ на какой-нибудь часъ.

Два уже года прожилъ онъ такъ въ новой для него обители, возрастая въ добронравіи и подвижничествѣ и богатысь вѣдѣніемъ божественныхъ тайнъ спасенія чрезъ чтеніе слова Божія и отеческихъ писаній, чрезъ собственное богомысліе и бесѣду съ чтимыми старцами, особенно же съ своимъ Сумеономъ благоговѣйникомъ и игуменомъ Антоніемъ. Эти старцы разсудили наконецъ, что время уже преподобному Сумеону дѣлиться и съ другими стяжанными имъ сокровищами духовной мудрости, и возложили на него послушаніе—говорить въ церкви поученія въ назиданіе братій и всѣхъ христіанъ. Онъ и прежде, съ самаго начала подвижничества, вмѣстѣ съ извлеченіемъ изъ отеческихъ писаній всего что считалъ для себя душеполезнымъ, занимался и записываніемъ собственныхъ мыслей, какія множились у него въ часы богомыслія; но теперъ такое занятіе сдѣлалось для него обязанностію, съ тою особенностію, что назиданіе обращалось уже не къ себѣ одному, но и къ другимъ. Рѣчь

его обычно была простая. Ясно созерцая великія истины спасенія нашего, онъ и излагалъ ихъ понятно для всѣхъ, ни мало однакожь не умаляя простотою рѣчи ихъ высоты и глубины. Его слушали съ удовольствіемъ и самые старцы.

Спустя немного, всегдашній его руководитель Сумеонъ благоговѣйникъ возымѣлъ желаніе освятить его іерейскимъ рукоположеніемъ. Къ тому же времени скончался игуменъ обители, и братія общимъ голосомъ на мѣсто его избрали преподобнаго Сумеона. Такъ онъ за одинъ разъ принялъ и посвященіе іерейское и возведенъ въ игуменство отъ патріарха тогдашняго Николая Христоверга. Не безъ страха и слезъ принялъ онъ сіи, будто бы повышенія, на дѣлѣ же бремена неудобноносимыя. Онъ судилъ о священствѣ и игуменствѣ не по видимости ихъ, а по существу дѣла; почему и приготовлялся къ принятію ихъ со всѣмъ вниманіемъ, благоговѣніемъ и богопреданностію. За такое благонастроеніе онъ сподобился, какъ увѣрялъ послѣ, въ минуты рукоположенія, особенной милости Божіей, ощущенія нисходящей благодати въ сердце съ узрѣніемъ духовнаго нѣкоего безвиднаго свѣта, осѣнившаго и проникшаго его. Это состояніе возобновлялось у него потомъ всякій разъ, какъ онъ литургисалъ, во всѣ сорокъ восемь лѣтъ его священства, какъ догадываются изъ его собственныхъ словъ о другомъ будто нѣкоемъ іереѣ, съ которымъ такъ бывало.

Потому, когда спрашивали его, что такое есть іерей и священство, онъ со слезами отвѣчалъ, говоря: увы, братію мои! Что спрашиваете вы меня объ этомъ? Это такое дѣло, о которомъ и подумать страшно. Я недостойно ношу іерейство, но знаю хорошо, какимъ долженъ быть іерей. Онъ долженъ быть чистъ и тѣломъ, и

тѣмъ паче душею, не запятнанъ никакимъ грѣхомъ, смирененъ по внѣшнему праву и сокрушенъ сердцемъ по внутреннему настроенію. Когда литургисаетъ, долженъ умомъ сезерцать Бога, а очи вперять въ подлежащіе дары; долженъ сознательно сораствориться въ сердцѣ своемъ со Христомъ Господомъ, тамо сущимъ, чтобъ имѣть дерзновение сыновне бесѣдовать къ Богу Отцу и неосужденно воззвать: *Отче нашъ*. Вотъ что говорилъ св. отецъ нашъ вопрошавшимъ его о священствѣ, и умолялъ ихъ не искать сего таинства, высокаго и страшнаго для самыхъ ангеловъ, прежде чѣмъ придутъ въ ангелоподобное состояніе посредствомъ многихъ надъ собою трудовъ и подвиговъ. Лучше, говорилъ онъ, каждодневно съ усердіемъ упражняйтесь въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ, каждую минуту принося искреннее покаяніе Богу, если случится въ чемъ согрѣшить не только дѣломъ и словомъ, но и сокровеннымъ помышленіемъ души. И этимъ способомъ можно каждодневно приносить Богу и за себя и за ближнихъ жертву, духъ сокрушенъ, молитвы и моленія слезныя, сіе сокровенное священнодѣйствіе наше, о коемъ радуется Богъ, и пріемля его въ пренебесный жертвенникъ Свой, подаетъ намъ благодать Святаго Духа. Такъ училъ онъ другихъ, въ такомъ же духѣ литургисаль и самъ; и когда литургисаль, лицо его дѣлалось ангелоподобнымъ и такимъ проникалось свѣтомъ, что нельзя было свободно смотрѣть на него, по причинѣ исходявшей отъ него чрезмѣрной свѣтлости, какъ нельзя свободно смотрѣть на солнце. Объ этомъ имѣются неложныя свидѣтельства многихъ его учениковъ и неучениковъ.

Сдѣлавшись настоятелемъ обители, первымъ дѣломъ имѣлъ преподобный поновленіе ея, потому что она во

многихъ частяхъ обветшала. Церковь, построенная еще Маврикіемъ паремъ, была довольно исправна; но по обновленіи обители онъ и ее гдѣ очистилъ, гдѣ обновилъ, постлалъ мраморный полъ, украсилъ иконами, утварью и всѣмъ потребнымъ. Между тѣмъ улучшилъ и трапезу и правиломъ положилъ, чтобъ всѣ ходили на нее, не держа особаго стола; а чтобы это вѣрнѣе исполнялось, и самъ ходилъ всегда на общую трапезу, не измѣняя однакожъ обычнаго своего постническаго правила.

Стала умножаться братія, и онъ назидаль ихъ словомъ, примѣромъ и общимъ благоустроеннымъ чиномъ, ревнуя всѣхъ представить мужами желаній Богу Спасителю нашему. Самому ему Богъ приумножилъ даръ умиленія и слезъ, которыя были для него пищею и питіемъ; но онъ имѣлъ для нихъ три опредѣленныхъ времени,—послѣ утрени, во время литургіи и послѣ повечерія, въ которыя онъ молился усиленнѣе съ обильнѣйшимъ проливаніемъ слезъ. Умъ у него былъ свѣтлый, ясно зрящій истины Божіи. Онъ любилъ сіи истины всею полнотою сердца. Почему, когда вель бесѣду частно или въ церкви, слово его шло отъ сердца къ сердцу и было всегда дѣйственно и плодоносно. Онъ и писалъ Нерѣдко всю ночь просиживалъ онъ, составляя богословскія разсужденія, или толкованіе Божественныхъ Писаній, или бесѣды и поученія общеназидательныя, или молитвы стихами, или письма къ разнымъ ученикамъ изъ мірянъ и иноковъ. Сонъ не беспокоилъ его, равно какъ алчба и жажда и другія потребности тѣлесныя. Все это долгимъ подвигомъ приведено въ самую скромную мѣру и установилось навывкомъ, будто законъ естества. Несмотря однакоже на такіа лишенія, по виду онъ

всегда казался свѣжимъ, полнымъ и живымъ, какъ и тѣ, кои вдоволь питаются и спятъ. Слава о немъ и обители его проходила всюду и собирала къ нему всѣхъ ревнителей настоящаго міроотречнаго житія. Онъ всѣхъ принималъ, назидалъ и возводилъ къ совершенству своимъ руководствомъ. Многіе изъ нихъ со всѣмъ усердіемъ брались за дѣло и успѣшно текли вслѣдъ учителя своего. Но и всѣ представляли будто сонмъ безплотныхъ ангеловъ, выну хвалящихъ Бога и служащихъ Ему.

Устроивъ такъ обитель свою, преподобный Сumeонъ возымѣлъ намѣреніе убезмолвиться, поставивъ для братіи особаго игумена. Избралъ онъ вмѣсто себя нѣкоего Арсенія, многократно имъ испытаннаго и утвержденнаго въ добрыхъ правилахъ, въ добромъ настроеніи сердечномъ и умѣннѣ вести дѣла. Передавая ему бремя настоятельства, онъ въ общемъ собраніи братій далъ достодолжное наставленіе ему, какъ править, а братіямъ, какъ состоять подъ его управленіемъ, и испросивъ у всѣхъ прощеніе, удалился въ избранную имъ безмолвническую келлію на неотлучное пребываніе съ единымъ Богомъ въ молитвѣ, богомысли, чтеніи Писаній, въ трезвеніи и разсужденіи помысловъ. Къ подвигамъ ему нечего было прибавлять. Они и всегда были въ напряженіи до возможной степени; но конечно руководившая его во всемъ благодать вѣдала, что въ какомъ чинѣ содержать ему благопотребнѣе въ семъ новомъ образѣ жизни, и внушала ему то. Даръ учительства, прежде находившій удовлетвореніе въ частныхъ и церковныхъ поученіяхъ, теперь обратилъ все его вниманіе и трудъ на писаніе. Писалъ онъ въ это время болѣе аскетическіе уроки въ видѣ краткихъ изреченій, образецъ кото-

рыхъ имѣемъ въ сохранившихся до насъ его дѣятельныхъ и умозрительныхъ главахъ.

До конца однакожъ наслаждаться ненарушимымъ покоемъ не суждено было преподобному. Послано было ему искушеніе, и искушеніе сильное и тревожное, чтобы перегорѣлъ онъ и очистился окончательно въ огнѣ его. Старецъ его, Сѹмеонъ благоговѣйникъ, духовный его отецъ и руководитель отошелъ ко Господу въ глубокой старости, послѣ сорокапятилѣтняго строгаго подвижничества. Преподобный Сѹмеонъ, зная его труды подвижническіе, чистоту сердца, къ Богу приближеніе и присвоеніе и осѣнявшую его благодать Св. Духа, составилъ въ честь его похвальныя слова, пѣсни и каноны, и свѣтло праздновалъ ежегодно память его, написавъ и икону его. Можетъ быть, его примѣру подражали другіе въ обители и внѣ обители, потому что онъ имѣлъ много учениковъ и читателей среди иноковъ и мірянъ. Услышавъ объ этомъ патріархъ тогдашній Сергій и призвавъ къ себѣ преподобнаго Сѹмеона, разспросилъ о праздникѣ и празднуемомъ. Но увидѣвъ, какой высокой жизни былъ Сѹмеонъ благоговѣйникъ, не только не противился чествованію памяти его, но и самъ сталъ принимать въ немъ участіе, посылая лампы и свѣчѣи. Такъ прошло шестнадцать лѣтъ. На память празднуемаго прославляли Бога и назидались его примѣрною жизнію и добродѣтелями. Но наконецъ врагъ поднялъ изъ-за этого бурю искушенія.

Нѣкто Стефанъ, митрополитъ Никомидійскій, очень образованный научно и сильный въ словѣ, оставя епархію жилъ въ Константинополѣ и былъ вхожъ къ патріарху и ко двору. Этотъ человѣкъ міра сего, слыша, какъ всюду хвалили мудрость и святость преподобнаго

Сүмеона и особенно его дивныя писанія, составленныя въ наученіе ищущихъ спасенія, подвижся завистію противъ него. Перелиставши его писанія, онъ нашель ихъ ненаучными и не риторичными; почему отзывался о нихъ съ презрѣніемъ и отклонялъ отъ чтенія ихъ тѣхъ, кои любили читать ихъ. Отъ оужденія писаній онъ желалъ перейти къ оужденію и самого преподобнаго, но ничего не находилъ въ жизни его укорнаго, пока не оставился своимъ зломысліемъ на обычай его праздновать память Сүмеона благоговѣйника. Этотъ обычай показался ему противнымъ порядкамъ Церкви и соблазнительнымъ. Съ нимъ соглашались въ этомъ нѣкоторые изъ приходскихъ іереевъ и мірянъ, и начали всѣ они жужжать въ уши патріарха и бывшихъ при немъ архіереевъ, возводя на праведнаго беззаконіе. Но патріархъ съ архіереями, зная дѣло преподобнаго и зная, откуда и изъ-за чего идетъ это движеніе, не обращалъ на него вниманія. Начавшій однакожъ злое дѣло не успокоивался и продолжалъ распространять въ городѣ неудобовѣствіе по сему дѣлу на преподобнаго, не забывая напоминать о немъ и патріарху, чтобъ и его склонить на то же.

Такъ около двухъ лѣтъ шла война между правдою преподобнаго и ложью Стефана. Послѣдній все искалъ, не было ли чего въ жизни чтимаго старца, чѣмъ можно бы было навестъ сомнѣніе на его святость, и нашель, что Сүмеонъ благоговѣйникъ иногда въ чувствахъ смиренія говаривалъ: вѣдь и со мною бываютъ искушенія и паденія. Эти слова онъ принялъ въ самомъ грубомъ смыслѣ и явился къ патріарху съ ними, какъ со знаменемъ побѣды, говоря: вотъ каковъ былъ тотъ, а этотъ чтить его, какъ святаго, и даже икону его написалъ и

поклоняется ей. Позвали преподобнаго и потребовали у него объясненія по поводу взводимаго на его старца навѣта. Онъ отвѣчалъ: что касается до празднованія въ память отца моего, породившаго меня къ жизни по Богу, твое святѣйшество, владыко мой, знаетъ это лучше меня; что же касается до навѣта, то пусть премудрый Стефанъ докажетъ его чѣмъ либо посильнѣе того, что онъ говоритъ, и когда докажетъ, тогда я выступлю въ защиту чтимаго мною старца. Самъ я не могу не чтить моего старца, слѣдуя заповѣди апостоловъ и св. отцевъ; но другихъ никого не склоняю на то. Это дѣло моей совѣсти, а другіе, какъ имъ угодно, такъ пусть и дѣйствуютъ. Этимъ объясненіемъ удовольствовались, но дали заповѣдь преподобному праздновать впередъ память старца своего какъ можно смиреннѣе, безъ всякой торжественности.

Такъ бы дѣло и кончилось, еслибы не этотъ Стефанъ. Ему покоя не давала безуспѣшность его нападковъ; и онъ все что-нибудь придумывалъ и привлекалъ преподобнаго къ отвѣту и объясненіямъ, еще въ продолженіе шести лѣтъ. Между прочимъ онъ досталъ какимъ-то образомъ изъ келліи преподобнаго икону, гдѣ Сумеонъ благоговѣйникъ написанъ былъ въ сонмѣ другихъ святыхъ, осѣняемыхъ благословляющимъ ихъ Христомъ Господомъ, и добился отъ патріарха и его сѣнода того, что они въ видахъ мира согласились вычистить надпись надъ его ликомъ: святой. По этому поводу Стефанъ поднялъ по городу цѣлое гоненіе на икону Сумеона благоговѣйника, и подобные ему ревнители поступали съ нимъ точь-въ-точь такъ, какъ бывало во времена иконоборцевъ.

Движеніе это принимало все болѣе и болѣе безпокой-

ный характеръ, и докучаніямъ по поводу его патріарху съ архіереями при немъ конца не было. Изыскивая способы водворить миръ, они пришли къ мысли, что къ успокоенію умовъ и удовлетворенію Стефана можетъ быть достаточно будетъ удаленія изъ Константинополя преп. Сѹмеона. Не видя, какъ онъ чествуетъ своего старца, и другіе станутъ забывать о томъ, а тамъ и совсѣмъ забудутъ. Рѣшивъ это, они велѣли преподобному найти себѣ другое мѣсто для безмолвія, внѣ Константинополя. Онъ съ радостію на это согласился, любя безмолвіе, которое такъ часто и съ такими тревогами нарушалось въ городѣ.

Гдѣ-то около Константинополя преподобный облюбилъ одну мѣстность, гдѣ была ветхая церковка св. Марины, и поселился тамъ. Владѣлецъ того мѣста, нѣкто изъ властныхъ архонтовъ, Христофоръ Фагура, ученикъ и читатель Сѹмеона, очень былъ обрадованъ, услышавъ о такомъ выборѣ. Потому самъ посѣщилъ туда и совершенно успокоилъ отца своего духовнаго и помѣщеніемъ, и доставленіемъ ему всего потребнаго. Мало того, по совѣту преподобнаго, онъ посвятилъ Богу всю ту мѣстность и вручилъ ее ему для устроенія обители.

Между тѣмъ въ Константинополѣ читатели преподобнаго, узнавъ объ удаленіи его, недоумѣли, почему это случилось. Преподобный написалъ имъ, какъ все было, прося ихъ не беспокоиться о немъ, увѣряя, что все идетъ къ лучшему и что ему на новомъ мѣстѣ гораздо покойнѣе. Читатели его однакожъ, между которыми было не мало и знатныхъ лицъ, не хотѣли оставить его безъ заступничества. Почему являсь къ патріарху, искали объясненія, не было ли чего въ семъ дѣлѣ враждебнаго и неправеднаго въ отношеніи къ отцу ихъ духовному.

Въ успокоеніе ихъ патріархъ удостовѣрилъ ихъ, что уважаетъ преподобнаго и чтить старца его, и что самъ одобрилъ празднованіе въ память его, съ однимъ только ограниченіемъ, чтобъ это дѣлалось не такъ торжественно. Что касается до удаленія его, то оно было признано благопотребнымъ, какъ средство для пресѣченія поднятаго въ городѣ движенія по случаю означеннаго празднованія. Чтобъ не осталось у знати никакого насчетъ этого сомнѣнія, онъ пригласилъ ихъ къ себѣ въ другой разъ вмѣстѣ съ преподобнымъ Сумеономъ, и въ присутствіи его повторилъ то же самое. Преподобный подтвердилъ слова патріарха, увѣряя, что ничего не имѣетъ ни противъ кого, тѣмъ паче противъ святѣйшаго владыки своего, вниманіемъ коего всегда пользовался, и тутъ же испросилъ благословеніе на устроеніе замышленной уже имъ обители. Эти объясненія успокоили всѣхъ обезпокоенныхъ удаленіемъ преподобнаго. Преподобный писалъ послѣ мирное посланіе и къ Стефану митрополиту, — и общій миръ былъ возстановленъ.

Отъ патріарха преподобный съ друзьями своими былъ приглашенъ сказаннымъ Христофоромъ Фагура, гдѣ они неѣ сдѣлали между собою сборъ потребной на построеніе обители суммы. За тѣмъ спѣшно началось самое построеніе и хотя не безъ препятствій, скоро приведено къ концу. Собравъ новое братство и установивъ въ немъ иноческіе порядки, преп. Сумеонъ опять устранился отъ всего и сѣлъ на безмолвіе съ обычными ему подвигами и трудами, посвящая все время, кромѣ случайныхъ бесѣдъ съ нуждавшимися въ совѣтѣ, писанію назидательныхъ словъ, подвижническихъ наставленій и молитвенныхъ гимновъ.

Съ этого времени жизнь его текла спокойно до са-

мага конца. Созрѣлъ онъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова и явился богато украшеннымъ дарами благодатными. Исходили отъ него касавшіяся нѣкоторыхъ лицъ предсказанія, которыя оправдались дѣломъ; было, по молитвамъ его, не мало исцѣленій, которыя совершалъ онъ, повелѣвая помазывать болящихъ елеемъ изъ лампады, теплившейся предъ иконою св. Марины.

Прошло тринадцать лѣтъ пребыванія преподобнаго въ новой обители его и приблизился конецъ житія его на землѣ. Почувствовавъ близость исхода своего, онъ позвалъ къ себѣ учениковъ своихъ, далъ имъ должныя наставленія, и причастившись св. Христовыхъ Таинъ, велѣлъ пѣть отходную, въ продолженіе коей молясь отошелъ, сказавъ: въ руцѣ Твои, Господи, предаю духъ мой!

Тридцать лѣтъ спустя явились св. мощи его (въ 1050 г., 5 Иудик.), исполненныя благоуханій небесныхъ и прославившіяся чудотвореніями. Память преподобнаго Сумеона новаго Богослова полагается 12 марта, день кончины его.

Богомудрыя писанія его сохранилъ и предалъ во всеобщее употребленіе ученикъ его Никита Стифатъ, которому поручилъ это самъ преподобный, и который еще при жизни его переписывалъ ихъ набѣло, по мѣрѣ составленія, и собиралъ воедино.

СЛОВА

ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО СУМЕОНА

НОВАГО БОГОСЛОВА.

Въ переводѣ съ новогреческаго, на который были они переведены высокопреподобнымъ Діонисіемъ Зогрѣемъ, подвизавшимся на пустынномъ островѣ Пипери, лежащемъ противъ Аеонской горы, и напечатаны въ Венеціи въ 1790 г.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

- 1) Въ чемъ состояло преступленіе Адамово?
- 2) Какъ по причинѣ преступленія его всѣ люди сдѣлались тлѣнными и смертными?
- 3) Какъ милостивый и человеколюбивый Богъ чрезъ домостроительство воплощенія избавилъ родъ человѣческій отъ тлѣнія и смерти?
- 4) И въ чемъ состоитъ таинство креста и тридневнаго погребенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа?

1. Первозданный Адамъ, будучи въ раю, впалъ, по внушенію змія, въ гордость и возмечтавъ быть богомъ, какъ сказалъ ему діаволь, вкусилъ отъ древа, отъ котораго Богъ повелѣлъ ему не ясти. За это преданъ онъ великимъ карамъ,—тлѣнію и смерти, для смиренія гордыни его. Но когда Богъ осуждаетъ на что, то даетъ и приговоръ, и приговоръ Его становится дѣломъ, и карою вѣчною, и уже никакой нѣтъ возможности уничтожить эту кару, бывающую по Божескому опредѣленію. Подумай же теперь: Адамъ согрѣшилъ великимъ грѣ-

хомъ, потому что словамъ Бога не повѣрилъ, а словамъ змія повѣрилъ. Сравни Бога и змія, и увидишь, какъ великъ былъ грѣхъ премудраго Адама. По великой мудрости своей онъ далъ имена всѣмъ животнымъ; но когда отъ всей души повѣрилъ онъ змію, а не Богу, то Божественная благодать, почивавшая въ немъ, отступила отъ него, такъ какъ онъ сталъ врагомъ Богу, по причинѣ невѣрія, какое показалъ къ словамъ Его. Адамъ подумалъ, что Богъ позавидовалъ ему и не хотѣлъ, чтобъ и онъ зналъ доброе и лукавое; и для того заповѣдалъ ему не вкушать отъ древа познанія добра и зла, чтобъ и онъ не сталъ богомъ, подобнымъ Богу, создавшему его. И вкусилъ, и тотчасъ позналъ наготу свою, и вмѣсто того, чтобы содѣлаться богомъ, сталъ тлѣннымъ, и какъ тлѣнный—смертнымъ.

2. И вотъ, какъ видишь, приговоръ Божій пребываетъ навсегда карою вѣчною. И стали мы люди всѣ и тлѣны и смертны; и нѣтъ ничего, что могло бы устранить сей великій и страшный приговоръ. Когда же нѣтъ возможности устранить этотъ приговоръ, то какая послѣ этого польза отъ мудрости или отъ богатства, или отъ власти, или и отъ всего міра? Сего ради Всевышній Сынъ Божій, Господь Иисусъ Христосъ пришелъ, чтобъ смириться вмѣсто Адама,—и дѣйствительно смирилъ Себя даже до смерти крестныя. Слово же крестное, какъ говоритъ Писаніе, таково: *проклятъ всякъ висій на деревѣ* (Гал. 3, 13).—Адамъ, никакой не имѣя нужды, взялъ отъ плода онаго древа (отъ котораго Богъ заповѣдалъ ему не вкушать, угрожая, что какъ только вкуситъ, умретъ), вкусилъ, и умеръ. Надобно знать, что какъ человѣкъ имѣетъ тѣло и душу, то смертей у него двѣ: одна смерть души, другая—смерть тѣла; равно какъ и два безсмертія—душевное и тѣлесное, хотя то и другое въ одномъ человѣкѣ, ибо душа и тѣло одинъ

человѣкъ. Такъ душею Адамъ умеръ тотчасъ, какъ только вкусилъ, а послѣ, спустя девятьсотъ тридцать лѣтъ, умеръ и тѣломъ. Ибо какъ смерть тѣла есть отдѣленіе отъ него души, такъ смерть души есть отдаленіе отъ ней Святаго Духа, Которымъ оснѣняемъ быть человѣку благоволилъ создавшій его Богъ, чтобъ онъ жилъ подобно Ангеламъ Божиимъ, кои, будучи всегда просвѣщаемы Духомъ Святымъ, пребываютъ неподвижными на зло. По этой потомъ причинѣ и весь родъ человѣческій содѣлался такимъ, какимъ сталъ чрезъ паденіе праотецъ Адамъ,—смертнымъ, т.—е. по душѣ и по тѣлу. Человѣка, какимъ создалъ его Богъ, не стало болѣе въ мірѣ; и возможности не было, чтобъ сталъ кто-либо такимъ, какимъ былъ Адамъ до преступленія заповѣди. А необходимо было, чтобы такой человѣкъ былъ.

3. Итакъ Богъ, желая имѣть такого человѣка, какимъ въ началѣ создалъ Адама, послалъ въ послѣднія времена на землю Сына Своего Единороднаго. и Онъ, пришедши, воплотился, воспринявъ совершенное человечество, чтобы быть совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ, и Божество имѣло такимъ образомъ человѣка достойнаго Его. И се человѣкъ! другаго такого не было, нѣтъ и не будетъ. Но для чего содѣлался таковымъ Христосъ? Для того, чтобы соблюсти законъ Божій и заповѣди Его, и чтобы вступить въ борьбу и побѣдить діавола. То и другое совершилось въ Немъ само собою. Ибо если Христосъ есть тотъ самый Богъ, Который далъ заповѣди и законъ, то какъ можно было не соблюсти Ему того закона и тѣхъ заповѣдей, которыя Самъ далъ? И если Онъ Богъ, какъ и есть воистину, то какъ возможно было Ему быть обольщену или обмануто какою-либо хитростію діавола? Діаволь, правда, какъ слѣпой и безсмысленный, возсталъ противъ Него бранію, но это попущено было для того, чтобы совер-

шилось нѣкое великое и страшное таинство, именно, чтобы пострадалъ Христосъ безгрѣшный и чрезъ то получилъ прощеніе Адамъ согрѣшившій. Для этого и вмѣсто древа познанія былъ крестъ, вмѣсто ступанія ногъ, которыми прародители шли къ запрещенному дереву, и вмѣсто простертія рукъ ихъ, которыя простирали они, чтобы взять плодъ древа, были пригвождены ко кресту непорочныя ноги и руки Христовы, вмѣсто вкушенія плода было вкушеніе желчи и оцта, и вмѣсто смерти Адама смерть Христова. Потомъ что было? Лежалъ Христосъ во гробѣ три дня, ради таинства Пресвятыя Троицы, чтобы показать, что хотя воплотился и пострадалъ одинъ Онъ — Сынъ, однако домостроительство это есть дѣло Пресвятыя Троицы. Въ чемъ же это домостроительство? Одно лице Св Троицы, именно, Сынъ и Слово Божіе, воплотившись, принесъ Себя плотію въ жертву Божеству Отца, и Самого Сына, и Духа Святаго, чтобы благоволительно прощено было первое преступленіе Адама ради сего великаго и страшнаго дѣла, т.-е., ради сей Христовой жертвы, и чтобы силою его совершалось другое новое рожденіе и возсозданіе человѣка во святомъ крещеніи, въ коемъ и очищаемся мы водою, срастворенною съ Духомъ Святымъ. Съ того времени люди крещаются въ водѣ, погружаются въ нее и вынимаются изъ нея три раза, во образъ тридневнаго погребенія Господня, и послѣ того, какъ умрутъ въ ней всему этому злему міру, въ третьемъ вынутіи изъ нея являются уже живыми, какъ бы воскресшими изъ мертвыхъ, т.-е., души ихъ оживотворяются и опять пріемлютъ благодать Св. Духа, какъ имѣлъ ее и Адамъ до преступленія. Потомъ (крещенные) помазуются св. мѣромъ, и посредствомъ его помазуются Иисусомъ Христомъ, и благоухаютъ преестественно. Сдѣлавшись такимъ образомъ достойными того, чтобы быть общниками Бога, они вкушаютъ плоть

Его и піють кровь Его, и посредствомъ освященныхъ хлѣба и вина, содѣлываются сотѣлесными и сокровными воплощеніемъ и принесшему себя въ жертву Богу. Послѣ сего уже невозможно, чтобы надъ ними господствовалъ и тиранствовалъ грѣхъ, яко надъ богами по благодати. Такъ какъ Адамъ подпалъ клятвѣ, а чрезъ него и всѣ люди, отъ него происходящіе, приговоръ же объ этомъ Божій никакъ не могъ быть уничтоженъ; то Христосъ бысть по насъ клятва, чрезъ то, что повѣшенъ былъ на древѣ крестномъ, чтобы принести Себя въ жертву Отцу Своему, какъ сказано, и уничтожить приговоръ Божій преизбыточествующимъ достоинствомъ жертвы. Ибо что больше и выше Бога? Какъ во всемъ этомъ видимомъ твореніи нѣтъ ничего выше человѣка, ибо все видимое и сотворено для человѣка; такъ Богъ несравненно выше всего сотвореннаго, и ничто не можетъ идти съ Нимъ въ сравненіе, ни вся видимая и невидимая тварь. Такимъ образомъ Богъ, Который есть несравненно выше всего видимаго и невидимаго творенія, воспріялъ естество человѣческое, которое есть выше всего видимаго творенія, и принесъ его въ жертву Богу и Отцу Своему. Устыдившись такой жертвы, скажу такъ, и почтивъ ее, Отецъ не могъ оставить ее въ рукахъ смерти; почему уничтожилъ приговоръ Свой и воскресилъ изъ мертвыхъ во первыхъ и въ началѣ Того, Кто далъ Себя въ жертву, въ искупленіе и въ замѣнъ за сородныхъ ему человѣковъ,—а послѣ, въ послѣдній день скончанія сего міра, воскреситъ и всѣхъ людей. Впрочемъ души тѣхъ, которые вѣрують въ Іисуса Христа, Сына Божія, въ сію великую и страшную жертву, Богъ воскрешаетъ въ настоящей жизни, и знаменіемъ сего воскресенія служитъ благодать Св. Духа, которую даетъ Онъ душѣ всякаго христіанина, какъ бы другую душу. Такая душа христіанина потому называет-

ся и вѣрною, что ей ввѣренъ Святый Духъ Божій, и она пріяла Его,—Духъ Божій, Который есть жизнь вѣчная, такъ какъ Св. Духъ есть Богъ вѣчный, исходящій изъ вѣчнаго Бога и Отца.

4. Поелику такимъ образомъ крестъ содѣлался какъ бы жертвенникомъ сей страшной жертвы, ибо на крестѣ умеръ Сынъ Божій за паденіе людей, то справедливо крестъ и читается и покланяемъ бываетъ, и изображается, какъ знаменіе общаго всѣхъ людей спасенія, чтобы покланяющіеся древу креста освобождались отъ клятвы Адамовой и получали благословеніе и благодать Божию на дѣланіе всякой добродѣтели. Для христіанъ крестъ—величаніе, слава и сила: ибо вся наша сила въ силѣ распеньшагося Христа; вся грѣшность наша умерщвляется смертію Христа на крестѣ, и все возвеличеніе наше и вся слава наша въ смиреніи Бога, Который до того смирилъ Себя, что благоволилъ умереть даже между злодѣями и разбойниками. По сей-то причинѣ христіане, вѣрующіе во Христа, знаменуютъ себя знаменіемъ креста не просто, не какъ попало, не съ небреженіемъ, но со всѣмъ вниманіемъ, со страхомъ и съ трепетомъ и съ крайнимъ благоговѣніемъ. Ибо образъ креста показываетъ примиреніе и содружество, въ какое вступилъ человѣкъ съ Богомъ. Посему и демоны боятся образа креста, и не терпятъ видѣть знаменіе креста изображаемымъ даже и на воздухѣ, но бѣгутъ отъ этого тотчасъ, зная, что крестъ есть знаменіе содружества человѣковъ съ Богомъ, и что они, какъ отступники и враги Богу, удаленные отъ божественнаго лица Его, не имѣютъ болѣе свободы приближаться къ тѣмъ, кои примирились съ Богомъ и соединились съ Нимъ, и не могутъ болѣе искушать ихъ. Если и кажется, что они искушаютъ нѣкоторыхъ христіанъ, да вѣдаетъ всякій, что это борются они тѣхъ, которые не познали, какъ слѣ-

дуетъ, высокаго таинства креста. Тѣ же, которые уразумѣли сіе таинство и на самомъ дѣлѣ опытно познали власть и силу, какую имѣетъ крестъ на демоновъ, познали также, что крестъ даетъ душѣ крѣпость, силу, смыслъ и божественную мудрость,—эти съ великою радостію восклицаютъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего, имже мнѣ міръ распяся и азъ міру* (Гал. 6, 14). Итакъ, поелику знаменіе креста велико и страшно, то всякій христіанинъ имѣетъ долгъ совершать его со страхомъ и съ трепетомъ, съ благоговѣніемъ и вниманіемъ, а не просто и какъ попалло, по привычкѣ только и съ небреженіемъ: ибо по мѣрѣ благоговѣнія, какое кто имѣетъ ко кресту, получаетъ онъ соотвѣтственную силу и помощь отъ Бога,—Кому слава и держава, во вѣки. Аминь.

СЛОВО ВТОРОЕ.

1) О томъ, что естество человѣческое чрезъ воплощеніе Сына и Бога-Слова приходитъ опять въ благобытіе, т.-е., въ то доброе и божественное состояніе, въ какомъ было оно до преступленія Адамова.

2) Также о законѣ естественномъ, писанномъ и духовномъ.

3) Еще о томъ, какимъ способомъ можетъ кто прийти въ благобытіе.

4) И какія дѣла дѣлая, можемъ мы войти въ царствіе небесное.

1. Поелику естество человѣческое потеряло свое благобытіе, чрезъ преступленіе Адамово, то необходимо узнать намъ, что такое былъ Адамъ прежде потери благобытія, и въ чемъ состояло это благобытіе, или то доброе и божественное состояніе, какое имѣлъ человѣкъ прежде преступленія. Св. отцы говорятъ намъ, что Богъ содѣлался человѣкомъ для того, чтобы чрезъ вочеловѣченіе Свое опять возвестъ естество человѣческое въ благобытіе. Почему надобно намъ узнать, какимъ это образомъ, чрезъ воплощенное домостроительство Христово, человѣкъ опять приходитъ въ благобытіе.

Богъ въ началѣ, когда создалъ человѣка, создалъ его святымъ, безстрастнымъ и безгрѣшнымъ, по образу и подобію Своему; и человѣкъ точно былъ тогда подобенъ Богу, создавшему его. Ибо святой, безгрѣшный и безстрастный Богъ и творенія творить святыхъ, безстрастныхъ и безгрѣшныхъ. Но поелику непремѣняемость и неизмѣняемость есть свойство одного безначальнаго и несозданнаго Божества, то созданный человѣкъ естественно былъ премѣняемъ и измѣняемъ, хотя имѣлъ способъ и возможность, при помощи Божіей, не подвергнуться премѣненію и измѣненію.

Такъ святъ былъ человѣкъ и, какъ святой, не имѣлъ нужды ни въ какомъ законѣ: ибо для праведника законъ не нуженъ. Какая нужда въ законѣ для святаго, безстрастнаго и чистаго? Законъ повелѣваетъ дѣлать добро и не дѣлать зла. Но Писаніе говоритъ, что *видѣ Богъ вся, елика сотвори, и се добра зѣло* (Быт. 1, 31). Итакъ поелику все было добро зѣло, то какая была нужда человѣку въ наученіи, что хорошо, и что не хорошо? Поелику не было ничего, что не было бы крайне хорошо, то и не имѣлъ нужды въ законѣ божественный онъ человѣкъ.

2. Впрочемъ поелику въ его власти было вкушать отъ всякаго древа райскаго, еще же и отъ самаго древа жизни, то ему дана была заповѣдь не вкушать отъ одного только древа, чтобы знать, что онъ премѣняемъ и измѣняемъ, и остерегался, и пребылъ навсегда въ томъ добромъ и божественномъ состояніи. Богъ тѣми словами, какія сказалъ ему, давая заповѣдь, что если вкусить, умреть, давалъ ему разумѣть, что онъ премѣняемъ и измѣняемъ.

Такъ—тогда, въ раю, не нуженъ былъ законъ, ни писанный, ни духовный. Но послѣ того, какъ человѣкъ вкусилъ отъ того запрещеннаго древа и умеръ горькою

смертію, т.-е., отпаль отъ Бога и подвергся растлѣнію,—тогда, чтобы совсѣмъ не отпаль онъ отъ всякаго добра (такъ какъ зло сильно распространилось въ родѣ человѣческомъ и тиранило его насильственно, по причинѣ бѣдственнаго разслабленія, какому подвергся онъ вслѣдствіе растлѣнія), давъ былъ ему законъ, чтобы показываль, что хорошо, и что худо. Ибо человѣкъ сталъ слѣпъ, выпелъ изъ ума и обезмыслѣлъ; почему и имѣлъ нужду въ наученіи, какъ написано въ Псалмахъ: *открыи очи мои и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего* (Пс. 118, 18). *Вразуми мя и научуся заповѣдемъ Твоимъ* (—73). Видишь, въ какое жалкое состояніе пришелъ человѣкъ, и какъ потому имѣлъ нужду въ писанномъ законѣ? Ибо послѣ того, какъ палъ онъ, не могъ уже вѣдать даже и этого міра, еслибъ прежде не былъ выше отъ Бога просвѣщенъ вѣдѣніемъ относительно его.

Послѣ же, когда пришелъ Христосъ и такъ тѣсно соединилъ въ Себѣ божество съ человѣчествомъ, что два сіи, крайне разстояющіяся, т.-е. божество и человѣчество, стали единымъ лицомъ, хотя пребывали неслиянными и несмѣшанными, — съ того времени человѣкъ сдѣлался уже какъ бы свѣтомъ, чрезъ соединеніе съ онымъ, первымъ и невечернимъ свѣтомъ Божиимъ, и не имѣетъ болѣе нужды ни въ какомъ писанномъ законѣ, потому что божественная благодать Иисуса Христа, пребывающая съ нимъ и въ немъ, плодоприноситъ ему благобытіе, т. е. любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣру, кротость и воздержаніе. Почему Апостоль Павелъ, перечисливъ такіе плоды Св. Духа, и говоритъ въ концѣ: *на таковыхъ нѣтъ закона* (Гал. 5, 22. 23): ибо для праведника не требуется законъ. Кто же не имѣетъ еще таковыхъ плодовъ Св. Духа, тотъ и не Христовъ, какъ говорятъ Апостоль: *аще кто Духа Христова не имать, сей нѣтъ Егова* (Рим. 8, 9). Такому

надлежитъ подвизаться и постараться о томъ, чтобы содѣлаться Христовымъ, да не тщетно вѣруеть во Христа, — въ какомъ случаѣ Христосъ не пользуется ему ничтоже. Все стараніе и весь подвигъ его долженъ быть обращенъ на то, чтобы стяжать Духъ Христовъ, и такимъ образомъ приносить плоды Духа Святаго: ибо въ этомъ и состоитъ духовный законъ и благобытіе.

3. Если же человѣческое естество приходитъ опять въ благобытіе, какъ было первоначально, чрезъ воплощеніе Христово, и нѣтъ никакого другаго способа и никакой другой силы, или мудрости, или труда и подвига, чтобъ человѣческое естество опять пришло въ благобытіе и стало какъ было первоначально сотворено, но находится единственно въ рукѣ Бога, давшаго ему бытіе, и то, чтобъ даровать ему благобытіе, и другимъ способомъ этому быть никакъ нельзя; то какая нужда тщетно трудиться, подвизаясь ради сего одними своими подвигами, чтеніями, злостраданіями, томленіемъ себя алчбою, жаждою и бдѣніями? И если такія и толикія злостраданія бываютъ тщетны и бесполезны для того, кто не вѣдаетъ великаго онаго таинства (спасенія), то на каждомъ христіанинѣ лежитъ долгъ научиться ему и познать его, чтобъ не потрудиться понапрасну въ тѣхъ злостраданіяхъ и не попустить погибнуть (и при нихъ) душѣ своей, что бѣдственнѣ всякаго другаго бѣдствія. Ибо всѣ такія и толикія злостраданія должны быть подъемлемы не для того, чтобъ придти въ благобытіе, но для того, чтобъ сохранить благобытіе, какое приняли мы прежде чрезъ святое крещеніе, такъ какъ сокровище сіе трудно-хранительно, и намъ надлежитъ добръ внимать, да сохранимъ оное, какъ сказали св. отцы. И въ будущей жизни христіанинъ не будетъ испытуетъ, отрекся ли онъ міра, постился ли, совершалъ ли бдѣнія, молился ли, плакалъ

ли и другія какія совершалъ ли въ настоящей жизни дѣла добрыя, но будетъ тщательно испытуемъ, имѣеть ли онъ какое-либо подобіе Христу, какъ сынъ отцу, какъ говоритъ и Павелъ: *чадца мои, имижь паки болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ* (Гал. 4, 19). Ибо которые во Христа крестятся, во Христа облакаются (Гал. 3, 27).

4. Тѣ, которые хранятъ врата царствія небеснаго, если не увидятъ въ христіанинѣ подобія Христу, какъ сына отцу, никакъ не отворятъ ему ихъ и не дадутъ войти. Ибо какъ подобные ветхому Адаму, преступившему заповѣдь Божию, пребываютъ внѣ царствія небеснаго, не смотря на то, что они нисколько невиновны въ томъ, что подобны праотцу Адаму; такъ и христіане, подобные новому Адаму, отцу ихъ Христу, входятъ въ царствіе небесное, при всемъ томъ, что то, что они подобны Христу, не есть собственное ихъ дѣло; такъ какъ это совершается посредствомъ вѣры, какую воспріимлютъ они во Христа.

Подобіе же Христу составляютъ истина, кротость, правда, и вмѣстѣ съ ними смиреніе и челоуѣколюбіе. Истина зрится во всѣхъ словахъ, а кротость во всѣхъ противословіяхъ; потому что кроткій, похвалами ли окруженъ или порицаніями, хранить себя безстрастнымъ, и ни похвалами не превозносится, ни порицаніями не огорчается. Правда зрится во всѣхъ дѣлахъ: ибо какъ опредѣляемъ мы тяжесть вещей посредствомъ вѣсовъ, и какъ узнаемъ качество золота чрезъ потираніе его о камень, такъ ни въ какомъ начинаніи не выходимъ мы изъ предѣловъ правды, если при этомъ содержимъ въ памяти тѣ мѣры (способы измѣренія, или вѣсы), какія даровалъ намъ Господь нашъ (заповѣди). Смиреніе есть какъ бы неокрадомая сокровищница, устрояемая въ томъ умѣ, который носитъ убѣжденіе, что только силою благодати,

пріемлемой отъ Христа, имѣются въ немъ показанныя добрыя качества, т.-е. истина, кротость и правда. Человѣколюбіе есть подобіе Богу, такъ какъ оно благотворитъ всѣмъ людямъ, и благочестивымъ и нечестивымъ, и добрымъ и злымъ, и знаемымъ и незнаемымъ, какъ и самъ Богъ всѣмъ благотворитъ, возсіяваетъ солнце на праведныя и неправедныя, дождитъ на злыя и благія. Итакъ тѣ, которые пріяли сіе отъ Христа, отъ Него имѣютъ подобіе Ему, какъ сынъ отъ отца имѣетъ подобіе отцу, потому что сынъ не бываетъ иначе, какъ изъ естества отца своего. Для того Богъ содѣлался человѣкомъ, и чрезъ такое соединеніе Божества съ человѣческимъ естествомъ царствуетъ Божество надъ естествомъ человѣческимъ, какъ написано: *наляцы, и успывай, и царствуй истины ради и кротости и правды* (Пс. 44, 5). Такимъ образомъ надъ кѣмъ не восцарствовалъ Христосъ чрезъ тѣ добродѣтели, о которыхъ мы сказали, тотъ неподобенъ Христу, какъ отцу, и недостойнъ внийти въ царствіе небесное. Воистину такъ есть. Почему излишни всѣ прочіе подвиги, если не бываютъ ради ихъ. Постараемся же и мы, братіе, содѣлаться подобными Христу посредствомъ тѣхъ добродѣтелей, да сподобимся царствія Его. Ему слава и держава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

О томъ, что намъ надлежитъ испытать самихъ себя, имѣемъ-ли мы блаженства Христовы, потому что они (добродѣтели, ими указываемыя) суть знакъ печати (Христовой).

Братіе мои возлюбленные! Если кто изъ насъ не запечатлѣнъ и не имѣетъ на себѣ печати Господа нашего Іисуса Христа, да течетъ наискорѣйше, чтобъ запечатлѣться; если не имѣемъ знаменія благодати Святаго Духа, да подвижаемся всякимъ образомъ, чтобъ вос-

пріять его. Ибо смерть не властвуетъ надъ душами, которыя запечатлѣны всепречистою кровію Христовою и благодатію Всесвятаго Духа, и волкъ мысленный, діаволь, не стерпѣваетъ воззрѣть (отворачивается) на печать пастыреначальника Христа, которою печатлѣетъ Онъ овецъ Своихъ. Да, братіе мои христіане, не стерпѣваетъ. Сего ради потщимся всеусердно дѣлать всѣ дѣла, какія угодны Христу, да сподобимся запечатлѣнія отъ Него, чтобъ безъ боязни перейти прочее время жизни нашей; и не это только, но да воспріимемъ милость отъ Него и достойными содѣлаемся извѣдать таинства Христа, извѣдать, говорю, не словомъ только, или слухомъ и преданіемъ, но дѣломъ и дѣйствительною.

Какъ же дѣломъ извѣдываетъ кто таинства Божіи?— Внемли, да разумѣешь. Иисусъ Христосъ говоритъ во святомъ Евангеліи: *блаженни нищии духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное* (Мѣ. 5). Слыша это, должны мы подумать въ умѣ своемъ и хорошо изслѣдовать самихъ себя, таковы ли мы, т.-е. нищи ли мы духомъ, чтобъ царство небесное было собственно нашимъ, и столько собственно нашимъ, чтобъ мы въ чувствѣ души были удостовѣрены, что стяжали уже царствіе небесное и имѣемъ богатства его вѣрно, такъ что чувствуемъ безъ всякаго сомнѣнія, что находимся внутри его, и веселимся наслаждаясь благами, кои находятся тамъ внутри. Ибо Господь говоритъ намъ, что царствіе небесное внутри насъ есть. Знаменіе же и доказательство, показывающее, что царствіе небесное истинно есть внутри насъ, есть слѣдующее: если мы не похотствуемъ никакихъ привременныхъ благъ міра сего, ни богатства, ни славы, ни удовольствій и никакого мірскаго или плотскаго улажденія, но удаляемся отъ всего этого и отворачиваемся всею душою и всѣмъ сердцемъ, столько, сколько,

ко возвеличенные царскою честію и властію удаляются отъ вращающихся въ блудилищахъ, и сколько привышіе носить чистыя одѣянія и намазаться мурами и благоуханіями отвращаются отъ нечистыхъ мѣстъ и зловопія. А кто не отвращается отъ всего этого, но имѣетъ пристрастіе къ чему-либо изъ того, о чемъ мы сказали, тотъ ни видѣлъ царствія небеснаго, ни обонялъ, ни вкушалъ сладости и благоуханія его.

И опять говорить Христосъ: *блаженни плачущіи, яко тѣи утѣшатся*. Посмотримъ же опять и изслѣдуемъ, имѣемъ ли мы плачь, и что это за утѣшеніе, которое, какъ говоритъ Господь, послѣдуетъ за плачемъ? Прежде сказалъ Онъ, что блаженны нищіе духомъ, потому что ихъ есть царствіе небесное. Нищіе же духомъ не имѣютъ, какъ мы сказали, никакого пристрастія къ благамъ міра сего, и не помышляютъ о нихъ съ улажденіемъ, но ненавидятъ ихъ и отвращаются отъ нихъ. Итакъ кто презрѣлъ весь міръ, кто отдаляется отъ него самымъ помысломъ паче, нежели тѣломъ, и не имѣетъ тохотвія ни къ какому изъ видимыхъ благъ, тотъ чѣмъ мірскимъ можетъ быть опечаленъ или обрадованъ? И тому, кто имѣетъ царствіе небесное и веселится внутри его каждодневно, какъ возможно плакать? Къ тому же Господь сказалъ, что тѣ, которые плачутъ, тремлютъ, утѣшеніе. Но внимайте, прошу васъ, да уразумѣете силу слова сего.

Вѣрный человѣкъ, добръ всегда внимающій заповѣдямъ Божиимъ, когда творя все, что требуютъ заповѣди Божіи, помыслить о высотѣ ихъ, т.-е. о томъ непорочномъ житіи и чистотѣ (какія онѣ изображаютъ), тогда, изслѣдуя мѣру свою, найдетъ себя крайне немощнымъ и безсильнымъ достигнуть оной высоты заповѣдей, найдетъ, что онъ крайне нищъ и недостойнъ принять Бога, или возблагодарить Его и прославить (упокоить

въ себѣ), такъ какъ не стяжалъ еще въ собственность себѣ никакого блага (не чѣмъ упокоить). Но таковой, помышляя о всемъ, сказанномъ мною, съ чувствомъ душевнымъ, безъ всякаго сомнѣнія восплачетъ плачемъ онымъ, который есть воистину наиблаженнѣйшій плачь, пріемлющій и утѣшеніе и дѣлающій душу кроткою. Утѣшеніе и радость, которыя рождаютъ плачь, суть залогъ царствія небеснаго. Вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, какъ говоритъ божественный Павелъ, а утѣшеніе бывающее въ тѣхъ душахъ, кои плачутъ отъ облистанія и освѣщенія Святаго Духа, есть присутствіе Бога, дарующаго имъ ради плача смиренномудріе, которое называется и сѣменемъ и талантомъ: потому что растетъ и множится въ тридцать, шестьдесятъ и сто въ душахъ подвижающихся и приносить Богу святой плодъ дарованій Святаго Духа.

Гдѣ истинное смиреніе, тамъ и глубина смиренномудрія; гдѣ смиренномудріе, тамъ и возсіаніе Святаго Духа; гдѣ возсіаніе Св. Духа, тамъ обильное изліяніе свѣта Божія, и Богъ съ премудростію и вѣдѣніемъ таинъ Его; гдѣ это, тамъ царствіе небесное, и сознаніе царствія, и сокровенныя сокровища боговѣдѣнія, въ которыхъ и явленіе духовной нищеты; гдѣ чувство духовной нищеты, тамъ радостотворный плачь и непрестанныя слезы, которыя очищаютъ душу отъ всякихъ любленій и пристрастій и дѣлають ее всю свѣтовою.

Когда же просвѣтится такимъ образомъ душа и увѣдаетъ добрѣ Владыку своего и Бога, тогда начнетъ она со всѣмъ усердіемъ плодоприносить въ себѣ и прочія добродѣтели Ему и Христу Господу. И подобаешь такъ. Ибо будучи всегда напаяема и питаема слезами, всецѣло погашаешь она въ себѣ гнѣвъ, и содѣлывается вся кроткою и неподвижною на серчаніе, и тогда алчетъ и жаждетъ, то есть, сильно желаетъ и ищетъ узнать оправда-

нія Божіи и пріобщиться ихъ, а вмѣстѣ съ симъ становится милостивою и сострадательною. Отъ всего же этого опять дѣлается чистымъ сердце ея, и приходитъ созерцаніе Бога, и чисто зрять славу Его, по обѣтованію Его: *яко ти́и Бога узрятъ*. А тѣ, у коихъ души таковы, суть воистину миротворцы и нарицаются сына́ми Божіими, кои чисто вѣдаютъ Отца своего и Владыку и любятъ Его отъ всего сердца своего, терпя ради Его всякую тяготу и скорбь, когда бываютъ поносимы, укоряемы и тѣснимы за праведныя заповѣди Его, кои повелѣлъ Онъ намъ соблюдать, когда бываютъ всячески оскорбляемы и гонимы, и переносятъ всякъ *золь глаголь*, какой *лжущіе* изрыгаютъ противъ нихъ, ради имени *Его святого*, радуясь, что сподобились пріять безчестіе отъ людей за любовь къ Нему.

Узнали-ль теперь, братія мои, истинное впечатлѣніе печати Христовой? Уразумѣли-ль, вѣрные, въ какихъ признакахъ обнаруживается вѣрность христіанина? Поистинѣ одна только есть печать Христова—осіяніе Духа Святаго, хотя много есть видовъ воздѣйствій Его и много знаменій силы Его. Первѣйшее всего другаго и необходимѣйшее есть смиреніе, такъ какъ оно есть начало и основаніе. Ибо говорить Богъ: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго словесъ Моихъ* (Ис. 66, 2). Второе есть плачь, источающій непрестанныя слезы, о которыхъ желалъ бы я многое сказать, но не нахожу достаточно словъ, какими могъ бы достолично бесѣдовать о нихъ. Чудо неизъяснимое! Текутъ слезы вещественныя изъ очей вещественныхъ, и омываютъ душу невещественную отъ сквернъ грѣховныхъ; падаютъ на землю, но низвергаютъ демоновъ и освобождаютъ душу отъ невидимыхъ узъ грѣха. О, слезы! вы, источаясь отъ дѣйствія божественнаго просвѣщенія, отверзаете самое небо и низводите божествен-

ное утѣшеніе. Отъ сего утѣшенія и отъ сладости духовной, какія испытываю, опять говорю и многократно буду повторять то же, что гдѣ слезы съ истиннымъ вѣдѣніемъ, тамъ и осіяніе божественнаго свѣта, а гдѣ осіяніе сего свѣта, тамъ и дарованіе всѣхъ благъ, тамъ внутри сердца отпечатлѣна и печать Святаго Духа, отъ Котораго произраждаются и всѣ плоды жизни. Отъ слезъ плодopиносится Христу кротость, миръ, милостивость, сердоболіе, доброта, благостыня, вѣра, воздержаніе. Отъ слезъ происходитъ то, что иной любить враговъ своихъ и умоляетъ о нихъ Бога, радуется въ искушеніяхъ и хвалится скорбями, смотритъ на грѣхи другихъ, какъ на свои собственные, и плачетъ о нихъ, и съ готовностію предаетъ жизнь свою на смерть за братій своихъ.

Послушайте же, умоляю васъ, братія мои христіане, и пробудитесь отъ усыпленія! Войдите въ самихъ себя и посмотрите, возсіялъ ли свѣтъ божественной благодати внутри сердець вашихъ,—посмотрите, увидѣли-ль вы великій свѣтъ вѣдѣнія, посѣтилъ ли васъ востокъ съ высоты и свѣтитъ ли онъ вамъ во тьмѣ и сѣни смертной сѣдѣющимъ? Богъ ни въ чемъ не имѣетъ недостатка, будучи преисполненъ всѣхъ благъ и совершенствъ. Ничего Ему отъ насъ не нужно, кромѣ одного нашего спасенія. Спасеніе же наше иначе не можетъ состояться, если не измѣнится умъ нашъ и не содѣлается инымъ дѣйствіемъ силы Божіей, такъ чтобы сталъ онъ умомъ обожненнымъ, т.-е. безстрастнымъ и святымъ. Обоженнымъ бываетъ тотъ умъ, который внутри себя имѣетъ Бога. Впрочемъ, чтобы сталъ таковымъ умъ самъ отъ себя, это невозможно. Только тотъ умъ, который соединяется съ Богомъ посредствомъ вѣры и познаетъ Его чрезъ дѣланіе заповѣдей, только такой наивѣрнѣйше сподобляется видѣть Его и созерцательно; ибо чрезъ посредство вѣры, какую имѣетъ онъ во Христа, все-

ляется Христосъ внутрь его и дѣлаетъ его обоженнымъ. Сохраняется же умъ обоженнымъ чрезъ то, если всегда поучается въ томъ, что есть Христово, и непрестанно внимаетъ закону Его; ибо поколику внимаетъ кто закону Христову, потоплику соблюдаетъ и заповѣди Его (и чрезъ это содержитъ себя обоженнымъ); какъ опять кто имѣетъ умъ обоженнымъ, тотъ потому самому всегда поучается въ томъ, что Христово, непрестанно внимаетъ закону Его и творить заповѣди Его.

Восподвигаемся же, возлюбленные, о томъ, чтобы питать и возжигать въ себѣ обильнѣйшій огонь божественный, т.-е. любовь Божію, посредствомъ дѣланія заповѣдей Христовыхъ; ибо посредствомъ ихъ возгарается въ насъ божественный огонь, и посредствомъ же ихъ обыкновенно увеличивается онъ. Какъ чувственный огонь возгарается въ веществѣ, какъ-то въ дровахъ и въ другомъ чемъ такомъ горючемъ, такъ что когда малая искра огня падаетъ на такое вещество, то возжигаетъ большое пламя, которое дѣлается потомъ тѣмъ большимъ еще, чѣмъ больше находитъ горючаго вещества: такимъ же образомъ дѣйствуетъ и умный огонь въ отношеніи къ умному (или въ умной области). Что горючее вещество для чувственного огня, то разумная душа, имѣющая въ себѣ, какъ бы вещество горючее, — заповѣди Христовы, — для огня Божества. Божество, т.-е. божественная благодать сама по себѣ, одна, не бываетъ явною, если не низойдетъ въ разумную душу. Какъ чувственный огонь не является въ чувственномъ, если не найдетъ горючаго вещества; такъ и умный огонь не является въ умномъ, если не найдетъ вещества заповѣдей Божіихъ. Господь и говорить: *любай Мя заповѣди Моя соблюдетъ, и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ* (Іоан. 15, 21). Вещественный огонь, прежде чѣмъ проявится въ вещественномъ, бываетъ сокрытъ; подобно сему и

божественный огонь, прежде чѣмъ проявится въ умныхъ душахъ, бываетъ сокровенъ. И опять, начало чувственного огня непонятно, потому что онъ сокрытъ внутри чувственного; равнымъ образомъ и начало умного огня недомыслимо, потому что онъ сокровенъ въ умномъ. Впрочемъ чувственный огонь—одного естества съ чувственнымъ, а огонь умный не одного естества съ умными (душами); ибо Творецъ не одного естества съ тварію. Слѣдовательно умный огонь гораздо болѣе сокровененъ въ умномъ, чѣмъ чувственный въ чувственномъ.

Поразсмотримъ же, братіе, и поизслѣдуемъ самихъ себя до точности, есть ли въ насъ печать Христова, и по указаннымъ выше признакамъ постараемся опредѣленно узнать, есть ли въ насъ Христосъ. Если мы не восприняли еще Христа, не имѣемъ еще печати Его и не видимъ, чтобы были въ насъ тѣ признаки, о которыхъ мы сказали, но паче видимъ все противное тому, т.-е. что и міръ прелестный живетъ въ насъ, и мы, къ несчастію, живемъ въ немъ, что высоко ставимъ временныя блага міра, а въ скорбяхъ, находящихъ на насъ, изнемогаемъ, при безчестіяхъ печалимся, а при честяхъ, богатствѣ и наслажденіяхъ мірскихъ и плотскихъ радуемся и веселимся; горе намъ по причинѣ зловредности, коею страдаемъ, горе намъ по причинѣ невѣдѣнія и омраченія, покрывающаго насъ, горе намъ по причинѣ окаянства и нечувствія, кои возгосподствовали надъ нами! Всецѣло ниспали мы долу, къ земному, мірскому и чувственному. Поистинѣ бѣдны мы и пренесчастливы, далеки будучи отъ жизни вѣчной и царства небеснаго, потому что не стяжали еще въ самихъ себѣ Христа, но имѣемъ еще въ себѣ міръ живымъ, поколику живемъ въ немъ и мудствуемъ земная. А кто таковъ, тотъ явно врагъ есть Богу, потому что пристрастіе къ міру есть вражда на Бога, какъ говорить божественный

Апостоль: *не любите міра ни яже въ мірѣ* (1 Іоан. 2, 15); *ибо любви міра сего вражда Богу есть* (Іак. 4, 4). Нельзя Богу работать, и по человѣку жить.

Истинно говорю вамъ, братія мои, что ничего нѣтъ лучше въ мірѣ, какъ не имѣть ничего отъ благъ міра сего и ничего не желать лишняго, кромѣ необходимого потребнаго для тѣла. Необходимо же потребны для тѣла хлѣбъ, вода, одежда и кровь, какъ говоритъ божественный Апостоль: *имуща пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8). Если же понуждаемся въ чемъ-либо больше этого, Тотъ, Кто даровалъ намъ несравненно большее, и *исполняетъ всякое животно благоволенія* (Пс. 144, 16), всеконечно подастъ и это намъ, вѣрующимъ и уповающимъ на Него. Только оставимъ все грѣховное и нечистое предъ Богомъ, какъ-то: тщеславіе, зависть, ненависть, вражду, лукавство, ропотъ, ложь, неправду, лихоимство, брань, поношенія, оклеветанія, пересуды, гордыню, человѣконенавидѣніе, злокозненность, и все другое, чему научилъ діаволъ человѣчeskій родъ. Ибо изъ-за всего этого и повелѣлъ намъ Богъ не любить міра, ни яже въ мірѣ. Не съ тѣмъ повелѣлъ Онъ это, чтобъ мы безъ разбора ненавидѣли творенія Божіи, но для того, чтобъ чрезъ это отсѣкали мы поводы ко грѣхамъ. Сего-то ради и возненавидимъ наконецъ міръ и все то, что ненавидитъ Богъ; потому что все это пагубно для души.

Блага міра сего суть препоны, кои не допускаютъ насъ возлюбить Бога и благоугодить Ему. Кто, любя славу и честь отъ людей, возможетъ имѣть себя меньшимъ всѣхъ и уничиженнѣйшимъ, быть нищъ духомъ и сокрушенъ сердцемъ, воздыхать и плакать о грѣхахъ своихъ? Кто можетъ, любя богатство, всякія вещи и стяжанія, быть милостивымъ и сострадательнымъ, а не жестокосерднымъ и звѣрскимъ паче всякаго звѣря? Кто можетъ, будучи тщеславенъ и гордъ, быть свободенъ

отъ зависти и соперничества? И тому, кто преданъ плотскимъ страстямъ и валяется въ нечистыхъ удовольствіяхъ, возможно ли быть чисту сердцемъ, или узрѣть Бога, создавшаго его? Куда ему узрѣть Его?! Можно ли также быть миротворцемъ тому, кто отчуждилъ себя отъ Бога и не слушаетъ блаженнаго Павла, который говорить: *по Христѣ убо молимъ, яко Богу молящю нами по Христѣ, примиритесь съ Богомъ* (2 Кор. 5, 20). То-есть, вмѣсто Христа, Который былъ посломъ, посредникомъ Бога Отца къ людямъ, чтобъ они примирились съ Богомъ, мы Апостолы, принявшіе посольство и вмѣсто Христа ставшіе посредниками Бога Отца къ вамъ, вмѣсто Христа и Отца Его умоляемъ васъ: примиритесь съ Богомъ. Ибо всякій престоупающій заповѣди Божіи есть противникъ Богу, воюющій противъ Него. А такой какъ можетъ быть миротворцемъ другихъ? Хотя бы и случилось ему примирить иныхъ между собою, не можетъ онъ устроить этого примиренія такъ, чтобъ оно благоугодно было Богу. Когда онъ врагъ самъ себѣ и Богу, можно усомниться, чтобъ тѣ, которые примиряются при посредствѣ его, также какъ и онъ не были врагами Богу. Кто врагъ кому-либо, тотъ не сумѣетъ другимъ посовѣтовать что либо угодное врагу своему, не сумѣетъ онъ научить ихъ творить волю врага своего, когда самъ состоитъ противникомъ воли сей.

Итакъ, братія мои возлюбленные, возненавидимъ міръ и яже въ мірѣ. Ибо какое общеніе намъ, христіанамъ, съ міромъ и съ тѣмъ, что въ мірѣ? Возлюбимъ же отъ всей души то, что любить повелѣваетъ намъ Богъ. Возлюбимъ нищету духовную, т.-е. смиреніе, возлюбимъ непрестанный деннонощный плачъ, отъ котораго ежечасно произраждается радость душевная и утѣшеніе изливается на тѣхъ, кои любятъ Бога. Отъ плача водворяется и кротость въ тѣхъ, кои подвижаются во истинѣ. Которые плачутъ, тѣ также алчутъ и жаждутъ правды и

всеусердно ищутъ царствіа Божія, превосходящаго всякій умъ человѣческій. И не это только, но и то, что иной дѣлается милостивымъ и чистымъ въ сердцѣ, полнымъ мира и миротворцемъ, также мужественнымъ въ искушеніяхъ, бываетъ отъ непрестаннаго плача. Плачь производитъ въ насъ ненависть и ко всякому злу. Имъ возжигается въ душѣ и божественная ревность, которая ни на минуту не даетъ человѣку покоя, но не допуская его склоняться на зло со злыми, устремляетъ на все доброе, исполняя вмѣстѣ съ тѣмъ душу мужествомъ и силою къ претерпѣнію всѣхъ искушеній и скорбей.

Потечемъ же, братіе, потечемъ со всѣмъ усердіемъ, пока достигнемъ негнѣннаго и всегда пребывающаго блага, презрѣвъ блага міра сего, кои тлѣнны, преходятъ, какъ сонъ, и не имѣютъ въ себѣ ничего постояннаго и твердаго. Солнце и звѣзды, небо и земля, и все преидетъ для тебя, и останешься ты, человѣкъ, одинъ съ дѣлами своими. Что изъ того, что видимъ мы въ мірѣ семъ, можетъ принести намъ пользу въ часъ нужды смертной, тогда, какъ отходимъ мы отселѣ и переходимъ въ иную жизнь, оставляя міръ и все мірское здѣсь, что и само въ скоромъ времени преидетъ и кому не будетъ? Пусть оно не тотчасъ еще преидетъ, но что пользы отъ того для насъ, когда, преселяясь инуды, оставляемъ все то здѣсь? Тѣло наше остается мертвымъ въ землѣ, и душа, изшедши изъ тѣла, не можетъ уже безъ него смотрѣть на здѣшнее, ни сама быть видима отъ кого. Тамъ умъ ея обращается только на то, что невидимо, никакого болѣе попеченія не имѣя о томъ, что въ мірѣ семъ. Она вся бываетъ тогда въ другой жизни, или для царства небеснаго и славы его, или для муки и огня геенскаго. Одно что-либо изъ этихъ двухъ пріемлетъ она отъ Бога въ вѣчное наслѣдіе, соотвѣтственно дѣламъ, какія надѣлала въ мірѣ семъ.

Вѣжимъ же отъ прелестей міра сего и его обманчивыхъ радостей и утѣшеній, и къ единому устремимся Христу, Спасителю душъ нашихъ. Его возревнуемъ постигнуть, и когда постигнемъ, припадемъ къ стопамъ Его и облобызаемъ ихъ со всею теплотою сердечною. Ей, умоляю васъ, восподвигаемся теперь, пока еще мы въ настоящей жизни, познать Его и узрѣть Его. Ибо если здѣсь сподобимся мы познать Его чувствомъ души своей; то не умремъ, смерть не возобладаетъ нами. Не будемъ дожидаться узрѣть Его въ будущей жизни, но здѣсь въ этомъ мірѣ поподвигаемся узрѣть Его. Св. Іоаннъ Богословъ говоритъ: *О семъ разумѣмъ, яко пребываетъ въ насъ, отъ Духа, Егоже далъ есть намъ* (1 Іоан. 3, 24). Итакъ, которые изъ васъ дѣломъ показали твердую и несомѣнную въ Него вѣру, обдумайте хорошенько, что я сказалъ, и разобравши то со тщаніемъ, посмотрите, есть ли въ васъ Христосъ, чтобъ не обмануть самихъ себя, думая, что имѣете въ себѣ Христа, тогда какъ ничего не имѣете, и не отойти изъ сей жизни пустыми, не имѣя Христа, и не услышать оный страшный гласъ Господа: возьмите, что мнится имѣти сей лукавый, и отдайте имѣющему большее. Тогда восплачете и возрыдаете, и скорбѣть станете бесполезно безконечные вѣки. Но да не будетъ сего съ нами, паче же да содѣлаемся достойными узрѣть Господа въ сей жизни, и когда умирать будемъ, имѣть Его въ себѣ, чтобы съ Нимъ пребывать въ другой жизни и радоваться съ Нимъ въ царствіи Его. Аминь.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

1) О томъ, что смерть души есть удаленіе изъ ней Духа Святаго, жало же смерти сей—грѣхъ; и что смерть и тлѣніе тѣла есть уподобленіе смерти и растлѣнію души.

2) И о томъ, какіе признаки мертвости и живости души?

3) О томъ, какимъ образомъ бываетъ отъятіе тлѣнія и смерти; и о томъ, что смерть вынѣ не истреблена, а похрана и сдѣлана ничтожною.

4) О томъ, какъ послѣ смерти прославляются тѣлеса почившихъ святыхъ; также о воскресеніи и праведномъ судѣ Божиѣмъ.

1. Какъ тѣло умираетъ, когда отдѣляется отъ него душа, такъ и когда отъ души отдѣляется Духъ Святый, душа умираетъ. Жало смерти сей есть грѣхъ, потому что смерть и тлѣніе суть порожденія грѣха. Душа чрезъ грѣхъ умерла для вѣчной жизни, отдѣлившись отъ Духа Святаго и отъ царства Его. Видишь ли, какую имѣетъ связь душа съ тѣломъ, что тѣлу невозможно жить безъ души? И опять, какъ душа удаляется и оставляетъ тѣло, съ которымъ была вмѣстѣ, и посредствомъ котораго обнаруживала свою силу и дѣятельность? Видя сіе, помысли, что подобнымъ образомъ и первозданный человѣкъ былъ соединенъ со Святымъ Духомъ Содѣтеля вселенныхъ Бога; но будучи прельщенъ лукавымъ діаволомъ и употребивъ даннымъ ему отъ Бога самовластіемъ, сдѣлался преступникомъ заповѣди Божіей, и тотчасъ лишился благодати Святаго Духа, коею былъ осѣняемъ. Вслѣдствіе сего душа замерла, а потомъ умерло и тѣло; и такимъ образомъ произошла смерть тѣлесная, чтобы по смерти тѣла, которую видимъ, мы домышлялись о смерти души, которой не видимъ: ибо смерть и тлѣніе тѣла есть уподобленіе смерти и растлѣнію души.

Впрочемъ иное есть естество тѣла, и иное естество души. Естество души мысленно, а естество тѣла чувственно. И еще, — тѣло прежде растлилось и потомъ умерло, потому что вышла изъ него душа—что и есть

смерть тѣла; но съ душою не такъ было: она прежде умерла, потому что отошла отъ нея божественная благодать, и потомъ растлилась. Растлѣніе души есть уклоненіе на распутія отъ прямого и праваго мудрованія—именно то, что растлилось правое мудрованіе и стало развращеннымъ, воспохотствовавъ всего злаго. Ибо когда правые помыслы развращаются, тотчасъ какъ тернія и волцы прорастаютъ въ душѣ сѣмена зла. Такимъ-то образомъ какъ въ мертвомъ тѣлѣ расплагаются черви, такъ въ душѣ оной, лишившейся божественной благодати, будто черви расплодились—зависть, лукавство, ложь, ненависть, вражда, брань, злопамятство, клевета, гнѣвъ. ярость, печаль, месть, гордыня, спѣсъ, тщеславіе, немилостивость, лихоимство, хищеніе, неправда, неразумная похоть, шепотничество, пересуды, завиствованія, спорливость, поношенія, осмѣянія, славолубіе, клятвопреступничество, клятвы, Богозабвеніе, дерзость, безстыдство, и всякое другое зло, Богу ненавистное; такъ что человѣкъ пересталъ уже быть по образу и подобію Божію, какъ созданъ въ началѣ, а началъ быть по образу и подобію діавола, отъ котораго всякое зло.

2. Какъ душа, разумная и мысленная сила, сочетается во едино тѣло, состоящее изъ многихъ частей, какъ-то: плоти, костей, нервовъ, жилъ, кожи и прочаго, что все дивно связуетъ она собственною силою и содержитъ добрѣ въ полной гармоніи, такъ что онѣ одна другой помогаютъ, и одна другую поддерживаютъ, связуемы будучи одною душою, а когда душа выходитъ изъ тѣла, тогда всѣ эти части тѣла, теряя связь, распадутся и подвергаются истлѣнію: такъ и благодать Святаго Духа сочетовавъ душу саму съ собою божественною своею силою и животворить ее, какъ бы душа души, многія и разныя помышленія ея и пожеланія сводя къ единой волѣ Божіей, въ чемъ и состоитъ истинная ея жизнь; а когда благодать Святаго Духа отдѣляетъ

ся отъ души, тогда всѣ ея помышленія и пожеланія разливаются и растлѣваются. Итакъ, если возможно, чтобы какое-нибудь тѣло человѣка безъ души стояло въ гармоніи и своемъ чинѣ; то возможно, чтобы и душа человѣка стояла, какъ должно, въ своемъ чинѣ, съ отличительными чертами разумности, безъ благодати Святаго Духа. Но то невозможно, а это еще невозможноѣе. Напротивъ, какъ человѣкъ, души не имѣющій, мертвъ въ порядкѣ міра сего, такъ и тотъ, кто не имѣетъ благодати Св. Духа, мертвъ въ порядкѣ Божіемъ; и никакъ невозможно, чтобы онъ имѣлъ жительство на небесахъ, потому что всякій мертвый (въ какомъ-либо порядкѣ) бездѣйственъ (безжизненъ) въ немъ. Потому-то необходимо всякому человѣку, вѣрующему во Христа, креститься, чтобы быть Духомъ Святымъ возсоздану и обновлену, и стать новою тварію. Кто же не родится свыше, тотъ, какъ говоритъ Господь, не можетъ внити въ царствіе Божіе, и даже увидѣть его; а кто видѣть его не можетъ, для того еще невозможноѣе получить его.

Входъ въ царствіе Божіе дается не за одни добрыя дѣла, но и за вѣру. Узрѣніе его бываетъ чрезъ рожденіе свыше, а полученіе его—чрезъ добрыя дѣла, совершаемая силою вѣры. Посему кто вѣруетъ и крестится водою и Духомъ, входитъ въ царствіе Божіе, яко рожденный (въ него и для него). И опять, кто родился свыше, зрѣтъ царствіе Божіе, и тогда уже, какъ включенный въ число воиновъ и учениковъ (сыновъ) царствія Божія, получаетъ его за добрыя дѣла, имъ творимыя, каковыхъ никто не можетъ творить прежде, чѣмъ сдѣлается онъ воиномъ царствія Божія. Ибо человѣческое естество наше какъ на свѣтъ міра сего выходитъ причастнымъ клятвѣ Адамовой, такъ на свѣтъ царства Божія выходитъ (изъ купѣли) причастнымъ благословенія Иисусъ-Христова. И если оно не сдѣлается общицею боже-

скаго естества Христова, если не приметъ благодати Святаго Духа, не можетъ ни подумать, ни сдѣлать что-либо достойное царствія Божія, не можетъ исполнить ни одной заповѣди, заповѣданной намъ Христомъ (чтобы быть сынами царствія); потому что Христосъ есть дѣйствующій вся во всѣхъ призывающихъ святое имя Его. Сего-то ради Богъ человѣкъ бысть да снидеть въ Него, яко въ Бога, Богъ Духъ Святый, и да пребудеть въ Немъ, отъ Коего не отлучался, дабы потомъ чрезъ общеніе и соединеніе съ Нимъ Божество соединилось съ каждымъ человѣкомъ, общающимся съ Нимъ, и сочетавающимъ во едино, т.-е. въ волю Божію, всѣ помысленія и желанія свои. Это и есть воскресеніе души въ сей жизни. Ибо чрезъ общеніе, воспріятіе и причастіе Богочеловѣка Иисуса душа опять оживляется и воспріемлетъ первоначальное свое нетлѣнное силою и благодатію Святаго Духа, пріемлемаго чрезъ общеніе со Иисусомъ, и проявляетъ признаки новой, полученной ею жизни тѣмъ, что начинаетъ служить Богу въ преподобіи и правдѣ предъ очами Его, а не людей, какъ говорить Апостолъ Павелъ: *кольми паче кровь Іисусова... очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ, во еже послужити намъ Богу живу и истину* (Евр. 9, 14). Какъ, когда живо тѣло, явны бываютъ въ немъ дѣйствія души; такъ, когда жива душа, явны бываютъ въ ней дѣйствія Святаго Духа, какъ-то: благость, вѣра, кротость, воздержаніе. Душа, чрезъ вѣру пріявшая мысленную оную силу Святаго Духа, (которой лишился Адамъ чрезъ преступленіе заповѣди и влѣдствіе того подвергся уклоненію на распутія отъ правыхъ помысловъ, до невозможности право понимать что-либо), видитъ и разумѣетъ, что добродѣтель собственно не что иное есть, какъ исполненіе воли Божіей, какъ и всѣ любители истинной мудрости, учителя и проповѣдники пришествія Христова и вѣры въ

Него, говорятъ, что добродѣтель собственно есть то, чтобъ всякій человѣкъ, вѣрующій во Христа, творилъ только волю Божию, а въ отношеніи къ благамъ настоящей жизни былъ какъ мертвый; такъ чтобы только въ дѣлахъ по исполненію велѣній Божіихъ и познаваемъ онъ былъ живымъ, и въ этомъ только кругу обнаруживалъ движеніе и энергію. Это и есть признакъ, что душа жива.

3. А послѣ, по воскресеніи, и тѣло воспріиметъ нетлѣніе, которое души Богъ даровалъ теперь, оживотворивъ ее въ настоящей жизни. Такимъ образомъ по безпредѣльной милости Божіей открывается нѣкое великое изумительное домостроительство Божіе: душа воскрешаема бываетъ въ настоящей жизни, а тѣло умираетъ, и приговоръ Божій: *земля еси и въ землю пойдешь*, не отмѣняется; въ общее же воскресеніе воскрешено будетъ и тѣло и воспріиметъ также нетлѣніе. Смерть не отмѣнена и не оставлена бездѣйственной въ настоящей жизни, а только поправа и бываетъ презираема; потому что еслибъ она теперь же была отмѣнена, то люди не умирали бы болѣе.

Поелику христіане послѣ креста и воскресенія Христова удостовѣрены, что умирая переходятъ отъ смерти въ животъ и въ радость сопребыванія со Христомъ; то вождѣлѣваютъ паче смерти. Ибо если Духъ Христовъ есть жизнь души, то какая польза получившему Его жить въ этомъ мірѣ, и чрезъ то устраняему быть отъ той радости, которая подается сопребываніемъ со Христомъ? Счастливы тѣ, которые, увѣровавъ во Христа, умерли тотчасъ, какъ окрещены; потому что умерли облекшись во Христа и попили въ другую жизнь, нося оное царское одѣяніе Божества Христова. Но болѣе счастливы и блаженны тѣ, которые прожили здѣсь послѣ святаго крещенія, и будучи облечены въ оное цар-

ское одѣяніе, какъ во всеоружіе Божіе, вступили въ брань съ врагомъ нашимъ діаволомъ и въ конецъ побѣдили его со всѣми его кознями и злоухищреніями, благодаря за эту побѣду бывшаго съ ними Христа и даровавшаго имъ ее,---и уже потомъ, послѣ сей побѣды, умерли; потому что пожилы, подвизаясь во славу Христа, Который возлагаетъ сей добрый подвигъ на всякаго вѣрующаго въ Него. То и слава Христова, чтобы христіане, воюя съ демонами, не были побѣждаемы (а побѣждали), имѣя съ собою непобѣдимаго Христа. Ибо въ каждомъ христіанинѣ Христосъ есть воюяй и побѣждай, и Онъ же есть призывая Бога, и моляся, и благодаряй, и благоговѣнствуяй, и ищай съ моленіемъ и смиреніемъ,— все это дѣйствуетъ Христосъ, радуясь и веселясь, когда видитъ, что въ каждомъ христіанинѣ есть и пребываетъ то убѣжденіе, въ коемъ удостовѣрительно исповѣдуютъ они, что Христосъ есть дѣйствующій все сіе. Почему всякому христіанину относительно всѣхъ добрыхъ дѣлъ, какія дѣлаетъ, надлежитъ исповѣдать, что ихъ совершаетъ Христосъ, а не онъ; кто же не такъ помышляетъ объ этомъ, тотъ всеу есть христіанинъ.

Люди для того раждаются въ міръ сей, чтобы прославлять и благодарить Бога, зная, что всякое добро отъ Него. И опять по трудѣ и подвигѣ, подъятыхъ въ семь мѣстъ озлобленія, на которое родились, умираютъ по опредѣленію Божию, чтобы упокоиться отъ трудовъ съ надеждою, что нѣкогда имѣютъ воскреснуть и жить жизнію непрестающею, безъ всякой печали и лишеній. Ибо хотя Христосъ, съ ними всегда сущій, есть трудяйся въ нихъ, но и они, при всей немоци своей, большой подъемяютъ трудъ, чтобы только удержать съ собою Христа. Потому что всѣ хитрости и всѣ козни діавола обращены на то, чтобы соблазнить ихъ отторг-

нуться отъ рукъ Христа, и въ самопрельщеніи расположить ихъ говорить или хотя думать, что это-де мы сами по себѣ и своимъ поспѣшествомъ породили такое и такое благое помышленіе, или сказали такое и такое разумное слово, или сдѣлали такое и такое доброе дѣло, хотя бы то и самое незначительное. И вотъ противъ этого-то великій у христіанъ постоянно обращается подвигъ!

Всякой богобоязненной душѣ два великіе подлежатъ подвига: первый, — чтобы получить благодать Святаго Духа, потому что и возможности нѣтъ вступить кому-либо на путь спасенія и тѣмъ паче шествовать по нему, если не получить онъ напередъ таинственной благодати Всесвятаго Духа; второй, болѣе тяжелой, — чтобъ, не лишиться сей благодати, получаемой со многими потами и трудами. Это лишеніе благодати случается по слѣдующей причинѣ. Послѣ того, какъ благодать Божія долгое уже время пребываетъ въ душѣ, шествуя ей путемъ спасенія, поднимается противъ нея сильная и тягчайшая брань, подобная той, какую изображаетъ пророкъ Давидъ, взывая къ Богу: *Господи, чтося умножиша стужающіи ми? Мнози востаютъ на мя, мнози глаголютъ души моеи: нѣсть спасенія тебѣ въ Бозѣ твоємъ* (Пс. 3), т.-е. что спасеніе твое совершается не силою Бога твоего, но твоею мудростію и твоею собственною силою. Если согласится душа на такое внушеніе, благодать отходить отъ нея. Но если она, отвергнувъ такое внушеніе, начнетъ съ Давидомъ взывать къ Богу: Ты, Господи, заступникъ мой и помощникъ, Ты—слава моя, и возносяй главу мою, Ты божественною благодатію Твоею совершаешь во мнѣ спасеніе мое, а не я,—благодать Божія пребудетъ съ нею. И этотъ-то второй подвигъ, послѣ перваго, въ коемъ получается благодать Св. Духа, великій подвигъ, чтобъ не лишиться Бо-

жіей благодати, полученной уже, предлежитъ душѣ до послѣдняго нашего издыханія. Она, вмѣстѣ съ блаженнымъ Апостоломъ Павломъ, много потрудившимся, должна велегласно въ слухъ Ангеловъ и человѣковъ звать: *не азъ, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 10),—я не сдѣлала никакого добра сама отъ себя, но благодать Божія, которая со мною. Потому что и апостолы, и пророки, и мученики, и іерархи, и преподобные, и праведные,—всѣ исповѣдали такую благодать Св. Духа, и ради такого ея исповѣданія, съ помощію ея, подвизались добрымъ подвигомъ и теченіе свое совершили. Это и была та вѣра, которую они соблюли, т.-е. они вѣровали, что побѣдительницею великихъ многочисленныхъ и многообразныхъ затрудненій, какія они встрѣчали въ жизни, при такой немощи человѣческаго естества, какую они въ себѣ видѣли, была благодать Божія, которую они имѣли всегда присущею въ себѣ. Увѣровавъ — въ началѣ, что это такъ есть и должно быть, они испытали сіе потомъ на дѣлѣ и познали добръ; познавъ, возблагодарили Бога, такъ устроившаго; возблагодаривъ, исповѣдали; исповѣдавъ, увѣнчались; увѣнчавшись, прославились, имѣя въ себѣ знаменія обоженія, поколику содѣлались причастниками Божескаго естества, и чрезъ то богами по благодати, которые, яко боги, имѣютъ всегда пребывать съ Богомъ въ будущей жизни.

Люди для того и раждаются на свѣтъ, чтобы прославлять Бога, такъ какъ они суть мыслящія и разумныя существа. Они одни изъ всѣхъ видимыхъ тварей могутъ познавать, величать и благодарить Творца Бога. Разсматривая тварь, они дивятся Творцу, и познавъ Его величіе, немыслимое и безпредѣльное, поклоняются Ему, чтутъ Его и благоговѣнствуютъ предъ Нимъ; а при этомъ стараются жить во истинѣ и правотѣ, какъ бла-

богугодно Богу, представляя боговѣдѣніе истиннымъ свидѣтелемъ богоугодной жизни и благочестія, и наоборотъ, богоугодную жизнь и благочестіе свидѣтелями боговѣдѣнія. Ибо кто имѣетъ боговѣдѣніе и знаетъ Бога, тотъ безъ сомнѣнія и почитаетъ Его, и служитъ Ему, т.-е. вѣруетъ и поклоняется Ему, яко Богу, и живетъ богоугодно; *всякій же человекъ согрѣшавшій не видѣ Бога, ни позна Его*, какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. 3, 6). И такъ есть воистину. Ибо кто знаетъ Бога, естественно и почитаетъ Его и благоговѣнствуетъ предъ Нимъ; а кто благоговѣнствуетъ предъ Нимъ и боится Его, тотъ можетъ ли забыться до того, чтобъ позволить себѣ сдѣлать что-либо неугодное Богу, когда знаетъ, что Богъ вездѣ есть и все видитъ? Да увѣрится же всякій человекъ грѣшавшій, что онъ *ни видѣ и не позна* Бога, и что если онъ умретъ въ этой тѣмѣ и въ этомъ невѣдѣніи, то воскреснетъ потомъ не для чего другаго, какъ для вѣчнаго мученія, вѣчнаго потому, что тамъ не будетъ болѣе смерти, чтобъ престъчь это мученіе. Тотъ же, кто увидѣлъ и позналъ Бога, и чрезъ то не позволяетъ себѣ легкомысленно и безстрашно вдаваться въ грѣхъ и тѣмъ показываетъ, что онъ не только боится, но и любитъ Бога, такой человекъ, если проведши всю жизнь богоугодно, перейдетъ въ другую съ надеждою и чаяніемъ воскресенія мертвыхъ, воскреснетъ къ радости неизглаголанной, для которой одной и радуются, и умираютъ люди. Рожденные для такой радости, если презрять ее и проведутъ жизнь во тѣмѣ и невѣдѣніи Бога, по воскресеніи будутъ претерпѣвать двоякое мученіе, и то поминая, что были рождены для неизглаголанной радости, и то, что презрѣли ее по легкомыслію и потеряли по своей винѣ.

Посему всякій человекъ, рожденный въ міръ сей, тѣмъ паче христіанинъ, пусть не думаетъ, будто родился для

того, чтобъ наслаждаться симъ міромъ и вкушать его радости, потому что еслибъ этотъ былъ конецъ и эта цѣль его рожденія, то онъ не умиралъ бы. Но пусть содержитъ въ мысли, что родился онъ, во первыхъ для того, чтобъ быть (начать существовать) изъ не-сущаго, какимъ былъ; во вторыхъ для того, чтобъ подобно постепенному возрастанію тѣлесному возрастать мало-помалу и возрастомъ духовнымъ, и добрымъ подвигомъ восходить въ то священное и боголѣпное состояніе, о которомъ говоритъ блаженный Павелъ: *дондеже достигнемъ вси... въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Ефес. 4, 13); въ третьихъ для того, чтобъ сдѣлаться достойнымъ обитать въ небесныхъ селеніяхъ и быть вчинену въ сонмъ святыхъ Ангеловъ, и пѣть съ ними побѣдную пѣснь Пресвятой Троицѣ, Которая какъ одна даетъ ему бытіе, одна же благодатию Своею даруетъ и благобытіе, т.-е. то показанное священное боголѣпное состояніе.

При всемъ томъ однакожъ люди не только не направляютъ дѣлъ своихъ къ той одной цѣли, для которой родились людьми, т.-е. чтобъ, достигнувъ мѣры возраста исполненія Христова, сдѣлаться богами по благодати, а напротивъ дѣлаютъ все противное тому, и дѣлаютъ съ большимъ усердіемъ, всякими способами предаваясь грѣхамъ, чтобъ въ концѣ всего вверженнымъ быть въ вѣчное мученіе, для котораго мы не раждаемся въ міръ сей. Ибо вѣчный огонь адскій уготованъ діаволу и прочимъ демонамъ, а мы раждаемся для того, чтобъ обрѣстись достойными Бога, когда умремъ. Достойны же Бога вотъ кто: правый, истинный, кроткій, благій, сострадательный, милостивый, щедрый, добрый, долготерпѣливый, незлобивый, человеколюбивый. Но такимъ ни одинъ человекъ не можетъ быть, если не сдѣлается причастнымъ благодати Божіей по вѣрѣ во Христа; такъ что, если кто не та-

ковъ, то явно, что онъ или не вѣруетъ во Христа, или кажется только вѣрующимъ, будучи невѣромъ въ самомъ дѣлѣ. Ибо кто истинно вѣруетъ во Христа, тотъ или уже сдѣлался таковымъ, какъ мы сказали, или всякимъ образомъ подвизается быть таковымъ, помощію благодати Божіей, безъ коей никто не можетъ не только быть святымъ, но и взыскать того.

4. Душа, сподобившаяся стать причастницею божественной благодати, будучи сама освящена, по естественному послѣдствію, освящаетъ и все тѣло свое; потому что союза и содержитъ тѣло, она находится во всѣхъ членахъ его; почему и благодать Св. Духа, какъ усваиваетъ себѣ душу, такъ усваиваетъ и тѣло ея. Впрочемъ пока душа находится въ тѣлѣ, Всесвятый Духъ не проявляетъ въ этомъ тѣлѣ всей славы своей; потому что настоять необходимость, чтобъ душа до конца жизни показывала сама доброе произволеніе свое, т.-е. послѣдуетъ ли она, какъ должно, благодати Св. Духа. Но когда придетъ конецъ и душа отдѣлится отъ тѣла, тогда, поелику конченъ уже подвигъ (состязаніе, какъ на ристалищахъ), и душа, одержавъ побѣду, исходитъ изъ тѣла въ вѣнцѣ нетлѣнія, какъ добръ совершившая подвигъ свой, тогда, говорю, благодать Св. Духа и въ тѣлѣ души сей проявляетъ свою освящающую силу, отъ чего кости голыя и цѣлыя мощи Святыхъ источаютъ исцѣленія и врачуютъ всякія болѣзни. Когда душа отдѣлится отъ тѣла со смертію его, тогда она одна, безъ участія въ сѣмъ тѣла, начинаетъ пребывать со всѣмъ Божествомъ, т.-е. съ божественною благодатію, и сама бываетъ богъ по благодати; тѣло же остается одно безъ души только съ Божествомъ и проявляетъ для людей божественную силу въ чудесахъ (не чрезъ душу, а прямо отъ Божества). Тогда ни душа въ дѣйствіяхъ своихъ не можетъ встрѣчать препятствій отъ связности тѣломъ, будучи отдѣлена

отъ него, ни тѣло изъ-за души не бременится уже лишніями въ удовлетвореніи своихъ потребностей, т.-е. ни алчбою, ни жаждою, ни чѣмъ другимъ подобнымъ. Но поелику оба они, и душа, и тѣло, освободились отъ всякой нужды и всякаго искушенія, какимъ подвергались по причинѣ взаимнаго союза, то и божественная благодать, какъ въ той, такъ и въ другомъ дѣйствуетъ безъ всякаго препятствія, такъ, какъ бы всецѣло Божиими стали и душа и тѣло, бывъ усвоены Божествомъ ради богоугоднаго житія, какое провели они въ мірѣ, когда находились обѣ вмѣстѣ.

Во время же всеобщаго воскресенія и тѣло приметъ нетлѣніе, какое даровалъ уже Богъ освященной душѣ. Ибо, по слову св. Григорія Богослова, какъ въ этомъ мірѣ душа была участницею въ тяготахъ и прискорбностяхъ тѣла, по причинѣ тѣснаго ихъ союза, такъ и тогда тѣлу передано будетъ отъ души обрадовательное состояніе, которымъ она обладаетъ. Тогда душа поглотитъ собою все тѣло и будетъ едино съ нимъ, и духъ, и умъ, и богъ по благодати, и все тлѣнное и смертное тогда пожерто будетъ животомъ. Ибо какъ въ Адамѣ плоть завладѣла была тлѣніемъ по причинѣ грѣха, а изъ-за плоти и душа сдѣлалась нѣкоторымъ образомъ землею въ своихъ дѣйствіяхъ, и предавшись всецѣло земному погрузилась въ такое богоневѣдѣніе, что иные не знали даже, есть ли Богъ: такъ наоборотъ во время воскресенія имѣетъ быть все противоположное сему, силою Св. Духа, по благодати Бога воплощеннаго; тогда плоть поглотится душею силою Св. Духа, душею, которая пребывала уже поглощенной Богомъ, истиннымъ животомъ, такъ, какъ бы вся душа имѣла всего Бога и во всемъ явенъ былъ уже только Онъ одинъ. Просто скажу, боголѣпная благодать воскресенія покажетъ тогда, т. е. въ будущемъ вѣкѣ, все наше противоположнымъ настоя-

щему, противоположнымъ тому состоянію, въ коемъ находимся и въ коемъ жительствоуемъ въ настоящей жизни; и какъ въ настоящей жизни смерть по причинѣ грѣха взяла силу и власть и все поглощаетъ, такъ въ будущей она праведно изнеможетъ и будетъ сама поглощена благодатию. Смерть, поправная теперь и посрамленная воскресеніемъ Христовымъ, тогда, послѣ всеобщаго воскресенія, совсѣмъ будетъ упразднена, какъ говоритъ божественный Павелъ: *последній врагъ испразднится смерть* (1 Кор. 15, 26). Теперь, въ настоящей жизни, смерть въ своемъ находится времени, и есть (для всѣхъ) наказаніе за первое Адамово преступленіе (для грѣшниковъ), пресѣченіе грѣшности (для праведниковъ), упокоеніе отъ священныхъ подвиговъ; но въ будущей жизни, какъ упразднится жизнь міра сего, такъ и смерть престанетъ наконецъ и будетъ упразднена; тогда, какъ раждаться не будутъ люди и жить по образу настоящей жизни, такъ и умирать не будутъ, какъ теперь, и смерть упразднится. Но будетъ тогда другая жизнь неизреченная, и другая смерть, тягчайшая и горчайшая теперешней, т.-е. вѣчное мученіе. Ибо которые не содѣлаются здѣсь причастными Христу, или обезчестятъ сіе причастіе Христу противною тому жизнию, т.-е. не проживутъ по Христу, всѣ такіе находятся въ опасности подвергнуться тамъ неотмѣнимой уже карѣ тягчайшей смерти. Въ этомъ мірѣ Богъ (воплотившись) пришелъ уничтожить приговоръ смерти, которая была легчайшимъ наказаніемъ; но тамъ, въ другой жизни, гдѣ не будетъ болѣе настоящей смерти (которая бываетъ великимъ нѣкимъ утѣшеніемъ для тѣхъ, кои находятся подъ мучительнымъ гнетомъ, потому что умерши они освобождаются отъ него), тамъ какое другое можетъ быть уврачеваніе (отъ смерти второй, которая будетъ смерть безъ прекращенія жизни)? Съ другой стороны, въ этомъ мірѣ, отъ Адама до Христа

Господа не было ни одного человѣка полно спасеннаго (а только въ надеждѣ), потому что всѣ были причастны прародительскому грѣху (искупленіе отъ коего еще только ожидалось). А нынѣ, по совершеніи воплощеннаго домостроительства Господа нашего, многіе бываютъ сообразными Христу (истинно спасенными). Потому тѣмъ, которые будутъ осуждены въ другой жизни, не останется уже никакого утѣшенія и никакой надежды спасенія, потому что могли и они, подобно тѣмъ, быть сообразными Христу, и не восхотѣли. Такъ и для ангеловъ падшихъ и сдѣлавшихся демонами нѣтъ милости, потому что, когда большая часть ангеловъ, соблюдши волю Божию, пребыли въ чинѣ своемъ, могли и они соблюсти ее, но не восхотѣли.

О, когда бы и намъ содѣлаться сообразными со Христомъ, да сподобимся получить жизнь вѣчную во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Коему слава, честь и поклоненіе со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

СЛОВО ПЯТОЕ.

1. Что есть самовластіе, которое даровалъ Богъ человѣку въ началѣ?
2. И послѣ паденія, что осталось въ человѣкѣ отъ сего самовластія?

1. Видимъ, что человѣкъ, чрезъ преступленіе заповѣди Божіей сдѣлавшись тлѣннымъ и смертнымъ, естественно алчетъ, жаждетъ, хочетъ спать, утомляется, чувствуетъ холодъ и зной; потому невольно ѣстъ, пьетъ, спитъ, отдыхаетъ, одѣвается и раздѣвается, хотя бы и не хотѣлъ того, и ни одного нѣтъ человѣка, который бы могъ вытерпывать алчбу и жажду и прочее исчисленное предъ симъ, развѣ только съ великимъ самопринужденіемъ и самостѣсненіемъ. Такъ и чувство потребностей сихъ бываетъ у человѣка и удовлетвореніе ихъ совершается имъ

не по волѣ его, естественно. Бываетъ и здѣсь нѣчто по волѣ, но не многократно и не надолго. Святые Божіи, по волѣ своей, нудили естество свое и лишеніями смиряли тѣло, постясь, бодрствуя, подвергаясь холоду и зною и утомляя себя самоохотно; но ихъ укрѣпляла благодать Божія, и они сильны были справлять это. Итакъ, если все это бываетъ невольно съ человѣкомъ, какъ дѣло естества, то въ чемъ же усматривается самовластіе человѣка? Ни въ чемъ другомъ не усматривается сіе самовластіе, какъ въ томъ, чтобы имѣть умъ свой всегда возвышаемымъ и прилѣпляемымъ къ единому Господу Богу, Спасителю нашему многомилостивому.

Если самовластіе усматривается въ томъ, что во власти нашей, то, само собою, въ чемъ нѣтъ власти нашей, въ томъ не усматривается и самовластіе. Но воля и хотѣніе предводительствуется самовластіемъ сколько въ отношеніи къ тому, что во власти нашей, столько же и въ отношеніи къ тому, что не въ нашей власти. Только въ отношеніи къ тому, что во власти нашей, для успѣха къ хотѣнію прилагается трудъ; потому что въ настоящей жизни ничто изъ того, что въ нашей власти, не можетъ быть совершаемо безъ труда; и въ отношеніи къ тому, что не въ нашей власти, воля ограничивается однимъ пожеланіемъ, а трудъ тщетенъ. (Можно пожелать не спать, но какъ ни трудись, не выдержишь безсонія).

Итакъ, поелику я самовластенъ и хочу потому быть и свободнымъ, то самовластно ли поработился я онымъ страстямъ. коими побѣждаемъ есмь и преодолеваемъ, будто по волѣ своей, или я поработился имъ не самовластно, а по нѣкоей необходимости и насилію?

Страстей два рода: страсти естественныя (тѣлесныя) и душевныя. Естественныя страсти непреложны, и человѣкъ поработенъ имъ по естественной необходимости, не самоохотно. Такъ ѣмъ, потому что естественно алчу;

пью, потому что жажду; ложусь спать, потому что дремота клонитъ; одѣваюсь, потому что мнѣ холодно; раздѣваюсь, потому что мнѣ жарко, и прочее. Дѣлать или не дѣлать такъ не зависитъ отъ самовластія. Ибо еслибы это зависѣло отъ самовластія, то, когда бы я долгое время не удовлетворялъ сихъ потребностей, пребывая безъ пищи и питія, безъ сна и прочаго, не испытывалъ бы въ тѣлѣ своемъ истощенія и разстройства. Но поелику испытываю это, то и удовлетворяю имъ, хотя бы и не хотѣлось.

Итакъ эта часть не въ рукахъ самовластія; но не въ рукахъ ли самовластія душевныя страсти? Главнѣйшія между всѣми страстями душевными страсти суть гнѣвъ и похоть. Если я, находясь въ гнѣвѣ неразумномъ и въ похоти несмысленной, желаю побѣдить гнѣвъ и похоть, а между тѣмъ почти всегда бываю побѣждаемъ ими, то, очевидно, я порабощенъ имъ. Но если и не всегда и не въ конецъ бываю побѣждаемъ ими, но все же побѣждаемъ иной разъ; то поелику побѣждаемъ бываю, все же, значить, я порабощенъ имъ. Тотъ же, кто порабощенъ неразумному гнѣву и похоти несмысленной, какъ можетъ сказать, что онъ самовластенъ?

Если же кто скажетъ, что какъ случается съ каждымъ человѣкомъ, что онъ упадетъ и встанетъ, такъ бываетъ и со мною въ отношеніи къ страстямъ: иногда я бываю побѣждаемъ этими страстями, а иногда побѣждаю ихъ; изъ чего слѣдуетъ заключить, что иногда я бываю въ рабствѣ у нихъ, а иногда свободенъ отъ этого рабства; о, какой стыдъ тому, кто говоритъ, что самовластенъ, и хвалится тѣмъ, и въ то же время безъ стыда признается: нынѣ предаю себя въ рабство страсти, а завтра явлю себя свободнымъ отъ нея, и это страждетъ онъ всю свою жизнь, такъ что таковой есть рабо-свободъ, т.-е. и свободный и рабъ!

Итакъ что же сказать намъ о самовластіи? То, что человѣкъ былъ самовластенъ тогда, когда былъ свободенъ отъ грѣха; какъ же скоро предаль онъ свободу свою, то вмѣстѣ съ свободою потерялъ и самовластіе, и сталъ рабомъ грѣха. Но кто рабъ, тотъ уже не самовластенъ: пусть онъ былъ свободенъ, но какъ только поработился, сталъ рабъ. Богъ никого не создалъ рабомъ, а всѣхъ свободными. Только въ отношеніи къ Себѣ Онъ сотворилъ ихъ рабами, поколику даровалъ имъ и самое бытіе; но и то, чтобы былъ кто рабомъ Ему, не хочетъ Онъ, чтобъ былъ по принужденію и насилію, а произвольно: подобно тому, какъ иной бѣдный и ничего неимущій, когда удостоится сдѣлаться царскимъ служителемъ, радуется и веселится, что именуется и есть рабъ царя,—такъ и Богъ хочетъ, чтобъ человѣкъ былъ рабомъ Его по своей волѣ, и радовался и въ великую славу и честь вмѣнялъ именоваться и быть рабомъ Божиимъ.

2. Рабъ, какъ только узнаетъ о комъ, что онъ можетъ его освободить, всеконечно прибѣгнетъ къ нему, припадетъ къ стопамъ его, и со слезами начнетъ умолять и всячески убѣждать его, чтобъ взнесъ за него цѣну его и освободилъ его. И очевидно, что у раба отъ прежняго его самовластія ничего не осталось, кромѣ одного желанія и исканія свободы. Но и это станетъ онъ дѣлать тогда лишь, когда тяготится слишкомъ игомъ рабства; если же случится ему въ рабствѣ имѣть покой и не встрѣчать тяготы, то онъ и свободы не захочетъ.

Приложимъ это къ нашему слову. Господь говоритъ въ святомъ Евангеліи: *аще вы пребудете во словеси Моихъ., уразумѣете истину и истина свободитъ вы* (Іоан. 8, 32). Три предмета усматривается въ словѣ Господа: пребываніе въ словѣ Его, познаніе истины и освобожденіе истиною, а не самовластіемъ. Вотъ освобожденіе; гдѣ же рабъ? Вслѣдъ за приведенными словами

говорить еще Господь: *всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха* (—34). Вотъ и рабъ, настоящій рабъ, не имѣющій самовластія, какъ мы сказали о рабѣ. Нѣсколько ниже опять говоритъ Господь: *аще убо Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете* (—36).

Поелику Богъ истиненъ есть и неложны уста Его, изрекшія сіе, то кто посмѣетъ утверждать, что рабъ грѣха самовластенъ, когда каждый рабъ, пока пребываетъ въ рабствѣ, не имѣетъ никакого самовластія? Это сказалъ Господь намъ; а Павелъ Апостолъ велимъ гласомъ на всю вселенную вопіеть: *окаяненъ азъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сего?* (Рим. 7, 24). Но само собою разумѣется, что когда освобождаетъ кто кого, освобождаетъ конечно отъ рабства. Почему тотъ же Апостолъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *свободою убо, еюже Христосъ насъ свободи, стойте* (Гал. 5, 1), чѣмъ показываетъ, что освобожденные освободились отъ рабства, въ коемъ находясь, не были самовластны.

Того, что сказали мы, достаточно къ показанію, какое самовластіе осталось въ насъ послѣ того, какъ мы сдѣлались рабами грѣха, именно, что оно хранится лишь въ нашемъ желаніи освобожденія, а не въ чемъ-либо большемъ. Почему намъ надлежитъ приносить Христу сіе желаніе, соединяя съ нимъ и душевную заботу, сердечное исканіе, не чрезъ добрыя дѣла, а чрезъ одну вѣру, дабы Христосъ, давшій Себя въ искупленіе за души наши, увидѣлъ, какъ всею душою, всѣмъ помышленіемъ и всею крѣпостію желаемъ мы и ищемъ освободиться отъ злаго тиранства грѣха, и освободилъ насъ отъ него божественною благодатію Своею. Между людьми никого нѣтъ свободнаго и самовластнаго, кромѣ одного Христа; а Онъ потому таковъ, что есть Богъ и человѣкъ. Съ того времени, какъ Адамъ сталъ рабомъ грѣха, всѣ люди, до скончанія вѣка, рабы суть, кромѣ тѣхъ, которые осво-

бождаемы бываютъ Христомъ, какъ написано: *первый человекъ отъ земли перстенъ*, а далѣе: *яковъ перстный, таковы и перстнии*. *Второй человекъ Господь съ небесе*; а потомъ: *яковъ небесный, тацы же и небеснии* (1 Кор. 15, 47. 48).

Что это за перстный человекъ? Это блудникъ, лжець, злой, лукавый, лицемѣръ, нелюбовный, злопамятный, лихоимецъ, хищникъ, неправедный, тщеславный, гордый, самомнительный, который, будучи такимъ же, какъ и всѣ люди, думаетъ о себѣ, что онъ не знаетъ какъ выше ихъ. Что это за небесный человекъ? Это святой, преподобный, праведный, какъ и Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Ибо какъ естественный отецъ раждаетъ себѣ чадъ по себѣ, такъ и второй отецъ Христосъ по Себѣ же раждаетъ Себѣ чадъ святыхъ, праведныхъ, свободныхъ и самовластныхъ, какъ самъ Онъ, Отецъ ихъ. Таковы признаки самовластія, какъ то, что сказали мы о перстномъ, служить признакомъ несамовластія. Изъ сего *явна суть*, скажемъ словами возлюбленнаго Іоанна Богослова, *чада Божія и чада діавола* (1 Іоан. 3, 10).

Поелику такимъ образомъ только въ желаніи нашемъ сохранилось самовластіе наше, то намъ надобно вопервыхъ возжелать освобожденія отъ рабства, потомъ выискать освободителя нашего Христа, а когда найдемъ Его, припасть къ стопамъ Его и испрашивать у Него себѣ свободы: ибо никого нѣтъ свободнаго, кромѣ Христа и свободника Христова. Христосъ милуетъ насъ и спасаетъ отъ рабства, просвѣщая умъ нашъ, да ясно зрѣть, или познаетъ правое и святое, и силою насъ снабжая избѣгать непотребнаго и творить потребное. Ибо и то, чтобы зрѣть правое, не въ нашей состоитъ власти; но какъ для того, чтобъ видѣть намъ видимое, потребенъ для насъ свѣтъ солнца, такъ для того, чтобъ видѣть намъ духовное, потребенъ для насъ свѣтъ Христовъ, который, просвѣщая насъ, снимаетъ повязку тьмы съ очей ума и

даетъ ему ясно видѣть правое и богоугодное. А затѣмъ преисполняетъ насъ силою, коею освобождая насъ отъ страстей, даетъ намъ свободу вѣрно слѣдовать познанной святой волѣ Его. Се свобода о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТОЕ.

1) Что въ тѣлѣ болѣзнь, то въ душѣ грѣхъ.

2) Какъ имѣемъ мы чувство тѣлесное, такъ надобно, чтобъ душа имѣла чувство духовное и чувствовала какъ болѣзнь свою, такъ и здравіе.

3) Кто не имѣетъ чувства духовнаго и не чувствуетъ, больна ли душа его или здорова, тотъ еще не христіанинъ, хотя и называется христіаниномъ: ибо прямой плодъ вѣры христіанской есть здравіе души.

1) Что болѣзнь въ тѣлѣ, то грѣхъ въ душѣ. Когда тѣло заболитъ, больной ни о чемъ уже другомъ не заботится, ни о богатствѣ, ни о славѣ, ни объ утѣхахъ, а все объ одномъ уврачеваніи тѣла и восстановленіи здоровья. Такъ и когда душа болитъ грѣхомъ, надлежитъ всю заботу обращать не на другое что, ни на богатство, ни на славу, ни на удовольствія, а на одно уврачеваніе болѣзни душевной и возвращеніе душѣ здравія. Что же скажу я, всеокаянный, въ оправданіе свое, въ день страшнаго суда, если тогда душа моя окажется больною многими и различными болѣзнями? Почему не приложилъ никакого попеченія о здравіи души своей, а всю жизнь свою трудился и хлопоталъ только о богатствѣ, славѣ и удовольствіяхъ?

2) Причена этому, кажется, та, что не знаетъ грѣшникъ о болѣзняхъ души своей и не чувствуетъ въ настоящей жизни, какое зло причиняютъ онѣ душѣ; не зная же и не чувствуя сего, обманывается, и полагая, что у него все хорошо, нисколько не беспокоится о здоровьѣ души своей. И не потому ли грѣшникъ, т.-е. больной душевно, гордъ бываетъ, что безчувственъ есть

и не чувствуетъ зла, причиняемаго ему грѣхами? И еще что? Чѣмъ болѣе кто безчувственъ, тѣмъ болѣе гордится, какъ говорить и божественный Давидъ: *гордыня ненавидящихъ Тя възде выну* (Пс. 73, 23). Будучи же гордъ, онъ и мысли не допускаетъ, чтобы былъ боленъ, и ненавистію оплачиваетъ тому, кто сталъ бы говорить ему о его болѣзни, или предлагать врачевство, тогда какъ настоящій христіанинъ, чувствующій раны и болѣзни души своей, ищетъ врача и охотно подчиняется его врачеванію. Когда тѣло наше заболѣваетъ, мы чувствуемъ боль, и чувствуя ее ищемъ врачевства, да уврачуемся. Еслибъ не имѣли мы чувства, то не чувствовали бы и боли; еслибъ боли не чувствовали, не чувствовали бы потребности и во врачевствѣ. Тому же слѣдовало бы бытъ и въ душѣ, т.-е. чтобы она своимъ духовнымъ чувствомъ чувствовала свою духовную болѣзнь. Но бываетъ иначе, — не чувствуетъ. Не чувствуя же болѣзни, не тяготится ею и не ищетъ врачевства. Оттого грѣшникъ, не чувствуя боли въ душѣ, живетъ себѣ весело и не печалится о грѣхахъ. Плача достойное состояніе: ибо пока онъ таковъ, неисцѣлимъ и, какъ неисцѣлимый, — погибшій, ненавистный Богу и святымъ Ангеламъ.

Посему надлежитъ намъ, сколько можно, позаботиться о томъ, чтобы придти въ чувство душею своею, возболѣзновать о грѣхахъ своихъ и възыскать врача душъ и тѣлесъ, Господа Іисуса Христа и, припадши къ Нему, умолять Его, да исцѣлитъ болѣзни души нашей. Эти болѣзни души суть похоти богатства, славы и удовольствій, по причинѣ коихъ люди бываютъ гнѣвливы, досадительны, неподвижны на добро, празднолюбивы, лихоимны, хищны, неправедны, тщеславны, горды, завистливы, человеконенавистны, мстительны. Что скажешь ты о всемъ этомъ?! Мала эти болѣзни душевныя и ничтожны?! И благословно душѣ, вѣрующей во Христа,

не чувствовать ихъ и не печалиться о нихъ? Не должно ли напротивъ плакать и рыдать, и жалобные испускать вопли, чтобы Врачъ нашъ, видя сіе, сжалился надъ нею, и далъ ей и увидѣть и восчувствовать болѣзни свои? Ибо пока не увидить она ихъ и не восчувствуетъ, не можетъ уврачевать ее и самъ всемогущій Врачъ. Да и что есть уврачеваніе души? Есть дивное нѣкое измѣненіе души, по коему уврачеванная душа тѣ похоти злыя, которыя прежде были ей такъ возжелѣнны, начинаетъ считать мерзостію и заразою, и за это ненавидитъ ихъ, не сама по себѣ, а благодатію исцѣлившаго ее Врача, Коего и благодаритъ она потомъ всегда и о Коемъ велегласно проповѣдуетъ всѣмъ, зывая: *сія измѣна десницы Вышняго* (Пс. 76, 11). Но чтобы пришелъ Врачъ, надобно призвать Его; чтобы призвать, надобно увидѣть болѣзнь и почувствовать ее.

3. Какъ внѣшнее свое состояніе человѣкъ сознаетъ и чувствуетъ, именно, слабъ ли онъ или крѣпокъ, здоровъ или не здоровъ, счастливъ или несчастливъ, обиду терпитъ или благодѣяніе получаетъ, — какъ все это онъ знаетъ и чувствуетъ, такъ всякій христіанинъ долженъ видѣть и чувствовать свое внутреннее состояніе, здоровъ ли по душѣ или боленъ, счастливъ или несчастливъ, благоденствуетъ или страждетъ. И если не чувствуетъ онъ этого внутренно въ себѣ самомъ, то всеу носить имя христіанина; и хоть именуется такъ, но на самомъ дѣлѣ не таковъ. Ибо еслибы онъ былъ истиннымъ христіаниномъ и имѣлъ общеніе съ Владыкою Христомъ, то былъ бы причастенъ и живота Его и свѣта: такъ какъ Христосъ есть животъ и свѣтъ. Слѣдовательно и видѣлъ бы себя и чувствовалъ все свое, потому что видѣть и чувствовать есть естественное свойство живыхъ, такъ что у кого нѣтъ этого, тотъ мертвъ. Такимъ образомъ кто не видитъ и не чувствуетъ душев-

но добра и зла, которое прибываетъ въ него и выбываетъ изъ него, тотъ еще мертвъ и не просвѣщенъ лучами умнаго Солнца правды. Да потщится же таковой наискорѣйше потещи и припасть мысленно къ Иисусу Христу, умоляя Его сжалиться надъ нимъ, оживить его и просвѣтить, дать ему придти въ чувство и познать состояніе свое; и потомъ отъ Него единаго да взыщетъ спасенія себѣ. Ибо безчувственного человѣка не можетъ спасти и Самъ Богъ, могущій все творить.

Человѣкъ созданъ состоящимъ изъ двухъ естествъ, мысленнаго и чувственного, души и тѣла. Почему потребовалось для него и двоякое врачество, послѣ того какъ онъ впалъ въ великую болѣзнь послѣ великаго здравія, какое имѣлъ прежде. Болѣзнь есть потеря здравія, и возболѣвшій по преступленіи человѣкъ возболѣлъ естествомъ. Болѣзнь же, въ естество внѣдрившаяся и ставшая естественною, непремѣняема, какъ естество. Суди теперь, сколь великая потребна сила, чтобы премѣнить больное естество въ здоровое, когда это есть то же, что поставить его выше естества, какъ оно есть въ немъ, въ настоящемъ своемъ состояніи? Для указанія сего-то и дано намъ богодухновенное писаніе, которое есть для насъ врачебная наука.

Врачебное искусство, врачующее тѣло человеческое никакъ не можетъ уврачевать первоначальную кофенную болѣзнь, т.-е. тлѣніе, но употребляетъ всякіе свои способы лишь на то, чтобы врачевать вторичныя болѣзни, когда естественно-больное тѣло выходитъ и изъ этого естественно-болѣзненнаго своего состоянія и впадаетъ во вторичную какую-либо болѣзнь, въ водянку напр. или въ горячку; это врачеваніе происходитъ не отъ буквъ, какими прописываетъ врачъ врачество, а отъ употребленія того, что имъ прописывается; прописываются же имъ разныя вещества, которыя при различной врачева-

тельной силѣ и дѣйственности всѣ однородны однакожъ съ заболѣвшимъ тѣломъ, чтобъ могли воздѣйствовать на это тѣло и врачевать его.

Итакъ, если врачебное искусство, истоща всѣ способы врачеванія и всѣ употребивъ врачевательныя вещества, доходить лишь до того, чтобы врачевать вторичныя болѣзни тѣла и поставлять заболѣвшее тѣло только въ предшествовавшее сей болѣзни состояніе, которое есть естественно болѣзненное состояніе тлѣнія; то гдѣ взять силу къ врачеванію сей последней коренной болѣзни? Она—выше естества. Чтобъ уврачевать больное человѣческое естество и возстановить въ немъ истинное, собственное ему по первоначальному его устроенію здравіе, для сего потребна сверхъестественная и пресущественная сила. Какая же эта сверхъестественная и пресущественная сила, могущая возвратить намъ первоначальное здравіе? Это есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Который, чтобъ уврачевать подобное подобнымъ, благоволилъ воспринять человѣческое естество здоровое. И вотъ, когда кто вѣрою прилѣпляется ко Христу, тогда Христосъ сочетается съ нимъ и божествомъ и здоровымъ человѣчествомъ, и чрезъ такое единеніе возстановляетъ въ немъ первоначальное истинное здравіе.

Но какъ при врачеваніи тѣла, на востановленіе здравія въ немъ дѣйствуютъ не буквы, коими прописывается врачевство, а сила прописанныхъ веществъ; такъ и въ отношеніи къ врачеванію души, оздравленіе ея и спасительное на нее воздѣйствіе совершается не буквами Божественнаго Писанія, а силою Христа, Который прописанъ въ Писаніи. *Не въ словеси бо царствіе Божіе, но въ силѣ* (1 Кор. 4, 20). Ибо все Божественное Писаніе, Ветхое и Новое, руководитъ естественно больное человѣческое естество къ Іисусу Христу, Который есть единственный Врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ. Кто остае-

ся непричастнымъ Его божественной благодати, тотъ остается и неуврачеваннымъ; а кто причащается Его благодати, у того душа перестаетъ уже быть больною. Ибо плодъ вѣры нашей христіанской есть здравіе души. За тѣмъ Богъ содѣлался человѣкомъ, чтобъ душа чрезъ Него могла воспринимать здравіе свое. Слѣдовательно у кого душа не здрава, тотъ еще не сталъ христіаниномъ настоящимъ. Здоровою же душа дѣлается силою божественною и свѣтомъ благодати, даруемой Христомъ за вѣру. Душа невидима и не видно, здорова она или нѣтъ, не только для другихъ, но нерѣдко и для нея самой. Но есть видимые знаки, по которымъ для всѣхъ явно бываетъ ея состояніе. Укажу на самый видный, на упорядоченіе и исправленіе пяти чувствъ—зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія. Когда кто держитъ ихъ въ порядкѣ и владѣетъ ими разумно,—явно, что душа его въ своемъ чинѣ, здорова, и человѣкъ тогда является настоящимъ разумнымъ животнымъ и дѣйствуетъ по разуму и разсужденію, а не какъ животныя несмысленныя, состоящія во власти у своихъ чувствъ. Владѣніе пятью чувствами будто есть очень простое дѣло; но я тебѣ скажу, что кто властвуетъ надъ пятью чувствами, тотъ властвуетъ надъ всею вселенною и надъ всѣмъ что въ ней: ибо у насъ все бываетъ отъ нихъ и чрезъ нихъ. Но кто таковъ, тотъ самъ властвуемъ бываетъ отъ Бога и всецѣло покоретвуется во всемъ волѣ Божіей. Такъ царство Божіе водворяется и первоначальный чинъ восстанавливается: ибо человѣкъ въ началѣ опредѣленъ былъ царемъ міра. Въ семъ черта образа Божія и подобія. Такимъ образомъ, кто не властвуетъ надъ пятью чувствами, тотъ не бываетъ по образу Божію и подобію; и хотя бы онъ всю мудрость міра поглотилъ и зналъ все сущее, о немъ неложенъ приговоръ: *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. 48,

13). Онъ живетъ на похуленіе Бога, Создателя всяческихъ, какъ написано: *имя Божіе вами хулится во языцехъ* (Рим. 2, 24). И Христово имя похуляется таковыми и вѣра христіанская поношается отъ невѣрныхъ, которые говорятъ: еслибы Богъ христіанскій былъ истинный Богъ, то христіане не были бы таковы же, какъ и мы; между тѣмъ многіе изъ нихъ живутъ гораздо хуже насъ, въ неправдахъ и срамныхъ похотяхъ.

Насъ же да просвѣтитъ благодать Христова, да подастъ здравіе душѣ нашей, и да дастъ намъ силу дѣржать въ своей власти пять чувствъ и жить достождно, чтобы славилось имя Божіе чрезъ насъ. Ему слава и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СЕДЬМОЕ.

1) Богъ, по чрезмѣрной любви Своей къ людямъ, подвергъ ихъ разнымъ лишеніямъ въ жизни сей.

2) Бѣдность есть благодѣяніе Святаго Бога.

3) Кто хулитъ бѣдность, тотъ отрицается христіанства и не хочетъ быть христіаниномъ.

4) Необходимость настоятъ, чтобы христіане имѣли скорби и бѣды.

1. Человѣколюбивый Богъ благоволилъ быть такому порядку, чтобы человѣка, отпадшаго отъ благодати Его, окружали многіе страхи, разныя непріятности, скорби и бѣды. Оставилъ Онъ его быть обременяему всѣмъ этимъ, со всѣхъ сторонъ безпокою и бориму даже отъ себя самого. Причина, почему Онъ такъ устроилъ, предивна, исполнь любви и благости. Какъ какой-нибудь богатый пребогатый человѣкъ, имѣя сына возлюбленнаго, по великой своей къ нему любви, не хочетъ, чтобы онъ искалъ гдѣ либо на сторонѣ или отъ другаго кого по-

лучалъ потребное себѣ, пищу, питіе, одежду, обувь, или другое какое утѣшеніе и упокоеніе, но желаетъ, чтобъ все это онъ получалъ отъ него одного, отца своего, дабы чрезъ это всегда находился подлѣ него и упокоивался на колѣняхъ его; и если случится какъ нибудь, что этотъ сынъ убѣжить отъ него, и у другаго кого пожелаетъ получать потребное себѣ, то отецъ такъ все устрояетъ, чтобы сынъ или совсѣмъ нигдѣ ничего не находилъ, или находилъ съ большимъ трудомъ и по́томъ; мало того, онъ еще всѣмъ, находящимся подъ его властію, повѣщаетъ, чтобъ, коль скоро увидятъ сына его патающимъ тамъ и самъ вдали отъ него, гнали его и всякія причиняли ему непріятности, дабы онъ и нехотя, по неволѣ воротился къ нему, много любящему его отцу, не находя себѣ нигдѣ покоя; такимъ же образомъ и Богъ поступилъ съ отпадшимъ человѣкомъ, устроивъ, чтобъ онъ не находилъ себѣ покоя въ настоящей жизни въ вещахъ міра сего, и чрезъ то вынуждаемъ былъ опять возвращаться ко всеблагому Богу, Господу и Владыкѣ всяческихъ, Отцу, Промыслителю, Упокоителю, Искупителю и Спасителю, и всегда находиться при Немъ, дабы такимъ образомъ и человѣкъ находилъ успокоеніе, и Богъ, Отецъ его, имѣя при Себѣ его, сына, радовался о немъ.

Прежде преступленія человѣкъ находился въ полномъ счастіи, всякое имѣлъ утѣшеніе и жилъ во всегдашней радости въ раю, безъ скорби и печали, даже не зная, что такое есть печаль. Но забывшись по причинѣ этого самаго великаго счастія, пришелъ онъ къ похотѣнію того, что было выше мѣры его и выше силы его, восхотѣлъ быть Богомъ, по внушенію діавола. За это, тотчасъ, какъ только и дѣломъ покусился на то, что получить было для него невозможно, потерялъ то великое счастіе и упокоеніе, какое имѣлъ, сталъ бѣденъ и

пришелъ въ столь же великую нищету, сколь великое имѣлъ прежде богатство, воспріавъ такимъ образомъ наказаніе за возгордѣніе, коимъ подвигшись, дерзнулъ онъ покуситься на то великое и отважное покушеніе: какъ будто пресытился онъ тѣмъ счастіемъ, какое даровалъ ему Богъ, и, брезгуя имъ, восхотѣлъ выспаго.

Сдѣлавшись такъ бѣднымъ, сталъ онъ, по причинѣ нужды и недостатковъ, поднимать всякіе труды и хлопоты, но, не находя при всемъ томъ потребнаго столько, какъ бы ему хотѣлось, то подавляемъ былъ скорбію, печалію и уныніемъ, то на большія напрягался усилія, чтобъ достигнуть довольства и обилія, сбросивъ томившую его тяготу скудости. По этой же причинѣ иной дѣлался воровъ, явнымъ или тайнымъ, иной разбойникомъ, насильно отнимающимъ чужое, иной лихоимцемъ, несправеднымъ обманщикомъ; отсюда же зависть, предательство, клевета, враждованіе, споры, суды, навѣты, ложь, клятвопреступничество, убійство. И Самого Бога забыли, Который на настоящую жизнь въ видѣ временнаго наказанія опредѣлилъ бѣдность, заслуженную роду человѣческому преступленіемъ Адамовымъ. Дѣйствуя такъ, они, можно сказать, идутъ противъ Бога, когда, во что бы то ни стало, усиливаются сдѣлаться богатыми и всѣмъ обилующими, несмотря на Божіе присужденіе намъ скудости на настоящую жизнь. Сдѣлавшись богатыми, являются они гордыми и тщеславными. Далѣе же что послѣдуетъ? Вотъ что: Богъ гордымъ противится; и послѣдняя ихъ зрять туда же, куда попалъ отступникъ отъ Бога—діаволь.

2. Итакъ знать надлежитъ относительно скудости во всемъ, что Богъ праведно наложилъ ее на насъ, какъ временное наказаніе, и потому претерпѣвать ее съ благодареніемъ, да привлечемъ на себя благоутробіе, милость и попеченіе Божіе. *Егоже бо любитъ Господь*

наказуетъ, да смирится наказательною скудостію и далеко будетъ отъ гордости, *бьетъ же всякаго сына, егоже приемлетъ* (Евр. 12, 6), болѣзнями и скорбями, чтобъ къ себѣ его притянуть и имѣть всегда съ собою, и за труды и подвиги, съ благодарностію переносимые, увѣнчать его вѣнцемъ терпѣнія и сдѣлать сыномъ пріятнымъ. Преступленіе Адамово послѣдовало не отъ другого чего, какъ отъ того, что онъ имѣлъ всѣ блага въ изобиліи безъ труда. Почему Богъ за преступленіе опредѣлилъ намъ въ потѣ лица своего снѣдать хлѣбъ свой, пока умремъ. Если же для настоящей жизни на всѣхъ людей наложена скудость, какъ естественное временное наказаніе; то всѣми неправдами усиливающийся убѣжать изъ-подъ него попадетъ подъ вѣчное наказаніе. Потому что избѣжать скудости въ настоящей жизни едва ли возможно безъ хищенія, неправды и лихоимства; ктому же счастье и богатство естественно порождаютъ гордость, источникъ всякаго грѣха; а гордаго, стремглавъ низвергши долу, беретъ въ свою власть срамота, т. е. начинаютъ господствовать надъ нимъ плотскія страсти,—порожденія его неразумія и растлѣнія въ немъ здраваго смысла.

3. Посему христіанинъ, который всячески хлопочетъ и усиливается избыть отъ скудости, очевидно не хочетъ быть христіаниномъ истиннымъ; потому что истинному христіанину нельзя быть безъ лишеній и нуждъ. Сынъ Божій и Богъ, содѣлавшійся человѣкомъ для возстановленія естества человѣческаго, не благоволилъ тотчасъ отмѣнить первое наказательное опредѣленіе, т. е. нужду во всемъ и смерть, наложенныя на Адама и родъ нашъ за преступленіе заповѣди; ибо и то, чтобы намъ въ потѣ лица снѣдать хлѣбъ свой, и то: *земля еси и въ землю пойдешь*, пребываютъ и на всегда будутъ въ родѣ нашемъ, до скончанія вѣка. Но что сдѣлалъ и дѣлаетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ?—То, что въ-

рующихъ въ Его вочеловѣченное домостроительство дѣлаетъ причастниками Своей силы, яко Богъ силъ, и Своей премудрости, яко Богъ премудрости, и чрезъ то, не отмѣняя дѣломъ перваго опредѣленія, отмѣняетъ тѣмъ, что отъемлетъ силу его, воодушевляя вѣрующихъ благодушно переносить всякаго рода лишенія и скорби, Самъ первый подъявъ ихъ до безславной смерти на крестѣ, и сдѣлавшись для насъ въ этомъ образцѣ и примѣромъ. Вслѣдствіе сего видимъ, что и Апостолы и всѣ истинные христіане, пріемля отъ благодати Христовой силу, съ радостію переносятъ всякія скорби и искушенія, и приносятъ Богу достойные плоды съ великимъ терпѣніемъ. Почему ни мученики не просили Христа избавить ихъ отъ терзаній и мученій, ни подвижники не искали освобожденія отъ трудовъ и поговъ подвижничества, но тѣ и другіе умоляли лишь даровать имъ терпѣніе, и съ этимъ терпѣніемъ подвизались подвигомъ мученичества и подвижничества, чтобъ въ будущей жизни воспріять награду за трудъ свой.

4. Итакъ для всякаго благочестиваго неизбѣжны скорбь, тѣснота и лишенія; и это не къ ущербу, а къ усиленію и возвышенію его благочестія. Пока не испытаетъ кто искушеній, не можетъ понять и познать сокрытой въ нихъ сладости и силы для жизни по Богу. Когда же испытаетъ ихъ и познаетъ сіе, то не можетъ не благодарить испытующаго его Господа. И когда освободится отъ нихъ, не за то одно благодаритъ Избавителя, что освободилъ, но и за то, что даровалъ испытать чрезъ нихъ. Неиспытанный искушеній бываетъ неискусенъ въ жизни, и къ богоугожденію не такъ рачителенъ. А испытавшій ихъ и освободившійся отъ нихъ горитъ духомъ къ Богу и всеусердно благодаритъ Его. Конечно, бываютъ усердные къ Богу и благодарные и изъ тѣхъ, кои не испытываютъ искушеній, но не съ такимъ жаромъ, какъ тѣ, кои испытываютъ ихъ и избавляются отъ нихъ. Посему крайне по-

требно и спасительно христіанину подпадать искушеніямъ, скорбямъ, тѣснотамъ и лишеніямъ, да познаетъ на себѣ многопомощную силу Божию и Бога да благодарить отъ всей души, отъ всего помышленія и всюю силою. Кто живетъ покойно и не имѣетъ искушеній, тотъ подверженъ двумъ невыгодамъ: первая, что не такъ усердствуетъ къ Богу и не отъ всей души благодарить Его, а вторая, что умъ его неизбѣжно вдается въ суетныя попеченія и заботы. Можетъ быть и Адамъ не такъ бы легко прельстился, не послушалъ бы злаго совѣта діаволова, и не восхотѣлъ бы быть богомъ, еслибы поусерднѣе благодарилъ Бога, когда былъ окруженъ величайшимъ онымъ упокоеніемъ и неизреченною радостію. Такъ-то сколько потребно для насъ дышать воздухомъ, столько потребно благодарить Бога, въ самыхъ искушеніяхъ, скорбяхъ и лишеніяхъ, какимъ подвергаемся, идя путемъ богоугожденія. Будемъ же, братія мои, и мы благодарить Бога о всемъ, и безропотно претерпѣвать всякое искушеніе и скорбь, во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ОСЬМОЕ.

1) Удерживать въ умѣ читаемое въ Божественномъ Писаніи есть дѣйствіе силы Божіей.

2) О молитвѣ и чтеніи.

3) Какъ надлежитъ христіанину молиться?

1. Учащійся, если не удерживаетъ въ умѣ своемъ и не помнитъ того, чему научаютъ его, никакой не получаетъ пользы отъ ученія. Знающій грамоту и читающій, если не понимаетъ читаемаго, есть тоже что неграмотный. Читающій и понимающій, если не можетъ удерживать въ умѣ своемъ того, что вычиталъ и понялъ,

никакой не получаетъ пользы отъ чтенія. Въ отношеніи же къ Божественному Писанію, то, чтобы читать оное, въ нашей состоитъ власти; а то, чтобы понимать читаемое, и отъ насъ самихъ зависитъ и не отъ насъ. Отъ насъ зависитъ стараніе и вниманіе, какія надлежитъ имѣть при чтеніи; то же, чтобы понимать читаемое, есть дѣло благодати Божіей. Но то, чтобы удерживать въ умѣ и помнить понятое, есть дѣло единой благодати Божіей. Почему не много такихъ, которые удерживаютъ сіе въ умѣ, какъ и вообще спасаемыхъ избранныхъ немного. — Чтеніе научаетъ человѣка тому, что руководитъ его къ Богу и дѣлаетъ Божиимъ; а молитва дѣлаетъ то, что Богъ милосердствуетъ къ человѣку, и просвѣщаетъ умъ его, чтобъ понималъ и помнилъ прочитываемое. То, что написано объ иныхъ мірскихъ дѣлахъ, читающіе могутъ понимать и сами, но вещей божественныхъ и спасительныхъ никому невозможно понять или помнить безъ просвѣщенія отъ Св. Духа.

2. Тому, кто научился молиться какъ должно, не столько нужно чтеніе потому, что его душу исполняетъ божественнымъ свѣтомъ и божественно измѣняетъ благодать Св. Духа. Но тотъ, кто предпочитаетъ больше сидѣть за чтеніемъ, нежели научиться молиться какъ должно, находится въ прелести и самъ себя отдалаетъ отъ спасенія; лучше же сказать, таковой безчувственъ, хотя и говоритъ, что прочиталъ все писаніе и всегда имѣетъ его на языкѣ. Не можетъ быть, чтобы плодъ земной созрѣлъ безъ теплоты солнечной. Пусть сѣмя прозябнетъ во время зимы и весною прорастетъ и дастъ стволъ; но если все время будетъ стоять пасмурное и холодное, то никакъ не созрѣетъ плодъ его. Это будетъ произрастеніе ни къ чему негожее и бесполезное; лучше бы ему совсѣмъ не прорасти. Такимъ же образомъ и тотъ, кто не согрѣвается теплотою умнаго солнца—

Христа Господа, посредствомъ молитвы, какъ должно совершаемой, не можетъ получить зрѣлаго плода духовнаго, т.-е. сладости и пользы отъ чтенія своего.

Много потребно времени и труда, болѣе мысленнаго, чѣмъ тѣлеснаго, на то, чтобы сначала научиться молиться какъ должно, а потомъ, научившись, продолжать молиться. Почему и Апостоль заповѣдуетъ намъ воспѣвать и пѣть Богу всегда сердцемъ, а не устами одними (Еф. 5, 19). Поелику уста говорятъ отъ избытка сердца, то надобно такъ устроиться, чтобъ и молитва, устами произносимая, произносима была отъ избытка сердца. А это бываетъ, когда въ насъ сердце чистое создается, божественный духъ правый обновляется, и воспріимается радость спасенія Божія, каковая радость рождается отъ общенія и причастія Христу, а утверждается потомъ благодатію Духа владычнаго, по слову пророка, который сперва сказалъ: *сердце чисто созижди во мнѣ Боже и духъ правъ обнови во утробѣ моей*, а потомъ: *воздаждь ми радость спасенія Твоего и Духомъ владычнымъ утверди мя*, чтобъ духи злые ни съ какой стороны не могли, своими искушеніями и прилогами, колебать движеній и помышленій душевныхъ. Когда душа будетъ въ состояніи молиться показаннымъ способомъ, тогда возможно, чтобы отъ таинственныхъ лучей божественнаго просвѣщенія, нисходящихъ въ молящагося во время молитвы и ради молитвы, созрѣвало, т.-е. было въ сладость пріемлемо и пользу приносило то, что онъ вычитываетъ и понимаетъ. Кто не дѣлаетъ такимъ образомъ, тотъ ничего какъ должно не понимаетъ изъ читаемаго, не чувствуетъ сладости отъ того и никакой не получаетъ пользы.

3. Молиться Богу весьма хорошее дѣло и великую приносить пользу молящемуся. Если великая бываетъ польза отъ собесѣдованія съ земнымъ царемъ, то сколь большая должна быть отъ собесѣдованія съ Царемъ не-

беснымъ посредствомъ молитвы? Какъ никто не смѣетъ приблизиться къ тому, кто бесѣдуетъ съ царемъ земнымъ, и пресѣчь бесѣду, которую онъ ведетъ; такъ и демоны не дерзають приблизиться къ тому, кто съ Богомъ бесѣдуетъ. Напротивъ, великій вредъ бываетъ отъ того, если кто не молится Богу: ибо душа такого оставляется лишенною Божіа просвѣщенія, божественной силы и покоя отъ демонскихъ искушеній; и демоны непрестанно возбуждаютъ въ ней непотребныя движенія, похоть нечистую, позывы на блудъ, неправду, тщеславіе, гордость, самолюбіе. Какъ для тѣла необходимо потребенъ воздухъ, чтобъ дышать, такъ для души потребно непрестанное памятованіе о Богѣ т.-е. молитва. Но опять, если кто молится Богу просто, какъ попало, будто мимоходомъ, безъ страха, какой надлежитъ имѣть тому, кто предстоить предъ Богомъ, предъ Коемъ трепещутъ херувимы, для того не только это никакой не приносить пользы, тотъ не только несетъ ущербъ, о коемъ сказано выше, но терпитъ несравненно пагубнѣйшій вредъ, гнѣвъ Божій, отвращеніе Божіе, изгнаніе Божіе. Ибо какъ тѣлохранители царскіе тотчасъ восхищаютъ отъ лица царева и выгоняють вонъ того, кто стоитъ предъ царемъ небрежно, безъ страха и благоприличія, и царь не воспрещаетъ имъ этого; такъ и Ангелы Божіи отторгаютъ отъ лица Божія и отъ взора Его и вонъ изгоняють умъ того, кто стоитъ предъ Богомъ и молится Ему небрежно, будто съ презорствомъ, безъ благоговѣнія и благонастроенія, и тогда тотчасъ схватываютъ его демоны съ дерзостію и насиліемъ и кружатъ его, гдѣ хотятъ, по мѣстамъ срамнымъ и нечистымъ, или по дѣламъ злымъ, или по вещамъ суетнымъ и безполезнымъ. И ни самъ страждущій сіе отъ демоновъ не чувствуетъ того, ни Богъ не сжаливается надъ нимъ и не освобождаетъ его отъ сего, за то что тотъ пре-

зрѣлъ Его и преступилъ заповѣдь Его, которая повелѣваетъ: *работайте Господеву со страхомъ, и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Пс. 2, 11). Потому гораздо лучше бы было для такого, еслибъ онъ совсѣмъ не молился; потому что демоны ни за какіе грѣхи не овладѣвають душою съ такимъ тиранствомъ, какъ за презорство къ Богу. И земной царь должникамъ своимъ и тѣмъ, которые въ чемъ либо погрѣшаютъ предъ нимъ, терпитъ, а для тѣхъ, которые презираютъ его, бываетъ тяжкимъ и страшнымъ отмстителемъ. Почему нѣтъ большаго грѣха, какъ молиться Богу съ презорственнымъ небреженіемъ.

Богъ безтѣлесенъ и невидимъ; почему и служить Ему надлежитъ не тѣлесно только. и не видимо только. Служить Богу только тѣлесно и видимо есть дѣло несообразное, какъ говорить и пророкъ Давидъ: *аще бы восхотѣлъ еси жертвы, далъ быхъ убо, всесожженія не благоволиши. Жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ*. Сокрушеніе же сердца бываетъ въ умѣ и помышленіи, а умъ нашъ и помышленія наши невидимы. Итакъ, будучи обязаны воздавать Богу невидимому невидимое служеніе, мы должны служить Ему умомъ и помышленіемъ. Это и есть подобающее и сообразное служеніе, — Невидимому приносить невидимое, и мысленному мысленное. Но потомъ уже и вмѣстѣ уже съ этимъ надлежитъ приносить и видимое, съ душою и тѣлесное, да угожденіе Богу отъ насъ будетъ всѣмъ существомъ. Богъ *не отъ рукъ человѣческихъ угожденіе пріемлетъ* (Дѣян. 17, 25). Если и пріемлетъ Онъ тѣлесныя и чувственныя приношенія, то знать надлежитъ, когда и какъ пріемлетъ, именно, когда они приносятся отъ чистаго сердца.

Молитва и пѣніе божественныхъ псалмовъ не что иное есть, какъ бесѣдованіе съ Богомъ, въ коемъ мы или умоляемъ Его, да даруетъ намъ, что сообразно Богу даровать человѣкамъ, или прославляемъ Его за всѣ тво-

ренія, сотворенныя Имъ, или воспѣваемъ чудеса Его, какія отъ вѣка по временамъ творилъ Онъ во славу Свою, во спасеніе людей и въ воздаяніе и наказаніе неправедныхъ и злыхъ,—или возвѣщаемъ промыслительныя дѣйствія Его, кои по домостроительству Своему совершаетъ Онъ таинственно и сокровенно,—или величаемъ великое таинство вочеловѣченія Сына и Слова Божія, именно, какъ Сынъ Божій не отлучаясь отъ всего прочаго творенія, отлучился въ пренепорочное чрево Приснодѣвы Маріи и содѣлался человѣкомъ, родился, воспитался и явилъ намъ житіе и жизнь божественныя распялся, умеръ и воскресъ изъ мертвыхъ, даровавъ чрезъ то и роду человѣческому надежду воскресенія и жизни вѣчной, и вознесся, яко человѣкъ на небеса, чтобъ ниспослать на вѣрующихъ въ Него, отъ единого Бога Отца исходящаго, Духа Святаго, Котораго отъ начала имѣлъ первый человѣкъ и лишился за невѣріе свое, когда не повѣрилъ словесамъ Божиимъ. Ибо то и было послѣднею цѣлю воплощеннаго домостроительства, т.-е. для того и воплотился Сынъ Божій, Богъ Слово, и содѣлался человѣкомъ, да пріемлютъ какъ душу, благодать Святаго Духа души тѣхъ, кои вѣрують въ Него, яко Бога и человѣка, т.-е. во единого Христа изъ двухъ естествъ, нераздѣльныхъ и несліянныхъ, Божества и человечества, и да являются такимъ образомъ возрожденными, возсозданными и обновленными чрезъ святое крещеніе и содѣлываются тѣмъ, чѣмъ былъ первый человѣкъ прежде преступленія, освящаяся благодатію Святаго Духа въ умѣ, совѣсти и во всѣхъ чувствахъ, такъ чтобы послѣ сего совсѣмъ не имѣть уже растлѣнной паденіемъ жизни, которая могла бы увлекать вожделѣніе души къ плотскимъ и мірскимъ похотямъ.

Если теперь тотъ, кто долженъ въ молитвѣ своей бесѣдовать къ Богу о всемъ вышесказанномъ, вращая то

въ умѣ своемъ день и ночь, если онъ, положимъ, и долгое время проговариваетъ все это языкомъ только, а умомъ не знаетъ что говорить, то не является ли онъ потерявшимъ смыслъ? Но всячески явно, что онъ не содѣлался еще вѣрнымъ, еще не вошелъ въ содружество съ Богомъ. Ибо вѣрнымъ именуется и есть тотъ, кому ввѣрена и кто имѣетъ благодать Св. Духа; благодать же сія просвѣщаетъ умъ, собираетъ его въ себя и сосредоточиваетъ, да разумѣтъ, къ Кому бесѣдуетъ и о чемъ бесѣдуетъ. Слѣдовательно кто не такъ дѣйствуетъ въ молитвѣ, тотъ не имѣетъ благодати Св. Духа, не вѣрнымъ пребываетъ и далекимъ отъ Бога

Итакъ прежде всего надлежитъ сдѣлаться вѣрнымъ и съ Богомъ примириться и содружиться, испросивъ у Него отпущеніе всѣхъ прежнихъ грѣховъ, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ содѣлавныхъ. Душа съ Богомъ примирившаяся и содружившаяся бываетъ кроткою, смиренною и сокрушенною. Это и служитъ признакомъ примиренія и содруженія съ Богомъ. Ибо Богъ обыкновенно эти первыя даетъ дарованія вѣрующимъ, т.-е. кротость и смиреніе. Душу же кроткую и смиренную уже не борють демоны, какъ прежде, ни сластолюбіемъ, ни сребролюбіемъ, ни славолюбіемъ; и такимъ образомъ чрезъ эти два дарованія Христовы душа обрѣтаетъ покой и не бываетъ смущаема никакими чуждыми и неумѣстными помыслами. Таковая душа и молится какъ подобаетъ, т.-е. со страхомъ, благоговѣніемъ и вниманіемъ, а не одними устами. И это невозможно ни для какого человѣка, ни для мірянина, ни для монаха, ни для отшельника, ни для клирика, ни для діакона, ни для священника, ни для архіерея, если душа каждаго изъ нихъ не содѣлается причастницею Святаго Духа, по мѣрѣ вѣры ихъ во Христа: *ибо никтоже можетъ реши Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3).

Истинно кланяющіеся Богу, Духомъ кланяются и Духомъ молятся. А гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода (2 Кор. 3, 17), свобода отъ демоновъ и отъ всѣхъ страстей всѣваемыхъ ими въ душу, отъ ненависти, печали, смущенія, малодушія, злонравія, злобы, невѣрія, гнѣва и падкости на всякое самоугожденіе; и тѣ, кои обладаются ими, пусть они будутъ постники, безмолвники, долгощѣвцы псалмовъ, толкователи божественныхъ писаній, излагатели правыхъ догматовъ, учителя и проповѣдники церковные, пусть именуются высокопреподобными, многочеными и всесильными, не имѣютъ части со Христомъ, истиннымъ свѣтомъ, *просвѣщающимъ всякаго челоуѣка*, отъ своего злаго произволенія *грядущаго въ истинный міръ* добродѣтелей: ибо тьма не имѣетъ никакого общенія со свѣтомъ.

Каковъ свѣтъ да сподобимся получить и мы о Христѣ Иисусѣ, Коему подобаешь слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и Животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДЕВЯТОЕ.

1. Самый большой грѣхъ есть молиться безъ страха Божія, безъ благоговѣнія и вниманія. Допускающіе его не вѣдаютъ, какъ должно, Бога.

2. Для того, чтобы познать Бога, потребенъ божественный свѣтъ.

3. Всякій челоуѣкъ грѣшитъ умомъ, словомъ и дѣломъ. Чтобы охраниться отъ грѣховъ, надо прежде всего уврачевать умъ.

1. Нѣтъ грѣха больше, какъ молиться безъ страха Божія, безъ вниманія и благоговѣнія. Кто молится или поетъ псалмы просто, какъ попало, съ небрежностію и презорствомъ, тотъ явно не знаетъ, что такое есть Богъ, не знаетъ и небрежничаешь. Почему Богъ, отъ Коего исходитъ и отпущеніе грѣховъ и всякое благо, хотѣлъ бы помиловать и его, но не можетъ, а паче гнѣвается.

Лучше такому совѣмъ не молиться, чѣмъ такъ молиться, т.-е. устами только. Душѣ не свойственно молиться устами, а умомъ, и тотъ, кто поетъ псалмы и молитвы творить, а умъ его не заключаетъ себя въ молитву, которую онъ говоритъ, дѣлаетъ дѣло несообразное; почему подвигаетъ на гнѣвъ Бога, Которому молится. Какъ умъ видитъ и умъ слышитъ, такъ надобно, чтобы умъ же и молился посредствомъ устъ. Кто совѣмъ не молится, тотъ не исполняетъ своего долга и остается должникомъ Богу; но когда-нибудь онъ опомнится и можетъ испросить себѣ отпущеніе долга у Бога, Коему долженъ. Тотъ же, кто молится кое-какъ, съ небрежностію, подвигаетъ на гнѣвъ самого долговъ рѣшителя Бога, Коему молится; ибо таковой устами Богу молится, а умъ съ бѣсами ведетъ бесѣду. Отъ кого же послѣ сего ожидать ему милости?

Итакъ надобно съ устною молитвою молиться Богу и умомъ. Но поелику невозможно, чтобы съ устами и умъ молился, если не получить онъ прежде просвѣщенія и воздѣйствія Святаго Духа, то прежде всего другаго надобно попешись о томъ, чтобы пріять просвѣщеніе и благодать Святаго Духа, дабы не молиться устами только и чрезъ то не быть въ опасности вмѣсто полученія милости отъ Бога, подпасть гнѣву Его. Ибо нѣтъ другаго грѣха, который бы такъ много прогнѣвлялъ Бога, какъ тотъ, когда кто устами молитвы Ему творить, а умомъ помышляетъ неумѣстное и срамное. Таковой умъ еще не возобладанъ Христомъ и не хочетъ быть обладаемымъ отъ Него; и поелику не хочетъ, чтобы царствовалъ надъ нимъ Богъ, есть врагъ Царя-Христа (Лук. 19, 14).

2. Итакъ не подобаетъ молиться Богу безъ страха и благоговѣнія. Кто не имѣетъ страха и благоговѣнія, пусть испрашиваетъ прежде всего свѣта страха Божія, да вѣдаетъ, предъ сколь страшнымъ Богомъ предстоить

онъ и молится, чтобъ удостоиться за то получить просимое. Ибо кто познаетъ, коль страшенъ есть Богъ, тотъ преисполнится и страхомъ Божиимъ, и страхъ Божій научитъ его достодождной молитвѣ. Кто жъ не позналъ сего, тотъ во тьмѣ и не умѣетъ молиться, какъ должно. Пока солнце еще не возсіяло и тьма покрываетъ землю, кто можетъ видѣть хорошо вещи? И тотъ, кто прошелъ грамматику, риторику и философію и обогатился познаніемъ всего сущаго, не можетъ безъ свѣта прочитывать книгъ, въ которыхъ содержатся такія ученія, а новоначальный, который только приступилъ къ такому ученію, что можетъ увидѣть безъ свѣта, или чему можетъ научиться? Ничему. Такимъ же образомъ и душѣ всякой потребенъ сокровенный свѣтъ божественнаго вѣдѣнія, да видить и познаетъ и постигаетъ силу и значеніе божественныхъ словесъ псаломскихъ. Ибо сей сокровенный свѣтъ божественнаго вѣдѣнія есть нѣкая мысленная сила—властная, которая окружаетъ и собираетъ подвижной умъ, отбѣгающій обычно туда и сюда, въ то время, когда слушаетъ или читаетъ божественныя оныя словеса, и держитъ его въ себѣ, да внимаетъ тому, что читаетъ или слушаетъ. Если же не войдетъ въ кого сей божественный свѣтъ, то онъ устами будетъ произносить или читать молитву, и ушами слушать, а умъ его будетъ оставаться безплоднымъ; и не только это, но онъ не будетъ стоять на одномъ, а будетъ кружиться тамъ и сямъ, и помышлять о томъ, о чемъ не подобаетъ, держа притомъ ту мысль, будто ему неотложно необходимо обдумать то, о чемъ думаетъ, и позаботиться о томъ, въ чемъ прельщается, не понимая, что состоитъ въ сіе время рабомъ мысленнаго тирана діавола, и имъ мысленно влачимъ бываетъ туда и сюда. Тьмѣ-то и бѣдственна и пагубна эта болѣзнь, что, тогда какъ врагъ мой влачитъ туда и сюда мой соб-

ственный умъ, я думаю, что всѣ эти круженія моего ума, всѣ эти заботы и попеченія суть мои собственные и неотложно необходимы для меня. Вотъ первая и величайшая изъ всѣхъ болѣзней душевныхъ, для уврачеванія которой, яко первѣйшей, худшей и сильнѣйшей всякой другой болѣзни душевной, надлежитъ намъ подвизаться до пролитія крови. Ибо она препятствуетъ намъ молиться какъ должно и не позволяетъ молитвѣ нашей восходить прямо къ Богу; она есть большая и крѣпкая стѣна, которая мѣшаетъ уму нашему приближаться къ Богу, Который есть вездѣ сый и вся исполняй. Сію омраченіе души есть начало кромѣшней тьмы адской, и если не разгонитъ его Христосъ во всякомъ подвизающемся о спасенія своемъ, то никто не узритъ Господа. Почему и Давидъ говоритъ: *Богомъ моимъ преиду стѣну* (Пс. 17, 30). И Христосъ Господь, прогоняющій сію тьму, возвѣщаетъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12). Если не будетъ развѣянъ и изгнанъ изъ души сей мракъ прежде всякаго другаго зла, то тщетна вѣра всякаго такого христіанина, тщетно именуется онъ именемъ вѣрующаго, тщетны посты его и бдѣнія, тщетно трудится онъ, вопія въ псалмопѣніяхъ своихъ.

3. Если камни нападаютъ въ какой-либо тѣсный каналъ или трубу и загородятъ ихъ, то нельзя вынуть того камня, который на самомъ низу, ни того, который на срединѣ, ни даже того, который близко къ первому, если напередъ не вынешь этого перваго, а потомъ по порядку и другіе. Это же самое бываетъ и съ людьми. Тремя образами грѣшатъ люди: умомъ, словомъ и дѣломъ. Первый грѣхъ, грѣхъ умомъ, есть причина и всѣхъ тѣхъ грѣховъ, въ какихъ грѣшатъ словомъ и дѣломъ; ибо не умъ заканчиваетъ грѣхъ, а слово и дѣло заканчиваютъ, что изобрѣтаетъ умъ. Итакъ изъ этихъ трехъ, чему прежде и

болѣе всего необходимо быть уврачевану отъ Христа? Очевидно, первому, т. е. уму. Ибо когда уврачуется и освятится умъ, когда придетъ онъ въ доброе состояніе и не будетъ сносить, чтобъ сказано или сдѣлано было что-либо Богу неугодное, тогда душа будетъ охранена и отъ всякаго другаго грѣха. Итакъ сколько силъ есть, надлежитъ намъ подвизаться, да освятится Христомъ умъ нашъ, воспріявъ благодать Святаго Духа. Для этого одного Христосъ, будучи Богъ, содѣлался человѣкомъ, для этого распялся, умеръ и воскресъ. Это, т.-е. освященіе ума, и есть воскресеніе души въ настоящей жизни, вслѣдствіе коего можно сподобиться и будущаго воскресенія тѣломъ къ славѣ и блаженству.

Потщимся же прежде всего исправить умъ свой, чтобъ онъ стоялъ (трезвенно въ себѣ), когда молимся, или читаемъ и изучаемъ Божественныя Писанія. Ибо если не исправимъ ума, все другое тщетно, и душа наша никакого не воспріемлетъ преуспѣянія. Многіе, именующіеся христіанами и не сущіе таковыми воистину, не зная, что носятъ въ душѣ своей эту великую и страшную болѣзнь, впадаютъ въ тщеславіе и самомнѣніе, думаютъ, что они выше другихъ братій, гордятся и превозносятся надъ однородными себѣ и презираютъ ихъ, когда эта болѣзнь равняетъ ихъ со всѣми, ибо она обща всему роду человѣческому, какъ общи всѣмъ тлѣніе и смерть. Эта болѣзнь верѣдко скорѣе врачуется въ простѣйшихъ и неученыхъ, нежели какъ въ ученыхъ и умудренныхъ наукою. Если скорѣе врачуются сіи простѣйшіе, то, очевидно, они лучше умудренныхъ и ближе къ Богу, Коемъ прежде познаваемы бываютъ и просвѣщаются, а потомъ сами Его познаютъ. Впрочемъ и каждому, по мѣрѣ исправленія ума его, дается мѣра вѣдѣнія или познанія какъ самого себя, такъ и Бога, т.-е. поколику исправляется, освящается и просвѣщается умъ cadaго,

потолику онъ познаеть себя самого и Бога, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ДЕСЯТОЕ.

1. Богъ не немощнымъ создалъ въ началѣ человѣка, такъ чтобы онъ согрѣшилъ по немощи, какъ теперь грѣшить.

2. Иное есть грѣхъ Адама, а иное прочіе грѣхи, коими, грѣшнымъ мы нынѣ.

3. Что вамъ даровано отъ Христа, и что есть грѣхъ?

4. Того ради Богъ содѣлался человекомъ, да упразднить дѣла діавола.

1. Разсудивъ о грѣхѣ, коимъ согрѣшилъ Адамъ, когда находился въ славѣ и наслажденіи райскомъ, никто не найдетъ, чтобы онъ сдѣланъ былъ по необходимости или немощи, или по какой-либо благословной причинѣ, а лишь по одному презрѣнію заповѣди Божіей, по неблагодарности и отступничеству Адама, какое показалъ онъ въ отношеніи къ Богу, Создателю своему. Впрочемъ для него дано Богомъ мѣсто покаянію, да обрящетъ прощенье, по двумъ слѣдующимъ причинамъ: первое, потому что онъ не самъ по себѣ надумалъ злое, но былъ прельщенъ и введенъ въ заблужденіе совѣтомъ діавола; второе, потому что былъ облеченъ плотію: ибо Адамъ, яко тварь, былъ удобопремѣнителенъ, но не могъ впасть въ совершенное отступничество отъ Бога, какъ діаволь и послѣдовавшіе ему демоны, не имѣвшіе плоти. Тѣмъ большая оставлена человѣку надежда помилованія теперь, когда онъ обложенъ естественною нѣкоею немощію, какую воспріяло человѣческое естество по паденіи, и по причинѣ коей грѣшитъ. Но это не можетъ оправдывать его грѣховъ, а должно лишь къ тому побуждать, чтобы съ чувствомъ благодаренія Богу за дарованіе мѣста прощенію скорѣе прибѣгать къ Нему и испрашивать у Него прощенія и силы, — прощенія того, въ чемъ согрѣшилъ,

потому что хотя онъ грѣшилъ по человѣческой немощи, но ему надлежало противостоять грѣху до смерти; силы, чтобъ воспріять отъ Бога силу, благодатію Христовою, не согрѣшать, а дѣлать одни добрыя дѣла, Богу угодныя.

2. Никто изъ насъ никогда ни согрѣшалъ и не можетъ согрѣшить, какъ согрѣшилъ Адамъ; потому что никого не было и нѣтъ во всемъ ему равнаго, кто бы т.-е. былъ подобно ему безбѣденъ, безпечаленъ, свободенъ отъ всякой естественной нужды. Ибо посмотри, какое наказаніе положено Адаму и роду его за преступленіе заповѣди въ раю,—алчба, жажда, озябаніе во время зимы, озноеніе во время лѣта; отсюда потребность пищи, питія, одежды и крова, для чего трудъ, претружденіе и поты на всю жизнь. Далѣе же что послѣдуетъ? Нетерпѣливость по причинѣ всѣхъ показанныхъ нуждъ и противленіе опредѣленію Божію. Ибо всякій человѣкъ раждающійся въ настоящую жизнь, не зная, что всѣ такія временныя наказанія наложены на весь родъ человѣческій за преступленіе праотца нашего Адама, не съ благодарностію ихъ принимаетъ, а дерзко ропщетъ по причинѣ ихъ, и желая найти успокоеніе отъ нуждъ своихъ, лихоимствуетъ, ищетъ стяжевать болѣе потребнаго, похищаетъ чужое, неправствуетъ. И вотъ это-то наши суть грѣхи, т.-е. что не сносимъ терпѣливо временныхъ Божіихъ наказаній и не благодаримъ за нихъ, но, надымаясь будто враги Богу, идемъ нѣкоторымъ образомъ наперекоръ божественному оному опредѣленію, которое гласитъ: *въ потѣ лица твоего съищи хлѣбъ твой*; всѣ силы напрягаемъ, чтобъ найти упокоеніе, и не находимъ, потому что нѣтъ возможности ускользнуть намъ отъ трудовъ и потовъ и этой подъяремности нуждъ, что бы мы ни дѣлали. Потому счастливы тотъ, кто съ благодарностію претерпѣваетъ эти временныя наказанія, исповѣдуя, что праведно осужденъ на

нихъ за прародительскій грѣхъ. Ей, почиеть онъ отъ трудовъ своихъ. Ибо по причинѣ этихъ наказаній всеблагій Богъ даровалъ людямъ смерть, чтобы почивали отъ нихъ на время переносящія ихъ съ благодареніемъ, и потомъ были воскрешены и прославлены въ день суда, чрезъ новаго Адама, безгрѣшнаго Иисуса Христа и Бога, *Иже преданъ бысть за прегрѣшенія наша, и воста за оправданіе наше* (Рим. 4, 25).

3. Богъ, пришедши въ міръ и содѣлавшись человѣкомъ, принесъ людямъ слѣдующія два великія блага,—соединилъ естество Божеское съ естествомъ человѣческимъ, чтобы человѣкъ содѣлался Богомъ, и въ этого человѣка, содѣлавшагося Богомъ по благодати, таинственно вселялась Пресвятая Троица. Тотъ же, кто сподобился столь великихъ даровъ, какъ можетъ послѣ сего грѣшить, какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ и евангелистъ: *всякъ рожденный отъ Бога, грѣха не творитъ... и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть* (1 Іоан. 3, 9)?

А грѣхъ что есть? Злая помышленія, слова и дѣла. Итакъ ничего такого не можетъ допустить въ себѣ тотъ, кто истинно сподобился благу Божескаго вочеловѣченія, не можетъ допустить никогда, и если допустить хоть немного разъ, перестанетъ уже быть таковымъ. Кто помышляетъ иногда доброе, а иногда злое, кто ведетъ рѣчи иногда добрыя, а иногда злыя, кто дѣлаетъ иногда добрыя, а иногда худыя дѣла, тотъ подобенъ человѣку, который иногда идетъ въ храмъ Божій, а иногда въ капище идольское, иногда Богу поклоняется, а иногда демонамъ. Можетъ ли же быть таковымъ тотъ, въ комъ вселился Богъ?

Посему-то христіанину надлежитъ всегда и помышлять, и говорить, и дѣлать одно доброе: ибо, какъ говоритъ Господь: *домъ, раздѣливыйся на ся, не станетъ* (Мѡ.

12, 25). Но и то надлежитъ всегда памятовать, что невозможно, чтобы всегда были добры помыслы (отъ которыхъ обыкновенно рождаются подобныя имъ слова и дѣла), если въ умъ не вселится прежде Христосъ Господь, о чемъ и должно намъ подвизаться, сколько силъ есть, т.-е. чтобъ въ умъ нашъ вселился Христосъ Господь.

4. Іоаннъ Богословъ говоритъ: *сего ради явися Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діавола* (1 Іоан. 3, 8). Дѣла же діавола суть всякій грѣхъ,—зависть, ложь, лѣкачество, ненависть, вражда, злопамятство, клевета, гнѣвъ, ярость, гордость, тщеславіе, немилосердіе, лихоимство, хищеніе, неправда, похоть злая, спорливость, бранчивость, задорность, пересмѣшки, клятвы, богозабвеніе, безчеловѣчіе и всякое другое зло. Итакъ тѣмъ, кои именуются христіанами и дѣлаютъ такіа дѣла діавола, что пользы отъ того, что они именуются христіанами, когда явленіе Сына Божія не разрушило въ нихъ этихъ дѣлъ діавольскихъ? Если кто скажетъ, что нѣкоторые изъ таковыхъ изъясняютъ Божественныя Писанія, богословствуютъ, проповѣдуютъ православныя догматы, да вѣдаетъ, что не въ этомъ состоитъ дѣло Христово. Іоаннъ Богословъ не говоритъ: *сего ради явися Сынъ Божій, да богословствуютъ и да православствуютъ нѣкоторые*, но *да разрушитъ дѣла діавола*. Относительно же таковыхъ скажу, что прежде надобно очистить сосудъ отъ всякой скверны, и потомъ вложить въ него муро, чтобъ иначе не осквернилось само муро, и вмѣсто благовонія не исходило отъ него зловоніе. Сынъ Божій и Богъ Слово не для того содѣлался человѣкомъ, чтобъ только вѣровали во Святую Троицу, прославляли Ее и богословствовали о Ней, а для того, чтобы разрушить дѣла діавола. Въ комъ изъ принявшихъ вѣру Христову разрушены будутъ дѣла діавола, тому можно ввѣрять и

тайны богословія и православныхъ догматовъ. Тѣ же, въ коихъ не разрушены такія дѣла, и кои оказываются опутанными въ нихъ къ безчествованію и похуленію Бога, тѣ по существу дѣла стоятъ еще на одной линіи съ язычниками, которымъ воспрещено и возбранено даже входить въ храмъ Господень и молиться въ немъ Богу, а не только читать Божественныя Писанія и изъяснять ихъ, какъ написано: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя, воспріемлши заповѣтъ Мой усты твоими? Ты же возненавидѣлъ еси наказаніе, и отвергъ еси словеса Моя вспяť* (Пс. 49, 16. 17). Кто не принимаетъ къ сердцу законовъ Божіихъ, тотъ ненавидитъ наказаніе и исправленіе, внушаемое словесами Господа, и затыкаетъ уши свои, чтобъ не слышать слова Божія, которое возвѣщаетъ о будущемъ судѣ и воздаяніи грѣшникамъ, или о неугасимомъ огнѣ геенскомъ и прочихъ мукахъ адскихъ, или о вѣчномъ осужденіи, отъ котораго не можетъ уже убѣжать никто изъ тѣхъ, кои однажды подверглись ему. Кто не старается всѣми силами имѣть заповѣди Божія всегда предъ очами своими и соблюдать ихъ, но презирая ихъ, предпочитаетъ противное имъ и производить то въ дѣло, тотъ завергаетъ слова Божія вспяť. Поясню это слѣдующимъ примѣромъ. Когда Богъ ясно повелѣваетъ: *покайтесь, приблизися бо царство небесное* (Матѣ. 4, 17), и еще: *подвизайтесь внити сквозь тѣсная врата* (Лк. 13, 24), а слышащій это не только не хочетъ каяться и понудить себя идти тѣсными вратами, но проводитъ всѣ дни жизни своей въ великомъ нерадѣніи, прилагая къ прежнимъ грѣхамъ каждый часъ другіе, и тѣло свое покоитъ и утѣшаетъ больше чѣмъ нужно и даже больше, чѣмъ пристойно, — что и служитъ признакомъ широкаго и пространнаго пути, ведущаго въ пагубу, а не тѣснаго и прискорбнаго вводящаго въ животъ вѣчный; то не

очевидно ли, что таковой завергаетъ вспять, т.-е. презираетъ словеса Божіи, и творить свои хотѣнія, или лучше сказать, хотѣнія діавола? Да и св. Давидъ такъ изображаетъ завергающаго слова Божіи вспять: *еще видѣлъ еси татя, тебѣ еси съ нимъ, и съ прелюбодѣмъ участіе твое полагалъ еси. Уста твоя умножиша злобу, и языкъ твой сплеташе лъщенія. Судя на брата своего клеветалъ еси, и на сына матери твоея полагалъ еси соблазнъ. Сія сотворилъ еси, и умолчалъ, вознепещвалъ еси беззаконіе, яко буду тебѣ подобенъ: обличу тя, и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя. Разумѣйте убо сія забывающіи Бога, да не когда похититъ и не будетъ избавляяй* (Пс. 49, 18—22). Видишь ли, какъ таковой забылъ Бога и достоинъ пріять большее наказаніе, чѣмъ безбожники, совѣтъ Бога не вѣдающіе? Ибо познавши Бога, какъ говоритъ Апостоль, онъ не какъ Бога славить Его, но паче поноситъ Его, дѣлая дѣла діавола. Почему есть врагъ Божій, хотя и кажется вѣрнѣйшимъ учителемъ божественныхъ догматовъ и православнаго богословія. Впрочемъ и это, чтобъ таковой вѣрно возвѣщалъ божественные догматы и богословствовалъ, невозможно. Ибо какъ возможно, чтобы право и чисто умствовалъ тотъ умъ, который омраченъ оскверненною совѣстію? Только тотъ, кто разрѣшился отъ дѣлъ діаволихъ и всегда содержитъ въ памяти Бога, можетъ вѣрно возвѣщать тайны Божіи, какъ не вяжемый болѣе дѣлами діавола, отъ коихъ когда бы избавиться и намъ всѣмъ и улучшить царствіе небесное, во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ОДИННАДЦАТОЕ.

1. Пишетъ сіе слово св. отецъ къ одному ученику изъ мірянъ, и учаеъ, какъ должно чтить св. отцевъ духовныхъ?

2. Что должно дѣлать, чтобъ найти настоящаго духовнаго отца?

3. И нашедши его, какъ должно къ нему относиться?

1. Возлюбленный мнѣ въ Господѣ! Я принялъ тебя на лоно свое, когда ты пришелъ ко мнѣ; съ теплымъ усердіемъ преподавъ тебѣ истинное ученіе, съ немалымъ трудомъ возообразивъ тебя во образъ Христовъ чрезъ покаяніе, и возродилъ чадомъ духовнымъ съ великимъ терпѣніемъ, многими попеченіями и каждодневными слезами, хотя ты не зналъ ничего изъ этого, испытаннаго мною ради тебя. Это и не дивно. И дѣти, находясь въ утробѣ, ни мало не чувствуютъ печалей матери своей, ни болѣзней, какія терпитъ она во время рожденія ихъ. Но когда родятся, естественно хватаются за груди матернія, насыщаются молокомъ, исходящимъ изъ нихъ, и, питаясь такимъ образомъ, мало-по-малу растутъ, и тогда уже познаютъ мать свою, родившую ихъ, и начинаютъ почитать ее и любить презимѣрно; и хотъ она бьетъ ихъ, хотъ бранить, они все къ ней бѣгутъ съ полною любовію; не могутъ они подумать, чтобъ она ненавидѣла ихъ и отвращалась отъ нихъ душою своею, но что бы она имъ ни дѣлала, думаютъ, что дѣлаетъ то для того, чтобъ научить ихъ разуму. Также и отца своего наконецъ познаютъ они и начинаютъ отличать отъ другихъ, почитать и слушаться, не по естественному только закону, но и по законамъ, которые даровалъ человеколюбивый Богъ.

Такимъ образомъ родители являютъ подобающее о дѣтяхъ попеченіе, а дѣти воздаютъ родителямъ благо-расположеніемъ и покорностію достоудное, и живя съ ними, бывають научаемы наказаніемъ и ученіемъ Господнимъ. Но если родители не оказываютъ должнаго попеченія о дѣтяхъ, не учатъ ихъ разуму, не внушаютъ имъ добрыхъ правилъ, то души дѣтей всеконечно взысканы будутъ отъ рукъ ихъ. И напротивъ, если дѣти по дерзости и безчинству будутъ презирать родителей своихъ, не станутъ слушать наставленія и исполнять повелѣнія ихъ, то хоть и не будутъ они преданы за то на временную смерть, какъ опредѣляетъ ветхій законъ, но несомнѣнно преданы будутъ огню вѣчному и тмѣ кромѣшной. Объ этомъ явно возвѣщаетъ намъ все богодухновенное Писаніе, и мы, будто глухіе, не слушаемъ того, а если и слушаемъ, не исполняемъ, какъ будто и не слышали.

Таковымъ я не имѣлъ и не имѣю никакой охоты говорить что-либо или писать, особенно слыша, что Господь и Богъ нашъ сказалъ ученикамъ Своимъ: *еще Мене изнаша, и васъ изженутъ* (Іоан. 15, 20); и опять: *еще господина дому вселзевула нарекоша, колыми паче домашнія его* (Мѡ. 10, 25). Но какъ несмотря на то, Онъ все же послалъ ихъ къ намъ, языкамъ, говоря: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѡ. 28, 19), и потомъ присовокупилъ еще къ сему: *иже въру иметъ и крестится, спасенъ будетъ; а иже не иметъ въры, осужденъ будетъ* (Мр. 16, 16), то я расположился написать любви твоей на память, что для тебя благопотребно и полезно. И это потому особенно, что преодолеваетъ меня, какъ отца чадолюбиваго, крѣпкая къ тебѣ любовь, не позволяя мнѣ

сносить, чтобъ ты, духовный сынъ мой въ Господѣ, проводилъ жизнь свою такъ, какъ живешь. Теплое къ тебѣ расположеніе нудить меня снизойти къ тебѣ и предъ очи твои предложить истину Божию, хотя пиша напишу тоже, что каждый день читаешь ты самъ, и что соблюдать заповѣдуетъ намъ Божественное Писаніе.

Можетъ быть, ты спросишь меня: если ты обѣщаешься сказать мнѣ, что я уже знаю и чему учить насъ Божественное Писаніе, то для меня достаточно этого послѣдняго, для чего еще и ты хочешь писать мнѣ о томъ же? На это послушай, сынъ мой, вотъ причина, или лучше причины, побудившія меня писать къ тебѣ. Дѣлаю это я, во первыхъ, для того, да не буду осужденъ, какъ осужденъ былъ оный рабъ лукавый, который скрылъ талантъ господина своего, и да не услышу и я, когда въ день суда взыщеть отчета отъ меня Владыка мой: *рабе лукавый и лѣнивый, подабаше тебѣ дати сребро мое торжникомъ, и пришедъ Азъ взялъ быхъ свое съ лихою* (Мѣ. 26, 26). Во вторыхъ, для того, чтобъ оставить тебѣ, сыну моему возлюбленному, то, что имѣю тебѣ сказать, какъ наслѣдіе: все это идетъ отъ отцевъ и праотцевъ нашихъ духовныхъ, но принято прежде мною и передается тебѣ; не задерживаю, прими отцовское наслѣдіе; мнѣ же, какъ чадо благодарное, воздай, если разсудишь, вящшею любовію. Въ третьихъ, для того, чтобъ показать тебѣ, сыну моему искреннему, сколь великое богатство духовное предано мнѣ духовнымъ отцемъ моимъ, породившимъ меня чрезъ покаяніе благодатію Духа Святаго, чтобъ не зная сего, ты какъ-нибудь не сталъ презирать меня, духовнаго отца своего, какъ бѣднаго, ничего неимущаго и ничего не стоящаго, подумавъ, что не наслѣдовалъ отъ меня никакого цѣннаго наслѣдія. Въ четвертыхъ, и это важнѣе всего, для

того, чтобъ, презрѣвъ меня, ты не оказался виновнымъ на страшномъ судѣ Господнемъ, если Богу благоугодно будетъ твое уничиженіе меня и слова моего вмѣнить въ уничиженіе Себя и слова Своего. Въ пятыхъ, для того, чтобъ и другіе услышали слово истины, какъ теперь, такъ и послѣ, и плодъ принесли потомъ, кто тридесать, кто шестьдесятъ, кто сто, если примутъ его въ сердце свое, какъ сѣмя; если же не примутъ его, чтобъ мнѣ остаться неповиннымъ въ крови за души ихъ.

И въ духовныхъ вещахъ бываетъ также, какъ въ чувственныхъ. Каждый изъ принявшихъ богатство отъ предковъ оставляетъ потомъ однимъ наслѣдство, другимъ дары, какъ-то: дѣтямъ, друзьямъ, слугамъ, а сверхъ того, во исполненіе заповѣди Божіей раздаетъ изъ имѣнія своего бѣднымъ, сколько хочетъ; и каждый изъ получившихъ что-либо даетъ отчетъ, какъ распорядился тѣмъ, что получилъ. Такимъ же образомъ и получившіе духовный даръ отъ Бога долгъ имѣютъ неоскудно передавать его прежде другихъ дѣтямъ своимъ духовнымъ, потомъ друзьямъ, знаемымъ и слугамъ, а далѣе и стороннимъ, богаты ли они, или бѣдны, слово ли премудрости кто получилъ, или слово разума, или дарованіе исцѣленій, или предстательство о душахъ, или силу поможательную, или разсужденіе управительное. И всякій изъ тѣхъ, которые учатъ или дѣлаютъ что-либо для другихъ, пусть вѣдастъ, что никто изъ нихъ не будетъ похваленъ и не получитъ воздаянія за то, что дѣлаетъ, но строго будетъ истязанъ, осужденъ и наказанъ за все, что пропуститъ сдѣлать.

Итакъ, не принимай ты, прошу тебя, діавола, когда онъ придетъ и начнетъ внушать тебѣ, будто я пишу это тебѣ на показъ, изъ человекоугодія. Самъ ты знаешь очень хорошо, что тотъ, кто дѣйствуетъ въ такомъ духѣ, не только губить мзду свою, какъ торгующій сло-

вомъ Христовымъ и продающій его, но и будетъ преданъ на мученіе тамъ, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ. Знай же при семъ, что вмѣстѣ съ нимъ будутъ осуждены и тѣ, которые осуждаютъ его; ибо слышишь, что говоритъ Господь: *не судите, да не судими будете. Иже бо судомъ судите, судятъ вамъ: и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мѡ. 7, 1. 2). Объ этомъ подумывай, брате мой, вспоминая притомъ и слово Апостола, который говоритъ: *повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покоряйтесь: тѣмъ бо бдѣтъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотѣще: да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе: нѣсть бо полезно вамъ сіе* (Евр. 13, 17), и слово Господа, Который каждодневно взываетъ къ намъ во святомъ Евангеліи: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Матѡ. 10, 40), и: *слушай васъ, Мене слушаютъ: и отменяйся васъ, Мене отменяется* (Лук. 10, 16), и ревнуя о спасеніи своемъ со страхомъ и трепетомъ, слушайся меня и внимай слову моему. Пусть не говорить тебѣ помысль твой, что это сказано только объ Апостолахъ, и что ихъ однихъ обязаны мы слушать; но вонми, что опять говоритъ къ нимъ Христосъ Господь: *яже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю* (Марк. 13, 37). Кому это всѣмъ? Тѣмъ, которые имѣютъ увѣровать въ Меня, посредствомъ ученія вашего, и будутъ хранить заповѣди Мои также, какъ и вы.

Вонми, прошу тебя! Владыка нашъ Богъ, избравъ Себѣ учениковъ и Апостоловъ, открылъ имъ и ввѣрилъ всѣ тайны Своего домостроительства, сокровенныя отъ вѣка, потомъ даровалъ имъ Духа Святаго и послалъ ихъ, говоря: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѡ. 28, 19). Апостолы, *изшедше*, учили и проповѣдывали слово Божіе, и многіе народы увѣровали во Христа, и церкви вѣрующихъ

учредились въ городахъ. Когда какой-нибудь Апостоль, учредивъ гдѣ-либо церковь, имѣлъ намѣреніе оставить тамошнихъ вѣрующихъ, чтобъ идти въ другія мѣста, города и селенія, то рукополагалъ для нихъ вмѣсто себя епископовъ и іереевъ, и ихъ оставлялъ имъ учителями, отцами духовными и руководителями. Эти опять, приближаясь къ смерти, избирали на такое служеніе другихъ достойныхъ, рукополагали ихъ, и оставляли вмѣсто самихъ себя. Такъ шель по преданію такой порядокъ, пока до насъ дошелъ, и законоположеніе такое дѣйствіемъ Святаго Духа соблюдается даже доннѣ. Равнымъ образомъ, чрезъ посредство этихъ же лицъ дошли до насъ и всѣ преданія и ученія, которыя Апостолы приняли отъ Владыки всѣхъ и Бога нашего. Но какъ стадо Христово размножилось и народъ вѣрующихъ сталъ безчисленъ, то благодать Духа Святаго устроила, чтобъ къ архіереямъ и іереямъ прибавлены были еще и игумены и другіе духовные отцы (изъ иночествующихъ), которые дѣлами показываютъ твердую вѣру во Христа, истиннаго Бога нашего, имѣютъ въ себѣ благодать Святаго Духа, чтобъ и они сопастырствовали вмѣстѣ съ тѣми и содѣйствовали во спасеніе тѣхъ, которые желаютъ спастися.

Если теперъ кого-нибудь изъ этихъ пастырей нашихъ, архіереевъ, іереевъ, учителей, игуменовъ и отцевъ духовныхъ, которые хранятъ ученія и преданія святыхъ Апостоловъ и преподаютъ намъ, если кого-нибудь изъ таковыхъ мы дерзнемъ какъ-нибудь презрѣть и преобидѣть, или не принять въ домъ свой и слова его не послушать, вмѣняя его ни во что, то не самого ли Павла, не самого ли Петра, и не весь ли хоръ Апостоловъ изгонимъ мы въ такомъ случаѣ? А кто ихъ изгоняетъ, не оказываетъ ли презрѣнія къ Самому Господу нашему Іисусу Христу, и Отцу Его? Ибо

мы чтимъ Апостоловъ не просто какъ людей, но потому что они пришли и проповѣдали Сына Божія, на землю сошедшаго, да спасеть родъ нашъ, и потому что Имъ были посланы содѣлать насъ сынами Богу по благодати, наслѣдниками вѣчной жизни и причастниками неизреченныхъ благъ, посредствомъ проповѣди Евангелія и святаго крещенія. Еслибъ не вручилъ имъ Господь преподавать намъ все сіе, они и не преподали бы, и были бы такимъ образомъ, какъ и всѣ прочіе человеки.

2. Поэтому надлежитъ намъ со всѣмъ усердіемъ, тщаніемъ и вниманіемъ, со всею бдительностію и многими молитвами, блюстись, чтобы не напасть на какого-либо прелестника или обманщика, или лжеапостола, или лжехриста, но обрѣсти руководителя истиннаго и боголюбиваго, который имѣлъ бы внутри себя Христа и точно зналъ ученіе, правила и постановленія св. Апостоловъ и догматы св. отцевъ, или, лучше сказать, который бы зналъ волю и тайны самого Владыки и Учителя Апостоловъ Христа. Такого учителя надлежитъ намъ разыскать и обрѣсти, который сначала слышалъ бы все это въ словѣ и научился тому со словъ, а потомъ научень былъ всему таинственно и во истинѣ самимъ Утѣшителемъ Духомъ чрезъ дѣяніе и опытъ; такъ чтобы и онъ сподобился услышать отъ самого Христа Господа, научившаго Апостоловъ: *вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго* (Мѡ. 13, 11). Если взыщемъ, конечно и найдемъ: ибо не неправеденъ Богъ, и не радуется Онъ о гибели человѣческой, но какъ написано, *такъ возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруя въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16). Если Онъ на смерть предалъ Сына своего Единороднаго, да мы спасены будемъ чрезъ Него, то возможно ли, чтобы, когда мы просимъ Его послать намъ, или лучше, явить намъ какого

либо истиннаго раба Своего, который поруководилъ бы насъ въ дѣлѣ спасенія и научилъ знать волю Его, возможно ли, говорю, чтобы Онъ скрылъ отъ насъ такого человѣка и лишилъ насъ чрезъ то неложнаго руководства? Нѣтъ, нѣтъ! Это никакъ невозможно. Сему вѣровать да научить насъ случившееся съ сотникомъ Корниліемъ. Онъ былъ мужъ *благочестивъ и боялся Бога со всѣмъ домою своимъ, творя милостыни многи людемъ, и моляся Богу всегда*. За это сподобился онъ того, что *увидѣлъ въ видѣніи явъ, яко въ часъ девятый дне, Ангела Божія сшедша къ нему, и рекша ему: молитвы твоя и милостыни твоя въздоша на память предъ Бога. И нынѣ посланъ въ Иоптію мужей, и призови Симона нарицаемаго Петра: сей странствуетъ у нѣкоего Симона усморя, емуже есть домъ при мори* (Дѣян. 10, 2—6).

Видишь ли, какъ хорошо я сказалъ, что надлежитъ намъ употребить все усердіе и тщаніе, чтобы обрѣсти истиннаго ученика Христова? И замѣть при-семъ, что говорить Писаніе: Корнилій мужъ *благочестивъ и боялся Бога со всѣмъ домою своимъ*. Не себя только одного держалъ онъ въ страхѣ Божіемъ, но и всѣхъ, живущихъ въ домѣ его, научилъ бояться Бога. И сіе *добро есть и пріятно предъ Богомъ* (1 Тим. 2, 3), да печется всякъ не о томъ одномъ, что ему собственно полезно, но и о томъ, что полезно всѣмъ, живущимъ вѣстѣ съ нимъ. Такимъ образомъ сотникъ оный, прежде чѣмъ наученъ былъ Апостолами, уже исполнялъ заповѣдь апостольскую, которая повелѣваетъ: *никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо* (1 Кор. 10, 24). Творилъ онъ также и милостыни многи, и Богу молился день и ночь; и такимъ образомъ прежде, чѣмъ увѣровалъ, явно исполнялъ заповѣдь Господа нашего и Бога, которая повелѣваетъ: *бдите и молитесь, да не увидете въ напасть* (Мѡ. 26, 41), и еще: *просите и дастся вамъ: ищите и*

обращаетъ: толците и отверзетъ вамъ (Мѡ. 7, 7). Видишь, что дѣлалъ этотъ невѣрующій еще во Христа и почти язычникъ? Не слышалъ еще онъ слова благовѣстія, а уже усердно исполнялъ заповѣди евангельскія, прежде чѣмъ наученъ имъ былъ отъ кого-либо. Просилъ онъ посредствомъ благоговѣинства, и получилъ; искалъ посредствомъ милостыни и нашель; толкалъ посредствомъ поста и молитвы, и отверзалось ему. *Посли, говорить, во Іопнію, и призови Симона нарицаемаго Петра.* Се чудный даръ! Се дивное облагодѣтельствоваіе! *Иже странствуетъ у нѣкогого Симона усмаря; емуже есть домъ при мори.* Видишь, какъ Ангель открылъ ему не только имя руководителя, но и имя того, кто страннопріялъ его, даже мѣсто дома, въ коемъ онъ нашель себѣ пристанище? И это сдѣлалъ Ангель для того, чтобъ Корнилій не обманулся, и не призвалъ другого кого вмѣсто Петра, и не попалъ на волка вмѣсто пастыря.

Если и ты хочешь показать себя истиннымъ, вѣрнымъ и избраннымъ ученикомъ Христовымъ, живи такою же жизнію, дѣлай такія же дѣла, припадай къ Богу въ молитвахъ своихъ такимъ же образомъ, и Онъ отверзетъ очи души твоей, чтобъ и ты увидѣлъ такого человѣка, какъ Корнилій увидѣлъ Ангела. Подражай хоть невѣрному ты, провозглашающій себя вѣрнымъ, язычнику и ненаученному ты, именующійся чадомъ христіанства, воспитанный въ ученіи Апостоловъ и высоко уметствующій, когда услышишь глумленія невѣждъ. Подражай сотнику ты, пользующійся властію только въ домѣ своемъ, и всячески попечись исправнымъ явить хоть себя самого, и этихъ немногихъ, сущихъ подъ тобою и во власти твоей. Если же ты презираешь эти дѣла, находящіяся во власти твоей и въ произволеніи твоёмъ, нерадишь о заповѣдяхъ Божіихъ, тебѣ вѣдомыхъ, не печешься объ исполненіи ихъ и не ревнуешь о томъ, чтобъ явить исправнымъ себя самого и тѣхъ, кои подъ властію твою;

то скажи мнѣ, какъ Богъ покажетъ тебѣ учителя, который научилъ бы тебя совершеннѣйшему и высшему? А если Богъ не покажетъ тебѣ его, какъ можешь ты самъ найти его, или узнать? Какъ примешь его безъ сомнѣнія, какъ святаго? И какъ получишь потомъ (за такое пріятіе) мзду праведнаго и святаго? Нѣтъ, нѣтъ! Нельзя сему быть. Только тѣмъ, которые бывали усердны къ Богу и, заботясь о спасеніи своемъ, начинали сами отъ себя дѣлать все способствующее сему спасенію, сколько то было для нихъ возможно, взыскивали Бога и дѣлали всякое добро, только такимъ какъ всегда являлъ, такъ и теперь являетъ Богъ апостоловъ, пророковъ, праведныхъ и святыхъ, и они узнавали ихъ и принимали, яко такихъ, и честь имъ воздавали, какъ учителямъ благочестія и посланникамъ Божиимъ. Почему и слова ихъ соблюдали, какъ законы Божіи, и мзду получали въ мѣру тѣхъ, коихъ принимали. И нынѣ, если обрѣтутся гдѣ-либо таковые, пріемлемые и пріемлющіе, всеконечно и нынѣ сіи послѣдніе пріемлютъ мзду въ мѣру первыхъ.

А тѣхъ, которые презираютъ другихъ, и думая о себѣ, что они крайне мудры, пребываютъ въ безпечности и нерадѣніи и не просятъ Бога, какъ Корнилій и подобные ему, въ усердныхъ молитвахъ, съ милостынями и постомъ, особенно нынѣ, когда мы всѣ почти, съ малъства научаясь у пророковъ и апостоловъ волѣ Божіей и всему душеспасительному, думаемъ, что уже не имѣемъ болѣе ни въ чемъ нужды, — таковыхъ, говорю, Богъ оставляетъ пребывать въ томъ самопрельщеніи, въ которое впали сами по своей винѣ. Они, будучи омрачены тьмою своихъ страстей, похотей и пожеланій, и ходя въ сей тьмѣ, какъ въ глубокой ночи, на такихъ же и учителей попадаютъ. И естественно. Потому что властитель тьмы имѣетъ конечно у себя учениковъ и слугъ такихъ, которые ходятъ въ сей тьмѣ; на нихъ-то попадаютъ по-

добные же имъ и принимаютъ ихъ съ радостію, находя ихъ по мыслямъ себѣ, и учатся у нихъ тому же, что сами напередъ предъизбрали и что порѣшили дѣлать на пагубу себѣ. И кто не знаетъ, что діаволъ съ самаго начала поднялъ противъ пророковъ лжепророковъ, противъ апостоловъ—лжеапостоловъ, противъ святыхъ учителей—лжесвятыхъ и лжеучителей, и что онъ всѣми мѣрами подвизается прельщать нерадивыхъ лжесловіемъ, чтобъ низринуть ихъ въ ровъ пагубы? Отъ таковыхъ предостерегаетъ насъ и Апостолъ, говоря: *молю вы, братіе, блюдитесь отъ творящихъ распри и раздоры кромѣ учения, смуже вы научитесь, и уклонитесь отъ нихъ. Таковѣи бо Господеву нашему Иисусу Христу не работаютъ, но своему чреву: иже благими словеса и благословіемъ прельщаютъ сердца незлобивыхъ* (Рим. 16, 17. 18). Итакъ тѣ, которые желаютъ избѣжать таковыхъ, какъ завѣщаетъ Апостолъ, должны для сего удалиться отъ дѣл тьмы; ибо пока кто поработенъ такимъ дѣламъ и ходитъ во тьмѣ, дотолѣ не можетъ онъ избѣжать такихъ учителей и не можетъ придти на свѣтъ учителей истинныхъ.

И ты, духовное чадо мое въ Господѣ, слыша Божественное Писаніе, которое говорить: *горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни* (Исаи 5, 21), со страхомъ и трепетомъ внимай тому, что здѣсь изрекается: ибо слово это къ душевному спасенію. И если хочешь улучшить истиннаго учителя, мужа святаго и духовнаго, не рассчитывай, что можешь узнать его самъ собою, своимъ разсмотрѣніемъ, потому что это невозможно. Но прежде всего другаго, какъ я сказалъ уже, подвизайся въ добрыхъ дѣлахъ, въ милостыняхъ, въ пощеніи, молитвѣ и моленіи непрестанномъ, да будетъ тебѣ помощникомъ и содѣйствователемъ въ этомъ Богъ.

3. Коль же скоро съ помощію Божіею, по благодати Его, сподобишься найти такого, покажи къ нему крайнее

вниманіе, и всякое ему благоугожденіе, великое смиреніе и благоговѣніе, высокое почитаніе и вѣру чистую и несомнѣнную. Чего ради? Ради того, чтобъ, къ несчастію, не заслужить тебѣ иначе вмѣсто мзды казнь и муку. Ибо о таковыхъ сказалъ Спаситель нашъ и Богъ: *уже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Мѡ. 10, 40); *отмѣтаясь же васъ, Мене отмѣтается* (Лк. 10, 16). Итакъ надлежитъ намъ принимать таковыхъ, какъ самого Христа; ибо то, что бываетъ оказываемо имъ, возносится къ самому Владыкѣ Христу и Богу нашему, и Онъ себѣ то присволяетъ и на такомъ имѣетъ счету, какъ бы Онъ самъ лично принималъ все то; какъ напротивъ и то, что бываетъ оказываемо лжеучителямъ, возносится къ самому антихристу, и которые ихъ пріемлютъ, пріемлютъ самого діавола. И пусть никто не отговаривается, что не знаетъ таковыхъ, говоря: „какъ могу я распознать ихъ? И я человѣкъ, а никто изъ людей не знаетъ, что кроется у другаго на душѣ, кромѣ духа, живущаго въ немъ.“ Никто не бери этого изреченія въ благословный предлогъ: ибо, еслибы невозможно было распознавать таковыхъ Господь не далъ бы такой заповѣди: *внемлите отъ лживыхъ пророкъ, т.-е. берегитесь отъ лжеучителей, уже приходятъ къ вамъ во одеждахъ овчихъ, внутри же суть, волцы хищницы*, и не приложилъ бы вслѣдъ за симъ: *отъ плодъ ихъ узнаете ихъ* (Мѡ. 7, 15).

Если теперь Господь нашъ Іисусъ Христосъ истиненъ, какъ воистину есть истиненъ, то очевидно, что мы можемъ распознавать таковыхъ, изъ того, что они говорятъ и что дѣлаютъ. Итакъ покажемъ напередъ плоды истиннаго Святаго Духа; тогда объявятся сами собою и плоды противоположнаго Ему, духа злаго; а по плодамъ этимъ мы очень хорошо можемъ потомъ распознавать, какіе учителя суть истинные, святые и праведные учителя, и какіе не таковы, а лишь притворя-

ются таковыми. Я ничего не буду говорить отъ себя самого, но все со словъ Спасителя и святыхъ Апостоловъ Его, коими попытаюсь удостовѣрить твою любовь, что указываемые мною признаки истинныхъ и ложныхъ учителей истинны и удобопознаваемы для насъ.

Слушай же, что говорить Господь нашъ Іисусъ Христосъ: *блаженни нищии духомъ, блаженни плачущи, блаженни кротци* (Мѡ. 5, 3—5). И опять: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть* (Мѡ. 5, 44). Слово праздное да не исходитъ изъ устъ вашихъ. *Глаголю вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекуть челоуцы, воздадутъ о немъ слово въ день судный* (Мѡ. 12, 36). И еще: *аще не обратитесь и будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное* (Мѡ. 18, 3). Въ другомъ мѣстѣ говорить Онъ опять: *о семъ разумють вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ін. 13, 35). Еще: *како вы можете впровати, славу другъ отъ други приѣмлюще, и славы яже отъ единого Бога, не ищете?* (Ін. 5, 44). *Яко всякъ возносяйся смирится: смиряяй же себе вознесетъ* (Лк. 18, 14). Не говорить, что вознесенъ будетъ мірскою славою, но даетъ обѣтованіе, что онъ будетъ возвышенъ таинственно духовнымъ нѣкимъ измѣненіемъ. Вотъ что вслухъ всѣмъ намъ каждодневно вызываетъ Господь нашъ и Владыка Христосъ. Послушай теперь, что говорить и Апостоль Павелъ: *плодъ духовный есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22). И опять: *любви не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, вся покрываетъ, вся терпитъ, любви николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13, 5—8). Послушай также и Іоанна Богослова, который говорить: *не любите міра, ни яже въ мірѣ: аще кто любитъ міръ, нѣсть любви Отчи въ немъ* (1 Ін. 2, 15). И еще: *всякъ*

ненавидяй брата челоукоубійца есть: и въстѣ, яко всякъ челоукоубійца не имать живота вѣчнаго въ себѣ пребывающа (—3, 15). Сего ради явлена суть чада Божія и чада діавола (—3, 10), т.-е. изъ любви и ненависти. Любящій Бога любить и рожденныхъ отъ Него, т.-е. братій своихъ; а ненавидящій кого-либо изъ братій своихъ, сей отъ діавола родился, и любви Божіей нѣтъ въ немъ. По такимъ признакамъ, умѣющіе разсуждать могутъ различать, кто сыны Божіи и кто сыны діавола; и плоды святаго и всеблагаго Духа суть тѣ, какіе мы указали выше.

Надлежитъ теперь намъ показать и плоды злаго духа, чтобъ, зная ихъ, вы могли различать свѣтъ отъ тмы, сладкое отъ горькаго, добро отъ зла. Внемлите же опять, что говоритъ Господь и Богъ нашъ: не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити (Мѡ. 7, 18). И опять: благій челоукъ отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благое: а злый челоукъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое (Лк. 6, 45). Еще: иже еще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако челоуки, мній наречетъся въ царствѣи небеснѣхъ: а иже сотворитъ и научитъ, сей велиій наречетъся въ царствѣи небеснѣхъ (Мѡ. 5, 19). А о книжникахъ и фарисеяхъ что говоритъ Онъ?—Связуютъ, говоритъ, бремена тяжка и бѣдны носима, и возлагаютъ на плещи челоуческа: перстомъ же своимъ не хотятъ двигнути ихъ. Вся же дѣла своя творятъ, да видими будутъ челоуки: расширяютъ же хранилища своя, и величаютъ воскрилія ризъ своихъ: любятъ же преждевозлежанія на вечеряхъ, и преждедѣданія на сонмищахъ и цѣлованія на торжищахъ, и зватися отъ челоукъ: учителю, учителю (Мѡ. 23, 3—7).

Итакъ, когда увидишь, что кто-либо дѣлаетъ такія дѣла, заботливо ищетъ славы челоуческой и беззаботно

преступаетъ заповѣди Божіи, чтобъ угодить людямъ, то знай, что это прелестникъ, а не истинный учитель. И Апостоль говоритъ: *идѣже въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотстїи ли есте?* (1 Кор. 3, 3). Плотской же и душевенъ человекъ не прїемлетъ яже Духа Божїа, *родство бо ему есть* (1 Кор. 2, 14). Но кто не прїемлетъ Духа Святаго, тотъ, явно, и не имѣетъ сего Духа въ себѣ; а кто Духа Святаго не имѣетъ, тотъ и не Христовъ, какъ утверждаетъ тотъ же Павелъ, говоря: *аще кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Еговъ* (Рим. 8, 9).

Слышаль, кто Христовы и кто антихристовы?— Можешь отсюда навѣрное заключить, что внимательные легко могутъ распознавать добрыхъ и злыхъ. А невнимательные не только другихъ людей, но и самихъ себя не знаютъ. Ибо когда кто такъ опутываетъ себя заботами и хлопотами о житейскомъ, какъ бы былъ безсмертенъ въ этомъ мірѣ, день и ночь занятъ бываетъ одними мірскими дѣлами и всякіе изобрѣтаетъ способы, какъ бы побольше разбогатѣть, и при этомъ строить дома добрые и многодѣнные, набираетъ множество слугъ, коней и муловъ, покупаетъ серебряныхъ сосудовъ, златотканыхъ одеждъ, дорогихъ ковровъ и всякое другое доставляетъ себѣ плотское наслажденіе и успокоеніе, то скажи мнѣ, можно ли показать, что такой знаетъ самого себя?— Нѣтъ, чадо мое духовное, нѣтъ, навѣрное не знаетъ онъ ни себя самого, ни того что дѣлаетъ. Знаетъ онъ себя лишь настолько, чтобъ сказать, что это онъ, а не другой кто; но дѣла его показываютъ, что онъ не знаетъ, что онъ такое есть, не знаетъ своего душевнаго состоянія и не понимаетъ, что дѣлаетъ. Онъ такъ живетъ, какъ бы былъ безсмертенъ; устами говоритъ: мы нынѣшни, а не завтрешни; и тутъ же на дѣлѣ заготовляетъ всего такъ много, что того не израсходуешь и въ десятки лѣтъ; гласно исповѣдуетъ, что блага міра

сего ничто, а между тѣмъ за маленькую какую-либо и ничтожную вещь заводитъ споры и ссоры съ братіями своими; философствуетъ, что онъ пыль и прахъ, а между тѣмъ всегда одѣвается пышно, показывая тѣмъ, что онъ гораздо выше всѣхъ другихъ людей; слышитъ Божественное Писаніе, которое говоритъ: горе *сластолюбствующимъ и ласкосердствующимъ на постеляхъ мягкихъ* (Іезек. 16, 49. Амос. 6, 4), а самъ со всею заботливостію назираетъ, чтобы кровать его была самая великолѣпная, постель самая пышная и столъ обилувалъ всякаго рода дорогими яствами. И это выказываетъ онъ не только предъ подобными ему мірянами, но и предъ монахами бывающими у него, которые не только не дивятся всему этому, а напротивъ жалѣютъ о тѣхъ, кои имѣютъ то, и оплакиваютъ ихъ неразуміе, видя, какъ они величаются тѣмъ, отъ чего слѣдовало бы имъ наипаче приходить въ стыдъ, именно, что, тогда какъ братія ихъ бѣдные или, лучше сказать, самъ Христосъ, алчутъ и жаждутъ, они всячески утѣшничаютъ и, что еще хуже, не чувствуютъ, что поступая такъ, они свидѣльствуютъ о себѣ, что суть немилосердые лихоимцы и опецправдователи бѣдныхъ. Скажи же мнѣ теперь, можно ли согласиться, что такой человѣкъ знаетъ самого себя, знаетъ, въ какомъ состояніи находится по душѣ и какимъ страстямъ порабощенъ? Никакъ нельзя. Нѣтъ, не знаетъ онъ себя, хоть и можетъ ему казаться, будто знаетъ. Но тотъ, кто не знаетъ самого себя и своего состоянія, какъ можетъ познать другаго и страсти его? Какъ можно, чтобъ слѣпой могъ рассмотреть другаго и познать, слѣпой онъ или видящій? Нѣтъ, нѣтъ; это невозможно.

Прибавлю къ сказанному, сынъ мой и братъ, еще и слѣдующее, что если кто не позаботится напередъ, должимъ моленіемъ, съ милостынею, постомъ и бдѣніемъ,

познать себя самого и свою немощность, то онъ не можетъ познать и того, что безъ духовнаго отца, руководителя и учителя, нельзя челоуѣку соблюсти, какъ должно, заповѣди Божіи, жить вполне добродѣтельно и не быть уловлену сѣтми діавольскими; а кто этого не познаетъ, тому какъ избѣжать притязательнаго самомятнія, что онъ не имѣетъ нужды въ наученіи, совѣтѣ, внушеніи и помощи со стороны другихъ? И остается онъ исполненнымъ гордости, не сознавая, что ничего не знаетъ, и пребываетъ во глубинѣ невѣдѣнія, или, вѣрнѣе сказать, гибели. И этого самаго не можетъ онъ понять, что находится въ числѣ гибнущихъ; такъ какъ это невѣдѣніе то имѣетъ свойство, что бываетъ какимъ-то густымъ покрываломъ на умныхъ очахъ души, и не даетъ имъ видѣть ясно истину, когда любитъ міръ и вещи мірскія. Ибо поколику умъ удаляется отъ памятованія о Богѣ, о смерти и о будущемъ судѣ, и не помышляетъ о благахъ, уготованныхъ праведникамъ, и о мукахъ, ожидающихъ грѣшниковъ, — вѣчномъ огнѣ, кромѣшной тьмѣ и скрежетѣ зубовъ, но всецѣло весь преданъ бываетъ заботамъ житейскимъ и призрачнымъ благамъ міра, богатству, славѣ, утѣхамъ, всему прочему, что въ мірѣ люди считаютъ славнымъ и свѣтлымъ, — поколику, говорю, умъ преданъ бываетъ всему такому, потолику онъ болѣе и болѣе грубѣетъ, разстроивается, омрачается и нѣкоторымъ образомъ весь покрывается непроницаемымъ покровомъ; слѣдствіемъ чего бываетъ паденіе изъ круга его познанія заповѣдей Божіихъ и совершенное о нихъ забвеніе. Почему и св. Давидъ, послѣ того, какъ согрѣшивши испыталъ такое зло, обратившись къ Богу въ покаяніи, умолялъ Его, говоря: *открый очи мои и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего* (Пс. 118, 18).

Видишь, какъ закрыты были очи его? Видишь, какъ

вопієть онъ къ Богу, чтобы Онъ открылъ ихъ? Дѣлай тоже самое и ты, сынъ мой, и Господь не презритъ прошенія твоего, если восшлешь его къ Нему отъ всей души твоей, но услышитъ тебя и откроетъ очи души твоей. И тогда, какъ только прозришь ты, прежде и въ началѣ всего познаешь самого себя и состояніе свое, а потомъ и все другое, что тебѣ потребно знать. Слѣдствіемъ этого будетъ то, что ты отъ всей души начнешь почитать несравненно высшими себя и святыми не только благочестивыхъ и добродѣтельныхъ людей, но и всякаго вообще человѣка, большаго и малаго, праведнаго и грѣшнаго, даже тѣхъ, которые грѣшаютъ явно. И сіе да будетъ тебѣ и всякому другому явнымъ знаменіемъ, что ты получилъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ твоихъ, если придешь въ эту мѣру и достигнешь этого добраго состоянія. Ибо святое смиреніе на этой мѣрѣ находится, и тому, кто достигаетъ сей мѣры, оно первымъ даромъ даетъ то, чтобы онъ думалъ, что изъ всѣхъ людей никого нѣтъ грѣшнѣе и ничтожнѣе его, и чтобы всѣмъ чувствомъ души, съ полнымъ убѣжденіемъ, одного себя почиталъ грѣшнымъ и вѣрилъ, что онъ одинъ имѣетъ погибнуть и быть преданнымъ на вѣчныя муки.

Итакъ, чадо мое возлюбленное и братъ мой, восподвизайся стяжать такое смиреніе и не говори: „это невозможно для меня“, ни опять: „это идетъ къ однимъ монахамъ, а не къ тѣмъ, которые живутъ въ мірѣ“. Ибо Христосъ заповѣди Свой опредѣлилъ вообще для всѣхъ, и ничего не законополагалъ особо для монаховъ, и особо для мірянъ. И праотцы, бывшіе прежде закона Моисеева, и тѣ, которые жили послѣ него, исполняли эту заповѣдь (о смиреніи). Слушай, что говоритъ Іовъ: *мню себе землю и пепелъ* (42, 6). И Давидъ: *азъ есмь червь, а не человекъ* (Пс. 21, 7). Видишь слова смиренія? Видишь душу, которая почитаетъ себя презрѣн-

нѣйшею паче всякаго человѣка, большаго и малаго? Подражай же и ты покаянію Давида, и стяжешь смиреніе его. Покаяніемъ разгоняется облакъ невѣдѣнія, покрывающій умъ, и снемлется покрывало, лежащее на немъ. Когда же размрачится умъ, тогда познаемъ и самихъ себя и состояніе свое, каково оно: увидимъ еще раны и скверны души нашей, и затѣмъ начнемъ не только мудрствовать и говорить смиренно, но станемъ стыдиться и солнца, и звѣздъ, и всѣхъ тварей Божіихъ, созданныхъ ради насъ, стыдиться оттого, что прогнѣвали Бога, создавшаго все сіе ради насъ, и погрѣшили противъ Него, преступивъ не одну, а всѣ заповѣди Его. Оттого не будемъ смѣть поднять глаза свои, чтобъ посмотрѣть на эти твари, и станемъ почитать себя недостойными того, чтобы вкушать отъ плодовъ земли, сами на себя произнеся опредѣленіе, что праведно будетъ умереть намъ отъ алчбы и жажды. Не будемъ смѣть также взглянуть и посмотрѣть на икону Христа Господа и святыхъ Его, сознавая себя скверными, нечистыми и многогрѣшными. Будетъ намъ казаться, что самимъ иконамъ стыдно отъ насъ и дѣлъ нашихъ; оттого не будетъ у насъ доставать смѣлости приблизиться къ нимъ и приложиться; крайне стыдно намъ будетъ къ чистому и святому прикоснуться нечистыми и оскверненными устами своими. Даже въ храмъ Божій намѣреваясь войти, будемъ чувствовать, какъ объемлетъ насъ страхъ и трепеть, сознавая, что входимъ недостойные, боясь, какъ бы не разверзся полъ храма и не низринуть насъ живыхъ во адъ.

Сему и большему сего всегда будетъ поучать насъ святое смиреніе, и, измѣняя насъ, переустрояя и претворяя, до того проникнетъ все естество наше, что потомъ мы, хоть бы и хотѣли, не возможемъ уже подумать или сказать о себѣ что-либо великое и высокое. Это святое смиреніе удостовѣритъ насъ и въ томъ, что

безъ учителя не возможемъ мы научиться никакому добру; и тѣмъ, которые вопросятъ насъ, говоря: *разумѣши ли, что чтеши?* оно научить насъ отвѣчать: *како могу разумѣти, аще не кто наставитъ мя* (Дѣян. 8, 30. 31)? Оно научить насъ не вступать безъ проводника на стезю, которой не вѣдаемъ. Оно возвѣститъ намъ, что, желая каяться, мы не должны приступать къ Богу безъ посредника и руководителя. Поелику если оно побуждаетъ насъ стыдиться неба и земли и всякаго творенія Божія, сущаго въ нихъ, со страхомъ благоговѣнствовать предъ иконою Спасителя и святыхъ Его, не смѣть взирать на сіи иконы, или приблизясь лобызать ихъ; не тѣмъ ли паче заставить оно насъ не приближаться безъ посредника къ самому Творцу и Владыкѣ всяческихъ Богу? Ибо хотя Онъ и человеколюбивъ, но много радуется о нашемъ смиреніи и сокрушеніи, и очень хвалить, когда кто почитаетъ себя недостойнымъ приблизиться къ Нему самому собою безъ посредника.

Другимъ образомъ (такъ можешь убѣдиться въ этомъ). Владыка нашъ и Богъ, желая научить насъ, что къ Богу приближаться надлежитъ намъ съ помощію какого-либо посредника и поручителя, Самъ какъ во всемъ прочемъ показалъ намъ примѣръ и образецъ, такъ и въ этомъ Самъ былъ первымъ посредникомъ и ходатаемъ человеческого естества, принесши оное въ Себѣ Отцу своему и Богу. Потомъ поставилъ служителями сего посредничества и ходатайства святыхъ Апостоловъ своихъ, которые и приводили ко Владыкѣ Христу всѣхъ увѣровавшихъ въ Него. Апостолы опять изъ числа сихъ увѣровавшихъ избирали достойнѣйшихъ и ихъ рукополагали въ преемниковъ себѣ—быть служителями того же посредничества. Эти опять (избирали и рукополагали) другихъ, а сіи—слѣдовавшихъ за ними. И такимъ образомъ этотъ чинъ преемственно соблюдается даже

донныѣ. Богъ не хочетъ, чтобъ мы преступали и попирали такое Его установленіе и предаіе, но желаетъ, чтобъ мы жили по тому чину, какой Онъ опредѣлилъ для насъ. Почему Господь и Спаситель какъ о Себѣ со Отцемъ говорить: *никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый мя, привлечетъ его* (Ін. 6, 44), и опять: *никтоже прійдетъ ко Отцу, токмо Мною* (—14, 6): такъ установилъ, что никто не приходитъ къ вѣрѣ во святую и единосущную Троицу, если не будетъ какимъ-либо учителемъ наученъ догматамъ вѣры, также никто не бываетъ крещаемъ и никто не причащается божественныхъ Таинъ самъ собою безъ іерея. А кто не окрестится и не будетъ причащаться пречистыхъ Таинъ, тотъ не получитъ живота вѣчнаго, какъ самъ Господь опять опредѣляетъ, говоря: *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ: а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мр. 16. 16); и: *аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни пїете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Ін. 6, 53). Итакъ поелику безъ св. крещенія и безъ причащенія Божественныхъ Таинъ ни одинъ христіанинъ не можетъ сподобиться жизни вѣчной, а таинства сія преподаются намъ не чрезъ Апостоловъ святыхъ, и не чрезъ святыхъ отцевъ, бывшихъ послѣ Апостоловъ, а преподаются чрезъ тѣхъ освященныхъ лицъ, которыя теперь существуютъ и живутъ среди насъ; то очевидно, что мы не можемъ и не должны отчуждаться отъ ихъ посредничества въ дѣлѣ нашего спасенія.

Такъ Богъ опредѣлилъ; и чтобъ тебѣ охотнѣе было подчиняться тому закону, содержи въ мысли, что что преподавали вѣрующимъ отцы, жившіе въ оныя времена, тоже самое преподаютъ и намъ наши отцы духовные: тѣ крестили водою и Духомъ, тоже дѣлаютъ и эти нынѣ; тѣ преподавали тѣло и кровь Христову, тоже самое преподаютъ намъ и эти. И какъ у тѣхъ, которые тогда

крестили и причащали, ничего не было лишняго противъ нынѣшнихъ: такъ у тѣхъ, которые теперь крестятъ и причащаютъ насъ, ничего нѣтъ недостающаго противъ прежнихъ. Учили тѣ вѣрѣ во Христа и во Святую Троицу, единосущную и нераздѣльную, т. е. во Отца, Сына и Святаго Духа; тому же самому учать и насъ нынѣ духовные отцы наши. Итакъ явно изъ этого вкратцѣ (не пишу всего, чтобъ не удлинилось крайне слово мое), что что тогда дѣлали для вѣрныхъ Апостолы, и чему учили ихъ, тоже самое дѣлаютъ и для насъ нынѣ отцы наши духовные, — разумѣю, архіереи и іереи, — точь въ точь тому же, безъ малѣйшаго недостатка и ущерба, и учатъ насъ они и наставляютъ, какъ и тѣ. Если же они въ семъ отношеніи ничѣмъ не разнствуютъ отъ Апостоловъ, то они суть сыны Апостоловъ и апостолы для насъ, и тѣ, которые не пріемлютъ ихъ и словъ ихъ не слушаютъ, да слышать, что говоритъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ къ подобнымъ лицамъ: *Аминь глаголю вамъ: отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморрстѣй въ день судный, неже вамъ* (Мѣ. 10, 15; 11, 22). Ибо что сказалъ Онъ Апостоламъ: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ* (Мѣ. 10, 40); и еще: *слушай васъ, Мене слушаетъ: и отменяйся васъ, Мене отменяется; отменяйся же Мене, отменяется Пославшаго Мя* (Лук. 10, 16), — то относится и къ подобнымъ имъ, преемникамъ ихъ, и тѣмъ, которые теперь живутъ, и тѣмъ, которые будутъ жить послѣ нихъ. И слѣдовательно тѣ, которые не пріемлютъ и не слушаютъ ихъ, а отменяются, не пріемлютъ и не слушаютъ самого Христа Господа, а отменяются Его. Отменяясь же Его, они отменяются и Бога Отца, пославшаго Его.

Знаешь, конечно, сынъ мой возлюбленный, что нынѣ, во времена сіи, никто ни изъ мірянъ, ни изъ монаховъ,

ни изъ іереевъ или архіереевъ, не почитаетъ, не любить, не боится и не пріемлетъ никого, какъ апостола Божія и ученика Христова, по любви Христовой, или по заповѣди, или вѣчныхъ ради благъ, обѣтованныхъ намъ; но всѣ мы другъ друга презираемъ и другъ друга оуждаемъ,—монахи осуждаютъ монаховъ, іереи архіереевъ, міряне всѣхъ ихъ, и между собою одинъ другаго, и никто совершенно не держитъ въ умѣ, что церковь Божія, какою была въ древнія времена, такою пребываетъ и нынѣ, и какъ тогда Богъ опредѣлилъ для ней первѣе Апостоловъ, второе пророковъ, третье учителей и прочихъ перечисляемыхъ св. Павломъ, такъ и нынѣ они же пребываютъ въ лицѣ преемниковъ своихъ, предстоятелей церкви, чтобъ всякій принималъ иныхъ какъ Апостоловъ, иныхъ какъ пророковъ, иныхъ какъ учителей. Мы же все это совсѣмъ позабыли, и одинъ надъ другимъ возносимся безъ мѣры. Того, кто вчера окрестилъ меня, освободилъ отъ грѣха и порчи душу мою, исполнивъ меня благодатию Святаго Духа, причастилъ пречистаго тѣла и спасительной крови Господа нашего Иисуса Христа, и содѣлалъ меня сыномъ Богу (что другое больше сего дѣлали тогда для христіанъ и Апостолы Христовы?), на этого самаго нынѣ я посмотрѣть не хочу и не привѣтствую его, потому что считаю это стыдомъ для себя; не выхожу встрѣтить его, когда онъ идетъ ко мнѣ, чтобы почтить его и принять привѣтливо, но говорю слугѣ своему съ досадою: чего онъ тамъ хочетъ? скажи ему, что господинъ твой занятъ и не имѣетъ времени принять его. Не говорю уже о томъ, что еще хуже и непочетнѣе этого дѣлаютъ не только монахамъ, но и іереямъ, тѣ самые, которые исповѣдаются у нихъ и повѣряютъ имъ души свои. Бываетъ, что иной только-что избересть кого-либо себѣ въ духовные отцы и учителя посредствомъ исповѣди у него, и не спустя нѣсколько времени, а тотчасъ же, какъ

назоветъ себя духовнымъ ему сыномъ, начинаетъ высказывать гордость предъ симъ духовнымъ отцемъ своимъ, и вмѣсто того, чтобы быть духовнымъ чадомъ и ученикомъ, становится отцемъ духовнымъ и учителемъ и начинаетъ читать уроки отцу своему духовному, противорѣчить ему и уничижать его, если случится, что онъ скажетъ ему что-либо не по праву его; а пройдетъ сколько-нибудь времени, онъ и совсѣмъ забываетъ, что есть у него духовный отецъ и учитель. Если же духовный отецъ самъ ходитъ къ нему, но не творитъ воли его, и не поблажаетъ желаніямъ его, или, лучше сказать, не падаетъ и самъ вмѣстѣ съ нимъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и погибнуть, то онъ оставляетъ его и находитъ другаго, который бы послѣдовалъ его плотскимъ пожеланіямъ.

Такимъ образомъ все духовное у насъ, какъ и самъ ты видишь и знаешь, нынѣ въ безпорядкѣ находится, разстроено; чинъ и преданіе апостольское забыты и заповѣди Христовы оставлены. И это бѣдственное зло живетъ въ нынѣшнемъ родѣ, при всемъ томъ, что всѣ мечтаютъ о себѣ, что они достаточно изучили божественное, знаютъ заповѣди Божіи и могутъ разсудить, что и какъ подобаетъ имъ творить. И еще вотъ что: думая, что все нынѣшнее священство есть совокупность лицъ недостойныхъ и грѣшныхъ, они держатъ однакожъ убѣжденіе, что благодать Божія дѣйствуетъ и чрезъ нихъ недостойныхъ; но вѣруя, что несомнѣнно получаютъ дары Святаго Духа, какъ залогъ вѣчныхъ благъ, обѣтованныхъ намъ, посредствомъ таинствъ, совершаемыхъ сими лицами, они однакожъ отворачиваются отъ іерея, чрезъ посредство коего дается имъ это, и презираютъ его, какъ грѣшника, недостойнаго священства. Также относятся они и къ духовникамъ своимъ: думаютъ, что посредствомъ исповѣди у нихъ они получаютъ отпущеніе грѣховъ своихъ, а ихъ самихъ

считаютъ лишенными всякой добродѣтели, не имѣющими никакого дерзновенія предъ Богомъ, и ставятъ ихъ на одну линію со всѣми другими людьми. Такъ вотъ въ какомъ состояніи находятся у насъ почти всѣ: думаютъ, что и они получаютъ, или лучше сказать, похищаютъ всѣ тѣ духовные дары, которые Богъ даровалъ Апостоламъ, Апостолы же передали тѣмъ, которые увѣровали посредствомъ ихъ во Христа, а достойной чести и вѣры тѣмъ, чрезъ которыхъ подаются имъ сіи дары, не воздаютъ:—каковую честь въ началѣ Апостолы воздавали Владыкѣ Христу, Апостоламъ—потомъ ученики ихъ, а этимъ тѣ, которые состояли подъ ними; они же питаютъ дерзкую увѣренность, будто Богъ не требуетъ отъ нихъ, чтобъ они воздавали ее и нынѣ архіереямъ, іереямъ, игуменамъ и духовникамъ своимъ. Будучи крещены младенцами, они полагаютъ поэтому, что не виновны бывають, когда не воздаютъ потомъ чести тому, кто крестилъ ихъ, и не благоговѣютъ предъ нимъ, какъ предъ духовнымъ отцемъ своимъ. Мечтается имъ также, что, выучивъ начатки христіанскихъ догматовъ еще въ дѣтствѣ, они знаютъ достаточно для благочестія, и что потому Богъ не взыщетъ съ нихъ за то, что они презираютъ учителей благочестія и не хотятъ болѣе ничему научиться у нихъ. Кажется имъ, что они довольно благочестивы и ведутъ жизнь болѣе исправную, чѣмъ многіе другіе; почему надѣются, что будутъ оправданы ради этого одного. Еще, — сказать на духу грѣхи свои, исповѣдаться въ нихъ и получить разрѣшеніе отъ духовныхъ отцевъ своихъ, этого имъ думается достаточно для спасенія, и не нужно уже потомъ имъ ни вѣры болѣе имѣть къ симъ отцамъ, ни чести имъ воздавать, ни благоговѣнія оказывать, какое подобаетъ имъ, какъ преемникамъ Апостоловъ, посредникамъ и молитвенникамъ за нихъ предъ Богомъ.

Такимъ-то образомъ вся вселенная нынѣ преисполнена этою прелестію и этимъ зломъ. Одной этою заповѣди нарушеніе и презрѣніе все вверхъ дномъ перевернуло въ церкви Божіей, повергло ее самую долу. Въ такое безчиніе и смятеніе пришла церковь, что нигдѣ почти невидно приличнаго ей благоустроенія, и признака не найдешь, чтобъ это было благообразно сочетанное тѣло Владыки. Будто мы не имѣемъ главы Христа Господа, будто мы не братья по духу, связанные другъ съ другомъ и сочетанные благодатію Святаго Духа, что не допускаемъ, чтобъ cadaго изъ насъ въ своемъ чинѣ поставляли и благоустроляли первостроители церкви Божіей!? Отъ этого мы раздѣлены и разсѣяны, какъ бездушныя частицы какого-либо вещества (какъ песокъ). Такъ много поработились мы пожеланіямъ своимъ, такъ сильно возобладали надъ нами похоти сластолюбія! Будучи увлечены ими къ угожденію себѣ лишь, мы раздробились, и отъ взаимной непріязни и гордости отворотились и отдалились другъ отъ друга, и потеряли такимъ образомъ отличительную черту и знаменіе вѣры нашей, т.-е. любовь, о коей сказалъ Господь: *о семъ разумѣютъ вси, яко есте Мои ученицы, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35). Если же потеряли ее, то напрасно именуемся христіанами.

Скажи мнѣ, прошу тебя, — когда мы не любимъ духовныхъ отцевъ своихъ, доставившихъ намъ столь великія блага, что чрезъ нихъ Богъ дѣлаетъ насъ сынами Своими по благодати, сопричастниками славы Своей и наслѣдниками вѣчнаго блаженства, — когда, говорю, мы не любимъ ихъ, не почитаемъ и не прославляемъ, какъ должно, какъ долженъ быть чтимъ человѣкъ Божій, посланный къ намъ отъ Бога, — кто можетъ повѣрить намъ, что мы имѣемъ любовь къ прочимъ братьямъ, нашимъ ближнимъ? И кромѣ сего, — если тѣхъ, коихъ имѣемъ

ходатаями предъ Богомъ и молитвенниками, кои пріяли отъ Бога власть — давать намъ разрѣшеніе во всѣхъ грѣхахъ нашихъ и примирять насъ съ Нимъ, если, говорю, не принимаемъ мы ихъ съ полнымъ убѣжденіемъ и вѣрою, какъ святыхъ, но смотримъ на нихъ, какъ на грѣшниковъ, — какъ можемъ мы надѣяться, что намъ даровано чрезъ нихъ совершенное отпущеніе грѣховъ? Ибо Господь говоритъ: *по вѣрѣ вая буди вама* (Мѡ. 9, 29). И точно, по мѣрѣ вѣры нашей, насколько вѣруемъ въ нихъ, такъ получимъ и отпущеніе грѣховъ нашихъ. Ктому же, если вѣрно слово, сказанное Господомъ: *пріемляй вась, Мене пріемлетъ*, и: — *отметайся вась, Мене отмечаетя*; то недоумѣваю, какъ тѣ, которые не держатъ въ умѣ своемъ убѣжденія, что мы должны не только любить всѣхъ людей, особенно же братій по духу, но еще должны принимать кого-либо изъ нынѣшнихъ духовныхъ мужей, какъ Апостола Христова, чтобы чрезъ посредство его принимать самого Христа, и всякое его слово должны исполнять, какъ бы оно исходило изъ устъ самого Христа, — какъ, говорю, и какимъ другимъ способомъ таковыя могутъ принять Христа, или стяжать Его внутри себя? А между тѣмъ многіе изъ насъ даже не знаютъ іерея крестившаго ихъ; мы же, знающіе ихъ, отвратились отъ нихъ и презрѣли ихъ, какъ я сказалъ выше; а иные даже не знаютъ, крещены ли они? — Если же этого не знаемъ, то какъ можно допустить, что имѣемъ вѣру, или даже считать насъ крещеными? Я этого не понимаю: отца духовнаго мы не познали, а если и познали, то не чтимъ его, какъ отца; учителя, который училъ бы насъ благочестію, не озаботились пріобрѣсть; а если и пріобрѣли, то не дѣлаемъ ничего по тому, какъ онъ насъ учитъ, но ходимъ и дѣйствуемъ, какъ волѣ нашей угодно. Что можно сказать больше этого — не знаю, и не нахожу, за что и за какую вашу добродѣтель могъ бы я назвать вась христіанами?

Бѣдный и несчастный человѣкъ! Чего ради не чтишь ты духовнаго отца своего, какъ апостола Христова?— Не вижу, говоришь, чтобъ онъ исполнялъ заповѣди Божіи, потому и не чту его. Но это пустой предлогъ. Ибо, скажи мнѣ, самъ-то ты лучше его исполняешь ихъ, что такъ смѣло презираешь его и осуждаешь?— Но хотя бы ты и дѣйствительно исполнилъ всѣ заповѣди, и тогда не слѣдовало бы тебѣ осуждать его и презирать, и отворачиваться отъ него, укоряя его въ нерадѣніи о добромъ житіи, а напротивъ, надлежало бы и тогда любить его и почитать за тѣ блага, которыя даровалъ тебѣ Богъ чрезъ посредство его, и дѣлать его участникомъ въ твоёмъ тѣлесномъ, чтобъ такимъ образомъ хоть сколько нибудь воздать ему за то духовное добро, которое онъ доставилъ тебѣ, дабы не только сохранить дарованное тебѣ чрезъ него отъ Бога, но и приумножить то такимъ образомъ дѣйствованія. Теперь же, какъ самъ видишь, за невѣріе, неблагодарность и оставленіе духовнаго твоего отца и учителя, ты не только сгубилъ все, полученное тобою чрезъ него, но изгладилъ то самое, почему ты—христіанинъ,—и лишился Христа Господа. Ибо предположи въ умѣ своемъ, что царь земной прислалъ къ тебѣ какого-либо изъ самомалѣйшихъ слугъ своихъ, одѣтаго бѣдно, въ ветхія рубища, не на конѣ, а на плохомъ осликѣ, или даже пѣшкомъ, но который принесть тебѣ грамоту за царскою печатію, написанную собственноручно царемъ, и въ этой грамотѣ царь провозглашаетъ тебя братомъ своимъ и другомъ, и обѣщаетъ спустя нѣсколько времени сдѣлать тебя соучастникомъ съ собою въ царствованіи, увѣнчать главу твою царскимъ вѣнцемъ и облечь тебя въ царское одѣяніе,—скажи мнѣ, какъ бы ты отнесся къ этому слугѣ? Принять бы его и почтить, какъ царскаго слугу, и ради такихъ великихъ и истинно царскихъ обѣщаній и такой

свѣтлой славы тебя ожидающей, возрадовался вмѣстѣ съ нимъ, облагодѣтельствовалъ его по силѣ своей и наобѣщаль благодѣтельствовать и послѣ всегда, — или презрѣлъ бы его и отослалъ съ пустыми руками и безчестіемъ, по тому одному, что онъ одѣтъ въ бѣдныя одежды и пришелъ пѣшкомъ?! Если предположимъ, что ты презрѣлъ бы его такимъ образомъ, и царь узналъ объ этомъ, то похвалилъ бы онъ тебя за это, или бы укорилъ и осудилъ? Еслибъ самъ ты былъ этимъ царемъ, то не почелъ ли бы укоромъ и безчестіемъ себѣ такого презрѣнія, оказаннаго слугѣ твоему? И этого поношенія его не призналъ ли бы поношеніемъ себѣ? Конечно, такъ бы было. Ты такъ разгнѣвался бы на него, какъ бы онъ тебѣ самому оказалъ презрѣніе, какъ бы въ лице тебя укоряя, что имѣешь такихъ слугъ, и сказать бы: кто поставилъ его судьей надъ слугами моими? Не слугу моего онъ укорилъ, что по своей небрежности носить онъ такіа бѣдныя и испачканныя рубища, а меня самого, что я немилосердъ и держу слугъ въ такихъ лохмотьяхъ. Такимъ образомъ ты раскаялся бы, что надѣлалъ такихъ обѣщаній этому презрителю слуги твоего ради сего самаго презрѣнія и вѣрно не принималъ бы его, когда бы онъ пришелъ къ тебѣ, за то, что онъ, дерзкій, восхитилъ собственный твой судъ и осудилъ слугу твоего, котораго судить ему неумѣстно.

Обсуди все это въ себѣ самомъ, чадо мое духовное и возлюбленное, и въ совершенствѣ уразумѣвъ настоящій порядокъ вещей, постарайся быть истиннымъ христіаниномъ не словомъ только, но и дѣломъ. Пріобрѣти себѣ духовнаго отца, пріобрѣти учителя, посредника и ходатая предъ Богомъ. Прилѣпись къ нему съ любовію и вѣрою, со страхомъ и желаніемъ, и будь съ нимъ какъ бы былъ съ самимъ Іисусомъ Христомъ, да сподобишься чрезъ посредство его соединиться съ Христомъ и

сдѣлаться сопричастникомъ и сонаслѣдникомъ вѣчной славы и царствія Его, чтобъ воспѣвать и славить Его со Отцемъ и Святымъ Духомъ, въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДВѢНАДЦАТОЕ.

1. Кающійся во грѣхахъ своихъ никакой не получитъ пользы, если не взыщетъ пріять отъ Христа Господа и врачевство той немощи своей, по причинѣ коей грѣшитъ.

2. Что бы ни дѣлалъ человѣкъ въ настоящей жизни, всеу дѣлаетъ, если то не способствуетъ къ здравію его душевному.

3. Какъ грѣхъ бываетъ по волѣ нашей и безъ воли нашей?

1. Хорошо плакать и печалиться о грѣхахъ своихъ и молить Бога объ отпущеніи ихъ. Но никакой отъ этого не будетъ пользы, если Господь нашъ Іисусъ Христосъ не уврачуе тѣхъ немощей кающагося, по причинѣ коихъ онъ грѣшитъ, какъ бы нехотя: ибо если онъ не исцѣлится отъ нихъ, то нельзя ему удержаться отъ грѣховъ. Почему всякій кающійся на то одно долженъ обратитъ весь свой подвигъ, чтобъ быть уврачевану отъ Христа Господа, освятиться и пріять силу къ исполненію воли Божіей и заповѣдей Его. Ибо кто не уврачеванъ Христомъ Господомъ, тотъ иногда грѣхи дѣлаетъ, увлекаемъ будучи на нихъ своею немощію, а иногда съ большимъ трудомъ и стѣсненіемъ исполняетъ какую-либо заповѣдь; но такому какая польза? Подобенъ онъ тому, кто строить и опять разоряетъ построенное. Почему всякая настоять необходимость, чтобъ уврачевана была немощь наша Христомъ Господомъ, Который единый есть истинный врачъ, пришедшій на землю для уврачеванія немощей нашихъ, по причинѣ коихъ грѣшимъ. Онъ есть Агнецъ Божій, взявша грѣхъ міра, который и есть немощь поврежденнаго естества нашего. Ибо послѣ того, какъ Адамъ преступилъ заповѣдь Бо-

жю и изгнанъ былъ изъ рая, всякій человѣкъ сталъ немощенъ и болѣзненъ. И эти немощи, поелику находятся какъ въ естествѣ, такъ и въ произволеніи нашемъ, суть какія-то странныя: иногда кажется, что онѣ отъ естества суть, а иногда отъ произволенія.

Немощи, о коихъ говорю я, суть слѣдующія: всякій человѣкъ немоществуетъ и не можетъ имѣть чистой любви, не можетъ не завидовать, не поносить, не осуждать, не презирать, не пересмѣивать, не говорить лжи, не гнѣваться, не похотствовать благъ міра сего, которыя видить, не тщеславиться, не любоимствовать. Будь онъ благоразумнѣйшій между благоразумными, мудрѣйшій между мудрыми, мужественнѣйшій между мужественными, честнѣйшій между честными, будь онъ всѣхъ другихъ лучше и совершеннѣе; но, коль скоро немощь естества нашего пребываетъ въ немъ (неуврачеванною), неизбежно, что онъ или цѣломудрія не сможетъ сохранить, или не одолѣетъ себя, чтобъ простить тому, кто погрѣшилъ противъ него въ чемъ-либо, или не находитъ въ себѣ добрыхъ расположеній — милостыню подавать, и Бога всегда благодарить, вообще воздерживаться отъ всякаго зла и дѣлать всякое добро. Наблюдающему не можетъ не быть явнымъ, что всѣ такіа немоществованія зависятъ иногда отъ самовластнаго произволенія, а иногда отъ насилія со стороны естества. Впрочемъ не всѣ люди въ равной степени немоществуютъ; но иной больше, а иной меньше.

Такія-то немощи необходимо уврачевать въ насъ. Но прежде всего необходимо взискать врача, который бы уврачевалъ ихъ. Почему святые отцы предали намъ, христіанамъ, чтобы мы всегда такъ молились Богу, взывая къ Нему съ сокрушеннымъ сердцемъ: „Призри на насъ, Господи, по милости Твоей, и уврачуй немощи наши имени ради святаго Твоего.“ Т.-е. воззри на немощи

наши и уврачуй ихъ благодатию Твоею, да будетъ сла-
вимо имя Твое, что Ты милостивъ и состыненъ, и
единый еси Врачъ, и да не хвалится никто самъ о се-
бѣ, когда уврачеванъ будетъ, но о Врачѣ своемъ да
хвалится, и Его да благодарить день и ночь отъ всего
сердца своего, истинно смиренномудрствуя. И вотъ, въ
комъ уврачеваны будутъ такимъ образомъ немощи его,
тотъ и сталъ христіаниномъ (настоящимъ), а у кого есть
еще какія-нибудь изъ тѣхъ немощей, о коихъ мы ска-
зали, явно, что онъ еще не уврачеванъ. И это стра-
ждетъ онъ или отъ невѣдѣнія, или отъ неразумія, какъ
такой, который не знаетъ, что говорить къ Богу, ког-
да молится, и какія немощи уврачевать просить Бога.
И если умереть онъ не уврачеваннымъ, то вѣчно будетъ
плакать о томъ въ адѣ, не чая когда-либо освободиться
отъ огненнаго жженія онаго. Сего-то ради надлежитъ
намъ горько плакать о томъ жалкомъ состояніи, въ ка-
кое мы пришли. Люди-христіане да взываютъ день и
ночь: *призри Господи и уврачуй немощи наши*. Но и
Господь не можетъ уврачевать ихъ, если они не знаютъ,
что это за немощи, о коихъ они просятъ, при всемъ
томъ, что ихъ такъ много и такъ онѣ разнообразны.
Вотъ причина погибели, по коей гибнетъ столько хри-
стіанъ, богатыхъ и бѣдныхъ, властителей и простыхъ,
юныхъ и старыхъ, монаховъ и іереевъ. Одно врачевство
отъ всѣхъ вообще этихъ немощей — причастіе бже-
ственного естества или пріятіе Божіей благодати. Если
христіанинъ не приметъ божественной благодати и силы,
по мѣрѣ вѣры своей; то хоть онъ бѣднія совершаетъ,
хоть спитъ на голой землѣ, хоть поетъ псалмы день и
ночь, молится и постится, все же онъ остается не-
уврачеваннымъ и находится внѣ части Христовой, какъ
и невѣрные.

2. Какія бы добрыя дѣла ни дѣлалъ, какими бы по-

двигами ни подвизался и ни утруждалъ себя въ настоящей жизни всякій человѣкъ, мудрый или немудрый, свѣдущій или несвѣдущій, разсудительный или неразсудительный, ученый или неученый, богатый, или бѣдный, — если это не способствуетъ къ оздоровленію души его отъ немощей ея, суетно все сіе и бесполезно для него, и оставляетъ душу внѣ царствія небеснаго: ибо въ царствіе небесное пріемяются только здоровыя души, не имѣющія никакой немощи. А немощи эти, нами прежде указанныя, эти непотребныя стремленія плотскихъ похотей, эти пристрастія къ земнымъ и мірскимъ вещамъ, богатству и славѣ суетной, никакая душа не можетъ уврачевать въ себѣ и стать здоровою ни сама собою, ни съ помощію другаго какого человѣка. Только Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ онѣ могутъ быть уврачеваны, какъ написано: *Той недуги наша пріялъ и болѣзни понесе* (Мѡ. 8, 17). Ибо еслибы человѣческія души, не говоря язычниковъ и безбожниковъ, хоть бы самыхъ іудеевъ, вѣровавшихъ въ Бога истиннаго, могли удобно возненавидѣть мірскія похоти и плотскія наклонности, и такимъ образомъ избѣгнуть міродержателя діавола (ибо онъ посредствомъ этихъ страстей стяжалъ себѣ державу смерти), то не было бы никакой нужды благому, благоутробному и человѣколюбивому Богу содѣлываться человѣкомъ, распинаться и по смерти нисходить въ преисподняя земли, т.-е. во адъ. Но въ томъ и дѣло, что возненавидѣть міръ и все мірское и плотское никто не можетъ, если не сдѣлается причастникомъ божественной благодати и не получить силу на то отъ Господа Іисуса Христа. А кто, божественною силою Христовою укрѣпляемъ, не возненавидитъ прежде, отъ всего сердца своего, всего мірскаго и плотскаго, тотъ никакъ не можетъ исполнить заповѣдей Христовыхъ, или, какъ написано, всегда уклоняться отъ зла и творить благое.

Посему всякій, вѣрующій во Христа, прежде всего другаго да просить у милостиваго Бога благодати и силы возненавидѣть міръ и все мірское, всѣ страсти и похоти плотскія, а послѣ того, какъ возненавидитъ ихъ, падъ тѣмъ да трудится съ теплою вѣрою, чтобъ достигнуть мертвости ихъ, каковая мертвость Христова есть, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, что онъ *мертвость Господа Иисуса всегда въ тѣлѣ своемъ носилъ* (2 Кор. 4, 10). Таковыя-то прошенія и бываютъ благоугодны Богу и Онъ благоволительно слушаетъ ихъ, какъ удостоверяетъ св. Іоаннъ Богословъ: *яко аще чего просимъ по воли Его, послушаетъ насъ* (1 Іоан. 5, 14). Ибо этого только и хочетъ Богъ, чтобъ искали у Него люди, т.-е. того, что ведетъ человѣка къ вѣчному спасенію. Почему пусть никто изъ людей ни о чемъ другомъ не заботится, и ни на что другое не иждиваетъ трудовъ своихъ въ настоящей жизни, какъ только на то, чтобъ душа его въ послѣдній часъ смерти оказалась здоровою и свободною отъ всякой мірской и плотской страсти. Такъ-то необходимо, чтобы душа сдѣлалась здоровою отъ всякаго недуга своего, и тогда, какъ сдѣлается она здоровою, можетъ послужить Богу достолично, исполняя божественныя заповѣди Его, и явиться непостыжденною, когда предстанетъ предъ страшное судилище Христово. Если же не сдѣлаетъ она этого, т.-е. не послужить Богу и не исполнить заповѣдей Его, хотя не въ большой мѣрѣ, то конечно и въ день суда окажется она нездоровою отъ страстей, и будетъ за то ввержена въ огонь геенскій, который поглотитъ ее въ своей печи неугасимой и будетъ жечь вѣчные вѣки. Ибо огонь геенскій не можетъ жечь никакихъ другихъ, а только тѣхъ, которые оставили неуврачеванными души свои въ настоящей жизни и такъ неуврачеванными перешли и въ другую жизнь.

3. Грѣхъ совершается и по волѣ нашей, и не по на-

шей волѣ. Ибо грѣхъ всегда является предъ нами только какъ нѣкая обманчивая приманка. Но какъ только душа человѣка наклонится мысленно ко грѣху, тотчасъ подсакиваетъ къ ней тиранъ и насилователь душъ, который всегда стоитъ позади ея и зорко смотритъ за движеніями ея, подсакиваетъ и тащитъ ее на совершеніе грѣха дѣломъ; такъ что очевидно, что грѣхъ бываетъ и по волѣ человѣка, и не по волѣ его: бываетъ по волѣ его потому, что умъ самъ склоняется на грѣхъ; бываетъ не по волѣ его потому, что когда слагается онъ совершить грѣхъ дѣломъ, то на это бываетъ влекомъ и нудимъ диаволомъ. Посему-то Премудрость Божія, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, подсекаетъ самые корни и зачатки грѣховъ, когда заповѣдуетъ во святомъ Евангеліи Своемъ, чтобы никто не допускалъ порочныхъ пожеланій, и даже очами не воззрѣвалъ съ похотѣніемъ, потому что когда душа дойдетъ до вожделѣнія грѣха, то неудобъ ворочается назадъ, неудобъ удержаться ей отъ дѣла, по причинѣ толканія на него отъ демоновъ, совершающихъ это быстрѣе мгновенія ока. Такимъ образомъ душѣ всячески надо стараться не допускать приближаться къ себѣ демонамъ, а этого достигать не можетъ она никакимъ другимъ способомъ, какъ только тѣмъ, чтобы не склоняться на похотѣнія грѣха, во Христѣ Іисусѣ, Кому слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИНАДЦАТОЕ.

1. Врачевство врачующее душу одно, а не много ихъ.
2. Четырьмя образами грѣшатъ люди.
3. Спасеніе всѣхъ въ единой волѣ Божіей; человѣкъ же не имѣетъ въ себѣ ничего, чѣмъ бы самъ могъ спастися.

1. Душа наша проста и несложна; потому, когда возблѣзнуеть, одно врачевство врачуетъ ее. Но тѣло, будучи сложено изъ многихъ, и притомъ неодинаковыхъ

частей, которыя и сами составлены изъ четырехъ стихій: земли, воды, огня и воздуха, когда занеможетъ, имѣть нужду, какъ сложное, въ разныхъ врачевствахъ и при томъ составленныхъ изъ разныхъ травъ. Это хорошо истолковали и внѣшніе мудрецы еллинскіе, тоже говоря, что еслибы тѣло человѣческое было единично, т. е. просто и несложно, то одно было бы и врачевство для него, но, будучи сложено изъ многихъ частей, имѣть нужду и во врачевствахъ многихъ и многосложныхъ. А душа, говорю я, напротивъ, будучи невещественна, проста и несложна, когда занеможетъ, одно врачевство врачуетъ ее, а не многія. Какое же это врачевство? Духъ Святый, благодать Господа нашего Иисуса Христа, какъ говоритъ Апостоль: *идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17). Надлежитъ потому всякому христіанину, посредствомъ покаянія, милостыни и всякой другой добродѣтели, сколько силъ есть, подвизаться не о чемъ другомъ, какъ о томъ, чтобы пріять дѣйство благодати Св. Духа, силою коего и начнетъ онъ жить жизнію истинно по Христу. Ибо нѣтъ другаго способа, искусства и метода къ тому, чтобы христіанинъ жилъ по Христу, кромѣ воспріятія свѣше силы или благодати Иисусъ-Христовой.

2. Человѣкъ грѣшитъ четырьмя образами—волею, неволею, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи. Волею, т.-е. самосхотнo грѣшитъ онъ, когда, зная навѣрно, что зло есть зло и что въ его состоитъ волѣ сдѣлать его или не сдѣлать, дѣлаетъ его самоохотно. Неволею, т.-е. безъ желанія, грѣшитъ онъ, когда бываетъ вынуждаемъ къ тому какою-либо необходимостію, и дѣлаетъ зло не желая его, какъ напримѣръ иные мученики отрицались отъ Христа по причинѣ нестерпимыхъ мукъ, какимъ ихъ подвергали. Бываетъ, что иной и другимъ образомъ, не зная и не желая, дѣлаетъ зло, когда напримѣръ, пустивъ стрѣлу, чтобъ убить какого-либо звѣря, убиваетъ человѣка, не

желая того. Въ вѣдѣніи бываетъ грѣхъ, когда душа знаетъ, что извѣстное дѣло есть грѣхъ, но будучи немощна и разслаблена правомъ, дѣлаетъ его, не имѣя силы противостоять брани и возставшему сильному влеченію на грѣхъ, дѣлаетъ грѣхъ, склоняясь на него и вожделѣвая его будто помимо своей воли. Въ этомъ-то случаѣ особенно и познается вѣрующими сила Христова, именно: когда возмогаютъ они не дѣлать по внушенію возненавидѣнныхъ ими похотей, тогда познаютъ, что имѣютъ благодать Христову. Въ невѣдѣніи бываетъ грѣхъ, когда кто дѣлаетъ что худое, не зная, что оно худо, но полагая, что оно хорошо.

При этомъ замѣтить надлежитъ, что грѣховъ волею бываетъ немного, и они, такъ какъ большею частію бываютъ очень явны и неотразимо тѣсняются въ сознаніе, бодутъ, какъ остны, того, кто дѣлаетъ ихъ, и подвигаютъ его на покаяніе. Прочихъ же грѣховъ, т.-е. грѣховъ неволею, въ вѣдѣніи и невѣдѣніи, бываетъ очень много, даже безъ числа; но они всѣ почти малопоматны и скоро совсѣмъ выпадаютъ изъ сознанія и того, кто ихъ дѣлаетъ, несмотря на свою многочисленность, не бодутъ и не подвигаютъ на покаяніе, такъ какъ онъ и не почитаетъ ихъ грѣхами и не думаетъ объ нихъ. Посему объ этомъ-то наипаче и надлежитъ намъ молиться, что бы Богъ даровалъ намъ и познать ихъ грѣховность, и восчувствовать: ибо то, что мы не помнимъ и не чувствуемъ ихъ, не дѣлаетъ насъ безвиновными въ нихъ, а между тѣмъ діаволъ большую часть людей ввергаетъ въ гордыню по причинѣ невѣдѣнія ихъ, потому т.-е., что не сознаютъ ихъ, не думаютъ, что они значатъ что-нибудь, но вмѣняютъ ихъ ни во что: каковыя люди, несмотря на то, что говорятъ, будто мудры суть, оказываются буими и неразумными; поелику не познали, что спасеніе всѣхъ стоитъ на единой милости Божіей.

3. Ни одинъ человекъ не имѣтъ въ себѣ ничего благо-
словнаго, чѣмъ бы могъ спастися, ни праведный, ни
грѣшный. Ибо самъ Богъ говоритъ: *помилю, егоже
еще помилю, и ущедрю, егоже еще ущедрю* (Рим. 9, 15).
И Давидъ исповѣдуетъ сіе, взывая къ Богу: *Господи,
Боже спасенія моего* (Пс. 87, 2). Въ чемъ спасеніе то?
Въ томъ, чтобы стать причастникомъ святости Божіей,
а это состоятъ въ волѣ Божіей,—то, т.-е. чтобы Онъ
преподалъ святость Свою тѣмъ, которые управляютъ
сердца свои къ Нему и никакой кривости не имѣютъ въ
помышленіяхъ своихъ, коихъ души *утришася* (Пс. 77, 37),
т.-е. стали вѣрными Богу и словесамъ Его; поелику,
по пророку, *правоты* видитъ *лице* Божіе (Пс. 10, 7).
Люди видятъ видимое, а Богъ видитъ и сокровенное.
Уготовайте путь *Господень*, говоритъ Писаніе, *правы
творите стези Его* (Мѡ. 3, 3). Эти стези Божіи суть
души человѣческія, когда онѣ правы бывають, т.-е. ког-
да исповѣдуютъ свое невѣдѣніе, ненаученіе и ненака-
занность, свое недостаточество на добро и падкость на
всякіе грѣхи, когда не хотятъ жить лицемѣрно, иными
быть по внутреннему своему устроенію и иными казаться
предъ людьми, и принимать честь отъ людей, а не отъ
Бога; потому что Богъ, испытующій сердца, ненавидитъ
такія души, какъ сущія отъ части діаволовой: ибо діаволъ
такъ дѣлаетъ, что, будучи врагомъ, принимаетъ видъ
друга, и будучи тьмою, представляется свѣтомъ.

Поелику спасеніе всѣхъ въ единомъ Богѣ, то да уго-
товитъ каждый себя самого и да приложить трудъ стать
правымъ, чтобы содѣлаться достойнымъ милости Божіей;
потому что кто правъ, тотъ истиненъ; кто истиненъ,
тотъ смиренъ, а кто смиренъ, тотъ одинъ и достоинъ
милости. Богъ, Который есть сущая истина, не можетъ
миловать того, кто неправъ, такъ какъ таковой не
истиненъ. Итакъ не докучай Богу въ молитвѣ, милость

къ тебѣ явить, прежде чѣмъ сдѣлаешься правымъ: ибо невозможно, чтобы Богъ соединился съ душою лукавою и развращенною; милость же Божія въ томъ и состоитъ, чтобы причастился кто святости Божіей. И если препобѣждаешься лукавымъ діаволомъ, властителемъ зла, и не имѣешь силы быть правымъ, понуди усердною молитвою своею благость Божію даровать тебѣ силу сдѣлаться прежде правымъ, чтобъ сего ради оказаться достойнымъ и великой милости Божіей, т.-е. пріятія святости Его. Эта святость вражду полагаетъ между тѣмъ, кто освящается, и между грѣхомъ, иначе, дѣластъ освящаемаго врагомъ всякаго грѣха. Ибо кто любитъ Бога, тотъ любитъ и то, что Ему благоугодно, и отвращается отъ того, къ чему не благоволитъ Богъ. Но неблагоугодное Богу, само собою разумѣется, пріятно діаволу. Почему всякій человѣкъ, который неправъ (и слѣд. не любитъ того, что благоугодно Богу), есть другъ діаволу и врагъ Богу. Таковому какая надежда спасенія?

Итакъ тѣмъ, которые дѣлають зло, котораго могли не сдѣлать, и не дѣлають добра, которое могли дѣлать, нѣтъ спасенія, пока они таковы. Но и о тѣхъ, которые дѣлають добро, нельзя еще сказать, что они потому самому имѣють уже въ себѣ самихъ все, чѣмъ устрояется спасеніе. Они только сдѣлали все, что должны были сдѣлать, подобно тому какъ всякій рабъ дѣлаеть что долженъ дѣлать, чтобъ не быть битъ. Если случается, что домовладыка поблагодарить такого раба, то благодарить его по добротѣ своей. Но если какой рабъ загордится, говоря, что онъ такъ хорошо дѣлаеть свое дѣло, то бываетъ битъ за то самое, чтобы помнить, что онъ не могъ сдѣлать ничего больше того, что долженъ былъ сдѣлать,—такъ что, если хочетъ такой рабъ (исправный во всемъ), чтобъ господинъ его благодарилъ

его, то долженъ всячески смиряться и говорить: я сдѣлалъ только то, что долженъ былъ сдѣлать, и еслибы не сдѣлалъ того, то былъ бы битъ, какъ рабъ неключимый. Такъ и всякій христіанинъ, дѣлающій все должное, не можетъ ожидать за это себѣ ничего. Но хорошо бы было, если всякій возжедавшій творить волю Божію, могъ творить ее; а то со всякимъ нерѣдко бываетъ, что не можетъ онъ сдѣлать то, что желаетъ, и дѣлаетъ то, что ненавидитъ, потому что мудрованіе и похотѣніе плоти противляется ему. Какъ послѣ этого можно говорить: только возжелай спасенія и спасешься? Спасеніе не отъ естества; почему не видимъ, чтобъ кто либо когда-нибудь спасся самъ собою. И Богъ говоритъ: *Азъ Богъ, и нѣсть развѣ Мене спасаай* (Исаи 43, 11). *Ибо вси согрѣшиха и лишени суть славы Божіей* (Рим. 3, 23). Какъ же можно спастися кому-либо самому собою?

Но если покаются теперь въ одинъ день тысячи тысячъ и мириады мириадъ грѣшниковъ, и, обратясь ко Христу Господу, содружатся съ Нимъ, соединятся и освятятся святостію Его, то тотчасъ познаютъ воспринятое отъ Него освященіе, коимъ устрояется спасеніе, ощущая присущую имъ нѣкую божественную силу. Ибо Христосъ Господь, для всякаго вѣрующаго въ Него, бываетъ силою разсужденія, моцію разума, крѣпостію мудрости, державою правды, основою любви къ Богу и людямъ, дѣйствомъ всякой святой заповѣди и воли Божіей, нѣкимъ разумнымъ и въ природу обратившимся отвращеніемъ и возненавидѣніемъ всякаго зла и грѣха, всякой похоти и лукавства. Христосъ Господь есть надежда наша и миръ нашъ. Безъ Господа Іисуса не только никто не можетъ дѣлать добро, но и всякій бываетъ отдаленъ отъ Бога. Одного только требуетъ Господь отъ всякаго вѣрующаго въ Него, того, чтобъ онъ всецѣло ввѣрилъ себя Ему—Христу Господню, т.-е. чтобъ

имѣлъ полную на Него надежду и питалъ непоколебимую увѣренность, что только силою Христовою, а не своею собственною, можетъ кто спастися. И такой только есть настоящій христіанинъ, кто полную надежду возлагаетъ на одного Христа, что Онъ одинъ все въ немъ исправить и уврачуеъ его и по душѣ и по тѣлу. Когда же потомъ за сею вѣрою, имѣемою съ разумомъ, послѣдуетъ и дѣло, тогда раждается любовь ко Христу, т.-е. когда кто самымъ дѣломъ получить то, чего надѣялся отъ Христа, и почувствуетъ то, тогда возлюбяетъ Его. Ибо человѣкъ благодѣтельствуемый не можетъ оставаться безчувственнымъ къ благодѣянію, и естественно начинаетъ любить благодѣтеля, помимо даже воли своей. Потомъ, когда преуспѣетъ онъ въ любви къ Благодѣтелю своему, находитъ и самого Благодѣтеля внутри себя самого; потому что и Онъ вполне ввѣряется и входитъ въ того, кто возлюбилъ Его.

Но діаволь, что сначала сдѣлалъ съ человѣкомъ, то покушается дѣлать и теперь со всякимъ, начинающимъ каяться, внушая ему: нѣтъ спасенія тебѣ въ Богѣ твоёмъ (Пс. 3, 3), т.-е. что спасеніе бываетъ не силою Бога твоего, а твоею собственною. И горе тому, кто повѣритъ ему! Врагъ хочетъ симъ способомъ обнажить душу отъ благодати Божіей, чтобы потомъ уловить ее и поглотить, какъ волкъ ягня. Посему-то всегда надлежитъ уму воззрѣвать къ Богу, отъ Коего единого приходитъ всякая помощь, чтобы умъ сей просвѣтился мысленными лучами свѣта Божія, и сдѣлавшись обоженнымъ, стяжалъ и своего рода неизмѣняемость, дабы не возвращаться на зло. Тогда-то наконецъ становится онъ властителемъ земли, такъ что не смѣетъ уже болѣе приближаться къ нему никакое земное похотѣніе, но все земное трепещетъ предъ нимъ и боится его, не ради его самого, а ради Бога, страшнаго самымъ херувимамъ, Котораго онъ

всегда имѣть присущимъ въ себѣ и отъ Коего отлучиться мыслию и отдалиться желаніемъ и чувствомъ не позволяетъ онъ себѣ ни на одно мгновеніе. Богу благодарю нашему слава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

1. Чего требуетъ Богъ отъ христіанина?
2. Какой вредъ потерпѣлъ и терпитъ человѣкъ отъ діавола, а не знаетъ того?
3. Всѣ люди недугуютъ душою, и не понимаютъ того.
4. Надобно имъ познать недуги свои, чтобъ изыскать врача.
5. Лукавый діаволъ свои искушенія какъ приманеу какую полагаетъ предъ людьми.
6. По какой причинѣ не всѣ христіане преуспѣваютъ въ добродѣтеляхъ?

1. Богъ отъ всякаго христіанина прежде и во главѣ всего требуетъ, чтобъ онъ всегда исповѣдывалъ прежніе грѣхи свои, дабы, помня ихъ во всякое время, онъ всегда имѣлъ самоуничиженное и смиренное мудрованіе, и не презиралъ другихъ. Повторыхъ, требуетъ, чтобъ онъ каялся предъ Нимъ и молился Ему о всемъ, въ чемъ грѣшитъ каждодневно, волею или неволею, въ вѣдѣніи или въ невѣдѣніи; ибо невозможно, чтобы человѣкъ провелъ хоть одинъ день безъ того, чтобъ не впасть въ какое-либо согрѣшеніе, большое или малое, потому что грѣхъ бываетъ и словомъ и дѣломъ и помышленіемъ. Какъ эти, — дѣла, слова и помышленія, быстро чередуются или дѣйствуютъ совмѣстно въ продолженіе дня; то и не усмотришь, какъ погрѣшишь не въ одномъ, такъ въ другомъ. Но кто погрѣшаетъ, тотъ и падаетъ; падшему нѣтъ оправданія, но спасается онъ по единому безпредѣльному благоутробію Божію. Въ третьихъ: поелику грѣхи бываютъ по причинѣ немощности мысли, и душа посему имѣетъ нужду въ укрѣпленіи свыше, надлежитъ христіанину всегда умолять Бога, да

даруетъ ему духовную силу, которая есть сокровенная благодать Господа нашего Иисуса Христа, укрѣпляющая ту душу, которую присѣщаетъ, и просвѣщающая ее, да зрѣть зло, какъ зло, и добро какъ добро, и вспомошествоваемая симъ просвѣщеніемъ и сею силою, да ходить безопасно среди сѣтей міра сего лукаваго, не будучи уловляемая ими. Человѣкъ страдаетъ нѣкою сокровенною болѣзнію великою и неудобъ-познаваемою, которая такъ велика и такъ чрезмѣрна, что подобной никогда не было и никогда не будетъ. Почему необходимо было самому Богу придти, чтобъ исправить и уврачевать ее. При всемъ томъ однакожь люди не знаютъ о томъ и живутъ въ совершенной безпечности, нисколько не печалась изъ-за болѣзни сей по причинѣ нечувствія своего. Ибо кто знаетъ сію болѣзнь, тотъ и чувствуетъ ее; кто чувствуетъ, тотъ болитъ о томъ душею; кто болитъ, тотъ ищетъ оздравленія и всячески старается уврачеваться отъ болѣзни той.

2. Но что это за болѣзнь? Послушай: діаволь, по обычаю своему, всегда подбирается къ душѣ страннымъ нѣкимъ образомъ и неудобъ-распознаваемымъ, съ тѣмъ чтобы, будучи всегда близъ ея и не отдаляясь отъ ней, возмущать и перебуровливать всѣ ея стремленія, движенія и помышленія, т.-е. и мысленную, и желательную, и раздражительную силы души, и направлять ихъ на то, что ему угодно. Этимъ способомъ онъ всѣхъ насъ увлекаетъ въ сѣти свои и забираетъ въ рабство себѣ и въ волю свою,—а мы того и не знаемъ; и, что хуже всего, діаволь, употребляя сію тактику непрестанно и сдѣлавъ насъ страстными и непотребными, убѣждаетъ насъ думать и говорить, что этотъ нашъ недугъ (смятеніе и буровленіе внутри), которымъ мы вводимся въ страсти и держимы бываемъ въ нихъ, есть свойство

естества нашего, а не дѣло бѣсовскихъ козней *). Иныхъ же онъ убѣждаетъ думать, что злыя дѣла, какія они дѣлають по дѣйству его, суть исправности и добродѣтели. и хвалиться ими. Но это есть уже совершенная мертвость души: ибо кто хвалится зломъ, тотъ нимало не чувствуетъ (тлетворнаго дѣйствія его), а это свойственно лишь мертвому. И вотъ отчего виситъ надъ родомъ человѣческимъ опасность быть осуждену вмѣстѣ съ діаволомъ и прочими демонами; а онъ того не знаетъ.

3. Человѣкъ, который былъ прежде здоровъ и заболѣлъ, знаетъ и понимаетъ, что есть болѣзнь и что здоровье. Но если случится кому съ самаго рожденія быть больному, то ему трудно бываетъ понять, что такое здоровье. Такъ и душа, которая всегда недужна и страждетъ болѣзнію страстей гнѣва и похоти и другихъ многихъ и разнообразныхъ, которыя рождаются отъ этихъ двухъ какъ главнѣйшихъ, гнѣва, говорю, и похоти, не знаетъ, бѣдная, и не понимаетъ, что это суть болѣзни, и не видитъ, какъ мысленный тиранъ ея діаволь, прикрытый симъ ея невѣдѣніемъ, подсѣдаетъ къ ней посредствомъ означенныхъ страстей и день и ночь осѣчаетъ ее злыми помыслами. Не видя же сего, не понимая и не чувствуя, она не чувствуетъ нужды и во врачеваніи и не ищетъ его. Можно ли же надѣяться, что она когда-нибудь уврачуется, находясь въ такомъ положеніи? Кто не хочетъ оздоровѣть и не ищетъ оздравленія, какъ можетъ уврачеваться? Или какъ станеть искать врачеванія тотъ, кто не знаетъ, что боленъ, и не понимаетъ, въ чемъ состоятъ его здоровье; а того, кто объясняетъ ему это и истолковываетъ, гонить прочь? Поступая такъ, онъ показываетъ, что не имѣетъ нужды въ оздравленіи.

*) Тоже говорилъ и св. Макарій великій. Доброт. въ рус. пер. т. I, стр. 146.

4. Таковъ недугъ нашъ, и отъ недуга этого нѣтъ другаго врачевства, кромѣ единого, о коемъ я помянулъ. Ни Ангелъ, ни ходатай, ни мудрецъ, ни книжникъ и никакой совопросникъ вѣка сего не могъ и не можетъ уврачевать сего недуга нашего. Для сего потребно было Богу содѣлаться человѣкомъ, чтобы человѣческое естество соединилось съ Божествомъ и въ Немъ обрѣло дѣйственнѣйшее врачество, сильное уничтожить въ насъ всякое нестроеніе, растлѣніе и смерть, и чтобы непобѣдимая и непреоборимая сила Божества врачевала немощнаго человѣка и укрѣпляла его божественною благодатію, такъ чтобы мысленный растлитель нашъ діаволъ не смѣлъ болѣе приближаться къ нему и искупать его посредствомъ страстей. Ибо со времени преступленія Адамова растлились всѣ естественныя силы человѣческаго естества, т.-е. умъ, память, воображеніе, воля, чувство, которыя всѣ совмѣщаются въ трехъ частяхъ души—мысленной, раздражительной и пожелательной. Растлились, но не уничтожились. Почему человѣкъ можетъ умясовать, но не можетъ умясовать правильно; можетъ желать, но желаетъ несмысленно; можетъ раздражаться (пряме бы энергичествовать), но раздражается неразумно. По сей причинѣ, все что онъ думаетъ и придумываетъ, что загадываетъ и предпринимаетъ, къ чему сочувствуетъ и отъ чего отвращается, все это криво, косо, ошибочно.

5. Испушеніе, какимъ испушаетъ насъ діаволъ, бываетъ двухъ родовъ. Какъ птица, свободно летающая на крылахъ своихъ, чтобъ найти себѣ пищу, бываетъ обманываема птицеловомъ, простирающимъ по землѣ сѣти свои для ея уловленія, тѣмъ, что простерши сѣти свои по землѣ, онъ кладетъ поверхъ ихъ приманку, которую видя, птица слетаетъ внизъ, чтобъ поклевать, и тутъ запутывается въ сѣти и попадаетъ въ плѣнъ; тогда приходитъ и птицеловъ, беретъ ее, держитъ въ

рукахъ своихъ и дѣлаетъ съ нею что хочетъ; такъ и діаволь, зная, что умъ человѣческій находится въ непрестанномъ движеніи (парить), подкрадывается къ человѣку невидимо, кладетъ предъ помысломъ его какую-либо сласть, какъ приманку, а подъ сластію простираетъ, какъ сѣть, грѣхъ, который вмѣстѣ есть и рука діавола невидимая и скрытная; потому что безъ грѣха нельзя діаволу схватить душу человѣка. Когда успѣетъ онъ примануть душу приманкою сласти, тотчасъ опутываетъ ее сѣтями и схватываетъ. Первымъ дѣломъ его тутъ бываетъ завязать ей глаза, т.-е. омрачить умъ, чтобъ она не увидала свѣта и пути и не убѣжала; и это со всѣмъ тщаніемъ дѣлаетъ онъ до тѣхъ поръ, пока она, привычкою къ сласти и долговременнымъ пребываніемъ во грѣхѣ, совсѣмъ не предастся въ волю его и не сдѣлается во всемъ ему подручною и возлюбленною рабою. Послѣ сего она и сама не захочетъ уже бѣжать отъ этого господина своего, къ которому привыкла и который такъ утѣшаетъ ее и насыщаетъ всякими сластями, пока совсѣмъ не растлилъ ее этими нечистыми и зловонными яствами своими. Когда же увидитъ онъ, что она совсѣмъ растлилась, тогда направляетъ ее на всякаго рода непотребства, грѣхи и злодѣянія. Но птицеловъ не можетъ стянуть птицы съ воздуха на свою приманку; а діаволь, если найдетъ душу обнаженною благодати Божіей, можетъ подвигнуть стремленія и пожеланія души на сласть и склонить ее на свою волю. Почему и сказалъ я, что искушенія діавола бываютъ двухъ родовъ: первое—приманка сластію, какую полагаетъ онъ предъ помысломъ; а другое—раздраженіе похотей, коимъ понуждаетъ онъ душу воспохотствоваться сластей, и склоняетъ ее на свою волю.

Душа, которая подчинится такимъ образомъ и столь много діаволу, не можетъ ничего болѣе для себя дѣ-

лать, какъ только познавъ, въ какую ниспала глубину золь и какъ воля ея связана чужими узами, воцѣять, какъ изъ чрева адова, и призывать Бога, сходявшаго въ преисподняя земли, придти къ ней и освободить ее. Это одно можетъ она дѣлать; но разрѣшить себя отъ узъ и убѣжать не можетъ, какъ не можетъ убѣжать тотъ, кто закованъ въ желѣзныя кандалы и содержится въ темницѣ подъ крѣпкими запорами. Можетъ, говорю, она призывать имя Іисуса Христа, да послеть Онъ ей помощь; и когда укрѣпится такимъ образомъ чрезъ призваніе Іисуса Христа (ибо Онъ есть единственный освободитель душъ нашихъ) и почувствуетъ, что получила помощь отъ Бога, тогда можетъ и убѣжать изъ-подъ ига діаволова и изъ узъ грѣха. Но убѣгая отъ діавола, ей слѣдуетъ прибѣгнуть къ какому-либо эконому благодати, т. е. къ духовному отцу, чтобъ лукавый діаволъ не нашелъ ее опять неохраняемою и не похитилъ. Этимъ отцемъ духовнымъ она будетъ обучаема и упражняема въ томъ, что ей потребно думать, пока наконецъ она сдѣлается способною носить всеоружіе Божіе, т. е. божественную благодать, и съ нею противостоять всѣмъ кознямъ діавола, всѣмъ этимъ началамъ, властямъ, міродержителямъ тьмы вѣка сего, духамъ злобы. Ибо душа, соединенная съ плотію, не можетъ одна, голая, противоборствовать такимъ сильнымъ и столь многимъ врагамъ, если не будетъ облечена во всеоружіе Божіе: какъ и воинъ, даже самый мужественный, не можетъ безъ оружія противостоять врагамъ, нападающимъ съ копьями, мечами и щитами, и если выступить противъ нихъ, тотчасъ будетъ пораженъ на смерть.

6. Какъ тѣло человѣка, сложенное изъ разныхъ частей, сочетаваетъ душа и не даетъ ему разсыпаться; когда же выйдетъ душа изъ тѣла, оно разлагается и истлѣвается; потому что тогда разрѣшаются всѣ связи его, и

то, что было прежде смерти соединено и сгармонировано, является разъединеннымъ и разложеннымъ: подобное сему бываетъ и съ душою, когда удалится изъ ней божественная благодать (которая есть душа души нашей, и до преступленія Адамова была соединена съ нею, какъ душа соединена съ тѣломъ, и содержала ее въ единости и гармоніи помышленій, которыя по преступленіи разсѣялись по безчисленнымъ направленіямъ), — божественная, говорю, благодать Св. Духа, которую опять подаетъ святое крещеніе пріемлющимъ, по увѣрованіи и оглашеніи, сіе божественное таинство, — чего не знаетъ и понять не можетъ вся внѣшняя мудрость Еллиновъ. Ибо какъ всякій человѣкъ увѣренъ, что душа есть та сила, которая приводитъ въ гармонію и сочетаваетъ въ единое стройное цѣлое разныя части тѣла; такъ всякому христіанину крещеному должно содержать всегда въ умѣ, что не другое что, а только благодать Всесвятаго Духа, которую пріялъ онъ чрезъ святое крещеніе и новое рожденіе, она одна соединяетъ, сочетаваетъ и сдерживаетъ неразсѣянными неисчетныя и многообразныя движенія и помышленія души (если это есть въ немъ).

Это собраніе во едино помышленій душевныхъ есть и именуется жизнію души, какую даруетъ ей Богъ. Но какъ иные забываютъ и пребываютъ въ беззаботномъ помышленіи о томъ, что тѣло ихъ состоитъ изъ многихъ и разнообразныхъ частей, почему подлежитъ и недугамъ многимъ, и что въ союзѣ и гармоніи содержится оно душою, такъ что, когда бываютъ здоровы и не чувствуютъ никакой болѣзни, величаются тѣмъ (какъ бы это было не даръ Божій, а нѣчто ихъ собственное): такъ подобному неправомыслию подвергаются и нѣкоторые изъ тѣхъ, кои сподобились пріять божественную благодать, когда не внимая себѣ и не держа въ умѣ и помышленіи сіе великое таинство божественной благодати, ими

полученной (и держащей въ союзѣ и гармоніи разнообразныя помышленія и стремленія души), склоняются къ гордому о себѣ помышленію. За это разгордѣніе они впадаютъ въ *судъ діаволь* (1 Тим. 3, 6), обнажаются отъ божественной благодати и ниспадаютъ въ состояніе худшее, нежели въ какомъ были до крещенія. И только тѣ изъ нихъ, которые уразумѣвъ, какое великое потерпѣли они зло, прольютъ много горькихъ слезъ о томъ, чтобъ опять пріять божественную благодать, послѣ многихъ трудовъ и потовъ сподобляются снова сей великой Божіей милости.

Впрочемъ надлежитъ намъ и то знать, что Богъ, всеблагій и человеколюбивый, не отъ всѣхъ добродѣтелей обнаженнымъ оставилъ человѣческое естество по паденію; почему и среди самыхъ невѣрныхъ народовъ проявляются нѣкоторыя естественныя добрыя качества, и иные являютъ кротость, другіе сердоболіе, тѣ любовь, а эти другія какія-либо душевныя доброты. Сдѣлалъ это всеблагій Богъ для того, чтобъ человѣческое естество не всякаго лишено было пособія, но чтобъ въ этомъ имѣемомъ находило помощь къ стяжанію и того, чего въ немъ недостаетъ. Однакожъ никакъ невозможно, чтобъ некрещенный достигъ когда-либо совершенства добродѣтелей.

Итакъ, поелику нѣкоторые христіане забываютъ о таинствѣ благодати Всесвятаго Духа, полученной ими во св. крещеніи, имѣютъ въпрочемъ, какъ мы сказали, нѣкоторыя естественныя добродѣтели въ помощь и пособіе недугующему естеству, но не помня о полученной ими благодати, не стараются съ помощію сей божественной благодати Всесвятаго Духа стяжать и прочія добродѣтели, которыхъ не имѣютъ, а довольствуются однѣми отъ естества получаемыми добродѣтелями, гордятся ими и презираютъ тѣхъ, которые ихъ не имѣютъ, не обращая вниманія на тѣ, которыя тѣ имѣютъ, и которыхъ они сами не имѣютъ: то благоутробный и человеколюбивый

Богъ не даетъ таковымъ горделивымъ благодати на стяжаніе и прочихъ добродѣтелей, да не впадутъ въ судъ діаволь. Ибо если они не возымѣютъ добродѣтелей, то осудятся, какъ недобродѣтельные; а если стяжутъ ихъ благодатию Всесвятаго Духа и возгордятся, яко самодобродѣтельные, и хвалиться ими станутъ, какъ бы не свыше отъ Бога получили ихъ, а имѣли ихъ (если и предположимъ, то возымѣли) отъ своихъ трудовъ и усилий, то осуждены будутъ вмѣстѣ съ діаволомъ. Почему всякій добродѣтельный христіанинъ, яко сокрушенный и смиранный, такъ да вѣруетъ, что благодать Всесвятаго Духа живетъ въ немъ и совершаетъ всѣ добродѣтели, а не онъ самъ. Таковой воистину есть и праведно именуется духовнымъ человекомъ, поколику вседѣйствуетъ въ немъ Духъ Святыи, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТНАДЦАТОЕ.

1. Есть семь классовъ лицъ, для которыхъ потребна молитва церкви о спасеніи ихъ.

2. Тѣ, которые молятся Богу, а между тѣмъ сами не знаютъ, о чемъ просить, не бываютъ услышаны.

3. Все трудятся тѣ, которые не молятся въ духѣ.

1. Есть семь классовъ лицъ, о спасеніи коихъ потребна молитва церкви: погибшіе, плѣненные, заблуждшіе, уязвленные, падающіе, возставшіе, шествующіе. Есть еще и осьмой классъ—совершенные, которые, задняя забывая, все въ преднія простираются. Каждый изъ этихъ осьми классовъ имѣетъ нужду въ особой молитвѣ Церкви Божіей о спасеніи его: *погибшіе* имѣютъ нужду въ молитвѣ о томъ, чтобы ихъ взыскалъ и обрѣлъ вездѣсущій Богъ, для Котораго явны и адъ и пагуба; *плѣнные*, т.-е. порабощенные (страстямъ и діаволу),—чтобъ ихъ освободи-

диль божественною благодатию своею Тотъ, Кто все содержитъ и надъ всѣмъ господствуетъ, потому что такого рода поработенникъ не можетъ освободиться самъ собою; *зablуждшіе*, — чтобы просвѣтила ихъ божественная благодать и направила на путь истины, какъ учить и псаломъ: *настави мя Господи на путь Твой, и пойду во истинѣ Твоей* (Пс. 85, 11); *уязвленные*, т.-е. сокрушенные, чтобы ихъ уврачевалъ и поднималъ съ одра Господь, потому что ни одинъ изъ уязвленныхъ не можетъ исцѣлиться и стать на ноги собственною своею силою; *падающіе*, т.-е. тѣ, которые впадаютъ въ грѣхи, — да укрѣпить ихъ великомощная десница Всевышняго Бога, чтобы они не падали; *возставшіе*, т.-е. тѣ, которые перестали грѣшить, — да утвердить ихъ божественная благодать, чтобы они не низвергались болѣе въ ровъ сей; *шествующіе*, т.-е. тѣ которые подвизаются въ добродѣтели, — да шествуютъ безъ преткновеній, и Ангелъ Господень да устраняетъ камни и препятствія съ долгой и тѣсной стези добродѣтелей, чтобы имъ не подвергаться болѣе по причинѣ ихъ крайнимъ бѣдамъ и опасностямъ; осьмой же классъ, т.-е. *совершенные*, — чтобы не гордились и не думали о себѣ, что они лучше другихъ, но скорбѣли и сокрушались, чувствуя, что они ниже всѣхъ, и сознавая, сколь многого еще недостаетъ имъ до той истинной высоты, которая выше всего. Дѣло совершенныхъ, какъ говорить Апостоль, есть—*къ намъренному тебѣ къ почести вышняго званія*: ибо сказавъ сіе, онъ присовокупилъ: *елицы совершенни, сіе да мудрстаумъ* (Филип, 3, 14. 15).

2. Итакъ, самъ ли кто восхощетъ, по любви Божіей, или упрошенъ будетъ другими помолиться о какомъ-либо изъ показанныхъ осьми классовъ, пусть позаботится сдѣлать молитву свою сообразною съ каждымъ изъ нихъ, чтобы не потрудиться понапрасну, испрашивая того,

что несообразно съ тѣмъ или другимъ. Ибо въ такомъ случаѣ какъ можно, чтобъ слышалъ его Богъ?—Одинъ изъ отцевъ Церкви нашей такъ поучаетъ настоятеля (обители) *): не неради молить Бога о тѣхъ, кои крайне нерадивы, но проси Его не о томъ, чтобъ Онъ помиловалъ ихъ, потому что это невозможно, пока сами они сидятъ въ бездѣйствіи и съ мѣста не двигаются,— а о томъ проси, чтобъ Онъ просвѣтилъ ихъ, пробудилъ отъ усыпленія и сдѣлалъ рачительными. Кто станетъ кормить грубою и тяжелою пищею дитя, еще отдоеваемое грудью, тотъ не оживлять его будетъ, а разстроить его жизнь и убивать. Равнымъ образомъ кто сталъ бы отдоевать мужа совершенна, былъ бы безсмысленъ и безсмысленнаго отдоевалъ бы. Такъ и здѣсь всему свой чинъ и свое время. Ибо Богъ есть Богъ порядка и мира. Правда, что большею частію не имѣютъ вѣдѣнія о сказанныхъ осьми классахъ людей; но всячески необходимо, чтобы тотъ, кто молится, просилъ у Бога того, что потребно тому, о комъ онъ молится. Такъ и Христосъ Спаситель молился ко Отцу Своему, говоря: *не якоже Азъ хочу, но якоже Ты.*

Если кто молится о себѣ самомъ и проситъ наприм. объ избавленіи отъ тлѣнія и смерти, пусть послушаетъ напередъ и разузнаетъ, что такое есть тлѣніе и что жизнь, и тогда уже проситъ Бога объ освобожденіи отъ тлѣнія и смерти, имѣетъ ли онъ дерзновеніе къ Богу или не имѣетъ. Ибо кто испрашиваетъ что либо, тотъ долженъ знать, что испрашиваетъ, и ясно то представлять, чтобъ, когда получить, возблагодарить Подателя и всегда пребыть Ему благодарнымъ. Если же кто, молясь, самъ не знаетъ, чего испрашиваетъ, то какъ узнаетъ онъ, что получилъ просимое, и слѣд. какъ станетъ благо-

*) Лѣтвичникъ въ Словѣ къ пастырю.

дарить Бога, Который подалъ ему то? А не возблагодаривъ, повиненъ будетъ осужденію, какъ неблагодарный. Кто говоритъ: освободи меня, явно находится въ плѣну и состоитъ въ рабствѣ; также кто говоритъ: избавь меня, конечно сидитъ въ темницѣ и заключенъ въ узы. Но если тѣ, которые говорятъ такія слова, говорятъ ихъ такъ себѣ, просто какъ попало, по обычаю (потому холодно и безучастно), не сознавая бѣды, въ какой находятся, и не чувствуя тѣсноты, рабства, темницы и узъ, то кто ихъ станетъ слушать? Равнымъ образомъ и тѣ, которые день и ночь зываютъ къ Богу: Господи, спаси мя! Господи, избави мя! Господи, изми мя! но не знаютъ бѣды, въ которой находятся, не чувствуютъ ни горечи рабства, ни мрачности темницы, ни тяготы узъ, даже не сознаютъ, что попали въ крайнюю бѣду, несутъ иго рабства, заключены въ темницу, закованы въ желѣза,—таковые никогда не были, не бываютъ и не будутъ услышаны отъ Бога.

Посему необходимо намъ напередъ послушать обо всемъ этомъ, поучиться тому и познать то отъ тѣхъ, которые знаютъ то, и потомъ уже молиться о томъ Богу. Если не удобно найти такихъ знающихъ вблизи, поищемъ ихъ со тщаніемъ вдали; если же и въ другихъ мѣстахъ не видно будетъ таковыхъ, обратимся съ молитвою къ Богу, чтобъ Онъ Самъ невидимо показалъ намъ и бѣду, и плѣнъ, и рабство, и узы, въ какихъ находимся; и когда познаемъ, сколь великое во всемъ этомъ зло, тогда начнемъ и вопіять къ Нему, со слезами, гласомъ велимъ, чтобъ сжалился надъ нами и явилъ милость Свою къ намъ, недостойнымъ никакой милости, и спасъ насъ, освободилъ и избавилъ. И невозможно, чтобы Богъ помиловалъ насъ другимъ способомъ или путемъ. Ибо и человѣкъ, имѣющій возможность оказывать милость, не можетъ оказать ее однородному съ собою человѣку.

если не знаетъ, что ему потребно и чего онъ ищетъ. Богъ конечно все можетъ; но не можетъ Онъ солгать, ни отрещися Себя Самого; почему не можетъ помиловать того, кто не кается, ни дать тому, кто не проситъ, ни поруководить къ обрѣтенію того, кто не ищетъ, ни отверзть двери милосердія тому, кто не ударяетъ въ нихъ; равно не можетъ Онъ дать и тому, кто хотя и проситъ, но злѣ проситъ, ни помиловать того, кто самъ не милуетъ другаго, хотя и вопіетъ онъ: Господи помилуй мя. Ибо Богъ сколько всемогущъ, столько и праведенъ; могущество Его съ правдою, и милость съ вѣсомъ и мѣрою. Итакъ необходимо, чтобы человѣкъ навѣрное позналъ, что можетъ Богъ сдѣлать для него, и тогда испрашивалъ то у него, да получить.

(И то еще надлежитъ имѣть въ разсужденіи, что если дать что-либо человѣку не во время, то такой даръ не въ пользу будетъ, а во вредъ). Но если плотской отецъ не можетъ дать чаду своему смертоносной снѣди, просимой имъ; тѣмъ паче не даетъ чего либо такого человѣку Богъ, Который говорить: *егда забудетъ жена отрока своего?...* *Аще же и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе* (Исаи 49, 15), и опять: *вопросите Мене о сынѣхъ моихъ и дщерехъ моихъ* (Ис. 45, 11). Итакъ, поелику Онъ считаетъ людей сынами своими и дщерями; то какъ возможно, чтобы Онъ подалъ имъ что-либо смертоносное, хотя бы они сами испрашивали себѣ того у Него долгое время, съ воздыханіями и слезами? Богъ подастъ христіанину, если проситъ, слѣдующія великія и высокія дарованія, коихъ самъ собою никто стяжать не можетъ, именно—сердце сокрушенное и смиренное, трезвенное и цѣломудренное, покаянное и плачущее,—подастъ ему память о смерти и будущемъ судѣ, мудрость и разумъ—понимать Божественныя Писанія, смыслъ бояться Бога, силу молиться со страхомъ, благоговѣніемъ и благо-

дареніемъ,—подасть непорочность, кротость, терпѣніе и благодущіе. Кто получить все сказанное, тотъ возымѣетъ и освященіе и здравіе души своей; а здравіе души есть: не жаждаъ никакого грѣха, и ничего изъ того, чего жаждетъ міръ, т.-е., ни денегъ, ни сласти плотской, ни славы и чести человѣческой. И Богъ не можетъ уврачевать кого-либо и даровать ему здравіе, прежде чѣмъ получить онъ и возымѣетъ показанныя выше дарованія (ибо это было бы не во-время). Еслибъ и оздоровѣлъ кто душею, прежде полученія тѣхъ дарованій, то у него нельзя отрицать возможности возрѣть на славу человѣческую (несмотря на его увѣренность, будто здоровъ есть и не подверженъ душевной болѣзни) и впасть въ сѣть діавола, т.-е. въ гордость. *И будутъ послѣднія челоуѣку тому горша первыхъ* (Мѡ. 12, 45). Ибо гордость есть изъ всѣхъ грѣховъ самый большой грѣхъ, такъ какъ отъ ней уже пошли всѣ другіе, и она стала началомъ и причиной всѣхъ грѣховъ, какъ говорить Писаніе: *начало грѣха—гордыня* (Сир. 10, 15).

3. Господь сказалъ Самарянынь: *жено, вѣру Ми ими, яко... грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною. Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достойно кланяются* (Іоан. 4, 23. 24). И Апостоль говоритъ: *Богъ не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, ни отъ рукъ челоуѣческихъ угожденіе пріемлетъ, требуя что* (Дѣян. 17, 24). Богъ не имѣетъ ни въ чемъ недостатка и нужды. Онъ преисполненъ всякаго блага; и не только люди, но и самыя Ангелы отъ полноты Божіей пріемлютъ, и всѣ они имѣютъ нужду въ неоскудѣвающемъ и преисполненномъ всего Богѣ, Котораго и благодарятъ, воспѣваютъ, славятъ, не сами собою дѣлая это, но благодатію, отъ полноты Его пріемлемою, будучи подвигаемы и укрѣпляемы на то, чтобы благодарить, воспѣвать и славить

Бога, Владыку и Творца своего. Итакъ, какіе же это суть истинные поклонники? Тѣ, которые не ограничиваютъ своего служенія Богу какимъ-либо мѣстомъ, но служатъ и покланяются Ему въ духѣ. Когда Господь говоритъ, что духъ есть Богъ, то не другое что симъ показываетъ, какъ то, что Онъ безтѣлесенъ. Итакъ, надлежитъ намъ безтѣлесному Богу приносить служеніе нашимъ собственнымъ безтѣлеснымъ естествомъ, т.-е. душею. Ибо безтѣлесный Богъ можетъ благоугождаться только умомъ и чистою мыслию. Поелику, по слову Господа, пришелъ уже и нынѣ есть тотъ часъ, когда Богу покланяться надлежитъ въ духѣ и истинѣ; то возможно ли нынѣ служить Ему въ преподобіи и правдѣ иначе какъ не умомъ и мыслию? Но знать надо, что умъ нашъ и мысль наша не могутъ достоудожно покланяться Богу, если не будутъ прежде очищены силою вѣры во Христа (Спасителя, если прежде самъ Господь не уврачуеъ ихъ, не исцѣлитъ и не изведетъ на свободу, такъ что, пусть иные люди подвизаются въ добрыхъ дѣлахъ и думаютъ, что все творять во славу Божию, но если умъ ихъ не уврачеванъ Христомъ, не исцѣленъ, не изведенъ на свободу таинственно и мысленно, тщетно и бесполезно все, что они ни дѣлаютъ,—и посты, и бдѣнія, и молитвы, и милостыни, и всякое злостраданіе, и даже совершенная нестяжательность. Они еще не покланялись Богу духомъ, каковое поклоненіе и есть единое истинное. А гдѣ нѣтъ истины, тамъ все прочее ложь и прелесть, невѣдѣніе Бога и непониманіе жизни во Христѣ. Тамъ жизнь заблудная, гдѣ не живутъ по неложному Христу.

Итакъ тѣ, у которыхъ умъ еще не исцѣленъ, если хотятъ покланяться Богу духомъ, должны напередъ всякій употребить подвигъ, чтобъ стяжать сіе великое благо, т.-е. божественную благодать, благо, для котораго и Христосъ распятіе подъялъ и смерть. И пусть они не

отступаютъ отъ труда, дѣлая со усердіемъ все, что можетъ подвигнуть благоутробіе Божіе на подаеніе такого дара. Ибо это есть избавленіе, которое послалъ Богъ людямъ Своимъ чрезъ Іисуса Христа Господа. Это есть великая милость, это есть очищеніе, это есть разореніе средостѣнія великаго прегражденія. Это есть воскресеніе души, бывающее прежде общаго воскресенія тѣлъ. Это есть нетлѣніе и вѣчная жизнь, прихиреніе и содруженіе Бога съ человѣками. Это есть исправленіе вселенныя, отъ Бога бывающее, которое не подвижится. Отъ этого происходитъ то, что иной, послѣднѣйшій изъ всѣхъ и рабъ всѣмъ, бываетъ первымъ. Отъ этого бываетъ иной нищъ духомъ, т.-е. смиренъ, котораго есть царствіе небесное, бываетъ чистъ сердцемъ, который узритъ Бога, бываетъ миротворцемъ, который наречется сыномъ Божіимъ. Вотъ какое дивное и великое благо долженъ позаботиться стяжать христіанинъ, немешкательнымъ и неутомимымъ трудомъ!

За этимъ же что послѣдуетъ? Послѣдуетъ то, что стяжавшій такое дарованіе, имѣя умъ свой здравымъ и совершеннымъ, ясно созерцаетъ и *разумѣетъ* всѣ чудеса отъ закона Божія (Пс. 118, 18), такъ какъ открылись очи его благодатію Христовою. Таковъ совлекается образа человѣка перстнаго, т.-е. ветхаго Адама, и облекается во образъ человѣка небеснаго, т.-е. Христа. Ибо какъ человѣкомъ содѣлался Сынъ Божій и Богъ Слово, и есть Онъ Богочеловѣкъ, то, *какъ человекъ*, передаетъ Онъ человѣческую добродѣтель и человѣческое возстановленное естество однороднымъ Себѣ человѣкамъ, именно тѣмъ, которые приняли Его, какъ и Адамъ передалъ растлѣнное человѣческое естество происходящимъ отъ него человѣкамъ, такъ что причастники Іисусовы бываютъ небесными человѣками, какъ причастники Адамовы—людьми перстными. И опять, *какъ Богъ*, отъ Божества

своего передаетъ тѣмъ, кои возстановились и исцѣлились силою Его вочеловѣченія. Ибо нѣтъ возможности, чтобъ кто-нибудь приблизился къ святому и чистому Богу, если прежде не освятится онъ, не очистится, не сдѣлается добротнымъ благодатію Христовою; и такимъ образомъ не станетъ богатъ по благодати. Святые отцы наши и положили такое опредѣленіе, что никому невозможно спастись инымъ образомъ, если не содѣлается онъ богатъ по благодати во Христѣ Иисусѣ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ШЕСТНАДЦАТОЕ.

1. Кто истинный христіанинъ?
2. Христіанинъ, который любитъ славу, или удовольствія, или деньги, не истинный христіанинъ.
3. Христіанамъ необходимо нести чувствительныя лишенія и подвиги, чтобъ освободиться отъ сихъ страстей.
4. Всякое доброе дѣло надобно дѣлать съ тою цѣлію, чтобы пріять благодать Христову и святость.
5. Молиться со вниманіемъ есть даръ Божій.
6. Грѣшники—враги Богу, отъ которыхъ Онъ отвращается.

1. Истинный христіанинъ есть тотъ, который искренно исповѣдалъ предъ Богомъ и Ангелами во время крещенія своего, что отрекся діавола и всѣхъ сатанинскихъ дѣлъ его и далъ обѣтъ служить Христу Господу, исполняя всѣ святыя заповѣди Его, и такимъ образомъ сподобился таинственно пріять благодать Божию сокровенную, и ощутить ее въ духѣ, т.-е. сознать духомъ, что пріять ее. Какъ только получить кто благодать, тотчасъ отвращается отъ плотскихъ стремленій, начинаетъ ненавидѣть мірскія похоти и благодатію Божіею становится неподдѣлственъ имъ и мертвъ для нихъ; отъ чего божественныя заповѣди Христовы исполняетъ со всякою радостію и усердіемъ, а къ какой-либо сласти плотской, или къ стяжаніямъ или къ чести и славѣ, не лежитъ уже у него

душа, какъ бы онъ находился внѣ тѣла и внѣ міра, какъ говорить Господь: *отъ міра нѣсте* (Ин. 15, 19). Будучи же такъ соединенъ съ благодатию Всесвятаго Духа, онъ радуется всегда и поетъ: *Азъ же возвѣсѣлюся о Господѣ, возрадоуюся о Бозѣ Спасѣ моемъ* (Пс. 103, 34. Лук. 1, 47).

2. И другимъ какимъ-либо способомъ никому невозможно сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ. Эти три,—сластолюбіе, сребролюбіе и славолубіе,—порабощаютъ человѣка діаволу. И христіанинъ, предающійся плотскимъ сластямъ, уже не Христовъ есть рабъ, а рабъ грѣха и діавола; также христіанинъ, обладаемый сребролюбіемъ и любящій деньги, уже не христіанинъ, а идолопоклонникъ, какъ говорить божественный Павелъ; равно и тотъ, кто любитъ славу человѣческую, не христіанинъ есть истинный, а нѣкій изрядный воинъ діавола. Кто обладаетъ или каждою изъ силъ страстей, или одною какою изъ нихъ всецѣло, тотъ не имѣетъ общенія съ Богомъ—Пресвятою Троицею, Отцемъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ, хотя бы онъ постился, совершалъ бдѣнія, спалъ на голой землѣ, и всякое другое несъ злостраданіе, хотя бы имѣлъ всезнаніе и мудрость. Для сего потребно ему прежде въ духѣ освобождену быть отъ сихъ страстей Христомъ Господомъ, Который говорить: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко всякъ творящій грѣхъ, рабъ есть грѣха. Рабъ же не пребываетъ въ дому своего* (Ин. 8, 34). Домъ сей есть царствіе небесное. Видишь страшное опредѣленіе Спасителя? *Аще убо Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете*, присовокупляетъ къ тому Господь (Ин. 8, 36). Итакъ когда освобожденъ будетъ кто отъ оныхъ трехъ страстей, тогда да поетъ, тогда да покланяется славя Бога, тогда да молитвы дѣлетъ, какъ содѣлавшійся уже истиннымъ христіаниномъ и рабомъ Христовымъ. Великой сподобляется онъ милости. Ибо воистину кто порабощенъ тремъ онымъ тиранскимъ страстямъ или

хоть одной изъ нихъ, тотъ хотя бы и хотѣлъ, не можетъ самъ освободить себя отъ нихъ, потому что освобожденіе сіе въ рукахъ Иисуса Христа, Сына Божія и Царя, по власти, какую получилъ Онъ отъ Бога Отца своего, чрезъ крестъ и смерть Имъ подъятыя, какъ самъ удостои́вилъ Онъ по воскресеніи: *дадеса Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мѣ. 28, 18).

3. Прибѣгнемъ же къ Освободителю всѣхъ, Христу Господу, яко къ единому власти держащему, всякія употребляя мѣры къ тому, чтобъ сподобиться освобожденія отъ тѣхъ трехъ страстей; станемъ поститься, молиться, подавать милостыни, чтобъ увидѣлъ Богъ, какъ искренно желаемъ мы свободы себѣ, и усердно ищемъ ея, дѣлая такія дѣла ради ея, и увидѣвъ то, даровалъ намъ желанную свободу Онъ, желатель милости. Признакъ такой свободы есть ненависть къ тѣмъ страстямъ,—такая, что свободившійся отъ нихъ гнушается ими, какъ мерзостію, которая отвратительнѣе для него всякой вещественной мерзости. Итакъ доброе дѣло есть пѣть, молиться, поститься, совершать бдѣнія, подавать милостыни, держать себя въ униженіи, стать нищимъ, любве ради Христовой. Однакоже видимъ многихъ изъ братій нашихъ, которые тщетно трудились и трудятся, совершая такія дѣла. И причина этому явна. Что бы ни дѣлалъ кто, дѣлаетъ то для извѣстной цѣли. Поелику все человѣческое естество, по преступленіи первой заповѣди, стало естествомъ тлѣннымъ и смертнымъ, и по сей причинѣ слабымъ и немощнымъ, падкимъ на всякое зло и неразуміе, то какъ возможно, чтобъ оно одно, само собою, освободилось отъ растлѣнія въ помыслахъ своихъ, когда это растлѣніе стало въ немъ, нѣкоторымъ образомъ, естественнымъ?—Но какъ можетъ оно освободиться?—Если будетъ поститься, совершать бдѣнія, молиться, поднимать всякій трудъ и подвигъ, раздавать имѣ-

ніе свое бѣднымъ, съ тою одною цѣлію, чтобъ сподобиться освобожденія отъ онаго растлѣнія въ помыслахъ, силою Господа нашего Іисуса Христа, единого освободителя, Который за тѣмъ и въ міръ пришелъ, чтобы взять грѣхи міра. И кто постится, молится, трудится, и всякое другое дѣлаетъ добро, съ тою цѣлію, чтобъ освободилъ его Христосъ, тотъ всеконечно будетъ освобожденъ, и познаетъ Освободителя своего и возблагодаритъ Его, смирится и покорится предъ непобѣдимою силою Христа Господа. А кто не жительствуетъ жительствомъ по Христѣ съ такою цѣлію, тотъ тщетно протрудится и перейдетъ въ другую жизнь бѣднымъ и несчастнымъ христіаниномъ.

Надобно намъ и то знать, что весь подвигъ діавола и демоновъ его и всѣ козни, какія строятъ они всякому христіанину, обращены на то, чтобъ сѣять между христіанами непониманіе сего и невѣдѣніе о семъ, чтобъ они не знали показанной цѣли, но держали въ мысляхъ, что могутъ спастись сами, посредствомъ тѣхъ добрыхъ дѣлъ, какія дѣлаютъ. Демоны нерѣдко даже содѣйствуютъ и молитвамъ, и милостынямъ, и постамъ, и бдѣніямъ, и всякимъ другимъ добрымъ дѣламъ, чтобы дѣлающіе ихъ дѣлали безъ означенной нами цѣли, держа однакожь въ мысли, что дѣлаютъ настоящее добро, и чрезъ то оставались не уврачеванными отъ Христа. Ибо неотложенъ тотъ законъ Христовъ, что Самъ Христосъ не можетъ уврачевать того, кто не позналъ своей болѣзни, не знаетъ врача и не ищетъ его.

4. Итакъ доброе есть дѣло, какъ мы сказали, постъ, милостыня и прочее; хорошо и скорбѣть о грѣхахъ, какъ своихъ собственныхъ, такъ и братій своихъ, также плакать съ плачущими и радоваться съ радующимися; но всѣ эти добрыя дѣла, достохвальныя и дивныя, ни къ чему не служатъ и пропадаютъ даромъ, если

тотъ, кто дѣлаетъ ихъ, не содѣлается причастнымъ святости Божіей: ибо всѣ добрыя дѣла для этой цѣли должны быть дѣлаемы, какъ говоритъ Апостолъ о тѣхъ, которые сподобляются быть наказываемы Богомъ, какъ сыны, что Богъ наказуетъ ихъ *на пользу, да причастятся святости Его* (Евр. 12, 10). Если же кто не причастенъ святости Божіей, то тщетенъ трудъ его, тщетна и вѣра его, особенно когда возможности нѣтъ творить сіи добрыя дѣла достоительно, по закону и заповѣди Божіей, безъ помощи Іисуса Христа, Бога нашего; а тотъ, кто незаконно подвизается, не вѣнчается, какъ опредѣляютъ божественные законы. Законъ же есть, чтобъ дѣла эти дѣлаемы были втайнѣ, со всякимъ охраненіемъ и блюденіемъ, предъ лицомъ единого Бога, такъ чтобъ и лѣвая рука не знала того, что дѣлаетъ правая.

Что же это правое, и что лѣвое? Слушай. Правое есть, когда христіанинъ исполняетъ то, что заповѣдалъ Христосъ въ слѣдующихъ словахъ: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10). Но возможно ли, чтобъ нашелся когда-нибудь кто такой, который сотворилъ бы все, что долженъ былъ сотворить? Пусть и сотворилъ кто или все, что долженъ былъ сотворить, или часть того: кто могъ когда либо творить то одинъ самъ собою, своею собственною силою, не будучи напередъ подкрѣпленъ таинственно божественною силою Христовою? Кто дѣлаетъ какое-либо добро безъ Христа, увы ему и дѣлу его! А лѣвое есть, когда кто, дѣлая то, что долженъ дѣлать, думаетъ, что достоинъ за то у Бога всякой чести. Такой никогда не причастится святости Божіей, даже послѣ такихъ подвиговъ и такихъ потовъ, и горе ему послѣ смерти!

Какіе же есть признаки, которые показывали бы, что получилъ кто благодать Божію? Когда кто безгнѣвенъ,

не оскверненъ плотскими сластями, тихъ и кротокъ, имѣеть смиреніе вмѣстѣ съ незлобіемъ и состраданіемъ, съ любовію къ ближнимъ чистою и нелицемерною и вѣрою въ Бога несомнѣнною и твердою, такъ чтобъ о немъ можно было сказать: *спрова Богови и вѣннися ему въ правду* (Рим. 4, 3). И кто не имѣеть такихъ признаковъ благодати Христовой, тотъ безъ сомнѣнія всѣ дѣла свои дѣлаеть, да славимъ будетъ человекѣми. Пусть говоритъ онъ, что не ищетъ славы человѣческой; но будто и нехотя онъ бываетъ падохъ на нее. Ибо гдѣ нѣтъ Христа, тамъ демоны, а гдѣ демоны, тамъ правые помыслы извращаются и растлѣваются. Какъ во время ночи летаютъ нетопыри, пишу себѣ ища, такъ и демоны вмѣстѣ съ первакомъ своимъ, начальникомъ тьмы, діаволомъ, во время настоящей жизни, растлѣнной и омраченной, рыщутъ и по землѣ, и по воздуху, и по всѣмъ мѣстамъ, сущимъ подъ небесами, въ одно мгновеніе переносясь съ мѣста на мѣсто; ибо демоны по естеству суть мысленныя твари. Это всякій можетъ понять, судя по тому, какъ дѣйствуетъ собственный нашъ человѣческій умъ, который, когда видѣлъ что однажды, — будь то и далеко и раскинуто на большомъ пространствѣ, — объѣзжаетъ то мысленно въ одно мгновеніе, при всемъ томъ, что связанъ плотію. Вотъ почему невозможно бываетъ истинному христіанину возводить умъ свой къ Богу, разжыплять о божественномъ, бесѣдовать съ Господомъ всеблагимъ, и посредствомъ такой святой памяти и умной молитвы принимать отъ Бога просвѣщеніе и облистаніе, если онъ не запечатлѣнъ благодатію Святаго Духа. Какъ только увидить діаволь, что умъ (духъ) христіанина не имѣеть печати благодати Божіей и нагъ отъ нея, а между тѣмъ желаетъ перейти мысленно воздухъ и востечь ко всевышнему Богу, чтобъ бесѣдовать съ Нимъ посредствомъ молитвы и молить

Его о грѣхахъ своихъ, — безъ страха становится противъ него на дорогѣ, по которой онъ восходитъ, и какъ-бы такъ говорить ему: „куда это ты идешь, несчастный? Какъ смѣешь проходить по мѣстамъ, въ моей власти находящимся? Я властитель тьмы, я получилъ имя міродержителя и состою главою тѣхъ, которые умствуютъ о мірскомъ и мудрствуютъ по-мірски. Я князь растлѣннаго міра сего, воздушный царь, сатана. Ты не вышелъ еще изъ-подъ моей власти, еще не переставилъ тебя Христосъ изъ *области сатанины къ Богу* (Дѣян. 26, 18). Почему, какъ мой подданный, ты долженъ помышлять о моемъ и искать моего. Мое же вотъ что: плотская похоть, неправда, злоба. Я прежде все это тебѣ показывалъ и доказывалъ, какъ это хорошо; и ты видѣлъ, что такъ есть, вкусилъ, испыталъ и усладился. А теперь куда идешь? Куда тебѣ взойти на небо? Оставайся здѣсь — долу, въ мірскихъ нечистотахъ и грѣхахъ.“ Посему-то и написано: *никтоже можетъ реши Господа Иисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3).

5. Можно положить, что христіанинъ не долженъ молиться и славословить Бога, если умъ его напередъ не запечатлѣется и не освятится божественною благодатію, чтобъ не оказаться ему внѣшно предстоящимъ Богу, мысленно же творящимъ дѣла діавола, какъ слугѣ его: по каковой причинѣ онъ дѣлается паче нечистымъ, и за каковое дѣло паче насиловать начинаетъ его врагъ, наводя его на многое зло то посредствомъ гнѣва, то посредствомъ похоти плотской, на кои устремляется онъ съ большею неудержимостію. Если кто, войдя во лечебницу, чтобъ получить уврачеваніе, по своему неразумію худшими и опаснѣйшими дѣлаетъ тамъ раны свои; то конечно гораздо лучше бы совѣмъ не входить ему въ нее. Но опять какъ же тебѣ оставаться безъ молитвы?! Тѣсно отъ обою. Воспріими же тщаніе,

возьми на себя подвигъ напередъ исправить и уврачевать умъ свой, чтобъ не быть въ опасности ниспадать въ худшее, если будешь пѣть, славословить Бога и молиться, не исправившись и не уврачевавшись напередъ. Ибо невозможно, чтобы нечистый умъ предстоялъ Богу, хотя и видно, что иной предстоитъ Ему тѣломъ и молится устами. Да и вообще никакой пѣтъ возможности истинно славословить Бога самому отъ себя, но благодать Христова, вселяющаяся въ насъ, она славословить и пѣснословить Бога и молится въ насъ.

Люди, когда ведутъ между собою бесѣду, знаютъ о чемъ идетъ рѣчь: и тѣ, которые говорятъ, знаютъ что говорятъ, и тѣ которые слушаютъ, понимаютъ что слышать. И было бы явное неразуміе, не имѣть должнаго вниманія, когда бесѣдуетъ кто съ другимъ. Но если, предстоя предъ Богомъ, бесѣдуя къ Нему и молясь, не внимаемъ тому, что говоримъ; то какую можемъ мы питать надежду спасенія, даже и тогда, когда кто долгое время проводить въ молитвѣ своей и славословить Бога днемъ и ночью съ такимъ неразумнымъ невниманіемъ, и думать, что молится и славословить Бога какъ должно? Ибо хотъ такое надлежитъ намъ оказывать вниманіе, когда бесѣдуемъ съ Богомъ, какое имѣемъ, когда ведемъ рѣчь съ людьми о дѣлахъ мірскихъ и суетныхъ. Изъ сказаннаго всякій понять можетъ, что значитъ, что діаволь мысленно кружить умъ чловѣка, страдающаго этою нелегкою болѣзнію. Почему и надлежитъ такому прежде всего всякое тщаніе привнести о душѣ своей, стараясь доставить ей духовное врачевство и испѣленіе, чтобъ Іисусъ Христосъ, единый врачъ душъ и тѣлесъ, увидѣвъ такое его тщаніе и трудъ, уврачевалъ столь великую его немощь. И если не сдѣлаетъ онъ такъ, то тщетно и бесполезно поетъ онъ псалмы и прочитываетъ молитвы къ Богу. Посему кто молится невнимательно,

пусть возстенаеть и восплачетъ, что такъ дѣлаетъ, и исправится, и думать забывъ, что когда-нибудь маливался. Если же не восплачетъ и не возкорбитъ онъ о своей невнимательности, то какая ему надежда спасенія?

6. Слово Писанія говорить: *не красна похвала во устѣхъ грѣшника* (Сир. 15, 9). И говорить это оно не о безбожникахъ и невѣрахъ (ибо какъ невѣръ станетъ молиться Богу, Котораго не знаетъ?), а о томъ, кто знаетъ Бога и вѣруетъ въ Него, только нечестивъ есть по причинѣ злыхъ дѣлъ своихъ, и врагъ Богу по причинѣ грѣховъ. Какъ хорошій, благообразный и красивый предметъ привлекаетъ очи людей посмотреть на него, а предметъ безобразный и отвратительный заставляетъ обращать глаза въ другую сторону, чтобъ не видѣть его; такъ и похвала, славословіе и молитва грѣшника заставляютъ Бога отвращать очи Свои отъ него, чтобъ не видѣть его; потому что онъ устами только молится, а умомъ и сердцемъ бесѣдуетъ съ предметами грѣховъ своихъ и страстей, кои какъ прежде господствовали надъ нимъ, такъ и теперь крѣпко держать его въ рукахъ своихъ. Ибо невозможно, чтобъ творя молитвы къ Богу, не помышлялъ кто о неумѣстномъ и срамномъ, если не содружился онъ прежде съ Богомъ посредствомъ покаянія и исповѣди. Содруженіе же Бога съ душею есть сокровенное посѣщеніе ея Богомъ. И признакомъ того, что благодать Божія посѣтила душу, служить то, если она молится со страхомъ и благоговѣніемъ, стоитъ на молитвѣ благочинно и великое имѣетъ вниманіе къ тому, о чемъ молится. Ибо *никтоже можетъ рещи Господа Иисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3). Почему тѣ, которые не молятся такимъ образомъ, еще далеки отъ Бога, будь они іереи и духовники, будь учителя народа и посредники его предъ Богомъ. Если солнце, будучи тепло, естественно согрѣ-

ваетъ того, кто сидитъ подъ лучами его; то какъ бы Богу, Который святъ есть, не освящать тѣхъ, которые бесѣдуютъ съ Нимъ посредствомъ молитвы? И однакожь не бываетъ такъ, и отъ чего? Отъ того, что тѣ, которые сидятъ на солнцѣ, знаютъ, что за тѣмъ и сѣли, чтобъ согрѣться, почему и принаравливаютъ себя такъ, чтобы почувствовать теплоту его; а тѣ, которые молятся безъ вниманія, сами не знаютъ о чемъ молятся и чего просятъ, т.-е. стоять къ Богу не какъ слѣдуетъ; почему Богъ и не даетъ имъ ничего и не дастъ, хоть бы они сто лѣтъ молились такимъ образомъ.

Итакъ, поелику тщетно трудятся тѣ, которые поютъ и молитвы творятъ, не бывъ напередъ освящены благодатію Божіею; то надлежитъ имъ пойти къ учителямъ благоговѣйнымъ и духовникамъ опытнымъ, и научиться отъ нихъ, какъ надо молиться и чего просить должно въ молитвахъ. Если же не захотятъ поучаться, тому, и не научатся, то будь они мудры, будь невѣжды, кончатъ жизнь нечистыми и оскверненными. Богъ не слушаетъ тѣхъ, которые не знаютъ, чего просятъ. Почему чтобъ и намъ не пострадать также и не остаться на вѣки нечистыми, позаботимся отъ сего часа научиться, какъ должно молиться и чего испрашивать у Бога, чтобъ молитва наша была благопріемлема Богомъ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

СЛОВО СЕМНАДЦАТОЕ.

1. Какое бы ни сдѣлалъ человѣкъ добро, ему же самому бываетъ отъ него благо.
2. Какъ узнать, принялъ ли Богъ нашъ постъ, молитвы и милостыню?
3. Какъ должно пѣть и молиться?
4. Освященіе и свобода даются душѣ посредствомъ вѣры.
5. Душею псалмопѣнія должно быть смиренномудріе.
6. Чѣмъ погашается благодать Божія?

1. Брате! Когда слышишь, что св. отцы говорятъ намъ, чтобъ мы постились, или подавали милостыню,

или другое какое дѣлали добро для Бога, держи въ мысли, что такъ говорятъ они по снисхожденію къ нашей немощи: ибо Богъ никакой не имѣетъ нужды въ какомъ-либо нашемъ добрѣ, яко вседовольный и ни въ чемъ нескудный. Какія бы добрыя дѣла ни дѣлали мы въ настоящей жизни, всѣ они обращаются намъ же во благо, а Богу они ничего не даютъ, и Онъ никакой въ нихъ ни имѣетъ нужды. Кто постится, злостраждетъ, совершаетъ бдѣнія, подаетъ милостыни, тотъ дѣлаетъ все это, чтобъ обрѣсти благоволеніе и милость у Бога. Ибо если на поприщѣ настоящей жизни, мрачномъ, и полномъ грѣха, не станемъ мы произвольно утѣснять себя постами, бдѣніями и другими злостраданіями, и не станемъ оказывать милостивости къ другимъ людямъ; то и Богъ не захочетъ помиловать насъ и простить намъ грѣхи наши. Кто самъ немилостивъ къ другимъ, какъ можетъ ожидать себѣ милости отъ праведнаго Бога? Кто, творя грѣхи, не сокрушается о нихъ, и Бога не боясь, не кается въ нихъ, не утѣсняетъ себя за нихъ постомъ и бдѣніями, и не молить о нихъ Бога, тотъ не жди прощенія отъ милостиваго и благоутробнаго Судіи Бога. Итакъ не думай никто, будто творить какое-либо добро для Бога, но—для собственнаго своего спасенія.

Кто такъ умствуетъ и такое держитъ убѣжденіе, что добрыя дѣла творить для своего спасенія, тотъ никакъ не будетъ дѣлать какое-либо добро на показъ людямъ, но все будетъ дѣлать, да видимъ будетъ единымъ Богомъ, и дающимъ сокровенности сердца. Христіанинъ, подвижникъ въ добрыхъ дѣлахъ, если не держитъ въ мысляхъ своихъ, что этимъ не имѣетъ онъ вѣмѣренія одолжить чѣмъ-либо Бога, то губить трудъ свой. Какъ солнце никакой не имѣетъ нужды въ человѣкѣ и не требуетъ отъ него какого-либо себѣ услуженія или одолженія, но паче сако всѣмъ вообще людямъ служить и

всѣхъ ихъ одождаетъ тѣмъ, что свѣтъ разливаетъ по лицу земли, согрѣваетъ плоды и способствуетъ къ созрѣванію ихъ, поддерживаетъ жизнь людей и всего раждаемаго на землѣ, между тѣмъ какъ никто никогда не говорилъ, не можетъ теперь и не возможетъ когда-нибудь сказать, что онъ услужилъ или услуживаетъ чѣмъ-либо солнцу: такимъ же образомъ и Богъ не хочетъ никакого услуженія и нужды не имѣетъ, чтобъ кто-нибудь услуживалъ Ему. И пока кто думаетъ, что услуживаетъ чѣмъ-либо Богу, до тѣхъ поръ знай, что не положилъ еще онъ начала вступленію своему на путь спасенія. Таковой, пусть онъ постится, ночи проводить безъ сна и несетъ другія лишенія, пусть постъ и молитвы дѣлетъ, пусть творитъ милостыни и другія добрыя дѣла, пусть проповѣдуетъ слово Божіе и учитъ истинѣ, никогда не будетъ имѣть части съ Богомъ. Ибо кто дѣлаетъ такія добрыя дѣла, тотъ долженъ дѣлать ихъ для того, чтобы обрѣсти милость у Бога, а не для того, чтобы услужить Богу. *Вси бо, какъ говоритъ божественный Павелъ, согрѣшили и лишени сущъ славы Божіа, оправдаеми туне благодатию Его* (Рим. 3, 23), когда, конечно, взыскиваютъ и молятся начинаютъ, да обрѣтутъ милость и да отверзется имъ дверь благоутробія Божія для полученія помилованія о Христѣ Исусѣ Господѣ. Ибо и при этомъ все же совершенно необходимо просить, искать, толкать, такъ что кто не просить, не ищетъ, не толкаетъ, тотъ, по опредѣленію Вседержителя Христа, не обрѣтетъ и не получить милости Божіей, и не отверзется ему дверь благоутробія Божія. Имѣяй уши слышати, да слышитъ!

2. Итакъ кто совершаетъ посты, молитвы и милостыни (ибо при посредствѣ этихъ трехъ содѣвается у христіанъ спасеніе), пусть не смотритъ на дни своего пощенія, ни на трудъ бдѣнія и молитвы, ни на количество

милостыни, не смотреть т.-е. на то, какъ много роздалъ на милостыню, или какъ долго не спалъ и стоялъ на молитвѣ, или сколько дней пропостился, а о томъ одномъ помышляетъ, пріято ли все сіе Богомъ. Если пріято, то будетъ послана ему и божественная благодать; а когда получить благодать Божію, то найдетъ себя сокрушеннымъ, смиреннымъ, себѣ внимающимъ, умиленнымъ и кающимся о всѣхъ худыхъ дѣлахъ, какія надѣлалъ прежде. И тогда—посредствомъ такого устроенія внутри, познаетъ онъ, какъ велика немощь его и какъ непотребны и срамны грѣхи его, сознавая, что однимъ неразумнымъ животнымъ они свойственны, душѣ же разумной непристойны и далеки отъ человѣка, имѣющаго вѣдѣніе. Такова первая благодать и первое просвѣщеніе, подаемое душѣ отъ Бога! Пришедши въ такое чувство и познавши, что таковы именно грѣхи ея, душа начинаетъ ненавидѣть ихъ и отвращаться отъ нихъ, какъ отъ вещей, достойныхъ всякой ненависти и отвращенія. И се настоящий путь спасенія! А кто не знаетъ себя и не чувствуетъ, въ какомъ бѣдномъ находится онъ состояніи, (и не ищетъ того), у того попусту пропадутъ посты и милостыни, какіе совершаетъ. Ибо жертва, Богу пріятная, есть только духъ сокрушенъ, и только за такую жертву подается отпущеніе грѣховъ, какъ для такой жертвы бываетъ и постъ, и молитва, и милостыня. Вотъ таинство христіанской жизни, и вотъ какъ долженъ поступать всякій христіанинъ! Посты, молитвы, милостыни, произвольная нищета, спаніе на голой землѣ, и все другое, что ни дѣлаетъ человѣкъ, долженъ онъ дѣлать для того, чтобы содружиться съ Богомъ. Если же все такое не ведетъ его къ сему содруженію, то какая отъ того польза?

3. Душа, съ Богомъ содружившаяся, бываетъ кротка и смиренна, и когда молится, помышляетъ, что стоитъ предъ лицомъ Бога, и не позволяетъ себѣ блуждать ту-

да и сюда; такъ что душа, которая не въ такомъ находится состояніи, еще не содружалась съ Богомъ, еще находится подъ властію діавола, хотя поетъ и молитвы дѣетъ. Итакъ надлежитъ, чтобы душа, при молитвахъ и псалмахъ, паче и прежде всего искала содруженія съ Богомъ. Если же она не содружена съ Богомъ и не ищетъ такого содруженія, то другимъ какимъ-либо способомъ спасенія себѣ чаять не можетъ. Тѣ, которые поютъ псалмы и молитвы дѣютъ, а съ Богомъ не содружены (и не ищутъ того, и не для того поютъ и молятся), находятся въ самопрельщеніи, и тщетно на воздухъ вопіютъ, подвигая Бога на негодованіе и гнѣвъ. Ибо таковыя, молясь устами Богу, умомъ помышляютъ о томъ, что принадлежитъ къ области врага Его діавола, и Богъ за это отвращаетъ отъ нихъ лице Свое.

4. Итакъ, освященія души и ея избавленія не даютъ посты, молитвы и милостыни одни сами по себѣ, но прежде сихъ добродѣтелей подаетъ ихъ вѣра въ Бога, когда кто увѣруетъ, что освятить его и избавить можетъ только Христосъ Господь. Видимое свидѣтельство сего и дѣйствіе имѣемъ мы въ таинствѣ пречистаго тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа Еседержителя, Который повелѣваетъ *сущимъ во узaxъ: изыдите, сущимъ во тмѣ: открийтесь* (Ис. 49, 9). Пречистыя тайны сіи соединяются съ душою и тѣломъ причащающагося достоудожно, и сочетаваютъ и содружаютъ его съ Богомъ. Когда же кто содружится такимъ образомъ съ Богомъ посредствомъ вѣры и св. таинъ, то возможно ли ему болѣе оставаться рабомъ діавола и нечистымъ? Возможно ли, чтобы продолжалъ грѣшить таковой, пока помнитъ онъ такія великія благодѣянія ему Божию и къ Богу прилѣпляется? Грѣхъ бываетъ по лишеніи Божіей благодати и освященія. Лишеніе сіе причиняется

гордостію; гордость происходитъ отъ забвенія Бога; забвеніе Бога отъ небреженія объ освященіи, которое дароваль Богъ, и объ угожденіи Богу, Подателю его. Забудетъ кто Бога, Который освятилъ его, перестанетъ помнить, кто есть освятившій его и хранящій въ немъ сіе освященіе, и впадетъ въ самомнѣніе, будто все то у него есть отъ него самого. За это отходить отъ него Божія благодать; тутъ подходитъ врагъ съ искушеніемъ, увлекаетъ, и вотъ грѣхъ, а за грѣхомъ и пагуба. Все отъ того, что забылъ Бога, пересталъ благодарить Его и смиряться предъ Нимъ. А это коль великое есть нечестіе и коль великая неправость! Упалъ кто-нибудь въ море. Если другой кто избавитъ его отъ бѣды сей, и выйдетъ онъ изъ глубины морской живымъ, будто изъ мертвыхъ воскреснетъ, то какое благодареніе будетъ онъ имѣть къ своему избавителю и какое предъ нимъ смиреніе! Тоже и здѣсь. И кто таковъ, того Богъ никогда не оставитъ, какъ говоритъ пророкъ Давидъ: *во смиреніи нашемъ помяну ны Господь* (Пс. 135, 23).

5. Душею псалмопѣнія должно быть то, чтобы поющій смиренномудрствовалъ и все то дѣлалъ, что ведетъ къ смиренномудрію. Но что есть смиренномудріе? То, чтобы познать и сознать свою человѣческую немощь. Но чтобы позналъ и созналъ кто человѣческую немощь, сіе бываетъ не иначе, какъ отъ просвѣщенія, свыше Христомъ Господомъ посылаемаго тѣмъ, которые вѣруютъ въ Него. И другимъ какимъ-либо способомъ познать самого себя и сознать свою немощь нѣтъ никакой возможности. Почему св. отцы говорятъ, что кто не крещенъ, тотъ и непросвѣщенъ. Какъ око ничего не можетъ видѣть безъ свѣта, такъ и душа не можетъ увидѣть свою немощь, если не будетъ таинственно просвѣщена Христомъ. А какъ совершается такое просвѣщеніе? Въ непѣрныхъ, какъ мы сказали, вѣрою во Христа Спасите-

ля и божественнымъ крещеніемъ; а въ увѣровавшихъ, которые ослѣпнувъ послѣ святаго крещенія, не видятъ своей немощи и оттого гордятся и беззаконнуютъ, ибо Давидъ святой говорить: *гордіи законопреступоваху до зѣла* (Пс. 118, 51); а въ другихъ мѣстахъ говорится: *Господь гордымъ противится* (Іак. 4, 6); *начало грѣха гордыня* (Сир. 10, 15); *начало гордыни челоуѣку отступленіе отъ Господа* (—14),—въ таковыхъ просвѣщеніе души совершается возобновленіемъ таинства вѣры во Христа, т.-е. приведеніемъ на память всѣхъ необходимыхъ членовъ вѣры и оживленіемъ вѣры въ нихъ (ибо еслибъ они сохранили первую вѣру, то не ослѣпли бы). Когда обновятъ они такимъ образомъ въ памяти всѣ члены вѣры, станутъ содержать ихъ въ мысли съ живою въ нихъ вѣрою, то всеконечно и просвѣтятся, увидятъ бѣдственность своего положенія и судъ Божій сознаютъ, а отъ сего, видя, сколь срамны и злы дѣла, которыя они надѣлали, и сознавъ, какихъ безмѣрныхъ мученій они достойны, покаются отъ всей души своей и отъ всего сердца своего. (Срамныя дѣла суть всѣ сласти и похоти плотскія, а злыя суть любоиманіе, неправда, коварство). Поелику же всякій кающійся смиряется, то ради сего Богъ даетъ благодать Свою ему, яко смиренному, чтобъ ненавидѣлъ и похотныя и злыя дѣла, и всегда помнилъ немощь свою и, помня ее, сострадалъ подобострастнымъ себѣ челоуѣкамъ и былъ снисходителенъ къ немощамъ ихъ, никого не осуждая во грѣхахъ ихъ, чтобъ былъ кротокъ и терпѣливъ, и обрѣталъ покой въ душѣ своей. Дошедши до сего, начнетъ уже онъ пѣть Господу пѣснь нову, хвалу Богу нашему, т.-е. начнетъ приносить благодареніе Богу отъ чистаго и сокрушеннаго сердца, потому что чистое сердце и есть сердце сокрушенное и смиренное. А всякое другое псалмопѣніе, кромѣ такого, тщетно есть и бесполезно. Тому, кто не та-

кимъ образомъ поеть, невозможно бесѣдовать съ Богомъ посредствомъ молитвы, хоть бы онъ трудился надъ этимъ много и долго; но устами будетъ онъ пѣть и произносить молитвы, а умомъ будетъ помышлять о томъ, что преогорчаетъ Бога и подвигаетъ Его на гнѣвъ. Какъ чувственныя и видимыя твари имѣютъ нужду въ свѣтѣ, чтобы быть явными, такъ и всѣ умныя твари имѣютъ нужду въ умномъ свѣтѣ, чтобы быть умно зримыми и познаваемыми. И какъ никто изъ произведшихъ множество издѣлій не можетъ сказать, что произвелъ ихъ ночью и безъ свѣта, такъ и тотъ, кто ведетъ жизнь Богу угодную, не можетъ сказать, что ведетъ ее безъ умнаго свѣта. Если дерзнетъ кто сказать это, то явный онъ лжець и сынъ діаволь. Таковой никогда не познавалъ себя и немощи своей, и совсѣмъ не вступалъ на путь Божій. Почему и написано: *хвалѣйся, о Господь да хвалится* (2 Кор. 10, 17).

6. Тебѣ же, брате мой, свыше просвѣщаемому Христомъ, подобаетъ внимать себѣ, чтобы не забыть когда либо о немощи своей и не подумать, что сущее въ тебѣ просвѣщеніе, приходящее въ душу твою свыше отъ Христа, есть твое собственное дѣло, по тому поводу, что оно сокровенно и ты не видишь, когда и какъ оно приходитъ. Знай, что какъ только возмечтаешь ты, что оно есть собственное твое дѣло, есть плодъ твоего ума и твоихъ усилій, тотчасъ оно скроется отъ очей твоихъ и оставитъ тебя опять во тьмѣ. Богъ невидимъ и просвѣщаетъ невидимо, безъ того, чтобы ты видѣлъ то; познается же сіе просвѣщеніе отъ дѣйствій его, какъ и Богъ невидимый познается отъ дѣлъ Его. Если находишь себя сокрушеннымъ и смиреннымъ, знай, что ты просвѣщенъ, и насколько смиряешься, настолько въ тебѣ есть и свѣта; ибо, какъ сказали богомудрые отцы, преспѣяніе души есть преспѣяніе ея въ смиреніи. Сте-

пень самопознанія и боговѣдѣнія опредѣляется степенью смиренія и кротости. Душа, сподобившаяся божественнаго присѣщенія, т. е. божественнаго просвѣщенія и тишины, бываетъ мирна и безмятежна. Погашается же такое просвѣщеніе немилосердіемъ, осужденіемъ братій и злопамятствомъ. Ибо кто обрѣлъ спасеніе по благоутробію и милости Божіей, тотъ собственною своею милостію и благоусердіемъ къ братіямъ сохранить сіе спасеніе въ себѣ самомъ, по слову Христа Спасителя, Который говоритъ: *имже судомъ судите, судятъ вамъ; и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мѣ. 7, 2). Посему и прежде полученія милости Божіей надлежитъ миловать ближняго и опять, сподобившись получить сію милость, надо миловать его. Кто уврачеванъ и оздравѣлъ отъ великой и неисцѣлимой болѣзни душевной, по единому Божію призрѣнію, тотъ радоваться долженъ и веселиться, и всею душою и всѣмъ помышленіемъ своимъ благодарить Бога, явившаго къ нему такую милость и исцѣлившаго его, долженъ быть кротокъ и смиренъ, дивясь явленной ему Богомъ великой милости, и, преисполненъ будучи весь благостію и милосердіемъ, быть всегда къ подобострастнымъ себѣ людямъ сострадательнымъ и милостивымъ, никого не презирать, предъ всѣми вообще быть смиреннымъ, со всякою радостію. Такъ грѣшникъ, силою Христовою избавленный отъ тяготящихъ его страстей, долженъ радоваться и веселиться о спасеніи Христовомъ. Если же онъ, получивъ такое избавленіе и исцѣленіе, станетъ гордиться, то, вѣдь діаволь близъ, и орудія страстей все еще въ насъ суть; удалится опять благодать Христова, и діаволь, пришедши, возмутитъ помыслы его и направитъ его дѣлать тѣломъ дѣла худшія прежнихъ. Отъ такихъ дѣяній да избавитъ насъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Коему честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

СЛОВО ОСМНАДЦАТОЕ.

1. Вѣра въ семи значеніяхъ употребляется.
2. Черезъ вѣру сподобляется человѣкъ благодати Божіей.
3. Невозможно безъ вѣры угодить Богу.

1. Вѣра есть, когда вѣруетъ кто въ непостижимаго Бога, изъ не сущихъ приведшаго въ бытіе небо, землю, море и все видимое и невидимое твореніе. Такую вѣру имѣли всѣ древніе пророки и праведники, отъ Адама до воплощеннаго домостроительства Владыки нашего Христа. Послѣ же того, какъ воплотился Христосъ, вѣра есть вѣровать во Отца и Сына и Святаго Духа, въ едино Существо и три Лица, и въ великое таинство воплощенія Христа, то-есть что Сынъ и Слово Бога и Отца, не отдѣлившись отъ Отца, сошелъ съ небесъ и воплотился отъ Духа Святаго и Маріи Приснодѣвы, и содѣлался совершеннымъ человѣкомъ, изъ тѣла и души разумной, соединенныхъ съ божествомъ; что въ одномъ и томъ же лицѣ былъ Онъ Богъ и человѣкъ, съ двумя совершенными естествами — божествомъ и человѣчествомъ, соединенными нераздѣльно и несліянно; что Онъ волею пострадалъ и распялся, и погребенъ былъ также волею, и что когда во время смерти отдѣлилась душа Его отъ тѣла, божество не отдѣлялось ни отъ души Его, ни отъ тѣла; что Онъ въ третій день воскресъ и чрезъ сорокъ дней вознесся на небеса, яко человѣкъ, и сѣдитъ на престолѣ божества Своего съ плотію Своею, воспѣваемый со Отцемъ и Святымъ Духомъ всѣми небесными воинствами; что всѣ сіи таинства воплощеннаго домостроительства Христова совершены были для того, чтобъ вѣрующіе въ Него опять облеклись въ Духа Святаго, Котораго совлекся первозданный Адамъ, когда

сдѣлался преступникомъ заповѣди Божіей, а это для того, чтобъ, бывъ усилены благодатию Духа Святаго, исполняли они заповѣди Божіи и побѣждали діавола и всѣхъ невидимыхъ демоновъ: ибо безъ Святаго Духа никто не можетъ ни грѣха избѣжать, ни исполнять заповѣдей Божіихъ, ни отражать власть и силу, какую возымѣли надъ нами демоны.

Вѣра есть еще, чтобъ вѣрилъ кто изреченнымъ въ Божественныхъ Писаніяхъ обѣтованіямъ благъ тѣмъ, кои исполняютъ заповѣди Божіи, и угрозамъ вѣчными муками тѣмъ, кои нарушаютъ ихъ. Вѣра есть еще, чтобъ вѣренъ кто былъ всему Божіему, догматы ли то, или заповѣди, или, лучше сказать, вѣренъ былъ благодати Св. Духа, почему всякій христіанинъ и называется вѣрнымъ. Вѣра есть еще, чтобъ ввѣрилъ кто себя самому Богу и отъ всей души на Него единого возлагалъ все свое спасеніе. Вѣра есть еще, чтобъ увѣренъ былъ кто, что Богъ дѣлаетъ все, что благоволитъ благость Его, и былъ убѣжденъ, что Онъ дѣлаетъ сіе наилучшимъ образомъ. Вѣра есть еще, чтобъ уповалъ кто на великую и непобѣдимую силу Вседержителя Бога, и дерзалъ о ней, такъ чтобъ повелѣвалъ, и горы передвигались бы; до какой вѣры весьма немногіе достигаютъ, какъ и написано, что не у всѣхъ есть такая вѣра (2 Сол. 3, 2). Невозможно спастись никому, кто не имѣетъ вѣрующей и твердой вѣры во Христа Господа, кто не вѣритъ безъ раздумыванія словесамъ Божіимъ, кто не имѣетъ любви къ Богу и людямъ, любви отъ благіи совѣсти бывающей, въ силу коей (благой совѣсти) раждается смиреніе и милостивость.

2. Въ силу вѣры, прежде всякой другой добродѣтели, приходитъ благодать Божія, какъ основаніе всякой добродѣтели, и уже помощію благодати Божіей всякая добродѣтель устанавливается въ сердцѣ и бываетъ дѣйственною; такъ что всякая добродѣтель, не отъ благодати

Божіей бывающая, вмѣняется у Бога не въ настоящую добродѣтель, потому что такая добродѣтель не Божія. Бываетъ, что и демоны наводятъ на инныя видныя добродѣтели, научая людей казаться цѣломудренными, милостивыми, кроткими, и держа ихъ чрезъ то въ высокоуміи и гордости. Приходитъ же благодать Божія въ человѣка, хотя нечистаго и сквернаго, но имѣющаго сердце истинно благопризнательное; а истинная благопризнательность есть, чтобъ сердцемъ признавать, что благодать есть благодать. И невозможно, чтобъ получившій благодать быть какъ должно благопризнателенъ и благодаренъ, если не признаетъ прежде величіе благодати, имъ полученной. Тѣ, которые не сознаютъ, сколь велика благодать, ими полученная, не дорожатъ ею.

Итакъ знать намъ надлежитъ, что благодать Всесвятаго Духа приходитъ въ каждого, вѣрующаго во Христа, не за добрыя дѣла, какія онъ дѣлалъ прежде (еслибъ приходила за добрыя дѣла, то не была бы благодать, а уплата за дѣла); но приходитъ она отъ Бога за вѣру, приходитъ прежде всякихъ добрыхъ дѣлъ, и уже на ней, какъ на твердомъ основаніи, устроятся добрыя дѣла, которыя только попомощію благодати и являются совершенными; такъ что дѣла, которыя бывають безъ благодати Всесвятаго Духа, Богъ ни во что не вмѣняетъ, какъ бы ихъ совсѣмъ не было. Добро уже не добро, коль скоро оно не добрѣ будетъ сдѣлано; но невозможно добру быть добрѣ сдѣлану безъ благодати Христовой. Еслибъ было это возможно, Богъ не пришелъ бы на землю содѣлаться человѣкомъ, чтобъ даровать такую благодать человѣкамъ, попомощію коей единой всякое добро можетъ быть добрѣ дѣлаемо. И блаженъ человѣкъ, который позналъ, что попомощію благодати Христовой всякое добро можетъ быть добрѣ дѣлаемо; окаяненъ же тотъ, кто не позналъ сего; всеу держитъ таковой вѣру Христову.

Вотъ отъ чего большая часть людей, когда поють псалмы и молитвы дѣють, устами только произносятъ псалмы и молитвы, а умъ ихъ ведетъ бесѣды съ бѣсами; потому что это они, бѣсы, возьмутъ умъ его и кружатъ его въ помыслахъ суетныхъ, мірскихъ, плотскихъ, злопамятныхъ, чтобъ добро, молитва и псалмопѣніе не было дѣлаемо добрѣ, т.-е. надлежащимъ, Богу угоднымъ образомъ. Не очевидно ли изъ сего, что добро не можетъ быть добрѣ дѣлаемо безъ благодати Христовой? Если же невозможно добру быть добрѣ дѣлаему безъ благодати Божіей, то какимъ истиннымъ добромъ можетъ хвалиться человѣкъ, якобы оно было его собственное дѣло? Никакимъ. Потому-то истинные хрістіане, яко сознающіе, что ничего добраго не имѣють въ себѣ отъ себя, но все отъ благодати Божіей, бываютъ всегда смиренны и сокрушенны, что и служитъ признакомъ истинныхъ хрістіанъ. А высокоуміе, заносчивость, тщеславіе, дерзость, гордость, славолубіе и показное смиреніе, бывающее славы ради людской, суть признаки не истинныхъ хрістіанъ.

3. Такъ вѣра и добрыя дѣла суть двѣ вещи, которыя неразрывно связуются между собою. Вѣра бываетъ для добрыхъ дѣлъ, но добрыя дѣла справляются не для вѣры, а посредствомъ вѣры. Безъ вѣры никто не можетъ дѣлать истинно добрыхъ дѣлъ и угодить Богу; потому что ради вѣры приходитъ благодать Господа нашего Іисуса Христа въ того, кто увѣровалъ въ Него. По мѣрѣ вѣры, какую кто являетъ, подается и благодать. У кого велика вѣра, тому подается и благодать великая; у кого мала вѣра, мала и благодать. Но и то надлежитъ помнить, что вѣра одна, будь она истинная и православная вѣра, не принесетъ никакой пользы тому, кто такъ вѣруетъ, безъ добрыхъ дѣлъ. Явленіемъ вѣры служить сила, исходящая отъ вѣры; силы же явленіемъ служить ревно-

стное дѣланіе заповѣдей Божіихъ и богоугодныхъ дѣлъ. Ибо живодѣйствованіе (энергія) происходитъ отъ силы, коею обладая можетъ кто дѣлать что-либо. Итакъ, поелику невозможно угодить Богу безъ вѣры (благоугодяется же Богъ добрыми дѣлами), то явно, что вѣра даетъ силу творить добрыя и богоугодныя дѣла по волѣ Божіей. Вѣра же здѣсь въ отношеніи къ тому, что я говорю, разумѣется не та только, чтобъ вѣровать во Христа и во всѣ словеса Его, но паче та, чтобъ дерзать о Христѣ и въ сердцѣ носить удостовѣреніе, что силою Христовою можемъ и отъ зла освободиться, и всякую добродѣтель совершить, какъ исповѣдалъ и святыи Апостолъ Павелъ, говоря: *паче всѣхъ потрудишься: не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 10).

Итакъ, кто не сподобился получить благодать Христову и познать ее умно присущею въ душѣ своей, тотъ тщетно носитъ имя христіанина; онъ одинаковъ съ невѣрными. Онъ можетъ думать, что избѣгъ отъ всякаго зла и проходить всякую добродѣтель; но по истинѣ лжець есть и притворщикъ. Пусть и трудится таковой; но тщетенъ трудъ его. Пусть роздалъ онъ все имѣніе свое бѣднымъ, постится, совершаетъ бдѣнія, спитъ на голой землѣ, молитвы дѣлетъ, вопія: Господи, помилуй! Но если онъ не носитъ въ сердцѣ убѣжденія, что благодать Божія, за вѣру подаемая, есть милость Божія, и не сію единую благодать прежде всего другаго ищетъ получить; если у него и въ мысли не было, что только ради полученія сей благодати роздалъ онъ имѣніе свое и всякимъ подвергаетъ себя лишеніямъ и злостраданіямъ; если не съ тою цѣлію подвизается онъ, чтобъ или получить благодать въ первый разъ чрезъ крещеніе, или, если имѣлъ ее и она отошла по причинѣ грѣха его, возвратитъ ее опять чрезъ покаяніе, исповѣдь и

самоуничженное житіе, а подаетъ милостыни, постится, совершаетъ бдѣнія, молитвы дѣетъ и прочее не съ этою одною цѣлію, и не на сей одинъ конецъ, но думаетъ, что совершаетъ славныя добродѣтели и цѣнныя сами по себѣ предъ Богомъ добрыя дѣла: то тщетно онъ утруждаетъ и измождаетъ себя.

Эта-то, о коей помянулъ я, цѣль и есть отъ начала міра сокровенное таинство христіанства, явившееся въ послѣднія времена (Кол. 1, 26). Ее разумѣетъ Павелъ, когда говоритъ о Богѣ, что Онъ *всѣмъ человекомъ хошетъ спастися, и во разумъ истины прійти* (1 Тим. 2, 4). Ибо познаніе истины не что иное есть, какъ сія самая благодать. Она есть *истина*, которая *Иисусъ-Христомъ бытъ* по св. Евангелію (Іоан. 1, 17). И невозможно христіанину обрѣсти милость у Бога, если не познаетъ сей благодати. Ибо какъ Христосъ не могъ творить знаменій и чудесъ для невѣровъ, такъ не можетъ Онъ никого и изъ тѣхъ помиловать, которые, хотя вѣруютъ въ Него, но не познали прежде, что благодать Христова, Имъ и чрезъ Него подаемая, она самая и есть милость и спасеніе. Никому невозможно другимъ образомъ спастись, если не получить божественной благодати, имѣющей обожить его, или содѣлать богомъ по благодати. Расположимся же, братіе, и мы, на этотъ одинъ конецъ дѣлать всѣ дѣла свои, т.-е. чтобъ получить и познать Божію благодать и милость о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава и держава, со безначальнымъ Его Отцемъ, и Всесвятымъ Его Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

1. Душа очищается посредствомъ вѣры и исполненія заповѣдей Христовыхъ.

2. Облекается она свыше сходящею силою Духа Святаго и сподобляется зрѣть Бога.

3. Желаящимъ получить благо отъ Бога надлежитъ съ радостію терпѣть всякую скорбь, злостраданія и искушенія, ихъ встрѣчающія.

4. Всякому надлежитъ разсмотрѣть себя, достоинъ ли онъ внити въ царствіе небесное.

1. Умъ, соединившійся съ Богомъ вѣрою, познавшій Его дѣланіемъ добродѣтелей, и сподобившійся зрѣть Его созерцаніемъ, видитъ дивныя и преславныя чудеса. Онъ весь освѣщается и становится, какъ свѣтъ, хотя не можетъ понять и изречь то, что видитъ. Ибо самъ умъ тогда есть свѣтъ и видитъ Свѣтъ всяческихъ, т.-е. Бога, и свѣтъ сей, который онъ видитъ, есть жизнь, и даетъ жизнь тому, кто его видитъ. Умъ видитъ себя совершенно объединеннымъ съ симъ свѣтомъ и трезвенно бодрствуетъ. Сознаетъ онъ, что свѣтъ сей внутри души его, и изумляется; изумляясь же, видитъ его, какъ-бы онъ былъ вдали отъ него; потомъ, пришедши въ себя, опять находитъ свѣтъ сей внутри; и такимъ образомъ не находитъ ни словъ, ни мыслей, что сказать и что подумать о свѣтѣ томъ, имъ видимомъ. Кто, слыша сіе таинство, не удивится, и удивляясь, не прибѣгнетъ ко Христу? Кто не пожелаетъ и себѣ узрѣть сіи чудеса Божіи? И кто не возлюбитъ Того, Кто даетъ намъ такіе преславные дары безъ цѣны?

2. Потщимся же, братіе мои возлюбленные, приобрѣсти Христа и узрѣть, коль дивенъ Онъ есть въ красотѣ и сладости своей. Самъ Онъ говоритъ: *имѣй заповѣди Моя, и соблюдая ихъ, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ; и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ* (Іоан. 14, 21). А да-

лѣе прилагаетъ: *еще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его и къ нему приидемъ и обитель у него сотворимъ* (— 23). Сей любящій Бога и заповѣди Его соблюдающій облачается свыше сходящею силою Святаго Духа, Который не является чувственно, въ видѣ огня, и не приходитъ съ великимъ шумомъ и дыханіемъ бурнымъ (это совершилось только на Апостолахъ—для невѣрующихъ), но зримъ бываетъ умно, какъ умный свѣтъ, и приходитъ съ тихостию, принося обрадованіе,—что есть отсвѣтъ перваго онаго вѣчнаго свѣта, и отблескъ непрестающаго блаженства. Какъ только возсіяетъ сей свѣтъ въ духѣ, тотчасъ исчезаетъ всякій нечистый помысль, изгоняется всякая страсть душевная, и всякая немощь тѣлесная получаетъ уврачеваніе. Тогда очищаются очи сердца,—умъ и мысль, и зрятъ Бога, какъ написано въ Евангеліи о блаженствахъ. Тогда душа, какъ въ зеркалѣ, видитъ всѣ даже и малѣйшія свои прегрѣшенія и приходитъ въ величайшее смиреніе; помышляя же о величій оной славы, исполняется всякою радостію и веселіемъ, и дивясь неожиданно увидѣнному чуду оному, проливаетъ обильныя слезы. Такъ наконецъ совершенно измѣняется весь человѣкъ, и познаетъ Бога, самъ прежде познавъ бывши отъ Бога. Одна эта благодать Всесвятаго Духа дѣлаетъ то, что человѣкъ начинаетъ презирать все земное и небесное, настоящее и будущее, радостное и скорбное. Она дѣлаетъ его другомъ и сыномъ Божиимъ и богомъ, насколько сіе вмѣстимо для человѣка. О, сколь величественны дарованія Божіи!

Всѣ почти стыдятся людей немощныхъ и бѣдныхъ,—царь земной и смотрѣтъ на нихъ не хочетъ, вельможи отвращаются отъ нихъ, богачи презираютъ ихъ. Если случится какъ нибудь встрѣтить таковыхъ на пути, ихъ обходятъ, вниманія не обращая на нихъ, какъ на ни-

чтожности, и никто на мысль даже не принимает, чтобъ было хорошо войти съ ними въ сообщеніе. А Богъ всеблагій оставилъ сильныхъ, мудрыхъ и богатыхъ міра, и избралъ немощныхъ, немудрыхъ и бѣдныхъ, по великой и неизреченной благодати Своей. И кто доволенъ къ тому, чтобъ заодно это достойно возблагодарить Его?! Сей Богъ, Коему служатъ тьмы ангеловъ, Который *носитъ всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. 1, 3), величія славы Коего никто стерпѣть не можетъ, сей самый Богъ благоволилъ содѣлаться и отцемъ, и братомъ и другомъ такихъ отверженныхъ, и принять плоть человѣческую, чтобъ стать подобнымъ намъ во всемъ, кромѣ грѣха, и сдѣлать насъ причастниками и наслѣдниками Своей славы и царства Своего. О, сколь велика и богата благодать, сколь неизреченно снисхождение къ намъ Владыки нашего Бога!

Но чего же ради, братіе, мы не прибѣгаемъ къ сему благоутробному Богу, такъ много насъ возлюбившему? Чего ради не отдаемъ жизни своей на смерть за любовь Христа и Бога нашего, за насъ умершаго? Развѣ не видимъ, какъ многіе люди, по пристрастію къ благамъ тлѣннымъ, переносятъ большіе труды, подвергаются великимъ опасностямъ, уѣзжаютъ въ далекія мѣста, оставляя женъ и дѣтей и всякія житейскія утѣшенія, и ничего не ставятъ выше и краше того, что вождѣли, и покоя себѣ не даютъ, пока не достигнутъ цѣли своей? Но если эти, ради временныхъ и тлѣнныхъ благъ, поднимаютъ такой подвигъ и для полученія ихъ подвергаютъ опасности и душу свою и жизнь свою; то не всячески ли подобаетъ намъ предать на смерть и души свои и тѣлеса свои любви ради къ Царю царствующихъ и Господу господствующихъ, Творцу, Вседержителю и Властителю всѣхъ тварей?—Самъ Онъ говоритъ во святомъ Евангеліи Своемъ, что погубившій душу свою,

т.-е., уготовившійся пожертвовать жизнію, Мене ради и ради Евангелія, или мертвою содѣлавшій душу свою къ міру и не обрѣтающій ее занятою какою либо похотію плотскою, таковой спасетъ ее, а обрѣтающій душу, т.-е. жалѣющій предать жизнь свою за Меня или находящій душу свою занятою чѣмъ-либо грѣшнымъ, погубить ее.

Такъ говоритъ Богъ вездѣсущій и все содержащій! Куда же убѣжимъ мы, братіе, отъ лица Его, или куда уйдемъ? Взойдемъ ли на небо, тамъ обрѣтемъ Его; снидемъ ли во адъ, и тамъ присушь Онъ; внидемъ ли во глубины морскія, и тамъ не убѣжимъ отъ державной руки Его, но Его же десница будетъ держать и души и тѣла наши. Итакъ, братіе, поелику не можемъ мы противостать Господу, ни убѣжать отъ лица Его, приидите, сдѣлаемся лучше рабами того Бога, Который насъ ради человѣкъ бысть, зракъ раба пріялъ, и умеръ по любви къ намъ. Приидите, подклонимся подъ крѣпкую и непобѣдимую руку Христа, источающаго жизнь вѣчную и безсмертную и пребогато ею исполняющаго тѣхъ, кои взыскиваютъ ея въ Немъ, благодатію Всесвятаго Духа. Приидите, взыщемъ Христа, въ Коего облеклись было мы во святомъ крещеніи, но злыхъ ради дѣлъ своихъ опять совлеклись Его. Когда мы крестились, были еще несмысленными младенцами, и по возрасту и по уму, и не понимали, коль великое получили освященіе; потомъ же хоть и познали сіе, но увлекаемые юностію, осквернили себя грѣхами своими, потеряли благодать св. крещенія и продолжаемъ каждодневно сквернить и души и тѣла свои, преступая заповѣди Божіи. Возвратимъ же себя опять въ прежній чинъ покаянiемъ, которое теперь осталось единственнымъ путемъ къ нашему спасенію, и положимъ въ сердцѣ всеусильно трудиться въ дѣланіи всякаго рода добрыхъ дѣлъ, о коихъ зна-

емъ, что они угодны Христу Господу, да запечатлѣмся опять печатію Духа Святаго и проживемъ прочее время жизни нашей непорочно, имѣя Христа Спасителя всемогущимъ пособникомъ себѣ, отъ Коего вслѣдствіе сего получимъ и ту милость, что сдѣлаемся достойными познать тайны Бога нашего, сокровенныя отъ вѣкъ и отъ родовъ.

3. Если желаемъ достигнуть того, что возлюбила душа наша, т.-е. благодатныхъ отъ Бога благъ, и, будучи человѣками, содѣлаться земными ангелами; надлежитъ намъ возлюбить также прискорбность и тѣсноту тѣлесную, поднимать всякое злостраданіе и съ радостію переносить искушенія, въ увѣренности, что они принесутъ намъ всякое добро. Что краше души, съ разумомъ и разсужденіемъ подъемяющей всякія скорби и злостраданія, ради претерпѣнія коихъ она имѣетъ еще наслѣдовать и радость всяческихъ? Что мужественнѣе сокрушеннаго и смиреннаго сердца, которое безъ труда побѣждаетъ всѣхъ демоновъ и совсѣмъ отгоняетъ ихъ отъ себя? Что славнѣе нищенствованія духомъ, доставляющаго человѣку царствіе небесное, коему равноцѣннаго ничего нѣтъ и быть не можетъ, ни въ настоящей, ни въ будущей жизни? Но и то, что не имѣетъ кто болѣе томящей о себѣ заботы относительно земнаго и временнаго, какое, думаешь ты, приносить ему ангельское состояніе и какія вѣчныя уготовляетъ блага? И то опять, что презираетъ кто все временное и тлѣнное, и все почти необходимое для тѣла его, такъ что никогда не заводитъ споровъ и ссоръ изъ-за нихъ, но всегда хранить миръ и любовь въ невозмущаемой тѣмъ душѣ своей, какового не достойно воздаянія, какихъ вѣнцовъ и дарованій? Поистинѣ выше естества заповѣдь сія и исполненіе ея паче слова и разума, потому что Христосъ бываетъ для таковаго все, вмѣсто всего того,

что презираетъ онъ. Слыша: Христосъ, не на одно голое слово обращай вниманіе и не смотри на малость реченія, но помышляй о славѣ божества Его, превосходящаго всякій умъ и всякое слово, помышляй о красотѣ Его неизреченной, о милости безмѣрной, о богатствѣ немыслимомъ, какое богато со всякою щедростію подаетъ Онъ таковымъ, и уразумѣешь, что Его одного достаточно для нихъ въ замѣнъ всего прочаго, такъ какъ они пріемлютъ въ себя самого Бога, источника и подателя всякаго блага. Посему-то никто изъ сподобившихся возимѣть Христа не возжелѣваетъ уже ничего другаго, и никто изъ насытившихся любовію Божіею не имѣетъ уже позова любить что-либо другое здѣсь на землѣ.

Поистинѣ, братіе мои, ничего въ мірѣ нѣтъ лучше того, чтобъ не имѣть ничего отъ благъ міра сего, не желать стяжевать что-либо паче необходимыхъ потребъ тѣла и не замышлять покоить плоть свою и угождать ей, но одного желать — жить жительствомъ духовнымъ, *не творя ни въ чемъ плоти угодія въ похоти* (Рим. 13, 14). Необходимыми же потребами тѣла я называю хлѣбъ и воду, одежду и кровь, какъ учитъ Апостолъ: *имущи пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8). Если потребуется что-либо и больше сего, то всячески, если вѣруемъ Богу и уповаемъ на Него, Онъ, подающій намъ большее сего и промышляющій о всемъ сущемъ, подастъ намъ это. Только оставимъ все другое, прившедшее въ привременную жизнь нашу, — тщеславіе, зависть, споры и ссоры, лукавство, ропотливость, клевету и все вообще, что ненавистно Богу и причиняетъ вредъ душѣ, и возлюбимъ отъ всей души то, что повѣлѣваетъ Богъ, — нищету духовную, или смиреніе, и непрестанный деннонощный плачь, отъ коего исходитъ въ душу каждый часъ радость и утѣшеніе, у тѣхъ, кои

любить Бога. Отъ этого плача поражается и кротость въ тѣхъ, кои подвизаются во истинѣ, отъ плача алчутъ и жаждутъ правды или всякой добродѣтели и всегда ищутъ царствія Божія, превосходящаго всякъ умъ человѣческій; отъ непрестаннаго плача бываютъ и милостивы, и чисты сердцемъ, и миротворцы, яко мира исполненны, и благодупны въ искушеніяхъ; отъ плача ненавидятъ зло; отъ плача возжигается въ душѣ божественная ревность, которая ни на минуту не даетъ ей предаться покою безопасности, или вмѣстѣ со злыми склониться на зло, но исполняетъ ее мужествомъ и силою претерпѣвать до конца всякаго рода искушенія.

4. Возненавидимъ же, возлюбленные братіе мои, міръ сей и все, что въ мірѣ. Зачѣмъ имѣть намъ общеніе съ міромъ и съ дѣлами мірскими, когда Господь нашъ говоритъ намъ въ св. Евангеліи: *нѣсте отъ міра* (Іоан. 15, 19)? Потечемъ путемъ добродѣтели. Будемъ подвизаться, пока стяжемъ нѣчто отъ всегда-пребывающаго и нетлѣннаго. Ибо всѣ вещи міра сего тлѣнны и переходятъ какъ сонъ, и ничего нѣтъ въ нихъ постояннаго и твердаго; и солнце и звѣзды, и небо и земля, все переходитъ и отъ всего одинъ человѣкъ остается. Что же теперь изъ этого видимаго можетъ послужить намъ въ пользу, въ часъ нужды смертной, когда будемъ переходить изъ этой жизни къ тамошнему пребыванію, въ нескончаемомъ ономъ вѣкѣ, а это все оставимъ здѣсь, и оно истлѣетъ и преидетъ? Хотъ и не тотчасъ преидетъ все сіе видимое, но какая польза отъ него намъ, когда мы необходимо разлучимся съ нимъ, оставя здѣсь одно свое тѣло мертвое и безчувственное, и душа наша не будетъ уже имѣть возможности видѣть что-либо посредствомъ тѣла сего, ни сама быть видима кѣмъ-либо, а будетъ съ того часа внимать одному невидимому, вступивъ въ иныя соотношенія и иные порядки жизни,

чтобъ или наслаждаться царствомъ небеснымъ и вѣчною славою, или наслѣдовать геенну и огнь вѣчный? Одно что-либо изъ сихъ двухъ необходимо получить отъ Бога въ вѣчное наслѣдство соотвѣтственно дѣламъ, какія дѣлаеть кто въ жизни сей.

Сего ради, братіе мои возлюбленные, возненавидимъ, умоляю васъ, міръ сей, убѣжимъ отъ прелестей его, и отъ мнимыхъ и лживыхъ радостей жизни сей, и къ единому прибѣгнемъ Христу, Искупителю душъ нашихъ, всячески стараясь обрѣсти Его, вездѣсущаго. Обрѣтши же Его, припадемъ къ стопамъ Его и облобызаемъ ихъ со всею горячію душою. Ей, умоляю васъ, потщимся узрѣть Его, пока еще живы. Ибо если сподобимся узрѣть Его здѣсь, то не умремъ и смерть не возгосподствуетъ надъ нами. Не будемъ дожидаться—узрѣть Его въ будущей жизни, а теперь восподвигаемся узрѣть Его. Мы знаемъ, говоритъ св. Іоаннъ Богословъ, что имѣемъ Бога въ сердцахъ своихъ, по Духу, Котораго пріяли отъ Него (1 Іоан. 3, 24; 4, 13). Итакъ вы, показавшіе вѣру свою въ Него твердую и извѣстную дѣлами своими, обсудите со всѣмъ вниманіемъ, что я сказалъ вамъ, и добръ разсмотрите, не обманываетесь ли вы, думая, что имѣете въ себѣ Христа, тогда какъ ничего не имѣете и находитесь въ опасности перейти изъ сей жизни съ пустыми руками, чтобъ услышать страшный оный гласъ глаголющій: возьмите, что мнится имѣти рабъ сей лукавый, и дайте имущему большее (Лук. 8, 18; Мат. 25, 25). Тогда возрыдаете и восплачете и вѣчную воспріимете скорбь. Но да не будетъ намъ — услышать таковой гласъ и пострадать что подобное, — намъ, которые въ часъ божественнаго крещенія отреклись діавола и всѣхъ дѣлъ его, и сочетались Христу, давъ обѣтъ хранить заповѣди Его. Потщимся же сохранить божественныя заповѣди и очистить сердца свои слезами и покл-

ніемъ, да узримъ самого Христа—сей свѣтъ божественный, и да стяжемъ Его еще здѣсь въ настоящей жизни во Обитателя въ насъ, да животворить Онъ души наши благодатию Всесвятаго Духа, и да питаетъ ихъ сладостию чаемыхъ благъ царствія Своего. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТОЕ.

1. Кто тѣ, кои истинно любятъ Бога, отъ чего рождается любовь къ Богу и чѣмъ обнаруживается?

2. Какія дѣла любви къ ближнимъ по Богу?

3. Любовь есть глава закона.

1. Удивляются нѣкоторые, когда мы говоримъ, что не всѣ христіане любятъ Христа. Но вѣдь любить Христа не что иное есть, какъ исполнять заповѣди Его, какъ Самъ Онъ сказалъ: *имѣяй заповѣди Моя и соблюдай ихъ, той есть любяй Мя* (Іоан. 14, 21); такъ что христіанинъ, не соблюдающій заповѣди Его, когда говоритъ, что любить Христа, лжетъ. Ибо всякій отецъ содержащій и воспитывающій сыновъ и дочерей своихъ и пекущійся о нихъ и всякій покупающій раба себѣ или принимающій наемника, конечно для того желаетъ имѣть ихъ, кормить и одѣваетъ ихъ и доставляетъ имъ все нужное, чтобъ они помогали ему и служили по дому. Но если онъ увидитъ, что никто изъ нихъ не исполняетъ воли его и не исправляетъ порученнаго ему дѣла и служенія, то будетъ ли онъ довольствоваться тѣмъ однимъ, что сынъ и дочь будутъ говорить ему: ты отецъ нашъ, а рабъ и наемникъ: ты господинъ нашъ? Конечно, нѣтъ. Такъ и Богъ не довольствуется тѣмъ однимъ, что иной говоритъ, что любить Его, а заповѣдей Его не исполняетъ. Почему и говоритъ Онъ чрезъ пророка: *еще Отецъ есмь Азъ, то гдѣ слава Моя? И еще Господь есмь Азъ, то гдѣ есть страхъ Мой* (Малах. 1, 6)?—Такимъ образомъ христіанинъ, не прославляющій Бога исполне-

ніемъ повелѣній Его и соблюденіемъ заповѣдей Его, ничѣмъ не лучше невѣрныхъ, если не хуже ихъ.

Заповѣди же и повелѣнія Божіи говорятъ: то-то дѣлай, а того-то не дѣлай: недостаточно лишь не дѣлать зла, но надобно дѣлать и добро. При этомъ необходимо намъ знать и исповѣдать, что невозможно христіанину не дѣлать зла и дѣлать всякое добро, иначе какъ силою Всесвятаго Духа, подаемаго отъ всей души увѣровавшимъ во Христа и отрекшимся сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и всего служенія его, и всея гордыни его, и сочетавшимся Христу и соединившимся съ Нимъ. Естество человѣческое измѣнчиво и превратно; и одно Божеское естество непревратно и неизмѣнчиво. Но христіанинъ, дѣлаясь божественнаго причастенъ естества во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ чрезъ пріятіе благодати Святаго Духа, превращается и измѣняется силою Его въ богоподобное состояніе, дѣлается богомъ по благодати, подобнымъ Тому, Кто совершилъ въ немъ такое измѣненіе, т.-е. Христу Господу—Солнцу правды. Христіанинъ предаетъ всего себя Христу Господу, Христосъ же Господь производитъ въ немъ показанное измѣненіе и дѣлаетъ его богомъ по благодати. Христіанинъ не можетъ самъ собою произвести въ себѣ желаемое измѣненіе, и Христосъ не облагодатитъ его даромъ сего измѣненія, если онъ не предастъ Ему себя отъ всего сердца своего. Почему который христіанинъ не измѣнился симъ благимъ измѣненіемъ, пусть не осуждаетъ въ томъ естество свое, а свое произволеніе, что самъ не хотѣлъ вседушно предаться Христу. Ибо Апостолъ удостовѣряетъ, что коль скоро прилѣпляется кто Господу, то бываетъ единъ духъ съ Господомъ (1 Кор. 6, 17). И самъ Господь говоритъ: *будите во Мнѣ и Азъ въ васъ. Якоже розга не можетъ плода творити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете. Азъ*

есмь лоза, выже рождіе. И иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ: яко безъ Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, якоже розга, и изсыметъ (Іоан. 15, 4—6).—Опять: будите въ любви Моей. Аще заповѣди Моя соблюдете, пребудете въ любви Моей: якоже Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ и пребываю въ Его любви (—9, 10). И еще: о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Іоан. 13, 35).

Какъ ученикъ грамматика, ритора, философа, поэта, художника, и всякій другой ученикъ познается по учителю своему, такъ и христіанинъ, ученикъ Христовъ, познается по Христу, Господу и Богу, доброму его Учителю, Который столько возлюбилъ насъ, что ради насъ содѣлался человѣкомъ и предалъ душу Свою во искупленіе насъ. Почему кто не имѣетъ любви, какъ можетъ тотъ быть признанъ ученикомъ Христовымъ или христіаниномъ? Какъ напротивъ кто имѣетъ сію любовь, пусть онъ не можетъ поднимать великихъ подвиговъ и трудовъ, а стяжалъ только одну эту любовь, тотъ, по закону Учителя нашего Христа, востекъ на самый верхъ совершенства святыхъ. Ибо такъ написано: *любай брата, законъ исполни* (Рим. 13, 8); и: *не любай брата своего, егоже видѣ, Бога, егоже не видѣ, како можетъ любить* (1 Іоан. 4, 20)? Опять: *аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть* (тамъ же). Но слыша: *любовь*, да не подумаетъ кто, что она есть дѣло удобосправимое. Заповѣдь о любви есть самая великая и важная. Почему самъ Богъ отъ начала вложилъ въ естество человѣческое нѣкую любительную силу, и естественно родители любятъ дѣтей своихъ, родственники любятъ себя взаимно, и друзья любятъ друзей своихъ. Но эта естественная сила любви дана Богомъ въ помощь разумному человѣческому естеству,

чтобъ оно, пользуясь ею, востекало къ (всеобщей) любви самоохотной и произвольной. Великая и совершительная, Богомъ данная заповѣдь любви, изречена не о естественной любви, а о любви самопроизвольной.

2. Что заповѣдь любви есть величайшая заповѣдь и есть глава всѣхъ добродѣтелей, высшая всякой исправной жизни и всякихъ многотрудныхъ дѣлъ, объ этомъ послушай, что говорить апостолъ Павелъ—сіи уста Христовы, тамъ, гдѣ указываетъ, что безъ любви тщетны и бесполезны пять самыхъ великихъ дарованій, а именно, дары — языковъ, пророчества, чудодѣйственной вѣры, милостыне-раздаянія и мученичества, и говорить: *аще языки чловѣческими глаголю и ангельскими, аще имамъ пророчество и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, аще имамъ всю вѣру, яко и горы престаवляти, аще раздамъ вся имѣнія моя и аще предамъ тѣло мое во еже сжещи е, любви же не имамъ: никакая ми польза есть* (1 Кор. 13, 1—3). Потомъ полагая, что иной, изумленъ будучи такими словами, готовъ спросить его, какъ возможно безъ любви явить такіа великія дѣянія, онъ разрѣшаетъ сіе недоумѣніе и говорить: *любы долготерпитъ, милосердствуетъ: любы не завидитъ: любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ, вся покрываетъ, всему вѣру елетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ. Любы николиже отпадаетъ* (—4—8). Этимъ онъ ясно показалъ, что говорящій языками можетъ возгордиться, также пророчествующій и имѣющій вѣру чудодѣйственную можетъ востиславиться, подающій милостыню можетъ усладиться славою и честію отъ облагодѣтельствованныхъ имъ, и предавшій себя на мученія высоко о себѣ подумать. Но поелику слово свое окончилъ онъ такъ: *любы николиже отпадаетъ*, то показалъ, что корень любви есть смирен-

номудріе; такъ какъ корень не имѣетъ куда пасть, находясь всегда во глубинѣ земли. Кто думаетъ, что имѣетъ любовь, а между тѣмъ не имѣетъ долготерпѣнія и милосердія, завидуетъ и неуважителенъ бываетъ, гордится и безчинствуетъ, ищетъ своего, раздражается и мыслить зло, радуется неправдѣ, а не радуется истинѣ, не все покрываетъ, не всему вѣру емлетъ, не вся уповаешь и не все терпѣть, таковой не имѣетъ любви, и говоря, что имѣетъ ее, лжетъ.

3. Весь законъ, данный отъ Бога людямъ, совмѣщается въ любви, которая имѣетъ двѣ ступени, такъ какъ и законъ двоякъ есть—ветхій и новый. Взошедшій на первую ступень оставилъ землю долу; а взошедшій на вторую, достигъ и небесъ. Ветхій законъ говоритъ: *возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе* (Лев. 19, 18), а Новый говоритъ: люби и врага твоего (Мѣ. 5, 43); говоритъ еще: и душу свою положи за друга твоего. Итакъ, кто возлюбилъ врага своего, тотъ взошелъ на вторую ступень или взошелъ на небеса. Напротивъ, кто не только преслѣдуетъ врага своего, но ненавидитъ и ближняго и дѣлаетъ зло тому, кто любитъ его, — таковой низпалъ до самыхъ преисподнихъ земли.

Позаботимся же, братіе, о стяжаніи совершенной любви, да улучимъ и царствіе небесное во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

1. О милостынѣ: кто насыщаетъ Бога, когда Онъ алчетъ, и напаяетъ, когда Онъ жаждетъ, и какъ потому можно совершать такого рода дѣла?

2. Не получаетъ настоящей пользы тотъ, кто милуетъ только бѣдныхъ, а мне плуетъ и себя самого, оставляя себя въ небреженіи, обнаженнымъ отъ всякаго добраго дѣла и отъ благодати Божіей.

1. Долгъ имѣемъ всѣ мы люди, и вѣрные и невѣрные, и малые и великіе, большое имѣть въ настоящей жизни

вниманіе и тщаніе; — невѣрные, чтобъ познать истину и увѣровать въ Творца и Устроителя всяческихъ Бога, — вѣрные, чтобъ добрѣ жителствовать и Богу угождать во всякомъ дѣлѣ добромъ и словѣ благомъ, — малые, чтобъ слушаться великихъ, Господа ради, — великіе, чтобъ имѣть меньшихъ какъ дѣтей родныхъ, по заповѣди Господа, Который говоритъ: *понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ: Мя сотвористе* (Мѡ. 25, 40). Ибо Господь сказалъ сіе не относительно однихъ бѣдныхъ и тѣхъ, которые не имѣютъ тѣлесной пищи (какъ думаютъ иные), но сказалъ относительно и всѣхъ другихъ братій нашихъ, которые не алчбою хлѣба томятся, но алчбою слышанія словесъ Господа и дѣланія заповѣдей Его, такъ какъ заповѣдь Его есть жизнь вѣчная. Сколько душа честнѣе тѣла, столько же пища душевная необходимѣе пищи тѣлесной. И думаю, что Господь болѣе о душевной пищѣ сказалъ: *взмѣхъся, и не дасте Ми ясти: возжадахъ и не напоисте Мене* (Мѡ. 25, 42), нежели о тѣлесной и тлѣнной, такъ какъ самъ же Онъ говорилъ прежде: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя* (Іоан. 4, 34). Воля же пославшаго Его Отца есть спасеніе человѣковъ. И поистинѣ Христосъ алчетъ и жаждетъ, т.-е. крайнимъ и неудержимымъ желаніемъ желаетъ единого спасенія всѣхъ человѣковъ. Спасеніе же человѣковъ есть удаленіе отъ всякаго грѣха, каковаго удаленія отъ грѣха невозможно справить безъ дѣланія добродѣтелей и исполненія всѣхъ заповѣдей. Слѣдовательно, когда исполняемъ мы заповѣди Христовы, тогда питаемъ и насыщаемъ Христа, Господа всякой твари. И святые отцы наши говорятъ, что какъ злыми дѣлами нашими питаются демоны и получаютъ силу воевать противъ насъ, а нашимъ удаленіемъ отъ зла они истомляются алчбою и обезсилѣваютъ; такъ и Христосъ, обнищавшій нашего ради спасенія,

питаемъ бываетъ нами, когда творимъ заповѣди Его, и оставляется въ алчбѣ, когда не творимъ воли Его. Это узнать и въ этомъ удостовѣриться можемъ мы изъ самой жизни и дѣлнй святыхъ.

Оставляю прочихъ, ибо ихъ много, паче песка морскаго, — сказаніемъ объ одномъ лицѣ, объ одной святой постараюсь удовлетворить любовь вашу. Безъ сомнѣнія вы слышали о жизни преподобной Маріи Египетской, о которой не другой кто повѣдалъ, а сама она, равноангельная. Въ исповѣди своей она говорила: я была крайне бѣдна; и хотя много разъ иные давали мнѣ мзду за грѣхъ, но я не брала, не потому чтобъ была богата, — я ничего не имѣла, — но чтобъ такимъ образомъ привлечь къ себѣ больше любителей. Когда взошла она на корабль, чтобъ плыть въ Іерусалимъ, то не имѣла чѣмъ заплатить за мѣсто на немъ, и чѣмъ питаться во время плаванія. Когда въ Іерусалимѣ, давъ обѣтъ Пречистой Богородицѣ обратиться ко Господу, положила она удалиться въ пустыню; то получивъ отъ одного христіянина двѣ монеты, купила на нихъ три хлѣбца, съ чѣмъ и перешла Іорданъ рѣку, и пребыла съ того времени въ пустыни до конца жизни своей, не видѣвъ ни одного человѣка, кромѣ одного Зосимы. И вотъ она ни алчущаго не напивала, ни жаждущаго не напавала, ни нагаго не одѣвала, ни страннаго не упокоивала, а паче дѣлала все противное тому, и многихъ ввергла въ ровъ гибели, увлекая ихъ на грѣхъ. Какимъ же теперь образомъ она имѣетъ спасена быть и внити въ царство небесное вмѣстѣ съ милостивыми, когда ни богатства не оставила, ни имѣнія не раздала бѣднымъ, ни милостыни не подавала никакой, а паче была причиною гибели неисчетному множеству людей? — Такъ видишь ли, что если мы скажемъ, что милостыня творима бываетъ только деньгами и пищею тѣлесною, и что

ею питаемъ бываетъ отъ насъ Христосъ, и что только такимъ образомъ, т.-е. тѣлесно питающіе, напаяющіе и всячески упокоивающіе Его, спасутся, а тѣ, которые по бѣдности не дѣлаютъ этого, пойдутъ въ муку; то изъ этого выйдетъ вѣчто крайне неумѣстное, будутъ изгнаны изъ царствія Божія многіе святыя. Но не такъ есть дѣло, не такъ.

Всѣ вещи, сущія въ мірѣ семъ, создалъ Богъ обще для всѣхъ людей, какъ-то: солнце, отъ коего получаемъ свѣтъ, воздухъ, коимъ дышемъ, пастбища для скотовъ въ лугахъ и на горахъ и другое все обще всѣмъ, чтобъ каждый пользовался тѣмъ на свою потребу, а не завладевалъ, какъ господинъ. Но привзошло въ жизнь нашу, какъ тиранъ какой, любоиманіе, и то, что Господь Богъ далъ обще для всѣхъ, раздѣлило однимъ рабамъ своимъ, состоящимъ въ его власти, инымъ такимъ способомъ, другимъ—другимъ, обгородивъ участки оградами и башнями, съ вратами и запорами, а прочихъ всѣхъ лишило пользованія благами, кои Богъ далъ обще всѣмъ. И говоритъ еще оно развращенное: я госпожа всего и всѣмъ владѣю, все мое, а не обще, и спорить, будто оно никого не неоправдываетъ. А слуги и угодники этой тиранки, т.-е. любоиманія, бываютъ обыкновенно не господами и владыками тѣхъ вещей и денегъ, а ихъ рабами и стражами. Какъ же теперь могутъ быть сочтены милостивыми, питателями Христа, дѣлающими дѣло, достойное награды тѣ, которые малость нѣкую иждиваютъ изъ такъ злѣ собранныхъ денегъ и вещей, или хотъ и все раздадутъ бѣднымъ, по страху мукъ, или въ надеждѣ получить въ тысячу разъ больше розданнаго, или отъ стыда предъ самыми тѣми бѣдными людьми, которыхъ такъ много всегда презирали и обижали? Нѣтъ, не будутъ они сочтены милостивыми, ни питателями Христа, ни сдѣлавшими дѣло достойное воздаянія. Но,

какъ я часто говорю, имъ надобно до конца жизни своей каяться, плакать и стенать и прочія совершать дѣла покаянія, за всѣ вещи, которыя они удерживали столько времени въ своей власти, не давая ими пользоваться братіямъ своимъ въ нуждахъ ихъ.

2. Какимъ же образомъ тѣ, кои сдѣлались нищими Христа ради, какъ Христосъ, богатъ сый, яко Богъ, обнищаль насъ ради,—какъ они, не имѣя, что подавать въ милостыню бѣднымъ, могутъ быть почтены милующими Христа, ради насъ содѣлавшагося человѣкомъ, внемли добръ, да уразумѣешь. Богъ содѣлался для насъ бѣднымъ человѣкомъ; долженъ и ты, вѣрующій въ Него, быть подобнымъ Ему, бѣднымъ. Бѣднымъ содѣлался Христосъ, чтобъ тебя обогатить, или чтобъ передать тебѣ потребную часть отъ богатства благодати Своея. Для того принялъ Онъ плоть, чтобъ ты могъ сдѣлаться причастникомъ божества Его. Итакъ когда ты, должно уготовившись, пріемлешь благодать Его, тогда говорится, что тобою принять Христосъ. Почему когда ты алчешь и жаждешь по любви ко Христу Господу, тогда Онъ сію твою алчбу и жажду пріемлетъ, какъ брашно и питіе для Себя Самого. Ибо чрезъ сіе, и чрезъ подобныя сему дѣла очищаешь ты душу свою и освобождаешь себя отъ тлѣнія и скверны страстей. Но Богъ, воспріявшій тебя и Себѣ присвоившій все твое, т.-е. все человѣческое, всякое добро, какое дѣлаешь ты для себя самого, почитаетъ дѣлаемымъ для Него, какъ бы Онъ самъ вкушалъ отъ плода его. Въ этомъ смыслѣ слова Его къ тѣмъ, кои милуютъ бѣдныхъ, въ отношеніи къ тебѣ могутъ быть переложены такъ: понеже сотворилъ ты бѣдной душѣ своей, Мнѣ сотворилъ. Иначе какими дѣлами угодили Богу удалявшіеся въ горы и жившіе въ пещерахъ? Никакими, кромѣ дѣлъ покаянія съ вѣрою и любовію. Оставя міръ весь, они послѣдовали Христу,

и пріявъ Его въ себя, упокоивали, насыщали и напаяли Его въ себѣ, посредствомъ покаянія и слезъ.

И другимъ способомъ (объясню это). Всѣ тѣ, которые содѣлываются сынами Божиими по благодати чрезъ святое крещеніе, всеконечно суть послѣднѣйшіе и бѣднѣйшіе въ мірѣ семъ: ибо ничего не хотятъ отъ міра сего. Познавши чувствомъ души своей, что содѣлались сынами Божиими, они терпѣтъ уже не могутъ никакого богатства прывременнаго, ни украшаться какими-либо уборами тлѣнными и маловременными, яко облекшіеся во Христа и имѣющіе сокровище на небесахъ. Да и какой челоувѣкъ, скажи мнѣ, будучи одѣтъ въ царское одѣяніе, согласится надѣтъ поверхъ его какую-нибудь другую одежду, ветхую, изорванную и испачканную?—Но и тѣ, которые не познали, что сдѣлались сынами Богу, и обнажились отъ царскаго онаго одѣянія, а потомъ покаялись, взялись за подвиги, начали дѣлать всякія добрыя дѣла, и такимъ образомъ возвратили себѣ благодать крещенія,—и они являются облеченными во Христа, и они дѣлаются сынами Богу, какъ бываетъ и чрезъ святое крещеніе. Которые же не дѣлаютъ ни того, ни другаго (т.-е. не облакаются во Христа ни чрезъ крещеніе, ни потомъ чрезъ покаяніе), тѣ хотя бы всѣхъ голыхъ въ мірѣ одѣли, что полезнаго для себя сдѣлали бы, когда себя самихъ оставляютъ обнаженными отъ божественной благодати?

Потомъ опять (т.-е. еще новое объясненіе),—мы, крестившіеся во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, именуемся братіями Христу, и есмы еще члены Его. Итакъ если ты будешь честить, упокоивать и всячески утѣшать всѣхъ другихъ, а себя,—брата Христова и членъ Христовъ,—оставишь въ небреженіи, и не воспріимешь труда и подвига путемъ всѣхъ добродѣтелей востечи на верхъ совершенства жизни о Христѣ, а оставишь

душу свою омраченною и оскверненною,—пусть валяется какъ мертвая, въ глубочайшей тѣмѣ грѣха, пусть алчетъ и жаждетъ отъ твоей лѣности и нерадѣнія, пусть остается заключенною въ тѣснѣйшей темницѣ оскверненнаго тѣла по причинѣ чревоугодія и сластолюбія твоего,—скажи мнѣ, прошу тебя, не брата ли Христова ты презришь такимъ образомъ? Не его ли ты оставишь алчущимъ и жаждущимъ, и въ темницѣ валяющимся безъ всякаго призора? Такъ вотъ,—и по этой причинѣ ты имѣешь нѣкогда услышать: не помиловалъ ты себя самого,—и не будешь помилованъ.

Если кто послѣ сего скажетъ: поелику такъ есть дѣло сіе, и намъ не будетъ никакой награды за то, что даемъ мы бѣднымъ, то какая нужда и давать?—Да слышитъ таковой самого Христа, имѣющаго судить его, и воздать каждому по дѣламъ его, какъ бы Онъ такъ говорилъ ему: О, несмысленный! Что принесъ ты въ міръ сей? И сотворилъ ли ты что-либо изъ того, что видишь въ немъ? Не нагимъ ли вышелъ ты изъ чрева матери своей? Нагимъ выйдешь ты и изъ настоящей жизни, и обнаженнымъ отъ всего предстанешь ты предъ судилище Мое. За какія же это собственности требуешь ты отъ Меня награды? И какими это собственными вещами оказывалъ ты милость братіямъ своимъ, а чрезъ посредство братій Мнѣ, создавшему все не для тебя одного, но обще для всѣхъ? Или думаешь, что Я желаю самъ чего-либо изъ этого, или приѣмлю дары, подобно неправеднымъ и сребролюбивымъ судьямъ людскимъ? (По малосмыслію твоему можно ожидать, что ты и это подумаешь).—Это все (т.-е. дѣла милосердія къ бѣднымъ) заповѣдаю Я и повелѣваю, не потому, чтобъ Я желалъ имѣть какія-либо вещи отъ васъ, но потому что желаю имѣть васъ самихъ; не для того, чтобы взять что-либо изъ вашей собственности, но для того, чтобъ избавить

васъ отъ осужденія, которому вы имѣете подвергнуться изъ-за него. — Не подумай же, братъ мой, что Богъ бѣденъ и имѣеть нужду въ нашемъ достояніи, чтобъ питать бѣдныхъ, и потому повелѣваетъ намъ быть къ нимъ милостивыми, и сколько силъ есть, исполнять сію заповѣдь. Не такъ, братъ мой, не такъ. Но человеколюбивый Господь то, что внесено въ жизнь нашу діаволомъ чрезъ любоиманіе на погибель нашу, это самое хочетъ посредствомъ милостыни обратить во спасеніе намъ. Діаволь усовѣтовалъ намъ усвоить себѣ, считать своею собственностію и для себя сокровиществовать то, что Богъ создалъ для общаго всѣхъ людей употребленія, чтобъ чрезъ такое любоиманіе привить къ намъ два грѣха и сдѣлать насъ повинными вѣчному мученію: первый—грѣхъ безсердечія и немилосердія, а второй—грѣхъ упованія на имущество свое, а не на Христа. Ибо кто имѣеть запятанныя деньги, тому невозможно вѣровать и надѣяться на Бога. Это видно изъ того, что сказалъ Христосъ и Богъ нашъ: *идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Мѣ. 6, 21). Итакъ пусть и раздастъ кто бѣднымъ запятанныя у него деньги, ему не за что получать награду, напротивъ онъ отвѣтенъ за то, что неправедно заставлялъ ихъ терпѣть лишенія доселѣ; и не только за это имѣеть онъ дать отвѣтъ, но и за тѣхъ, которые померли во время его жизни отъ алчбы и жажды, которыхъ онъ могъ наплатить и не наплатилъ: онъ запяталъ достояніе бѣдныхъ и оставилъ ихъ умирать отъ холода и голода, почему будетъ сочтенъ убійцею всѣхъ тѣхъ, которыхъ могъ онъ наплатить и не питалъ.

Но благій и человеколюбивый Господь нашъ, желая избавить насъ отъ такого осужденія, заповѣдалъ намъ раздавать стяжанное, и чтобъ заохотить къ тому, изъ-являетъ готовность низойти сей нашей немощи любо-

иманія и не подвергать насъ осужденію за то, что удерживали принадлежащее всѣмъ, и не только это, но соглашается признать имѣніе наше собственно нашимъ и за раздаяніе его обѣщаетъ воздать не десятирицею, а сторицею,—все для того, чтобъ только расположить насъ раздавать dobroxотно, съ веселымъ лицомъ. Сія dobroxотность требуетъ, чтобъ мы не считали имѣнія своего собственнымъ, а думали, что его далъ въ руки наши Богъ для призрѣнія сорабовъ нашихъ Богу—христіанъ, чтобъ мы доставляли имъ нужное съ радостію и готовностію, а не съ печалію, и какъ бы съ нѣкою пуждою и насиліемъ.

И вотъ еще почему съ радостію должны мы опорожнять свои сокровищницы, съ такимъ тщаніемъ набиваемыя и съ такою опасливостію хранимыя, въ надеждѣ получить истинное обѣтованіе Христово, въ коемъ обѣтовалъ Онъ за все воздать сторицею. Богъ знаетъ, что мы совсѣмъ завладѣны похотію любоиманія и одержимы маніею къ богатству, такъ что намъ разстаться съ нимъ и отцѣпиться отъ него крайне трудно: отчего если случится кому потерять его по какимъ-либо причинамъ, то онъ не радъ бываетъ и самой жизни. Зная сіе, Онъ и употребилъ сообразное съ нашею немощію врачевство, обѣщая воздать намъ за то, что раздадимъ бѣднымъ, сторицею, чтобъ только расположить насъ къ такому раздаянію и чрезъ то прежде всего избавить отъ осужденія за страсть любоиманія, а потомъ отучить возлагать надежду свою на богатство и освободить души наши отъ тяжкихъ его узъ; по освобожденіи же отъ нихъ дать намъ просторъ безпрестанно исполнять заповѣди Христа Господа и работать Ему со страхомъ и трепетомъ, не съ тѣмъ, чтобъ Богу сдѣлать какое-либо одолженіе, но съ тѣмъ, чтобъ самимъ отъ Него получить сію самую милость и благодать—быть рабами Его и служить Ему истинно.

И другимъ способомъ невозможно намъ спастися. Богатымъ прежде всего надлежитъ по заповѣди отложить богатство свое, какъ тяжелую ношу, препятствующую вести истинную о Христѣ жизнь, а потомъ взять крестъ на рамена свои и послѣдовать Христу Господу. Ибо нѣтъ возможности, чтобъ понесъ кто-либо то и другое, т.-е. и богатство и крестъ. Но тѣ, которые не связаны многоиманіемъ, а довольствуются тѣмъ однимъ, что необходимо для поддержанія жизни, нерѣдко же и въ этомъ терпятъ недостатокъ,—никакого не встрѣчаютъ препятствія, когда восхотятъ шествовать путемъ тѣснымъ и прискорбнымъ: имъ нужно только приложить доброе произволеніе, чтобъ тѣсное шествіе ихъ было богоугоднымъ шествіемъ, и продолжать его съ терпѣніемъ и благодареніемъ, — и праведный Богъ введетъ ихъ въ царство Свое вѣчное и утѣшитъ всеблаженнымъ въ ономъ покоемъ.

Но если кто раздастъ все имѣніе свое бѣднымъ, а потомъ не станетъ бороться благодушно со всякаго рода искушеніями и скорбями, которыя за тѣмъ послѣдуютъ, и не будетъ переносить всего не только безропотно, но и съ благодареніемъ, — тотъ, не уразумѣвъ спасительности сдѣланнаго имъ шага, малодушѣмъ своимъ самъ губить плодъ дѣла своего. Вѣдать намъ надлежитъ, что какъ желѣзо, крѣпко заржавѣвшее, не можетъ быть отчищено и приведено въ надлежащій свой видъ, если не вложишь его въ огонь и не обколотишь хорошенько молотами: такъ и душа, запятнавшаяся скверною грѣховною, не можетъ инымъ образомъ очиститься и воспріять прежнее свое благообразіе, если не подвержена будетъ многимъ искушеніямъ и не внидетъ въ пещь скорбей. Посему-то и Господь нашъ Іисусъ Христосъ послѣ того какъ сказать: *продаждь имѣніе свое и даждь нищимъ*, прибавилъ: *и ходи въ слѣдъ Ме-*

не, возмъ крестъ (Мр. 10, 21). Подъ крестомъ, который повелѣвается взять, разумѣются здѣсь скорби, кои надлежитъ принимать благодушно и претерпѣвать съ благодареніемъ. Итакъ, никакой не получать пользы отъ раздаянія имѣнія своего тѣ, которые, раздавъ его бѣднымъ, не претерпятъ потомъ до конца искушеній, скорбей и печалей Бога ради. И Христосъ Господь не сказалъ: въ раздаяніи имѣній вашихъ *стяжите души ваши, а—въ терпѣніи вашемъ* (Лк. 21, 19). Что раздать имѣніе свое бѣднымъ есть дѣло доброе и спасительное, это не требуетъ доказательства; но одно это доброе дѣло не можетъ сдѣлать человѣка совершеннымъ по Богу, безъ претерпѣнія искушеній. Что такъ есть воистину и что такъ Богу угодно, послушай, что говорить Христосъ,—кромѣ словъ Его къ богатому, приведенныхъ выше: *продаждь и раздаждь,—и ходи въ слѣдъ Мене, возмъ крестъ*, гдѣ подъ крестомъ, какъ мы сказали, указываетъ Онъ на искушенія и скорби. *Царствіе небесное*, говоритъ Онъ, *нудится и нуждники восхищаютъ е* (Мѡ. 11, 12), и ни одному вѣрному нельзя войти въ него другимъ способомъ, какъ тѣсными вратами искушеній и скорбей. *Видите*, говоритъ, *узкими враты* (Мѡ. 7, 13); что св. Апостолы истолковали такъ: *яко многими скорбми подобаетъ намъ вникти въ царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22). Дающій отъ имѣній своихъ бѣднымъ, а скорбей не претерпѣвающій, надѣясь получить за то награду, великую испытываетъ радость и довольство, и отъ этого можетъ случиться, что иногда впадетъ онъ въ тщеславіе и тѣмъ погубить мзду свою. А тотъ, кто раздавая имѣніе свое бѣднымъ, съ благодарностію претерпѣваетъ все скорбное и безропотно переноситъ всякія искушенія, которыя его преслѣдуютъ, который чувствуетъ всю горечь и тяготу прискорбностей, и однакожь хранить свой помыслъ твердымъ и непоколебимымъ,

таковой и здѣсь въ настоящей жизни, и тамъ въ жизни будущей великое получить воздаяніе, такъ какъ онъ подражаетъ страстямъ Христовымъ, и терпя терпитъ Господа въ дни скорбей и искушеній, его тѣснящихъ.

Сего ради умоляю васъ о Христѣ, братія мои, восподвизаемся, по слову Господа нашего Иисуса Христа, внити въ царствіе небесное узкими вратами, т.-е. отрѣченіемъ плотскаго мудрованія и своей воли. Если не умертвимся плоти, ея похотямъ и желаніямъ, то не можемъ обрѣсти покоя и свободы отъ злыхъ дѣлъ, которая водворяется въ насъ благодатию Всесвятаго Духа при усиленной съ нашей стороны борьбѣ со страстями и похотями, къ успѣшному веденію которой много способствуетъ раздаяніе имѣній. Когда раздаешь ты, брате, имѣніе и деньги свои на бѣдныхъ, дѣлаешь доброе и богоугодное дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ избавляешься отъ томительныхъ заботъ и попеченій объ этихъ тлѣнныхъ вещахъ, и умъ твой успокоивается отъ неизбѣжныхъ по поводу ихъ развлеченій. Хвалю тебя за такое доброе дѣйствование, что раздаешь привременное и тлѣнное добро свое, чтобъ получить вѣчное и нетлѣнное. Но надобно еще отбросить и всякое мудрованіе плотское, какъ разбрасываешь ты достояніе свое, и облецишь въ свѣтлое одѣяніе благодати Святаго Духа. А этому нельзя быть иначе, какъ всегдашнимъ исполненіемъ заповѣдей Христовыхъ и перенесеніемъ скорбей. Когда душа находится подъ тяжестью скорбей и утѣсняема бываетъ искушеніями, то подвигается на слезы, а слезы очищаютъ душу и дѣлаютъ ее жилищемъ Всесвятаго Духа. Почему я и твержу, что недостаточно для спасенія только раздать имѣніе свое; надобно еще, какъ разбрасываешь деньги свои, отбросить и всякое мудрованіе плотское и душу свою одѣять благодатию Святаго Духа; коротко выражаясь, надобно всего себя при-

нести въ жертву Богу и душою и тѣломъ: тѣло свое надо упражнять тѣлеснымъ дѣланіемъ въ подвигахъ добродѣтели, пріобучая себя ко всякимъ прискорбностямъ ради Бога, чтобъ благодушно претерпѣвать горькость поста, тяготу бдѣнія, суровость воздержанія и всякое другое тѣлесное злостраданіе; а душу обучать страху Божию благоговѣйствомъ въ духѣ, заставляя ее мудрствовать, что подобаетъ мудрствовать, и всегда помышлять о томъ, что относится къ вѣчной жизни, быть тихою, смиренною, кроткою, сокрушенною и умиленною, да плачетъ и слезы проливаетъ день и ночь, испрашивая себѣ молитвою свѣтъ и благодать Святаго Духа, обыкновенно приходящую въ душу чрезъ посредство теплаго покаянія, послѣ того какъ очистится она многими слезами, безъ которыхъ невозможно ни одѣянію души убѣлится, ни взойти ей на высоту созерцанія. Ибо какъ обыкновенную одежду, когда она запятнается и испачкается, нельзя убѣлить иначе какъ полосканіемъ въ водѣ и треніемъ руками и ногами; такъ и одѣянія души, когда она запятнается и оскверняется грѣхами, нельзя иначе очистить, какъ многими слезами и терпѣніемъ искушеній и скорбей.

Итакъ тѣ, которые осквернили души свои беззаконными дѣлами грѣховными и страстными движеніями сердца, и которые напечатлѣли въ себѣ образы и подобія безсловесныхъ похотей, да понудятся многими слезами очистить себя и убѣлить одѣяніе души своей; потому что другимъ способомъ невозможно никому увидѣть свѣтъ, или Бога, просвѣщающаго сердце каждого человѣка, грядущаго къ Нему путемъ покаянія. Только чистые сердцемъ зрятъ Бога, по слову Господа нашего. Почему умоляю васъ, братіе мои и чада, подвигнемся на трудъ содержать сердце свое чистымъ посредствомъ добронравія и благихъ расположеній, посредствомъ хра-

ненія совѣсти и всегдашняго исповѣданія сокровенныхъ помысловъ сердца. Если будемъ исповѣдывать ихъ часто, а лучше если каждый день, съ сокрушеніемъ и болѣзнованіемъ сердечнымъ, припоминая все и осуждая себя за все, дѣломъ ли сдѣлали что худое, или умомъ помыслили недоброе, или слово сказали нехорошее, то чрезъ это стяжемъ покаянное и сокрушенное сердце; покаянное же такое сердце извлечетъ слезы изъ глубины души; а слезы очистятъ душу и изгладятъ всѣ ея прегрѣшенія. Когда же изгладятся всѣ грѣхи слезами, тогда придетъ въ душу вседѣйствіе Святаго Духа, и еще паче начнетъ напаять ее сладостію слезъ умиленія, коими будетъ она мысленно питаться, крѣпнуть болѣе и болѣе, и умножать плоды Духа, обильно принося ихъ въ должное время и заготовляя въ нихъ пищу себѣ на вѣчную и нескончаемую жизнь. Когда, добръ подвижаясь, достигнетъ она въ такую мѣру, тогда наконецъ содружается съ Богомъ и дѣлается жилищемъ Пресвятыя Троицы, чисто зрѣть Творца своего и Бога, бесѣдуетъ съ Нимъ непрерывно и нѣкоторымъ образомъ выходить изъ тѣла своего и изъ міра сего, и восходитъ на небеса небесъ, воспаряя туда на крыльяхъ любви Божіей и упокоеваясь тамъ отъ подвиговъ своихъ въ божественномъ нѣкоемъ и безпредѣльномъ свѣтѣ, въ сорадованіи ей всѣхъ праведниковъ и сликованіи св. апостоловъ Христовыхъ, мучениковъ и преподобныхъ и всѣхъ небесныхъ Силъ безплотныхъ.

Къ такому-то состоянію да устремимся и мы, братія мои, силою Христа Господа, чтобъ не остаться позади отцевъ своихъ, но чтобъ достигнуть въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова, подвижаясь во всѣхъ добрыхъ дѣланіяхъ и въ исполненіи всѣхъ заповѣдей Христовыхъ. Никакого вѣтъ къ тому непреодолимаго препятствія, если только захочемъ и за дѣло воз-

мемся какъ слѣдуетъ. Если устроимся такъ, какъ показано, прославимъ въ себѣ Бога, и Богъ порадуется о насъ; и когда переселимся изъ жизни сей, Онъ милостиво приметъ насъ и вселитъ въ нѣдрахъ Авраама, гдѣ упокоить и усладить сладостями царства небеснаго, какое улучшить буди всѣмъ намъ благодатию и человѣколюбіемъ Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

1. Прежде надлежитъ намъ получить благодать Христову, и тогда уже проходить можемъ жизнь по Богу.

2. Какимъ образомъ сподобляются сей благодати?

3. Кто во грѣхѣхъ и кто во благодати?

4. Всякій грѣхъ отъ діавола, а добро отъ Христа.

5. Что есть глава добродѣтелей и что ноги ихъ?

1. Говоритъ Пророкъ Давидъ: *кто есть человекъ, иже поживетъ и не узритъ смерти, избавитъ душу свою изъ руки адовы* (Пс. 88, 49)? То-есть, кто поживши въ этомъ мірѣ не умретъ? И кто умерши избавитъ душу свою отъ ада? — Никто. Если же это совершенно невозможно ни для одного человѣка, и возможно только для одного Христа,—для чего и пришелъ Онъ на землю и содѣлался человѣкомъ; то всякому надлежитъ ни о чемъ другомъ подвизаться, какъ о томъ одномъ, чтобъ понудить Христа Господа, желающаго всѣхъ людей избавить отъ ада, да избавитъ и его, нудящаго Его на сіе. Чтобъ былъ понуждаемъ отъ насъ на сіе Царь вселенскихъ Христосъ, сего желаетъ самъ Онъ, не для Его собственно какой-либо цѣли, а для насъ же. Ибо кто спѣшитъ понудить Христа Господа избавить его, тотъ, очевидно, восчувствовалъ крайность своего положенія, увидѣлъ причины его и возненавидѣлъ ихъ,—и къ единому Господу-Избавителю обращается всѣмъ сердцемъ,

Сего-то ради восчувствованія крайности, необходимо всегда предшествующаго понужденію Избавителя къ избавленію, и желаетъ Онъ, чтобъ мы понуждали Его. Дѣло избавленія есть дѣло первой для насъ важности, а мы того не знаемъ, не держимъ въ мысли и не чувствуемъ. Вотъ Онъ и хочетъ быть понуждаемымъ отъ насъ, и какъ бы насиліе какое терпѣть, чтобъ расположить насъ приходитъ напередъ въ чувство бѣды своей, того великаго зла, какое терпимъ мы отъ грѣха, и той тирании и рабства, въ какихъ изъ-за него находимся мы, и чтобъ, когда освободимся отъ всего сего, великое изъ-являли благодареніе Богу, благоволившему избавить насъ и оказать намъ такое благодѣяніе, котораго никто другой сдѣлать не можетъ.

Для сего (понужденія Господа) потребны молитвы, посты, милостыни, сокрушеніе сердца и всякое другое зло-страданіе. По какой причинѣ? Неужели Богъ не можетъ избавить насъ объ грѣха даромъ, безъ нашего къ тому сотрудничества? Нѣтъ,—не потому. Но поелику это *даромъ* дѣлается для всѣхъ христіанъ, когда они бываютъ крещаемы, а мы тогда не знали сей великой благодати Божіей, потому что были младенцами, а потомъ не познали по причинѣ юношескихъ стремленій, не познавши же и не восчувствовавши того, плотскимъ предались влеченіямъ, впади въ грѣхи и потеряли ту первую благодать; то теперь необходимъ собственный нашъ трудъ, въ противовѣсъ самоохотнымъ грѣхамъ по благодати крещенія, чтобъ избавиться отъ грѣховъ и опять воспріять благодать Божію, нами потерянную. Итакъ, какой христіанинъ желаетъ теперь облещись благодатною силою о Христѣ Іисусѣ для избавленія отъ грѣха и исполненія всякой воли Божіей, да покается и, понесши труды покаянія въ постѣ, молитвахъ и другихъ подвигахъ, да приступитъ съ вѣрою къ строителямъ благо-

дати Христовой, которые чрезъ возложеніе рукъ (разрѣшительное отъ грѣховъ дѣйствіе въ таинствѣ покаянія) разрѣшаютъ его отъ всѣхъ грѣховъ его и дадутъ ему опять воспріять силу Божію на всякое добро, укрѣпившись которою онъ возможетъ далѣе жить, какъ подобаетъ жить христіанину, и живя такъ знать и исповѣдать, что *благодатию Божіею есть еже есть* (1 Кор. 15, 10), чтобъ и паче опять не лишиться сей благодати и не остаться нагимъ и безпомощнымъ. Ибо благодать Божія удаляется отъ христіанина не по причинѣ только грѣха, но и по причинѣ непризнанія ея, когда не признаетъ кто, что отъ ней имѣетъ все, что ни имѣетъ. Это показываетъ и слово Апостола, который говорить, что *Богъ всѣмъ хочетъ спастися и въ разумъ истины прийти* (1 Тим. 2, 4), т. е. познать добръ истину, потому что истина есть не другое что, какъ благодать Христова, для дарованія намъ ксей и пришелъ Христосъ, распялся и умеръ.

2. Будучи Богъ, и Господь, и Властитель всѣхъ тварей, Имъ созданныхъ, не имѣлъ Онъ однако власти даровать людямъ такую благодать, потому что и праведенъ есть: *праведенъ Господь и правды возлюбилъ* (Пс. 10, 7). Ибо несправедливо было, чтобы тотъ, кто по своему собственному желанію, безъ всякаго насилія, а по одному уваженію лжи діаволовой, самовластно осквернилъ себя грѣхомъ и чрезъ то потерялъ благодать Божію и обнажился отъ оной,—несправедливо было, чтобъ такой опять облеченъ былъ сею благодатию, не понесши напередъ великаго какого-либо наказанія. Но гдѣ же было ему понести соразмѣрное преступленію наказаніе? И се Самъ Богъ, содѣлавшись человѣкомъ, принесъ Себя въ жертву умилоствленія, чтобъ имѣть власть опять даровать человѣку такую благодать. Почему Христосъ по воскресеніи и сказалъ Апостоламъ: *дадеся Ми всяка*

власть на небеси и на земли. Шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ (Мѳ. 28, 18—20). Посему же и имя Его нарицается у пророка Исаи—*Властелинъ* (9, 6), не яко Богъ, но яко Богъ и человѣкъ. Ибо яко Богу, какъ можно было Ему не быть властелиномъ всѣхъ тварей, Имъ созданныхъ? Но поелику Онъ яко человѣкъ принесъ Себя въ жертву и Своею волею далъ Себя во искупленіе рода человѣческаго, то и пріять власть за такое великое дѣло, Имъ сдѣланное во искупленіе человѣка пречистою Своею кровію. Если Богочеловѣкъ Иисусъ предалъ Себя во искупленіе грѣха, то очевидно, что не было другаго большаго дара, чтобы дать ему, какъ отпущеніе грѣха Адамова. Вслѣдствіе сего, какъ тогда Адамъ, падши, совлекая умной благодати Божіей, каковую имѣлъ въ себѣ, такъ теперь, кто крещается, опять облекается въ оную благодать, какъ говоритъ Апостолъ: *елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3, 27).

Объяснивъ это, обращаюсь опять къ прерванной рѣчи о томъ, что надобно понуждать Господа, чтобы даровалъ намъ что нужно, и искать того у Него. Съ этимъ, мысленно и невидимо бывающимъ въ душѣ, схоже то, что бываетъ съ человѣкомъ видимо и чувственно. Человѣкъ рождается нагимъ младенцемъ, маленькимъ ребеночкомъ, ни въ чемъ не могущимъ помочь себѣ, и пока онъ отдоевается, мать сама исправляетъ все потребное для него; когда же начнетъ онъ приходить въ разумъ, тогда ему показываютъ и научаютъ его, какъ что можетъ онъ и самъ для себя дѣлать, такъ какъ онъ можетъ уже и самъ находить и брать что ему требуется; такъ и душа приходитъ на свѣтъ голою отъ всякой добродѣтели; коль же скоро пріиметь крещеніе, облекается во Христа, питается Имъ и научаема бываетъ искать того, что не

обходимо для ея спасенія, и отъ сего времени уже, если не ищетъ, Христосъ не даетъ ей ничего, а если ищетъ, получаетъ все, что ни взыщетъ. Только надлежитъ ей искать одного того, что сообразно со спасеніемъ ея. Прежде всего надлежитъ искать свѣта, или умнаго просвѣщенія, да видитъ все, какъ оно есть. Какъ только получить она такое просвѣщеніе, тутъ же увидитъ всю свою бѣдность и немощность, и смирится, а смирившись, сдѣлается тихою и кроткою безъ гнѣва, и таинственно научена будетъ отъ Христа заповѣдямъ Его, какъ говоритъ царепророкъ Давидъ: *научитъ кроткія путемъ своимъ* (Пс. 24, 9).

Таковъ законъ жизни о Христѣ Иисусѣ, и кто напередъ не облечется благодатию Христовою, а потомъ не устроится жить по Христу, тотъ тщетно трудится. Сколько бы онъ ни злострадалъ и сколько бы добра ни дѣлалъ прежде полученія благодати Божіей, тщетенъ трудъ его. Вѣдь и Евреи и другіе невѣрные народы дѣлаютъ много подобнаго; потому что нѣтъ ни одного человѣка въ мірѣ, пусть онъ невѣрный и безбожникъ, который бы не дѣлалъ какого либо добра, будучи движимъ на то естествомъ. Итакъ прежде всего надлежитъ подвизаться всякому о томъ, чтобъ получить благодать Божию, посредствомъ вѣры и надежды на Христа Господа, посредствомъ покаянія и исповѣди, молитвы и возложенія священническихъ рукъ, какъ мы сказали. Пусть взыщетъ опытнаго отца духовнаго, научится отъ него всему, касающемуся вѣры и требуемому ею, воспріиметъ полное упованіе на Бога и покается во всѣхъ грѣхахъ своихъ, подымля и достойныя дѣла покаянія, т.-е. сокрушеніе сердца и жалѣніе о грѣхахъ, слезы и воздыханія отъ всей души, постъ и всякое другое лишеніе тѣлесное, милостыню и молитву, исповѣдуетъ искренно всѣ грѣхи свои предъ Богомъ и пріиметъ разрѣшающую

молитву съ возложеніемъ рукъ сего духовнаго отца своего. Безъ всего этого не придетъ благодать Божія сама собою на того, кто потерялъ ее, предавшись грѣху по крещеніи. Бывало, что нѣкоторыхъ посѣщала благодать Божія и безъ возложенія рукъ священника, но то были исключительные случаи, не всѣмъ общіе; но что бываетъ исключительно для нѣкоторыхъ, только немногихъ, того не признаетъ общимъ для всѣхъ закономъ святая Церковь.

3. Что грѣшилъ кто или грѣшить, это конечно есть великая бѣда, но еще не окончательно крайняя. То есть крайняя бѣда, когда кто не хочетъ поподвизаться, чтобъ воспріять благодать Господа нашего Іисуса Христа; потому что это значить обречь себя на грѣхъ, а чрезъ грѣхъ и на пагубу. Ибо невозможно не быть въ грѣхѣ тому, кто не имѣетъ общенія со Христомъ Господомъ, т.-е. не имѣетъ божественной благодати. Въ томъ и праведность, чтобъ имѣть причастіе и общеніе со Христомъ Господомъ. Кто не имѣетъ общенія съ Господомъ Іисусомъ, тотъ никакъ не можетъ быть чистъ отъ грѣха; а кто имѣетъ общеніе съ Господомъ Іисусомъ, надъ тѣмъ никогда не возгосподствуетъ грѣхъ, такъ какъ христіане въ самомъ Христѣ живутъ, движутся и суть (Дѣян. 17, 28). Скажу кратко: тщетно именуется христіаниномъ тотъ, кто не имѣетъ въ себѣ благодати Христовой ощутительно, т.-е. такъ, чтобъ опытно зналъ, что имѣетъ въ себѣ таковую благодать. Кто не имѣетъ таковой благодати, это явно бываетъ изъ неблагоговѣинства и дерзости его въ отношеніи къ священному и божественному, также изъ гнѣвливости скорой, изъ мудрованія его несмиренного, изъ тщеславія и другаго подобнаго; какъ опять кто имѣетъ ее, сіе явно бываетъ изъ страха и благоговѣнія его предъ всѣмъ божественнымъ, и изъ права его кроткаго и смиренномудраго. Онъ знаетъ, что ничего добраго не можетъ

справить самъ собою, безъ благодати Христа Господа, Который содѣлался человѣкомъ, какъ и мы, чтобъ вступая въ сродство съ Нимъ и благодать Его получая, мы могли проводить такую жизнь, какою жить подобаетъ человѣку. Впрочемъ бываютъ и такіе, которые проходятъ ангельскую жизнь, пребывая еще въ мірѣ семъ съ тѣломъ, когда весь Іисусъ Христосъ соединяется съ ихъ душею и тѣломъ и едино бываетъ съ сими мужами духовными, такъ что и они могутъ говорить съ божественнымъ Павломъ: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20).

4. Всѣ люди или плотски живутъ, или духовно. Кто мудрствуетъ и дѣйствуетъ духовно, тотъ есть и именуется вѣрнымъ. Ибо еслибъ не имѣлъ онъ благодати Всесвятаго Духа, которую получилъ отъ Бога, бывъ признанъ вѣрнымъ, то не имѣлъ бы возможности мудрствовать и дѣйствовать духовно. А кто мудрствуетъ и дѣйствуетъ плотски, тотъ невѣренъ и пусть отъ благодати божественной. Ибо еслибъ не былъ онъ невѣренъ, то не былъ бы пусть и нагъ отъ благодати Христовой, и не былъ бы увлекаемъ отъ діавола дѣйствовать плотски. *Ибо творяй грѣхъ, отъ діавола есть* (1 Іоан. 3, 8). И потому тѣ, которые дѣлаютъ зло, бываютъ обладаемы діаволомъ и явные показываютъ признаки, что имѣютъ въ себѣ и съ собою главу всякаго зла. Діаволь, сей злой духъ мысленный, невидимо дѣйствуетъ на невѣрныхъ и обнаженныхъ отъ божественной благодати. Почему люди, почтенные отъ Бога самовластіемъ, не замѣчаютъ, что бываютъ покорными слугами власти діавола, и имъ будучи влекомы на грѣхъ, думаютъ, что дѣлаютъ зло самовластно и самоохотно, и такимъ образомъ служить у него посмѣшищемъ. Такое обманчивое думаніе есть одна изъ главнѣйшихъ прелестей изобрѣтателя всякаго зла діавола. Вся его злокозненность обращена

на то, чтобъ дѣйствовать властно внутри грѣшащихъ, а они чтобъ думали, что дѣлають грѣхъ по собственному произволенію, а не по внушенію и влеченію отъ діавола. И успѣваетъ въ этомъ до того, что тѣ самые, которые имъ насилуются, слыша о томъ, говорятъ: но что же случилось съ самовластіемъ и свободою человѣка, — потеряны? Да, потеряны, однакоже не всецѣло; въ насъ еще осталось власти познавать, въ какомъ бѣдственномъ находимся мы состояніи, желать избавиться отъ него, и искать Избавителя: подобно тому какъ больной, который лежитъ на одрѣ, знаетъ, что лежитъ въ болѣзни, и желаетъ подняться отъ нея, и хоть не можетъ сего сдѣлать самъ собою, но имѣетъ свободу искать врача, чтобъ уврачевалъ его. Такъ бываетъ и съ грѣшниками; почему Господь говоритъ: *всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха. Рабъ же не пребываетъ въ дому во вѣкъ: Сынъ пребываетъ во вѣкъ. Аще убо Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете* (Іоан. 8, 35. 36). Поелику такимъ образомъ осталось въ насъ самовластія настолько, чтобъ разыскать врача, прибѣгнемъ же ко Христу, да избавитъ Онъ насъ отъ тиранства діавола. А того, будто, когда дѣлаемъ мы зло, вѣтъ въ насъ діавола, и не думай никто и не говори. По мѣрѣ зла, какое кто дѣлаетъ, имѣетъ онъ и бѣса, или малаго, или великаго, или многихъ. Какъ напротивъ духовный человѣкъ, по мѣрѣ добродѣтели своей, имѣетъ и благодать Божію, или великую, или малую, или преисполненъ есть безмѣрно благодатію Христовою. Святому писанію обычно разныя дарованія мужей добродѣтельныхъ называть духами.

5. Всѣ добродѣтели хороши, но надобно, чтобъ онѣ имѣли и голову и ноги, подобно тѣлу; и какъ тѣлу нельзя быть безъ головы и ногъ, такъ и имъ. Ноги добродѣтели — смиренномудріе; а глава — любовь. И всякая добродѣтель, которая бываетъ безъ смиренія и любви,

бездельна есть и тщетна. Совокупность добродѣтелей можно еще уподобить колоннѣ, которой основаніемъ служить смиренномудріе, и верхомъ (капителію) любовь, которая есть престолъ Божій. Подъ любовію находятся благоутробіе, состраданіе, милостивость, щедродательность, незлобіе, великодушіе, благотворительность и человеколюбіе, которыя вмѣстѣ съ нею человека дѣлаютъ богомъ по благодати. Окрестъ же смиренномудрія стоятъ послушаніе, терпѣніе, признаніе человеческой немощи, благодареніе Богу за все, все почитая благодареніемъ, коимъ Онъ благодѣтельствуетъ намъ, т. е. и десное и шее, славу и безчестіе, здоровье и болѣзнь, богатство и бѣдность, и прочее. Тамъ же, гдѣ есть благодареніе, есть и зрѣніе Бога, а кто зрѣтъ красоту Божию, какъ возможно, чтобъ онъ не возлюбилъ самого Бога, всякую красоту и доброту превосходящаго, источникъ всякой доброты? Кто же любитъ Бога, тотъ строго исполняетъ заповѣди Его, изъ коихъ первую, послѣ любви къ Богу, стоитъ, да любимъ другъ друга, и та первая не бываетъ безъ сей второй, какъ говоритъ Писаніе: *не любяй брата, егоже видѣтъ, Бога, егоже не видѣтъ, како можетъ любить* (1 Іоан. 4, 20)? Такимъ образомъ и смиренномудріе востекаетъ къ любви и блюдетъ ее, и любовь содержитъ смиренномудріе и утверждаетъ его.

Смиренномудріе, какъ я сказалъ, есть какъ-бы ноги, которыя носятъ и голову и все тѣло; а любовь есть какъ-бы престолъ херувимскій, носящій Бога, возсѣдающаго на немъ: ибо на ней почиваетъ Богъ; сама же она въ свою очередь носима бываетъ смиренномудріемъ, какъ ногами, вмѣстѣ со всѣмъ тѣломъ добродѣтелей. А произвольная нищета, постъ, обузданіе гнѣва и языка и всякой другой безсловесной похоти состоятъ подъ игомъ правды, которую долженъ строго соблюдать всякій благочестивый человекъ, чтобъ не быть неправед-

нымъ, и не только другихъ не оненравдывать, но и себя самого. Ибо неправедно стяжевать излишнее паче вещей, необходимыхъ для жизни; и изъ этихъ необходимыхъ вещей стяжевать многоцѣнные, тогда какъ можно обойтись малоцѣнными, тоже несправедливо; равно и то, чтобъ давать чреву своему болѣе опредѣленной пищи, есть неправда; предаваться гнѣву есть безсмысліе; разговаривать съ необуздываемою дерзостію есть неразуміе; неудержимо бросаться къ похотямъ мірскимъ есть безсловесіе. Но опять и то надобно помнить, что не то есть добродѣтель, чтобъ только не дѣлать зла, хотя тотъ, кто не дѣлаетъ его, будетъ менѣе *біенъ*, сравнительно съ тѣмъ, кто дѣлаетъ. Кто дѣлаетъ зло, *біенъ будетъ много*; и тотъ, кто не дѣлаетъ его, тоже будетъ біенъ за то, что не дѣлалъ добра, но меньше. Напротивъ тотъ, кто дѣлаетъ добро, будетъ осыпанъ милостями, не въ мѣру своего добродѣланія, потому что исполнялъ только должное, но въ безмѣріе благоутробія и благодати Божіей. Ибо въ законоположеніяхъ Христа Господа есть одно: *рабъ въдѣвый волю господина своего, и ни уготовавъ, ни сотворивъ по воли его, біенъ будетъ много* (Лук. 12, 47); и другое: *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко еже должны бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. 17, 10). Воспримемъ же, братія мои, трудъ и подвигъ, чтобы со всѣмъ тщаніемъ совершенно отсѣкать отъ себя всякое зло и исполнять всѣ заповѣди Христовы, да сподобимся непрестающихъ утѣшеній въ царствіи небесномъ. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Тремъ страстямъ бывають порабощаемы люди: сребролюбію, славолюбію и сластолюбію.

Всякій человѣкъ, раждающійся въ міръ сей, тремъ бываетъ рабъ страстямъ: сребролюбію, славолюбію и

сластолюбію. Это потому, что онъ не знаетъ или забывается, что міръ сей есть мѣсто осужденія и праведнаго, но снисходительнаго наказанія за первое преступленіе прародителя нашего Адама, и что одна смерть есть упокоеніе отъ мучительныхъ тягостей міра. Почему, не видя впереди смерти и думая, что только и жизни есть, что настоящая, онъ съ самаго начала сей жизни начинаетъ собирать деньги и вещи, чтобъ жить безъ бѣдности и печали; успѣвая же умножить современемъ свое имущество, хочетъ быть почитаемъ и славимъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ еще только приходитъ въ возрастъ, взыскиваетъ наслажденія удовольствіями, но какъ чувственный, взыскиваетъ чувственнаго, какъ видимый — видимаго, какъ временный — привременнаго. Ибо ограничивающійся видимымъ не станетъ воззрѣвать въ невидимое; какъ наоборотъ живущій въ невидимомъ не подумаетъ воззрѣть на видимое. Но всякій раждающійся въ міръ сей видимый, если не будетъ наученъ другимъ кѣмъ, не знаетъ, что есть еще, кромѣ видимаго, и невидимое; и не только этого невидимаго не знаетъ, но не знаетъ видимаго, не знаетъ, что и самъ онъ преходящъ и привремененъ, и созданъ не для того, чтобъ навсегда пребывать въ этой жизни, а предназначенъ для другой, будущей и вѣчной жизни, въ семъ же мірѣ находится для того только, чтобъ воспитаться, предустроиться и приготовить для той жизни — будущей.

Знать намъ надлежитъ, что, если случится кому быть плѣнену этими тремя страстями, то послѣ, хоть бы и захотѣлъ, не можетъ освободиться отъ нихъ самъ собою, но имѣетъ нужду въ высшей помощи и силѣ, чтобъ избавиться отъ нихъ: подобно тому, какъ птица, попавшись въ крѣпкія сѣти, не можетъ высвободиться изъ нихъ, сколько ни бейся она крыльями своими. Эти

три страсти точно суть сѣти и тенета діавола, запутываясь въ которыя попадаетъ человѣкъ во власть его; и если кто умретъ, будучи порабощенъ имъ, то пойдетъ прямо туда, гдѣ и діаволь, поработившій его себѣ чрезъ нихъ. *Имже бо кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть* (2 Петр. 2, 19). Такую великую силу надъ нами имѣютъ сіи страсти и потому, что предметы ихъ мы всегда видимъ предъ глазами своими, и потому, что они кажутся крайне необходимыми въ мірѣ семъ, и потому, что улаждаютъ и сластію сею влекутъ къ себѣ желанія человѣка и, возбуждая въ немъ похоти, побѣждаютъ собою, а потомъ убѣждаютъ сего, побѣжденного ими, думать, что за тѣмъ только и родился онъ въ міръ сей, чтобы наслаждаться ими одними.

Случается, что иной съ самаго начала жизни не бываетъ увлеченъ этими тремя страстями; впрочемъ до конца жизни не можетъ и онъ сохранить себя непобѣжденнымъ ими, но мало-по-малу современемъ побѣждается и онъ, если не поспѣшитъ занять сердца своего ничѣмъ высшимъ и сладостнѣйшимъ. У христіанъ сіе достигается тѣмъ, что они заранѣе облакаются во всеоружіе Божіе, сильное, разнообразное и многопримѣнительное, которое есть самъ Христосъ, отъ полноты Коего пріемлютъ они умную нѣкую силу, и причащаются такимъ образомъ отъ Него животворящимъ душу причащеніемъ. Ибо, которые во Христа крестятся, во Христа облакаются, и начинаютъ жить силою Его. Кто хранитъ сію благодать, тотъ силенъ бываетъ пребыть непорабощеннымъ отъ тѣхъ трехъ страстей: ибо для него явны другія истинныя блага, для которыхъ онъ родился въ міръ сей; и не только явны, но онъ и вкушаетъ ихъ, и улаждается ими съ такою сладстію, какой не доставляютъ и не могутъ доставлять блага міра сего.

Если случится кому изъ христіанъ увлечься сими

страстями и поработиться имъ, тому надлежитъ опять прибѣгнуть ко Христу Господу и умолять Его; надлежитъ представить и ходатаевъ за себя, ища не того одного, чтобъ прощены были ему грѣхи сіи, но паче того, чтобъ избавиться отъ рабства симъ страстямъ, такъ какъ самъ собою онъ, хотя бы и хотѣлъ, освободиться отъ нихъ не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ освободится онъ отъ сихъ страстей, дано ему будетъ удостовѣреніе, что и грѣхи его всѣ, изъ-за нихъ совершенные, прощены ему; и силу воспріиметь онъ, чтобъ не падать болѣе въ подобные грѣхи. Такова сила вѣры нашей, таковъ законъ жизни о Христѣ Иисусѣ! И это такъ неопредѣленно, что Карфагенскій соборъ въ 125 правилѣ своемъ постановилъ: „аще кто речетъ, яко благодать Божія, которою оправдываются во Иисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ, дѣйствительна къ единому токмо отпущенію грѣховъ уже содѣянныхъ, а не подаетъ сверхъ того помощи, да не содѣваются иные грѣхи, таковой да будетъ анаѣма.“

Что же это за рабство и что за тираннія сихъ трехъ страстей? Это сила нѣкая діавольская, скрытная, незамѣтно дѣйствующая, которая приводитъ душу въ такое состояніе, что она страдаетъ сими тремя страстями, а между тѣмъ думаетъ, что онѣ хороши, покоятъ ее и радуютъ, и избавляютъ отъ скорби и печали. Сама она недовольна къ тому, чтобы понять скрытый здѣсь обманъ діавольскій, если не будетъ просвѣщена свыше отъ Бога. Съ нею тоже бываетъ, что съ иною беременною женщиною, которой захочется поѣсть какой-либо смрадной и отвратительной пищи, которую она одна находитъ вкусною и пріятною. Ибо діавольскій всячески ухищряется, чтобъ не было признано, что это онъ все дѣлаетъ скрытно и посредствомъ сихъ трехъ обольщаетъ

и обманываетъ человѣка, заразившагося ими, не знающаго однакожь таинства христіанства.

Таинство же христіанства есть сіе, что мысленная сила Божества Христова, или божественная благодать входитъ внутрь крещаемыхъ душъ, вѣры ради, а не за добрыя дѣла, и производитъ въ нихъ такое измѣненіе, что они не имѣютъ уже болѣе любви ни къ богатству, ни къ славѣ, ни къ удовольствіямъ, показывая имъ, что если любили они ихъ прежде, то не сами отъ себя, а по обольщенію и дѣйствію діавола. Въ тѣ же души, которыя бывають порабощены симъ страстямъ послѣ крещенія, невозможно войти опять такой благодати Божіей иначе, какъ посредствомъ истиннаго покаянія, чистосердечной исповѣди, многихъ слезъ и воздыханій изъ глубины души. Все сіе опять возвращаетъ благодать Божію въ души, изъ коихъ она удалилась было, какъ говоритъ и святой Григорій Нисскій: „уканувшая слеза равносильна купѣли и болѣзненное воздыханіе возвращаетъ *) благодать удалившуюся на время.“ Тогда злые и нечистые бѣсы, производящіе въ душахъ эту бессмысленную и безсловесную любовь къ тѣмъ тремъ страстямъ, втягивающіе въ нее и въ ней держащіе, не могли стерпѣть мысленной благодати Всесвятаго Духа, опять подаемой душамъ чрезъ таинство покаянія, убѣгаютъ, и христіанинъ дѣломъ познаетъ свободу, какую даруетъ Христосъ Господь прибѣгающимъ къ Нему и ищущимъ у Него помощи, и неперестаетъ уже благодарить Спасителя своего, благоволившаго и на немъ исполнить обѣтованіе Свое: *аще Сынъ вы свободитъ, во истину свободни будете* (Іоан. 8, 36). Получивъ же такую свободу Христову и причастившись божественныхъ таинъ тѣла и крови Его, бываетъ онъ потомъ едино съ

*) Греч. опять втягиваетъ внутрь, какъ дышущій---воздухъ.

Господомъ; и освятившись такимъ образомъ, если имѣть деньги, имѣть ихъ, какъ бы не имѣлъ, потому что начнетъ почитать ихъ тѣмъ, что онѣ есть, т.-е. прахомъ земнымъ, и если имѣть славу, то и ее имѣть, какъ бы не имѣлъ. и если имѣть жену, имѣть ее, какъ бы не имѣлъ, какъ внушаетъ Апостоль: *да имущіи жены якоже не имущіи будутъ... и требующіи міра сего, яко не требующе* (1 Кор. 7, 29. 30). И еще: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Иисуса Христа, имже мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. 6, 14). Сказавъ: *имже мнѣ міръ распяся*, Апостоль показываетъ, что, еслибъ не пришелъ Господь, не сдѣлался человѣкомъ и не принесъ Себя въ жертву за насъ, и еслибъ не благоволилъ Онъ такъ устроить, чтобъ всякій вѣрующій въ Него, преисполняясь освященія чрезъ пріятіе благодати Его, освобождался отъ узъ міра; то никто никогда и не освобождался бы отъ нихъ, т.-е. не освобождался бы отъ тѣхъ трехъ страстей, — ибо онѣ суть узы міра, — и всѣ бы погибали, ибо другаго пути ко спасенію нѣтъ и быть не можетъ.

Кто не испыталъ того, что мы сказали, не знаетъ того и не хочетъ познать, тотъ все почитаетъ себя вѣрующимъ во Христа, все носить имя христіанина. *Христосъ ничтоже не пользуется* его (Гал. 5, 2). Ибо въ такомъ случаѣ онъ еще хуже грѣшитъ и большую надъ собою власть даетъ діаволу, чтобъ одолѣвалъ его. Тщетенъ постъ его, потому что и при немъ поднимаются противъ него страсти грѣховныя и паче подавляютъ его. И когда поетъ онъ, или молитву дѣлетъ, діаволь съ большею дерзостію и насиліемъ поемлетъ умъ его отъ предстоянія Богу, такъ какъ онъ обычно предстоить Богу безъ должнаго вниманія, безъ страха и благоговѣнства, — и заставляетъ его помышлять о вещахъ пустыхъ, а нерѣдко и срамныхъ, и имъ болѣе

внимать, нежели молитвамъ, произносимымъ устами его. Опять если милостыню творить онъ, пропадаетъ она даромъ. Кто подаетъ милостыню, а между тѣмъ не видитъ, чтобъ душа его была разрѣшена, имѣла покой и свободу отъ узъ сребролюбія, славолубія и сластолюбія, у того очевидно милостыня бесплодна, и попусту тратить онъ то, что раздаетъ. Кто настоящимъ образомъ подаетъ милостыню, тотъ за нее получаетъ отъ Бога великую милость, которая есть здравіе души; здравіе же души что другое есть, какъ не свобода и покой отъ тѣхъ трехъ язвъ?

И царствіе небесное изъ душъ, отходящихъ изъ сей жизни и переходящихъ туда, тѣ только принимаютъ, которыя оказываются здоровыми. Врачебница для разслабленнаго и болѣзненнаго естества нашего устроена здѣсь на землѣ, и корни (врачебные) царства небеснаго находятся здѣсь же на землѣ. Но и врачебница, и врачъ и врачество—все Христосъ Господь. Почему, если здѣсь еще въ настоящей жизни не увидитъ въ душу Христосъ и не водарится въ ней, то не оздравѣетъ она, и нѣтъ ей надежды спасенія, заключенъ для ней входъ въ царство небесное, Надлежитъ человѣку здѣсь на землѣ родиться свыше отъ божественной благодати, и тогда возможетъ онъ увидѣть царствіе Божіе. Кто не видитъ въ себѣ царствія небеснаго, т.-е. не видитъ, что въ немъ царствуетъ Богъ, тотъ не родился еще свыше отъ божественной благодати, и надлежитъ ему всячески възыскать того, чтобъ родиться свыше, да узритъ царствіе Божіе еще здѣсь на землѣ.

Смотри еще, какое различное бываетъ проявленіе владычества этихъ трехъ тиранническихъ страстей: сребролюбія, славолубія и сластолюбія. Ибо иной между людьми бываетъ сребролюбивъ, иной славолубивъ, а иной сластолюбивъ, и никого нельзя найти, кто бы одинъ

имѣлъ всѣ эти страсти въ превосходной степени, но обыкновенно всякій обладаемъ бываетъ преимущественно одною изъ нихъ, имѣя въ тоже время по частичкѣ и отъ другихъ двухъ. Но это не мѣшаетъ однакожь ему, угождая одной своей страсти, приносить ей въ жертву другія. Такъ сребролюбецъ, ради умноженія стяжанія, презираетъ и славу и удовольствія: славу презираетъ, когда, ни во что ставя стыдъ и срамъ, не колеблется извлекать выгоду изъ того, что срамно и всѣми презираемо, и притомъ самымъ безстыднымъ образомъ; удовольствія презираетъ, чтобъ не иждивать на нихъ денегъ, надъ коими трясется. Славолюбецъ для славы презираетъ и деньги и удовольствія: деньги расточаетъ безъ разбору, только чтобъ его славили и хвалили; и въ удовольствіяхъ опять себѣ отказываетъ, чтобъ не посрамиться и не подпасть осужденію и безчестію. Сластолюбецъ для удовольствія презираетъ и деньги и славу: деньги блудно расточаетъ на утѣхи и удовольствія сладострастія; славу и честь охотно попираетъ, лишь бы удовлетворить срамной похоти и вкусить сей сласти низкой, какими бы безчестными дѣлами сіе ни достигалось.

Замѣть притомъ, что ни одинъ изъ этихъ трехъ не хочетъ отворотиться отъ обладающей имъ страсти, покаяться и исправиться, страхомъ ли вѣчныхъ мукъ станешь вразумлять его, или представлять ему утѣшеніе царства небеснаго: онъ и надъ адомъ смѣется, и царство небесное презираетъ.

И что еще бываетъ? Сребролюбецъ пересмѣиваетъ славолюбца и сластолюбца: славолюбца за то, что не берется извлекать выгоду изъ вещей низкихъ и безчестныхъ; сластолюбца за то, что на пустыя и мимолетныя сласти расточаетъ имѣніе свое и богатство. Славолюбецъ пересмѣиваетъ сребролюбца и сластолюбца: сребролюбца—

за то, что безъ разбора берется извлекать выгоду изъ вещей низкихъ и безчестныхъ; сластолюбца—за то, что бросаетъ себя лицомъ въ грязь изъ-за минутнаго удовольствія и покрываетъ себя безчестіемъ. Сластолюбецъ пересмѣиваетъ славлюбца и сребролюбца: славлюбца—за то, что изъ-за пустой славы, чтобъ тѣнь нѣкая безчестія не пала на него, отказываетъ себѣ въ удовольствіи и томитъ себя цѣломудріемъ; сребролюбца—за то, что мучитъ себя воздержаніемъ и довольствуется малымъ, чтобъ только не тратить бесполезныхъ денегъ. Такъ каждый, обладаемъ будучи своимъ демономъ, осуждаетъ безщадно другихъ, не обращая вниманія на свою страсть, чтобъ на большую быть осуждену муку, по двумъ этимъ причинамъ,—и за то, что предается своей страсти, и за то, что осуждаетъ другихъ, когда самъ виновенъ въ подобномъ же.

Итакъ помолимся Христу Господу, единой надеждѣ нашей, да избавитъ Онъ насъ отъ этихъ трехъ язвъ и да освятитъ чувства наши, чтобъ, слушая божественныя словеса, научились мы безстрастно смотрѣть на вещи, и собиравсь вмѣстѣ бесѣдовали о томъ болѣе, что ведетъ къ покаянію и сокрушенію, а не къ охуленію другихъ и осужденію. Ибо если не исцѣлимся мы отъ этихъ болѣзней душевныхъ, то тщетна вѣра въ насъ, тщетно благочестіе, тщетны постъ, молитва и милостыня. Все это бываетъ для здравія души нашей. Если же душа наша все остается нездоровою, то къ чему все это? И что за вѣра у насъ во Христа? Ибо кто какъ должно вѣруетъ во Христа, тотъ имѣетъ жизнь вѣчную въ себѣ, которая есть благодать Господа нашего Іисуса Христа. Кто же вѣруетъ во Христа, а жизни вѣчной въ себѣ не имѣетъ, того тщетна и бесполезна вѣра. Да взыщетъ же таковой—воспріять жизнь вѣчную, т.-е., божественную благодать, чтобъ познано было, что истинно вѣруетъ

во Христа. Кто не имѣеть благодати Христовой, тотъ есть отъ части діавола, какъ невѣрный, потому что не есть отъ части Христа. Ибо какъ жизнь вѣчная, т.-е. божественная благодать, познается изъ вѣры, такъ и вѣра познается изъ воспріятія жизни вѣчной. Каковую да сподобимся получить и мы еще здѣсь—въ настоящей жизни, чтобъ быть причастными оной и во вѣки вѣковъ, благодатію Господа нашего Іисуса Христа, въ Котораго вѣруемъ. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

1. Богъ никого не создалъ быть рабомъ другаго человѣка, тѣмъ менѣе денововъ.

2. О безсловесномъ гнѣвѣ и похоти, отъ чего подвергается имъ человѣкъ.

3. Какъ для тѣлеснаго зрѣнія потребны здравые глаза, соразмѣрное разстояніе, чистый воздухъ и свѣтъ солнца, такъ и для умнаго зрѣнія потребно все такое мысленно.

1. Премудрый и всеблагій Богъ, для бытія въ мірѣ семь, создалъ отца и сына, но не раба и наемника. Ни первый отецъ нашъ не былъ рабомъ, или наемникомъ, ни первый сынъ. Ибо кому бы они были рабами и наемниками? Рабство и наемничество явились уже послѣ: рабство произошло отъ вражды людей между собою, по коей начали воевать другъ противъ друга, и другъ друга порабощать; а наемничество отъ бѣдности и недостатковъ, кои одолѣвать начали слабѣйшихъ по причинѣ жадности и корыстолюбія сильнѣйшихъ. Такимъ образомъ и рабъ и наемникъ произошли отъ грѣха и зла, воцарившихся среди людей: ибо безъ насилія и бѣдности ни рабомъ никто бы не былъ, ни наемникомъ. Кому придетъ желаніе быть ими, когда рабы и наемники не то дѣлають, что хотятъ и что имъ нравится, но то, что хотятъ ихъ господа? Причиною сего — діаволь, злая умная сила, отъ Бога отступившая. Онъ развелъ злобу между людьми и обольстил ихъ полюбить ее. И вотъ

они вооружаются другъ на друга, думая, что удовлетворяютъ своимъ желаніямъ; и не видятъ, что тѣмъ діаволу работаютъ и у него состоятъ въ рабствѣ. Эти попранія другъ друга, эти хищенія и захваты и всякія неправды суть дѣла сего рабства. Вступившіе въ сей чинъ рабства дѣлаются безчеловѣчными, гордыми и совсѣмъ безчувственными. Не чувствуютъ они никакого къ другимъ состраданія, не чувствуютъ и своего бѣдственнаго положенія, того, что состоятъ на работѣ и въ рабствѣ у діавола. Не чувствуя же сего, не желаютъ избавленія; не желаютъ,—и не ищутъ его. И всѣ таковыя, язычники ли они и безбожники, невѣрные или вѣрные христіане, по причинѣ сего рабства діаволу суть часть діаволова, далеко отверженные отъ Бога, не могущіе пребывать въ дому Его во вѣки.

Великая потребна сила, чтобъ освободить ихъ изъ рукъ діавола, поработившаго ихъ и держащаго въ своемъ рабствѣ. И другой такой силы нѣтъ и быть не можетъ, кромѣ единого Христа Господа, Который есть сила Бога и Отца. Итакъ, кого Онъ освободитъ, тотъ воистину свободенъ бываетъ, потому что бываетъ чистъ, цѣломудръ, благъ, праведенъ, благочестивъ, челоуѣколюбивъ, благоутробенъ, милостивъ, кротокъ, сострадательнъ, воздерженъ,—словомъ сказать, бываетъ челоуѣкомъ, какимъ ему подобаетъ быть. Тѣ же, которые не таковы, суть или безсловесныя животныя, или демоны, хотя по виѣшности они православныя христіане. Такіе христіане паче повинны и тягчайшему наказанію; и Христосъ, пришедшій избавить ихъ отъ рабства діаволу, ничтоже пользуетъ ихъ, не потому чтобъ Онъ не могъ или не хотѣлъ избавить, а потому что они сами не хотятъ быть избавленными и не ищутъ Его должнымъ образомъ. Сіе избавленіе одно и есть истинная свобода, полученіе которой превосходитъ всякую силу чело-

вѣческую. Почему Христосъ, Богъ сый, и восхотѣлъ содѣлаться человѣкомъ, и для того одного умеръ, чтобъ освободить людей отъ рабства діаволу.

2. Нѣкоторые думаютъ, что человѣческое естество по природѣ страстно, по природѣ подлежитъ страстямъ, и въ доказательство того указываютъ на гнѣвъ и пожеланіе. Но дѣло не такъ есть, какъ они говорятъ: ибо гнѣвъ и пожеланіе даны Богомъ естеству человѣческому не какъ страсти, каковы они теперь, а какъ добрыя расположенія; и человѣкъ получилъ эти блага отъ благаго Бога, какъ признаки, показывающіе въ немъ разумную тварь. Если гнѣвъ и похотѣніе даны и безсловеснымъ животнымъ, то даны не въ томъ же значеніи, какъ даны они человѣку. И плоть человѣческая есть плоть, но она не одинаковаго достоинства съ плотями звѣрей и скотовъ несмысленныхъ. Даны человѣку гнѣвъ и пожеланіе, но ему данъ и умъ; и пока умъ сей былъ здоровъ, пребывали въ своемъ чинѣ и эти движенія, именно: пожеланіе устремлялось къ мысленнымъ благамъ Божиимъ и ихъ вожелѣвало, а гнѣвъ (чрезъ раздраженіе, ревность) опять это же самое пожеланіе раздражалъ и приводилъ въ напряженіе, чтобъ оно съ большимъ рвеніемъ вожелѣвало оныхъ благъ божественныхъ, и мало-по-малу востекая горѣ, приблизилось къ Богу и Имъ услаждалось. Но поелику умъ нашъ занемогъ и потерялъ здравіе, которое хранило его въ должномъ порядкѣ и, какъ больной и поврежденный, вышелъ изъ своего чина и растлился, и сталъ, вмѣсто того чтобъ помышлять о небесныхъ благахъ, помышлять только о мірскомъ; то по сей причинѣ вожелѣваетъ онъ того, что несообразно съ нимъ, и гнѣвается неразумно, и чрезъ то уподобляется звѣрямъ и скотамъ. Но христіанинъ, который сдѣлался здоровымъ по уму благодатию Христовою, опять вожелѣваетъ только Божіихъ благъ,

для которых даны естеству человѣческому и гнѣвъ (—раздражительность, энергія) и пожеланіе. Тотъ же христіанинъ, который не таковъ, еще не сдѣлался христіаниномъ, и пусть онъ не обманываетъ себя.

Такимъ образомъ гнѣвъ и пожеланіе не первоначально суть страсти, но стали таковыми вслѣдствіе потери умомъ нашимъ здравія. Отъ этого гнѣвъ сталъ безсловеснымъ и пожеланіе бессмысленнымъ. Но какъ же это сдѣлалось? Душа, какъ умная сила, единична и проста и не сложена изъ разныхъ частей, чтобъ могла страдать вслѣдствіе какой-либо недолжной перемѣны въ нихъ,—какъ тѣло, сложенное изъ четырехъ стихій, по необходимости страдаетъ отъ излишества или оскудѣнія какой-либо изъ нихъ сверхъ мѣры. Простая и несложная душа не можетъ подобнымъ образомъ заболѣть и страдать. Какъ же заболѣваетъ она и страдаетъ? Отъ измѣненія ея помысловъ и стремленій, когда, будучи умною силою, устремляется она къ безсловеснымъ пожеланіямъ и неразумному гнѣву. Это же отъ чего бываетъ? Это бываетъ отъ сторонняго вліянія. Есть иныя мысленныя силы, демоны, которые мысленно приближаются къ душѣ и искушаютъ ее, возмущая ея естественныя движенія: ибо она всегда находится въ движеніи, будучи по естеству приснодвижна. Такъ, когда душа хочетъ зрѣть право, демоны наводятъ нѣкій мысленный мракъ и мѣшаютъ ей зрѣть право и непогрѣшительно, но призраки и фантазіи принимать за истину. Такъ же возмущаютъ они и пожеланія, обращая ихъ на недолжное чрезъ прельщеніе призрачными благами. Такъ совершилось первое паденіе; такъ и теперь грѣшать и заблуждаются люди.

По причинѣ преступленія Адамова разстроились силы естества человѣческаго, т.-е. умъ, желаніе, чувство. Почему можетъ онъ умствовать, но умствуетъ неправо;

можетъ желать, но желаніями неразумными; можетъ являть ретивость (— гнѣвъ, раздраженіе, рвеніе), но безсмысленно. Отъ сего мысли и помышленія его, то, какъ онъ о чемъ думаетъ и какъ что представляетъ, и то, что и какъ чувствуетъ, все это криво и ошибочно. Врагъ нашъ діаволь съ клеветами своими бѣсами, произведшій первое паденіе, мысленно втѣсняется въ сіе наше внутреннее настроеніе, паче и паче возмущаетъ его, и держа насъ въ немъ, какъ въ облакъ какомъ мрачномъ, заставляетъ во всемъ творить его хотѣнія на пагубу самимъ себѣ.

Врачуеъ насъ отъ такой болѣзни душевной всеблагодатная Господа нашего Іисуса Христа баня пакибытія, которая возстановляетъ въ свой чинъ всѣ способности души и, давая имъ достодолжное направленіе, исполняетъ силою слѣдовать по нему. Чтобъ видно было, какъ и куда слѣдовать, для сего въ Евангеліи и Апостолѣ прописаны законы и правила, по коимъ приснодвижная душа можетъ приводить въ гармонію и держать въ чинѣ и порядкѣ всѣ движенія разнообразныхъ силъ своихъ, ясно усматривая, что право и что неправо во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ же того, какъ долгимъ опытомъ навькнетъ она право зрѣть и право шествовать, отразивъ и далеко отъ себя отогнавъ діавола, докучавшаго ей непрестанно своими превратными внушеніями, т.-е. послѣ того какъ уразумѣетъ всякую истину и украсится всякою добротою, и будетъ всегда заниматься лишь подобающимъ ей и углубляться въ то,— привлекаетъ она наконецъ къ себѣ самого законодателя Бога, и Онъ пришедши упокоевается въ ней, исполняя оное предивное обѣтованіе Господа Спасителя, Который сказалъ: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему придемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). И вотъ тайна истин-

ной духовной жизни, которой не могла познать вся мудрость міра сего, по сей причинѣ именуемая безсловеснымъ пастбищемъ, ибо разумная пища души есть именно это благодатно-духовное таинство.

3. Каждому изъ насъ надлежитъ знать Бога, самого себя и демоновъ: Бога знать, что Онъ есть Господь и Властитель всяческихъ, и что единъ Онъ можетъ спасти; себя знать, что безсиленъ въ мысленной брани; демоновъ, что они суть тайные враги наши, и что они воюють противъ насъ посредствомъ насъ же самихъ, что очень странно.

Какъ для тѣлеснаго зрѣнія, для того, чтобы съ вѣрною точностію рассмотретьъ то, на что оно смотреть, нужны четыре вещи, — здоровые безъ всякаго поврежденія, глаза, цѣлесообразное ихъ движеніе и направленіе, соразмѣрное разстояніе между ними и предметомъ, чистый воздухъ и свѣтъ солнца, освѣщающій наблюдаемое; такъ и для мысленнаго зрѣнія душевнаго потребны: умъ совершенный, цѣлесообразное его движеніе и устремленіе или созерцаніе, какъ уздою, страхомъ Божиимъ удерживаемое на единомъ, чтобы не переходило отъ него къ неумѣстнымъ воображеніямъ, и чистый мысленный воздухъ, который бы освѣщаемъ былъ истиннымъ свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка, вступающаго въ міръ добродѣтелей. Свѣтъ сей всюду проникаетъ и вездѣ свѣтитъ, и нѣтъ никакой преграды, которая могла бы пресѣкать его освѣщеніе. При всемъ томъ однакожь для душъ невѣрныхъ онъ не виденъ, и виденъ только однимъ тѣмъ, которыя вѣрны Христу. Вѣрныя же воистину души суть тѣ, которыя послѣ святаго и божественнаго крещенія ни въ чемъ не преступаютъ ни одной заповѣди Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и могутъ потому съ чистою совѣстію пѣть съ Давидомъ, говоря: *ко вѣмъ заповѣдемъ Твоимъ направляхся, всякъ путь*

неправды возненавидѣхъ (Псал. 118, 128). Такимъ образомъ вѣрность заповѣдямъ служитъ чертою раздѣленія между вѣрнымъ и невѣрнымъ. Ибо какъ въ каждомъ исполненіи заповѣди Христовой видится вѣра и исповѣданіе Христа Господа, такъ во всякомъ нарушеніи заповѣди Его находится невѣріе въ Него и отреченіе отъ Него.

Такимъ вѣрнымъ душамъ, всегда неуклонно исполняющимъ повелѣнія и законы Господа, Онъ, по мѣрѣ вѣры ихъ и по мѣрѣ ихъ Ему повиновенія, даетъ чистое и вѣрное умное зрѣніе. Это зрѣніе, о коемъ я говорю, есть знаніе, коимъ вѣрно знаютъ, что есть истинно добро, и что не есть истинно добро, что есть истинно зло, и что не есть истинно зло, чтобъ не смотрѣть на пагубу душъ, какъ на спасеніе, и на спасеніе, какъ на пагубу, или не почитать истинно злое истинно добрымъ, и наоборотъ истинно доброе истинно злымъ; но чтобъ какъ, когда видимъ золото разсыпанное, бѣжимъ подбирать его, и когда видимъ пропасть, бѣжимъ отъ нея, чтобъ не упасть въ нее, такъ и когда увидимъ въ чемъ волю Божію, съ желаніемъ устремлялись къ тому, и когда увидимъ грѣхъ, бѣжали отъ него, чтобъ не пасть въ него и не сокрушились кости наши, т.-е. силы души нашей, и мы не сдѣлались безсильными болѣе стоять ни въ цѣломудріи, ни въ правдѣ, но падши, какъ немощные и разслабленные, не начали валяться въ нечистотахъ и любостыжаніяхъ, не чувствуя совѣсь бѣды своей и не скорбя о горестномъ состояніи своемъ, а паче радуясь тому, какъ немысленные и потерявшіе умъ.

Ибо какъ для того, чтобы видѣть видимыя твари, потребенъ чувственный свѣтъ; такъ и для того, чтобъ видѣть мысленныя вещи, потребенъ свѣтъ умный. Почему есть два свѣтила, которыя свѣтятъ: свѣтило чувственное и видимое—солнце, дающее свѣтъ для очей тѣлес-

ныхъ, чтобъ видѣли чувственное и видимое, и свѣтило умное, солнце правды, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, подающій свѣтъ умнымъ очамъ душевнымъ, чтобъ мысленно видѣли мысленное и невидимое. И какъ, если не возсіяетъ сіе чувственное солнце, нельзя видѣть, гдѣ гладкія и ровныя мѣста, гдѣ чистые пути; такъ и если не возсіяетъ умное наше солнце, нельзя видѣть стремнины зла и ровныхъ путей правды, красящихся повелѣніями Божиими.

Посему, если какой христіанинъ идетъ путемъ зла и дѣлаетъ все одни злыя дѣла, или большею частію злыя, таковой еще не сдѣлался христіаниномъ: ибо христіанинъ, какъ только окрестится, тотчасъ исполняется божественнымъ свѣтомъ; почему есть и именуется просвѣщеннымъ. Просвѣщенный идетъ при свѣтѣ и видитъ стремнины и преткновенія; а кто не видитъ ихъ, значитъ не имѣетъ свѣта, не просвѣщенъ: какъ же можно почестъ его христіаниномъ? Если онъ и говорить, что видитъ, то лжетъ. Еслибъ видѣлъ, не падалъ бы въ пропасти зла. Видитъ и онъ, но видитъ, какъ непросвѣщенные, т.-е. некрещенные. Ибо и эти различаютъ добро отъ зла, и однакожъ не избѣгаютъ зла, потому что не видятъ ясно, въ чемъ главнымъ образомъ состоитъ добро, и въ чемъ главнымъ образомъ состоитъ зло. Такимъ образомъ кто не видитъ ясно и несмутно, что добро и что зло, тотъ еще нехристіанинъ.

Да восподвизается же таковой въ стенаніяхъ, слезахъ и пощеніяхъ, въ покаяніи и молитвѣхъ придти къ истинному и совершенному Свѣту, просвѣщающему всякаго человѣка, грядущаго въ міръ добродѣтелей, чтобъ Онъ, уврачевавъ умныя очи его и укрѣпивъ естественныя силы души, далъ ему возможность право видѣть *благую, угодную и совершенную волю* Божию, и исполнять ее съ великою готовностію и теплымъ желаніемъ. И вообще,

которые не чувствуютъ умно богодѣйственной силы, пріемлемой въ купели святаго крещенія, которая именуется и есть баня пакибытія, истиннаго обновленія и всецѣлаго возсозданія падшаго естества нашего, таковымъ потребно взыскать святыхъ и просвѣтительныхъ мужей духовныхъ, сдѣлать имъ чистосердное исповѣданіе, упросить ихъ, чтобы научили ихъ, что имъ должно знать и что дѣлать, какъ христіанамъ, принять отъ нихъ молитву (разрѣшительную на исповѣди) и благословеніе съ возложеніемъ честныхъ рукъ ихъ, и такимъ образомъ воспріять опять божественную благодать (обновленія). Ибо если естественныя силы души не будутъ очищены отъ скверноты и срамоты, какими онѣ завалены по причинѣ грѣховъ, и если не получаютъ затѣмъ должнаго врачеванія, преобразованія и укрѣпленія, то съ ними нѣтъ никакой возможности исполнять волю Божию. Больное и немощное прежде должно быть уврачевано и укрѣплено, чтобъ быть гожимъ на служеніе; потому что пока что больно, дотолѣ оно ни къ чему не гоже.

Отъ незнанія того, о чемъ мы теперь говорили, многіе христіане, несмотря на то что въ великихъ подвижностяхъ, все еще остаются немощными и больными, и, выходятъ, трудятся напрасно. Многіе такъ и умираютъ неисправленными и неуврачеванными, и тамъ конечно должны бываютъ испытывать огонь вѣчнаго осужденія, отъ коего да избавимся всѣ мы благодатію Господа нашего Іисуса Христа, Ему же подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и Пресвятымъ Духомъ, во вѣки. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.

1. О страстномъ, невѣрномъ и лукавомъ или зломъ настроеніи.
2. Въ чемъ состоитъ единеніе Бога съ сынами свѣта, и какъ оно происходитъ?

1. Тьма, братія мои, никогда никакого не имѣетъ общенія со свѣтомъ, но они противоположны. Въ началѣ, когда Богъ сказалъ: *да будетъ свѣтъ*, то какъ только явился свѣтъ, тьма тотчасъ исчезла; и опять какъ только скрывается свѣтъ, тотчасъ появляется тьма. Подобнымъ образомъ невѣріе противоположно вѣрѣ, невѣдѣніе—знанію, ненависть—любви. Адамъ все время, какъ хранилъ вѣру, которую имѣлъ къ Богу, находился въ раю и въ жизни безсмертной. Но когда развратился прелестію врага рода человѣческаго—дѣвола, и впалъ въ невѣріе, то осужденъ былъ на смерть и изгнанъ изъ рая,—и вмѣсто божественнаго и духовнаго вѣдѣнія, воспринялъ знаніе плотское и страстное. Ибо когда омрачились умныя очи души его, кои суть умъ и мысль, тогда прозрѣлъ онъ плотскими очами и началъ смотрѣть на видимое страстно. Еслибъ не отпалъ онъ отъ вѣдѣнія и соудцаго Бога, то не ниспалъ бы въ это страстное званіе, которое есть совершенное невѣдѣніе истиннаго добра.

Тѣ, которые находятся въ прародительской тлѣ, съ какою родились, т. е. въ этомъ плотскомъ и страстномъ вѣдѣніи, и не хотятъ богодарованными способами вознестись къ вѣдѣнію умнаго свѣта, т. е. къ божественному вѣдѣнію, изъ котораго ниспалъ Адамъ, гочитаютъ непріятелями и врагами себѣ тѣхъ, кои вновь раждаются духовно отъ умнаго онаго свѣта и ведутъ бесѣды о дѣлахъ свѣта; потому что такія рѣчи сильно уязвляютъ ихъ и ранятъ. Какъ лучъ солнца, входя сквозь ка-

кое-либо отверстіе въ темный домъ, бьетъ нѣкоторымъ образомъ будто стрѣлою ту тьму и разгоняетъ ее, такъ и слова богопросвѣщеннаго духовнаго и преподобнаго мужа бываютъ какъ бы мечемъ обоюду острымъ для сердца человѣка плотскаго, причиняютъ ему боль и муку, и подвигаютъ на противорѣчіе и ненависть къ говорящему ихъ, по причинѣ невѣдѣнія и невѣрія слышащаго. Если же кто изъ такихъ имѣетъ еще высокое о себѣ мнѣніе и почитаетъ себя многознающимъ, хотя поистинѣ ничего не знаетъ какъ слѣдуетъ, то онъ и Ангела, еслибъ онъ сошелъ къ нему съ неба, прогнать. Хоть Апостола увидить онъ, хоть пророка, отвращается отъ него, какъ отъ заблуждающагося и другихъ вводящаго въ заблужденіе. О, какое безуміе! Слѣпой почитаетъ слѣпымъ того, кто видитъ, и поистинѣ лжесловесникъ почитаетъ лживыми слова духовнаго и божественнаго мужа. Слѣпой, когда кто ночью говоритъ ему, что теперь солнце не свѣтитъ, или среди дня, что теперь не ночь,—не вѣритъ тому, а думаетъ, что его обманываютъ или посмѣиваются надъ нимъ, и сколько ни толкуй ему, что день свѣтелъ, а ночь темна, какъ это и на дѣлѣ есть, не можетъ взять того въ толкъ, потому что слѣпъ и ничего не видитъ. Такъ и тѣ, которые находятся во тьмѣ страстей, у которыхъ умъ омраченъ невѣдѣніемъ о вещахъ духовныхъ,—или, прямо говоря, тѣ, которые не имѣютъ ума Христова (а умомъ Христовымъ я называю Духъ Христовъ, т. е., благодать Всесвятаго Духа, просвѣщающую и подающую духовное божественное вѣдѣніе), почитаютъ несмысленнымъ того, кто имѣетъ умъ Христовъ, а того, кто не имѣетъ ума Христова, т. е. божественнаго онаго вѣдѣнія и сокровенной премудрости, почитаютъ здравомыслящимъ, потому что обладаетъ человѣческимъ вѣдѣніемъ и внѣшней мудростію. О такихъ добръ говорить пророкъ

Давидъ: *вкупѣ безуменъ и несмысленъ погибнуть* (Пс. 48, 11).

Таковыя извращаютъ и вкривь перетолковываютъ все Божественное Писаніе по похотямъ своимъ, и нѣкоторымъ образомъ растлѣваютъ его страстями своими, хотя при семъ не Божественное Писаніе растлѣвается, а растлѣваются они сами—кривотолкователи его. Итакъ эти, не имѣющіе праваго сужденія о вещахъ, но омраченные страстями и по гордости не принимающіе наставленія отъ другихъ, какъ возможно, скажи мнѣ, чтобъ они сами собою постигли и уразумѣли божественное и духовное? Какъ слѣпой и невидящій свѣта солнечнаго не можетъ читать писменъ, свѣтомъ освѣщенныхъ, такъ и тотъ, кто слѣпъ умомъ и не имѣетъ ума Христова, никакъ не можетъ понять и уразумѣть вещей, кои суть во свѣтѣ Христовомъ, и хоть бы онъ тѣмъ разъ перечитывалъ написанное о нихъ въ Божественныхъ Писаніяхъ, невозможно, какъ думаю, чтобъ онъ усмотрѣлъ что-нибудь и что-либо понялъ въ духовномъ, невещественномъ и свѣтовомъ, будучи самъ овеществленъ и омраченъ.—И да не прельщаетъ васъ кто-либо изъ такихъ!

2. Богъ свѣтъ есть и сообщаетъ отъ свѣтлости Своей тѣмъ, съ коими соединяется, по мѣрѣ очищенія ихъ. И тогда погасшая лампада души, т. е. омраченный умъ, познаетъ, что зажглась и засвѣтилась, потому что объялъ ее божественный огонь. О, чудо! Человѣкъ соединяется съ Богомъ духовно и тѣлесно; потому что душа его при семъ не отдѣляется отъ ума, ни тѣло отъ души. Такъ какъ Богъ вступаетъ въ единеніе со всѣмъ человекомъ, т. е. съ его душою и тѣломъ, то и сей соединяется тройственнымъ,—какъ бы тріѹпостаснымъ по благодати,—изъ тѣла, души и Божественнаго Духа, отъ Коего пріялъ благодать. Тогда исполняется сказанное

царепророкомъ Давидомъ: *Азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго* (Пс. 81, 6). Сынове Вышняго, по образу, т. е, Вышняго и по подобію, такъ какъ сподобились быть порожденіями божескими отъ Божественнаго Духа.

Къ таковымъ пристойно сказалъ и всегда говоритъ Христосъ: „будьте во Мнѣ, да плодъ многъ принесете“ (Іоан. 15, 4),—многимъ плодомъ называя множество людей, чрезъ нихъ обрѣтающихъ спасеніе. И еще говоритъ: „розга, если не будетъ на лозѣ, изсыхаетъ и въ огонь ввергается. Будите убо во Мнѣ и Азъ въ васъ“ (Іоан. 15, 6. 4). А что Христосъ пребываетъ въ насъ и мы въ Немъ, сему самъ Онъ учитъ, когда говоритъ: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣмъ въ Насъ едино будутъ* (Ін. 17, 21). И желая полнѣе представить сіе, снова беретъ слово и говоритъ: *Азъ въ нихъ и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино* (—23). Для большаго же еще убѣжденія слушавшихъ, говоритъ и сіе: *и Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже Мы едино есмь... да разумѣтъ міръ, яко.... возлюбилъ еси ихъ, якоже Мене возлюбилъ еси* (—22. 23). Очевидно теперь, что какъ Отецъ по естеству пребываетъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцѣ, такъ и тѣ, которые истинно увѣровавъ, родились снова отъ Духа Святаго и сдѣлались братьями Христу и Богу по дару Его и сынами Божиими, пребываютъ въ Богѣ и Богъ въ нихъ, по благодати.

Которые же не сдѣлались таковыми и всецѣло не измѣнились дѣяніемъ, разумомъ и созерцаціемъ,—такіе какъ не стыдятся говорить, что они хрістіане? Какъ дерзаютъ они отверзати уста свои и безъ стыда возвѣщать сокровенныя тайны Божіи? Какъ не стыдятся они ставить себя въ число истинныхъ хрістіанъ и духоносныхъ мужей, не имѣя ничего въ себѣ духовнаго, и не только радѣнія, но и помышленія о томъ не имѣя?

Какъ нѣкоторые изъ такихъ не трепещутъ вступать на степень діаконства и іерейства и священнодѣйствовать пречистое Тѣло и Кровь Господа? Поистинѣ недоумѣваю.—Конечно слѣпота ума и сопутствующее ей нечувствіе и невѣдѣніе, и раждающееся отъ нихъ сомнѣніе, дѣлаютъ то, что такіе попираютъ, какъ прахъ, истинное золото и многоцѣнный камень, Господа нашего Іисуса Христа. Но горе таковымъ за эту ихъ страшную дерзость, по коей осмѣливаются они восходить на такіа степени, съ такою великою богонепобязанностію и небреженіемъ о божественныхъ вещахъ, какъ будто малыхъ и ничтожныхъ,— и это для того только, чтобъ казаться выше другихъ. И кто послѣ сего будетъ называть ихъ христіанами?

Это сказали мы для тѣхъ, которые говорятъ, что знаютъ все это, и думаютъ о себѣ, что значать что-нибудь, тогда какъ ничего не значать, и какъ на картинѣ представили имъ въ настоящемъ словѣ, что такое суть истинные христіане, чтобъ они сличили себя съ этимъ первообразомъ и познали, сколь далеки они отъ истинныхъ христіанъ.—Что же касается до васъ, рабы Христовы, которые любите поучаться и всегда уготованнымъ имѣете слухъ, да слышите,—то самъ Владыка всяческихъ Христосъ во святомъ Евангеліи взываетъ къ вамъ, говоря: *дондеже свѣтъ имаете*, теките ко свѣту, *да тма васъ не иметъ* (Іоан. 12, 35): теките покаяніемъ, теките стезями заповѣдей Христовыхъ, теките, пока стоитъ время возсіяванія сего свѣта, прежде чѣмъ постигнетъ васъ ночь смерти и отосланы будете въ вѣчную тьму. Теките, ищите, толцйте, да отверзется вамъ дверь царства небеснаго, и внидете въ него, обрѣтши его внутри васъ самихъ, какъ говорить Господь: *царство Божіе внутри васъ есть* (Лук. 17, 21). Ибо тѣ, которые умираютъ. прежде чѣмъ стя-

жутъ царствіе небесное, гдѣ и когда они обрѣтутъ его, когда отходить туда, гдѣ всегдашняя тьма?—Итакъ здѣсь въ сей жизни повелѣно намъ възыскать его и обрѣсти, толкая въ двери его посредствомъ покаянія и слезъ. И если будемъ такъ дѣлать, Христосъ обѣщаетъ намъ даровать сіе царствіе; а если не станемъ такъ дѣлать, не слушаемъ Владыки нашего Христа и не потщимся, пока еще находимся въ жизни сей, принять отъ Него царствіе небесное внутрь себя самихъ, то, когда отойдемъ туда, услышимъ отъ Христа такія слова, которыя Онъ праведно скажетъ намъ: что ищете здѣсь то, что не хотѣли взять, когда Я давалъ вамъ то въ свое время и въ своемъ мѣстѣ? Не умолялъ ли Я васъ много разъ: потрудитесь немного, и Я дамъ вамъ царство небесное, а вы не хотѣли, и презрѣли его, предпочетши ему земное и тлѣнное?—Теперь же что ищете? Какими дѣлами можете вы стяжать его здѣсь отъ сего часа и далѣе, когда теперь не время дѣланія, а время воздаянія?

Сего ради прошу васъ, братія мои, будемъ со всею готовностію и со всеѣмъ тщаніемъ соблюдать заповѣди Христовы, чтобъ сподобиться и жизни и царства вѣчнаго, и не услышать вмѣсто того, здѣсь въ настоящей жизни, такого присужденія: *уже не втруеть въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ* (Ин. 3, 36), а въ будущей такого приговора: *не въмъ васъ, откуда есте, отступите отъ Мене* (Лук. 13, 27); но услышать утѣшительный гласъ: *приидите благословеніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѣ. 25, 34). Исполненіемъ заповѣдей Моихъ вы напители, напоили и упокоили Меня, алкавшаго, жаждавшаго и исавшаго спасенія вашего, и пришли ко Мнѣ, очистивъ сердца ваши отъ всякой скверны и нечистоты грѣха. Насладитесь же теперь благами Моими, наслажденіемъ неизреченнымъ, въ коемъ

жизнь вѣчная и безсмертная, которую да будетъ улучшить всѣмъ намъ благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему слава и держава, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ.

О появленіи и противъ тѣхъ, которые криво толкуютъ слѣдующія слова божественнаго Павла: *иже предуздѣ, тѣхъ и предустави*, и проч. (Рим. 8, 29 и д.).

Отъ многихъ людей слышу, которые говорятъ, что поелику Богъ, какъ говорить божественный Павелъ, предуздѣлъ имѣющихъ спастися, и предопредѣлилъ ихъ, и призвалъ, и прославилъ, то какая мнѣ польза поднимать всякій трудъ, показывать свое обращеніе и покаяніе, если я не предуздѣнъ Богомъ и не предопредѣленъ, да спасенъ буду?—Таковымъ вотъ что надлежитъ сказать въ отвѣтъ.—О братія мои! чего ради помышляете вы не то, за что спасены быть можете, а то, за что подлежите мученію? Зачѣмъ берете вы изъ святаго Писанія лишь неудобопонятныя слова, криво ихъ толкуете и превратно понимаете къ погибели души вашей? Не слышите развѣ, какъ самъ Господь каждый день взываетъ: *живу Азъ, не хочу смерти грѣшника, но еже обратится нечестивому отъ пути своего и живу быти ему* (Іезек. 33, 11)? Не слышите ли, что и еще говоритъ Онъ: *покайтесь, приблизися бо царство небесное* (Мѡ. 4, 17)?—И опять: *радость будетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся* (Лук. 15, 7)? Или можетъ быть Онъ сказалъ гдѣ-либо — однимъ: вы и не кайтесь, потому что Я васъ не приму, — а другимъ, т.-е. предопредѣленнымъ: вы кайтесь, потому что Я имѣю васъ предопредѣленными?—Нѣтъ и нѣтъ. Не сказалъ и

никогда не скажетъ такъ Господь; напротивъ каждый день въ каждой церкви вопіетъ Онъ на весь міръ: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы* (Мѡ. 11, 28). Приидите, говоритъ, обремененные грѣхами, къ Тому, Кто возьметъ грѣхи всего міра. Жаждущіе спасенія притецйте къ вѣчно біющему и неизсякаемому Источнику спасенія. Исключилъ ли Онъ здѣсь кого-нибудь, и одного какъ предувѣдѣннаго позволялъ, чтобы шелъ къ Нему, а другаго отогналъ, какъ непредувѣдѣннаго? Никакъ нѣтъ.

Потому, братія мои, не покушайтесь *непщевати винны о грѣсѣхъ*, не придумывайте предлоговъ къ оправданію своего нерадѣнія и своей поблажки грѣхамъ, и отъ словъ Апостола не берите повода къ своей гибели; но всѣ и малые и большіе теките ко Христу Господу, васъ призывающему. Блудный ли сынъ есть кто, или мытарь, блудница или разбойникъ, или другое что бы то ни было подобное, Владыка Христосъ ни отъ кого не отвращается, но тотчасъ снимаетъ съ него ношу грѣховъ его и дѣлаетъ его свободнымъ отъ нихъ. Какъ же снимаетъ эту ношу? Такъ же, какъ нѣкогда снялъ Онъ ее съ разслабленнаго, говоря ему: *держай чадѡ, отпущаются тебѣ грѣси твои* (Мѡ. 9, 2). Съ этимъ словомъ разслабленный тотчасъ облегчился отъ ноши своей, и тѣло его воспріяло здравіе. Итакъ да прибѣгаетъ къ Нему всякъ, кто хочетъ. Одинъ пусть взываетъ: *сыне Давидовъ помилуй мя!* И когда услышавъ то, Онъ спроситъ: *что хоцещи, да сотворю тебѣ*, пусть отвѣчаетъ: *Господи, да прозрю*, — и тотчасъ услышитъ отъ Господа: *прозри*, и—прозритъ (Мар. 10, 48 и д.). Другой пусть говоритъ: *дщи моя, душа, злѣ бѣснуется*, и услышитъ отъ Него: *Я пришедиши исцѣлю ее* (Мѡ. 15, 22; 8, 7). Если кто нерадивъ и не хочетъ самъ о себѣ теши ко Христу, по крайней мѣрѣ когда увидитъ

Его идущимъ къ Себѣ и посредствомъ учителей и проповѣдниковъ Евангелія говорящимъ ему: *гряди по Мнѣ*, пусть идетъ въ слѣдъ Его, подобно Маттею мытарю (Мѣ. 9, 9), оставя мытницу свою, т.-е. любвииманія. И я увѣренъ, что Онъ сдѣлаетъ его изъ мытаря евангелистомъ. Хотя бы кто, подобно тридцатисмилѣтнему разслабленному, долгіе годы лежалъ на одрѣ сластолюбія и безпечности, и увидить, что Владыка Христосъ—или мысленно воздѣйствіемъ благодати, или въ лицѣ какого-либо духовнаго мужа, грядетъ къ нему и говоритъ: *хочешь ли здравъ быти?* да воспріиметъ тотчасъ слово съ радостію и скажетъ: ей, Господи, хочу, но человѣка не имамъ, который ввергъ бы меня въ купель покаянія; и если Господь скажетъ ему: встань, возьми одръ твой и гряди въ слѣдъ Меня,—да возстанетъ съ готовностію и да грядетъ со тѣніемъ по стопамъ Того, Кто такъ свѣше воззвалъ его.

А если кто не хочетъ возлюбить Христа, какъ возлюбила Его блудница, или обратиться къ Нему съ теплымъ покаяніемъ, какъ блудный сынъ, или притещи къ Нему, какъ кровоточивая, то зачѣмъ еще *непичуетъ вины о грѣсахъ*,—придумываетъ предлоги къ оправданію своего грѣхолобія,—говоря, что которыхъ предувѣдѣлъ Богъ, тѣхъ и призвалъ? Къ тому, кто придумываетъ такіе предлоги, праведно сказать можно: воистину Богъ, все отъ вѣка вѣдущій прежде событія, предвидѣлъ и тебя, что ты не захочешь послушать Его, когда Онъ позоветъ тебя, и не повѣришь обѣтованіямъ Его и словесамъ; однакожъ несмотря на то, что зналъ сіе, преклонивъ небеса, сошелъ на землю и содѣлался человѣкомъ по любви къ тебѣ, — и теперь приходитъ туда, гдѣ ты живешь во грѣсахъ своихъ, каждодневно посѣщаетъ тебя, иногда Самъ въ своемъ лицѣ чрезъ просвѣщеніе благодати Своей, а иногда чрезъ рабовъ Сво-

ихъ, призываетъ тебя, чтобъ возсталъ ты отъ паденія своего и отъ грѣха, въ которомъ валяешься, и послѣдовалъ Ему, восшедшему на небеса, и вмѣстѣ съ Нимъ вошелъ въ царство Его; но при всемъ томъ ты не хочешь того. Итакъ, скажи же мнѣ, прошу тебя, кто виновникъ твоей гибели и твоего непослушанія. Ты—непокоривый и нехотящій послѣдовать Владыкѣ своему, или Онъ, создавшій тебя, и несмотря на то, что, яко всевѣдѣцъ, предвидѣлъ, что ты не послушаешь Его и пребудешь въ своемъ жестокосердіи и нераскаянности, все же позвавшій тебя ко спасенію?—Я увѣренъ, что ты не рѣшишься отвѣтить, что Онъ виновникъ, а всячески сознаешься, что виновенъ во всемъ ты самъ.

Предвѣдѣніе Божіе не есть причина нашего ожесточенія, а наша непокоривость. Богъ все напередъ знаетъ, и что было, и что есть, и что будетъ; все знаетъ Онъ прежде событія, и видитъ то такъ, какъ бы оно было присуще и совершалось предъ лицемъ Его, потому что все отъ Бога имѣетъ свое бытіе и существованіе и все прежде бытія находится въ Его творческомъ умѣ,—первообразы всѣхъ вещей находятся тамъ внутри. Но подобно тому, какъ царь земной на зрѣлищѣ видитъ и пускающихся на перегонки, и вступающихъ въ борьбу, но не онъ бываетъ причиною ни побѣды тѣхъ, которые изъ нихъ окажутся побѣдителями, ни пораженія тѣхъ, которые окажутся побѣжденными, а ревность и стараніе побѣдителей бываетъ причиною побѣды, и лѣность и нерадѣніе побѣжденныхъ бываетъ причиною ихъ пораженія: такъ разсуждай и о Богѣ. Онъ, послѣ того, какъ почтилъ насъ самовластіемъ и далъ намъ заповѣди, обучающія насъ, какъ бороться съ мысленными врагами нашими, оставилъ въ нашей уже власти, противоборствовать ли діаволу и его побѣждать, или предаваться безпечности и быть отъ него побѣждаемыми.

Впрочемъ и при этомъ Онъ не оставляетъ насъ однихъ въ борьбѣ, зная немощь человѣческаго естества, но Самъ присущъ намъ бываетъ во время брани, вспомошествуетъ намъ, когда возжелаемъ бороться съ врагомъ, и тайственно подкрѣпляетъ насъ силою Своею, — такъ что болѣе Онъ побѣждаетъ врага, нежели мы. Этого земный царь не можетъ дѣлать, потому что и самъ, будучи человѣкомъ немощнымъ и слабымъ, имѣетъ нужду въ помощи своихъ подданныхъ. Но Богъ, будучи всемогущъ и непобѣдимъ, вспомошествуетъ тѣмъ, которые произволеніемъ своимъ хотятъ противоборствовать діаволу, и дѣлаетъ ихъ побѣдителями злаго діавола. А тѣхъ, которые не хотятъ противодѣйствовать діаволу и бороться съ нимъ, Богъ не принуждаетъ, чтобъ не нарушить самовластія разумнаго естества нашего, которое Онъ создалъ по образу Своему, и не низведъ насъ въ чинъ безсловесныхъ животныхъ.

Итакъ Богъ видитъ насъ свободно дѣйствующими, подобно тому, какъ земной царь видитъ подвизающихся на зрѣлищѣ. Но земной царь не знаетъ напередъ, какіе побѣдятъ и какіе побѣждены будутъ, пока не увидитъ тѣхъ и другихъ на дѣлѣ въ концѣ зрѣлища. Почему хотя и готовитъ напередъ вѣнцы, но не знаетъ, кому ихъ придется дать. А Царь небесный прежде вѣка знаетъ и тѣхъ, которые имѣютъ побѣдить, и тѣхъ, которые имѣютъ быть побѣжденными. Почему и сказалъ тѣмъ, которые просили, чтобъ одинъ сѣлъ одесную, а другой ошуюю Его во славу: *нѣсть мое дати, но имже уготовася отъ Отца Моего* (Мѡ. 20, 23). Это самое зналъ и божественный Павелъ, и праведно написалъ: *ихже предугуветъ, тѣхъ и предугустави. А ихже предугустави, тѣхъ и призва, а ихже призва, сихъ и оправда* (Римл. 8, 29 30). Такимъ образомъ не предвѣдѣніе Божіе есть причина побѣды тѣхъ, которые имѣютъ побѣдить собственнымъ произволеніемъ и рвеніемъ, или

пораженія и паденія тѣхъ, которые имѣють побѣждены быть и пасть по нерадѣнію и лѣности, но свободное произволеніе тѣхъ и другихъ,—ревность и мужество есть причина побѣды, а нерадѣніе и разлѣненіе причина паденія и пагубы.

Итакъ, когда предаемся мы нерадѣнію и творимъ хотѣнія плоти и міра, не слѣдуетъ намъ говорить, что которыхъ предувѣдалъ Богъ и опредѣлилъ, тѣ и спасутся, сами не понимая, что говоримъ.—Да,—правду говоришь ты, что Богъ предувѣдалъ, что ты будешь лѣнивъ, безпечень и нерадивъ, но не опредѣлилъ и не постановилъ, чтобъ ты не имѣлъ власти покаяться, если захочешь, встать съ одра безпечности и возревновать о спасеніи. Если будешь это говорить, то будешь тѣмъ утверждать, будто Богъ лживъ есть. Ибо, когда Господь говорилъ: *не придохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мѣ. 9, 13), ты нѣкоторымъ образомъ противное тому говоришь—тѣмъ, что не хочешь покаяться по злоумію своему, и чрезъ то какъ бы хулу изрыгаешь, будто неложный Богъ изрекъ нѣчто ложное. Ты придумываешь такой предлогъ, что-де тѣ, которые имѣють покаяться, предопредѣлены,—такъ тѣ пусть и каются, которые предувѣданы и предопредѣлены; я же не изъ числа ихъ.—О, горе душѣ, которая высказываетъ такіе предлоги! Горе ей, потому что она хуже и самыхъ бѣсовъ! Слыханное ли дѣло, чтобы бѣсы когда-либо произносили такое слово? Теперь уже нечего намъ охуждать бѣсовъ, потому что вотъ и душа человѣческая наплась такая, которая изобрѣтаетъ злохуленія худшія бѣсовскихъ.

Откуда же это ты, человѣче, узналъ, что ты не изъ числа предувѣдѣнныхъ и предуставленныхъ—сообразными быть образу Сына Божія (Рим. 8, 29)? Скажи мнѣ, кто сказалъ тебѣ это? Можетъ быть, Богъ открылъ тебѣ то особо, или самъ отъ себя прямо, или чрезъ какого

либо пророка, или чрезъ ангела? Нѣтъ, говоришь, это я самъ собою придумываю, что—ну-ка я не предувѣдѣнъ и не предуставленъ быть спасеннымъ, такъ весь мой трудъ и пропадетъ даромъ.—О неразумный человѣкъ!—И почему бы тебѣ не держать лучше въ умѣ своемъ, всею душою своею, того, что Богъ послалъ Сына Своего единороднаго въ міръ и для тебя, для твоего собственнаго спасенія, потому что предвидѣлъ и предопредѣлилъ быть тебѣ братомъ и сонаслѣдникомъ Ему? А держа сіе въ мысли, не усердствовать и не ревновать возлюбить Его всею душою и исполнять заповѣди Его?—Вотъ и былъ бы спасаемымъ. Увѣровавъ такъ, какъ могъ бы ты далѣе не вѣровать, что Тотъ, Кто тебя ради заклался на крестѣ, никогда не захочетъ оставить тебя, никогда не попуститъ погибнуть тебѣ? Или не слышишь, какъ Онъ самъ говоритъ: мать забудетъ порожденіе чрева своего, а Я не забуду тебя (Ис. 49, 15)? Если же ты самъ себя дѣлаешь недостойнымъ царства спасаемыхъ, и произвольно худыми дѣлами отдѣляешь себя отъ спасаемаго стада овецъ Христовыхъ, самъ и смотри,—никто другой не виноватъ въ твоей гибели, кромѣ тебя самого.

Итакъ, братія мои, отринемъ всякое невѣріе, сомнѣніе и лѣность, прибѣгнемъ ко Христу отъ всего сердца съ непоколебимою вѣрою и теплымъ расположеніемъ, какъ рабы, купленные безцѣнною кровію Его; возблагодаримъ предъ сею пречистою кровію, данною въ цѣну и искупленіе за насъ; возлюбимъ Владыку нашего Христа, давшего ее для искупленія нашего, и воспримемъ безмѣрную Его любовь, какую и имѣетъ Онъ къ намъ, удостовѣрившись, что еслибъ не хотѣлъ Онъ спасти всѣхъ насъ искупленныхъ честною кровію Его, то не сошелъ бы на землю и не захотѣлъ бы быть закланымъ за насъ. Ибо, какъ написано, желая всѣмъ спастися,

содѣлалъ Онъ то, что содѣлалъ—и человѣкомъ сталъ, и распялся, и умеръ—все для спасенія всѣхъ насъ. Послушай Его самого, что говорить: *не приидохъ, говорить, да сужду мірови, но да спасу міръ* (Іоан. 12, 47).

Адамъ, еще будучи въ раю, былъ призываетъ Богомъ къ покаянію, когда Богъ сказалъ ему: *Адаме, гдѣ еси?* и: *кто возвести тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, егоже заповѣдахъ тебѣ сего единого не ясти, отъ него ялъ еси?* (Быт. 3, 9. 11). Но онъ не хотѣлъ покаяться, восплакать и взыскать прощенія, а что дѣлаетъ? Выставляетъ жену причиною своего неразумія и грѣха,—за что со всею правдою изгоняется изъ рая. Поелику Адамъ не восхотѣлъ тогда покаяться,—и это по наущенію злаго духа, то Богъ, пришедши на землю, всѣхъ потомковъ его призываетъ къ покаянію, говоря: *покайся, приближися бо царство небесное* (Матѣ. 4, 17). *Приблизися*, — предъ дверьми сердець вашихъ и устъ вашихъ стоять. Отверзите вѣрою сердца свои, и оно внидетъ внутрь васъ. Тогда разверзется языкъ вашъ и вы начнете пѣть: видѣхомъ свѣтъ истинный, обрѣтохомъ вѣру истинную, пріяхомъ Духа Святаго, имѣемъ, стяжали въ сердцахъ нашихъ сокрытую жизнь вѣчную. Припомни, какъ все было. Сперва позвалъ Богъ Іудеевъ, но они не захотѣли ийти; потомъ сталъ звать чрезъ Сына Своего всѣ языки, и они послушали и притекли къ Нему,—что и означаетъ сказанное Имъ въ притчѣ относительно Апостоловъ: *изыди скоро на распутія и стогны града, и нищія и бѣдныя, и слѣпыя и хромыя введи съю* (Лук. 14, 21),—гдѣ подъ городомъ разумѣется міръ весь, подъ распутіями и стогами роды языковъ, во всѣхъ странахъ живущіе, подъ нищими, бѣдными, слѣпыми и хромыми — ослѣпленные богоневѣдніемъ и сокрушенные многими и разными паденіями и грѣхами. Итакъ всѣхъ призываетъ Богъ отъ востока до запада, и Іудеевъ и Еллиновъ.

Богъ предвидѣль и упорство, какое имѣли показать Іудеи невѣріемъ, и обращеніе, которое имѣли явить языки вѣроу; при всемъ томъ отъ вѣка предопредѣлилъ, что всѣ, которые захотятъ, Іудеи ли то или Еллины, всѣ, которые захотятъ увѣровать и креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и вкушать пречистое тѣло Сына Его, и пить честную кровь Его,—всѣ такіе будутъ оправданы и очищены отъ грѣховъ и сдѣлаются причастниками жизни вѣчной, какъ сказалъ самъ Владыка вѣческихъ: *ядый Мою плоть и пійй Мою кровь имать животъ вѣчный* (Іоан. 6, 54). — Такъ вотъ, брате мой, предувѣданъ и ты Богомъ и предопредѣленъ, и оправданъ, и на жизнь вѣчную позванъ вѣроу во Христа и святымъ крещеніемъ, и введенъ не въ чувственный рай, въ какой введенъ въ началѣ первозданный, но на небо ко благамъ, сущимъ на небесахъ, *иже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Трудись же теперь въ добродѣтеляхъ, и храни заповѣди Божіи, или, лучше сказать, храни себя самого посредствомъ заповѣдей, чтобъ не преступить ничего изъ того, что заповѣдалъ тебѣ Богъ, и не пострадать за то тогоже, что пострадалъ Адамъ, или даже большее того, теряя большія и небесныя блага. Не предпочитай имъ ничего земнаго, и да не возобладаетъ сердцемъ твоимъ никакое похотѣніе вещей тлѣнныхъ и временныхъ, да не обнажишься отъ славы, кою прославленъ ты во Христѣ, чтобъ нѣкогда, какъ не имѣющаго одѣянія брачнаго, не связали тебя по рукамъ и ногамъ и не ввергли во тьму кромѣшную, гдѣ плачь и скрежетъ зубовъ.

Вѣра во Христа есть новый рай; и Богъ отъ сложенія міра провидѣль всѣхъ, которые увѣровали и имѣютъ увѣровать въ Него, коихъ и призвалъ и будетъ призывать до скончанія міра, призвавъ оправдалъ и бу-

детъ оправдывать, оправдавъ прославилъ и будетъ прославлять, показывая ихъ сообразными образу славы Сына Своего чрезъ святое крещеніе и благодать Святаго Духа, таинственно содѣлывая ихъ сынами Божиими и претворяя ихъ въ новыхъ изъ ветхихъ, и въ безсмертныхъ изъ смертныхъ, съ возложеніемъ на нихъ и заповѣдей, подобно какъ возлагалъ на Адама. Такимъ образомъ, которые будутъ соблюдать заповѣди до конца жизни, тѣ воспріимутъ потомъ и всѣ блага, имъ предуготованныя; а которые окажутся презрителями заповѣдей, нерадивыми и неблагодарными къ Благодѣтелю своему, тѣ ниспадутъ отъ благъ тѣхъ, какъ ниспалъ и Адамъ изъ рая. И это постигнутъ они не потому, что такими быть предопредѣлилъ имъ Богъ, а отъ своего собственного неразумія и злоумія. Посему Богъ положилъ и среди сего рая, т.-е. посреди сонма вѣрующихъ, или посреди перкви, спасительное древо покаянія, чтобъ тѣ, которые, по своему нерадію впадалъ въ грѣхи, испадаютъ отъ жизни вѣчной, опять посредствомъ покаянія возвращались къ сей жизни, еще въ свѣтлѣйшей и блистательнѣйшей славі. Ибо еслибъ не благоволилъ устроить сіе для насъ человеколюбивый Богъ, не благоволилъ т. е. даровать намъ покаяніе, то не спасся бы ни одинъ человекъ. Оставимъ же всякую другую заботу и одно воспріимемъ попеченіе о томъ, чтобъ достоительно каяться, сколько достанетъ у насъ силъ на то, да сподобимся и настоящихъ и будущихъ благъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ.

Душеполезныя наставленія всякому христіанину.

Возлюбленные въ Господѣ, братія мои! Послушайте, прошу васъ, что, по долгу моему, каждодневно предла-

гаю вамъ въ словѣ; съ радостію примите подаемыя мною вамъ наставленія, какъ душеспасительныя, и позаботьтесь съ усердіемъ исполнить ихъ для вашего же собственнаго блага. Посмотрите, какъ лживы и непостоянны блага міра сего, а между тѣмъ, какъ мало людей, которые бы не были ими увлекаемы! Какъ мало таклхъ, которые бы ни сластолюбіемъ не были поработщаемы, ни желаніемъ славы людской не одолѣваемы, ни сребролюбіемъ не побѣждаемы, ни терніями заботъ и попеченій житейскихъ не уязвляемы! И вотъ причина, почему такъ непостояненъ и удобопревратенъ помыслъ человѣческій! Онъ можетъ установиться и стоять на одномъ только тогда, когда отвергнетъ все тлѣнное, тварное и видимое, преидетъ окружающую его тьму и срастворится съ вѣчнымъ, невидимымъ, постояннымъ и пребывающимъ. Ибо каково то, чѣмъ занять бываетъ помыслъ, таково бываетъ и состояніе помысла: занимаясь постояннымъ, онъ постоянствуетъ; занимаясь непостояннымъ, волнуется. Треволненія міра показываютъ, что блага его—не настоящія блага; а треволненія помысла даютъ разумѣть, что состояніе его—не достодолжное. Но каковъ помыслъ здѣсь, такова будетъ участь души тамъ.

Озритесь окрестъ и разсмотрите: все въ мірѣ семъ треволненномъ начинаетъ быть и престаеть,—здѣсь начинаетъ быть, здѣсь и престаеть; но душа человѣческая, яко сила—единая между видимымъ невидимая, между тѣлеснымъ—мысленная, начиная быть здѣсь, не престаеть здѣсь, но переходитъ инуды, яко безсмертная. Пока она находится въ тѣлѣ семъ, посредствомъ тѣла видитъ и познаетъ вещественное; но коль скоро отдѣлится она отъ тѣла, въ тотъ самый часъ отдѣляется она и отъ сношенія со всѣмъ вещественнымъ, перестаетъ видѣть то и помышлять о томъ, а вступаетъ въ соотношенія съ невидимымъ и мысленнымъ, и тѣмъ занята

бываетъ. И если она сіяетъ свѣтомъ заповѣдей Христо-выхъ, то вступаетъ въ безпредѣльный свѣтъ всеблагаго Божества, и начинаетъ вкушать великую и нескончае-мую радость; если же окружена мракомъ прегрѣшеній, то отходить,—увы мнѣ!—въ нескончаемый мракъ, рас-творенный съ жгущимъ огнемъ.

Поелику все сіе такъ есть воистину, и вы сами то признаете, то чего ради еще медлимъ мы съ вами и не спѣшимъ избѣжать горькой оной тьмы? Чего ради го-воримъ: горе сребролюбцамъ, славолубцамъ и сласто-любцамъ, а не стараемся познать и восчувствовать, что и сами въ такомъ же находимся состояніи, что и сами мы—и сребролюбивы, и сластолюбивы, и славолубивы? Чего ради говоримъ, что воистину блаженны тѣ, которые ищутъ Бога и всю надежду свою на Него единого возла-гаютъ, а своего собственнаго не чувствуемъ несчастія, какъ удаляющіеся отъ Бога и упованія своего на Него не возлагающіе? Чего ради думаете, будто вѣруете въ Бога и исповѣдуете Его, а на дѣлѣ не хотите Его знать, и не вѣрите Ему въ словахъ, которыя Онъ говорить къ намъ? на что надѣтесъ вы, оставляя истинныя и вѣч-ныя блага, и всецѣло предаваясь суетнымъ и тлѣннымъ?

Скажи мнѣ, брате мой, какъ такъ говоришь: все это знаю я, знаю, что я смертенъ, и что все видимое какъ тѣнь преходитъ, что смерть безвѣстна и не имѣетъ опредѣленнаго времени, что слава праведныхъ вѣчна, и что стыдъ и мученіе грѣшниковъ нескончаемы, а между тѣмъ, говоря все это, не бѣгаешь зла? Если ты, какъ говоришь, видишь и знаешь все, то какъ спотыкаешься будто слѣпой, и являешься на дѣлѣ весь омраченнымъ и безчувственнымъ душевно и тѣлесно? Если знаешь, что добро, зачѣмъ дѣлаешь зло, будто совсѣмъ безмы-сленный? Если знаешь, что все видимое какъ тѣнь пре-ходить, какъ не стыдишься радъ бывать этимъ тѣнямъ

и сокровиществуешь тлѣнное и привременное? О, возлюбленне! Или не замѣчаешь, что льешь воду въ дыравый сосудъ, какъ несмысленное дитя, а думаешь, что ты разуменъ? Великое зло, когда кто впадаетъ въ самоумнѣіе, думаетъ, что знаетъ, когда не знаетъ, или что имѣетъ, когда не имѣетъ: ибо, думая что знаетъ, или что имѣетъ, не заботится уже познавать и стяжевать, и остается ни при чемъ.

О, человѣче! Вѣруешь ли ты, что Христосъ есть Богъ?—Если вѣруешь, бойся Его и заповѣди Его храни. Если не вѣруешь, то спроси самыхъ бѣсовъ, и отъ тѣхъ самыхъ, коимъ ты поработился и послѣдуешь, познай, что нѣтъ другаго Бога кромѣ Его, и что Онъ есть Властитель, Судія и Царь всяческихъ, есть Творецъ свѣта и Господь жизни, есть Свѣтъ неизреченный и непрístupный. Въ пришествіе Его, отъ лица Его исчезнуть враги Его и всѣ не исполнявшіе заповѣдей Его, какъ отъ солнца, когда оно восходитъ, исчезаетъ тьма ночная. Онъ вѣчно пребудетъ съ праведными и праведные съ Нимъ, сподобившись блаженства созерцать Его, по мѣрѣ вѣры, какую возымѣли къ Нему; а грѣшники во время свѣта покроются тьмою, во время прославленія посрамлены будутъ, во время обрадованія поражены будутъ скорбію и преданы мукамъ въ нещадномъ жженіи огнемъ, соотвѣтственно видамъ страстей ихъ и грѣховъ, тогда какъ праведники украшены будутъ вѣнцами соотвѣтственно разнымъ добродѣтелямъ своимъ.

Вотъ что нашель я въ Божественныхъ Писаніяхъ и чему научился въ нихъ, и теперь для убѣжденія и васъ въ томъ-же не отложилъ написать то по любви моей къ вамъ! Я все изложилъ вамъ, не скрылъ таланта, не позавидовалъ спасенію вашему. Отъ сего часа и далѣе всякій самъ избирай, что ему угодно. Я исполнилъ долгъ

свой въ отношеніи къ вамъ, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЕ.

1. Всякій грѣхъ есть нечестіе, и всякій грѣшникъ—нечестивецъ.
2. Христосъ умеръ, чтобъ исцѣлить людей отъ грѣховъ ихъ.
3. Чтобъ именоваться только христіанами, это переходитъ къ намъ отъ предковъ нашихъ и отъ рода христіанскаго.

1. Беззаконникъ, противозаконникъ, грѣшникъ, нечестивецъ,—все обще называются грѣшниками, но каждый изъ нихъ имѣетъ свое отличіе. Беззаконникъ есть тотъ, кто не имѣетъ закона (знать же хочетъ закона); противозаконникъ есть тотъ, кто дѣлаетъ что либо не по законамъ, коимъ подлежитъ; грѣшникъ есть тотъ, кто дѣлаетъ добро не добръ, или неправильно; нечестивецъ есть безбожникъ или многобожникъ, который неправо умствуетъ о Богѣ. Писаніе Божественное нечестивымъ называетъ еще и блудника, лихоимца, сребролюбца, славолюбца и всѣхъ тѣхъ, которые, порабощаясь подобнымъ страстямъ, знаютъ, что Богъ, создавшій очи, видитъ все, а живутъ все же съ такою небогобоязненностію, какъ бы Богъ не видѣлъ ихъ. Еслибъ имѣли они страхъ Божій и благоговѣнство предъ Богомъ, Который вездѣ есть и все видитъ, то не посмѣли бы презирать Ёго, грѣша предъ Нимъ такъ, какъ бы Онъ не видѣлъ, какъ они грѣшатъ. Когда же они любятъ славу человѣческую паче славы Божіей и дѣлаютъ всякое зло, думая, что не видитъ ихъ недремлющее око Божіе, то скажи мнѣ, какой у нихъ страхъ Божій и какое благоговѣнство предъ Богомъ, Котораго трепещутъ и самыя бездушныя твари?—И св. пророкъ Давидъ, сказавъ: *погубиши вся глаголющія лжу*, и проч..., прибавляетъ: *по множеству нечестія* (греч. нечестій)

ихъ изрини я, яко преогорчиша Тя, Господи (Пс. 5, 7. 11),—показывая, что подъ нечестіями онъ разумѣтъ грѣхи ихъ, которые дѣлали ихъ преступниками заповѣдей Божіихъ, а не заблужденія ихъ въ вѣрованіи о Богѣ. Онъ же опять говоритъ относительно прелюбодѣянія съ Вирсавіею и убійства Уріи: *беззаконіе мое познахъ и грѣха моего не покрыхъ: рѣхъ: исповѣхъ на мя беззаконіе мое Господеву: и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего* (Пс. 31, 5). Видишь, какъ сердце Давидово, по его же сознанію, нечестивовало предъ Богомъ, когда онъ творилъ беззаконіе?—Такъ нечестивуетъ и всякій христіанинъ, когда грѣшитъ безъ страха Божія, бывая чрезъ то въ поношеніе Христу. Посему нѣкто изъ богоносныхъ отцевъ и говоритъ: „Что пользы благочествовать вѣрою и нечестивовать жизнію?“ То-есть, что пользы вѣровать право, а жить беззаконно?—Положимъ, что какой либо христіанинъ есть измѣнникъ, скупецъ, обидчикъ, но вѣруетъ право,—что пользы ему отъ вѣры, если онъ не дѣлаетъ ни одного изъ дѣлъ, приличныхъ христіанину, и ни одной не имѣетъ добродѣтели изъ тѣхъ, которыми обнаруживается благочестіе, но самыхъ еллиновъ превосходитъ въ нечестіи, судя по грѣхамъ, какіе онъ дѣлаетъ? Особенно когда еще худымъ примѣромъ своимъ причиняетъ онъ вредъ тѣмъ, съ которыми сообщается, и бываетъ причиною похуленія имени Божія и укоренія вѣры Христовой, изъ-за худыхъ дѣлъ его? Если, какъ говоритъ Св. Іоаннъ Богословъ, *сего ради явился Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діавола* (1 Іоан. 3, 8), то этотъ,—вѣрованіемъ принявшій являгося Сына Божія, а дѣлами своими показывающій, что онъ связанъ дѣлами діаволами, которыя разрушилъ явльшійся Сынъ Божій,—не хуже ли онъ самыхъ невѣрныхъ, и не нечестивѣ ли самыхъ безбожниковъ?

2. Когда слышишь, что Богъ, создавшій небо и зем-

лю, море и все прочее, видимое и невидимое, и самага челоуѣка, содѣлался челоуѣкомъ; не думай, что сіе совершилось для другаго чего, кромѣ какъ для того, чтобы возможно было Самому Богу подъять нѣкіимъ образомъ смерть посредствомъ челоуѣческаго естества, и послѣ сего не ищи ничего болѣе, какъ только узнать причину, для чего подъялъ Онъ смерть.—И вотъ слушай!—Креститель Господень Іоаннъ говоритъ: *Се Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра* (Іоан. 1, 29). И пророкъ Исаія за много лѣтъ прежде преднаименовалъ Его Агнцемъ, влекомымъ на закланіе, и именно за грѣхи наши (53, 7). Познай же изъ сего, что Богъ воплотившійся подъялъ смерть ради грѣха, и именно того ради, чтобы благодатию Его могли не грѣшить болѣе тѣ, которые вѣрою пріемлютъ Христа, яко Господа, ради избавленія ихъ отъ грѣха, закланнаго, умершаго и воскресшаго тридневно отъ гроба. Отсюда очевидно, что тѣ, которые грѣшатъ, еще не приняли Христа Господа, хотя и мнятъ, что приняли Его. Ибо еслибъ они пріяли Его, то Онъ даровалъ бы имъ, какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ, область быть чадами Божиими (Іоан. 1, 12), которыя не могутъ грѣшить, такъ какъ написано, что *всякъ рожденный отъ Бога грѣха не творитъ, яко сѣмя Его въ немъ пребываетъ: и не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть* (1 Іоан. 3, 9),—и что *всякъ согрѣшай не видѣтъ Его, ни познаетъ Его* (—6),—и что *творяй грѣхъ отъ діавола есть* (8), и что *явлена суть чада Божія и чада діавола тѣмъ, что всякъ не творяй правды, нѣсть отъ Бога* (—10). И если тотъ, кто не творитъ добрыхъ дѣлъ, нѣсть отъ Бога, то тотъ, кто при этомъ творитъ еще и худыя дѣла, откуда есть?—*Сего ради*, говоритъ, *явился Сынъ Божій, да разрушитъ дѣла діавола*, которыя если не будутъ въ комъ разрушены, отъ чего-либо другаго нѣтъ ему никакой пользы.

3. Многіе изъ тѣхъ, кои происходятъ отъ рода христіанскаго, думаютъ, что полезно для нихъ именоваться христіанами, и не знаютъ, что это одно только имя, которое получаютъ они отъ отца или отъ матери, или отъ отечества, и само по себѣ никакой не доставляетъ пользы. Тогда только, когда они и живутъ по закону Христову, становится ихъ собственностію и имя христіанина, и вѣра христіанская. Если же не живутъ они по христіански, лучше бы имъ и не носить имени вѣрующихъ во Христа, или лучше сказать, лучше бы имъ и не родиться. Ибо происходя отъ родителей христіанскихъ, они не могли не принадлежать къ вѣрующимъ во Христа; потому и лучше было бы имъ совсѣмъ не родиться, потому что родясь между христіанами и не имѣя въ себѣ ничего христіанскаго, они большому подвергнутся мученію, нежели нечестивые. Тѣ, которые, не происходя отъ рода христіанскаго, принимаютъ вѣру Христову, всякаго сподобляются блага. Тѣ же, которые, родясь отъ христіанъ, преступаютъ законъ Христовъ, безчестятъ и Христа, и родъ христіанскій, и истинное благочестіе наше.—Чего не буди съ нами родившимися отъ благочестивыхъ родителей и воспитанными въ благочестіи христіанскомъ, но да соблюдается нами все, требуемое вѣрою нашею, чтобъ, живя по закону Христову, сподобиться намъ царствія небснаго, благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего, Коему слава и держава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ.

1. Кто ищетъ отъ Бога, а самъ не знаетъ, чего ищетъ, тщетно ищетъ.

2. Какъ молиться о царствіи Божіемъ?

3. Душа, сподобившаяся царствія, должна ощущать сіе чувствомъ и являть дѣломъ.

4. Кто лгушій, и какъ можно избавиться отъ рабства ему?

5. Какимъ образомъ совершается воскресеніе души?

1. Многіе изъ христіанъ думаютъ, что большую доставляютъ пользу душѣ, когда читаютъ псалмы Давидовы съ тропарями и совершаютъ другія положенныя молитвословія, тѣмъ самымъ, что прочитываютъ ихъ, даже просто, какъ случилось, и полагаютъ, что славятъ такимъ образомъ Бога, а того не знаютъ, что и Бога при семъ прогнѣвляютъ и себѣ никакой не получаютъ пользы, а напротивъ грѣшатъ грѣхомъ великимъ. Кто языкомъ только молится, того не слышитъ Богъ, а не слыша,—не дастъ просимаго. Какая же польза отъ многихъ твоихъ молитвенныхъ словъ? Если алчущій и жаждущій придетъ къ тому, кто можетъ напоить его и накормить, но обращаясь въ нему съ прошеніемъ, будетъ произносить невнятные только слова, то тотъ не только не удовлетворитъ его прошенія, но прогонитъ его съ гнѣвомъ за то, что докучаетъ, а не знаетъ о чемъ. Такъ бываетъ и съ молитвами. Богу внятны только тѣ молитвы, которыя когда произноситъ молящійся, понимаетъ, что говоритъ и чувствуетъ. Молитва же языкомъ только произносимая, безъ мысли и чувства, только прогнѣвляетъ Бога.

2. И не только это потребно для успѣха молитвы, но и то, чтобы приготовиться къ полученію просимаго, и съ своей стороны употребить все зависящее отъ насъ къ стяжанію его. Такъ, кто говоритъ Богу въ молитвѣ: *да придетъ царствіе Твое*, а не знаетъ, какъ приходитъ

сіе царствіе, не зная же, не готовится къ принятію его и ничего не дѣлаеть, что требуется съ его стороны къ полученію его, возможно ли, чтобы пришло къ нему сіе царствіе? Какая потому польза, что говорить онъ въ молитвѣ: *да прїдетъ царствіе Твое?* Господь говорить въ святомъ Евангеліи: *покайтесь, приблизися бо царство Божіе.* Итакъ хочешь, чтобы пришло къ тебѣ царствіе сіе? Кайся. Если не покаешься, сколько ни говори: *да прїдетъ царствіе Твое,* не прїдетъ оно къ тебѣ.

Царствіе Божіе въ насъ есть, когда Богъ бываетъ съ нами въ единеніи, благодатию Пресвятаго Духа. Богъ былъ въ единеніи съ нами отъ начала созданія Адама; но когда праотецъ нашъ прельстился и согрѣшилъ, Богъ удалился отъ насъ, удалилось вмѣстѣ съ тѣмъ отъ насъ и царствіе Его. Ибо невозможно, чтобы Всесвятый и Всеблагій Богъ былъ въ единеніи съ тѣхъ, кто возлюбилъ грѣхъ и зло. Чтобъ опять возвратился къ намъ Богъ и опять пришло къ намъ царствіе Его, надлежало намъ престать и очиститься отъ грѣховъ. Но какъ мы не могли сего сами собою сдѣлать, какъ измаранное платье не можетъ отмыться само собою, и еще безъ воды, то пришелъ наконецъ Самъ, могущій обмыть насъ и очистить, чтобъ очистить насъ, и очистивъ, Богу открыть входъ въ насъ и царствіе Его вселить въ насъ. Сіе совершается въ таинствѣ св. крещенія, а кто согрѣшитъ послѣ крещенія, въ таинствѣ покаянія. И въ томъ и въ другомъ случаѣ отъ тебя требуется поканіе. Когда исполнишь ты сіе, тогда только и будешь ты готовъ пріять даръ, о коемъ молишься, говоря: *да прїдетъ царствіе Твое.* И прїдетъ и воцарится въ тебѣ Богъ благодатию Своею, и исполнить въ тебѣ и чрезъ тебя всякую волю Свою.

3. Надъ кѣмъ же не воцарился Богъ и кто не испытываетъ умнымъ чувствомъ души своей, что Богъ совершаетъ въ немъ волю Свою чрезъ Иисуса Христа, тотъ

напрасно трудится, напрасно и живетъ; надъ такимъ царствуетъ еще прельститель діаволь, а онъ того и не понимаетъ. Если мысленная душа его не пріяла еще умнаго чувства, чрезъ которое поняла бы, что пришло въ него царствіе Божіе, то ему не слѣдуетъ льстить себя надеждою спасенія. Ибо разумная душа, надъ кою воцарился Богъ, должна опытомъ познать благодать Божества, которое въ ней царствуетъ, и дѣломъ являть плоды Всесвятаго Духа, т.-е., любовь, радость, миръ, долготерпѣніе и прочее. Гдѣ царствуетъ Богъ, тамъ уже нѣтъ мѣста никакому дѣйствию работы діаволовъ, но все обращается на служеніе Богу.

4. Опять и тѣ, которые говорятъ къ Богу въ молитвѣ: *избави насъ отъ лукаваго*, а не знаютъ, кто такой лукавый, и какъ бываютъ одержимы и обладаемы отъ сего лукаваго, въ чемъ состоятъ узы его и та власть, которую имѣетъ онъ надъ тѣми, коими возобладалъ, такіе, какъ возможно, чтобы были избавлены Богомъ отъ лукаваго? Ибо не зная сего, они не знаютъ, чего просятъ у Бога; не зная же сего, не могутъ получить просимаго, сколько бы ни твердили: *избави насъ отъ лукаваго*.

Сей лукавый есть діаволь, который смѣсилъ съ ествомъ человѣческимъ законъ грѣха. Итакъ все время, какъ мы подчиняемся и служимъ этому лукавому посредствомъ злыхъ дѣлъ, какія дѣлаемъ, благій Богъ не имѣетъ части въ насъ и мы недостойны царствія Его, — такъ что ложно называемъ мы Его Богомъ и Отцемъ нашимъ, когда имѣемъ діавола властителемъ надъ собою, и отцемъ, и господомъ, и богомъ своимъ, коего и черты подобія имѣемъ въ себѣ, открывающіяся въ злыхъ дѣлахъ нашихъ, какъ говоритъ Господь къ Евреямъ: *вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хотите творити* (Іоан. 8, 44). Ибо какъ сынъ подобенъ отцу, потому что сынъ не откуда есть, какъ изъ отчаго естества,

такъ и христіанину надлежитъ имѣть подобіе Отцу своему, т.-е. Христу, открывающееся обычно въ плодахъ Духа Святаго, и не имѣть подобія лукавому діаволу посредствомъ грѣховныхъ страстей. Вотъ кто лукавый! Но надлежитъ также намъ знать и то, въ чемъ состоитъ влѣстительство лукаваго діавола, и какъ онъ властвуетъ надъ нами своимъ лукавствомъ и прельщеніемъ, и какъ можемъ мы разрушить его влѣстительство. Зная все сіе, мы будемъ понимать, чего просимъ, когда молимся: *избави насъ отъ лукаваго*. И услышаны будемъ. Избавитъ насъ Господь отъ лукаваго и всѣхъ дѣлъ его и всего служенія его. Избавивъ, разрушитъ влѣстительство его въ насъ, а вмѣсто его вселитъ царство Свое.

Сіе царство Христово приходитъ только къ тѣмъ, которые понимаютъ, въ чемъ оно состоитъ. Когда же оно придетъ и восцарствуетъ въ нихъ, тогда дѣлаетъ ихъ равноангельными. Ибо какъ отъ преслушанія первозданнаго Адама послѣдовала на родъ человѣческій клятва, за клятвою растлѣніе (разстройство естества), за растлѣніемъ смерть: такъ отъ послушанія втораго Адама пришло на родъ человѣческій вмѣсто клятвы благословеніе, за благословеніемъ нерастлѣніе (оздравленіе естества), за нерастлѣніемъ безсмертіе, за безсмертіемъ жизнь, подобная первоначальной жизни, отъ Бога и въ Богѣ; а гдѣ Богъ, оттуда бѣжитъ діаволъ и демоны его. Такъ освободился и избавился родъ человѣческій отъ работы діаволу чрезъ Іисуса Христа. Такимъ образомъ, пока не освободился еще кто отъ діавола, пусть и не думаетъ, что онъ настоящій человѣкъ; — и лучше было бы ему не родиться.

Того, что иные не знаютъ сами, чего просятъ у Бога, бываетъ двѣ причины: или невѣдѣніе, или нечувствіе. Неоглашенный и ненаученный не понимаетъ, что говорить, а безчувственный не чувствуетъ, чего ищетъ. И

какой изъ зажиточныхъ подаетъ милостыню тому человеку, который прося ее не знаетъ, что бормочетъ, и презрительно относится къ нему и не разъ уже доказалъ, что нисколько не чувствуетъ оказываемой ему милости? Такъ и Богъ не оказываетъ милости тѣмъ, кои въ молитвахъ своихъ суть мѣдъ звенящая и кимвалъ звяцаый. А отъ этого крѣпнеть царство діавола и расширяется влѣстительство его надъ христіанами, вслѣдствіе чего видимъ между христіанами много лжецовъ, бранчивыхъ, клеветниковъ, клятвопреступниковъ, завистниковъ, скупцовъ, хищниковъ, пьяницъ, блудниковъ, гордецовъ и подобныхъ; много и такихъ, которые скрывая свои пороки, лицемерно величаются тѣмъ, что суть христіане, тогда какъ по сердцу суть родъ лукавый, безчувственный, неблагодарный, непримирительный, человѣконенавистный, другоненавистный, братоненавистный, отцenenавистный, чадоненавистный, за что все и самъ Богу ненавистенъ. Горе таковымъ, когда и они поютъ псалмы Богу! Горе имъ, когда молятся! Горе, когда поклоняются Богу! Горе, когда творять милостыню! Горе, когда приносятъ дары Богу! Ибо и пѣснь нечестивыхъ мерзость предъ Богомъ, молитва гнѣвливаго и злопамятнаго — смрадное зловоніе, милостыня гордаго — жертва пса, благотвореніе развратника и блудника — мзда блудницы, даръ лихоимца жертва нечистая и кровь свиная.

5. Спросить кто, что же дѣлать таковымъ? Вотъ что надобно дѣлать! Пришедши въ чувство и познавъ свое недостоинство и окаянство, пусть раскается каждый изъ таковыхъ отъ всей души во всѣхъ грѣхахъ своихъ, и притекши къ отцу духовному, исповѣдуются ему во всемъ, взыщеть у него оглашенія словомъ истины и наставленія, что надлежитъ всякому христіанину знать и дѣлать; и затѣмъ воспріиметь жизнь, какою подобаетъ жить всякому истинному христіанину. Взыщеть пусть у него настав-

ленія о всемъ, а также и относительно молитвословіи.

Относительно молитвъ пусть разспросить, что значить каждое слово, чтобъ, когда станетъ молиться тѣми молитвами, понимать умомъ и чувствовать сердцемъ, что произносятъ уста. Такъ поется въ славословіи: Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе; спроси и узнай, что слава Божія, что миръ и благоволеніе въ челоуѣцѣхъ. Слышишь: Богъ Господь—и явился намъ: спроси и узнай, какое это явленіе. Такъ о всемъ прочемъ спрашивай и узнавай.

Слава Богу есть дѣланіе и храненіе заповѣдей Его; всякій христіанинъ, который не славить Бога исполненіемъ повелѣній Его и храненіемъ заповѣдей Его, хуже невѣрнаго. Ибо такъ говоритъ Богъ чрезъ пророка: *еще Отецъ есмь Азъ, то гдѣ слава Моя? и еще Господь есмь Азъ, то гдѣ страхъ Мой?* (Мал. 1, 6). Миръ есть Сынъ Божій, пришедшій на землю и вочелоуѣчившійся. Чрезъ Него пришло и благоволеніе, или опочитіе Бога въ челоуѣкахъ; потому что Богъ и Отецъ чрезъ воплощеніе Сына удовольлся и опочилъ въ челоуѣцѣхъ, и благоволилъ чрезъ Сына Своего опять примириться съ челоуѣкомъ, ставшимъ—было врагомъ Богу чрезъ грѣхъ, и опять исполнить его божественною жизнію, которой лишился онъ чрезъ преступленіе, какъ говоритъ и Апостоль: *оправдившися върою, миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ* (Рим. 5, 1). *Той бо есть миръ нашъ* (Еф. 2, 14), который насъ *иногда сущихъ отчужденныхъ и враговъ помысленъми въ дѣлахъ лукавыхъ, нынѣ... примири въ тѣлѣ плоти Его смертію Его, представи насъ святымъ и непорочнымъ и неповиннымъ предъ Собою: еще... пребываете въ вѣрѣ основани и тверди и неподвижими отъ упованія благовѣствованія, еже слышасте, проповѣданное всей твари поднебеснѣй, емуже быхъ азъ Павелъ служитель* (Кол. 1, 21—23).

Христіанинъ, который противится Богу и въ борьбу съ Нимъ вступаетъ чрезъ преступленіе заповѣдей Евангелія Христова, есть врагъ и себя самого и Бога, и имѣть миръ съ Богомъ такому нельзя. Врагами и противниками Богу (—хотя и именуемся вѣрными и христіанами) пребываемъ мы, доколѣ покорствуемъ и рабствуемъ страстямъ грѣховнымъ. Ибо Апостоль говорить: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ чловѣкамъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно, благочестно и праведно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ* (Тит. 2, 11. 12); такъ что кто не живетъ благочестно, тотъ тоже есть, что всякій невѣрующій нечестивецъ, и кто не живетъ цѣломудренно и праведно, тотъ далекъ отъ явившейся спасительной благодати Божіей. Какъ же можно полагать, что такой есть христіанинъ, съ Богомъ примиренный? Что имѣеть овъ реши Богу, входя въ храмъ Божій? Благодареніе, или прошеніе?—Еслибъ сталъ изрекать благодареніе, самъ себя прельщалъ бы, потому что ничего не имѣеть, ничего не получилъ, и всеу его благодареніе. Еслибы сталъ изрекать прошеніе, то какое,—когда самъ себя не знаетъ, ни бѣды, въ какой находится? Онъ тоже что нехристь, невѣрный и безбожникъ. Онъ мертвъ, потому что не вострѣялъ еще силы воскресенія Христова. Когда поетъ онъ: воскресеніе Христово видѣвше и проч., лжетъ, потому что лежитъ еще въ мертвыхъ и непричастенъ мысленнаго живогогого окропленія благодатію сходящею отъ Бога, которая есть врачевство отъ душевной смерти и мысленное воскресеніе изъ мертвыхъ.

Славное воскресеніе Христово есть собственное наше воскресеніе, которое мысленно совершается и проявляется въ насъ, ущерщеленныхъ грѣхомъ, чрезъ воскресеніе Христово, какъ гласитъ и пѣснь церковная, часто нами возглашаемая: „Воскресеніе Христово (въ себѣ

самихъ) видѣвши, поклонимся святому Господу Іисусу, единому безгрѣшному.“ Христосъ никогда не падалъ въ грѣхъ и никогда не измѣнялся въ славѣ Своей. Препрославленный и высшій всякаго начала и власти и силы, какъ умалился и умеръ ради насъ, такъ и воскресъ и прославился ради насъ, чтобъ бывшее въ Его лицѣ воспроизводить потомъ въ насъ и тѣмъ спасать насъ. Какъ тогда Онъ самъ, исшедши внѣ Іерусалима, пострадалъ, взопелъ на крестъ, и пригвоздивъ на немъ вмѣстѣ съ собою грѣхи всего міра, умеръ, сошелъ въ преисподнія страны ада, потомъ опять поднялся изъ ада, возшелъ въ пречистое тѣло Свое и тотчасъ воскресъ изъ мертвыхъ, а затѣмъ вознесся на небеса со славою и силою многою, и возсѣлъ одесную Бога и Отца: такъ теперь, когда мы исходимъ въ сердцѣ изъ міра сего и съ исповѣданіемъ страданій Господа входимъ въ гробъ покаянія и смиренія, тогда самъ Христосъ сходитъ съ небесъ, входитъ въ насъ какъ во гробъ, соединяется съ душами нашими и воскрешаетъ ихъ, явно въ смерти пребывающихъ. Воскресеніе души есть соединеніе ея съ жизнью, которая есть Христосъ. Какъ тѣло мертвое если не воспріиметъ въ себя живой души и не сольется съ нею нѣкимъ образомъ несліянно, не бываетъ и не именуется живымъ и жить не можетъ; такъ и душа не можетъ жить сама о себѣ, если не соединится неизреченнымъ соединеніемъ и не сочетается несліянно съ Богомъ, Который воистину есть жизнь вѣчная. И тогда только, какъ соединится она съ Богомъ и такимъ образомъ воскреснетъ силою Христовою, удостоится она узрѣть мысленно и таинственно-домостроительное воскресеніе Христово. Почему и поемъ: Богъ Господь и явился намъ. Благословенъ грядый во имя Господне.

Кто же не воспріялъ еще и не увидѣлъ воскресенія души своей, тотъ еще мертвъ и не можетъ поклоняться

достодолжно Господу Иисусу, вмѣстѣ съ увидѣвшими воскресеніе Христово, какъ говоритъ Апостоль: *никтоже можетъ реици Господа Иисуса точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3),—и въ другомъ мѣстѣ говорится: *Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, Духомъ и истинною достоинъ кланятися* (Іоан. 4, 24),—т.-е. силою Духа Святаго и едиnorodнаго Сына, Который есть истина. Мертвъ онъ; ибо не имѣть въ душѣ своей Бога, животворящаго всяческая, и не сподобился благодати исполненія и надъ нимъ изреченнаго Господомъ обѣтованія: Я и Отецъ Духомъ Святымъ придемъ къ тому, кто любитъ Меня и заповѣди Мои соблюдаетъ, и обитель у него сотворимъ (Іоан. 14, 23). Христосъ приходитъ и пришествіемъ Своимъ воскрешаетъ мертвую душу, и даетъ ей жизнь, и даруетъ благодать видѣть, какъ Онъ Самъ воскресаетъ въ ней и ее воскрешаетъ. Таковъ законъ новой жизни о Христѣ Иисусѣ, что Христосъ Господь благодатию Святаго Духа приходитъ къ намъ и воскрешаетъ умерщвленныя души наши, и даетъ имъ жизнь, и даруетъ очи видѣть Его самого, безсмертнаго и неплѣннаго, живущимъ въ насъ. Прежде же чѣмъ душа соединится съ Богомъ, прежде чѣмъ узрѣть, познаетъ и восчувствуетъ, что воистину соединена съ Нимъ,—она бываетъ совсѣмъ мертва, слѣпа, безчувственна; но при всемъ томъ, что мертва, все же по естеству своему безсмертна. Сіе страждетъ она отъ маловѣрія или безвѣрія. Еслибъ вѣрила, что есть судъ и мука вѣчная, не стала бы въ суетѣ иждивать жизнь свою, но бросила бы все и начала содѣвать свое спасеніе, и начавши, дошла бы и до оживленія и воскресенія своего.

Впрочемъ въ нынѣшнее время большая часть христіанъ, кажется, находится въ такомъ пагубномъ состояніи, въ какомъ не находились даже языки, не слыхавшіе имени истиннаго Бога; а между тѣмъ, думая о себѣ, что

не мертвы душею, они живутъ въ безпечности, и не видятъ, несчастные, лежащихъ предъ собою этихъ мертвецовъ, т.-е. душъ своихъ, какими изобразило ихъ наше слово. Нѣтъ, не-христіане такіе люди, не-христіане. И пусть они не обманываютъ себя. Они невѣрные, нечестивые, безбожники; и особенно если еще они монахи, или священники, О, сколь велико снисхожденіе и долготерпѣніе Твое, Христе Царю! Какъ не разверзется земля, чтобы поглотить насъ!—Какъ осмѣливается кто-либо изъ таковыхъ входить въ храмъ Божій,—и особенно во святая святыхъ!

Пиша къ Коринѳянамъ, апостоль Павелъ говоритъ: *не лѣстите себе, ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни сквернители, ни малакии, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни тати, ни пѣвницы, ни досадители, ни хищницы, царствіа Божія не наследятъ. И сими убо нѣцыи бысте, но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся именемъ Господа нашего, и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. 6, 9—11). Кто омылся, освятился и оправдался, тотъ или совѣтъ неподвижимъ на такіа злыя дѣла, какія поминаетъ здѣсь Апостоль, или неудободвижимъ. А кто удободвижимъ на нихъ, тотъ явно опять осквернился, опять лишился благодѣи Святаго Духа, полученной въ крещеніи, опять потерялъ оправданіе; и по сей причинѣ недостоинъ преступать порогъ храма Божія и входить въ него.

Итакъ кто видитъ, что онъ удободвижимъ на злыя дѣла, и сознаетъ, что обнаженъ отъ божественной благодати, тотъ пусть позаботится о себѣ и о спасеніи души своей, убѣдись изъ того, что неходится въ спасительной силы христіанства, и что имя Христово не принесетъ ему никакой пользы, но что вмѣстѣ съ діаволомъ пойдетъ онъ въ уготованный ему огнь адскій. Если какой христіанинъ не знаетъ, что для спасенія

необходимо быть обновлену и возсоздану, войти въ обоженное состояніе благодатною силою и дѣйствомъ Христа Спасителя содѣлаться новою тварію и новымъ челоѣкомъ,—для чего удомостроительствованы и вѣра и святое крещеніе, — тщетно называется онъ христіаниномъ. Ибо если не совершилось еще въ немъ такое измѣненіе, то все другое ни къ чему не служить, тщетны молитвы его, тщетны и псалмопѣнія. Отъ каковаго бѣдствія да избавить насъ Господь,—Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТОЕ.

1. Сколько видовъ познанія о Богѣ и какіе они?
2. Намъ надлежитъ знать, что есть Богъ, но что Онъ есть, того не должно допытываться.
3. Чтобъ быть христіаниномъ, надо вѣровать и креститься.
4. Кто называется и есть христіанинъ, и кто называется, но не есть христіанинъ?
5. Кто не творить воли Христа Спасителя, тотъ не христіанинъ.
6. Неправедные христіане хуже Евреевъ.

1. Есть пять видовъ познанія о Богѣ. Первый,—что Богъ не есть ничто изъ всего сущаго, видимаго или мыслимаго; второй,—что всякая вещь видимая, или мыслимая, отъ Бога получила бытіе и прежде того не существовала; третій,—что Богъ все создалъ, приведши то изъ небытія въ бытіе, не потому чтобы имѣлъ нужду въ чемъ-либо изъ того, но по единой благости Своей, чтобъ сдѣлать твари причастными славы Своей, и силы, и благобытія; четвертый,—что Онъ естествомъ благъ, и хочетъ всякаго блага и добра, и ненавидитъ всякое зло и всякій грѣхъ; пятый,—что добродѣтельная и богоугодная жизнь управляется силою Божіею, и другимъ способомъ она справлена быть не можетъ, если, т.-е., не посодѣйствуетъ

и не поможетъ сила Божія, все мысленно и невидимо объемлющая и содержащая.

Божество есть (сколько возможно о немъ сказать человѣку) единое существо и естество, пресущественное и преестественное, и три вѣпостаси. — Ина есть вѣпостась Отца, и ина — Сына, и ина Духа — Святаго. Едино Божество трехъ вѣпостасей соединенныхъ — Отца, Сына и Святаго Духа, единого Бога, такъ что Богъ ни едино есть (троичности ради лицъ), ни три (единства ради существа), но вмѣстѣ едино и три, т.-е. едино Божество и три лица. Пресущественное божество есть Умъ, имѣющій Слово и Духъ. Отецъ раждаетъ Сына и Духа Святаго изводитъ. Когда Богъ именуется Отцемъ, то разумѣется вмѣстѣ съ Сыномъ и Святымъ Духомъ. Когда Сынъ именуется Богомъ, разумѣется, яко Сынъ Бога Отца. Когда Духъ Святыи именуется Богомъ, разумѣется, яко исходящій отъ Отца и не чуждый Сыну. Единеніе сіе и различеніе непостижимы и неизреченны.

2. Намъ надлежитъ знать только, что Богъ есть; но доискиваться узнать, что есть Богъ, это не только дерзко, но и бессмысленно и неразумно. Горшечникъ, дѣлающій сосуды изъ персти, при всемъ томъ, что они одного съ нимъ естества (ибо и онъ изъ персти), никогда не слышалъ, чтобъ какой-либо сосудъ, изъ выдѣланныхъ имъ, началъ спрашивать и разслѣдовать, что такое этотъ горшечникъ, выдѣлавшій его. Конечно есть великое различіе между горшечникомъ и сдѣланнымъ имъ сосудомъ, хотя они одного естества; но различіе Бога отъ человѣка неизмѣримо велико. Посему, если Богъ не есть ни что изъ всего сущаго, видимаго, или мыслимаго, то желающій изслѣдовать и постигнуть естество Божіе, бессмысленнѣе горшечнаго сосуда. Дѣла Божіи — небо, солнце, луна, звѣзды, земля, море, человѣкъ, и всѣ прочія творенія, свидѣтельствуютъ, что есть Богъ, создавшій ихъ,

и всякій разсудительный человѣкъ по нимъ можетъ убѣдиться, что Богъ есть; но что есть Богъ, Котораго ни одинъ человѣкъ не видалъ и видѣть не можетъ, не должно намъ изслѣдовать, а лучше молчать объ этомъ, покаясь единому Богу и вѣруя въ Отца и Сына и Святаго Духа, въ едино естество и три упостаси, и въ великое таинство воплощеннаго домостроительства, т.-е. — что Богъ Слово, и Сынъ единосущный Отцу, не отдѣлясь отъ Отца, вошелъ въ утробу Дѣвы и воплотился, воспріялъ Себѣ совершенное человѣческое естество, пребывъ непреложно Богомъ, и воплощенно родился отъ Приснодѣвы Богочеловѣкомъ, въ двухъ совершенныхъ естествахъ Божества и человѣчества, соединенныхъ неслиянно и неизмѣнно; что потомъ Онъ волею пострадалъ и распялся, волею умеръ и погребенъ; что послѣ того воскресъ въ третій день и наконецъ черезъ сорокъ дней вознесся на небеса, яко человѣкъ, и сѣдитъ на престолѣ Божества Своего съ плотію Своею, воспѣваемый со Отцемъ и Святымъ Духомъ всѣми небесными воинствами; — что все сіе нами сказанное домостроительствовано для того, чтобы вѣрующіе во Христа чрезъ Него опять облакаемы были благодатію Святаго Духа, и съ помощію ея вѣрно исполняли заповѣди Божіи, побѣждая діавола и всѣхъ слугъ его — демоновъ. Ибо безъ благодати Святаго Духа никому невозможно не грѣшить, никому невозможно приступить къ исполненію святыхъ заповѣдей, и исполнять ихъ, и свергнуть съ себя власть и насильство, которое возымѣли надъ нами демоны.

3. И при этомъ (вѣруй), что намъ надлежитъ креститься въ Троицу единосущную, какъ и увѣровали, по заповѣди Господа нашего Іисуса Христа, данной Имъ Апостоламъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѡ. 28, 19); что все если соблю-

демъ, покажемъ любовь свою къ Нему, и чрезъ то сподобимся пребыть въ Его любви, какъ написано: *еще заповѣди Моя соблюдете, пребудете въ любви Моей: якоже Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ и пребываю въ любви Его* (Іоан. 15, 10). Ибо если не соблюдаемъ заповѣдей Его, то, явно, дѣлаемъ противное тому и тѣмъ показываемъ, что не любимъ Бога, какъ говорить: *не любяй Мя, словеса Мои не соблюдаетъ* (Іоан. 14, 24); и опять: *имѣяй заповѣди Моя и соблюдай я, той есть любяй Мя* (—21); такъ что вѣрующій во Христа ничѣмъ другимъ не можетъ доказать сію вѣру, кромѣ исполненія того, что заповѣдано Имъ, и удаленія отъ того, что Имъ воспрещено.

4. Хорошо вѣровать во Христа, но надобно вѣровать и Христу; ибо кто не вѣруетъ Христу, никакой пользы не получаетъ отъ того, что вѣруетъ во Христа. Итакъ надобно вѣровать во Христа, что Онъ есть Богъ единосущный Богу Отцу, воплотившійся ради насъ, какъ мы сказали; но надобно вѣровать и Христу и всѣмъ словамъ Его, вѣровать, что все то совершенно истинно, что ни сказалъ Онъ, истинны обѣтованныя Имъ блага, истинны и мученія, коими устрасилъ Онъ насъ. Св. мученики вѣровали и въ Него, вѣровали и Ему—въ томъ, что Онъ сказалъ: *кто отвергнется Меня, отвергнусь и Я того, и: претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Мѣ. 10, 33;—22). Почему и претерпѣвали всякія мученія до смерти; иначе какъ бы они восхотѣли умереть, еслибъ не вѣровали тому, что сказалъ Господь? И всѣ, которые пожили преподобно и праведно, потому жили преподобно и праведно, что вѣровали обѣтованіямъ и угрозамъ Христа Господа. Кто, вѣруя во Христа, говорить, что вѣруетъ и Христу, а между тѣмъ ни грѣховъ не избѣгаетъ, которые Онъ запретилъ, ни добрыхъ дѣлъ не дѣлаетъ, который Онъ заповѣдалъ, тотъ есть невѣр-

ный, отвергающійся Христа, и къ нему идетъ слово Апостола: *преступленіемъ закона Бога безчестуеши* (Рим. 2, 23). Если и говоритъ онъ, что вѣруетъ Христу во всѣхъ словахъ Его, потому что вѣруетъ во Христа, но не можетъ исполнять заповѣдей Его, потому что это требуетъ подвига и большаго труда и сопряжено съ большими препятствіями, то онъ лжетъ; ибо всѣ заповѣди, какія повелѣлъ Господь соблюдать Апостоламъ, а слѣд. и намъ, мы можемъ соблюдать даже среди міра, но не хотимъ, потому что слабы въ вѣрѣ и любви ко Христу, не имѣемъ твердой вѣры и горячей любви ко Христу, какъ подобаеть: иначе куда же мы дѣнемъ изреченіе Апостола, который говоритъ о Христѣ Господѣ, что Онъ *бысть намъ и правда, и освященіе, и избавленіе* (1 Кор. 1, 30), *Божія сила и Божія премудрость* (—24)?

Сила Христова въ вѣрующихъ двояка бываетъ, такъ какъ и самъ Онъ, хотя единъ есть лицомъ, но двойственъ естествами, — есть Богъ и человѣкъ. И какъ человѣкъ, намъ односущный и однородный, даруетъ сердцамъ нашимъ такое состояніе, какое должно имѣть человѣку, яко человѣку. Для того человѣку, общающемуся съ Нимъ, Онъ даетъ духъ покаянія, да будетъ сокрушенъ, смиренъ, внимателенъ, трезвенъ, умиленъ, чтобъ не уничижать и не презирать его, когда онъ будетъ молиться съ такимъ расположеніемъ, т.-е., съ сокрушеніемъ и смиреніемъ, о коихъ говоритъ пророкъ Давидъ: *сердце сокрушено и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. 50, 19); ибо кто не молится съ сердцемъ сокрушеннымъ, тотъ бываетъ презираемъ и уничижаемъ отъ Бога. Когда человѣкъ, содѣлавшись таковымъ, станетъ молить Бога о добродѣтеляхъ и взыщетъ ихъ, то Христосъ даруетъ ему ихъ, такъ какъ очевидно онъ является кроткимъ и готовымъ къ наученію путямъ Господнимъ, кои суть добродѣтели, — ибо только одни кроткіе способны быть на-

учаемы имъ, по слову Писанія: *научитъ кроткія путемъ своимъ* (Пс. 24, 9); и дѣлаетъ его такимъ образомъ (яко Богъ) чистымъ, цѣломудреннымъ, праведнымъ, мужественнымъ въ искушеніяхъ, мудрымъ въ божественномъ, благоутробнымъ, сострадательнымъ, милостивымъ, щедрымъ, человеколюбивымъ, благимъ, — настоящимъ христіаниномъ, носящимъ образъ Христа, и вѣрнымъ, коему ввѣряется благодать Всесвятаго Духа, чрезъ которую и отъ которой и стяжеваетъ онъ всѣ означенныя добродѣтели. Ибо только Богомъ дѣлаются дѣйственными въ человецѣхъ добродѣтели, и онъ становится такимъ образомъ подобнымъ небесному Отцу своему, — что теперь не совсѣмъ явно, но во всемъ свѣтѣ откроется въ будущемъ вѣкѣ, какъ удостовѣряетъ св. Іоаннъ Богословъ, говоря: *нынѣ чада Божія есмы, и не у явися, что будемъ, вѣмы же, яко, егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Ин. 3, 2), подобны, т.-е., Христу, Сыну Божію; ибо царство Божіе пріемлетъ только тѣхъ, которые подобны Сыну Божію. — Подобіе сіе водворяется чрезъ исполненіе заповѣдей Божіихъ; исполненіе заповѣдей бываетъ отъ любви ко Христу, какъ говоритъ самъ Онъ: *любый Мя, заповѣди Моя соблюдетъ*. Кто исполняетъ заповѣди Христа, тотъ бываетъ по подобію Его, потому что въ немъ воображается Христосъ, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ: *чадца моя, имжеже паки болѣзную, дождеже вообразится въ васъ Христосъ* (Гал. 4, 19). Царство Божіе не отверзается для того христіанина, въ коемъ не вообразился Христосъ.

5. Итакъ христіанинъ, который не творитъ воли Христовой, пусть не обманываетъ себя и не думаетъ, будто имѣетъ часть со Христомъ; ибо самъ Христосъ говоритъ: *не всякъ глаголюй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное: но творяй волю Отца моего, Иже есть на небесахъ* (Мѡ. 7, 21). Если самъ Онъ говоритъ такъ,

то какъ возможно, чтобъ былъ настоящимъ христіаниномъ тотъ, кто не творить воли Его и презираетъ заповѣди Его? Или съ какою надеждою исповѣдуетъ онъ Христа Господомъ и властителемъ своимъ, а не старается угождать Ему и служить?—Кто это исповѣдуетъ Христа Господомъ и властителемъ своимъ, а между тѣмъ не творить волю сего Господа своего? Демоны не творятъ воли Его, при всемъ томъ, что знаютъ и исповѣдуютъ, что Онъ есть Богъ; ибо говорятъ: *вѣлы, кто еси, Святый Божій* (Мр. 1, 24; Лк. 4, 34). Такъ что одинъ тотъ есть настоящий христіанинъ, который не только исповѣдуетъ Христа Господомъ своимъ, но творить и волю Его. Кто въ сердцѣ исповѣдуетъ и имѣетъ Христа Господомъ и Владыкою своимъ, тотъ подкрѣпляется силою призванія имени Христова на то, чтобы творить и волю Его. Если кто не подкрѣпляется такимъ образомъ, очевидно, что онъ исповѣдуетъ Христа только устами, сердцемъ же далеко отстоитъ отъ Него. Ибо невозможно, чтобъ кто-либо отъ всей души и отъ всего сердца исповѣдалъ Христа Господомъ, и не былъ подкрѣпленъ на то, чтобы творить волю Его.

По мѣрѣ вѣры нашей, получаемъ мы и помощь и живость на твореніе воли Христовой. Итакъ, кто творить заповѣди Христовы, тотъ мѣрою дѣятельнаго исполненія ихъ показываетъ и мѣру вѣры своей, потому что по мѣрѣ вѣры получается и мѣра благодати, дающей силу на дѣла по заповѣдямъ. И наоборотъ, кто не творить заповѣдей Христовыхъ, тотъ мѣрою бездѣйствія въ отношеніи къ заповѣдямъ показываетъ и мѣру невѣрія своего, потому что по мѣрѣ невѣрія лишается и благодати и возбуждающей къ дѣламъ по заповѣдямъ, и помогающей въ нихъ. Безъ Христа невозможно творить воли Христовой, какъ самъ Онъ говоритъ: *безъ Мене*

не можете творити ничесоже (Ин. 15, 5). Итакъ, кто не творить воли Христовой, тотъ, очевидно, есть безъ Христа, и никакой не принесетъ ему пользы то, что исповѣдуетъ Христа. Впрочемъ отъ души исповѣдывать Христа и творить волю Его кажутся только двумя дѣлами различными; въ существѣ же это одно и тоже дѣло, а не два, и одно изъ нихъ не можетъ стоять безъ другого, хотя нѣкоторые, не имѣя надлежащаго о семъ понятія, думаютъ, будто одно изъ нихъ можетъ стоять безъ другого, тогда какъ Апостолъ Іаковъ говоритъ: *вѣра, аще дѣлъ не имать, мертва есть о себѣ* (Іак. 2, 17); и Христосъ Господь взываетъ: *что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите, еже глаголю* (Лк. 6, 46)?—Истинно говорю вамъ, братія мои, что всякій человѣкъ, который творить грѣхъ, не есть рабъ Христовъ, но есть рабъ грѣха; рабъ же грѣха не имать пребывать во вѣки въ дому Бога и Отца. Тамъ пребываетъ Сынъ и тотъ, кого Сынъ освободить отъ рабства грѣху. Домъ Бога и Отца есть царствіе Его.

6. Итакъ, кто именуется христіаниномъ, и, говоря, что исповѣдуетъ Христа Богомъ и вѣруетъ въ Него, въ силу одного такого исповѣданія думаетъ, что есть христіанинъ и имѣетъ сподобиться царствія Христова, тотъ обманывается. Ибо возможно ли, чтобъ былъ христіаниномъ тотъ, кто каждый день, или лучше сказать, каждый часъ дѣлами своими отрицается Христа, Котораго на словахъ исповѣдуетъ Богомъ? Послушай, что говорить Апостолъ Павелъ о такихъ: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмежутъ Его, мерзцы суще и непокориви, и на всякое дѣло благое не искусни* (Тит. 1, 16). Кто не творить заповѣдей Христовыхъ, пусть не думаетъ, что не отрицается тѣмъ Христа. Нѣтъ, въ каждомъ преступленіи заповѣди Христовой онъ отрицается Христа; какъ на оборотъ, кто творить заповѣди Христовы, тотъ

каждымъ исполненіемъ заповѣдей исповѣдуетъ Христа. Какъ тѣ, вѣруя только на словахъ, отрицаются вѣры дѣлами своими; такъ наоборотъ эти, дѣлая дѣла, соотвѣтственные вѣрѣ, подтверждаютъ дѣлами сими свое устное исповѣданіе вѣры. Ибо они преисполнены страха предъ Тѣмъ, Кого исповѣдуютъ Богомъ. И страхъ сей научаетъ ихъ не нарушать ни въ чемъ даже малѣйшемъ познанной воли Божіей, видѣть ли кто ихъ или не видѣть. Многіе, страха ради или стыда человѣческаго, или ради того, чтобъ угодить людямъ, не дѣлаютъ зла, — что одно и тоже, какъ бы они дѣлали его; какъ наоборотъ, которые дѣлаютъ добро по такимъ же побужденіямъ, тоже что какъ бы и не дѣлали его. Кто дѣлаетъ добро въ угоду людямъ, или по другой какой страсти, непотребенъ предъ Богомъ. Надобно во всякомъ добромъ дѣлѣ, словѣ и помышленіи имѣть цѣлю угожденіе Богу и славу Его, какъ учить св. апостоль Павелъ, говоря: *еще ясте, еще ли пиете, еще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (1 Кор. 10, 31). Если слово сіе истинно и твердо, каково оно и есть воистину, то какое оправданіе себѣ могутъ представить тѣ, которые дѣлаютъ дѣла только напоказъ предъ людьми? Напоказъ дѣлали дѣла фарисей, — и вотъ какое для насъ опредѣленіе изрекъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ по поводу сего: *еще не избудете правда ваша паче книжниковъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Мѣ. 5, 20). То-есть: если не перестанете вы дѣлать дѣла напоказъ, какъ дѣлали фарисей, и не будете дѣлать ихъ во славу Божию, то въ царствіе Божіе не внидете. Ты же вотъ о чемъ при семъ помысли! Если непревышающій правды фарисейской не внидетъ въ царствіе Божіе, то что будетъ съ тѣми, кои больше имѣютъ неправдъ или грѣховъ, чѣмъ книжники и фарисей? Участи таковыхъ да избавить насъ Богъ и научивъ насъ дѣлать дѣла единственно въ

угожденіе Ему и въ славу Его, да сподобить царствія своего во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

1. Два есть главнѣйшихъ дѣла, изъ коихъ въ одномъ пагуба, въ другомъ спасеніе.

2. Гордость растеть вмѣстѣ съ человѣкомъ.

3. Всякому необходимо сознать, что онъ ничто.

4. Главная черта христіанина есть смиреніе.

5. Есть двѣ жертвы, благопріятныя Богу, безъ коихъ нѣтъ спасенія.

6. Какой признакъ того, что приближается кто къ Богу?

1. Два есть главнѣйшихъ дѣла въ настоящей жизни: одно есть величайшее добро, а другое—величайшее зло; первое, яко верховное благо, возводитъ человѣка на небеса, а другое, какъ крайнее зло, низводитъ его въ преисподняя ада; то есть истина, а это ложь; то есть великое упокоеніе, а это—скорбь безмѣрная; первое есть верхъ разумности, второе — край безумія; первое родственно и свойственно человѣку, второе враждебно и чуждо; первое есть все прямота, второе все кривость; первое радость и веселіе, второе печаль и томленіе. Какія же это дѣла? Смиреніе и гордость: одно есть весь грѣхъ,—это гордость; а другое—вся правда,—это—смиреніе. Разсмотри грѣхъ, коимъ согрѣшилъ Адамъ, когда находился въ раю, въ славѣ и всякомъ наслажденіи, и увидишь, что онъ согрѣшилъ не по какой-либо необходимости или немощи, или по какому-либо благословенному предлогу, а по одному презорству къ заповѣди Божіей, а это отъ гордости и неблагодарности къ Творцу своему и Богу, доведшихъ его до отступленія (отъ Бога), въ какое первымъ низвергся діаволъ по собственному своему произволенію.

2. Надобно знать, что гордость рождается въ душѣ человѣка отъ невѣдѣнія себя самого, поражающаго

самомышленіе, по коему думаютъ, что имѣютъ нѣчто, тогда какъ ничего не имѣютъ; и она растетъ вмѣстѣ съ возрастомъ человѣка. Почему нужно всякаго человѣка, съ малства, прежде чѣмъ познаетъ онъ что—либо другое, научать познанію себя самого,—изъ чего онъ есть, что есть и чѣмъ покончить жизнь,—т.-е. что засѣменяется онъ тлѣннымъ нѣчѣмъ и невзрачнымъ, образуется среди нечистотъ, растетъ подобно травѣ селной, составляется изъ многихъ смѣшеній, удобообразлагаемыхъ, — что вся жизнь его есть борьба со смертію, а во внутренностяхъ своихъ еще прежде смерти носить онъ то, что есть смрадъ и зловоніе. Ибо кто не знаетъ себя, что такое онъ есть, мало-по-малу впадаетъ въ гордость и дѣлается буимъ и несмысленнымъ. И что можно найти несмысленнѣе человѣка, который, будучи весь покрытъ проказою, гордится потому только, что носить свѣтлыя и позлащенные одежды, хотя самъ въ себѣ сраменъ и половъ безобразія? А когда выйдетъ онъ изъ ума по причинѣ гордости своей, тогда дѣлается орудіемъ діавола во всѣхъ своихъ словахъ и дѣлахъ и становится врагомъ Богу. Но что можетъ быть бѣдственнѣе того, когда кто поставитъ себя врагомъ Богу? Ибо когда кто заболитъ тѣломъ, чувствуетъ свою болѣзнь и идетъ ко врачамъ; но кто заболѣваетъ душою, не чувствуетъ своей болѣзни, а напротивъ чѣмъ болѣе разбаливается, тѣмъ болѣе становится нечувствительнымъ и потому не хочетъ идти ко врачамъ духовнымъ. Такимъ образомъ когда увидишь, что какой-либо человѣкъ гордится, знай, что по мѣрѣ гордыни его онъ страдаетъ и нечувствіемъ душевнымъ, и пожалѣй объ немъ; ибо кто болитъ и не чувствуетъ, что боленъ, тотъ близокъ къ смерти. Таковъ этотъ грѣхъ, ввергающій душу въ смерть; ибо гордый есть больной безчувственный,—который т.-е. не сознаетъ и не чувствуетъ своей болѣзни, а это и есть смерть

души. Случись, что кто-либо изъ таковыхъ еще привыкъ учить и вразумлять другихъ,—то это уже законченный мертвецъ, для котораго не требуется болѣе врача.

3. Итакъ необходимо учить и научить человѣка самопознанію, чтобъ, онъ зналъ себя и такимъ образомъ смиренномудрствовалъ. Смиренномудріе есть главнымъ образомъ разумность. Какъ гордый неразуменъ и безсмысленъ, такъ напротивъ смиренный разуменъ и смысленъ. Поелику такимъ образомъ безуміе и слѣпота гордыни такъ близки къ людямъ и такъ сильны въ нихъ, то всеблагій Богъ опредѣлилъ, чтобъ вмѣстѣ съ радостнымъ находили на насъ и прискорбности, чтобъ чрезъ то научались мы смиренствовать, а не гордиться. Можешь удостовѣриться въ этомъ отъ пакостника плоти, пособника сатанина, томившаго апостола Павла, который чудеса творилъ и такую презѣльною украшался славою Божіею. Почему намъ надлежитъ благодарить Бога болѣе за скорби, чѣмъ за утѣшеніе, и радоваться прискорбному, какъ радуемся обвеселяющему. Итакъ, всякому человѣку необходимо знать себя самого, что онъ—ничто. Того, кто не знаетъ себя самого, что онъ ничто, не можетъ спасти Самъ всемогущій Богъ при всемъ томъ, что желаетъ спасти его. И еслибы кто принесъ Богу въ даръ весь міръ (что конечно невозможно), а не думалъ о себѣ, что есть ничто, не можетъ спастися никакимъ образомъ.

4. Итакъ не требуется, чтобъ человѣкъ въ замѣнъ за душу свою далъ что-либо другое, кромѣ познанія себя, что онъ ничто. Только при этомъ способенъ онъ будетъ принести Богу сердце сокрушенное и смиренное,—единственную жертву, которую всякому благочестивому человѣку пристойно приносить Богу. Этой одной жертвы Богъ не уничтожитъ, зная, что человѣкъ ничего не имѣетъ собственнаго, что бы могъ принести Ему, какъ говорить

и святой Давидъ: *аще бы восхотѣлъ еси жертвы, далъ быхъ убо: всесожженія не благоволиши. Жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. 50, 18. 19). Этою жертвою спасались, спасаются и будутъ спасаться всѣ цари, вельможи, благородные, низкородные, мудрые, неученые, богатые, бѣдные, нищіе, воры, обидчики, лихоимцы, развратники, убійцы и всякій родъ грѣшниковъ. Глубина смиренія—сей спасительной жертвы—должна быть измѣряема мѣрою грѣховъ, т.-е. по мѣрѣ грѣховъ, какіе надѣлалъ человѣкъ, да будетъ у него и смиреніе съ сокрушеніемъ. Но и самые праведники и преподобные, и чистые сердцемъ, и всѣ спасенные спасаются не инымъ чѣмъ, какъ этою жертвою. И милостыня, и вѣра, и удаленіе отъ міра, и самый великій подвигъ мученичества, и всякія другія жертвы возжигаются отъ воспламененія сей жертвы, т.-е. сокрушенія сердечнаго. Это такая жертва, для которой нѣтъ грѣха, побѣждающаго человѣколюбіе Божіе. Для сей единой жертвы (чтобъ была и сохранялась) бываютъ болѣзни, скорби, тѣсноты, самое паденіе, страсти душевныя и сопутствующія имъ страсти тѣлесныя,—все для того, чтобъ всякимъ богобоязненнымъ приносима была Богу сія жертва. Кто стяжетъ сію жертву сокрушенія со смиреніемъ, тому некуда пасть, потому что онъ имѣетъ себя ниже всѣхъ. И Богъ сошелъ на землю и смирилъ Себя даже до смерти не для чего другаго, какъ для того, чтобъ въ вѣрующихъ въ Него созидать сердце сокрушенное и смиренное.

5. Двѣ есть жертвы, которыя пріемлетъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, и за которыя милуетъ и всякаго человѣка въ отдѣльности, и весь міръ въ совокупности,—изъ коихъ одна есть самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій и Богъ воплотившійся, а другая—сокрушенное и смиренное сердце каждаго

вѣрующаго въ Него. И такъ пусть кто заберетъ все свое имущество и раздастъ бѣднымъ, пусть постится, совершаетъ бѣднїя, спитъ на голой землѣ, творитъ молитвы день и ночь, а не взыщетъ отъ Бога стяжать себѣ сердце сокрушенное и смиренное (— ибо *всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяй отъ Отца сътовъ* — Іак. 1, 17), никакой не получить такой пользы отъ трудовъ своихъ. Почему надлежитъ взыскать ту единую стезю, на которой стяжевается сердце сокрушенное и смиренное, ибо кто стяжетъ такое сердце, тотъ будетъ шествовать по землѣ, какъ бы шествовалъ горѣ—въ царствїи небесномъ. И въ послѣдній часъ смерти сокрушенные и смиренные сердцемъ получаютъ удостовѣреніе, что помилованы милостивымъ Богомъ, отходятъ радуясь и веселясь. Такъ великъ сей, ни съ чѣмъ несравнимый, даръ Божій. Онъ есть основаніе восхожденія по лѣстницѣ добродѣтелей, и нисхожденія дара чудотвореній и знаменій, — есть воскресеніе душъ, бывающее еще въ настоящей жизни, прежде общаго воскресенія тѣлъ,—есть избавленіе, для котораго Богъ и Отецъ далъ Сына своего, чтобы всякій вѣрующій не погибъ, а имѣлъ жизнь вѣчную, и имѣя сію вѣчную жизнь, зналъ единаго истиннаго Бога, и Егоже послалъ Онъ, Іисуса Христа (Іоан. 17, 3).

6. Истинное боговѣдѣніе съ богобоязненностію раждаютъ смиренномудрый нравъ, а смиренномудріе порождаетъ нравъ кроткій; кротость же и смиреніе, въ нравъ обратившіяся, приближаютъ къ Богу. Эти двѣ добродѣтели сліяны одна съ другою и показываютъ человѣка богобоязненнаго, и по мѣрѣ смиренія и кротости, въ какой имѣетъ ихъ богобоязненный человѣкъ, явно бываетъ, сколько близокъ онъ къ Богу, какъ напротивъ гордость и гнѣвливость показываютъ, какъ далекъ человѣкъ отъ Бога. Посему Господь нашъ Іисусъ Христосъ, всевышній Богъ, смирилъ Себя даже до крестной смерти, чтобы

отъ Него заимствовали смиреніе всѣ и вѣрующіе въ Него и крестящіеся, вкушающіе тѣло Его и пьющіе кровь Его, каковыми таинствами подается имъ безсмертіе и жизнь вѣчная. Ибо таинственное общеніе съ Господомъ нашимъ Іисусъ-Христомъ, Богомъ всевышнимъ, приноситъ три дѣйственные плоды: жизнь, безсмертіе и смиренномудріе. Жизнь и безсмертіе дѣйствуются чрезъ смиреніе, и опять вслѣдствіе жизни и безсмертія дѣйствуется смиреніе. Смиреніе требуется и прежде жизни и безсмертія, и послѣ, и есть такимъ образомъ и первое и третье: первое, потому что есть причина прочихъ двухъ, — т. е. жизни и безсмертія; третье, какъ ихъ объемлющее и удерживающее. — Итакъ, который христіанинъ не стяжалъ себѣ смиренія Христова, такъ чтобъ оно составляло естественное какъбы его свойство, ничего уже не получить отъ Христа и Христосъ ничтоже пользуетъ ему. Таковой не знаетъ ни Бога, ни себя самого: ибо еслибы зналъ, что безъ Христа невозможно сдѣлать ничего истинно добраго и спасительнаго, то конечно смирился бы, и какъ въ царское одѣяніе, облекся бы въ смиреніе Христово, посредствомъ коего христіане дѣлаются царями, царствуютъ и господствуютъ надъ страстями и демонами силою Его. По мѣрѣ истиннаго и совершеннаго смиренія бываетъ и мѣра спасенія. Родитель же и отецъ смиренномудрія есть умъ, просвѣщаемый благодатію Христовою, и помощію сего божественнаго свѣта ясно видящій немощь свою, какъ напротивъ отецъ высокомудрія и гордости есть умъ, покрытый мракомъ невѣдѣнія, отъ каковаго мрака о когда бы избавиться и намъ всѣмъ, и, просвѣтясь свѣтомъ божественнымъ, придти въ смиренномудріе, благодатію и челоуѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему слава и держава, со безначальнымъ Его Отцемъ и животворящимъ Духомъ, въ безконечные вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Посланное къ нѣкому брату христіанину—о показаніи, гдѣ показывается, что надобно дѣлать тому, кто послѣ того, какъ впалъ въ грѣхъ и приобрѣлъ злой навыкъ, поваялся и положилъ начало исправленію.

Отъ Божественныхъ Писаній научены мы, брате мой, что не должно никогда, ни по причинѣ множества грѣховъ нашихъ отчаяваться, ни опять слишкомъ много полагаться на силу епитимій, возлагаемыхъ духовнымъ отцемъ за грѣхи наши: такъ что ни тому, кто всталъ отъ паденія, т.-е. престалъ отъ грѣховъ, не слѣдуетъ слишкомъ дерзать сего ради, ни тому, кто палъ, не слѣдуетъ отчаяваться; но и кто много нагрѣшилъ, да дерзаетъ о покаяніи, и кто въ небольшія впалъ погрѣшности, да не думаетъ, что получить прощеніе грѣховъ своихъ за одни свои добрыя дѣла, но да явитъ и онъ покаяніе,—и покаяніе не то, которое объявляется словами, или показывается постомъ, сухояденіемъ, долугеганіемъ и другими подобными лишеніями тѣлесными, хотя и это все идетъ къ дѣлу, но которое бываетъ въ сокрушеніи и болѣзнованіи души и сердца, — каковое показалъ и пророкъ Давидъ, при всемъ томъ, что жилъ въ мірѣ и былъ обремененъ многими необходимыми заботами.

Ибо онъ, размысливъ самъ съ собою, сколь благого и щедраго Владыку прогнѣвалъ тѣмъ, что сдѣлался преступникомъ заповѣдей Его и оказался неблагодарнымъ къ Нему, забывъ многіе и неисчетные дары Его и благодаренія, всю жизнь свою болѣзновалъ о томъ душею и горькія проливалъ слезы, какъ самъ удостовѣряетъ въ томъ. Онъ самъ себя поражалъ чувствами своего несчастія и бѣдственнаго положенія, самъ себя всячески сокрушалъ и смирялъ, рыкая отъ воздыханій сердца своего, какъ намъ каждодневно возвѣщаютъ о томъ

псалмы его. Такія скорбѣнія причинялъ самъ себѣ Давидъ, когда покаялся, несмотря на то, что былъ царь и долженъ былъ заботиться о толикомъ народѣ, о женѣ и дѣтяхъ, о домѣ и царствѣ.

Что также сдѣлалъ Манассія и всѣ другіе, покаявшіеся послѣ него, о коихъ знаешь и самъ ты, какъ-то: Петръ, верховный изъ Апостоловъ, мытарь, разбойникъ, блудница? И что приводитъ многихъ,—что сдѣлалъ блудный сынъ, ижившій отцовское наслѣдіе съ блудницами и мытарями? За какія дѣла всѣ эти получили прощеніе грѣховъ своихъ? За посты ли свои или бдѣнія? За милостыни ли, розданныя бѣднымъ, или за другой тяжелый для тѣла трудъ? Нѣтъ, не за это получили они прощеніе, а за искреннее раскаяніе, за сокрушеніе и болѣзнованіе сердца, за слезы, излитыя ими изъ глубины души, по причинѣ осужденія ихъ совѣстію своею. Пришедши въ чувство грѣховъ своихъ, каждый изъ нихъ осуждалъ и окаявалъ себя, и плакалъ отъ души, и за это получалъ прощеніе грѣховъ своихъ.

Это же самое бываетъ и теперь со всѣми, прибѣгающими ко Христу съ теплыми слезами и истиннымъ покаяніемъ. И ни предъ кѣмъ изъ таковыхъ не заключается и никогда не заключить человѣколюбной утробы Своей благодати человѣколюбивый и всеблагій Господь. Прощеніе грѣховъ cadaго грѣшника не бываетъ за какія-либо дѣла, чтобъ не возгордился кто по этому поводу, но по человѣколюбію Божію и благодати.

Знать впрочемъ надлежитъ, что для полученія прощенія грѣховъ требуется не только искреннее отъ всей души раскаяніе въ нихъ, но еще и твердое намѣреніе не падать болѣе въ тѣ же грѣхи и не возвращаться вспять. И это требованіе не падать опять въ тѣ же грѣхи очень трудно намъ соблюсти, если со всѣмъ рвеніемъ и усердіемъ не окружимъ себя благопотребными

охранами и не облечемся въ духовныя оружія, чтобъ помощію ихъ противостоятъ мысленнымъ врагамъ нашимъ демонамъ. Ибо какъ мы были уже завладѣваемы врагомъ посредствомъ грѣховъ, и поработяся плотскимъ сластямъ и страстямъ, подчинялись уже и служили діаволу, то всячески тѣже похоти и сласти и опять будутъ въ насъ подниматься, чтобъ опять, какъ рабовъ безчестныхъ, увлочь насъ съ насиліемъ на служеніе и работу врагу нашему діаволу и на убѣжаніе отъ работы Владыкѣ нашему Христу, чрезъ преступленіе заповѣдей Его и нарушеніе обѣтовъ, какіе дали Ему въ покаяніи. Итакъ, чтобъ не случилось намъ пострадать что-либо такое, надлежитъ намъ, въ помощь себѣ, заимствовать изъ святаго Писанія оружіе противъ всякаго врага, нападающаго на насъ, какъ учить насъ примѣромъ своимъ божественный Давидъ, говоря: *сего ради ко всѣмъ заповѣдемъ Твоимъ направляясь, всякъ путь неправды возненавидѣхъ* (Пс. 118, 128). Похотѣнію, возбуждаемому вражескими помыслами, противопоставимъ память о смерти, страшномъ судѣ и нестерпимыхъ мукахъ ада; лѣности противопоставимъ усердіе и ревность, кревоугодію постъ, сластолюбію воздержаніе, многопитію малопитіе или непитіе, жженію плоти представленіе огня вѣчнаго; будемъ упражняться въ частой и вседушной къ Богу молитвѣ, со бдѣніемъ и пощеніемъ. Если будемъ такъ поступать противъ каждой страсти, насъ борющейся (не стану перечислять ихъ, чтобъ не удлинить слова), и стяжемъ противоположную каждой такой страсти добродѣтель, то навѣрное будемъ сохранены невредимыми и неуязвимыми отъ врага, потому что тогда добродѣтели тѣ будутъ блюсти насъ, какъ какіе-нибудь сильные воины. Еслибъ пресѣченіе злаго обычая и удержаніе себя отъ соотвѣтственныхъ ему безмѣстныхъ дѣлъ можно было справить безъ потовъ и трудовъ, тогда одного это-

го удержанія себя было бы достаточно для кающихся во спасеніе свое. Но дѣло не такъ есть.

Въ придатокъ къ тому, что я написалъ тебѣ доселѣ, се пишу тебѣ на память и о томъ, что еще имѣешь ты долгъ дѣлать и хранить. Это вотъ что: когда совершается божественная литургія и священникъ или диаконъ скажетъ: *лицы оглашеннии изыдите*, выходи изъ церкви и становись въ нарѣикъ (въ преддверіи храма), и не говори въ это время ни съ кѣмъ, но воспоминай о грѣхахъ своихъ и плачь; потомъ, когда кончится божественная литургія, можешь опять входить въ церковь. Когда придетъ вечеръ, послѣ повечерія поди въ какое-либо особое мѣсто и исполни такое молитвенное правило: Трисвятое; 50 псаломъ, т.-е. „помилуй мя Боже по величѣй милости Твоей“; Господи помилуй — 50 разъ; Господи прости мнѣ грѣшному—50 разъ; 6-й псаломъ, т.-е. *Господи, да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеша мене*; Господи, елика согрѣшихъ словомъ, дѣломъ и помышленіемъ, прости мнѣ. Приложи и 25 метаній (поясныхъ поклоновъ). Въ среду и пятницу воздерживайся отъ мяса, сыра, яицъ, рыбы, вина и масла, по правилу св. Апостоловъ. Въ посты: св. Апостоловъ, Богородичный-успенскій и предрождественскій, не ѣшь мяса, сыра и яицъ, отъ прочаго же вкушай въ мѣру, съ воздержаніемъ. Молитвы, т.-е. псалмы, какъ сказано, и поклоны исполняй въ это время вдвойнѣ. Въ великую же Четыредесятницу не разрѣшай на масло и вино, кромѣ субботъ и воскресеній, но потому плоть свою, по силѣ своей, какъ прилично христіанамъ, желающимъ спастися; молитвенное же правило исполняй вдвойнѣ и въ Четыредесятницу, какъ назначено для другихъ постовъ. Надобно еще тебѣ воздержаться отъ божественныхъ и страшныхъ таинъ, т.-е. не причашайся пречистаго тѣла и

пречестной крови Господа нашего Іисуса Христа; я же тебѣ совѣтую, воздержись и отъ благословеннаго хлѣба или антидора. Все это вѣрно соблюдай до тѣхъ поръ, пока помысль твой и расположеніе твое не отложатся отъ злыхъ дѣлъ грѣховныхъ, пока не стяжешь твердаго намѣренія никогда уже не оставлять добрыхъ дѣлъ и добродѣтелей и совершенно не возненавидишь грѣхъ. Когда же увидишь наконецъ въ себѣ самомъ, что достигъ ты такого добраго состоянія, т.-е. что совершенно возненавидѣлъ ты грѣхъ, а въ расположеніи дѣлать добро утвердился, и когда притомъ чрезъ испытаніе удостовѣришься, что рѣшимость твоя воздерживаться отъ грѣха непреложна, тогда, брате мой, приступи къ божественнымъ тайнамъ съ несомнѣнною вѣрою, что не простой хлѣбъ и не простое вино вкушаешь, но причащаешься воистину тѣла и крови Божіихъ.

Поступивъ такъ, ты сдѣлаешься причастникомъ славы Христа Господа, и посредствомъ сихъ таинъ получишь совершенное отпущеніе грѣховъ, воспріимешь въ себя жизнь вѣчную и содѣлаешься сыномъ свѣта и дня. Если же прежде исполненія всего сказаннаго, т.-е. прежде чѣмъ покажешь достодолжное покаяніе, дерзнешь ты причаститься тѣла и крови Христовыхъ; то демоны, видя, какъ презрѣлъ ты Бога и причастился недостойно, всѣ устремятся на тебя и, схвативъ тебя немилостиво и безчеловѣчно, низринутъ опять въ ровъ прежняго непотребства. Тогда вмѣсто христіанина сдѣлаешься ты христуубійцею и будешь осужденъ вмѣстѣ съ тѣми, кои распяли Христа, какъ говоритъ апостоль Павелъ: *уже еще ястъ хлѣбъ сей или пьетъ чашу Господню недостойнъ, повиненъ будетъ тѣлу и крови Господни* (1 Кор. 11, 27), т.-е. подъ такой же подпадетъ приговоръ, подъ какой и распявшіе Господа.

Больше того, что уже написалъ, не буду тебѣ пи-

сать, боясь быть тебѣ въ тягость. Ты же, брате, если сдѣлаешь что и больше того, себѣ же принесешь пользу и душѣ своей уготовишь будущія блага. Что я написалъ, написалъ тебѣ дѣлать то не въ томъ смыслѣ, что такіе труды приносятъ очищеніе души и оставленіе грѣховъ, но въ томъ, что симъ образомъ удобнѣе тебѣ удержать въ душѣ память о грѣхахъ своихъ и сокрушиться о нихъ. Еслибъ я зналъ, что тѣмъ опечалю тебя, то и этого немногаго не написалъ бы любви твоей. Я хочу отъ тебя только одного того, чтобы ты въ сокрушеніи и болѣзнованіи о прошедшемъ отсѣкъ злой навѣкъ свой грѣховный и пресѣкъ безмѣстныя дѣла свои. Это отсѣченіе и прекращеніе съ сокрушеніемъ прошу тебя непременно соблюсти. И если тебѣ возможно соблюсти это безъ потовъ и другихъ трудовъ, я удовольствуюсь однимъ этимъ. Пиши ко мнѣ чаще о здравіи твоёмъ, чтобъ я видѣлъ вѣру и любовь твою ко мнѣ и теплѣе воспоминалъ о тебѣ, когда воздѣваю къ Богу руки мои, недостойный. Благодать Божія да будетъ съ духомъ твоимъ. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Къ причащающимся божественныхъ таинъ. — И кто причащается недостойно.

Какъ еслибы какой человекъ благородный и богатый, оставя протертую и обычную дорогу и уклонясь къ мѣстности пустынной и труднопроходимой, попалъ въ руки разбойниковъ, которые, схвативъ его, сняли съ него хорошія одѣянія, какія носилъ онъ, и одѣли его въ рубища пропитанныя кровію и всякими нечистотами, и затѣмъ, оставя его съ собою, заставили и его вмѣстѣ съ собою объѣдаться, напиваться и дѣлать срамныя дѣла, а также и разбойничать, какъ они, и онъ находилъ

бы удовольствіе въ многояденіи, что ни попадется, въ многопитіи и нечистыхъ дѣлахъ, а современемъ, привыкши къ ихъ разбойническимъ обычаямъ, совсѣмъ остался у нихъ, забывъ и все родство свое, и прежнюю благородную и честную жизнь, по той причинѣ, что совсѣмъ охладѣла въ немъ любовь, какую имѣлъ прежде, къ честнымъ и благочестивымъ правамъ и обычаямъ: тоже самое и еще худшее страждетъ и христіанинъ, который, оставя путь, коимъ подобаетъ шествовать христіанамъ, уклоняется на распутія діавольскія, когда т.-е. онъ, скажемъ къ примѣру, оставя честную и трудолюбную жизнь, чтобъ жить своимъ и довольствоваться немногимъ, возлюбить жизнь съ мірскими утѣхами, и для того начнетъ употреблять неправду, обиду и хищеніе, а потомъ дойдетъ и до нечистыхъ и срамныхъ дѣлъ блудныхъ. Не очевидно ли, что такой впалъ въ руки демоновъ и обнаженъ ими отъ благодати святаго крещенія?

Явнымъ же признакомъ того, что онъ обнаженъ отъ благодати святаго крещенія служить его собственное признаніе, что никакъ не можетъ пресѣчь и отсѣчь срамной похотливости своей и не можетъ воздержаться, чтобъ не удовлетворять ее срамными дѣлами. И сколько у насъ такихъ несчастныхъ, которые тѣмъ несчастнѣе, что не сознаютъ и не чувствуютъ своего бѣдственнаго положенія?! А между тѣмъ видимъ, что нѣкоторые изъ нихъ доходятъ до такого безумія, что дерзаютъ причащаться пречистаго тѣла и безцѣнной крови Христовыхъ. Какое безстыдство и самозабвеніе! Горе священнику, который преподаетъ таковому божественныя тайны, горе и ему, причащающемуся ихъ. Горе причащающемуся, потому что причащаясь, послѣ срамныхъ дѣлъ, не очищенныхъ покаяніемъ и епитиміями, онъ все больше и больше подпадаетъ власти діавола, а наконецъ и совсѣмъ имъ завладѣвается; и Богъ совер-

шенно оставляет такого за его срамность и нечистоту, и особенно за его безстыдство и дерзость, как пишетъ святое Евангеліе объ Іудѣ, что какъ только причастился онъ поданнаго ему Христомъ Господомъ хлѣба, сей божественной вечери, тотчасъ *по хлѣбъ вииде въ онъ сатана* (Іоан. 13, 27). Горе священнику, причащающему его, что удостоиваетъ причастія недостойнаго и преподаетъ пречистое тѣло и честную кровь Христа Спасителя тому, кто недостойнъ даже преступать порога храма Божія, съ кѣмъ запрещено вмѣстѣ вкушать и простую пищу всякому христіанину, какъ законоположилъ св. ап. Павелъ, говоря: *аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или досадитель, или пѣяница, или хищникъ, съ таковымъ ниже ясти* (1 Кор. 5, 11). Видишь, что поистинѣ даже не братъ христіанамъ такой человѣкъ, а только именуется такъ.

Преподающій такому тайны праведно подлежитъ осужденію, и за то, что чрезъ это онъ человѣкъ, грѣшащаго по уклоненію отъ праваго помысла, и по легкомысленной небрежности, дѣлаетъ совершеннымъ врагомъ Богу. Священникъ или духовный отецъ не долженъ преподавать такому тайны, но долженъ подвигнуть его на покаяніе словами кроткими и умилительными, помянувъ ему о тѣхъ страшныхъ мукахъ адскихъ, которыя непременно имѣютъ испытать грѣшники; долженъ вразумить его и поруководить, какъ слѣпаго, и попечалиться о немъ, какъ бы о вышедшемъ изъ ума и страждущемъ отъ искушенія и насилія діавольскаго, и помолиться Господу, да отверзетъ слухъ души его и поможетъ ему хоть немного придти въ чувство и познать нечестіе свое, и опять чрезъ покаяніе возвратиться въ среду вѣрныхъ, потому что такой есть невѣрный нечестивецъ. Еслибъ имѣлъ онъ благоговѣніе и вѣру ко Христу и исповѣдалъ серд-

цемъ, что Онъ есть Богъ, *не хотящій беззаконія*, къ Коему *не преселится лукавнуй, ниже пребудутъ беззаконницы предъ очима Его* (Пс. 5, 5. 6); то убоялся бы и поостерегся съ такимъ легкомысліемъ причащаться пречистыхъ таинъ Его, чтобы не поразилъ его за это невидимо мечъ ангельскій.

Много есть такихъ въ мірѣ, которые стыда ради чело-вѣческаго, чтобы не обнаружилось, что они недостойны, дерзаютъ приступать къ пречистымъ тайнамъ, сознавая, что недостойны; и еслибы кто сталъ удерживать ихъ отъ такой дерзости, на того сердчаютъ и бранятъ его, какъ чело-вѣка тяжелаго, а въ чувство не приходятъ, не устыждаются и не сознаютъ злоумія своего, но всячески противятся возбраняющимъ имъ святое причастіе, и во что бы то ни стало желаютъ причаститься, или лучше сказать, желаютъ ввергнуть себя въ конечную пагубу, въ безнадѣіе и Божіе отверженіе. Слѣдовало бы имъ послушаться того, кто возбраняетъ имъ недостойное причастіе, и благодарить его, потому что онъ избавляетъ ихъ отъ величайшей бѣды, больше которой нѣтъ и никогда не было, такъ какъ недостойно причащающіеся повинны бываютъ крови Христа Господа, т.-е. будутъ осуждены вмѣстѣ съ Іудею и распинателями Господа. А что можетъ быть хуже и тягчае, какъ подпасть такому же осужденію, какому подпадутъ распеншіе Господа?

Надлежало бы для такого грѣшника всѣмъ братіямъ собраться воедино и со слезами молить Бога, да предастъ Онъ его сатанѣ во изможденіе плоти, да духъ спасется въ день Господень, какъ говоритъ божественный Павелъ (1 Кор. 5, 5). Преданіе сатанѣ во изможденіе плоти между прочимъ означаетъ и то, чтобы грѣшникъ наказанъ былъ разными тѣлесными недугами, страданіями, ранами и болѣзнями неисцѣлѣыми, дабы уцѣломудрился, пришелъ въ чувство и раскаялся и нехотя, будучи вы-

нужденъ страданіями тѣла, и чего не хотѣлъ сдѣлать будучи здоровъ, то сдѣлалъ отъ болѣзни и мученій плоти. Ибо Богъ, когда согрѣшитъ душа, наказываетъ тѣло, чтобъ она пришедши въ чувство, покалася и спаслась. Когда же таковой, покаившись и исправившись, причастится святыхъ таинъ, тогда святыня божественнаго причащенія великую явитъ въ немъ силу и власть, сокрушитъ грѣхъ и душу его очиститъ отъ склонности и похотѣнія, какія имѣетъ онъ ко грѣху. Ибо какъ невозможно огню и водѣ вмѣстѣ находиться въ одномъ и томъ же сосудѣ, такъ невозможно вмѣстѣ находиться въ одномъ и томъ же христіанинѣ и пречистому тѣлу Христову, и мерзости грѣха.

Если любящій грѣхъ и недостойно причащающійся пречистыхъ таинъ тѣла и крови Спасителя не подвергается тотчасъ вразумительнымъ мученіямъ, то всячески не избѣжитъ вѣчныхъ мученій тамъ, гдѣ червь неусыпающій и огонь неугасающій. Итакъ если таковой не боится вѣчнаго жженія и нестерпимыхъ мукъ вмѣстѣ съ діаволомъ во вѣки вѣковъ, то пусть безстрашно причащается. Если же боится, то лучше для него воздержавшись нѣкоторое время отъ причащенія пречистыхъ таинъ покаяться, поплакать предъ Богомъ, потрудиться по силѣ своей надъ измѣненіемъ произволенія своего и пресѣчь злой навъкъ свой грѣховный, и тогда уже причастится, безъ опасности для души своей; и ижденется изъ него сатана, который, живя въ немъ, насильственно подвигалъ его на распутство и всякую нечистоту. Ибо любящій срамныя и безмѣстныя дѣла, любитъ ихъ не самъ отъ себя, но по дѣйству сатаны, который прельщаетъ сначала, отворивъ ему только дверь сладострастнаго стремленія, чтобъ онъ вложилъ туда лишь голову свою, т.-е. положилъ только начало грѣху; но потомъ мало-по-малу съ укрѣплєніемъ языка грѣховнаго и весь

входитъ онъ въ него, завладѣваетъ всѣми силами души, почиваетъ въ сердцѣ его какъ на одрѣ, и дѣйствомъ своимъ возжигаетъ въ немъ любовь къ срамнымъ дѣламъ, чтобъ онъ предавался имъ съ услажденіемъ, подобно тому какъ бѣсноватые нерѣдко ядятъ калъ свой съ удовольствіемъ и наслажденіемъ. Это слѣдуетъ понимать въ мысли тому, кто по великому челоуѣколюбію Божію, дѣйствомъ присѣщенія Божія, получаетъ нѣкоторый отдыхъ отъ сатанинскихъ на грѣхъ влеченій, чтобы придти въ себя и прибѣгнуть ко Христу, Который одинъ силенъ и демоновъ изгнать, и всякую болѣзнь душевную и тѣлесную уврачевать.

Подобаетъ намъ знать, что есть пять классовъ людей, которымъ воспрещается отъ св. отцевъ приступать ко святому причастію: первый—оглашенные, какъ еще некрещенные; второй—крещенные, но возлюбившіе срамныя и неправедныя дѣла, какъ отступники отъ святой жизни. для коей крещены, какъ-то: блудники, убійцы, лихоимцы, хищники, обидчики, гордецы, завистники, злопамятливые, которые всѣ, будучи таковыми, не чувствуютъ, что суть враги Богу и находятся въ бѣдственномъ положеніи, почему не сокрушаются, не плачутъ о грѣхахъ своихъ и не каются; третій—бѣсноватые, если они хулятъ и поносятъ божественное таинство сіе; четвертый—тѣ, которые пришли въ чувство и раскаялись, прекратили грѣховныя дѣла свои и исповѣдались, но несутъ наложенную на нихъ епитимію стоять внѣ церкви определенное время; и пятый—тѣ, у которыхъ еще не созрѣлъ плодъ покаянія, т.-е. которые не дошли еще до рѣшимости посвятить Богу всю жизнь свою и жить прочее во Христѣ жизнію чистою и безукоризненною. Эти пять классовъ очевидно недостойны святаго причастія. Достойны же причаститься пречистыхъ таинъ тотъ, кто чистъ и непричастенъ грѣховъ, о коихъ мы сказали. Но когда кто-

либо изъ такихъ достойныхъ осквернится какимъ-либо оскверненіемъ, какъ человѣкъ, тогда конечно и онъ недостойно причастится, если не отмоетъ покаяніемъ того, чѣмъ осквернился. Такимъ образомъ и тотъ есть ядый и пійяй недостойнѣ, кто будучи достоинъ, не приступилъ достойно ко святымъ тайнамъ. Буди же намъ достойными быть и достойно причащаться пречистыхъ тайнъ, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава въ безконечныя вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

1. О словахъ Апостола Павла: *искупующе время, яко дніе лукави суть* (Еф. 5, 16).

2. Какимъ образомъ искупаетъ кто разумно время настоящей жизни?

1. Душа, желающая поучаться въ законѣ Божіемъ день и ночь, ни отъ чего не получаетъ въ семъ отношеніи столько пользы, какъ отъ изслѣдованія Божественныхъ Писаній; потому что внутри сихъ Писаній сокрыты помышленія благодати Святаго Духа, каковыя, бывъ постигнуты, производятъ въ душѣ великое нѣкое услажденіе, которое возвышаетъ ее надъ всѣмъ земнымъ и мірскимъ и возноситъ на небеса, располагая помышлять только о божественномъ, его одного вождѣловать и проводить жизнь ангельскую въ этомъ мірѣ. Посмотримъ же, что возвѣщаетъ намъ апостоль Павелъ въ посланіяхъ своихъ, и изслѣдуемъ до точности нѣкоторыя богодухновенныя его словеса, да обогатимся сокровищами, сокрытыми внутри ихъ, и благодатію Святаго Духа возвеселимъ духовно свои души. Какія же это апостольскія словеса, кои намѣрены мы изслѣдовать въ настоящемъ словѣ? Тѣ, въ коихъ поучаетъ насъ св. Павелъ, говоря: *блюдите, како опасно ходите.., искупующе время, яко дніе лукави суть.*

Если хотимъ, какъ должно, понять слова сія, то должны обсудить ихъ, взявъ во вниманіе дѣла, кои видимъ въ мірѣ семъ. Это поможетъ намъ уразумѣть ихъ до точности. Видимъ, что торговецъ, земледѣлецъ, художникъ великое имѣютъ усердіе и прилежаніе къ дѣлу своему; потому что если кто изъ нихъ понерадить о своемъ дѣлѣ, хоть немного время, то потерпитъ большой вредъ. Тоже самое бываетъ въ дѣлахъ и подвигахъ духовныхъ. Чтобъ это лучше вамъ понять, рассмотримъ подробнѣе предложенный примѣръ. Положимъ, что, когда всѣ купцы спѣшатъ на какое-нибудь торжище, чтобъ одно продать, а другое закупить и получить чрезъ то прибыль, иной изъ нихъ, видя, какъ одни съ большою поспѣшностію бѣгутъ впереди его, а другіе догоняютъ сзади и перегоняютъ, едва передвигаетъ ноги, или сидитъ предъ домою своимъ и зѣваетъ на торговцевъ, спѣшащихъ на торгъ, совсѣмъ не думая о торговлѣ, или, еще хуже, предается забавамъ и винопитію, отлагая заняться торговлею день отъ дня. Теперь, прошу васъ, скажите мнѣ: тѣ, благовременно поспѣвшіе на торжище, поторговавшіе на немъ и возвратившіеся съ немалою прибылью, не искупили ли времени своего? А тотъ, потратившій его на пустяки, или лучше сказать продавшій на дѣла безполезныя, не погубилъ ли напрасно своего времени? Предположимъ, пожалуй, что и онъ пошелъ вмѣстѣ съ другими на торжище; но когда тѣ, имѣя съ собою деньги, тотчасъ приступили къ торговымъ сдѣлкамъ и набрали себѣ потребныхъ каждому товару, въ полной надеждѣ получить отъ продажи ихъ большія выгоды, онъ, не имѣя при себѣ денегъ, тамъ уже началъ обращаться то къ тому, то къ другому, чтобы занять ихъ и закупить себѣ товаровъ, но пока хлопоталъ о займѣ денегъ, торгъ кончился, и онъ остался не пи чемъ: не погубилъ ли онъ, и въ этомъ случаѣ, времени

своего напрасно? Пусть взялъ онъ съ собою и денегъ, но, пришедши на торгъ, вмѣсто того чтобы заняться торговыми дѣлами, началъ шататься по кофейнямъ, трактирамъ и балаганамъ, чтобы тамъ попить, тамъ поѣсть, тамъ повеселиться, и злѣ разстратилъ свои деньги на попойки и срамныя дѣла. Не погубилъ ли и тутъ онъ времени своего напрасно, безумно растративъ притомъ и деньги? Допустимъ, что онъ не дѣлалъ ни одного изъ указанныхъ нами противныхъ дѣлъ; но если онъ, пришедши на торгъ вмѣстѣ съ другими купцами, протолкался все время по торгу изъ конца въ конецъ, не начиная никакихъ торговыхъ сдѣлокъ, а лишь глазѣя и балагурия со знакомыми и незнакомыми, между тѣмъ какъ другіе усердно обдѣлывали свои дѣла, ни на что стороннее не обращая вниманія; то, когда по окончаніи торга, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, эти, такъ усердно хлопотавшіе по своимъ дѣламъ и продажей пріобрѣтшіе немалую прибыль, а на покупкахъ надѣющіеся получить еще большую, — не искупили ли времени своего? А онъ, прозанимавшійся сторонними вещами, не заботясь о торговлѣ, не погубилъ ли времени своего, хотя тамъ же былъ съ тѣми купцами? Если также, когда другіе торговцы, имѣя въ виду прибыль, какую чаютъ получить отъ торговли, не смотрятъ ни на отдаленность мѣста торга, ни на трудности гуте туда, ни на опаснѣесть стѣ разбоѣеиковъ и ни на что другое подобное, но, въ надеждѣ на прибыль со всею торопливостію съѣзжаютъ на торжище, онъ, убоясь всего этого, не отправится туда, и даже послѣ того, какъ другіе, желая, убѣдить его ѣхать съ ними, пообѣщаютъ ему охранить его отъ всѣхъ опасностей, страшящихъ его, не согласится на то, то эти, ѣздившіе на торжище, поторговавшіе тамъ и получившіе добрую отъ того прибыль, не искупили ли времени, а онъ, убоявшійся страха, гдѣ не

было страха, не погубилъ ли его?—Подобное тому, что сказано нами въ этомъ примѣрѣ, случается и въ духовной жизни: ибо бываетъ, что когда другіе братія наши хрістіане со всѣмъ тщаніемъ исполняютъ заповѣди Божіи и преуспѣваютъ въ добродѣтеляхъ со всѣмъ усердіемъ и горячностію, мы проводимъ жизнь свою въ нерадѣніи и бездѣйствіи, не заботясь о такомъ исполненіи заповѣдей и о такомъ преуспѣяніи въ добродѣтеляхъ. И явно для всѣхъ, что въ такомъ случаѣ тѣ искупаютъ время свое и великую пріобрѣтаютъ пользу и прибыль для душъ своихъ, а мы губимъ время свое, и вмѣстѣ съ нимъ души свои.

2. Впрочемъ, если кажется вамъ благословнымъ, изслѣдуемъ еще лучше смыслъ апостольскаго изреченія, чтобы познать, какъ искупается время, и какое это время, и какіе это дни лукавые, изъ-за которыхъ долженствуемъ мы искупать время. Время купли для всякаго человѣка есть время настоящей жизни, и дни настоящей жизни явно суть дни лукавые (злые) для тѣхъ, которые не пользуются ими, какъ подобаетъ. Всякій человѣкъ, живущій въ настоящей жизни цѣломудренно, праведно и благочестно, и мужественно, съ благодушнымъ терпѣніемъ переносающій всѣ трудности и прискорбности искушеній и бѣдъ, причиняемыхъ видимыми и невидимыми врагами, всякій такой мудро искупаетъ время и успѣшно дѣлетъ куплю, наперекоръ злымъ днямъ настоящей жизни. Чтобъ это было болѣе для васъ ясно, возьму доказательство изъ того, что каждодневно происходитъ въ настоящей жизни. Кто умѣетъ хорошо торговать настоящею жизнію, тотъ, встрѣтивъ скорби, поношенія, безчестія и осмѣянія, и зная, какую могутъ онѣ принести пользу, и провидя великую отъ нихъ прибыль, тотчасъ схватываетъ ихъ и возложивъ на рамена свои, течетъ съ ними радуясь, и

такимъ образомъ вмѣсто сребра однимъ терпѣніемъ мгновенно искупаетъ время, тогда какъ многіе не успѣваютъ въ этомъ, несмотря на то, что постытся, проводятъ ночи безъ сна, спятъ на голой землѣ и подвѣмлютъ другіе подвиги и труды въ продолженіе долгихъ лѣтъ. И скажу вамъ, что кто не умѣетъ такимъ образомъ дѣять куплю, тотъ губитъ время спасенія своего.

Если хотите, пояснимъ дѣло и другимъ примѣромъ. Два человека насильно принуждаются какимъ-либо тиранномъ преступить заповѣдь Божию. Одинъ, убоявшись мукъ и истязаній, какими устрашалъ его тираннъ, убѣгаетъ и скрывается; а другой мужественно противостоитъ искушенію, претерпѣвъ всѣ казни и терзанія, или даже и смерть за заповѣдь Божию. Кто изъ этихъ двухъ искупаетъ время? Тотъ ли, кто скрывается, убѣжавъ отъ страданій, или тотъ, кто покорно предаетъ себя на страданія и мужественно переноситъ ихъ, или даже и умираетъ за заповѣдь Божию? Очевидно, что кто претерпѣваетъ страданія и не бѣжитъ даже отъ смерти, тотъ искупаетъ время; а другой теряетъ вмѣстѣ со временемъ и то, что было бы полезно для спасенія души своей.

Итакъ, которые претерпѣваютъ въ настоящей жизни скорби и искушенія, ради богоугодной цѣли, тѣ покупаютъ себѣ вѣчныя блага и нескончаемое радованіе; чрезъ смерть тѣлесную они покупаютъ себѣ жизнь вѣчную и безсмертную вмѣстѣ съ безсмертнымъ и вѣчнымъ Богомъ. Какъ иной торговецъ, нашедши множество предметовъ многоцѣнныхъ, продаваемыхъ однакожъ за ничтожную цѣну, поспѣшно съ радостію дастъ эту цѣну, чтобы поскорѣ завладѣть такими драгоценностями; такъ и подвизающійся за заповѣдь Божию съ готовностію и радостію рѣшается на смерть, вѣруя несомнѣнно, что покупаетъ себѣ вѣчныя блага этою смертію, которая въ сравненіи съ ними ничто. Но животолюбцы, славолюбцы,

плотолюбцы, сластолюбцы и богатстволубцы не дѣлають такъ; но когда бывають притѣсняемы какимъ-либо властителемъ, понуждающимъ ихъ преступить заповѣдь Божию, не могутъ перенести гнѣва его и непріязни, безчестія и ущерба, какими онъ угрожаетъ имъ, и несмысленно продавъ вѣчное и многоцѣнное, покупають временное и тлѣнное, и ничего не стоящее, спасеніе же свое, т.-е. жизнь вѣчную теряють. Такіе не какъ подobaеть дѣють куплю во время настоящей жизни; потому что предпочитаютъ лучше покупать себѣ утѣшеніе на краткое время, какое имѣють жить здѣсь, чтобы за то мучиться въ безпредѣльные и нескончаемые вѣки.

Чтобы не пострадать и намъ тогоже, будемъ, умоляю васъ, искупать время, пока еще стоитъ торжище настоящей жизни; потому что дни этой жизни крайне лукавы и каждодневно воздымають неисчетныя волны сланаго моря грѣховнаго, которыя, обрушиваясь на насъ, то исполняютъ души наши срамными движеніями чрезъ сладострастіе тѣла, то ввергаютъ въ печаль, или въ гнѣвъ, чрезъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, и какъ тѣмъ, такъ и другимъ покушаются советѣмъ удалить насъ отъ царства небеснаго. Почему, искупая время жизни своей, со всею готовностію и рвеніемъ, всецѣло продадемъ себя на одно дѣланіе заповѣдей Божиихъ и на одно отгнѣжаніе всякой добродѣтели, да сподобимся преисполниться сокровищами благодати Святаго Духа и безопасно войти въ небурное пристанище Божіе и въ царство Его. Такимъ образомъ избѣгнемъ мы лукавства дней сего, и по минованіи ихъ, не услышимъ онаго страшнаго гласа, посылающаго грѣшниковъ въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его.

Будемъ искупать разумность души нашей, научая ее презирать вѣдѣмыя и приврѣсемыя блага и углублять въ размышленіе о благахъ духовныхъ и вѣчныхъ.

Мудрованія же плотскаго будемъ всячески бѣгать, потому что оно неугодно Богу и при немъ нѣтъ возможности оторваться отъ наслажденія привременнымъ и вознестись умомъ къ небесному и вѣчному. Мудрованіе плотское тому, кто порабощенъ ему, не даетъ жить по Богу, но увлекаетъ душу его къ безсловеснымъ стремленіямъ плоти и всего человѣка дѣлаетъ подобнымъ неразумному животному.

Будемъ искупать дѣлающую насъ присными Богу правду со всякимъ благоговѣніемъ и разсужденіемъ, различая праведное отъ неправеднаго, предпочитая добродѣтель пороку, и не давая мѣста лукавому діаволу, уготовляющему погибель душѣ нашей. Будемъ всему отдавать подобающее: тѣлу дадимъ пищи столько, чтобы живо было, и достаточное одѣяніе; душѣ же отдадимъ всю силу и все усердіе, чтобы питать ее и очищать размысленіемъ о божественныхъ вещахъ, молитвою и слезами и чтеніемъ Божественныхъ Писаній, и такимъ образомъ сдѣлать достойною воспріять божественный свѣтъ солнца правды, Бога, Который и оправдаетъ насъ благодатію Святаго Духа, и единеніемъ съ Собою содѣлаетъ праведными, достойными насладиться неизреченными благами царства Его.

Будемъ искупать мужество душъ нашихъ чрезъ благодушное претерпѣніе всякихъ искушеній, по слову Господа, Который говоритъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша* (Лк. 21, 19), мужественнымъ помысломъ противостоя грѣху и бія врага нашего орудіями Святаго Духа. Позлопостраждемъ, какъ добрые воины Христовы, въ пощеніяхъ, бдѣніяхъ, долулеганіяхъ, въ плачѣ, во вретищи и пеплѣ, въ покаяніи и непрестанныхъ къ Богу взываніяхъ, да примемъ вѣнецъ побѣды и воцаримся со Христомъ во вѣки вѣковъ.

Будемъ искупать цѣломудріе тѣла нашего всякимъ

воздержаніемъ и смиреніемъ: ибо борець, законно подвизающійся на поприщѣ благочестія, отъ всего воздерживается, какъ говоритъ божественный Апостоль (2 Тим. 2, 5; 1 Кор. 9, 25). Если успѣмъ стяжать цѣломудріе, то избѣжимъ злаго дня безсловеснаго похотѣнія, которое воистину есть самый злой врагъ дѣйственности Святаго Духа, избѣжимъ оскверненія души, причиняемаго такого рода страстными движеніями, избѣжимъ осужденія совѣсти, нечистоты сердца, презрѣнія и осужденія человѣческаго, и самаго отверженія и гнѣва Божія.

Такою духовною куплею премного получимъ мы прибыли, если разумно будемъ вести торгъ во время сіе, теча стезею настоящей жизни въ правдѣ и цѣломудріи, и мужественно перенося тяготу и зной дня. Ибо если симъ образомъ будемъ куплю дѣять во время настоящей жизни, оставивъ привременное тѣмъ, для кого оно вождельно, себѣ же стараясь присвоить одно нетлѣнное и вѣчное, то несомнѣнно внидемъ въ неволненное и небурное пристанище царствія Божія, неся съ собою всѣ усокровищствованные дары Святаго Духа, и не убоимся ни страшнаго онаго гласа, отсылающаго грѣшниковъ въ огонь вѣчный, ни горькихъ оныхъ мукъ, такъ какъ будемъ имѣть съ собою многоцѣнный бисеръ Духа, который обрѣли мы въ періодъ торговаго времени настоящей жизни, продавъ всѣ свои желанія, мудрованія, расположенія и силы, и купивъ его.—Да сподобимся и мы стяжать его во время настоящей жизни, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Кому слава и держава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ.

1. О словахъ: *первый человекъ отъ земли перстень, второй человекъ Господь съ небесе* (1 Кор. 15, 47).

2. Какъ совлекаемся мы перстнаго человѣка, и облекаемся во Христа, и дѣлаемся родственниками Ему и братіями.

1. И прежде богато угостилъ уже насъ блаженный Павелъ трапезою божественныхъ словесъ, и преобразовалъ сердца наши; и теперь опять угощаетъ насъ другою трапезою тѣхъ же богодухновенныхъ словесъ, которая, бывъ преисполнена духовныхъ брашнъ, питающихъ внутренняго человѣка, и веселящихъ и укрѣпляющихъ сердце. живоноснымъ хлѣбомъ Слова и радостно-творнымъ виномъ премудрости и Боговѣдѣнія, преисполнена еще и божественною благодатию Святаго Духа, наполняющею душу всякою радостію и веселіемъ и располагающею ее, оставя земное, возноситься на крылахъ ума къ небесному и къ самому Богу. Посмотримъ же, какая это апостольская трапеза, и какія на ней брашна? Но прежде исторгнемъ умъ нашъ изъ земнаго, и, какъ имѣющіе слышать божественные глаголы, изостримъ вниманіе, чтобы со всѣмъ тщаніемъ внимать изрекаемому, да достойно содружимся съ Духомъ Святымъ, Который чрезъ Апостола научаетъ насъ сокровеннымъ тайнамъ царства небеснаго.

Вотъ что говорить онъ: *первый человекъ отъ земли перстень, второй человекъ Господь съ небесе*. Не оставь, возлюбленный, безъ изслѣдованія слова сего, и не подумай, что оно удобопонятно. Оно содержитъ въ себѣ глубокія мысли и требуетъ великаго вниманія и изслѣдованія. Но уготовь слухъ твой къ слышанію того, что будетъ говориться, и познаешь глубину тайнъ Божиихъ, которыя сокрыты въ семъ изреченіи.

Первый человекъ отъ земли перстень; второй человекъ Господь съ небесе. Яковъ перстный, таковъ и перстни; и яковъ небесный, тацы же и небесни. Первымъ и перстнымъ человекомъ называетъ онъ Адама, какъ написано: *и созда Богъ человека, персть вземъ отъ земли* (Быт. 2, 7), который послѣ того, какъ былъ созданъ изъ земли перстнымъ и пріялъ духа жизни, именуемаго мысленною душою и образомъ Божиимъ, введенъ былъ Богомъ въ рай и получилъ повелѣніе воздѣлывать его и хранить, чтобы, пока будетъ соблюдать заповѣдь Божию, пребывать въ немъ безсмертно, соображаясь съ Ангелами, и вмѣстѣ съ ними всегда славословя Бога, умно созерпая Его, пріемля (мысленныя) осіянія отъ Него и слушая (когда потребно) божественный гласъ Его; а въ какой часъ нарушить заповѣдь Божию и снѣсть отъ древа, отъ котораго повелѣно ему не ясти, быть предаву смертности, возслѣпотствовать очами души своей, совлечься одѣянія божественной славы, лишени быть соображенія съ Ангелами и изгнану изъ рая, какъ онъ и потерпѣлъ все сіе. Ибо когда онъ склонился на лукавыя слова прельстителя діавола и преступилъ заповѣдь Божию, вкусивъ отъ древа познанія добра и зла, то праведно лишился всѣхъ оныхъ благъ, сдѣлался глухъ (для духовнаго), чтобы нечистыми ушами не слышать болѣе божескихъ словесъ, кои слышатъ только одни достойные, и ослѣпъ душевно, чтобы не видѣть болѣе оной славы неизглаголанной, такъ какъ самоохотно отдалилъ отъ оной умъ свой и страстнымъ вниманіемъ впился въ плодъ древа запрещеннаго, повѣривъ змію, который сказалъ: *въ онъже аще день съѣсте отъ него, будете яко бози, вѣдающе доброе и лукавое* (Быт. 3, 5). Этими словами обольстился перстный человекъ, и надѣясь, что дѣйствительно станетъ богомъ, вкусилъ отъ древа познанія. За это лишился онъ всѣхъ

духовныхъ и небесныхъ благъ, а вмѣсто ихъ получили пристрастіе къ земнымъ и видимымъ тварямъ, и сталъ, скажу опять тоже, глухъ, слѣпъ, нагъ, несочувственъ къ тѣмъ благамъ, отъ которыхъ ниспалъ, кому же еще смертенъ, тлѣненъ и несмысленъ, подобно неразумнымъ животнымъ, какъ говорить пророкъ Давидъ: *приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ* (Пс. 48, 13). Видишь теперъ, отъ какой славы и какого блаженства, въ какое безчестіе, неразуміе и тлѣніе низринулъ человѣкъ? Отъ сколь великаго богатства въ сколь великую пришелъ бѣдность? И мы еще не все сказали, что слѣдуетъ сказать. Итакъ первый человѣкъ бысть отъ земли перстенъ, и содѣлался (нравственно) перстнымъ (плотянымъ) такъ, какъ мы сказали.

Теперь посмотримъ и поучимся изъ Божественныхъ Писаній, что есть второй человѣкъ, Господь съ небесе? Сей есть Богъ отъ Бога, безначальный Сынъ безначальнаго Отца, Безтѣлесный Безтѣлеснаго, Непостижимый Непостижимаго, Вѣчный Вѣчнаго, Неприступный Неприступнаго, Невмѣстимый Невмѣстимаго, Безсмертный Безсмертнаго, Невидимый Невидимаго, Слово Бога и Богъ, Коемъ сотворено все и земное и небесное. Будучи же таковъ, и пребывая въ Отцѣ, и Отца имѣя пребывающимъ въ Себѣ, не отдѣляясь отъ Него, сошелъ Онъ на землю и воплотился отъ Духа Святаго и Маріи Дѣвы, и содѣлался человѣкомъ, подобнымъ намъ по всему кромѣ грѣха, чтобы возсоздать и обновить того перваго человѣка, а съ нимъ и всѣхъ, отъ него рожденныхъ и раждающихся, такъ какъ и они подобны ему, ихъ породившему. Ибо, какъ Адамъ, породившій ихъ, по преступленіи заповѣди сдѣлался тлѣннымъ, смертнымъ, слѣпымъ, обнаженнымъ отъ божественнаго одѣянія, и безчувственнымъ, такъ и они всѣ, рожденные отъ него, сдѣлались всѣмъ тѣмъ, чѣмъ сталъ онъ — перст-

ный, т.-е. тлѣнными, смертными, глухими, слѣпыми, обнаженными, безчувственными, ничѣмъ почти не разнящимся отъ неразумныхъ животныхъ, или, лучше сказать, ставшими хуже ихъ, такъ какъ они собрали въ себя однихъ страсти каждаго животнаго и держать ихъ въ себѣ самихъ. Кому же эти, рожденные перстными, ниспали въ такое великое безсмысліе и въ такое невѣдѣніе Бога и заповѣдей Его, что ту честь, какую надлежитъ воздавать единому Богу, стали воздавать видимымъ тварямъ Его, и не только небо и землю, солнце, луну и звѣзды, огонь, воду и прочія твари обоготворили, но даже самыя срамныя страсти, и тѣ обоготворили, и имъ, о безсмысліе, поклонялись, какъ Богу. И какія страсти? Блудъ, прелюбодѣяніе, мужеложство, убійство, и другое многое, сему подобное. Все это дѣлать научилъ и склонилъ человѣка діаволь, подчинившій себѣ чрезъ то весь родъ человѣческій. Если и бывалъ, въ древнее время, кто изъ безчисленныхъ темъ людей, не всякую діаволу волю исполнявшій, но всякій не тѣмъ, такъ другимъ грѣшилъ. Да и того одного, что всякій происходилъ отъ сѣмени тѣхъ, кои согрѣшили вначалѣ, достаточно было къ тому, чтобъ всякій предаваемъ былъ смерти и тлѣнію и низводимъ во адъ. И не было никого, кто бы могъ избавить изъ рукъ его.

Но сжалился надъ нами Богъ Слово, Творецъ нашъ, и какъ самъ Онъ вѣсть, сошелъ на землю, и содѣлался человѣкомъ, не по образу человѣческаго зачатія, но отъ Духа Святаго и Маріи Приснодѣвы, какъ написано: *и Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14). Ибо какъ въ началѣ Богъ создалъ человѣка, персть возьмъ отъ земли и вдунувъ въ лице его дыханіе жизни, и бысть совершенъ человѣкъ въ душу живу, не тѣмъ образомъ, какъ обычно рождаются люди: такъ Онъ же, пришедши возсоздать его, содѣлался человѣкомъ совершен-

нымъ по тѣлу и душѣ, не по образу человѣческаго зачатія. Читаемъ въ ветхозавѣтномъ Писаніи, что Богъ навелъ сонъ на Адама, и взявъ одно изъ ребръ его, содалъ изъ него жену: такъ сдѣлалъ Онъ и здѣсь, при собственномъ Своемъ воплощеніи. Но внемли, да разумѣешь!

2. Ребро Адамово есть жена. Изъ этого Адамова ребра, т.-е. жены, Богородицы Маріи, Сынъ и Слово Бога и Богъ взялъ плоть и претворилъ ее въ мужа совершенна съ душею и тѣломъ, чтобъ воистину быть сыномъ Адама. Сдѣлавшись же человѣкомъ, подобнымъ намъ по всему, кромѣ грѣха, Онъ сталъ тотчасъ вмѣстѣ съ тѣмъ сродникомъ по плоти всѣхъ людей, какъ утверждаетъ и божественный Златоустъ тамъ, гдѣ говоритъ: „облекшись плотію, Христосъ облекся въ братство намъ.“ Но Христосъ, будучи Богомъ вмѣстѣ и человѣкомъ, какъ по божеству есть и пребудетъ святъ, такъ и по человѣчеству, и душею и плотію, есть и пребудетъ святъ, пресвятъ и пренепороченъ; прочіе же люди, хотя стали братьями и сродниками Его по плоти, но какъ перстныя, остались такими же и не сдѣлались тотчасъ (т.-е. чрезъ самое дѣло воплощенія Бога) святыми и сынами Божиими. Теперь внемли со тщаніемъ тому, что буду тебѣ говорить. Сдѣлался человѣкомъ Богъ, и тотчасъ сталъ сродникомъ и братомъ людей. Но поелику Онъ одинъ былъ Сыномъ Божиимъ и Богочеловѣкомъ, то одинъ Онъ былъ, есть и будетъ святъ, одинъ праведенъ, одинъ истиненъ, одинъ безсмертенъ, одинъ человѣколюбецъ, одинъ милостивъ и благоутробенъ, одинъ Властелинъ и Господь, одинъ Свѣтъ міра и Свѣтъ неприступный. Мы же, какъ смертныя и тлѣнныя, не имѣемъ (оставаясь въ своемъ естественномъ порядкѣ) съ Нимъ никакого другаго общенія, кромѣ одного сродства по плоти, какъ сказано выше. Посему посредницею между Богомъ и людьми поставлена вѣра

въ Него (Спасителя), чтобы Богъ, вмѣсто всего другаго, принималъ одну эту вѣру, которую имѣемъ въ Него, зная, что мы бѣдны и что совершенно ничего не можемъ принести Ему для спасенія своего, кромѣ одной вѣры, и за одну эту вѣру миловалъ насъ и подавалъ намъ оставленіе грѣховъ нашихъ и избавленіе отъ смерти и тлѣнія. Что все и даруетъ Онъ даже доселѣ всѣмъ, которые отъ всей души вѣруютъ во Христа Господа, и не это одно, но и все то, о чемъ обѣтовалъ во святомъ Евангеліи, что все конечно получимъ чрезъ Него, т.-е. блага оной земли, которую наслѣдять кроткіе съ великимъ веселіемъ и радостію сердце ихъ,—даруетъ все то, чтобы Онъ (Христосъ) соединялся съ нами, и чрезъ Него мы оба содѣлывались едино съ Богомъ и Отцемъ Его, сочетаваемы бывая въ тоже время и съ Духомъ Святымъ.

Все сказанное мы дѣйствительно получаемъ, когда вѣрно соблюдаемъ, что обѣщали соблюдать во святомъ крещеніи, и убѣгаемъ всего, отъ чего тогда отреклись. Когда соблюдаемъ мы все это и всѣ заповѣди Божіи, тогда бываемъ истинно вѣрующими, яко показующіе вѣру свою отъ дѣлъ своихъ, и, какъ Онъ есть, содѣлываемся святыми и совершенными, и всѣ всецѣло небесными, чадами Бога небеснаго, и во всемъ подобными Ему, Христу Господу, какъ и Онъ содѣлался подобнымъ намъ по всему, кромѣ грѣха: только мы содѣлываемся подобными Ему по благодати.

Когда же, предавшись нерадѣнію, презримъ святыхъ и животворныхъ Его заповѣди и, возвратясь на прежнее, начнемъ дѣлать то, что заповѣдуетъ Онъ намъ не дѣлать, тогда тотчасъ лишаемся всѣхъ благъ, какія даровалъ Онъ намъ чрезъ святое крещеніе. И какъ Адамъ по преступленіи заповѣди изгнанъ былъ изъ рая и удаленъ отъ сладостей его, отъ соображенія съ Ангелами, какое

имѣлъ тамъ, и отъ самого Бога; такъ и мы, когда грѣшимъ, отдаляемся отъ церкви святыхъ рабовъ Его, со-
влекаемся божественнаго онаго одѣянія, самого, говорю,
Христа Господа, въ Коего вѣруемъ и въ Коего облеклись,
когда крестились, лишаемся жизни вѣчной и свѣта онаго
невечернаго и непрестающаго, и вѣчныхъ благъ, равно
какъ освященія и сыноположенія, и изъ ставшихъ-было
небесными и во всемъ подобными второму чело-
вѣку, Господу Иисусу Христу, дѣлаемся опять перстными, какъ
былъ первый оный чело-
вѣкъ, и не только это, но дѣ-
лаемся повинными смерти, имѣющими наслѣдовать тьму
крошную и огонь неугасимый, идѣже плачь и скре-
жетъ зубовъ. Пусть не терпимъ мы изгнанія изъ види-
маго рая и не слышимъ осужденія въ потѣ лица воздѣ-
лывать землю; но мы сами себя изгоняемъ изъ царства
небеснаго, отчуждаемъ отъ оныхъ благъ, ихже око не
видѣ, и ухо не слыша, и на сердце чело-
вѣку не взы-
доша, и дѣлаемъ повинными нескончаемому мученію. И
еслибы не даровалъ намъ Богъ еще такого блага, чтобъ
мы могли опять возвращаться къ Нему чрезъ покаяніе,
то и спастись никому не было бы возможности.

Посему-то благоутробный, чело-
вѣколюбивый и спасенія
нашего желающій Богъ премудро поставилъ между нами
и Собою таинство исповѣди и покаянія, и каждому далъ
власть, если хочетъ, чрезъ исповѣдь и покаяніе, возстать
отъ своего паденія грѣховнаго, которымъ палъ, и опять
прийти въ прежнее родство, славу и дерзновеніе, какія
имѣлъ у Бога, и опять стать наслѣдникомъ всѣхъ благъ,
о коихъ мы сказали выше, или еще большихъ, если по-
кажемъ болѣе теплое покаяніе. Ибо какое показываетъ
чело-
вѣкъ покаяніе, такое же обрѣтаетъ и дерзновеніе
и къ Богу присвоеніе, удостоиваясь ясно сознать сіе
и бесѣдовать съ Богомъ, какъ другъ съ другомъ, ли-
цемъ къ лицу.

Итакъ, которые послѣ крещенія не чувствуютъ удостовѣренія, что имѣютъ къ Богу такое дерзновеніе и присвоеніе и причастны тѣхъ благъ, о коихъ мы сказали, и не сознаютъ, что облечены во Христа, и не зрятъ свѣта божества Его, съ свѣтомъ Духа Святаго, пусть тщательно изслѣдуютъ совѣсть свою, и конечно найдутъ, что не соблюли или всѣхъ, или нѣкоторыхъ изъ тѣхъ соглашеній, въ которыя вступили съ Богомъ, когда приняли крещеніе, или что зарыли въ землю талантъ свой, т. е. полученный ими даръ освященія и сыноположенія, и не умвожили его; почему и не удостоиваются созерцать и умно видѣть Владыку своего. Богъ истиненъ и не раскрывается въ дарованіяхъ, подаемыхъ Имъ; а Онъ самъ говоритъ: *имѣяй заповѣди Моя и соблюдая ихъ, той есть любяй Мя. И Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ* (Іоан. 14, 21). Слышали, что говоритъ владыка Христосъ? Кто, говоритъ, Меня возлюбитъ и заповѣди Моя соблюдетъ, того и Я возлюблю и явлюся ему Самъ. Если теперь Христосъ есть истина, какъ Самъ Онъ сказалъ: *Азъ есмь истина* (Іоан. 14, 6); а истинѣ невозможно солгать, какъ говоритъ Апостолъ: *невозможно солгати Богу* (Евр. 6, 18); то пусть никто изъ тѣхъ, которые не видятъ Господа, не говоритъ, что невозможно Его видѣть; тогда какъ это не только не невозможно, но и очень легко. Если Онъ, какъ Самъ говоритъ, есть *свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12); то которые Его не видятъ, конечно слѣпы суть, а слѣпы эти суть, потому что ни Его не возлюбили, ни заповѣдей Его не соблюли. Ибо еслибы они возлюбили Его и заповѣдей Его соблюли, то и они всею душою возжелали бы и взыскали бы увидѣть Его, и Онъ всеконечно Самъ явилъ бы Себя имъ, яко неложный, существенно истинный и само-истина. Онъ за тѣмъ и пришелъ въ міръ, чтобы свѣтомъ Своей славы и своего божества просвѣтить всѣхъ находящихся въ мірѣ

и сѣдящихъ во тьмѣ. Итакъ, которые христіане не видятъ умно Господа, не освѣщаются явственно и знательно Его божескимъ свѣтомъ, не видятъ Его пребывающимъ въ себѣ, пусть не говорятъ, какъ невѣрные, что невозможно Его видѣть; но каждый изъ насъ, возлюбленные мои, пусть испытаетъ совѣсть свою, какъ я сказалъ уже, и конечно найдетъ, что самъ виноватъ, что не имѣетъ въ себѣ Бога и не видитъ славы Его; а затѣмъ пусть покается и восплачетъ о себѣ, что находится въ такомъ бѣдномъ состояніи, и потщится покаяніемъ и исповѣданіемъ возвратить потерянное, да улучшить и вѣчныя блага во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ.

1. Богъ въ день суда осудитъ, какъ грѣшниковъ, тѣхъ, которые не ищутъ пріять благодать Божію.

2. Сила грѣха непонятна.

3. Христосъ употребляетъ члены христіанъ, какъ орудія.

1. Естеству человѣческому свойственно грѣшить, по тому что съ того времени, какъ Адамъ преступилъ заповѣдь Божію, стало немощно естество сіе и не можетъ не грѣшить. (Немощно оно есть, потому что не облечено умною свыше силою Святаго Духа, которая называется благодатію Господа нашего Іисуса Христа; благодатію же называется, потому что даруется человѣку по одной вѣрѣ, а не за добрыя дѣла). Какъ опять естеству ангельскому свойственно не грѣшить, потому что ангелы сильны крѣпостію и облечены въ божественное одѣяніе Духа Святаго, безъ коего невозможно не грѣшить. Посему, когда Богъ сядетъ на престолѣ судить міръ, тогда осуждая грѣшниковъ за то, что грѣшили, осудитъ ихъ иначе за то, что не прибѣгали къ Богу всевышнему, яко

немощные и грѣшащіе по немощи, и не умоляли Его послать имъ свыше благодать Всесвятаго Духа, да избавить ихъ отъ немощи и даруетъ имъ силу не грѣшить.

Кто не знаетъ, что Ангелы, облечены ли они во всеоружіе свое, или не облечены, сильнѣе человѣкъ? (А всеоружіе Ангеловъ есть вседержительная сила Святаго Духа, которую носятъ они въ себѣ съ того момента, какъ созданы, такъ какъ и созданы быть разумными и мысленными пріятельницами несозданнаго и божественнаго осіянія, яко существа чистѣйшія). Сильнѣе, потому что суть простое естество; а люди составлены изъ словесной и мысленной души и изъ тѣла чувственнаго и видимаго. Облечены были и они такимъ же всеоружіемъ, т. е. божественною силою, какую носятъ въ себѣ и Ангелы, какою и люди бываютъ сильны и святы (хотя одинъ только Адамъ до преступленія заповѣди былъ облеченъ въ такое всеоружіе Божіе). Но поелику Богъ совлекъ съ діавола за гордость сію божественную силу, равно какъ и со всего его полчища; то эта нечистая сила позавидовала человѣку и употребила свои усилія, чтобъ и съ человѣка была совлечена божественная сила. И дѣйствительно, по навѣту ея, лишился человѣкъ покрывавшей его божественной силы и сдѣлался обнаженнымъ отъ нея, какъ были уже обнажены отъ нея демоны. И вотъ обнаженные демоны побѣждаютъ обнаженнаго человѣка, какъ сильнѣйшіе его; потому что они просты и безтѣлесны, а человѣки сложны и несутъ бремя плоти. И съ того времени, какъ палъ первозданный, даже доселѣ никто не можетъ и немогъ, да и въ послѣдующее время никогда не возмогетъ ни одинъ человѣкъ противостать діаволу и прочимъ нечистымъ силамъ и препобѣдить ихъ, потому, какъ я сказалъ, что хотя и они обнажены отъ божественной силы, но какъ безплотные, они сильнѣе обнаженныхъ тойже силы людей. Почему и Апостоль

говорить: *братіе, облечытеся во вся оружія Божія, яко возмоуци вамъ стати противу кознемъ діавольскимъ: яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителямъ тмы вѣка сего, духовомъ злобы поднебеснымъ* (Еф. 6, 10—12).

И въ этомъ ничего нѣтъ дивнаго (т.-е. что они міродержители). Ибо какъ только обнажился человѣкъ отъ божественной благодати, тотчасъ и вся видимая тварь, созданная для человѣка, обнажилась вмѣстѣ съ человѣкомъ отъ божественнаго свѣта, ее осіявавшего, и растлилась, какъ говорить тотъ же Апостолъ: *суетъ тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи, яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ. Вѣмы бо, яко вся тварь съ нами совоздыхаетъ и сблъзнуетъ даже донынѣ. Чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаеъ* (Рим. 8, 19—22). А когда вся видимая тварь лишилась такимъ образомъ божественнаго освѣщенія, тогда началъ въ ней носиться (хороеуеу, гарцовать) діаволь съ прочими демонами, какъ хотѣлъ, и гдѣ хотѣлъ, и сдѣлался княземъ міра сего преходящаго. Княземъ и властителемъ міра сего былъ человѣкъ; но когда діаволь прельстилъ его, то, по попущенію Божію, взялъ отъ него начальство и власть, и назвался княземъ міра сего, и властвуетъ, какъ и разбойники властвуютъ надъ тѣмъ, что насильственно захватягъ въ свои руки, *не суццу избавляющу, ниже спасающу* (Пс. 7, 3). Есть, правда, избавляющій и спасающій Богъ; но этотъ разбойникъ діаволь успѣваетъ такъ обольщать подпавшихъ его тиранніи, что они остаются довольными бѣдственнымъ положеніемъ, въ коемъ находятся, рады рабству своему, любятъ нечистоты и неправды, въ коихъ валяются, и не желаютъ освобожденія.

2. И это рабство діаволу есть нѣкая престранная вещь. Ибо вообрази, какимъ нецонятнымъ образомъ властвуетъ

грѣхъ надъ человѣческимъ естествомъ! Большою частію этого ни разумъ не разумѣетъ, ни совѣсть не опускаетъ. Понять нельзя, какимъ образомъ бываетъ, что человѣкъ находитъ утѣху и веселіе въ пѣсняхъ и пляскахъ, въ шуткахъ и смѣхахъ, въ играхъ и забавахъ, въ борьбахъ и кулачныхъ бояхъ, и во многомъ другомъ излишнемъ и непотребномъ, и несмотря на то, что все это очевидно бесполезно и непристойно человѣку, не жалѣетъ на это трудовъ, заботы и силъ; а къ тому, что добро и Богу угодно и не требуетъ иногда никакихъ трудовъ, душа у него не лежитъ, и онъ тяготится тѣмъ, скучаетъ за тѣмъ и бѣжитъ отъ того, хотя то никакого не причиняетъ ему зла, а приноситъ одно добро. И смотри, какъ лукава эта тайная сила! Она привела человѣка, разумную тварь, въ такое бѣдное и жалости достойное состояніе, что онъ отвращается отъ подобающаго ему, какъ отъ неподобающаго, и любитъ неподобающее ему и несообразное съ нимъ, какъ подобающее и сообразное. И еще хуже то, что когда познавъ всю пустоту и лживость такихъ утѣхъ, онъ захочетъ отстать и отворотиться отъ нихъ, то встрѣчаетъ въ этомъ большой для себя трудъ. Понимаешь ли эту бѣдственность? Постигаешь ли нужду и насиліе, претерпѣваемое человѣческимъ естествомъ? Видишь ли опасность? Когда призываютъ въ храмъ Божій, то какъ старцы, такъ юноши и дѣти тяготятся идти; а на гулянья, игры и въ хороводы всѣ бѣгомъ бѣгутъ съ великою радостію и поспѣшностію.

3. Сколь же великая потребна для человѣческаго естества сила, чтобы преодолѣть эту злую дѣйствующую въ немъ силу, и отложить такой нравъ неестественный, кажуційся ему естественнымъ, и воспріять естественный, кажуційся ему неестественнымъ? Требуется сила божественная и вышеестественная; потому что если не будетъ онъ возсозданъ и обновленъ благодатію Господа нашего Іисуса Христа, то не можетъ перемѣниться на

лучшее и придти въ свое естественное состояніе. И пусть никто не присвоетъ себѣ спасенія, если не измѣнился еще въ настроеніе духовное и богоугодное, какое подобаетъ имѣть человѣку, такъ чтобы радовался о дѣлахъ божественныхъ и скорбѣлъ о злыхъ. Только въ такомъ случаѣ, по мѣрѣ воспріимлемаго имъ измѣненія, можетъ онъ питать и надежду спасенія. Посему смотри всякій христіанинъ на себя по этимъ чертамъ, какъ въ зеркало, чтобы не обмануть себя самого, потому что характеръ и признакъ тѣхъ, которые могутъ имѣть надежду спасенія, явны.

Это непонятное насильство, какое претерпѣваетъ отъ грѣха и діавола естество человѣческое, знали и древніе святые пророки. и чтобы избавиться отъ него, зывали ко Господу, и *Онъ посылалъ слово Свое, и исцѣлялъ ихъ, и избавлялъ отъ растлѣній ихъ* (Пс. 106, 20). А святые, являющіеся послѣ воплощеннаго домостроительства, имѣютъ въ себѣ самого Христа Сына Божія и Бога, и носятъ Его въ себѣ, сію Упостасную силу и премудрость Божію. И кто посмѣетъ напасть и вооружиться на тѣхъ, которые облечены во Христа, какъ во всеоружіе Божіе? На такихъ не смѣетъ нападать діаволь шуими, т.-е. грѣхами, но нападаетъ десными, т.-е. добрыми ихъ дѣлами, покушаясь свергнуть ихъ въ высокоуміе. Но буй есть и несмысленъ тотъ, кто вздумалъ бы гордиться по поводу всеоружія Божія или вседержительной силы Божіей, являемой въ немъ. Ибо Апостоль, говоря: представьте уды ваша оружія правды Богови, и грѣхъ вами не будетъ обладать, потому что вы подъ благодатію (Рим. 6, 13. 14), явно показываетъ, что дѣйствующій сими орудіями есть Богъ. Посему, какъ чувствєнныя оружія не имѣютъ своей воли и смысла, чтобы поперечить въ чемъ-либо пользующемуся ими воину, но бываютъ ему послушны, на что

бы онъ ихъ ни употреблялъ, оставляя ему свободу дѣйствовать ими, какъ и когда хочетъ: такимъ же образомъ и христіанинъ долженъ представить уды свои послушными Богу, и что бы ни дѣлалъ, дѣлать то такъ, какъ того хочетъ Богъ; пусть и слушаетъ, и смотритъ, и говорить, и осязаетъ, и обоняетъ, и ходить, и стоять, и лежить, и сидитъ, и дѣлаетъ, и безъ дѣла бываетъ, и съ другими общится и уединяется, и даетъ и принимаетъ, и строить и разоряетъ, и все вообще пусть дѣлаетъ такъ, какъ хочетъ Богъ. При семъ разсуди всякъ: когда воинъ вооруженный поражаетъ оружіями своими врага, и какъ изрядный борецъ показываетъ тѣмъ силу свою и воинскую опытность, то онъ есть побѣждающій, а не оружіе; и какъ то, что онъ не могъ бы воевать безъ оружія, истинно, такъ и то, что побѣда есть дѣло воина, а не оружія, челожно. Отсюда возьми себѣ такое наведеніе, что какъ оружія, если не бываютъ въ рукахъ воина, который могъ бы ими дѣйствовать, остаются праздными и бездѣйственными, такъ и члены христіанина, если не дѣйствуетъ ими Христось, нося ихъ, остаются бездѣйственными (на добро), и не только бездѣйственными, но діаволь, находя, что не носить ихъ Христось и они бездѣйственны, схватываетъ ихъ, надѣваетъ и начинаетъ воевать ими противъ христіанъ, и множество душъ оскверняетъ. Если же Христось есть воитель, если члены вѣрующихъ въ Него суть оружія Христовы, и тотъ, кто побѣждаетъ сими оружіями, есть самъ Христось, какъ Онъ же и брань самую ведетъ, то всячески потребно, чтобы всякій христіанинъ былъ послушенъ Христу, подобно тому, какъ послушны воину бездушныя оружія, чтобы Христось одерживалъ чрезъ нихъ побѣду и потомъ дѣлалъ и ихъ, какъ оружія, участниками въ Своей славѣ. Оружія сіи,

при всемъ томъ что разумны, не должны имѣть другаго движенія, кромѣ того, которое бываетъ по волѣ самого Христа—воителя и побѣдителя. А кто непослушенъ волѣ Христовой, тотъ всеу состоитъ въ числѣ христіанъ. Намъ же буди всегда представлять члены свои въ послушныя Христу оружія, силою Его. Ему слава и держава, во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ.

1. Человѣкъ потерялъ истину, послѣ того, какъ изгнанъ былъ изъ рая.
2. Въ чемъ грѣхъ діавола, и въ чемъ—Адама?
3. Человѣкъ грѣшенъ отъ самаго зачатія своего.
4. И возраждается Святымъ Духомъ во святомъ крещеніи.
5. Чего это желали цари и пророки, прежде пришествія Христова?
6. Духовный отецъ долженъ прежде оглашать исповѣдающихся и научать таинству вѣры, а потомъ налагать и эпитимию.
7. Всякому христіанину потребно воспріять божественное измѣненіе.

1. Поелику Адамъ повѣрилъ діаволу, наговорившему ему лжей, и вкусилъ отъ древа познанія; то, какъ повѣрившій лжецу, изпалъ отъ истины. Послѣ сего естество человѣческое много трудилось, ища истины, но обрѣсти ее не могло. Сіе явно подтверждаютъ всѣ еллинскіе мудрецы, которые никакъ не могли согласовать, привести къ единству и на правый путь направить разнообразное мудрованіе людей, несмотря на то, что многіе употребляли къ тому способы и написали множество пространныхъ сочиненій, въ которыхъ всесторонне рассуждали о добродѣтели и худонравіи. Истина — отъ Бога, въ словѣ Божіемъ содержится, и благодатию Христовою постигается. Благодать во Христѣ Иисусѣ, своею недомыслимою силою, раздробленныя и многосплетенныя воззрѣнія упростила, исправила и объединила нѣкоторымъ, какъ бы физическимъ и непоколебимымъ единствомъ, показавъ тѣмъ, что всѣ другіе къ тому способы и приемы недѣйственны, непрактичны и бесполезны.

Руководящіеся сими способами пускаются въ изслѣдованія, чтобъ найти истину, но найти ея не успѣвають: она праведно укрылась отъ нихъ. Ибо, такъ какъ чловѣкъ, самоохотно и безъ всякаго насилія, принялъ ложь и повѣрилъ ей, то и осужденъ искать истину, и не находить, теши въ слѣдъ ея, и не достигать. Впрочемъ какъ укрылась отъ насъ истина за то, что мы повѣрили лжи, такимъ же образомъ и опять обрѣтается нами истина, когда вѣруемъ истинѣ. Повѣрилъ Адамъ лжи прикрытой и неявной; а мы вѣруемъ въ великое и явное таинство, — въ Бога воплощенна. Та ложь сама въ себѣ содержала невѣроятность, потому что шла противъ прямой заповѣди Божіей; а это великое таинство воплощенія Христова имѣетъ свидѣтельство вѣрности своей отъ имени Божія. Та ложь, какъ только повѣровано было Адамомъ, что она истина, тотчасъ оказалась ложью, потому что повѣрившаго ей низринула въ тлѣніе и смерть; а это таинство, бывая вѣруемо, оказывается истиною, потому что освобождаетъ вѣрующаго ему отъ тлѣнія и смерти, такъ какъ силою его отъемлется у вѣрующаго грѣхъ и даруется ему добробытіе, или праведность. Такъ, и истина и ложь явными бываютъ по концу своему.

2. Если вникнешь, какой грѣхъ сдѣлалъ діаволь и какой Адамъ, то не найдешь ничего другаго, кромѣ одной гордости. Но діаволь и Адамъ возгордились по причинѣ великой славы, какой преизобильно были удостоены. Будучи облечены славою, не послѣ смиренія и безславія, они по этому самому и возгордились. Такъ какъ они никогда не видѣли смиренія и не знали, что за вещь есть это смиреніе и безславіе, послѣдующее за низверженіемъ съ высоты славы, то, не имѣя страха бывающаго отъ опасенія такой случайности, возгордились. Помысли теперь, сколь велико было смиреніе Господа Иисуса, когда Онъ, будучи Богъ, смирилъ Себя

даже до вольной смерти и умеръ на крестѣ смертію, каковая служила наказаніемъ для самыхъ худыхъ людей. Итакъ одинъ грѣхъ гордость, и одна добродѣтель великое смиреніе. Но изъ насъ, такъ какъ мы нынѣ находимся въ таковомъ униженіи и бѣдственности, кто станетъ гордиться, кромѣ развѣ буяго и несмысленнаго? Въ настоящей жизни ни силы никто не имѣетъ въ себѣ божеской, чтобъ являть блестящую славу, и никого нѣтъ, кто бы былъ облакаемъ славою прежде смиренія и безславія, но всякій человѣкъ, раждаясь въ міръ сей, раждается безславнымъ и ничтожнымъ, а потомъ уже мало-по-малу преуспѣвая бываетъ иной разъ и славнымъ.

3. Посему, если кто, испытавъ напередъ такое безславіе и ничтожество, потомъ возгордится, то не безмысленъ ли и не слѣпъ ли онъ? То изреченіе, въ коемъ говорится, что никто не безгрѣшенъ, кромѣ Бога, хотя бы одинъ день житія его былъ на землѣ, не о тѣхъ говорить, которые сами лично грѣшаютъ; потому что однодневное дитя какъ можетъ согрѣшить? Но этимъ выражается то таинство вѣры нашей, что человѣческое естество бываетъ грѣшно отъ самаго зачатія своего. Богъ не создалъ человѣка грѣшнымъ, а чистымъ и святымъ. Но когда первозданный Адамъ потерялъ сію одежду святости, не отъ другаго какого грѣха, а отъ одной гордости, и сдѣлался тлѣннымъ и смертнымъ; то и всѣ люди, происходящіе отъ сѣмени Адамова, бываютъ причастны прародительскаго грѣха отъ самаго зачатія и рожденія своего. Кто симъ путемъ родился, хотя бы не сдѣлалъ еще никакого грѣха, уже грѣшенъ есть тѣмъ прародительскимъ грѣхамъ.

4. По сей причинѣ пришло иное рожденіе или возрожденіе, которое возрождаетъ человѣка чрезъ святое крещеніе Духомъ Святымъ, опять воссоединяетъ его съ божескимъ естествомъ, какъ было тогда, какъ создали

его руки Божіи, возстановляетъ всѣ душевныя силы его, обновляетъ ихъ и приводитъ въ то состояніе, въ какомъ были онѣ до преступленія первозданнаго Адама, и такимъ образомъ вводитъ его въ царство Божіе, въ которое не можетъ войти некрещенный, просвѣщаетъ свѣтомъ его и даетъ вкусить радостей его. Такъ каждый крещаемый опять содѣлывается такимъ, какъ былъ Адамъ до преступленія, и введенъ бывая въ мысленный рай, пріемлетъ заповѣдь дѣлати его и хранить: дѣлати исполненіемъ заповѣдей Іисуса Христа, возсоздавшего его, и хранить храненіемъ благодати Святаго Духа, дарованной ему чрезъ святое крещеніе, исповѣдуя, что сила сей благодати, живущей въ немъ, вмѣстѣ съ нимъ исполняетъ заповѣди Христовы. Въ этомъ состоитъ храненіе. И какъ невозможно дому прочно стоять безъ основанія, такъ душѣ, вѣрующей во Христа, невозможно явить богоугодное житіе, если въ нее не вложена будетъ, какъ основаніе, благодать Святаго Духа. Ибо и постъ, и бдѣніе, и долугеганіе, и поклоны, и молитвословія, и всякое другое злостраданіе, ничтоже есть безъ божественной благодати. И если услышишь, что кто-либо, послѣ явныхъ христіанскихъ дѣлъ, отпалъ отъ Христа, знай, что онъ былъ въ то время безъ благодати Божіей. Ибо Св. Духъ животворитъ дупу, какъ душа тѣло, и она бываетъ сильна, тверда и постоянна. Великое это есть таинство. Да благоговѣнствуетъ предъ нимъ человѣкъ, да внимаетъ ему и хранитъ его. Сею благодатию Св. Духа совершается въ сердцѣ жертва хваленія, и создается самое сердце чистое, сокрушенное и смиренное, которое, зная, что не имѣетъ ничего собственнаго, и не можетъ вознестись гордостію. Это смиреніе сердца сокрушеннаго и самоуничиженнаго, истинное, а не напоказъ изъ тщеславія, и есть жертва хваленія, приносимая Богу. Нечистъ предъ Господомъ,

сказано, не всякій грѣшникъ, а всякъ высокосердый и гордый, потому что безъ грѣха никого нѣтъ. Смиренносердый праведенъ и праведно дѣйствуетъ: ибо исполненъ благодати Св. Духа, обучающей его всякому добру и укрѣпляющей въ немъ. Благодать сія подаетъ ему святую, безъ коей никто не узритъ Господа (Евр. 12, 14). Почему сказано: *да возмется нечестивый, да не видитъ славы Господни* (Ис. 26, 10). И кто этотъ нечестивый? Высокосердый, у котораго по мѣрѣ гордыни его бываетъ и мѣра нечестія; какъ наоборотъ у смиренносердаго по мѣрѣ смиренія его бываетъ мѣра благочестія его. Но кто же этотъ смиренносердый? Ни мудрецъ, ни многознатель, ни научникъ, ни искусникъ, ни дѣлець, но тотъ, кто имѣетъ благодать Св. Духа, которая, очистивъ душу отъ всякаго грѣха и научивъ ее жить праведно и богоугодно, даруетъ ей истинныя—и мудрость, и знаніе, и умѣніе дѣйствовать.

5. Для этого и Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ, и умеръ, давъ Себя въ искупленіе всего естества человѣческаго. Впрочемъ смерть Его была необходимою жертвою и за благочестивыхъ, умершихъ прежде пришествія Его во плоти. Ибо послѣ преступленія Адамова никто и изъ праведныхъ не могъ спасенъ быть, такъ какъ все люди подлежали грѣху прародителя Адама, тлѣнію и смерти, и мечъ огненный никого не пропускалъ въ рай, изъ котораго изгнанъ былъ Адамъ: такъ какъ тѣ святые обители рая принимаютъ только души непорочныя и чистыя отъ всякаго грѣха, какъ говоритъ Апостоль, что *тлѣніе не наследуетъ нетлѣнія* (1 Кор. 15, 50). Почему необходимо было, что нетлѣнный Сынъ Божій посредствомъ тлѣнной плоти Своей данъ былъ въ жертву, дабы искупить праведныхъ тѣхъ отъ тлѣнія. Ибо сами собою они не могли опять придти въ нетлѣніе, изъ коего низпалъ Адамъ; но это было дѣломъ ве-

ликаго домостроительства Христова, совершеннаго съ судомъ и правдою. А для тѣхъ, которые родились послѣ рождества Христова, Онъ есть и жертва и пища посредствомъ причащенія пречистыхъ таинъ, въ коемъ чрезъ единеніе, въ какое вступаетъ съ причащающимися, Онъ обновляетъ его и возсозидаетъ, и неизреченною силою творческаго Божества приискреннѣ сочетаваетъ съ Собою и Собою проникаетъ, т.-е. дѣлаетъ Богомъ по благодати: подобно тому, какъ и огонь, чрезъ свое проникновеніе, дѣлаетъ огнемъ тѣ твердыя тѣла, которыя его принимаютъ и имъ проникаются, какъ напримѣръ, желѣзо, мѣдь и подобныя,—дѣлаетъ огнемъ, но не измѣняетъ природы ихъ, а дѣлаетъ лишь то, что они, пока находятся въ такомъ сочетаніи съ огнемъ, бываютъ и сами огнемъ. И сіе-то есть то, чего желали пророки, цари и праведники, бывшіе прежде Христа, такъ какъ провидѣли тѣхъ, которые имѣли быть плоть отъ плоти Христа и кость отъ костей Его, а себя самихъ видѣли лишаемыми столь великаго блага.

6. Которые же научены сему великому таинству христіанства, и познавъ его, сдѣлались вѣрующими и вѣрными ему, а потомъ пали, какъ человѣки, плоть носящіе, для тѣхъ нѣтъ другаго средства возратить потерянное, какъ покаяніе во всемъ, въ чемъ погрѣшили. Прибѣгнуть имъ надобно къ врачу духовному, и исповѣдавъ ему грѣхъ свой, открывъ рану свою, съ покорностію и желаніемъ принять слѣдующую по правиламъ епитимію, какую наложить духовный отецъ; потому что такія епитиміи разрѣшаютъ узы грѣховныя и служатъ для ранъ душевнымъ пригоднымъ врачевствомъ, чтобъ исцѣлить ихъ. Необходимо, говорю, грѣшащимъ по крещеніи несть епитимію; потому что они были уже просвѣщены и *вкусили дара небеснаго* (Евр. 6, 4), т.-е. опытно познали силу Христову, почему должны были

мужественно стоять противъ искушенія и не грѣшить, какъ говорить Апостолъ: *грѣхъ вами да не обладаетъ: нѣсте бо подѣ грѣхомъ, но подѣ благодатию* (Рим. 6, 14).

Еслибъ они не пренебрегли благодати Божіей, уже познанной, то она не попустила бы имъ согрѣшить. Сами собою сдѣлались они повинными крови Христовой, очистившей совѣсть ихъ огъ мертвыхъ дѣлъ, чтобъ служить Богу живому и истинному; почему имѣютъ нужду во вторичномъ очищеніи чрезъ покаяніе, которое бываетъ соединено съ трудами и потами, стенаніями и слезами, чтобъ каждый изъ нихъ могъ сказать къ Богу: *виждь смиреніе мое и трудъ мой и остави вся грѣхи моя* (Псал. 24, 18). Не потому такъ надо, чтобъ Богъ имѣлъ нужду въ трудахъ и потахъ кающагося, но для того, чтобъ кающійся, получивъ благодать Божію безъ труда, опять не пренебрегъ ее, какъ и прежде, и не былъ за то осужденъ вѣчно горѣть въ неугасимомъ огнѣ адскомъ.

Но которые не знаютъ таинства христіанства, каковы наибольшая часть изъ такихъ крещенныхъ, которые именуются, какъ крещенные, христіанами, но не оглашены христіанскимъ ученіемъ и совѣмъ остаются невѣдающими, и, скажу такъ, непросвѣщенными (крещеніемъ просвѣщены, но не просвѣщены вѣдѣніемъ), потому что не знаютъ и не разумѣютъ воистину, въ чемъ состоитъ таинство христіанства,—такъ когда таковые, каясь, исповѣдаютъ грѣхи свои, содѣланные ими по крещеніи, то ихъ не должно слишкомъ вязать на духу и возлагать на нихъ тяжелыя эпитиміи; потому что это не будетъ для нихъ полезно, такъ какъ они будучи не научены и не просвѣщены, и не имѣя вѣдѣнія о тайнѣ Христа, не могутъ восчувствовать, какъ должно, этихъ вязаній и эпитимій. Они въ невѣдѣніи вѣровали, въ невѣдѣніи и грѣшили; и поелику безъ разума грѣшили,

то не могутъ, какъ должно, уразумѣть разумность духовнаго ихъ врачеванія.

Итакъ, какъ для тѣхъ, которые научены и просвѣщены и знаютъ таинство христіанства, по мѣрѣ ихъ знанія и грѣха, т.-е. судя по тому, какое имѣютъ вѣдѣніе и знаніе о таинствѣ христіанства, и сколь тяжкій учинили грѣхъ, потребны и обязанія, и врачества, и прижиганія, и злостраданія, т.-е. посты, бдѣнія, долулеганія, коленнопреклоненія, и прочее: такъ для тѣхъ, которые не знали и не были научены таинству христіанства, потребны напередъ наученіе, оглашеніе ученіемъ вѣры и просвѣщеніе, и потомъ уже каноническія эпитиміи. Ибо неразумно вязать и прижигать, т.-е. налагать, по правиламъ, эпитимію на немогущаго восчувствовать то, какъ несмысленно лечить мертваго.

Впрочемъ, какъ говорить божественный Павелъ, *елицы въ законъ согрѣшиха*, т.-е. при знаніи таинства вѣры и христіанства, *закономъ судъ примутъ*, т.-е. должны быть судимы и эпитимизованы по всей строгости священныхъ каноновъ; а которые *безъ закона согрѣшили*, то-есть не знали всего, что относится къ вѣрѣ и что необходимо для спасенія, и не научились тому, тѣ *безъ закона и погибнутъ* (Рим. 2, 12), т.-е. и безъ приложенія къ нимъ всей строгости каноновъ, погубнутъ (если не покаются), привсемъ томъ, что могутъ предлагать бесполезно въ оправдагіе свое, что не знали, какъ обязаны были поступать: ибо Господь говоритъ: *проповѣстся сіе Евангеліе царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всемъ языкомъ* (Матѣ. 24, 14). Если такимъ образомъ языки осуждаются (за невѣдѣніе), тѣмъ паче будутъ осуждены тѣ христіане, которые, находясь въ оградѣ церкви Христовой, не знаютъ истиннаго ученія о христіанскомъ благочестіи, потому что не позаботились поучиться ему гдѣ и какъ слѣдуетъ, по нерадѣнію и презорству къ

столько великому дѣлу, совершенному для насъ Сыномъ Божиимъ, для коего Онъ, будучи Богъ, содѣлался чело-вѣкомъ и претерпѣлъ крайнее поношеніе, умерши на крестѣ, будто злодѣй.

7. Великое благо есть вѣровать во Христа, потому что безъ вѣры во Христа никому невозможно спастись; но надобно и научиться слову истины и познать его. Благо есть научиться слову истины, и знать его необходимо; но надобно и крещеніе пріять во имя святыхъ и Живоначальныхъ Троицы, для оживленія души. Благо есть крещеніе пріять и чрезъ него новую жизнь духовную, но надобно, чтобъ и чувствомъ ощущена была сія таинственная жизнь, или умное въ духѣ просвѣщеніе. Благо есть воспріять чувствомъ умное въ духѣ просвѣщеніе, но надобно являть и дѣла свѣта. Благо есть дѣлать дѣла свѣта, но надобно облечься и во смиреніе и кротость Христову, для совершеннаго уподобленія Христу. Кто достигнетъ сего и сдѣлается кротокъ и смиренъ сердцемъ, такъ какъ бы это были естественныя его расположенія, тотъ несомнѣнно внидетъ въ царство небесное и въ радость Господа своего. Впрочемъ и всѣ тѣ, которые текутъ путемъ Божиимъ по указанному мною порядку, если случится, что естественная смерть пресѣчетъ посредѣ сіе ихъ теченіе, не будутъ отогнаны отъ дверей царствія Божія, и двери сіи не будутъ затворены предъ ними, по безпредѣльной милости Божіей. Но которые не текутъ такимъ порядкомъ, тѣхъ суетна и вѣра, если какую имѣютъ во Христа Господа, Коему подобаешь всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ОСЬМОЕ.

1. Всякій изъ насъ долженъ познать, что онъ есть Адамъ, чтобы быть Христомъ.

2. Таинство воплощенія Сына и Слова Божія имѣть цѣлю пересозидать вѣрующихъ въ Него, и дѣлать ихъ нетлѣнными и безсмертными.

3. Опрежденія Божія дѣлаются закономъ естества.

4. Какія определенія Божія опять Имъ отмѣняются, и какимъ образомъ?

1. Если кто изъ насъ не познаетъ, что онъ есть Адамъ, тотъ, который согрѣшилъ предъ Богомъ въ раю; то какъ можетъ онъ признать и думать, что нисшествіе Сына и Слова Божія было для него? Такой ужъ по паденіи установился законъ, что какъ каждый изъ насъ бываетъ Адамомъ, т.-е. человѣкомъ тлѣннымъ и смертнымъ, не по причинѣ собственнаго своего грѣха, а по причинѣ преслушанія прародителя нашего Адама, отъ сѣмени котораго приходимъ; такъ опять каждый изъ насъ бываетъ Христомъ, нетлѣннымъ и безсмертнымъ, не ради добродѣтелей своихъ, но ради послушанія втораго Адама, который есть Христосъ, Господь нашъ, сошедшій съ неба, содѣлаваясь кость отъ костей Его и плоть отъ плоти Его. И какъ тлѣніе и смерть изъ рода въ родъ переходятъ отъ ветхаго Адама, такъ нетлѣніе и безсмертіе переходятъ въ христіанъ отъ новаго Адама. Какъ то, что мы причастники естества праотца Адама, падшаго, познаемъ мы по тому признаку, что и мы грѣшимъ и преступаемъ заповѣди Божіи; такъ и то, что мы бываемъ причастниками божественной благодати втораго родоначальника нашего Христа Господа, познаемъ по тому признаку, что не грѣшимъ болѣе, коль скоро получаемъ божественную благодать сію. Мы почерпаемъ отъ полноты Христовой, подобно тому, какъ изъ какого-либо источника огня возжигались бы міриады лампадъ, и чѣмъ больше бы возжигались, тѣмъ болѣе

онъ изобиловалъ бы огнемъ и источалъ его изъ себя: ибо Христосъ, какъ Богъ, преисполненъ всякимъ добромъ.

2. Онъ, не отстраняясь отъ всего сущаго, благоволилъ устранившись въ пречистое чрево Приснодѣвы, родиться, млекоу питаться, возрасти и стать мужемъ, также алкать, жаждасть, утруждаться и проливать потъ, потомъ подвергнуться зависти Иудеевъ за чудеса, совершенныя Имъ въ показаніе Своего божества, быть повѣшеннымъ на крестѣ, будто злодѣй, вмѣстѣ съ разбойниками, умереть позорною смертію, по волѣ Своей, погребену быть, воскреснуть и вознестись на небо, чтобъ ниспослать на вѣрующихъ Духа Святаго, отъ Отца исходящаго, Котораго и послалъ. Ибо то и было цѣлію и концемъ всего воплощеннаго домостроительства Христова, чтобъ Духа Святаго принимали въ души свои вѣрующіе въ Него, яко Бога и человѣка, единого Христа въ двухъ естествахъ, божескомъ и человѣческомъ, нераздѣльныхъ и неслиянныхъ; чтобы сей Святыи Духъ былъ какъ бы душею души вѣрующихъ, и они по сей причинѣ именовались христіанами; чтобъ (дѣйствіемъ сего Духа Святаго) они нѣкоторымъ образомъ переплавлялись, пересозидались, обновлялись и освящались, по уму, совѣсти и по всемъ чувствамъ, такъ чтобы послѣ сего они совсѣмъ уже не имѣли въ себѣ растлѣнной жизни, которая могла бы поднимать въ душѣ ихъ позывъ и пожеланіе плотскихъ сластей и мірскихъ похотей. Ибо всякій человѣкъ съ перваго дня рожденія своего (съ момента зачатія) подлежитъ уже тлѣнію и смерти, и потребна великая и божеская сила, чтобы возсоздать его къ нетлѣнію и безсмертію. Если же кто, вмѣстѣ съ возрастомъ тѣлеснымъ, будетъ возрастать и въ худости, то въ такомъ конечно увеличивается и сила тлѣнія и владычество смерти, дѣлающееся въ немъ еще болѣе мощнымъ; потому что по мѣрѣ тлѣнія, какое

кто развиваетъ въ себѣ, входитъ въ него и жало смерти, т.-е. или больше, или меньше. Если теперь малое и незлобивое дитя имѣетъ нужду въ божеской силѣ, чтобъ освободиться отъ тлѣнія; то сколь великая сила потребна для того, кто вмѣстѣ съ возрастомъ возросъ и въ худости, а вмѣстѣ съ нею и чрезъ нее возрастилъ въ себѣ и тлѣніе, каковое Богоотецъ Давидъ называетъ въ псалмахъ своихъ узами и вретисемъ, взывая къ Богу: *растерзалъ еси узы моя. Тебѣ пожру жертву хвалы* (Пс. 115, 7. 8), т.-е. возблагодарю и прославлю Тя за то, что Ты растерзалъ узы мои, т.-е. тлѣніе; и опять: *растерзалъ еси вретисце мое, и препоясалъ мя еси веселіемъ: яко да воспоетъ Тебѣ слава моя и не умилюся* (Пс. 29, 12. 13); т.-е. Ты совлекъ съ меня вретисце, которое я носилъ, т.-е. тлѣніе, и препоясалъ меня радостію, да прославлю Тя, не я, но Духъ Святой чрезъ меня; потому что радость и слава, пріятныя Давидомъ отъ Бога, былъ Духъ Святой, Коего имѣя въ себѣ, онъ говорить: *и не умилюся* (—не буду имѣть нужды раскаяваться), т.-е. не буду грѣшнить? Итакъ всеконечно необходимо всякому всевозможныя употребить усилія, чтобъ получить свыше отъ Христа Господа сіе веселіе и славу, т.-е. благодать Святаго Духа, чтобъ возымѣть силу не грѣшнить болѣе. Ибо что дѣлаетъ кто по произволенію, то по произволенію же можетъ и уничтожить; но что отъ естества, того нельзя уничтожить произволеніемъ. Если теперь человѣкъ сталъ естественно тлѣннымъ и смертнымъ; то не можетъ силою одного произволенія своего сдѣлаться нетлѣннымъ и бессмертнымъ. И со времени изгнанія Адамова изъ рая, т.-е. съ того времени, какъ онъ по причинѣ преступленія сдѣлался тлѣннымъ и смертнымъ, даже доднесь ни одинъ еще человѣкъ не явился нетлѣннымъ и бессмертнымъ.

3. Итакъ, если потребно челоѣку оцѣлить придти въ

то первое состояніе, въ которомъ онъ созданъ, сдѣлаться т.-е. нетлѣннымъ; то никакое человѣческое произволеніе не можетъ возвестъ его въ сіе состояніе, а одна божественная сила, пріемлемая имъ чрезъ сочетаніе съ божескимъ естествомъ. Божеское естество сильно побѣдитъ смертность естества человѣческаго, и опять воззвать его въ первоначальное его состояніе. Слова и опредѣленія Божіи дѣлаются закономъ естества. Почему и опредѣленіе Божіе, изреченное Имъ вслѣдствіе преслушанія перваго Адама, т.-е. опредѣленіе ему смерти и тлѣнія, стало закономъ естества, вѣчнымъ и неизмѣннымъ. Почему, для отмѣненія такого опредѣленія, распялся и умеръ Сынъ Божій, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, принеся Себя въ жертву искупленія человѣка отъ смерти, жертву страшную и безмѣрно великую. Опредѣленіе Божіе: *земля еси и въ землю пойдешь*, равно какъ и все наложенное на человѣка послѣ паденія, будетъ еще дѣйствовать до скончанія вѣка; но по милости Божіей, въ силу чрезвычайной жертвы Христовой, въ будущемъ вѣкѣ, оно уже никакой не будетъ имѣть силы, когда совершится общее воскресеніе, каковому воскресенію невозможно бы было совершиться, еслибъ не воскресъ изъ мертвыхъ самъ Сынъ Божій, умершій для отмѣненія означеннаго опредѣленія и воскрешенія всего человѣческаго естества, такъ какъ воскресъ человекъ, т.-е. Христосъ какъ и первоначально умеръ человекъ, т.-е. Адамъ. Тотъ и другой совмѣщая въ себѣ весь человѣчезкій родъ.

4. Впрочемъ да вѣдаетъ каждый, что опредѣленія Божіи о карахъ за грѣхи, послѣ воплощеннаго демонстрированія, есть грѣмя отмѣнять еще въ сей жизни. Опредѣленія Божіи, наложенныя на перваго человѣка Адама, согрѣшившаго въ раю, при жизни безбѣдной, праведно не отмѣняются въ сей жизни и поставлены для чело-

вѣка въ законъ естества; а опредѣленія Христовы, наложенныя послѣ воплощеннаго домостроительства на насъ, находящихся въ этой бѣдственной жизни, могутъ быть отмѣняемы еще въ семь вѣкѣ. И всякому христіанину, если онъ подпалъ подъ нихъ, со всѣмъ усердіемъ и усиліемъ надобно озаботиться, чтобъ они сняты были съ него еще здѣсь; ибо они несравненно страшнѣе первыхъ, такъ какъ простираются на нескончаемые вѣка. Если первыя опредѣленія, лишающія человека временной жизни, т.-е. опредѣленія на смерть и тлѣніе, представляются несносными, то опредѣленіе вѣчныхъ и нескончаемыхъ наказаній, какія наложены будутъ въ будущемъ вѣкѣ, насколько тяжелѣе и несноснѣе будутъ для тѣхъ, кому придется испытать ихъ!

Какія же именно эти опредѣленія, послушай. Господь нашъ Іисусъ Христосъ говорить: *еще кто речетъ брату своему: уродъ, повиненъ есть гееннѣ огненной* (Мѣ. 5, 22). Это значить, что сказавшій это брату своему, какъ только сказать это, тотчасъ сдѣлался уже повиннымъ вѣчному мученію. Но это рѣшеніе или опредѣленіе суда Божія теряетъ силу, коль скоро кто покается, и съ такою рѣшимостію положить не говорить болѣе брату своему: уродъ, что скорѣе умереть, нежели согласится это сдѣлать; потому что въ самомъ дѣлѣ для христіанина лучше умереть, нежели называть брата своего христіанина: уродъ. Такимъ же образомъ, т.-е. чрезъ покаяніе, сокрушеніе и рѣшимость воздерживаться отъ грѣховъ, теряютъ силу и всѣ другія судныя опредѣленія Христовы. Но да вѣдаемъ, что только здѣсь, въ настоящей жизни, гдѣ бываетъ преступленіе заповѣдей Божіихъ, только здѣсь бываетъ и отмѣненіе страшныхъ судныхъ опредѣленій за то, по безпредѣльной Божіей милости, ради искренняго и совершеннаго покаянія. А кто не покается здѣсь, надъ тѣмъ неотмѣнно будутъ

исполнены сіи опредѣленія; неотгѣнно, кто поклонится Богомъ въ неправдѣ, будетъ наказанъ, какъ нечестивецъ; кто съ похотѣніемъ воззритъ на жену, будетъ наказанъ, какъ блудникъ; лихоимецъ будетъ наказанъ, какъ идолослужитель. Впрочемъ, если кто и покается въ такихъ и подобныхъ грѣхахъ, но при этомъ окажется немилостивымъ, несострадательнымъ и жестокосерднымъ, т.-е. воздастъ зломъ за зло, и не проститъ врагу своему, въ такомъ случаѣ никакой не получить онъ пользы отъ своего покаянія, но тщетно будетъ все его покаяніе, по опредѣленію Господа, Который говоритъ: *имже судомъ судите, судятъ вамъ* (Мѡ. 7, 1). И не это только, но можетъ случиться нѣчто и еще худшее, можетъ случиться, что иной искренно покаявшись обрѣтетъ милость у Бога и получить отпущеніе всего своего грѣховнаго долга; но если онъ, послѣ сего окажется несострадательнымъ и немилосерднымъ къ другимъ, и не проститъ имъ въ чемъ они противъ него погрѣшати; то самъ разоряетъ милостивое къ нему снисхожденіе и отпущеніе явленное ему Богомъ, какъ говоритъ святое Евангеліе: *не подобаше ли и тебѣ помиловати клеветника твоего, якоже и Азъ тя помиловахъ? И прогнѣвався господь его, предаде его мучителямъ* (Мѡ. 18, 33. 34).

Намъ же даруй Господи и покаяться во грѣхахъ своихъ, и быть сострадательными и милосердыми къ ближнимъ, да сподобимся улучшить и вѣчное блаженство въ самомъ Христѣ, истинномъ Богѣ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ.

1. Какъ разумѣть: начало премудрости страхъ Господень?
2. Какіе признаки и дѣла вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей?
3. Какіе признаки и дѣла людей невѣрныхъ и не боящихся Бога?
4. Кто тотъ мертвый, который не живетъ по Богу?
5. Какъ отъ Бога имѣемъ мы бытіе, такъ отъ Него же только получить можемъ и благобытіе.

1. *Начало премудрости страхъ Господень*, говоритъ Писаніе (Притч. 1, 7). Премудръ же есть единъ Богъ. Почему всякій, желающій вни́ти въ царство небесное и быть подъ царемъ Богомъ, чтобъ умъ его, и мудрованія его, и помыслы его были управляемы самимъ Богомъ, единымъ воистину царемъ, всякій такой прежде всего долженъ возымѣть страхъ Божій. Но какъ возымѣть страхъ къ Тому, Кого не видишь? — Потому необходимо прежде увидѣть Бога, чтобъ потомъ возымѣть страхъ къ Нему. А какъ увидѣть Бога, Котораго никто никогда не видалъ? Для этого надобно разыскать умнаго свѣта Божія, чтобъ умъ, просвѣтившись имъ, могъ умно узрѣть Бога. И вотъ, когда кто такимъ образомъ узритъ Бога, то можетъ возымѣть и страхъ Божій, а возымѣвши страхъ Божій, можетъ увидѣть и познать и себя самого, и сей привременный и суетный міръ, и всѣ дѣла міра сего. Далѣе, кто видитъ себя с. мого и суетность міра сего, тотъ, имѣя всегда присущимъ въ себѣ страхъ Божій, не можетъ онеправдовать кого-либо, и когда самъ терпитъ отъ другаго неправду, не дѣлаетъ отмщенія, но чая помощи, отъ Бога приходящей, терпитъ благодушно неправду, и дивится, и славить Бога, что Онъ, видя неправды, долготерпитъ и сноситъ несправеднаго, — самъ между тѣмъ ревнуя всеусердно приносить всякаго рода плоды Святаго Духа.

2. Итакъ мы имѣемъ нужду въ умномъ божествен-

номъ свѣтъ, да содѣлаеть онъ насъ причастниками благодати зрѣть Бога. — Но что такое есть свѣтъ сей? О семъ самъ Христосъ говоритъ: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12). Тоже говоритъ и Евангелистъ Іоаннъ: *въ Томъ животъ бж, и животъ бж свѣтъ челоукомъ* (Іоан. 1, 4). Изъясняя сіе, Іоаннъ Креститель говоритъ: *вѣруй въ Сына, имать животъ вѣчный: а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ* (Іоан. 3, 36). Не вѣруетъ же во Христа всякъ, кто преступаетъ одну и только одну заповѣдь Его, какъ самъ Христосъ говоритъ: *иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, мнѣ наречется въ царствіи небесныхъ* (Матѣ. 5, 19). *Неправедный въ малъ, и во мнозъ неправеденъ есть* (Лук. 16, 10), Но какой гнѣвъ пребываетъ на такомъ? Гнѣвъ клятвы, которая пала на Адама за преступленіе заповѣди Божіей, т.-е. тлѣніе и смерть. Но которые пребываютъ въ тлѣніи и смерти, тѣ пребудутъ и въ гееннѣ адской. Почему Господь нашъ Іисусъ Христосъ и говоритъ: *заповѣдь Его животъ вѣчный есть* (Іоан. 12, 50), и: *аще кто слово Моё соблюдеть, смерти не имать видѣти во вѣки* (Іоан. 8, 51). Кто же, выходятъ, не исполняетъ заповѣди Божіей, тотъ самъ себя лишаетъ живота вѣчнаго. Итакъ прежде всего надлежитъ увѣровать во Христа, Который есть *свѣтъ челоукомъ*, чтобъ увидѣть Бога.

Какимъ же образомъ можетъ онъ увидѣть Бога? Изъ твореній, сотворенныхъ Богомъ, можетъ онъ увидѣть и познать Творца, т.-е. неба, земли, моря и прочихъ тварей, особенно же самого челоука, который есть животное разумное, зачинающееся такъ невзрачно, и потомъ бывающее такимъ дивнымъ существомъ, которое мнится быти Богомъ всего видимаго, въ силу разумности, его отличающей. Кто узритъ симъ образомъ Бога, тотъ какъ можетъ не возымѣть къ Нему страха? А кто

страхъ къ Нему возымѣть, возможно ли, чтобъ тотъ не благовѣствовалъ предъ Нимъ, не смотрѣлъ строго за собою, и не жилъ такъ, какъ заповѣдуетъ Онъ и опредѣляетъ въ законѣ Своемъ?

3. Отсюда само собою разумѣется, что кто живетъ не по закону Божію, тотъ и Бога не боится; а кто Бога не боится, тотъ не видѣ Его; кто же не видѣ Бога, тотъ не имѣетъ въ себѣ свѣта (умнаго); кто не имѣетъ сего свѣта, тотъ не вѣруетъ во Христа; кто не вѣруетъ во Христа, не имѣетъ живота въ себѣ. Такъ какъ, очевидно, онъ не положилъ начала отъ страха Божія, который есть начало премудрости; то онъ есть буй, слѣпъ, мертвъ. И добрѣ говоритъ Евангелистъ Іоаннъ, что *всякъ согрѣшавшій не видѣ, ни позна* Бога (1 Іоан. 3, 6). Добрѣ и пророкъ Іеремія живописуетъ, — кто есть незнающій Бога? Кто любодѣйствуетъ, кто преступничествуетъ, кто напрягаетъ языкъ свой, какъ лукъ, въ комъ укрѣпились ложь и невѣрство, кто отъ зла переходитъ ко злу, кто другу своему посмѣвается, и не говоритъ истины, кто научилъ языкъ свой говорить одну ложь, кто неправо дѣйствуетъ и не хочетъ обратиться, у кого лихва на лихву, и лестъ на лестъ, коего языкъ есть стрѣла уязвляющая и лстивіи глаголы устъ его, пріятелю своему глаголетъ мирная, внутри же себе имѣетъ вражду. Таковъ не позналъ Мене и не восхотѣлъ увѣдѣти Мене, глаголетъ Господь (Іерем. 9, 3—8). Если таковъ незнающій Бога и нехотящій увѣдать Его, чѣмъ разнится онъ отъ тѣхъ, которые не исповѣдаютъ Христа и не вѣруютъ въ Него? Христіанинъ, не вѣрующій Христу, какой христіанинъ? Кто вѣруетъ Христу, тотъ творитъ заповѣди Его, а кто не творитъ заповѣдей Его, тотъ и не вѣруетъ Ему. Невѣрующій же Христу, не тоже ли что невѣрный? Итакъ всѣ тѣ, которые именуются христіанами, но не живутъ по закону и заповѣдямъ

Его, да вѣдаютъ, что они еще не увѣровали во Христа, хотя исповѣдуютъ Его Богомъ. Ибо кто истинно вѣруетъ во Христа, тотъ не станетъ жить беззаконно и нарушать заповѣди Божіи, подобно тому, какъ тотъ, кто видитъ предъ собою пропасть, не можетъ броситься въ нее, если только онъ не потерялъ ума.

4. Да взыщутъ же таковыя того, чтобъ увѣровать во Христа, какъ должно, и такимъ образомъ начать жить по Богу, пріять въ себя умный свѣтъ и узрѣть Бога, страхъ Божій возымѣть и положить начало премудрости, такъ какъ начало премудрости есть страхъ Божій. Вѣра безъ дѣлъ мертва есть, какъ тѣло безъ души. Ибо вѣра, дѣлъ не имѣющая, не имѣетъ Бога, животворящаго ее, и мертва есть, яко не стяжавшая того, о чемъ говоритъ Христосъ: любящій Мене, заповѣди Моя соблюдетъ, и Я и Отецъ придемъ къ нему и обитель у Него сотворимъ (Іоан. 14, 23), чтобъ воскресить изъ мертвыхъ душу присѣщеніемъ Своимъ и оживотворить того, кто сподобляется стяжать сіе. Вотъ почему мертва такая вѣра, мертвы тѣ, которые имѣютъ ее безъ дѣлъ. Кто живетъ во Христѣ, тотъ имѣетъ и нравъ Христовъ; а кто не имѣетъ нрава Христова, тотъ мертвъ, и пусть онъ не обольщаетъ себя, какъ говоритъ Христосъ: *что Мя зоветъ: Господи, Господи, и не творитъ, яже глаголю* (Лк. 6, 46)? Знакъ мертвости есть недѣйствование, такъ какъ всякій, кто мертвъ, и бездѣйственъ. Почему кто не дѣйствуетъ по Богу, тотъ мертвъ для Бога, въ томъ нѣтъ жизни по Богу. А кто не живетъ для Бога и по Богу, такому лучше бы совсѣмъ не жить. Тѣлесная наша жизнь есть просто жизнь, какъ жизнь и всѣхъ животныхъ. Но разумная душа должна воспріять жизнь, которую подаетъ Богъ, и которая есть свѣтъ человѣкомъ, подаемый свыше отъ Бога. Кто лишень этой жизни, тотъ живетъ, какъ и всѣ неразумныя животныя;

но какъ онъ ниспадаетъ до сего, будучи разумнымъ, то будетъ осужденъ вмѣстѣ съ безтѣлесными разумными тварями, лишившимися такой жизни, т.-е. съ демонами, на вѣчную смерть, или на нескончаемыя мученія во адѣ. Изъ всего сказаннаго видно, что главнѣйшее наше дѣло состоитъ въ богоугодномъ житіи. Которые христіане не ведутъ жизни, подобающей христіанамъ, тѣ немоществуютъ и въ естествѣ своемъ, и въ силахъ своихъ, и въ жизни и дѣяніяхъ своихъ. Сила же христіанства въ томъ и состоитъ, что въ немъ чрезъ Іисуса Христа получается полное благобытіе отъ Бога, давшаго бытіе. Почему естественно тѣ не сподобляются жить, какъ должно, и въ отношеніи къ Богу, и въ отношеніи къ людямъ, которые не взыскали того, чтобъ получить отъ Бога чрезъ Іисуса Христа благобытіе, которое потеряно въ первозданномъ Адамѣ.

5. Итакъ, который христіанинъ не живетъ, какъ заповѣдуетъ Христосъ, такой все носить имя христіанина. Не имѣетъ онъ благобытія, или потому, что совѣмъ не вѣровалъ во Христа, или потому, что увѣровавъ, презрѣлъ вѣру и потерялъ даръ, или потому что не былъ наученъ какъ должно, и не позналъ сего великаго и таинственнаго дара благодати. Какъ о бытіи мы знаемъ, что оно, бывъ въ началѣ даровано непосредственно Богомъ по закону творенія, въ настоящее время не прямо отъ Него приходитъ, но отъ мужа и жены бываетъ человѣкъ, какъ законоположилъ Онъ же, создатель всяческихъ, когда сказалъ: *и будета два въ плоть едину*, каковая плоть есть плоть дитяти раждаемаго отъ обоихъ: такимъ же образомъ и благобытіе явно есть дѣло и Божіе и наше; потому что еслибъ оно было только Божіе дѣло, то его имѣли бы все люди. Наше въ семъ участіе состоитъ въ томъ, чтобъ признать, что мы не имѣемъ благобытія и не можемъ его возы-

мѣть сами собою; потому что со времени Адама, даже донинѣ не было ни одного человѣка, который бы возымѣлъ благобытіе самъ собою, мудръ ли онъ или разумынь о себѣ, какъ говорить пророкъ Исаія: *горе, иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни* (Ис. 5, 21). Почему какъ бытіе есть у насъ отъ Бога и Его творческой силы, такъ и благобытіе отъ Него же. Благобытіе есть въ насъ отъ Бога вѣчто высшее предъ просто бытіемъ; потому что это бытіе если не станетъ благобытіемъ, то растлѣвается и гибнетъ. И какъ всесильный Богъ, однажды творчески создавъ человѣка, не даетъ уже теперь бытія никому изъ людей иначе, какъ чрезъ мужа и жену, потому что это было бы неблаго-словно: такъ опять и благобытія не даетъ Онъ человѣку, если самъ сей человѣкъ не восхочетъ того отъ всей души своей и отъ всего помышленія своего, чтобъ иначе не нарушить разумнаго достоинства естества человѣческаго, т.-е. самовластія. Посему кто восхочетъ сего благобытія, пусть взыщеть его у Бога съ воплемъ крѣпкимъ и слезами, какъ сдѣлалъ и самъ Христосъ, Который, будучи Богъ и человѣкъ, яко человѣкъ, возносилъ къ Богу молитвы и моленія, со слезами и воплемъ крѣпкимъ, чтобъ избавилъ Его, яко человѣка, отъ смерти, какъ говорить Апостоль: *Иже во дняхъ плоти Своея, моленія же и молитвы къ могущему спасти Его отъ смерти, съ воплемъ крѣпкимъ и слезами принесъ, и услышанъ бывъ отъ благоговѣнства, бысть възмъ послушающимъ Его виновенъ спасенія вѣчнаго* (Евр. 5, 7—9). Какое же это спасеніе, которое Онъ даруетъ всѣмъ слушающимъ Его? Самое то благобытіе, которое есть плодъ Святаго Духа. *Плодъ же духовный есть*, говоритъ божественный Павелъ, *любь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе: на таковыхъ нѣсть закона* (Гал. 5, 22. 23). Ибо праведнику законъ

не лежитъ (1 Тим. 1, 9). Богъ Слово и Сынъ Божій, Творецъ естествъ, для того и содѣлался естественно (физически) человѣкомъ, чтобъ естественно (физически) даровать людямъ благобытіе. Чтобъ люди могли получить это благобытіе, Онъ пришелъ, воплотился пострадалъ и умеръ, чтобъ вѣрующіе могли возымѣть его, яко нѣчто естественное (физическое), т.-е. чтобъ были любительны, радостотворны, долготерпѣливы, благи, милосерды, вѣрны, кротки, воздержны. Ибо эти именно свойства и составляютъ благобытіе. И горе тому, кто не имѣетъ такого благобытія, которое даруется Христомъ; потому что въ такомъ случаѣ онъ лишается того великаго блага, для котораго единаго Богъ содѣлался человѣкомъ, умеръ и воскресъ. Сего-то лишается и онъ (не настоящій христіанинъ), какъ лишаются и тѣ, которые не вѣрують во Христа, чтобы не сказать, что онъ становится еще и хуже ихъ. Намъ же да не будетъ лишиться сего блага, во Христѣ Іисусѣ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО СОРОКОВОЕ.

Воздержаніе есть одинъ изъ плодовъ Св. Духа. Тѣмъ, которые вѣрують во Христа, надлежитъ знать, что они получаютъ отъ Него дары Св. Духа, такъ что которые не знаютъ, что пріемяють отъ Христа дары, всеу увѣровали.

Говорятъ богоносные отцы, что Христосъ пришелъ въ міръ сей и даровалъ людямъ избавленіе и отъятіе грѣховъ. Итакъ, если Христосъ есть избавляяй людей отъ грѣха и отъемляяй ихъ, то какъ они же опять говорятъ, что вѣрующіе умерщвляютъ стремленія и движенія страстей чрезъ воздержаніе? На это отвѣчаемъ, что оба эти положенія истинны. Ибо окрестившіеся во Христа во Христа облеклись; одеваются же во Христа благодатию отъ Отца исходящаго Духа, а изъ плодовъ Св. Духа есть и воздержаніе. Плодъ Св. Духа, говоритъ боже-

ственный Павелъ, есть *любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22. 23). Посему, когда кто воздерживается отъ грѣха, то не онъ воздерживается, но сіе есть плодъ Духа, который есть воздержаніе. Итакъ, воздержный пусть не думаетъ, что воздержаніе имъ содержимое есть дѣло его собственной силы, но дѣло благодати Христовой. Ибо Христосъ чрезъ Духа Святаго даруетъ воздержаніе тѣмъ, которые прежде возжелали освободиться отъ страстей и избавиться отъ грѣха, и стали противиться ему, но все бывали побѣждаемы имъ по слабости своей и отяжеляемы,—таковымъ, говорю, даруетъ Христосъ воздержаніе, чтобы вѣдали, судя по воздержанію, коимъ воздерживаются теперь отъ всякаго грѣха, отъ какого великаго зла они избавлены, и чтобы когда взято будетъ у нихъ самое движеніе на зло (сочувствіе ему), прославляли смиренномудренно Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа, пославшаго Его для избавленія народа своего.

Какъ Христосъ грѣха не сотвори, такъ и тому, кто облачается во Христа, какъ возможно грѣшить? Кто же грѣшить, тотъ явно не облеченъ во Христа. Да подвизается убо такой христіанинъ опять облещись во Христа, и да проситъ день и ночь съ вѣрою, постомъ и слезами сподоблену быть опять надѣтъ на себя одежду оправданія Христова. Ибо онъ одѣтъ уже былъ во Христа во святомъ крещеніи, но или не позналъ того, или презрѣлъ то и сдѣлался за то опять обнаженнымъ отъ Христа и по причинѣ сего обнаженія сталъ грѣшить. Впрочемъ Христосъ не совершеннымъ оставленіемъ оставляетъ и такого, но даетъ ему придти въ чувство, познать свою обнаженность и моляся съ духомъ сокрушеннымъ взыскивать облеченія въ Него. Ибо кто не облеченъ во Христа, тотъ какъ можетъ творить запо-

вѣди Его? Самъ Онъ говорить: *безъ Мене не можете творити ничесоже*, какъ не можетъ приносить плода вѣтвь, если не пребудеть на лозѣ (Іоан. 15, 4. 5).

Христосъ повелѣваетъ намъ вѣровать въ Него не просто, какъ случилось; но вѣровать еще, что тѣмъ, которые вѣруютъ въ Него, Онъ даетъ дары, такъ что которые не получили такихъ даровъ, тѣ еще не увѣровали во Христа. Христіанинъ и вѣрнымъ называется по причинѣ вѣренія ему даровъ. Вѣрнымъ называется христіанинъ не потому одному, что онъ вѣруетъ во Христа, но и потому что ему вѣрены отъ Бога тайнства, которыхъ даже Ангелы не вѣдали прежде насъ. Въ семь смыслѣ сказалъ Господь: *вѣрный въ малъ и во мнози вѣренъ есть* (Лук. 16, 10). Видишь ли, что вѣрный есть тотъ, кому вѣряется? Кто же не чувствуетъ и не знаетъ, чтобъ ему вѣрено было что-нибудь, тотъ или не получилъ благодати Святаго Духа, или безчувственъ, и по причинѣ нечувствія его она отступила отъ него. Ибо Духъ Святой, дающій людямъ мудрость, и вѣдѣніе, и благочестіе, и страхъ Божій, и вѣру, не хочетъ пребывать въ нечувственныхъ.

Какъ никто не можетъ вести торговлю безъ денегъ, то Господь каждому вѣрному даетъ по силѣ его и способности, духовный динарій, т.-е. даръ Св. Духа, который бы всегда пребывалъ съ нимъ во всякое время и во всякомъ дѣлѣ. Кому вѣренъ такой динарій, и кто получилъ его, тому надлежитъ хранить его добрѣ, и со всѣмъ усердіемъ и терпѣніемъ стараться приумножить его. И послушай, какъ онъ можетъ умножить его. Получаетъ, напримѣръ, кто-либо даръ вѣры и даръ терпѣнія: вѣрою вѣритъ онъ въ то, что обѣтовалъ Ему Богъ а терпѣніемъ претерпѣваетъ скорби и напасти, которыя находятъ на него. Видя, что его встрѣчаетъ многое, противное тому, что обѣтовалъ ему Богъ, онъ терпитъ благодушно, ожидая, пока наконецъ придетъ время испол-

ненію обѣтованій Божіихъ. Здѣсь по видимости кажется, будто человекъ самъ претерпѣваетъ, а на дѣлѣ сила благодати Св. Духа, которую онъ получилъ, она содѣваетъ въ немъ терпѣніе и твердость. Если онъ не забудетъ о сей силѣ благодати, ему дарованной, то умножается въ немъ даръ, и онъ сподобляется получить, что Богъ обѣщалъ ему дать: ибо хрістіане вѣрою и терпѣніемъ наслѣдуютъ обѣтованія Божіи. Если же онъ забудетъ о благодати и подумаетъ, что самъ своею силою вынесъ бремя испытанія и терпѣнія, а не силою благодати Божіей, то теряетъ благодать и остается обнаженнымъ отъ нея; и діаволъ, находя его обнаженнымъ отъ божественной благодати, помыкаетъ имъ, куда хочетъ и какъ хочетъ,—и *бываютъ послѣдняя его горша первыхъ.*

Итакъ тѣмъ, которые именуются вѣрными по благодати вѣры, надлежитъ сподобиться получить и благодать разума, да разумѣютъ воистину, что терпѣніе и благодущіе содѣваетъ въ нихъ божественная благодать, и благодареніе да приносятъ Тому, Кто возблаговолилъ дѣйствовать такимъ образомъ въ вѣрныхъ, какъ самъ Онъ засвидѣтельствовалъ: *сила Моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Въ другихъ подвигахъ дѣйствующій бываетъ побѣдителемъ; а въ подвигахъ вѣры и благочестія побѣдителемъ бываетъ страждущій и претерпѣвающий до смерти. Претерпѣвшій до конца спасается; не тотъ, кто изнемогаетъ и отстаетъ въ срединѣ или къ концу подвиговъ, но кто претерпѣваетъ до конца. И Богъ нашъ не именуется Богомъ празднаго бездѣйствія и утѣхъ, а Богомъ терпѣнія и долготерпѣнія. Онъ дѣйственно производитъ терпѣніе и благодущіе въ тѣхъ, кои предають Ему себя самихъ, чтобы они одержали побѣду дивную и новую, подобную той, какую одержалъ Христосъ Господь. Бывъ распятъ и вкусивъ смерть, Онъ побѣдилъ убійцъ Своихъ и міръ, и теперь удѣляетъ отъ побѣдной

силы Своей и тѣмъ, которые страдаютъ за Него, и чрезъ нихъ побѣждаетъ снова тѣхъ же убійцъ и міръ. Сіе таинство надобно знать всякому христіанину, чтобы не оказался кто всеу вѣрующимъ во Христа, яко не вѣдущій таинства христіанства. Ибо не самъ всякъ, но Христосъ со всякимъ входитъ опять въ рай; т.-е. всякій человѣкъ тогда получаетъ входъ въ рай, когда причастнымъ дѣлается божественной благодати Христовой и вѣрою опять стяжеваетъ то, что имѣлъ въ началѣ и что потерялъ невѣріемъ, не повѣривъ словамъ Божиимъ, а повѣривъ словамъ змія.

Труды же и поты всегда сопровождаютъ человѣка въ настоящей жизни, по промыслительному устройенію человеколюбиваго Бога, чтобы иначе не потерялъ онъ опять того, что стяжалъ трудами и потами. Блага, высшаго для насъ, т.-е. благодати Христовой, духовно сподобляется душа чрезъ святое крещеніе: ибо какъ только крещается, тотчасъ воображается въ ней Христосъ. Но какъ большая часть не знаютъ пріемлемой такимъ образомъ благодати, особенно изъ тѣхъ, кои крещены малыми дѣтьми; то мало-по малу со временемъ происходитъ въ нихъ измѣненіе, и въ иныхъ совсѣмъ гаснетъ благодать Божія, а въ другихъ остается еще хоть малая ея искра, которая, по великой милости Божіей, иногда опять возгарается въ нихъ посредствомъ вѣры, пастырскаго наставленія и руководства. Въ тѣхъ, которые, бывъ обличаемы и наставляемы, возникнутъ къ вѣрѣ и упованію спасенія, благодать въ короткое время опять возгарается и даетъ ощущать себя въ духѣ. За тѣмъ если кто приложитъ къ сему съ радостію и рукояти смиренномудрія и милостыни (смиренномудрія, потому что такая милость не отъ насъ, но отъ Бога; милостыни, потому что получившій милость, всеконечно и самъ долженъ быть милостивъ), то въ немъ разгарается великое пламя, которое

освѣщаетъ даже и всѣхъ соприкасающихся къ нему,—
о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава и держава
во вѣки. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ПЕРВОЕ.

1. О праздникахъ, и какъ надобно ихъ праздновать?
2. Противъ тѣхъ, которые хвастаются празднествами.
3. Что означаетъ то, что бываетъ во время ихъ?
4. Къ тѣмъ, которые причащаются пречистыхъ Таинъ достойно, и недостойно.
5. Какъ бываетъ, что иной соединяется съ Богомъ чрезъ святое причастіе, а иной не соединяется?
6. Какое различіе имѣютъ причащающіеся достойно отъ причащающихся недостойно?

1. Кто добрѣ познаетъ и уразумѣетъ, что онъ созданъ изъ ничего, и что нагимъ вошелъ въ міръ сей, тотъ познаетъ и Творца своего, и Его единого будетъ бояться и любить, и Ему единому служить отъ всей души своей, ничего изъ видимыхъ вещей не предпочитая Ему. Убѣждаясь изъ познанія себя самого, что странникъ есть для всего земнаго или, лучше сказать, и для всего небеснаго, онъ всю ревность души своей отдаетъ на служеніе Творцу своему и Богу. Ибо если онъ странникъ для земнаго, изъ котораго взять (при сотвореніи), среди котораго живетъ и проводить вѣкъ свой, тѣмъ паче странникъ для небеснаго, отъ котораго такъ далекъ и по образу бытія своего здѣшняго, и по образу жизни своей. Кто же убѣдится такимъ образомъ изъ познанія себя самого, что странникъ есть на землѣ, и будетъ содержать въ мысли, что какъ нагимъ вошелъ въ міръ сей, такъ нагимъ и выйдетъ изъ него, тому что предложить кромѣ плача и рыданія не о себѣ только одномъ, но и о всѣхъ сродныхъ съ нимъ, и подобострастныхъ ему людяхъ? Равнымъ образомъ, кто любитъ и боится Бога, и Его единого, готъ, скажи мнѣ. прошу тебя, согласится ли блистать

чѣмъ либо плотскимъ и вещественнымъ? Или, если праздникъ придется ему отпраздновать, станетъ ли онъ праздновать и торжествовать по общему всѣхъ людей обычаю, — несмысленно и безъ толку? Или какъ возможно, чтобъ онъ подумалъ что-либо, или сдѣлалъ какое-либо дѣло, зная, что то не угодно Богу? Также, кто убѣжденъ, что онъ странникъ, бѣденъ, нагъ отъ всего, хотя бы многимъ обладать, возможно ли, чтобъ онъ сталъ хвастаться богатствомъ своимъ? Или, возможно ли, чтобы гордиться сталъ тѣмъ, что дѣлаетъ въ праздники свои? Выситься по причинѣ множества поставленныхъ имъ свѣчей и возженныхъ лампадъ, или изъ-за духовъ и ароматовъ, или по причинѣ многолюдства собравшагося народа и обильныхъ и дорогихъ трапезъ? Или величаться знатностію друзей и посѣщеніемъ славныхъ вельможъ? Нѣтъ, не станетъ онъ много о себѣ думать изъ-за этого: ибо знаетъ, что все это нынѣ есть, а завтра пройдетъ, нынѣ занимаетъ, а завтра исчезнетъ. Таковой, зная, въ чемъ состоитъ богоугодное празднество, совсѣмъ не имѣетъ въ умѣ своемъ и въ чувствѣ своемъ того, что обыкновенно бываетъ чувственного на праздникахъ (ибо этимъ обыкновенно заняты бываютъ тѣ лишь, которые не помышляютъ ни о чемъ высшемъ видимаго); но умомъ премудрымъ раждаетъ помышленія духовныя и восторгается къ созерцанію празднественнаго веселія, имѣющаго быть въ будущей жизни, и имъ сердечно соуслаждается, какъ бы тамъ уже былъ самымъ дѣломъ и духовно праздновалъ со ангелами и святыми, у которыхъ на небѣ всегда праздникъ. Таковой не смотритъ на свѣчи и лампы, ни на множество народа, ни на собраніе друзей, но къ тому устремляетъ умъ свой, что вскорѣ имѣетъ быть по сихъ, когда т.-е. погаснутъ всѣ вещественные свѣты, и самый свѣтъ очей, и всякій отойдетъ въ домъ оный на вѣчное пребываніе.

2. Итакъ, не считай ты мнѣ, возлюбленный, годы, мѣсяцы и круговращенія праздниковъ, и не говори: вотъ спраздновалъ я Рождество Христово, Богоявленіе, Срѣтеніе, Воскресеніе, Вознесеніе и Пятидесятницу. Не говори этого, брате мой, не пересчитывай отпразднованныхъ праздниковъ и не думай, что этого достаточно для спасенія души. Не думай также, что будь свѣтлыя одѣянія и убранства, ястіе и питіе, цѣнные благоуханія, свѣчи и лампы, и множество народа, то тутъ и весь праздникъ. Не это дѣлаетъ свѣтлымъ праздникъ, и не въ этомъ одномъ состоитъ празднество: это только видимость празднственная. Какую пользу доставлю я себѣ, если возжгу, не говорю, множество свѣчъ и лампадъ въ церкви, но если зажгу столько свѣтильниковъ, чтобъ они издали столько свѣта, сколько свѣтло солнце на небѣ, а вмѣсто лампадъ вставлю звѣзды въ сводѣ церковномъ, и такимъ образомъ устрою второе небо долу на землѣ, буду восхищаться свѣтомъ отъ всего сего и составлять предметъ удивленія и похвалъ отъ пришедшихъ въ церковь? Какая, говорю, будетъ польза для меня отъ этого, когда спустя немного все это погаснетъ, и я останусь во тьмѣ? Или какая для меня польза, если нынѣ я намащу разными духами себя и всѣхъ празднующихъ, а завтра опять стану наполненъ зловоніемъ плотскимъ? Скажи ты, хвалящійся свѣтлыми празднествами, скажи, если, по слову Премудраго, есть у тебя разумъ, какая польза отъ этого? Конечно никакой, хоть ты и молчишь, побѣждаемый истиною. Ибо если нынѣ я залить свѣтомъ, а завтра окруженъ буду тьмою, если нынѣ избыточествую веселіемъ, а завтра обремененъ буду печальми, если нынѣ здравствую, а завтра болѣть стану, скажи, какая мнѣ отъ этого прибыль? И что за утѣшеніе во всемъ этомъ? Не такіе праздники любить Господь. *Кто изыска сія изъ рукъ*

вашихъ, вопрошаетъ Онъ? (Ис. 1, 12). Не законоположилъ Христосъ, чтобы мы праздновали праздники свои такимъ образомъ. А какъ? Вотъ послушай со вниманіемъ. Впрочемъ скажу напередъ, что говорить нѣкоторые въ защиту сего.—Чтожъ, по твоему? Не возжигать ни лампадъ, ни свѣтъ? Не воскурять еиміама и никакихъ благовоній? Не созывать народа на праздники и не приглашать ни пѣвчихъ, ни друзей и знакомыхъ, ни людей знатныхъ? Это ли говоришь? Такъ ли велишь?—Нѣтъ, этого я не говорю. Да не будетъ. Напротивъ, совѣтую тебѣ все это дѣлать, даже въ большихъ размѣрахъ. Въ этомъ я совершенно съ тобою согласенъ. Но желаю, чтобы ты зналъ, какимъ образомъ при всемъ томъ надлежитъ христіанамъ праздновать праздники свои. И вотъ я изъясню тебѣ таинство празднества христіанскаго.

3. Что же это за таинство?—То, что образно представляетъ дѣлаемое тобою въ праздники. Возжигаемая тобою лампада представляетъ мысленный свѣтъ, чтобы напоминать тебѣ, что какъ церковь вся въ свѣтъ отъ множества лампадъ, такъ и домъ твоей души (который тоже Божій есть), честнѣйшій паче рукотвореннаго храма, долженъ быть весь въ духовномъ свѣтъ, т.-е. въ немъ должны свѣтить всѣ духовныя добродѣтели, бывъ возжены божественнымъ огнемъ благодати, и освѣщать всего тебя такъ, чтобы въ душѣ твоей не оставалось ни одного мѣстечка неосвѣщеннаго. Множество возженныхъ свѣщей означаютъ свѣтлые помыслы, которые должны свѣтить въ тебѣ, подобно свѣщамъ, такъ чтобы не было ни одного мрачнаго помысла въ домѣ души твоей, но чтобы всѣ были огненны и блистали свѣтомъ Духа Святаго, и въ тебѣ не было недостатка ни въ одномъ изъ свѣтоносныхъ помысловъ разсужденія. Благовуханныя масти, разливающія благовоніе, указываютъ тебѣ на духовное муро, т.-е. на благодать Святаго Духа,

и тѣмъ, что онѣ составлены изъ разныхъ специй, научаютъ, что сіе духовное мѣро надлежитъ стяжать и тебѣ такъ, чтобъ оно было разнообразно, т.-е. было составлено изъ различныхъ даровъ Святаго Духа. Сіе духовное мѣро предъизображая, пророкъ называетъ его въ псалмахъ то рососою, сходящею на горы Сіонскія, то мѣромъ, сходящимъ на браду Аарону и на ометы одежды его (Пс. 132, 2. 3). Таковъ есть Духъ Святой, Который сходитъ отъ Отца свѣтовъ на достойныхъ духовныхъ мужей, а отъ нихъ передается и другимъ, и освѣщаетъ всѣхъ, какъ роса. Тиміамъ кадильный, который, воскуряясь, издаетъ дымъ благовонный, указываетъ тебѣ на ту же благодать Святаго Духа, но въ томъ уже отношеніи, какъ она извнутри восходитъ горѣ, или какъ она изъ того, кто воспріялъ дѣйство Святаго Духа, исторгается какъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный. Тутъ она и освѣщаетъ свѣтозарно, и въ то же время благоухаваетъ чувства духовнымъ благоуханіемъ: освѣщаетъ, яко свѣтъ, видимый тѣми, кои чисты сердцемъ; благоухаваетъ, какъ древо жизни, которое, умерщвляя пожеланія плотскія, разливаетъ всюду благоуханіе духовныхъ стремленій и чувствъ и радостію чистою возвеселяетъ сердца всѣхъ вѣрныхъ.—И не это только означаетъ бывающее на праздникахъ, но и ко многимъ другимъ духовнымъ помышленіямъ подаетъ оно поводъ. Такъ, если Богъ такъ украсилъ и прославилъ благоуханіемъ это бездушное мѣро; то не украситъ ли Онъ и тебя, котораго создалъ по образу и подобію Своему, (конечно, если захочешь), разными видами добродѣтелей и не прославитъ ли благоуханіемъ Святаго Духа? Эти масти, составляемыя руками человѣческими и благоуханіемъ своимъ улаждающія чувства твои, мудрымъ образомъ представляютъ созданіе тебя самого: ибо какъ эти масти, сложенные изъ разныхъ ароматовъ, приготовля-

ють руки мнротворцевъ, изъ разныхъ спецій дѣлая едино благоуханное вещество; такъ и тебя создали руки Божіи и премудро сгармонировали съ духовными видами мѣра духовнаго, т.-е. съ дарами Животворящаго Духа. И надлежитъ тебѣ благоухать вонейю разума и премудрости, чтобы слушающіе словеса ученія твоего были облагоухаваемы въ чувствахъ души своей и радовались радостію духовною.—А толпы народа, собирающіяся на праздники и велегласно воспѣвающія хвалу Богу, означаютъ небесные чины и несмѣтные воинства ангеловъ, которые воспѣваютъ и славословятъ небеснаго Владыку за великое спасеніе, устроенное тебя ради. Хвала и пѣснь, поемая народомъ, представляютъ таинственное оное пѣніе, немолчно совершаемое ангелами, чтобы и тебя научить содѣлаться земнымъ ангеломъ и таинственно и немолчно пѣть невещественными устами сердца Бога, создавшаго тебя.—Други и знаемые, и зная, собравшіеся на праздникъ, научаютъ тебя присутствіемъ своимъ, что и тебѣ надлежитъ возревновать о томъ, чтобы посредствомъ дѣланія всѣхъ заповѣдей и чрезъ богатство добродѣтелей сочислиться и сдѣлаться сожителемъ съ апостолами, пророками, мучениками и всѣми святыми.

Если такъ празднуешь ты, возлюбленный, праздники свои, и если самъ ты таковъ, какъ показало мое слово; то воистину духовное совершаешь ты празднество и спразднуешь Ангеламъ. Если же не такъ празднуешь и самого себя не поставилъ таковымъ, какъ мы сказали; то что пользы для тебя отъ твоихъ празднествъ? Боюсь, не услышать бы и тебѣ отъ Бога, какъ древніе іудеи: *превращу праздники твои въ жалость, и вся пѣсни твои въ плачъ* (Амос. 8, 10). Можетъ быть вы спросите меня: такъ по-твоему если ужъ мы не таковы, какъ показало твое слово, то намъ и не праздновать праздниковъ, хоть бы то тѣлесно и чувственно?—Нѣтъ, брате,

я не говорю тебѣ этого. Празднуй усердно, и дѣлай все, что относится къ Богопочтенію и чествованію Ангеловъ, какъ можешь. Призывай на праздникъ, если можешь, всѣхъ,—царей, вельможъ, архіереевъ, іереевъ, діаконовъ, мірянъ, да чрезъ тебя славится всѣми Богъ, и слава сія, ими Богу возсылаемая, да вмѣнится тебѣ, какъ виновнику ея, и да явишься ты угоднымъ Богу. Но не думай, что тутъ и все, что ты долженъ дѣлать для прославленія Бога и въ честь Ангеловъ Его, и тѣмъ паче, будто чрезъ то прибавляешь нѣчто къ славѣ Всевышняго или святыхъ. Ибо, какъ говоритъ Апостоль, *не прославится прославленное за превосходящую славу* (2 Кор. 3, 10). И святые не имѣютъ нужды въ человѣческой земной славѣ. А празднуй, да обрящешь милость у Бога молитвами святыхъ Его; но и при этомъ опять не думай, что то видимое и чувственное, что ты дѣлаешь для праздника, есть настоящее празднество, но что это есть только тѣнь и образъ празднества. Ибо, скажи мнѣ, прошу тебя, это видимое, бездушное и чувства не имѣющее само по себѣ какое общеніе имѣетъ съ невидимымъ, божественнымъ, духовнымъ,—живымъ и живоноснымъ?—Посему, если хочешь разумно и благочестно праздновать праздники, да будетъ у тебя празднествомъ не свѣтъ лампадъ, которыя спустя немного погашаются, но чистая лампада души твоей, т. е. вѣдѣніе небесныхъ и божественныхъ вещей, которое подается Духомъ Святымъ тому, кто есть израильтянинъ,—человѣкъ высокаго и созерцательнаго ума. Оно да сіяетъ въ тебѣ всѣ дни жизни твоей паче лучей солнечныхъ. Оно да свѣтитъ во всѣхъ христіанахъ чистымъ свѣтомъ слова, такъ чтобы благодатію Духа Святаго исполнялась въ нихъ заповѣдь: *такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесахъ* (Матѣ. 5, 16). Вмѣсто многихъ

лампадъ да будутъ въ тебѣ свѣтлосіятельныя помышленія, изъ которыхъ составляется ткань на украшеніе добродѣтелей, и чрезъ которыя для имѣющихъ правое умное зрѣніе явнымъ бываетъ все благообразіе духовнаго храма души твоей. Въмѣсто благовонныхъ куреній да благоухаетъ тебя благоуханіе Святаго Духа неизъяснимое. Въмѣсто множества народа да будутъ съ тобою сонмы святыхъ Ангеловъ, которые бы славили Бога за твои добрыя дѣла и радовались о спасеніи и преспѣваніи души твоей. Въмѣсто друзей, вельможъ и царей да спразднуютъ тебѣ, какъ други твои духовные, святые, паче вельможъ и царей досточтимые. Сіи святые да будутъ возлюбленными твоими, предпочтительно предъ всѣми, чтобы они по смерти твоей приняли тебя въ вѣчныя кровы свои, какъ Авраамъ принялъ Лазаря на лоно свое.

4. Въмѣсто трапезы, обремененной разными яствами, да будетъ тебѣ единый хлѣбъ животный, который для чувствъ видится хлѣбомъ, а мысленно есть тѣло Христово. Сей есть хлѣбъ, сходящій съ неба и дающій животъ міру, отъ котораго вкушающій не только питается, но и животворится и возстается какъ бы изъ мертвыхъ. Сей хлѣбъ да будетъ для тебя и пищею и услажденіемъ, ненасытимыми и неистощимыми. Вино же, которое въ семь таинствъ воистину есть кровь Божія, да будетъ для тебя свѣтомъ неизреченнымъ, сладостію несказанною, радованіемъ вѣчнымъ. Если будешь пить отъ сего вина достойнѣ, то не вжаждешься во вѣки, только пей съ чувствомъ душевнымъ и съ мирнымъ настроеніемъ душевныхъ силъ.—И добрѣ вникни въ смыслъ глаголемаго. Если причащаешься небеснаго хлѣба и вина, т.-е. тѣла и крови Христовыхъ съ чувствомъ и сознаниемъ того, что они суть; то вѣдай, что причащаешься ихъ достойнѣ; если же не такимъ образомъ причащаешься,

то ѣшь и піешь недостойнѣ. Причащаясь съ чистымъ сердцемъ и вѣрою, ты являешься достойнымъ таинственной трапезы; если же ты не удостоиваешься сего, то не имѣешь единенія со Христомъ.

5. Тѣ, которые причащаются божественныхъ Таинъ недостойнѣ, пусть не думаютъ, что чрезъ нихъ, такъ просто, соединяются съ Богомъ; потому что этого не бываетъ съ ними, и быть не можетъ никогда, пока они таковы. Одни тѣ, которые чрезъ причащеніе божественной плоти Господней, удостоиваются зрѣть умнымъ окомъ, осязать умнымъ осязаніемъ, вкусить умными устами невидимое, неосязаемое и невкусимое Божество,—одни эти вѣдаютъ, яко благъ Господь. Они не чувственный только хлѣбъ вкушаютъ и не чувственное только вино піютъ, чувственно, но въ тоже самое время вкушаютъ и піютъ мысленно Бога, двоякими чувствами—души и тѣла: вкушаютъ плоть чувственно, Бога же мысленно и соединяются такимъ образомъ и тѣлесно и духовно со Христомъ, Который двойственъ по естествамъ, яко Богъ и человѣкъ, и бываютъ сотѣлесники съ Нимъ и сообщники славы Его и Божества. Симъ-то образомъ соединяются съ Богомъ причащающіеся достойнѣ,—вкушающіе отъ хлѣба и піющіе отъ чаши, съ вѣдѣніемъ и созерцаніемъ силы таинства, и съ чувствомъ душевнымъ. А тѣ, которые причащаются недостойнѣ, бываютъ пусты отъ благодати Св. Духа, и питаютъ только тѣло свое, а не души свои.

6. Но, о возлюбленне, не возмущайся противъ меня, слыша истину, мною тебѣ возвѣщаемую: ибо это истина. Ибо если ты вѣруешь и исповѣдуешь, что Тѣло Христово есть хлѣбъ животный и даруетъ животъ вѣчный тѣмъ, которые вкушаютъ его, и что Кровь Его для піющихъ ее бываетъ источникомъ воды, текущія въ животъ вѣчный; то скажи мнѣ, прошу тебя, почему ты,

причащаясь сихъ божественныхъ Таинъ, не приѣмлешь въ душу свою ничего особеннаго сравнительно съ тѣмъ, что имѣлъ прежде причащенія. Но если и чувствуешь малую нѣкую радость, когда причащаешься, то спустя немного времени опять становишься такимъ же, какимъ былъ прежде того, и совсѣмъ не ощущаешь въ себѣ самомъ какого-либо притока жизни или какого-либо приліянія свѣта. Хлѣбъ сей для тѣхъ, которые не возвысились надъ чувственнымъ, является простымъ хлѣбомъ, хотя таинственно онъ есть свѣтъ невмѣстимый и непрístupный, — равно какъ и вино таинственно есть свѣтъ, жизнь, огонь, вода живая. Итакъ, когда вкушаешь ты божественный хлѣбъ сей и пьешь сіе вино радованія, а между тѣмъ не ощущаешь, что зажилъ жизнью безсмертною, воспринявъ въ себя силу свѣтоносную и огненную, какъ пророкъ Исаія пріѣлъ въ уста угль горящій, и что испилъ кровь Господню, какъ воду живую и обрадовательную, если, говорю, не ощущаешь въ себѣ, что пріѣлъ нѣчто изъ того, о чемъ я сказалъ теперь; то какъ думаешь, что приобщился жизни вѣчной, приступилъ къ непрístupному свѣту Божества, причастенъ сталъ свѣта непрестающаго? Нѣтъ, брате мой, нѣтъ; ничего такого не совершилось съ тобою, такъ какъ ты не чувствуешь въ себѣ ничего изъ сказаннаго. Но свѣтъ оный свѣтитъ на тебя, а ты слѣпъ, и не освѣщаешься; и огонь оный испускаетъ на тебя теплоту, а ты остаешься хладнымъ; и жизнь она вполнѣ въ тебя, а ты не чувствуешь, и пребываешь мертвымъ; и вода живая протекла по душѣ твоей, какъ желобу, но не осталась въ тебѣ, потому что не нашла въ тебѣ достойнаго себѣ вмѣстилища, чтобъ вселиться внутрь тебя. Посему, если ты симъ образомъ причащаешься пречистыхъ Таинъ, безъ того, чтобъ ощущать какую-либо благодать въ душѣ своей; то причащаешься только по видимости, а въ себя

самого ничего не принимаешь. Ибо которые достойно приступаютъ къ сѣмъ таинствамъ и достожджно приготавлиются къ принятію въ нихъ Сына Божія—сего хлѣба животнаго, сходящаго съ неба, къ тѣмъ Онъ прикасается ошутительно, и съ тѣми соединяется несмѣсно, давал осязательно испытывать свое благодатное присутствіе.

Итакъ, если ты будешь праздновать праздники, какъ я тебѣ изобразилъ, и будешь причащаться божественныхъ Таинъ, какъ я тебѣ указалъ; то вся жизнь твоя будетъ одно непрерывное празднество, одна непрестанная пасха,—прехожденіе отъ видимаго къ невидимому, туда, гдѣ престанутъ всѣ образы, сѣни и символы празднествъ, бывающихъ въ настоящей жизни, и гдѣ вѣчно чистые вѣчно имѣютъ наслаждаться чистѣйшею жертвою, Христомъ Господомъ, въ Богѣ Отцѣ и единосущномъ Духѣ, всегда созерцая Его и видимы бывая Имъ, сопребывая и соцарствуя съ Нимъ,—выше и блаженнѣе чего ничего нѣтъ въ царствіи Его. Ему подобаешь всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ВТОРОЕ.

Что есть таинство воскресенія Христова? Какъ въ насъ бываетъ воскресеніе Христово, и какъ вмѣстѣ съ сѣмъ бываетъ воскресеніе души?—Сказано во вторникъ второй недѣли по Пасхѣ.

Братіе мои возлюбленные! Пришла Пасха, радостный день воскресенія Христова, вина всякаго радованія, посящающая насъ однажды въ годъ, а для тѣхъ, которые понимаютъ таинство воскресенія, бывающая каждодневно и даже непрерывно,—пришла и исполнила сердца наши всякимъ веселіемъ и неизъяснимымъ утѣшеніемъ не тѣмъ только, что прекратила трудъ всечестнаго поста, но

паче тѣмъ, что явила души наши усовершенствовавшимися тѣмъ трудомъ, и призвала всѣхъ вѣрныхъ къ упокоенію и благодаренію, какъ видите. Итакъ, возблагодаримъ, братіе, Христа Господа, сподобившаго насъ преплыть море поста и введшаго насъ съ радостію въ пристань воскресенія, — возблагодаримъ всѣ, и тѣ, которые совершили теченіе поста добрѣ, въ подвигахъ добродѣтелей, съ усердіемъ и теплымъ расположеніемъ, и тѣ, которые отличились не такъ мужественными и малодушествовали въ подвигахъ, по причинѣ слабосердія и растлѣнія душевнаго. Ибо Онъ даетъ и усерднымъ подвижникамъ вѣнцы и награды, даже гораздо большіе, нежели какъ имъ слѣдуетъ; Онъ же опять и къ немощнѣйшимъ являетъ снисхожденіе, яко милостивый и человеколюбивый; потому что смотритъ паче на расположеніе и произволеніе нашихъ душъ, нежели на тѣлесные труды, съ какими упражняемся и подвигаемся мы въ добродѣтели, или больше по большей ревности, или меньше сравнительно съ усердными по причинѣ немощи тѣла, — и такимъ образомъ по усердію каждаго раздаетъ награды и дары Св. Духа, и или дѣлаетъ кого за усердные подвиги знаменитымъ и славнымъ, или оставляетъ еще въ уничиженіи, какъ такого, которому для совершеннаго очищенія нужны еще большіе подвиги.

Но, если считаете то благословнымъ, пообдумаемъ и поизслѣдуемъ точнѣе, въ чемъ таинство воскресенія Христа Бога нашего, каковое таинственно бываетъ и въ насъ, если восхощемъ, и какъ погребается Христосъ внутри насъ, какъ во гробѣ, какъ соединяется съ душами нашими, воскресаетъ въ насъ и вмѣстѣ съ Собою воскрешаетъ и насъ. Христосъ Богъ нашъ, послѣ того, какъ повѣшенъ былъ на Крестѣ и пригвоздилъ на немъ грѣхъ всего міра, умеръ, сошелъ въ преисподняя ада; потомъ поднявшись изъ ада, опять вошелъ въ прене-

порочное тѣло Свое, и тотчасъ воскресъ изъ мертвыхъ; и за тѣмъ наконецъ вознесся на небеса съ силою и славою многою. Такимъ же образомъ и теперь, когда мы, оставляя міръ сей и мірскія суетности, при исповѣданіи страстей Христа Господа, входимъ во гробъ покаянія и смиренія, Онъ самъ сходитъ съ небесъ, входитъ въ тѣло наше, какъ во гробъ, соединяется съ душами нашими и воскрешаетъ ихъ, мертвыхъ сущихъ по грѣхамъ, и воскресивъ даетъ благодать видѣть славу сего таинственнаго воскресенія.

Такъ воскресеніе Христово бываетъ воскрешеніемъ и насъ, падшихъ въ грѣхъ и мертвыхъ. Воскресеніе и слава Христова есть, какъ сказали мы, собственное наше воскресеніе, которое бываетъ, проявляется и видится въ насъ посредствомъ воскресенія Его, въ насъ Имъ совершаемаго. Воскресеніе же души есть единеніе ея съ жизнію (вкушеніе жизни). Ибо какъ тѣло мертвое, если не приметъ внутрь себя живой души и не сольется съ нею несліянно, не можетъ жить одно само собою; такъ и душа не можетъ жить истинною и вѣчною жизнію одна сама собою, если неизреченнымъ образомъ не соединится несліянно съ Богомъ. Душа, несмотря на то, что невещественна и безсмертна по естеству, бываетъ мертва и безчувственна, прежде чѣмъ соединится со Христомъ, прежде чѣмъ увидитъ, что соединилась съ Нимъ и воскресла, прежде чѣмъ познаетъ то и почувствуетъ: такъ какъ ни познанія не бываетъ безъ видѣнія, ни видѣнія безъ чувства, т.-е. прежде видитъ кто какую вещь, и видя ее, познаетъ, а потомъ и чувствуетъ. Это говорю въ отношеніи къ духовному; а въ отношеніи къ тѣлесному бываетъ чувство и безъ видѣнія, какъ напримѣръ слѣпой, споткнувшись ногою о камень, чувствуетъ боль. Въ духовномъ же, если умъ не придетъ въ состояніе созерцанія, чтобы созерцать то, что выше

пониманія, то не можетъ чувствовать таинственнаго отъ того воздѣйствія. Итакъ, тотъ, кто говоритъ, что онъ чувствуетъ духовное, прежде чѣмъ придетъ въ состояніе созерцать то, что выше ума, слова и помышленія; тотъ подобенъ слѣпому, который чувствуетъ добро и зло, какія испытываетъ, но не знаетъ, что у него подъ руками и ногами, и что можетъ живить его или мертвить, потому что не имѣетъ очей, чтобъ видѣть и знать то. Почему сколько разъ бываетъ, что онъ поднимаетъ палку, чтобъ ударить врага, а ударяетъ друга, при всемъ томъ, что и врагъ стоитъ предъ нимъ и пересмѣиваетъ его!

Воскресенію Христову вѣрять премногіе—многіе; но мало такихъ, которые бы чисто зрѣли его. Тѣ же, которые не зрятъ такъ воскресенія Христова, не могутъ поклоняться Іисусу Христу, яко Господу. Почему священная пѣснь, которую часто имѣемъ мы въ устахъ своихъ, гласитъ: Воскресеніе Христово, не вѣровавше, а что? Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся святому Господу Іисусу, единому безгрѣшному. Какъ же это Святыи Духъ подвигаетъ насъ пѣть: воскресеніе Христово видѣвше, т.-е. что мы видѣли воскресеніе Христово,—когда мы не видали его, такъ какъ Христосъ, воскресъ больше тысячи лѣтъ прежде, да и тогда никто не видалъ, какъ Онъ воскресъ? Ужъ не хочетъ ли пѣснь церковная научить насъ говорить ложь?! Да не будетъ! Перестанъ злословить! Напротивъ, она завѣщала намъ возглашать сими словами совершенную истину, напоминающая о томъ воскресеніи Христовомъ, которое бываетъ въ каждомъ изъ насъ вѣрныхъ, и бываетъ не просто, но свѣтоносно, блистая сіяніями божества Его и нетлѣнія. Свѣтоносное присутствіе Духа показываетъ на совершившееся въ насъ воскресеніе Господне, и еще паче—даетъ намъ благодать видѣть самого воскресшаго Христа Господа. Почему и поемъ: Богъ Господь и явился

намъ; и желая показать второе Его пришествіе, прибавляемъ въ слѣдъ за тѣмъ: благословенъ грядый во имя Господне. Итакъ въ тѣхъ, въ которыхъ явился Христосъ воскресшій, всеохотно Онъ и виденъ бываетъ духовно, и видится духовными очами. Ибо, когда приходятъ въ насъ Христосъ благодатию Святаго Духа, то воскрешаетъ насъ изъ мертвыхъ, какими бываемъ дотолѣ, и животворить, и дѣлаетъ, что мы видимъ въ себѣ живымъ Его самого, безсмертнаго и нетлѣннаго. И не только это, но Онъ даетъ намъ благодать и такую, что мы ясно познаемъ, какъ Онъ воскрешаетъ насъ и прославляетъ вмѣстѣ съ Собою, какъ удостовѣряетъ все Божественное Писаніе.

Таковы-то божественныя таинства христіанъ! Такова сокровенная сила вѣры нашей, которой не видятъ, и не могутъ видѣть невѣры, маловѣры, или, лучше сказать, полувѣры, которые имѣютъ половинную вѣру. Невѣры, маловѣры и полувѣры суть, которые не показываютъ вѣры своей дѣлами. Безъ дѣлъ и бѣсы вѣрують и исповѣдуютъ Христа, яко Богъ есть. Знаемъ, нерѣдко вопили бѣсы, что *Ты Сынъ Божій* (Мар. 3, 11). Въ иной разъ и объ Апостолахъ кричали: *сѣи челоуцы раби Бога вышняго суть* (Дѣян. 16, 17). А они были рабы Христовы. Но такая вѣра непомощна ни бѣсамъ, ни людямъ. И никакой нѣтъ пользы отъ такой вѣры, потому что она, какъ говоритъ Апостоль, мертва. *Вѣра бо безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. 2, 20), какъ наоборотъ дѣламъ споспѣшествуетъ вѣра (— 22). Почему же мертва такая вѣра? Потому что не имѣетъ въ себѣ Бога животворящаго, — что не стяжеваетъ въ себя Христа рекшаго: *любай Мя заповѣди Моя соблюдетъ и Азъ и Отецъ приидемъ и обитель у него сотворимъ* (Ін. 14, 23), чтобы присутствіемъ своимъ воскресить изъ мертвыхъ того, кто стяжеваетъ такую дѣя-

тельную вѣру, оживотворить его и дать ему видѣть самого Христа, воскресшаго въ немъ и его воскресившаго. Вотъ почему вѣра безъ дѣлъ мертва, или лучше сказать, мертвы тѣ, которые имѣютъ вѣру безъ дѣлъ. Истинная же вѣра въ Бога всегда жива и живуща, и животворитъ тѣхъ, которые приступаютъ къ ней и пріемлютъ ее съ благимъ произволеніемъ. Она и прежде дѣйствительнаго исполненія заповѣдей Христовыхъ многихъ привела отъ смерти въ животъ и показала имъ Христа и Бога. И еслибъ они послѣ того пребыли въ заповѣдяхъ Его и соблюдали ихъ даже до смерти, то были бы сохранены сими заповѣдями такими же, какими въ началѣ стали одною вѣрою. Но какъ они измѣнились въ своихъ расположеніяхъ и впади опять въ прежніе грѣхи, то и вѣру потеряли, и праведно лишились истиннаго духовнаго богатства, которое есть Христосъ. Чего да не постраждемъ и мы, будемъ, прошу васъ, соблюдать, сколько силъ есть, заповѣди Христовы, чтобы сподобиться и настоящихъ и будущихъ благъ, т.-е. зрѣнія самого Христа Господа. Каковое буди улучшить намъ всеѣмъ благодатію Господа нашего Іисуса Христа, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ТРЕТЬЕ.

Объ измѣненіяхъ души и тѣла, которыя бываютъ отъ стигій, нищѣ и бѣсовъ.

Долгъ имѣть всякій христіанинъ не только измѣненія и переменны, бывающія въ душѣ, знать, но знать еще и причины, отъ коихъ онѣ происходятъ и случаются. Иногда, напримѣръ, вдругъ находитъ на душу радость, а иногда находитъ на нее тоже внезапно печаль и тягота крайняя; то бываетъ она сокрушенна и умиленна,

то безчувственна и жестка, какъ камень; иной разъ она смиренна и кротка, а спустя минуту начинаетъ гордиться, и сердчать и злиться на всѣхъ братій; иногда бываетъ она разсѣянна и нерадива о всякомъ дѣлѣ благомъ, а иной разъ внимательна и усердна ко всякому послушанію, такъ что и тѣхъ, съ которыми живетъ вмѣстѣ, отклоняетъ отъ худа и подвигаетъ на добро; иной разъ она исполнена страха и благоговѣнства, а иной безстрашна и неблагоговѣйна; иной разъ съ любовію воспоминаетъ отсутствующихъ и призываетъ ихъ къ себѣ, а въ другой и на присутствующихъ смотрѣть не хочетъ; иногда скорбитъ, ноетъ и тяготится даже жизнію, а иногда такъ радуется и веселится, что не въ силахъ бываетъ удержать въ себѣ своей радости. Все это бываетъ естественно по естественному теченію движеній души и тѣла, когда подвижаемся въ дѣланіи добродѣтелей и исполненіи заповѣдей Христовыхъ. Но какъ измѣняется душа, такъ измѣняется и умъ нашъ; прелгается и онъ,—и иногда бываетъ остръ и скоръ на порожденіе мыслей, и быстръ въ обсужденіи своихъ помысленій, и иногда бездѣйственъ и тяжелодвиженъ на то и другое—и на помышленіе, и на разсужденіе; то бываетъ онъ будто несмысленъ, безсловесенъ, безгласенъ и глухъ, то глубокомысленъ, краснорѣчивъ и разсудителенъ; иной разъ бываетъ онъ слѣпъ и омраченъ, а иной разъ просвѣтленъ и рвется востечь на высоту созерцанія, превышающую мѣру человѣческаго естества; иногда бываетъ простъ и свободно готовъ на всякое созерцаніе, не помня ничего изъ худостей, бывавшихъ предъ нимъ, и не помышляя ни о чемъ подобномъ, а иногда бываетъ очень многосложенъ, волнуется мыслями, подозреваетъ чего нѣтъ и не было, бываетъ какъ огонекъ, покрываемый дымомъ отъ сырыхъ дровъ, не только о присущихъ помышляетъ злое, но и о тѣхъ,

которыхъ нѣтъ на лицо, слагаетъ перѣдко въ себѣ помышленія суетныя и ложныя. Бываетъ, что и душа скорбитъ и не соглашается съ умомъ въ его неправыхъ помышленіяхъ, но никакой тѣмъ не доставляетъ пользы, потому что не сильна бываетъ отвлечь умъ отъ такихъ суетныхъ и бесполезныхъ помысловъ. И вотъ то, что имѣли мы сказать объ измѣненіяхъ и предложеніяхъ ума и умной души нашей.

Что касается до неровностей, бывающихъ въ тѣлѣ, то хоть и кажется намъ, что онѣ явны и ихъ легко познать, но на дѣлѣ не такъ: ибо измѣненій бывающихъ въ тѣлѣ по естеству его чрезвычайно много. Душа по естеству и сущности своей неизмѣнна; вмѣстѣ съ нею равнымъ образомъ неизмѣннымъ созданъ отъ Творца Бога и умъ. Они водятся произволеніемъ и по своей волѣ упражняются или въ добродѣтеляхъ, или въ порокахъ, и за то наслѣдуютъ на всю вѣчность или свѣтъ, или тьму. По своей волѣ, какъ я сказалъ, и по своему произволенію, прилѣпляются они или къ добру и бываютъ добрыми, или ко злу и бываютъ злыми. Но тѣло и естественно превратно, потому что сложно и по сущности своей текуче, какъ созданное изъ вещества тлѣннаго и текучаго, и имѣетъ сложеніе свое и составъ свой изъ такихъ вещей, кои противоположны между собою. Мудрые по сей части говорятъ, да и поистинѣ такъ есть, что сущность тѣла состоитъ изъ четырехъ противоположностей: холоднаго и теплаго, сухаго и сыраго. Но тѣло само по себѣ не имѣетъ ни воли, ни произволенія и, сказать правду, не имѣетъ ни даже движенія, развѣ можетъ быть назоветъ кто движеніемъ естественное теченіе тѣла къ концу или тлѣнію: каковое движеніе безсловесно, а если безсловесно, то конечно и безгрѣшно и предъ Богомъ невиновно. И праяздно: ибо то, что бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ естества, то не под-

лежить осужденію. Психоти же плотской, брачнаго или безбръчнаго смѣшенія, сластей, гортанобѣсія, чревоугодія, многоспанья, лѣностнаго бездѣйствія, щегольства и многоаго другаго подобнаго не тѣло ищетъ, какъ думаютъ многіе ненаказанные, какъ не ищетъ оно этого, когда бываетъ мертво, но ищетъ этого душа посредствомъ тѣла, пріятнымъ то себѣ находя, и услаждается тѣмъ, такъ какъ тѣсно соединена съ этою перстію, т.-е. тѣломъ, любитъ валяться въ чувственныхъ скверностяхъ, какъ свинья въ нечистотахъ, и жаждетъ сластей плотскихъ, по причинѣ сего соединенія съ перстію.

Впрочемъ никто пусть не думаетъ, будто душа насильно бываетъ увлекаема къ такимъ вещамъ отъ тѣла: ибо дѣло не такъ бываетъ. Какъ же бываетъ? Послушай со вниманіемъ. Взявъ Богъ персть отъ земли, и, создавъ человѣка, подувъ въ лице его Господь Богъ,—и *бысть человекъ въ душу живу*, всталъ съ земли и сталъ ходить, потому что душа его, бывшая въ тѣлѣ, господственно и властно двигала сіе тѣло; жженія же или похотнаго движенія, безсловесной ярости и чревонеистовства и слѣда никакого не было тогда, но была въ человѣкѣ жизнь мирная и безпечальная. Посмотримъ теперь, не оттого ли, что тогда не было еще женъ и яствъ, кои обыкновенно подвигаютъ человѣка на похоть, въ чувствованіи онъ движеній похоти и чревонеистовства? Итакъ, что же говорить о семъ Божественное Писаніе? *И прозябе Богъ еще отъ земли всякое древо красное въ видѣніе, и доброе въ съядъ.*—*И быста оба нага, Адамъ же и жена его, и не стыдятся* (Быт. 2, 9. 25). Видишь, что никакого вреда ихъ цѣломудрію не причиняло ни то, что Ева была предъ лицомъ Адама, ни то, что оба они были наги? И наги были они и не познавали другъ друга, и не подвигались естествомъ тѣла своего къ смѣшенію, и не стыдѣлись. Но по преступленіи заповѣди,

когда вышли они изъ рая, обнажились отъ благодати Божіей и ниспали отъ божественной славы; тогда, какъ написано, *позна Адамъ жену свою и зачехши роди* (Быт. 4, 1). Такъ, брате мой, если ты искренно возлюбишь Бога и будешь твердо стоять въ сей любви, то никакая страсть не возобладаетъ тобою, и никакое нужденіе тѣла не вознасилуетъ тебя. Ибо какъ невозможно, чтобы тѣло подвиглось на какое-либо дѣло само собою безъ души, такъ невозможно, чтобы и душа, соединившаяся съ Богомъ посредствомъ любви, вступать стала въ сношеніе съ другимъ чѣмъ-либо и склонилась на пожеланія и удовольствія чувственныя, или увлеклась похотѣніемъ чего-либо видимаго и какою-либо страстію. Потому что все стремленіе сердца ея, или, лучше скажу, вся воля ея связана крѣпко узами сладчайшей любви къ Богу; а когда душа ссоюзуется и ссочетается, какъ я сказалъ, съ Творцемъ своимъ, тогда возможно ли, скажи мнѣ, чтобы она испытывала жженіе плотское или была подвигается на похоть, и тѣмъ паче чтобы и исполняла ее? Никакъ невозможно. Естественныя же перемѣны, бывающія въ тѣлѣ, явны. Онѣ имѣютъ мѣсто и во всѣхъ святыхъ; ибо естественно со всѣми бываетъ, что иной разъ тѣло здорово, когда вещества находящіеся въ составѣ его не воюютъ между собою, а въ другой разъ оно впадаетъ въ болѣзнь, когда какая-либо изъ четырехъ стихій, изъ коихъ оно слагается, или слишкомъ умножается, или слишкомъ умалется противъ должнаго, и или умножаясь преобладаетъ надъ другими и ихъ подавляетъ, или умалаясь сама бываетъ преобладаема и подавляема ими, отъ чего происходятъ геморрой, флюсы, катарры, а иногда и всего тѣла разстройство и поврежденіе. (Впрочемъ душа остается нисколько невреждимою отъ всего этого). Большая часть этихъ поврежденій происходитъ отъ многоястія и многоцѣтія, а инныя

отъ атмосферическихъ измѣненій—вѣтровъ, тепла и подобнаго. Ибо, когда воздухъ бываетъ сыръ, тогда тѣла сыраго сложенія повреждаются и расслабляются, потому что слишкомъ въ ту пору разсыряются; напротивъ, тѣла горячаго темперамента получаютъ отъ этого большую соразмѣрность и болѣе крѣпнуть. Опять когда воздухъ слишкомъ сухъ и горячъ, тогда сырыя тѣла крѣпнуть, а тѣла горячаго сложенія расслабляются. Бываютъ еще переменны въ тѣлѣ отъ излишней пищи и питія, или отъ чрезмѣрнаго поста, также отъ многоспанія или излишняго бдѣнія, отъ большаго труда или бездѣйствія и недостатка движенія.

Бываютъ еще нѣкоторые измѣненія въ тѣлѣ нашемъ и отъ демоновъ, по поущенію благаго Бога нашего и на вразумленіе насъ и смиреніе. Какое же это измѣненіе? Отяжелѣніе всего тѣла, бывающее безо всякой видимой причины, за одно тщеславіе, или возгордѣніе, или осужденіе, коимъ осуждаемъ брата, какъ нерадиваго. Иной разъ и по другимъ причинамъ бываемъ мы предаваемы демону,—во изможденіе плоти, въ сокрушеніе души, въ испытаніе и упражненіе ея, и наипаче въ показаніе благоутробія и состраданія, какія являетъ къ намъ Богъ, чтобы, познавъ то, мы отъ всего сердца, всю любовь свою отдали Ему единому и къ Нему единому обратили все свое стремленіе.

Все это, мною сказанное, не всѣ люди понимаютъ; но одни тѣ какъ должно понимаютъ эти измѣненія душевныя и переменны тѣлесныя, которые подвизаются въ дѣланіи добродѣтели (о тѣхъ, кои совсѣмъ омрачены невѣжествомъ и страстями, нечего и говорить). Только подвизающійся, когда случится съ нимъ что-либо изъ сказаннаго, отчасти понимаетъ то. Что же касается до измѣненій бывающихъ въ умѣ, то ихъ разумѣютъ только безстрастные и совершенные, чистые и свободные и душою, и умомъ. Но и они не все вдругъ знаютъ, но

научаются постепенно опытомъ. Ибо иногда отъ нестроеній, случающихся въ умѣ, томится душа и бываетъ сумрачна по той причинѣ, что она чрезъ то лишается нѣсколько присущей ей радости; впрочемъ если она явитъ мужество, то пробуждаетъ къ бодренности и самый умъ. Иногда опять тому, что страдаетъ душа, состраждетъ умъ и вынужденъ бываетъ войти во мракъ; но если онъ воспротивится тому и напряжется стоять во свѣтѣ, то просвѣщаетъ и душу. Иногда отъ тѣлеснаго нестроенія насилуемы бываютъ оба,—т.-е. и душа и умъ; и иногда отяжеляемы бываютъ совнѣ, но, чувствуя тяготу, сохраняютъ мирное свое устроеніе цѣлымъ,—иногда же возмущаемы бываютъ извнутри, и боримы съ такою силою, что кажутся совсѣмъ истощившимися до того, что страждущій сіе не надѣется уже придти въ мирное устроеніе, какое имѣлъ прежде. Такимъ-то образомъ душа и умъ измѣняются отъ тѣла, и опять умъ отъ души, и душа отъ ума и тѣла. Впрочемъ не всегда возмущаемы бываютъ оба, т.-е. душа и умъ. Иногда душа одна страдаетъ отъ тѣла, а умъ пребываетъ безстрастнымъ, въ своемъ естественномъ состояніи, и утѣшаетъ душу; иногда же умъ омрачается и ослѣпляется, а душа бѣгаетъ свободна, силою божественнаго свѣта и, прогоняя мракъ, снимаетъ покрывало съ очей ума, и даетъ ему возможность видѣть и различать. Почему я и сказалъ вамъ, братіе, что недовольно знать превращенія, предложенія и измѣненія бывающія въ насъ, но надобно еще знать, откуда они приходятъ, какъ и отъ какихъ причинъ происходятъ, какъ, какіе вѣтры помысловъ дуютъ, изъ какихъ началъ исходятъ и стремительно нападаютъ рѣки страстей и искушеній, чтобы сумѣть добрѣ утвердить храмъ души и искусно править кормиломъ корабля. Все это знать научаетъ насъ жизнь, непрерывно и неотступно ведомая по установленнымъ правиламъ и пре-

дѣламъ. Всякій долженъ положить предѣлъ и норму для себя и для жизни своей, чтобы вѣрно знать, какъ дѣйствовать каждодневно и при измѣняющихся обстоятельствахъ, и такимъ образомъ безпрепятственно теши въ дѣланіи добродѣтелей, не встрѣчая пренонъ въ самой неопытности своей. Кто поступить такимъ образомъ (т.-е. все опредѣлить разумными правилами въ своей жизни), тотъ скоро сдѣлаетъ стезю добродѣтелей и стропотную и притрудную ровною и легкоходною для себя: ибо привыкнетъ мало-по-малу ко всѣмъ дѣланіямъ добродѣтелей, и доброе обратится ему въ привычку, и станетъ какъ-бы естественнымъ члѣмъ. Преспѣвая такимъ образомъ въ добрѣ и восхожденіи въ сердцѣ своемъ полагая, т.-е. восходя отъ меньшей доброты все къ большей и большей, совершеннѣйшей и совершеннѣйшей, явится онъ угоднымъ Богу, и, въ совершенствѣ постигнувъ и уразумѣвъ все сказанное выше, содѣлается для многихъ другихъ учителемъ добродѣтели, просвѣщая ихъ и научая и словомъ и примѣромъ жизни своей,—и, какъ самъ просвѣщенъ свыше благодатію Святаго Духа, открывая глубины тайнъ духовной жизни всѣмъ взыскующимъ того съ любовію и рвеніемъ,—силою и содѣйствіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему подобаетъ слава и держава, со Отцемъ и Св. Духомъ, въ нескончаемые вѣки. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ЧЕТВЕРТОЕ.

1. Діаволь пятью вознями воюетъ противъ людей.
2. Всякое доброе дѣло, какое дѣлаетъ человекъ, долженъ дѣлать его или для того, чтобъ умилостивить Бога, или для того, чтобъ возблагодарить Его.
3. Кто ищетъ спасенъ быть, долженъ подвизаться.
4. Въ какихъ людяхъ царствуетъ Царь всяческихъ и Богъ, и въ какихъ не царствуетъ.

1. Діаволь, какъ духъ невещественный, со времени

Адамова преступленія заповѣди Божіей возымѣлъ нѣкую власть и дерзость дѣйствовать на естество человѣческое. и сдѣлался очень опытнымъ въ воеваніи противъ людей, ибо люди имъ боримые, умирая, переходятъ родъ за родомъ, а онъ все живетъ и живетъ одинъ и тотъ же вотъ уже шесть тысячъ шесть сотъ и болѣе лѣтъ, и навѣкъ. Онъ всегда есть скрытый врагъ людей, всегда злокознствуетъ и брани воздвигаетъ противъ нихъ, и особенно противъ тѣхъ изъ нихъ, которые теперь рождаются; потому что теперешніе не только не имѣютъ никакой опытности въ борьбѣ съ діаволомъ, но совѣмъ и понятія не имѣютъ о брани діавольской и объ искусности въ ней діавола. Почему и когда явно онъ бьетъ ихъ, они того не видятъ, и когда скрытно ихъ устрѣляетъ, не чувствуютъ; онъ является ангеломъ свѣта, а покрываетъ ихъ тьмою. Такъ сдѣлался онъ, какъ я сказалъ, очень искуснымъ въ борьбѣ съ человѣкомъ. Конецъ же и цѣль, для которой ведетъ онъ сію брань съ человѣкомъ, велика и страшна. Вначалѣ отдѣливъ и отдаливъ родъ человѣческій отъ Бога, онъ теперь всячески напрягается и хлопочетъ о томъ, чтобъ не допустить его опять возвратиться къ Богу, но всегда удерживать въ отдаленіи отъ Него. И если случится кому воззвану быть Іисусомъ Христомъ и возвратиться къ Богу, онъ, искусный и многоопытный въ дѣланіи зла, всячески старается опять отдалить его отъ Бога. По этой-то причинѣ діаволь сдѣлался многоискусенъ въ воеваніи съ людьми и воуетъ съ ними пятью кознями: еллинствомъ, іудействомъ, ересями, противно-православнымъ образомъ жизни и (неразумными) подвигами добрыхъ дѣланій. Еллинствомъ прельщаетъ людей, любящихъ такъ-называемую внѣшнюю мудрость; іудействомъ прельщаетъ евреевъ, убѣждая ихъ думать, будто они добрѣ вѣрують, такъ какъ чтутъ единого Бога, чѣмъ прельщаетъ онъ также и агарянъ;

ересями прельщаетъ суемудрыхъ богочтецовъ, удаляя ихъ отъ православія; православныхъ удаляетъ отъ Бога худыми дѣлами и жизнью противною православію, именно: сребролюбіемъ, сластолюбіемъ, славолюбіемъ; опять и подвигами добрыхъ дѣлъ и самоохотными лишеніями самоумерщвленія ввергаетъ онъ подвижниковъ въ гордость, которая есть корень всякаго зла, равно какъ въ пристрастіе къ славѣ и чести людской. Этою прелестію гордыни, которая есть всѣхъ добродѣтелей истребительница, превращаетъ онъ и въ пропасть низвергаетъ души бѣдныхъ подвижниковъ, живущихъ въ преподобіи и правдѣ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ уговариваетъ показывать ревность Божію не по разуму и строгость жизни неразсудительную. Черезъ это онъ дѣлаетъ ихъ тираннами самихъ себя, и они мучатъ себя всякими лишеніями и злостраданіями, да славимы будутъ отъ человѣкъ: что достойно крайнихъ слезъ, потому что они лишаются за то и настоящихъ и будущихъ благъ. Пагубность, которой подвергаются всѣ другіе люди, о коихъ мы сказали, ничто въ сравненіи съ потерями, какія несутъ сіи люди.— Вотъ какъ велика и несравненна наша бѣдственность! Почему надлежитъ намъ всячески изыскивать, какимъ бы способомъ могли мы избѣжать навѣтовъ діавола. Но никакимъ способомъ не можемъ мы избавиться отъ него, кромѣ какъ если прибѣгнемъ къ Богочеловѣку Іисусу Христу, со всѣмъ смиреніемъ души и крайнимъ сокрушеніемъ сердца. Тогда Христосъ самъ будетъ воевать за насъ чрезъ насъ, и мы успокоимся: ибо противостояніе и преодоленіе этого врага нашего никакимъ другимъ способомъ не бываетъ, какъ только единымъ Христомъ Господомъ.

2. Итакъ, если кто дѣлается нищимъ для Христа, постится, держитъ бдѣнія, умерщвляетъ плоть свою воздержаніемъ, творитъ милостыни, и бываетъ сострада-

лень и человеколюбивъ, все это хорошо; одзаконъ да внимаетъ онъ себѣ добръ, чтобъ не потерять напрасно трудовъ своихъ и должнаго за нихъ воздаянія. Ибо хотя такіа дѣла суть добрыя дѣла; но есть иное добро, которое содѣваетъ спасеніе человека посредствомъ нихъ, и безъ котораго подвижающіеся спастись посредствомъ такихъ добрыхъ дѣлъ не могутъ спастись. Оно есть причина, въ силу коей спасаются тѣ, которые подвизаются въ нихъ, т.-е въ постѣ, бдѣніи и прочемъ. Эти послѣднія суть средства для двухъ великихъ вещей,—умиловленія и благодаренія, ибо надобно, чтобъ онѣ были совершаемы съ разумомъ, по чину, и благообразно.

Такъ, если какой грѣшникъ, внявъ тому, что говоритъ Іоаннъ Богословъ: *всякъ согрѣшай не видѣ Бога, ни позна Его* (1 Іоан. 3, 6), придетъ въ чувство, и, познавъ, какому бѣдствію подпалъ онъ изъ-за грѣховъ своихъ, приметъ свѣтъ покаянія и начнетъ нести подвиги покаянные, посредствомъ показанныхъ дѣлъ,—поста, молитвы и прочаго, чтобы Богъ, видя сокрушеніе сердца его, смиреніе и ревность, возблагодаритъ его къ нему и примирился съ нимъ: то Богъ, видя смиреніе его и трудъ, оставляетъ все грѣхи его, примиряется съ нимъ и являетъ въ немъ знаменія сего помилованія и примиренія. Таковыя знаменія суть—упокоеніе отъ страстей, которыя его одолѣвали, ненависть ко грѣху, страхъ Божій, держимый во всякомъ мѣстѣ, такъ какъ Богъ вездѣприсущъ, сокрушеніе и умиленіе сердечное, благоговѣніе, вниманіе ума къ Божественнымъ пѣснямъ, къ чтенію и слушанію божественныхъ Писаній. Ибо невозможно, чтобъ въ комъ-либо оказались сіи доброты духовныя прежде умиловленія Бога и примиренія съ Нимъ. Когда же Божественная благодать примиряется съ душею; тогда осѣняетъ ее, объемлетъ ее нѣкимъ образомъ невидимо, и дѣлаетъ то, что умъ человека того устанавливается и со-

бирается въ себя, бывши дотолѣ непостояннымъ и разсѣяннымъ. Вотъ первое великое и дивное дѣло, о коемъ сказали мы, т.-е. умилоствивленіе Бога, за которое сподобившійся его и да воздастъ благодареніе Богу, помиловавшему его и примирившемуся съ нимъ.

Послѣ же того, какъ сподобится человѣкъ такой милости отъ Бога, уврачуется и утвердится, пусть, если держитъ постъ, творить милостыню, и проч., дѣлаетъ сіи дѣла для того, чтобъ возблагодарить Бога за то, чего сподобился, т.-е. за примиреніе Бога съ нимъ. И пусть дѣлаетъ все сіе съ разсужденіемъ, по чину, и какъ подобаетъ, чтобъ улучшить совершенную свободу и сподобиться познать наилучшимъ образомъ сокровенныя блага Божіи, коихъ доброта и красота сокрыта отъ очей не только тѣхъ, кои грѣшатъ, но и тѣхъ, кои каются. Се и второе, великое и дивное, т.-е. благодареніе Бога.

Итакъ тѣ, которые творятъ показанныя добродѣтели, просто лишь какъ добрыя дѣла, а не для этихъ двухъ цѣлей, т.-е. умилоствивленія и благодаренія, — грѣшатъ и умираютъ грѣшниками, при всемъ томъ, что стали нищими, постниками, милостынедавцами и проч. Это-то и достойно наипаче слезъ, что они не примирились съ благопремѣнительнымъ Богомъ, такъ какъ въ томъ, что служить къ сему примиренію и сдруженію съ Богомъ, дѣйствовали не съ разумомъ, не по чину, и не какъ слѣдуетъ. Ибо если кто, послѣ примиренія съ Богомъ, станетъ дѣлать тѣ дѣла для того, чтобъ примириться съ Нимъ, то Богъ отвращается отъ него и тяготится имъ, какъ отвращается и отъ того, кто творитъ ихъ для благодаренія Бога, прежде чѣмъ примирится съ Нимъ. Человѣкъ, какъ разумное существо, всѣ дѣла въ отношеніи къ Богу долженъ дѣлать разумно, какъ дѣйствуетъ онъ обычно въ отношеніи къ людямъ. Кто хочетъ умилоствивить земнаго царя, да проститъ его въ чемъ прови-

нился предъ нимъ, тотъ изъясняетъ прежде не дѣйствія благодаренія, а то, чѣмъ достигается умиловленіе и прощеніе; а послѣ этого, возвративъ себѣ царское благоволеніе, изъясняетъ и дѣйствія благодаренія, т.-е. напередъ старается примириться съ нимъ, и примирившись уже, благодарить. Если не станетъ кто дѣйствовать такимъ же образомъ и въ отношеніи къ Богу, то и Сынъ и Слово Бога и Отца Господь нашъ Іисусъ Христосъ не захочетъ спасти такъ неразумно дѣйствующаго чловѣка, разумомъ одареннаго. Какъ праведный, Онъ хочетъ и требуетъ праведно, чтобъ тварь разумная, чловѣкъ, и въ отношеніи къ Богу дѣлалъ по крайней мѣрѣ тоже, что дѣлаетъ онъ въ отношеніи къ людямъ, и боялся Бога, какъ боится и людей. Ибо хотя мы часто нарушаемъ свое разумное достоинство и дѣйствуемъ безъ разума, но Господь не терпитъ, чтобъ оно было нарушаемо, и требуетъ, чтобъ всякая тварь пребывала въ томъ чинѣ, какой Онъ опредѣлилъ ей съ самаго начала.

3. Итакъ кто же спасется? Никто изъ тѣхъ, кои не подъемятъ достойно соотвѣтственнаго тому труда и подвига, хотя говорятъ всѣ, что хотятъ спастися. Все равно это, какъ, скажемъ для примѣра, еслибъ кто захотѣлъ быть богатымъ, приобрѣсть много золота, серебра, драгоценныхъ камней и маргаритовъ, безъ всякаго труда и пота и безъ всякихъ заботъ, такъ это было бы невозможно. Итакъ тѣ, которые говорятъ, что хотятъ спастися, а между тѣмъ не хотятъ потрудиться душою и тѣломъ для своего спасенія, какъ могутъ спастися? Да и тѣ, которые имѣютъ ревность трудиться по дѣлу спасенія, и словомъ и дѣломъ, и желаютъ того отъ всей души, не могутъ спастися, если всего чаютъ отъ однихъ трудовъ своихъ. Ибо какъ тѣ, которые думаютъ спастися безъ труда, не спасутся, такъ какъ спасеніе не бываетъ безъ труда; такъ и тѣ, которые чаютъ устроить спасе-

ніе своимъ умомъ и своими силами, не могутъ спастися, такъ какъ спасеніе не утверждается на разумѣ и силахъ того, кто желаетъ спастися, а есть милость Божія во Христѣ Іисусѣ. Инъ есть получающій спасеніе и инъ дающій его. Самъ Богъ говоритъ: *нѣсть развѣ Мене спасающій* (Ис. 43, 11). И Апостоль Павелъ прилагаетъ: *еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣлати доброе не обрѣтаю* (Рим. 7, 18). Скажи же намъ, Павле преблаженне, какъ послѣ сего можно спастися? Отвѣчаетъ Апостоль, говоря: *благодарю Бога моего Іисуса Христа*. Законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ освободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти (— 8, 2). Отсюда явно, что спасеніе наше не утверждается на собственной нашей силѣ, но на милости Божіей во Христѣ Іисусѣ. И благодареніе Богу, что, по великой любви Своей къ человѣку, и такое хотѣніе человѣка смѣсилъ Онъ съ немощію, чтобъ не могъ человѣкъ, еслибъ и хотѣлъ, содѣлать доброе, при всемъ трудѣ своемъ надъ тѣмъ, дабы такимъ образомъ избѣжать ему самаго слѣда гордыни, которая есть первый грѣхъ, источникъ и корень всякаго зла, и причина паденія человѣческаго естества. Богъ укрѣпляетъ наше хотѣніе въ томъ, чтобъ мы хотѣли собственной Его воли, и такимъ образомъ отстраняетъ всякій поводъ къ гордынѣ и заглаживаетъ всякій слѣдъ ея.

Можетъ быть спросить кто: что же теперь осталось дѣлать человѣку самому отъ себя, чтобы спастися? Если самое хотѣніе имѣетъ нужду въ божественной помощи, что же отъ него?—Вотъ что остается на долю человѣка—выслушать слово о спасеніи своемъ, возжелать его и познать Того, Кто можетъ спасти его. О прочемъ же отъ всей души и безъ всякаго размышленія да просить Бога, могущаго спасти его, сохранить цѣла до конца и довести до совершенства,—Его, говорю, да просить даровать сіе ему, положившему доброе начало и возжелав-

шему пріять, да просить сподобить его слышанія слова Божія и всего относящагося ко спасенію, и за тѣмъ пусть не престаеть умолять Бога, пока не улучшить желаемаго, т.-е. спасенія своего. Ибо то первое есть дарованіе, какое подаетъ Богъ, чтобъ сподобиться услышать кого либо, кто бы возвѣстилъ о спасеніи. Проповѣдники посылаются, чтобъ проповѣдать тѣмъ, которые не вѣдаютъ истины. И то воистину есть даръ святаго Бога, что Онъ посылаетъ проповѣдниковъ. Второе дарованіе есть, чтобъ услышавшій проповѣдниковъ спасенія, послушался ихъ; такое послушаніе естественно людямъ, когда слышать истину. Оно въ началѣ вложено въ нихъ Богомъ; почему Христосъ Господь великую приложилъ угрозу тѣмъ, которые не послушаются Евангелія, говоря: которые не примутъ васъ и не послушаютъ васъ, отраднѣе будетъ землѣ Содомской и Гоморрской, нежели имъ (Мѡ. 10, 15; Мар. 6, 11). Послушаніе истинѣ есть отличительное свойство разумной природы. Третье дарованіе Божіе есть мысленный свѣтъ, который пріемлютъ наипаче новопросвѣщенные. Ибо коль скоро кто, услышавъ проповѣдь о спасеніи, послушается ея, то явно, что онъ уже возжелалъ улучшить спасеніе, но не видѣлъ еще благообразія и красоты его; для сего потребно, чтобы божественный свѣтъ таинственно ослѣпилъ его свыше. И сей свѣтъ мысленно просвѣщаетъ очи души и явно представляетъ ей слѣдующія двѣ вещи, — благообразіе спасенія, и срамоту грѣшника, поколику онъ грѣшникъ есть, хотя уже взыскалъ спасенія. Послѣ же сего что бываетъ? Поелику душа, когда полагаетъ начало возжеланію спасенія своего, имѣетъ волю еще слабую, лѣнливую, безсильную на то, чтобъ всецѣло возжелать спасенія своего, то, восчувствовавъ такую слабость и лѣнность воли своей, она взыскиваетъ силы отъ Бога, чтобъ Онъ укрѣпилъ волю

ея, и далъ ей всецѣло возжелать спасенія. Тогда же познаетъ она во истинѣ, сколь молитва ея бѣдна и слаба и, какъ трость, колеблется противными духами, т.-е. демонами. Почему послѣ того, какъ воля ея укрѣплена бываетъ Богомъ, первымъ дѣломъ имѣетъ она трудиться и подвизаться въ томъ, чтобъ умолить Бога ниспослать ей даръ молитвы, да будетъ молитва ея всегда подвижна Духомъ Святымъ. Когда же сподобится она дара сего, тогда ходатайствовать о ней воздыханіями неизглаголаннѣе начинаетъ уже сей Духъ Святой, посѣтившій душу, взывая: Авва Отче, такъ однакожь, что сей гласъ Духа Святаго бываетъ собственнымъ гласомъ тѣхъ, которые воспріяли Святаго Духа. Сею-то благодатною молитвою возвращаются въ душѣ духовные плоды, т.-е. любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе.

4. Таковъ чинъ спасаемыхъ! И кто не послѣдуетъ сему чину, тотъ будетъ блуждать въ горахъ и пустыняхъ, и въ мѣстахъ, которыхъ не посѣщаетъ Христосъ, и тщетно протрудится и прозлостраждетъ во всемъ, что подыметъ спасенія ради своего. Ибо спасеніе наше все содѣвается силою Господа нашего Іисуса Христа. Того ради и называется Онъ Царь и Господь, что царствуетъ и господствуетъ во всякомъ, кто вѣруетъ въ Него, благодатію Духа Святаго, и какъ Царь и Господь вѣрныхъ Своихъ, содѣваетъ въ нихъ и чрезъ нихъ, что Ему благоугодно, бывая для тѣхъ, кои предаютъ себя Его царству и господству, путеводителемъ, правителемъ, учителемъ, пѣстуномъ, предстателемъ, помощникомъ, избавителемъ отъ всякаго грѣха. Если же и думаютъ нѣкоторые, что они дѣлаютъ что-либо доброе безъ Христа, то они ложь суть, и тогда только станутъ истиною, когда восцарствуетъ въ нихъ Христосъ. Когда Пилатъ спросилъ Христа Господа: *царь ли еси Ты?* Онъ отвѣ-

тилъ ему: *Азъ на сіе родихся, и на сіе придохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину.* Пилать спросилъ: *что есть истина?* но Господь не отвѣтилъ ему (Іоан. 18, 37. 38), зная, что Пилать не могъ вмѣстить слова Его и увѣрывать въ Его сокровенное таинство, т.-е. въ то, что надлежитъ Христу царствовать въ каждомъ человѣкѣ, такъ какъ инымъ способомъ невозможно опять возсіять въ каждомъ знаменіи разумаго достоинства, какое даровалъ Богъ человѣческому естеству въ твореніи, и истреблену быть неразумію, какое по причинѣ грѣха вошло въ родъ человѣческій, въ противность естеству, и такъ въ немъ усилилось, что кажется, будто оно есть по естеству. Невозможно освободиться намъ отъ неразумія, если не воцарится въ насъ Сынъ Божій и Слово Божіе, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, благодатию Святаго Духа. И сіе-то есть истина, которую пришелъ Господь засвидѣтельствовать. Если не восцарствуетъ въ насъ Христосъ, то невозможно, чтобъ въ насъ, собственными нашими средствами, было что либо благоугодное Ему, но мы будемъ обладаемы врагомъ рода человѣческаго, діаволомъ, не чувствуя и не понимая того. Гдѣ царствуетъ Богъ, тамъ нѣтъ рабства діаволу, но все служеніе единому Богу. Кто не знаетъ, что Богъ, Творецъ неба и земли и всей видимой и невидимой твари, есть Царь всѣхъ твореній, воззванныхъ Имъ изъ небытія въ бытіе? Богъ и Отецъ собственного Слова и Сына, Господа нашего Іисуса Христа и Бога, Имже сотворилъ Онъ во Святомъ Своемъ Духѣ, Сей, говорю, Отецъ чрезъ Сына Своего во Святомъ Духѣ царствуетъ надъ всѣми тварями Своими. Сіе единое Божество—Отецъ и Сынъ и Духъ Святой, тріипостасное, совѣчное, собезначальное и единосущное царствуетъ и властвуетъ надъ небомъ, солнцемъ, луною, звѣздами, воздухомъ, землею и моремъ и всѣмъ, что въ нихъ, надъ ангелами и человѣками, хотятъ ли они того,

или не хотятъ, потому что Царь и Господь всего одинъ Богъ. Но такъ какъ неотложное свойство царя есть имѣть промышленіе о томъ, надъ чѣмъ онъ царствуетъ, то и Богъ имѣетъ промышленіе о всемъ, сказанномъ нами. Только поелику всѣ другія твари, кромѣ существъ разумныхъ, т.-е. ангеловъ и людей, не имѣютъ разума, какъ неразумныя; то Богъ промышленіе о нихъ творитъ просто, безъ того, чтобъ они знали о семъ, такъ какъ они не имѣютъ разума. И объ ангелахъ и людяхъ, существахъ разумныхъ, Онъ тоже имѣетъ всегда промышленіе; но такъ какъ они суть твари разумныя и естественно имѣютъ разумъ; то Онъ хочетъ, чтобъ они знали и сами Творца и Промыслителя своего Бога. Для того и созданы они разумными, съ естественнымъ разумомъ, чтобъ познавая Творца своего и Промыслителя, всегда прославляли Его и благодарили, не только за себя самихъ, но и за всѣ прочія твари. Почему Богъ, будучи царемъ всѣхъ тварей, надъ одними людьми хочетъ царствовать по волѣ ихъ, какъ и надъ ангелами царствуетъ по волѣ ихъ. И если люди не хотятъ, чтобъ Богъ царствовалъ надъ ними, то Онъ не дѣлаетъ имъ въ этомъ насилія, чтобъ не отнять у нихъ чрезъ то самовластнаго произволенія; ибо какъ возможно быть твари разумною, если она не имѣетъ своей воли? По сей причинѣ и Господь нашъ Иисусъ Христосъ и Богъ, содѣлавшись человѣкомъ, однороднымъ съ нами, и учителемъ, убѣждаетъ соестественныхъ братій Своихъ: *ищите прежде царствія Божія и правды его*, чтобъ восцарствовать надъ ними по волѣ ихъ. Какъ только войдетъ царствіе Божіе въ разумное естество, тотчасъ преисполняетъ его всякою правдою и добродѣтелію. Почему будемъ всегда молиться Богу: *да прійдетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя*. Сего хочетъ Богъ, для сего содѣлался Онъ человѣкомъ, въ этомъ первый предметъ проповѣди и начало Евангелія.

Это и значать слова: *приблизися царствіе небесное*, которыми началось Евангеліе. И если душа не восчувствуетъ, что царствіе Божіе пришло въ нее и воцарилось въ ней, нѣтъ ей надежды спасенія. Душѣ царствуемой надлежитъ знать благодать и воздѣйствіе царствующаго въ ней Божества: ибо гдѣ присущъ царь, тамъ должны быть явны и знаменія его присутствія. Божіи знаменія, которыя должна имѣть душа, царствуемая Богомъ, суть: кротость, правота, истина, смиренномудріе, благостыня, правда, и всякое благоговѣйство, и еще—незлобіе, челоуѣколюбіе, состраданіе, любовь нелицемѣрная, долготерпѣніе, постоянство, благодушіе. А у тѣхъ, въ которыхъ не царствуетъ Богъ, должно видимо быть противное сему. По симъ добродѣтелямъ, и по противоположнымъ имъ недобродѣтелямъ познается, въ какихъ людяхъ царствуетъ и въ какихъ не царствуетъ Богъ. Относительно сихъ послѣднихъ Господь повелѣваетъ воинству Своему, т.-е. святымъ ангеламъ, говоря: *враги Моя оны, иже не восхотѣша, да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо, и изстѣцйте предо Мною* (Лук. 19, 27). Ибо тѣ, которые слышали и до точности познали, какъ, какими дѣлами и какихъ заповѣдей исполненіемъ имѣютъ получить отъ Христа царство небесное, и презрѣли то, предпочетши тому земное и тлѣнное, временную и суетную славу, таковыя всеконечно достойны быть мучимы горше, чѣмъ невѣрные. Они познали Христа и не хотѣли имѣть Его царемъ себѣ, потому что не соблюдали заповѣдей Его. Ибо кто не хочетъ дѣлать дѣла, для котораго Христосъ содѣлался челоуѣкомъ и пришелъ въ міръ, тотъ явно не принимаетъ самого Христа, хотя и кажется, что принимаетъ. Которые же воистину увѣровали въ Него и приняли Его, тѣмъ далъ Онъ область чадами Божіими быти. Какъ только они увѣровали въ Него, и Онъ ввѣрился имъ и далъ имъ пріять отъ Себя божествен-

ное; такъ что человѣкъ вѣрующій въ Него, дѣлается богомъ, какъ Онъ Богъ содѣлался человѣкомъ. Когда бы и намъ даровалъ Богъ увѣровать въ Него во истинѣ, и содѣлаться чадами Божиими и богами по благодати, во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Коему слава и держава во вѣки! Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ПЯТОЕ.

1. О сотвореніи міра и созданіи Адама.
2. О преступленіи заповѣди и изгнаніи изъ рая.
3. О воплощенномъ домостроительствѣ Господа, и о томъ, какъ Онъ воплотился ради насъ.
4. Какъ все твореніе имѣетъ быть опять обновлено?
5. Что это за свѣтлое состояніе, какое имѣетъ опять воспріять вся тварь?
6. Какъ это святые соединяются со Христомъ и Богомъ нашимъ, и бывають едино съ Нимъ?
7. Какой это вышній міръ и какъ онъ наполнится, — и когда придетъ конецъ?
8. Пола не родятся всѣ, коимъ предопредѣлено родиться до самаго послѣдняго дня, — до того вышній міръ не наполнится.
9. На слова Евангелія: „уподобися царствіе небесное человѣку царю, иже сотвори браки сыну своему“ (Мѣ. 22, 2 и д.).
10. Святые по воскресеніи будутъ знать одинъ другаго.

1. Богъ въ началѣ, прежде чѣмъ насадилъ рай и отдалъ его первозданнымъ, въ пять дней устроилъ землю и что на ней, и небо и что въ немъ, а въ шестой создалъ Адама и поставилъ его господиномъ и царемъ всего видимаго творенія. Рая тогда еще не было. Но этотъ міръ бысть отъ Бога, какъ-бы рай нѣкій, хотя вещественный и чувственный. Его и отдалъ Богъ во власть Адаму и всѣмъ потомкамъ его, какъ говоритъ Божественное Писаніе. *И рече Богъ: сотворимъ человека по образу Нашему и по подобію: и да обладаетъ рыбами морскими и птицами небесными, и звѣрми, и скотами, и всею землею, и всѣми гадами пресмыкающимися по землѣ. И сотвори Богъ человека, по образу Божію сотвори его: мужа и жену сотвори ихъ. И благослови ихъ Богъ, глаголя:*

раститеся и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ей, и обладайте рыбами морскими и птицами небесными, и вѣсьми скотами, и всею землею. Видишь, какъ Богъ отдалъ человѣку въ началѣ весь этотъ міръ, какъ рай какой; почему вслѣдъ за симъ и говорить: се дахъ вамъ всякую траву сѣльную стѣющую стѣмя, еже есть поверхъ земли, и всякое древо, еже имать въ себѣ плодъ стѣмене стѣменнаго, вамъ будетъ въ снѣдъ; и вѣсьмъ зѣтрѣмъ земнымъ, и вѣсьмъ птицамъ небеснымъ, и всякому гаду пресмыкающемуся по земли, всякую траву зеленую въ снѣдъ (Быт. 1, 26—30). Видишь ли, какъ все видимое, что есть на землѣ и что есть въ морѣ, все то отдалъ Богъ во власть Адаму и потомкамъ его? Ибо что сказалъ Онъ Адаму, то сказалъ вѣсьмъ намъ, подобно тому, какъ и Апостоламъ сказалъ: *а яже вамъ глаголю, вѣсьмъ глаголю* (Мр. 13, 37),—такъ какъ вѣдалъ, что родъ нашъ имѣлъ размножиться и людей имѣло быть безчисленное множество. Если теперь, послѣ того какъ преступили мы заповѣдь и осуждены умирать, люди столь много размножились; то вообрази, сколько бы ихъ было, еслибъ не умирали всѣ рожденные отъ сотворенія міра? И какою жили бы они жизнію, будучи безсмертны и нетлѣнны, чужды грѣха, печалей, заботъ и тяжелыхъ нуждъ?! И какъ, преуспѣвъ въ храненіи заповѣдей и въ благоустроеніи сердечныхъ расположеній, по времени, востекали бы они къ совершеннѣйшей славѣ, и измѣнившись, приближались бы къ Богу, и душа каждого дѣлалась бы свѣтлосіянною, по причинѣ осіяній, какія изливались бы на нее отъ Божества! И это чувственное и грубо-вещественное тѣло дѣлалось бы будто невещественнымъ и духовнымъ, выспимъ всякаго чувства; а радость и веселіе, какими исполнялись бы мы тогда отъ взаимнаго другъ съ другомъ обращенія, воистину были бы неизглаголанны и невмѣстимы

для помысла человѣческаго. Но возвратимся опять къ нашему предмету.

Итакъ отдалъ Богъ Адаму весь этотъ міръ, сотворенный Имъ въ шесть дней, — о каковомъ сотвореніи слушай что говоритъ Божественное Писаніе: *И видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра зѣло. И соверши Богъ въ день шестый дѣла Своя, яже сотвори, и почи въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, яже сотвори* (Быт. 1, 31; 2, 2). А далѣе тоже Писаніе, желая научить насъ, какъ Богъ сотворилъ человѣка, говоритъ: *И созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли, и одуну въ лице его дыханіе жизни, и бысть человекъ въ душу живу* (Быт. 2, 7). Тогда уже, какъ иной царь, или князь, или богачъ, владѣющій какою либо мѣстностію, не всю ее опредѣляетъ на одно что нибудь, а раздѣляетъ на многія части, и одну опредѣляетъ подъ посѣвы, на другой разводитъ виноградники, а иную оставляетъ невоздѣланною, чтобъ заросла травою и давала пастбище; самую же лучшую и красивѣйшую часть избираетъ для построенія палатъ своихъ, при которыхъ разводитъ цвѣтники и сады, и другое многое придумываетъ и устрояетъ, что можетъ доставлять удовольствіе; и палаты свои и всѣ помѣщенія въ нихъ устрояетъ наилучшимъ образомъ, чтобъ они отличались отъ жилищъ другихъ людей; все это огораживаетъ стѣною съ воротами и запорами, при которыхъ ставить стражей, чтобъ не пропускали злыхъ людей и давали входъ только людямъ добрымъ, знаемымъ и друзьямъ: такъ и Богъ подобное сему устроилъ для первозданнаго. Ибо послѣ того, какъ создалъ все другое, сотворилъ и человѣка, и почилъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ, которыя началъ творить, — насадилъ рай во Едемѣ на востокѣхъ, какъ царское жилище, и ввелъ въ него человѣка, котораго создалъ, какъ царя.

Но почему Богъ не устроилъ рая въ седьмой день, а

насадилъ его на востоцѣхъ уже послѣ того, какъ кончилъ всякое другое твореніе? Потому, что Онъ, какъ повѣдѣлъ всяческихъ, все твореніе устроилъ въ порядкѣ и благочинномъ послѣдованіи; и семь дней опредѣлилъ, да будутъ во образъ вѣковъ, имѣвшихъ пройти въ послѣдствіи, во времени, а рай насадилъ послѣ тѣхъ семи дней, да будетъ во образъ будущаго вѣка. Почему же Духъ Святой не поставилъ въ счетъ осьмага дня вмѣстѣ съ седмию? Потому, что несообразно было ставить въ счетъ и его вмѣстѣ съ седмию, которые, круговращаясь, производятъ столько и столько недѣль, годовъ и вѣковъ; но надлежало осьмой день поставить внѣ седми, такъ какъ онъ не имѣетъ круговращенія.

Смотри еще, — Божественное Писаніе не говоритъ, что Богъ создалъ рай, ни того, чтобъ Онъ сказалъ: да будетъ, но—что насадилъ его. *И насади Богъ рай во Едемъ на востоцѣхъ. И прозябе Богъ еще отъ земли всякое древо красное въ видѣніе и доброе въ сънѣдь* (Быт. 2, 9), съ разными плодами, которые никогда не портились и никогда не прекращались, но всегда были свѣжи и сладки и доставляли первозданнымъ великое удовольствіе и пріятность. Ибо надлежало доставлять и наслажденіе нетлѣнное онымъ тѣламъ первозданныхъ, которыя были нетлѣнны. Почему и жизнь ихъ въ раю была не обременена трудами и не отяжелена несчастіями. Адамъ былъ созданъ съ тѣломъ нетлѣннымъ, однакожъ вещественнымъ, а не духовнымъ еще, и былъ поставленъ Творцемъ Богомъ, какъ царь безсмертный надъ нетлѣннымъ міромъ, не только надъ раемъ, но и надъ всѣмъ твореніемъ, сущимъ подъ небесами.

2. Но поелику Богъ далъ первозданнымъ заповѣдь и повелѣлъ имъ не вкушать отъ одного древа познанія, а Адамъ презрѣлъ сію заповѣдь Божию, не повѣривъ словамъ Творца Владыки, Который сказалъ: *въ оныѣже еще*

*день сънѣте отъ него, смертію умрете, но почетши бо-
лѣе вѣрнымъ слово лукаваго діавола, сказавшаго: не
смертію умрете, но въ онъже еще день сънѣте отъ него...
будете яко бози, вводяще доброе и лукавое, вкусилъ отъ
древа того: то тотчасъ обнажился отъ нетлѣннаго онаго
одѣянія и славы, и облекся въ наготу тлѣнія, и видя
себя нагимъ, скрылся, и спивъ листвіе смоковничное,
препоясавъ, чтобы прикрыть срамоту свою. Почему,
когда Богъ воззвалъ къ нему: Адамъ, гдѣ еси? отвѣчалъ:
гласъ Твой услышалъ, и видя, что нагъ, убоился и
скрылся. Богъ, призывая его къ покаянію, сказалъ ему:
кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, еще не бы отъ древа,
егоже заповѣдахъ тебѣ сего единого не ясти, отъ него
ялъ еси? — Но Адамъ не захотѣлъ сказать: согрѣшилъ,
а сказалъ паче противное тому, и поставилъ виновни-
комъ преступленія своего Бога, Который создалъ *вся
добра зѣло*, говоря Ему: *жена, уже далъ еси мнѣ, та
ми даде, и ядохъ*; а за нимъ и она сложила вину на
змія; и не восхотѣли они совсѣмъ раскаяться и, падши
предъ Господомъ Богомъ, просить у Него прощенія. За
это Богъ выгналъ ихъ изъ рая, какъ изъ царскихъ па-
латъ, жить въ мірѣ семъ, какъ изгнанникамъ, тогда же
опредѣливъ, чтобы пламенное оружіе обращаемое храни-
ло входъ въ рай. И не проклялъ Богъ рая, такъ какъ
онъ былъ образомъ будущей нескончаемой жизни вѣч-
наго царства небеснаго. Еслибъ не эта причина, надле-
жало бы проклясть его наипаче, такъ какъ внутри его
совершилось преступленіе Адамово. Но Богъ не сдѣлалъ
этого, а проклялъ лишь всю прочую землю, которая тоже
была нетлѣнна и все произращала сама собою, чтобы
Адаму не имѣть болѣе жизни свободной отъ утомитель-
ныхъ трудовъ и потовъ. *Проклята земля въ днѣхъ
твоихъ*, сказалъ Господь Адаму, *въ печалѣхъ сънѣси тую
вся дни живота твоего: тернія и волчцы возрастутъ**

тебѣ и съѣси траву сѣльную. Въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратиши въ землю, отъ неяже взятъ еси: яко земля еси, и въ землю пойдеша (Быт. 3, 17—19).

Итакъ тому, кто сдѣлался тлѣннымъ и смертнымъ по причинѣ преступленія заповѣди, по всей справедливости надлежало и жить на землѣ тлѣнной и питаться пищею тлѣнною; ибо, какъ безтрудная жизнь и обильная пища (самородная) сдѣлали то, что онъ забылъ Бога и блага, которыя Онъ даровалъ ему, и презрѣлъ заповѣдь Его, то справедливо осужденъ съ потовымъ трудомъ обрабатывать землю и такимъ образомъ отъ нея получать мало-по-малу пищу, какъ отъ какого эконома. Видишь, какъ тогда приняла преступника земля, послѣ того какъ была проклята и лишилась первоначальной производительности, по которой плоды порождались изъ ней сами собой безъ труда? И для чего? Для того, чтобы быть обрабатываемою имъ въ потахъ и трудахъ, и такъ давать ему то небольшое, что произращаетъ на потребу его, для поддержанія жизни, а если не будетъ обрабатываема, оставаться безплодою, и произращать лишь тернія и волчцы. Затѣмъ и всѣ твари, когда увидѣли, что Адамъ изгнанъ изъ рая, не хотѣли болѣе повиноваться ему, преступнику: солнце не хотѣло свѣтить ему, ни луна, и прочія звѣзды не хотѣли показываться ему; источники не хотѣли источать воду, и рѣки продолжать теченіе свое; воздухъ думалъ не дуть болѣе, чтобы не давать дышать Адаму, согрѣшившему; звѣри и всѣ животныя земныя, когда увидѣли, что онъ обнажился отъ первой славы, стали презирать его, и всѣ тотчасъ готовы были напасть на него; небо, нѣкоторымъ образомъ, устремлялось было пасть на него, и земля не хотѣла носить его болѣе. Но Богъ, сотворившій всяческая и человѣка создавшій — что сдѣлать? Зная прежде созданія міра, что

Адамъ имѣлъ преступить заповѣдь Его, и имѣя предопредѣленную для него новую жизнь и воссозданіе, какія имѣлъ онъ получить чрезъ возрожденіе во святомъ крещеніи, въ силу воплощеннаго домостроительства едиnorodнаго Сына Своего и Бога нашего, — Онъ сдержалъ всѣ эти твари силою Своею, и по благоутробію и благодости Своей не далъ имъ тотчасъ устремиться противъ человѣка, и повелѣлъ, чтобы тварь оставалась въ подчиненіи ему, и сдѣлавшись тлѣнною, служила тлѣнному человѣку, для котораго создана, съ тѣмъ, чтобы когда человѣкъ опять обновится и сдѣлается духовнымъ, нетлѣннымъ и безсмертнымъ, и вся тварь, подчиненная Богомъ человѣку въ работу ему, освободилась отъ сей работы, обновилась вмѣстѣ съ нимъ и сдѣлалась нетлѣнною и какъ бы духовною. Все сіе предопредѣлилъ всещедрый Богъ прежде сложенія міра.

Итакъ, когда все было установлено Богомъ, какъ сказано, — изгнанъ былъ Адамъ изъ рая, пожилъ, породилъ чадъ и умеръ; подобнымъ образомъ и всѣ тѣ, которые происходили отъ него. Люди того времени, узнавъ отъ Адама и Евы о всемъ случившемся, помнили паденіе Адамово, и поклонялись Богу и почитали Его, какъ Владыку своего. Почему Авель вмѣстѣ съ Каиномъ приносили Богу жертвы, каждый отъ имѣнія своего. И Писаніе говоритъ, что Богъ принялъ приношеніе и жертву Авеля, а жертву Каина не принималъ, что увѣдѣвъ Каинъ, опечалился до смерти, сталъ завидовать брату своему Авелю и убилъ его. Но послѣ сего Енохъ, угодивъ Богу, *предложися* (Быт. 5, 24), какъ и Илія потомъ взятъ былъ на небо на огненной колесницѣ. Этимъ Богъ хотѣлъ показать, что если послѣ приговора, произнесеннаго надъ Адамомъ и надъ потомствомъ его, и послѣ изгнанія его, Онъ благоволилъ Еноха и Илію, потомковъ Адамовыхъ, угодившихъ Ему, почитать такимъ образомъ — предложе-

ніемъ и долгоживотіемъ, и освободить отъ смерти и по-
ступленія въ адъ, — не тѣмъ ли паче, самого первозданнаго
Адама, еслибы онъ не преступилъ данной ему заповѣди,
или по преступленіи покался, прославилъ Онъ и по-
чтилъ, или помиловалъ и оставилъ жить въ раю?

Такъ древніе люди, въ продолженіе многихъ лѣтъ, учи-
лись одинъ отъ другаго по преданію, и познавали Творца
своего и Бога. Послѣ впрочемъ, когда размножились и
стали предавать умъ свой отъ юности своей въ помыш-
ленія злая, забыли они Бога и не познавали болѣе Творца
своего, и стали не только демонамъ поклоняться, но
обоготворили даже такія твари, которыя даны были имъ
отъ Бога въ услуженіе. Оттого предалися во всякую
нечистоту и осквернили непотребными дѣлами своими
землю, воздухъ, небо и все сущее подъ небомъ. Ибо
ничто такъ не оскверняетъ и не дѣлаетъ нечистымъ чистое
дѣло рукъ Божіихъ, какъ то, если кто станетъ бого-
творить его и кланяться ему, какъ Богу, создавшему
всяческая. Когда же наконецъ вся тварь, бывая обого-
творенною, сдѣлалась нечистою, и всѣ люди низпали въ
крайнюю глубину зла; тогда снизшелъ на землю Сынъ
Божій и Богъ, чтобъ возсоздать человѣка, столь унижен-
наго, оживотворить его, умерщвленнаго, и воззвать отъ
прелести и заблужденія.

3. Но прошу внимать слову моему, потому что оно
начинаетъ касаться величайшаго таинства, изъясненіе
котораго душеспасительно и для насъ и для имѣющихъ
жить послѣ насъ. Надлежитъ намъ восходить къ созер-
цанію воплощенія Сына и Слова Божія и неизглаголан-
наго рожденія Его отъ Приснодѣвы Богородицы Маріи,
при пособіи какого-либо образа и посредствомъ его
приближать къ уразумѣнію сокровенное отъ вѣкъ таин-
ство воплощеннаго домостроительства, во спасеніе на-
шего рода. Какъ тогда, при сотвореніи праматери нашей

Евы, взявъ Богъ ребро Адамово и создалъ изъ него жену: такимъ же образомъ и теперь взявъ Создатель нашъ и Творецъ Богъ, отъ Богородицы и Приснодѣвы Маріи, плоть, какъ-бы закваску нѣкую и нѣкій начатокъ отъ замѣси (фарама) естества нашего, и соединивъ ее съ своимъ Божествомъ, непостижимымъ и непрístupнымъ или, лучше сказать, всю Божественную вѣпостась Свою соединилъ существенно съ нашимъ естествомъ, и это человѣческое естество несмѣсно сочеталъ съ Своимъ существомъ, и сдѣлалъ его Своимъ собственнымъ, такъ что самъ Творецъ Адама непреложно и неизмѣнно сталъ совершеннымъ человѣкомъ. Ибо какъ изъ ребра Адамова создалъ Онъ жену, такъ изъ дщери Адамовой, Приснодѣвы и Богородицы Маріи, заимствовалъ дѣвственную плоть безсѣменно и въ нее облекшись, сталъ человѣкомъ подобнымъ первозданному Адаму, чтобы совершить такое дѣло, именно: какъ Адамъ чрезъ преступленіе заповѣди Божіей былъ причиною того, что все люди стали тлѣнны и смертны, такъ чтобы и Христосъ, новый Адамъ, чрезъ исполненіе всякой правды сталъ началомъ возрожденія нашего къ нетлѣнію и безсмертію. Сіе изъясняетъ божественный Павелъ тамъ, гдѣ говоритъ: *первый человекъ отъ земли перстень: второй человекъ Господь съ небесе. Яковъ перстный, таковъ и перстннъ: и яковъ небесный, тацы же и небеснн* (1 Кор. 15, 47. 48). И поелику Господь нашъ Іисусъ Христосъ содѣлался совершеннымъ человѣкомъ по душѣ и по тѣлу, подобнымъ намъ по всему, кромѣ грѣха; то и намъ, которые вѣруемъ въ Него, подаетъ Онъ отъ своего Божества, и насъ содѣлываетъ сродными Себѣ по естеству и существу Божества Своего. Помысли о предивномъ семъ таинствѣ. Пріять Сынъ Божій отъ насъ плоть, которой не имѣлъ по естеству, и содѣлался человѣкомъ, которымъ не былъ, и тѣмъ, кои вѣруютъ въ Него, сообщаетъ отъ Божества своего, кото-

раго никогда никакой не имѣлъ человѣкъ, и—вѣрующіе сія бываютъ богами по благодати. Ибо Христосъ даетъ имъ *область чадомъ Божиими быти*, какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ. Вслѣдствіе сего они содѣлываются и навсегда потомъ пребываютъ богами по благодати, и никогда уже не престанутъ быть таковыми. Послушай, какъ внушаетъ намъ сіе св. Павелъ, говоря: *якоже облечомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ Небеснаго* (1 Кор. 15, 49). Сказаннаго нами о семъ достаточно. Теперь возвратимся опять къ нашему предмету.

Поелику Богъ всего сущаго, Господь нашъ Іисусъ Христосъ сошелъ на землю и содѣлался человѣкомъ, для того, чтобы возсоздать и обновить человѣка, и низвести благословеніе на всю тварь, подвергшуюся проклятію за человѣка; то во-первыхъ оживотворилъ Онъ воспринятую Имъ душу, и обожилъ ее, пречистое же и божественное тѣло Свое, хотя и содѣлалъ божескимъ, но носилъ его тлѣннымъ и грубо вещественнымъ. Ибо то тѣло, которое вкушаетъ пищу, пьетъ, утруждается, испускаетъ потъ, связуется, заушается, пригвождается ко кресту, очевидно, тлѣнно есть и вещественно; потому что все сказанное есть принадлежность тѣла тлѣннаго. Почему оно и умерло, и положено во гробъ мертвымъ; послѣ же тридневнаго воскресенія Господня, и тѣло Его воскресло нетлѣннымъ и божественнымъ. Почему когда вышелъ Онъ изъ гроба, не разрушилъ печатей, бывшихъ на гробѣ, и послѣ входилъ и выходилъ *дверемъ заключеннымъ*. Но почему вмѣстѣ съ душою тотчасъ же и тѣла Своего не сдѣлалъ Онъ нетлѣннымъ и такимъ духовнымъ? Потому, что Адамъ, преступивъ заповѣдь Божию, душою тотчасъ умеръ, а тѣломъ умеръ уже спустя столько лѣтъ. Въ соотвѣтствіе этому и Господь Спаситель прежде воскресилъ, оживотворилъ и обожилъ душу, которая тотчасъ по преступленіи заповѣди понесла эпитимию смерти.

а послѣ благоволилъ Богъ устроить, чтобъ и тѣло Его воспріяло нетлѣннѣе воскресенія, какъ и во Адамѣ оно спусти много лѣтъ понесло эпитимію смерти. Но не это только сдѣлалъ Христосъ, но сошелъ и во адъ, освободилъ отъ вѣчныхъ узъ и оживотворилъ души святыхъ, которыя тамъ содержимы были, но тѣлъ ихъ не воскресилъ тогда же, а оставилъ ихъ въ гробахъ до общаго воскресенія всѣхъ.

И таинство сіе, явно для всего міра, сказаннымъ нами образомъ, бывшее во время воплощеннаго домостроительства Христова, такимъ же образомъ и послѣ того совершалось и совершается въ каждомъ христіанинѣ. Ибо когда мы приедемъ благодать Іисуса Христа, Бога нашего, то содѣлываемся причастниками Божества Его (2 Петр. 1, 4), и когда вкушаемъ пречистое тѣло Его, т.-е., когда причащаемся Св. Таинъ, то бываемъ со-тѣлесниками Ему и сродниками воистину, какъ говоритъ и божественный Павелъ: *зане уди есмь тѣла Его, отъ плоти Его, и отъ костей Его* (Еф. 5, 30), и какъ опять говоритъ евангелистъ Іоаннъ, что *отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ и благодать возблагодать* (Іоан. 1, 16). Такъ по благодати содѣлываемся мы подобными Ему, челоуѣколюбивому Богу нашему и Господу, и являемся по душѣ обновленными изъ ветхихъ, и оживотворяемыми изъ мертвыхъ, какими были.

Такъ всякій святой бываетъ такимъ, какъ мы сказали; тѣло же ихъ не дѣлается тотчасъ нетлѣннымъ и духовнымъ. Но какъ желѣзо, разжженное огнемъ, дѣлается причастнымъ свѣтлости огня, отлагая природную свою черноту, и какъ только выйдетъ изъ него огонь, и оно остынетъ, является опять чернымъ; такъ бываетъ и съ тѣлами святыхъ, что, когда бываютъ они причастными божественнаго онаго огня, т. е. благодати Святаго Духа, исполняющаго души ихъ, то освящаются и, будучи про-

нищаемы божественнымъ онѣмъ огнемъ, бываютъ свѣтлыми, особенными отъ всѣхъ другихъ тѣлъ и честнѣйшими ихъ; но когда душа выходитъ изъ тѣла, тогда тѣла ихъ предаются тлѣнію, и иныя мало-по-малу разлагаются и бываютъ прахомъ, а другія не разлагаются въ продолженіе многихъ лѣтъ, и ни нетлѣнными совершенно не бываютъ, ни опять совершенно тлѣнными, а сохраняютъ въ себѣ признаки и тлѣнія и нетлѣнія, пока не воспріимутъ совершеннаго нетлѣнія и не обновятся совершеннымъ воскресеніемъ, во время общаго воскресенія мертвыхъ. И по какой это причинѣ? По той, что не подобаетъ тѣламъ людей облекаться въ славу воскресенія и дѣлаться нетлѣнными, прежде обновленія всѣхъ тварей. Но какъ въ началѣ, прежде вся тварь сотворена нетлѣнною, а потомъ изъ нея взятъ и созданъ человѣкъ, такъ надлежитъ и опять прежде всей твари сдѣлаться нетлѣнною, а потомъ обновиться и стать нетлѣнными и тлѣннымъ тѣламъ людей, да будетъ снова весь человѣкъ нетлѣненъ и духовенъ и да обитаетъ въ нетлѣнномъ, вѣчномъ и духовномъ жилищѣ. А что это истинно, послушай, что говоритъ Апостолъ Петръ: *пріидетъ день Господень, яко татѣ въ нощи, въ онѣже небеса убо съ шумомъ мимоидутъ, стихіи же сжигаемы разорятся, земля же, и яже на ней дѣла сгорятъ.* (2 Петр. 3, 10). Не то сіе значить, что небеса и стихіи исчезнутъ, но что они возустроены и обновлены будутъ, и пріидутъ въ лучшее и нетлѣнное состоявіе. И это, что говорю я, явно опять изъ словъ тогоже Апостола Петра, который говоритъ: *нова небесе и новы земли по обѣтованію Его чаемъ* (—13), т.-е. по обѣтованію Христа и Бога нашего, Который сказалъ: *небо и земля мимоидутъ, словеса же Моя не мимоидутъ* (Мѣ. 24, 35),—мимошествіемъ неба называя измѣненіе его, т.-е., небо измѣнится, а словеса Мои не измѣнятся, а пребудутъ навсегда неизмѣнными. И св.

пророкъ Давидъ предсказалъ тоже тамъ, гдѣ говорить: *и яко одежду сѣиши я, и измѣнятся. Ты же тойжде еси и лѣта Твоя не оскудѣютъ* (Псал. 101, 27). Изъ такихъ словъ, что другое явствуетъ, какъ не то, что я сказалъ?

4. Но посмотримъ, какъ тварь имѣетъ возобновиться, и придти опять въ состояніе первоначальной красоты? Полагаю, что ни одинъ христіанинъ не подумаетъ не повѣрить словамъ Господа, даваго обѣтованіе, сдѣлать небо новымъ и землю новою, т.-е., что какъ собственныя наши тѣла, разрѣшающіяся теперь на стихіи и однакожь въ ничто необращающіяся, опять возобновлены будутъ чрезъ воскресеніе, — такъ и небо и земля со всѣмъ, что на ней, т.-е. вся тварь имѣетъ возобновлена быть и освобождена отъ работы тлѣнію, и эти стихіи вмѣстѣ съ нами сдѣлаются причастными свѣтлости, происходящей отъ Божественнаго огня. Какъ какой нибудь сосудъ мѣдный, обветшавшій и сдѣлавшійся негожимъ, когда мѣдникъ, растопивъ на огнѣ, перельетъ его, дѣлается опять новымъ: такимъ же образомъ и тварь, обветшавшая и ставшая непотребною по грѣхамъ нашимъ, будетъ Богомъ Творцемъ какъ-бы растоплена въ огнѣ и перелита, и явится новою, несравненно свѣтлѣйшею, нежели какъ она теперь есть. Видишь, какъ всѣ твари имѣютъ обновиться огнемъ. Почему божественный Петръ и говорить: *симъ убо всѣмъ разоряемымъ, кацѣмъ подобаетъ быти вамъ во святыхъ пребываніихъ и благочестіихъ?* И немного ниже: *тѣмже возлюбленнымъ сихъ чающе, потщитесь нескверни и непорочни Тому обрѣстися въ мирѣ, и Господа нашего долготерпѣніе спасеніе непушуйте: якоже и возлюбленный братъ нашъ Павелъ по даннѣй ему благодати написа вамъ, якоже и во всѣхъ своихъ посланіяхъ, глаголя въ нихъ о сихъ: въ нихже суть неудобъ разумна нѣкая, яже ненаучени*

и неутверждени развращаютъ, якоже и прочая писанія къ своей ихъ погибели (2 Петр. 3, 11. 14—16). И это не тогда только дѣлалось, но и въ настоящее время очень многіе, или и всѣ почти мы дѣлаемъ, по невѣжеству своему все извращая и перетолковывая слова Божественнаго Писанія, и всячески стараясь сдѣлать ихъ споспѣшниками себѣ въ страстяхъ и пагубныхъ похотѣніяхъ своихъ. Но посмотримъ, что говорить и божественный Павелъ о твореніи и обновленіи его. Сказавъ, что *недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ*, вслѣдъ за симъ говорить онъ: *чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ частъ* (Рим. 8, 18. 19). Чаяніемъ называетъ онъ сильное желаніе твари, чтобъ поскорѣе сбылось откровеніе, или явленіе во славу сыновъ Божіихъ, какое имѣетъ совершиться во всеобщее воскресеніе. Ибо тогда, во всеобщее воскресеніе, съ пришествіемъ Сына Божія, обнаружатся сыны Божіи, проявится красота ихъ и слава, и они всецѣло, т.-е., и душою и тѣломъ сдѣлаются свѣтлосіянными и препрославленными, какъ написано: *тогда праведницы*, т.-е., сыны праведнаго Бога, *просвѣтятся яко солнце* (Матѣ. 13, 43). Но чтобы не подумалъ кто, что сказанное Апостоломъ относится къ другой какой-либо твари — онъ прибавилъ: *суетъ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи* (— 20). Видишь, что тварь не хотѣла повиноваться и служить Адаму, послѣ того какъ онъ преступилъ заповѣдь Божію, потому что видѣла, что онъ изпалъ отъ божественной славы? Для сего-то Богъ, прежде сотворенія міра, предопредѣлилъ быть спасенію человѣка чрезъ возрожденіе, какое имѣлъ онъ получить въ силу воплощеннаго домостроительства Христова, и на семъ основаніи подчинилъ ему тварь и покорилъ ее тлѣнію, такъ какъ тлѣннымъ сдѣлался человѣкъ, для котораго она создана, —

чтобъ она каждагодно доставляла ему тлѣнную пищу,—положивъ, когда обновить человѣка и сдѣлаетъ его нетлѣннымъ, безсмертнымъ и духовнымъ, тогда виѣстѣ съ нимъ обновить и всю тварь и сдѣлать ее вѣчною и нетлѣнною. Вотъ что открылъ Апостоль приведенными словами: *суетъ тварь повинуся не волею, но за повинушаго ю на упованіи*, т.-е. тварь повинулась людямъ не сама по себѣ, и не по своей волѣ сдѣлалась тлѣнною, даетъ плоды тлѣнные, и произращаетъ тернія и волчцы; но покорилась повелѣнію Бога, Который опредѣлилъ сіе для нея на упованіи, что опять обновить ее. Чтобъ полнѣе удостовѣрить въ этомъ, Апостоль говорить наконецъ: *яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (— 21). Видишь, что вся эта тварь въ началѣ была нетлѣнною и создана Богомъ въ чинѣ рая? Но послѣ Богомъ подчинена тлѣнію, и покорилась суетѣ человѣковъ.

5. Познай также и то, что это за прославленіе и свѣтлосіянность твари будетъ въ будущемъ вѣкѣ? Ибо когда она обновится, то не будетъ опять такою же, какою была, когда была создана въ началѣ. Но будетъ такою, какимъ, по слову божественнаго Павла, будетъ наше тѣло. О тѣлѣ нашемъ говоритъ Апостоль: *сѣется тѣло душевное, возстаетъ* не такимъ, какимъ было тѣло первозданнаго прежде преступленія заповѣди, т.-е. вещественнымъ, чувственнымъ, преложнымъ, имѣющимъ нужду въ чувственной пищѣ,—но *возстаетъ тѣло духовное* (1 Кор. 15, 44), и непреложное, такое, какимъ по воскресеніи было тѣло Господа нашего Іисуса Христа, втораго Адама, перворожденнаго изъ мертвыхъ, каковое несравненно превосходнѣе тѣла первозданнаго Адама. Такимъ же образомъ и вся тварь по повелѣнію Божію имѣетъ быть, по всеобщемъ воскресеніи, не такою, какою была создана—вещественною и чувственною, но имѣетъ быть пересозда-

на и содѣлаться нѣкимъ невещественнымъ и духовнымъ обиталищемъ, превысимъ всякаго чувства, и какъ о насъ говоритъ Апостолъ: *вси же не уснемъ, вси же измѣнимся, вскорѣ, во мгновѣніи ока* (1 Кор. 15, 51), такъ и вся тварь, послѣ того, какъ перегоритъ въ Божественномъ огнѣ, имѣетъ измѣниться, да исполнится и пророчество Давида, который говоритъ, что *праведницы наслѣдуютъ землю* (Пс. 36, 29),—конечно, не чувственную. Ибо какъ возможно, чтобы тѣ, которые сдѣлались духовными, наслѣдовали землю чувственную? Нѣтъ; они наслѣдуютъ землю духовную и невещественную, чтобы имѣть на ней достойное славы своей жилище, послѣ того, какъ сподобятся получить тѣла свои безтѣлесными, высшими всякаго чувства.

Такъ вся тварь послѣ того, какъ обновится и сдѣлается духовною, станетъ обиталищемъ невещественнымъ, нетлѣннымъ, неизмѣннымъ и вѣчнымъ. Небо станетъ несравненно болѣе блестящимъ и свѣтлымъ, чѣмъ оно теперь видится, станетъ совсѣмъ новымъ; земля воспріиметъ новую неизреченную красоту, одѣвшись въ многообразные неуядаемые цвѣты, свѣтлые и духовные. Солнце будетъ сіять въ семь разъ сильнѣе, чѣмъ теперь, и весь міръ сдѣлается совершеннѣйшимъ паче всякаго слова. Сдѣлавшись духовнымъ и божественнымъ, соединится онъ съ умнымъ міромъ, явится нѣкимъ мысленнымъ раемъ, Іерусалимомъ небеснымъ, некрадомымъ наслѣдіемъ сыновъ Божіихъ. Этой земли не наслѣдовалъ еще ни одинъ человѣкъ; всѣ мы странники и пришельцы. Когда же земное соединится съ небеснымъ, тогда и праведники наслѣдуютъ ту землю, обновленную уже, которой наслѣдниками имѣютъ быть тѣ кроткіе, кои ублажаются отъ Господа. Теперь пѣснь иное изъ земаго соединяется съ небеснымъ, а иное имѣетъ еще соединиться съ нимъ. Души святыхъ, какъ мы сказали, при всемъ томъ,

что соединены еще съ тѣломъ въ міръ семъ, соединяются съ благодатию Святаго Духа, — обновляются, измѣняются на лучшее и воскресаютъ отъ мысленной смерти; потомъ, по разлученіи съ тѣломъ, отходятъ въ славу и свѣтлосіянный свѣтъ невечерній; тѣла же ихъ не сподобляются еще сего, но остаются во гробахъ и въ тлѣніи. Имѣютъ и они сдѣлаться нетлѣнными, во время общаго воскресенія, когда и вся эта видимая и чувственная тварь сдѣлается нетлѣнною и соединится съ небеснымъ и невидимымъ. Этому надлежитъ совершиться прежде, — и тогда прійдетъ съ силою и славою мною превозделѣнный и сладчайшій Иисусъ Христосъ, Царь и Богъ нашъ, судить міръ и воздать каждому по дѣламъ его. Для сего раздѣлитъ Онъ обновленную тварь на многія обители и покоища, какъ-бы домъ какой великій, или какія царскія палаты, со множествомъ разныхъ помѣщеній, и дастъ каждому часть его, какая кому подобаешь соотвѣтственно свѣтлости и славѣ, стяжанной добродѣтелями. Такъ царство небесное будетъ единое, и имѣть единаго Царя всяческихъ, Который отъсюду будетъ видѣнъ всѣмъ праведнымъ; будетъ Онъ спребывать съ каждымъ праведнымъ, и всякій праведный будетъ спребывать съ Нимъ; будетъ свѣтло сіять въ каждомъ, и каждый будетъ свѣтло сіять въ Немъ. — Но горе тѣмъ, которые окажутся тогда сущимъ внѣ сего небеснаго обиталища!

6. Но какъ объ этомъ уже сказано довольно, то теперь я намѣренъ раскрыть вамъ, сколько можно, и то, какимъ образомъ святые соединяются со Христомъ Господомъ и бывають едины съ Нимъ. Всѣ святые суть воистину члены Христа Бога и, какъ члены, сочетаны съ Нимъ, и соединены съ тѣломъ Его, такъ что Христосъ есть глава, а всѣ, отъ начала до послѣдняго дня, святые — члены Его, и всѣ они въ совокупности составля-

ють единое тѣло и какъ-бы, такъ сказать, одного человека. Иные изъ нихъ состоятъ въ чинѣ рукъ, дѣлающихъ даже доселѣ, которые исполняя всесвятую волю Его, претворяють недостойныхъ въ достойныхъ, и представляютъ ихъ Ему; иные—въ чинѣ раменъ тѣла Христова, которые другъ друга тяготы носятъ, или возложивъ на себя обрѣтенное овча погибшее, блуждавшее тамъ и здѣсь, въ горахъ и пропастьхъ, приносятъ ко Христу, и такъ исполняютъ законъ Его; иные—въ чинѣ груди, которые источаютъ для жаждущихъ и алчущихъ правды Божіей чистѣйшую воду слова премудрости и разума, т.-е. научаютъ ихъ слову Божію, и преподають имъ мысленный хлѣбъ, который вкушаютъ святые Ангелы, т.-е. истинное богословіе, какъ наперсники Христовы, возлюбленные Ему; иные—въ чинѣ сердца, которые въ лонѣ своемъ любовію вмѣщаютъ всѣхъ людей, пріемлютъ внутрь себя духъ спасенія и служатъ хранилищемъ неизреченныхъ и сокровенныхъ Таинъ Христовыхъ; иные — въ чинѣ чреслъ, которые имѣютъ въ себѣ родительную божественныхъ помышлений таинственного богословія силу, и словомъ ученія своего въ сердца людей всѣваютъ сѣмя благочестія; иные, наконецъ — въ чинѣ костей и ногъ, которые являютъ мужество и терпѣніе въ искушеніяхъ, подобно Іову, и пребываютъ неподвижными въ стояніи своемъ въ добрѣ, не уклоняются отъ налегающей тяготы, но охотно принимаютъ ее и бодренно несутъ до конца. Такимъ-то образомъ стройно составляется тѣло Церкви Христовой изъ всѣхъ отъ вѣка святыхъ Его, бываетъ цѣло и совершенно, да будутъ едино всѣ сыны Божіи, перворожденные, на небесахъ написанные.

А что всѣ святые суть члены Христовы и бываютъ единое тѣло, докажу это вамъ отъ Божественнаго Писанія. И во первыхъ послушайте самого Спасителя нашего, Христа Господа, какъ Онъ представляетъ нераздѣльное

единеніе, какое имѣютъ съ Нимъ святые, въ словахъ, сказанныхъ Имъ Апостоламъ: *Впрійте Мнѣ, яко Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ* (Іоан. 14, 11). *Азъ во Отца Мою, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (— — 20); еще: *не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя, да вси едино будутъ*. Желая же показать, какимъ образомъ совершается сіе единеніе, говорить далѣе: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ Насъ едино будутъ*. И чтобы это еще яснѣе стало, прибавляетъ: *и Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже и Мы едино есмы: Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино*. Немного же спустя говорить еще: *Отче, ихже далъ еси Мнѣ, хочу, да идѣже есмь Азъ, и тѣи будутъ со Мною, да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѣ*. Наконецъ: *да любви, юже Мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и Азъ въ нихъ* (Іоан. 17, 20—26). Видишь глубину таинства сего? Позналъ пребезпредѣльное преизобиліе преизобильной славы? Слышалъ о способѣ единенія, превосходящемъ всякое помышленіе и разумъ? Сколько дивно сіе, братіе! Сколь неизреченно снисхожденіе любви челоуѣколюбиваго Бога, какое имѣетъ Онъ къ намъ! Онъ даетъ обѣтованіе, что, если хотимъ, Онъ будетъ имѣть съ нами такое же единеніе по благодати, какое единеніе самъ Онъ имѣетъ со Отцемъ по естеству, что и мы такое же точно единеніе возымѣемъ съ Нимъ, если будемъ творить заповѣди Его. Что самъ Онъ имѣетъ ко Отцу по естеству, то самое даетъ Онъ имѣть и намъ къ Нему по благоволенію и благодати. О страшное обѣтованіе! Ту славу, которую далъ Отецъ Сыну, даетъ и намъ Сынъ по благодати. И, что всего превыше, — какъ есть Сынъ во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ, такъ и Сынъ Божій бываетъ въ насъ и мы въ Немъ по благодати, если восхощемъ. О, благодать несравненная! Та любовь, какою возлюбилъ

Богъ и Отецъ едиnorodнаго Сына своего и Бога нашего, та самая имѣетъ пребывать и въ насъ, — и самъ Сынъ Божій имѣетъ быть въ насъ. — И благословно. Ибо единожды содѣлавшись сроднымъ намъ по плоти, и насъ содѣлавъ причастниками Божества Своего, Онъ тѣмъ самымъ содѣлалъ насъ всѣхъ сродниками Своими. И другимъ способомъ (объясняя дѣло), — поелику Божество, сообщаемое намъ чрезъ общеніе съ Господомъ, есть несѣкомо и неотдѣлимо, то необходимо и намъ, сдѣлавшись воистину причастниками сего Божества, быть неотдѣлимыми отъ Христа, быть во единомъ духѣ единымъ тѣломъ. А что это такъ есть, какъ я говорю, послушай, что говорить св. Павелъ: *во Христѣ Иисусъ нѣсть рабъ, ни свободъ, нѣсть Иудей, ни Еллинъ, нѣсть варваръ, ни Скивъ, но всѣческая и во всѣхъ Христосъ* (Гал. 3, 28; Кол. 3, 11). Видишь, что не сказалъ онъ: всѣ хрістіане, но — всѣ единъ Христосъ, какъ единое тѣло изъ многихъ членовъ. Послушай еще, какъ онъ же открываетъ это въ другомъ мѣстѣ. Сказавъ, что *каждому дается явленіе Духа на пользу*, и перечисливъ разныя дарованія благодатныя, говоритъ потомъ: *вся же сія дѣйствуютъ единъ и тойже Духъ, раздѣляя властію коемуждо, якоже хочетъ*. И желая показать, что хотъ разныя силы Духа Святаго подаются святымъ членамъ Христовымъ, но въ онѣ составляютъ единое тѣло, присовокупляетъ: *якоже тѣло едино есть, и уди имать мнози, вси же уди единого тѣла, мнози суще, едино суть тѣло: тако и Христосъ. Ибо единъ Духомъ мы вси во едино тѣло крестихомся, аще Иудеи, аще Еллини, или раби, или свободни: и вси единъ Духомъ напоихомся. Ибо тѣло нѣсть единъ удъ, но мнози* (1 Кор. 12, 7 — 14). Какъ въ вѣчныхъ обитателяхъ Богъ каждому святому даетъ подобающую ему часть, какъ мы сказали прежде, такъ и въ тѣлѣ Церкви каждый причитається въ такой членъ Христовъ, какимъ

быть достоинъ. Это показываетъ опять тотъ же Апостолъ Павелъ и въ томъ же посланіи, говоря: *нынѣ же Богъ положи уды, единого когосждо ихъ въ тѣлеси, якоже изволи* (— — 18). Итакъ членовъ много, а тѣло одно. Желая же показать различіе сихъ членовъ, и какіе это члены, говоритъ онъ: *вы есте тѣло Христово, и уди отъ части. И оныхъ убо положи Богъ въ церкви перене Апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей, потомъ же силы, таже дарованія исцѣленій, заступленія, правленія, роди языковъ* (— 27. 28).

Видѣль теперь различіе членовъ Христовыхъ? Позналъ, какіе это члены? Послушай теперь о единеніи сихъ членовъ со Христомъ, и о томъ, какъ и св. Павелъ объясняетъ его согласно съ Господомъ. Господь нашъ сказалъ, что какое единеніе имѣетъ Онъ со Отцемъ, такое же единеніе имѣемъ и мы съ Нимъ. И Апостолъ Павелъ говоритъ, что мы имѣемъ со Христомъ такое же единеніе, какое единеніе имѣетъ мужъ съ женою своею и жена съ мужемъ своимъ. Именно онъ говоритъ: *жены, своимъ мужемъ повинуйтесь, якоже Господу: зане мужъ глава есть жены, якоже и Христосъ глава церкви, и Той есть Спаситель тѣла. И опять: мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби церковь, и Себе предаде за ню: да освятитъ ю, очистивъ банею водною въ глаголь, да представитъ ю Себѣ славному церкви, не имущу скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна. Немного ниже говоритъ опять: любяй свою жену (вникни, прошу, потщательнѣе въ смыслъ слова), себе самага любитъ. Никтоже бо когда свою плоть возненавидѣтъ, но питаетъ и грѣетъ ю, якоже и Господь церковь: зане уди есмы тѣла Его, отъ плоти Его, и отъ костей Его* (Еф. 5, 22—30). Видишь, какъ онъ показалъ намъ, что какъ Ева бысть отъ плоти и отъ костей Адама, и были они оба въ плоть едину, такъ

и Христось преподаеть намъ Себя самого, да будемъ причастниками плоти Его и костей Его,—каковыя показалъ Онъ Апостоламъ, когда по воскресеніи изъ мертвыхъ явился имъ и сказалъ: *осяжите Мя и видите, яко духъ плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща* (Лук. 24, 39). Сіа-то кости и сію-то плоть даетъ Онъ намъ вкушать въ пречистыхъ тайнахъ,—и симъ способомъ общенія дѣлаеть насъ едино съ самимъ Собою. И св. Павелъ, желая показать предивное единеніе, какое имѣемъ мы съ Богомъ, говоритъ послѣ приведенныхъ словъ: *сего ради оставитъ человекъ отца своего и мать, т.-е. ради Христа оставить человекъ кровное родство свое, и прильпится къ женѣ своей, т.-е. къ церкви, и будетъ два въ плоть едину, т.-е. въ плоть Христа и Бога.* А что слово Павлово именно такой имѣетъ смыслъ, а не мы посредствомъ своихъ умозаключеній придумаемъ его, сіе явствуетъ изъ словъ Апостола, которыя онъ говоритъ вслѣдъ за симъ: *тайна сіа велика есть: азъ же глаголю во Христа, и во церковь.* И воистину тайна сіа есть и пребудетъ великою, и превыше всего великаго. Какое единеніе, общеніе, освоеніе и сродненіе имѣетъ жена съ мужемъ и мужъ съ женою, такое же единеніе и сродненіе имѣетъ и Владыка нашъ и Творецъ всяческихъ со всею церковію, какъ съ единою женою, и бываетъ едино съ нею, и всегда нераздѣльно пребываетъ съ нею, какъ съ возлюбленною Ему. Но единеніе сіе бываетъ боголѣпно, какъ лѣпо есть Богу единиться съ церковію,—что и недомыслимо, и неизреченно. Опять и церковь единится съ любимымъ отъ нея Богомъ, и прилѣпляется къ Нему такъ, какъ тѣло прилѣплено къ своей головѣ. Ибо какъ тѣло не можетъ жить безъ своей головы, такъ и церковь,—собраніе вѣрующихъ, т.-е. сыновъ Божіихъ, на небесѣхъ написанныхъ, не можетъ быть цѣльнымъ и совершеннымъ тѣ-

домъ безъ главы своей, Христа Бога нашего, и не можетъ жить истинною и вѣчною жизнію, если не будетъ питаема отъ Него каждодневно насущнымъ хлѣбомъ, отъ коего пріемлютъ истинную жизнь всѣ любящіе Его, и растутъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Его. Поелику такимъ образомъ изъ сказаннаго явно, что всѣ святые, отъ начала міра бывшіе и имѣющіе быть до скончанія его, составляютъ единое тѣло со Христомъ и во Христѣ, т.-е. благодатию Христовою; то скажу теперь и о томъ, какимъ образомъ подобаетъ наполниться вышнему міру.

7. Но прошу, отверзите слухъ вашъ, и внемлите добрѣ, потому что слово наше будетъ о божественныхъ вещахъ. И во-первыхъ надобно намъ познать, какой это міръ, коему надлежитъ наполняться, и притомъ такъ, что если онъ не наполнится, то не придетъ и конецъ, по св. Григорію Богослову; во-вторыхъ, надо познать, какой это конецъ, о коемъ говоритъ онъ. Я полагаю, что міръ преукрашенный есть церковь Христова и весь человѣкъ, въ коемъ, какъ говоритъ Писаніе, обитаетъ и ходитъ Богъ (взято изъ: *вселюся въ нихъ и похожду*), и посылаетъ въ него свѣтлые лучи благодатныхъ даровъ Своихъ, яко солнце Сый правды. О церкви слышали мы выше, что она называется тѣломъ Христовымъ и невѣстою Его, какъ говоритъ невѣстоводитель ея св. Павелъ: *обручихъ васъ единому мужу дѣву чисту представить Христови* (2 Кор. 11, 2), — и пророкъ Давидъ: *предста царица одесную Тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна и преиспещрена* (Пс. 44, 10). Хотя слова сіи относятся ко Пресвятой Богородицѣ, но приличествуютъ и церкви Сына ея и Бога, какъ показываетъ слѣдующая за тѣмъ рѣчь: *приведутся Царю дѣвы* (т.-е. души) *въ слѣдъ ея, искреннія ея* (души) *приведутся Тебѣ: приведутся въ вселеніи и радованіи, введутся во храмъ Царевъ* (— — 15. 16). Храмъ сей, о коемъ здѣсь говорится, какой это,

полагаешь ты, есть, и какъ есть? Думаешь ли, что это есть другое какое обиталище, внѣ и кромѣ сего самаго Царя? Нѣтъ, не другое. Ибо какъ Христосъ есть глава церкви, такъ Онъ же Самъ есть опять и храмъ ея, какъ и церковь есть храмъ Христовъ, и міръ прекрасный, какъ явно изъ сказаннаго нами выше, — что впрочемъ надобно снова пересказать для лучшаго уясненія дѣла. — Господь нашъ Іисусъ Христосъ говорилъ ко Отцу Своему, въ слухъ Апостоловъ и всѣхъ вѣрующихъ: *не о сихъ молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя, да вси едино будутъ* (Ин. 17, 20). Какъ да будутъ едино? *Якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ Насъ едино будутъ* (— — 21). Видишь, какъ Онъ есть и Царь и храмъ всѣхъ спасаемыхъ? Познай же и то, какъ опять и всѣ вѣрующіе, т.-е. царица — Его церковь, и дѣвы, послѣдующія въ слѣдъ ея, т.-е. души вѣрныхъ, будутъ храмомъ и міромъ Царя и Бога. И познай сіе во-первыхъ отъ самого Царя Христа, Который говоритъ: *Азъ въ нихъ, и Ты, Отче, во Мнѣ, да будутъ совершени во едино* (—23). Потомъ познай сіе и отъ ученика Его, которъй говоритъ: *не въстѣ ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16)? Видишь, какъ слова Апостола согласны съ словами Владыки Христа? Эти апостольскія слова показываютъ, что Церковь есть храмъ, градъ, міръ Царя Бога. И вѣдай, что Богъ говорившій тогда чрезъ Пророковъ и Апостоловъ, Онъ же самый и теперь говоритъ чрезъ нихъ.

8. Поелику же церковь есть тѣло Христово, и невѣста Христова, и міръ вышній, и храмъ Божій, члены же тѣла сего суть всѣ святые, а между тѣмъ они не всѣ еще родились и благоугодными показали себя, то явно, что тѣло Христово еще не есть цѣлое вполне, что не наполнился еще и вышній міръ, т.-е. не весь еще сонмъ людей вошелъ въ церковь Божию. Но и доннѣ есть еще въ мірѣ много невѣрующихъ, которые имѣютъ увѣровать

во Христа, есть много грѣшниковъ, которые имѣютъ покаяться, есть много непокоривыхъ, которые имѣютъ покориться Христу; многіе еще имѣютъ родиться и благоугодить Богу, прежде чѣмъ вострубитъ послѣдняя труба. Итакъ надлежитъ родиться всѣмъ предувѣданнымъ отъ Бога и наполниться превысшему сего міра міру церкви первородныхъ, Іерусалиму небесному; и тогда совершится полнота тѣла Христова, принявъ въ себя всѣхъ предопредѣленныхъ отъ Бога быть сообразными образу Сына Его, кои суть сыны свѣта и дня. Таковые всѣ суть предопредѣленные и преднаписанные, и въ число спасенныхъ включенные и имѣютъ соединиться и сочетаться съ тѣломъ Христовымъ, которое тогда сдѣлается всецѣло полнымъ и совершеннымъ тѣломъ Христовымъ, и не будетъ уже у него ни одного недостатать члена. Такъ есть воистину, какъ открываетъ Апостоль Павелъ, говоря: *дондеже достигнемъ вси въ соединеніе въры...*, *въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (Еф. 4, 13). *Ихже бо предувѣдъ, тѣхъ и представи сообразныхъ быти образу Сына Его: а ихже предуставы, тѣхъ и призва; а ихже призва, тѣхъ и оправда: а ихже оправда, сихъ и прослави* (Рим. 8, 29. 30). Видишь, какъ всѣ святые предувѣдѣны и предопредѣлены. Послушай еще, какъ Апостоль говорить, что они еще и написаны на небсѣхъ: *приступисте къ Сионстѣй горѣ, и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ Ангеловъ, торжеству и церкви первородныхъ, на небсѣхъ написанныхъ* (Евр. 12, 22. 23). Если же они такимъ образомъ написаны, то явно, что и исчислены, какъ написано: *позна Господь сущія Своя* (2 Тим. 2, 19), и какъ говорится въ Евангеліи: *вамъ же и власи главни вси изочтени суть* (Мѡ. 10, 30). Если и власы главы нашей изочтены у Бога всевѣдущаго, не тѣмъ ли паче изочтены мы сами? Итакъ, поелику всѣ святые предувѣдѣны, предопредѣ-

лены и исчислены, какъ и написаны по имени на небесахъ, и поелику всѣ они суть члены Христовы, и имѣють быть всѣ едино тѣло Христово; то явно, что когда всѣ они собраны будутъ и составлять полное тѣло Христово, тогда и вышній міръ, Іерусалимъ небесный, который есть церковь первородныхъ, наполнится, и тѣло царицы Божіей, церкви, которая есть тѣло Христа Бога, явится всецѣло полнымъ и совершеннымъ. — Гдѣ теперь тѣ, которые въ суетѣ ума своего, на пагубу себѣ, выдумываютъ какія-то обители внѣ царства небеснаго? Гдѣ тѣ, которые говорятъ: не хотимъ войти въ царство небесное, потому что это много для насъ, но хотимъ быть въ какомъ-нибудь мѣстѣ упокоенія, — и этого достаточно для насъ? Всѣ отъ вѣка святые составлять единое тѣло Христово; гдѣ же инуды хотятъ быть эти, если окажутся недостойными быть въ тѣлѣ Христовомъ, и отсѣчены будутъ отъ него, какъ члены непотребные? Воистину *осустились они помысленіями своими и омрачилось неразумное ихъ сердце: глаголющеся быти мудры, обзюродьши* (Рим. 1, 21).

9. Посмотримъ, что это за бракъ таинственный? Св. Евангеліе говоритъ: *уподобися царствіе небесное человеку царю, иже сотвори браки сыну своему* (Матѣ. 22, 2). Кого здѣсь называетъ царемъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ? Никого иного, какъ самого Бога и Отца Своего. И для кого другаго сотворилъ Отецъ браки, кромѣ Единороднаго Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа? Какого же царя дочь благоволилъ Владыка всяческихъ и Господь избрать въ невѣсту Сыну Своему? Изъ насъ людей каждый, собираясь женить сына своего, со всѣмъ вниманіемъ высматриваетъ ему въ невѣсты дочь какого-нибудь болѣе знатнаго и болѣе богатаго, чѣмъ самъ онъ. Но Богъ кого найдетъ хоть бы сколько-нибудь равнымъ Себѣ, чтобъ дочь его взять въ невѣсты Сыну Своему? О семъ царѣ говорится у пророковъ, что Онъ есть *содержай кругъ земли, и живущая на ней*

аки пруги (Ис. 40, 22), *Богъ вѣчный, Богъ устроивый концы земли* (— 28), и на ничесомже утвердивый столпы ея (Іов. 38, 6), *призирай на землю и творяй ю трястися* (Пс. 103, 32). Итакъ такой царь чью дочь взялъ въ невѣсты и сотворилъ браки Сыну Своему? Узнаете, чью. Но безмѣрное снисхожденіе Божіе дѣлаетъ меня изступленнымъ. Хочу сказать и трепещу. Но опять воодушевляясь благодію Его, пріемлю смѣлость и говорю, что взялъ Онъ дочь человѣка, согрѣшившаго предъ Нимъ, сотворившаго блудъ и убійство, т.-е. взялъ въ невѣсты дочь блудника и убійцы. Видишь ли благодію и снисхожденіе неизреченное и несравненное? Видишь ли презѣльное человѣколюбіе? Видишь ли море любви и благодѣянія? Послѣ сего всякій, считающій себя великимъ, пусть научится изъ того, что я говорю, смиренномудрствовать и никого никогда не презирать, хотя бы онъ былъ царь, величайшій всѣхъ другихъ парей, или вельможа, знатнѣйшій всѣхъ другихъ вельможъ, или богачъ, богатѣйшій всѣхъ богачей. Пусть взираетъ онъ на Владыку и Господа всяческихъ, Святаго святыхъ, блаженного Бога и единого Вседержителя, живущаго во свѣтѣ неприступномъ и неизреченномъ, — на Него, говорю, пусть смотритъ, какъ Онъ снисзошелъ столь много, что благоволилъ взять дочь блудника и убійцы въ невѣсты Единородному Сыну Своему, невидимому, непостижимому, неизслѣдимому, Содѣтелю и Творцу всяческихъ, тебя ради и твоего ради спасенія. Но кто сей блудникъ и убійца, коего дочь избралъ Богъ въ невѣсты Ему? Давидъ, сынъ Іессеевъ, убившій Урію и соблудившій съ женою его. Его-то дочь, говорю, Марію, пренепорочную, чистую и пречистую Дѣву взялъ Онъ въ невѣсты. Я называю ее пренепорочною и пречистою, сравнивая ее съ нами человѣками, рабами ея; но сравнивая ее съ Женихомъ ея и Отцемъ Его, называю ее человѣкомъ, какъ и всѣ

люди, только святою и пресвятою паче всѣхъ людей, непорочною и чистѣйшею изъ всѣхъ родовъ.

Итакъ ее, Дѣву Марію, взявъ Онъ въ невѣсты, и сотвори браки Сыну Своему. Какимъ образомъ? Слушай повнимательнѣе. Отецъ Господа нашего Иисуса Христа послалъ съ высоты небесной одного изъ рабовъ Своихъ, Гавріила Архангела, сказать Дѣвѣ: радуйся! Онъ тотчасъ сошелъ на землю и содѣлался служителемъ таинства, говоря Дѣвѣ: радуйся, благодатная, Господь съ Тобою! И со словомъ симъ во утробу Дѣвы вошло все вѣчное, единосущное и совѣчное Отцу Слово Богъ, и чрезъ наитіе и содѣйствіе единосущнаго Ему Духа воспріяло плоть отъ непорочныхъ и чистыхъ кровей ея, содѣлавшись совершеннымъ человѣкомъ съ тѣломъ и душою. И се неизреченное сочетаніе! Се таинственный бракъ Божій! Такъ совершился новозавѣтный союзъ Бога съ человѣками: Онъ принявъ плоть и даровалъ Божество. Самъ пресущественный, преестественный, Богъ неслѣнно соединился съ тлѣннымъ и бѣднымъ естествомъ и существомъ нашимъ человѣческимъ. Зачала Дѣва, и предивно родила о двухъ естествахъ, божествѣ и человѣчествѣ, единаго Сына, совершеннаго Бога и совершеннаго человѣка, Господа нашего Иисуса Христа, Который ни дѣвства матери Своей не нарушилъ, ни отъ нѣдръ Отца Своего не отлучился.

Впрочемъ, руководясь словами святаго Евангелія, мы можемъ помыслить при семъ и сказать и иное нѣчто, что таинственно всегда бываетъ со всѣми сынами свѣта. Ибо по какой причинѣ не сказано: сотвори бракъ Сыну своему, а—*браки*? По какой? По той, что такой же точно бракъ бываетъ и съ каждымъ вѣрнымъ сыномъ дня. Богъ и съ нами сочетается пречистымъ и пренепорочнымъ бракомъ, и производитъ въ насъ нѣкое таинство, высшее всякой человѣческой силы. Что же такое есть это, про-

изводимое Имъ въ насъ? Послушай со вниманіемъ, да уразумѣешь. Послѣ того, какъ Сынъ Божій и Богъ, вошедъ во утробу Пресвятыя Дѣвы, и воспріявъ отъ Нея человѣческое естество, и содѣлавшись человѣкомъ, родился отъ Нея, какъ мы сказали, совершеннымъ человекомъ и совершеннымъ Богомъ, будучи одинъ и тотъ же и Богъ и человѣкъ неслиянно, — послѣ сего, коль скоро и мы человѣки вѣруемъ въ Сына Божія и Сына Приснодѣвы и Богородицы Маріи, и вѣруя приедемъ вѣрно въ сердца свои слово о семъ и устно сіе исповѣдуемъ, каюсь при семъ отъ всей души во всѣхъ прежнихъ грѣхахъ своихъ, тотчасъ сей Богъ Слово Отчее входитъ и въ насъ, какъ и во утробу Приснодѣвы: мы приедемъ Его, и Онъ бываетъ въ насъ, какъ сѣмя. Слыша о семъ страшномъ таинствѣ, ужасайся, но приеми слово о немъ съ вѣрою и убѣжденіемъ. Такъ зачинаемъ Его и мы, не тѣлесно, какъ зачала Дѣва и Богородица Марія, но духовно, одинаково существенно. Мы имѣемъ въ душахъ своихъ того самого, котораго зачала и пренепорочная Дѣва, какъ говорить божественный Павелъ: *Богъ рекій изъ тмы свѣту возсіати, иже возсія въ сердцахъ нашихъ, къ просвѣщенію разума славы Божіа о лицѣ Іисусъ Христовъ* (2 Кор. 4, 6). Это тоже есть, какъ бы онъ сказалъ: самъ Онъ весь существенно вошелъ въ насъ. А что такой смыслъ имѣетъ слово Апостола, это видно изъ слѣдующихъ за тѣмъ словъ: *имамы же сокровище сіе въ студельныхъ сосудныхъ* (— 7). Сокровищемъ называетъ онъ Сына Божія, въ Коего благодатию Св. Духа облекаемся и Коего имѣемъ въ сердцахъ своихъ. Такъ и мы, когда вѣруемъ отъ всей души, всеокрушенно каемся, зачинаемъ въ сердцахъ своихъ Бога Слово, какъ Дѣва, имѣя т.-е. и мы, души свои дѣвственными и чистыми. И какъ Пресвятыя Дѣвы не опалилъ огонь Божества, такъ какъ Она была пренепорочна, такъ и насъ не опа-

ляетъ онъ, когда имѣемъ сердца свои чистыми и непорочными, но бываетъ въ насъ небесною росою, источникомъ воды живыя, потокомъ жизни вѣчной. Что мы подобнымъ образомъ приедемъ непокровенный огонь Божества, объ этомъ послушай, какъ говоритъ самъ Господь: *огня придохъ воверещи на землю* (Лук. 12, 49). Какой это другой огонь, кромѣ единосущнаго по Божеству Духа, съ Коемъ вмѣстѣ входитъ въ насъ и созерцается и Сынъ со Отцемъ? Но поелику Сынъ Божій и Богъ воплотился уже однажды отъ Дѣвы и родился отъ Нея тѣлесно, паче слова и разума, и невозможно Ему опять воплощаться и раждаться тѣлесно въ каждомъ изъ насъ; то что Онъ творить? Ту самую пренепорочную плотъ, которую принявъ Онъ отъ пречистой Маріи Богородицы и въ коей отъ Нея родился, преподаетъ намъ въ таинствѣ, и вкушая ее мы имѣемъ внутрь себя, разумѣется каждый достойно причащающійся, всего воплощеннаго Бога и Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія и Сына Дѣвы, пренепорочныя Маріи, сѣдящаго одесную Бога и Отца, по слову Его же Самого: *ядый Мою плотъ и пійи Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Вселяясь же въ насъ, Онъ не познается сущимъ въ насъ тѣлесно, яко плодъ чрева, какъ былъ въ Пресвятой Дѣвѣ, но есть безтѣлесно въ насъ, и соединяется съ существомъ и естествомъ нашимъ неизреченно, и насъ обоготворяетъ, такъ какъ мы содѣлываемся сотѣлесниками Ему, бывая плотъ отъ плоти Его и отъ костей Его.

И сіе то есть великій плодъ неизреченнаго домостроительства и снисхожденія къ намъ Господа нашего! Сіе-то есть страшное таинство, о коемъ пишу трепеща! Но поелику Богъ хочетъ, чтобъ любовь Его къ намъ была явно представляема всѣмъ, дабы и мы иной разъ помыслили о великой Его благодати и устыдись возревновали и сами воспріять любовь къ Нему; то и я подвиг-

ся къ тому, чтобы письменно объявить вамъ о семь тайствѣхъ. Не то я доказываю, будто какой-нибудь чело-вѣкъ уподобляется Пресвятой Дѣвѣ, родившей Господа, по образу неизреченнаго рожденія Ея. Да не будетъ. Этому быть никакъ невозможно; потому что ино есть воплощенное рожденіе Бога Слова, бывшее отъ Пресвятыя Богородицы, и ино то, которое бываетъ духовно въ насъ. Въ томъ воплощенномъ рожденіи, въ коемъ Пресвятая Богородица родила Сына Божія и Бога воплощеннаго, совершилось таинство возсозданія рода человѣческаго и спасенія всего міра, которое есть Господь нашъ и Богъ Іисусъ Христосъ, соединившій въ Себѣ разстоящаяся естества — Бога и челоуѣка, и понесшій грѣхъ міра. А это духовное рожденіе совершаетъ въ насъ таинство обновленія душъ челоуѣческихъ, благодатію Святаго Духа соединяя и сочетавая насъ съ воплотившимся Сыномъ Божиимъ и Богомъ, чрезъ Коего мы *во чресть пріяхомъ, и поболѣхомъ и родихомъ духъ спасенія* (Ис. 26, 18). Возвѣщаю же я о семь для того, чтобы явно представить неизреченную любовь Божию къ намъ, и то, что если захотимъ, то и мы все, изъясненнымъ выше способомъ, можемъ содѣлаться матерію Іисуса Христа Господа и братьями Его, и подобными ученикамъ Его и Апостоламъ, не по достоинству оныхъ и не по трудамъ, какія подъяты ими въ проповѣди Евангелія, но по благодати Божіей, которую богато изливаетъ Онъ на вѣрующихъ въ Него и послѣдующихъ Ему, не возвращаясь вспять, какъ Самъ Христосъ всемъ явно возвѣщаетъ о семь, говоря: *Мати Моя и братія Моя сіи суть, слышащии слово Божіе, и творящии е* (Лук. 8, 21). Видишь, какъ Онъ всехъ, слышащихъ слово Его и творящихъ оное, возводитъ въ чинъ матери Своей и называетъ ихъ братьями и сродниками Своими? Но въ самой вещи матерію Его есть Пресвятая Богородица, неиз-

реченно родившая Его воплощеннымъ, а святые всѣ зачинають и имѣють Его въ душахъ своихъ по благодати. Отъ пренепорочной Матери Своей Онъ заимствовалъ пречистую плоть, а Ей даровалъ Божество вмѣсто плоти, которую Она дала Ему. О предивный и пречудный обмѣнъ! А отъ святыхъ не заимствуетъ Онъ плоти, но имъ преподаетъ собственную обоженную плоть. Помысли, сколь велика глубина сего таинства! Огнь Божества Спасителя нашего и Бога есть отъ существа и естества Отца, а плоть Его не оттуда есть, но отъ Пречистой и Пресвятой плоти Богородицы и отъ пречистыхъ Ея кровей. Отъ Нея принявъ Онъ плоть, сдѣлалъ ее своею и обожилъ, по слову Евангелія, которое гласитъ: *и Слово плоть бысть* (Іоан. 1, 14). И теперь преподаетъ сію плоть святымъ Своимъ — Онъ, Сынъ Бога и Отца и Пресвятая Богородица Маріи. Отъ естества и существа присносущнаго Отца Своего подаетъ Онъ имъ благодать Духа, т.-е. Божество, какъ говоритъ чрезъ пророка Іоіля: *и будетъ въ послѣдніа дни, излію отъ Духа Моего на всяку плоть* (Іоіл. 2, 28), т.-е. вѣрующую; и отъ существа и естества Матери Своей даетъ плоть, которую принявъ отъ Нея. И какъ *отъ исполненія Его*, т.-е. отъ Божества, мы *вси пріяхомъ* (Іоан. 1, 16), такъ всѣ причащаемся и пречистой плоти Его, которую принявъ Онъ отъ Матери Своей. И какъ Христосъ и Богъ нашъ содѣлался Ея Сыномъ и братомъ намъ; тамъ и мы, о неизреченное человеколюбіе, дѣлаемся сынами Богородицы, Матери Его, и братьями Его, Христа и Бога нашего. Отъ Нея и въ Ней непостижимо родился Сынъ Божій; а отъ Него родились и раждаются всѣ святые. Матерь Божія воспріяла, какъ сѣмя, Слово Бога и Отца, зачала и родила только Его одного, рожденного отъ Отца прежде всѣхъ вѣкъ и воплотившагося отъ Нея въ послѣдняя лѣта. Его только одного родила Она, а Онъ,

Сынъ Ея, каждый день раждаетъ тѣхъ, которые вѣрують въ Него и хранятъ заповѣди Его. Сѣмя смертнаго и тлѣннаго мужа раждало и раждаетъ отъ жены сыновъ тлѣнныхъ и смертныхъ; а безсмертное и нетлѣнное воплощенное Слово безсмертнаго и нетлѣннаго Бога раждало и раждаетъ всегда сыновъ безсмертныхъ и нетлѣнныхъ. Какъ самъ Онъ первый родился во Святомъ Духѣ отъ Пресвятыя Богородицы, а отъ Него всѣ святые, то Матерь Божія есть Матерь и всѣхъ святыхъ, Госпожа, Царица и Владычица, а всѣ святые суть Ея рабы, такъ какъ Она есть Матерь Божія. Суть они и Ея сыны, потому что причащаются причистой плоти Сына Ея. Слово сіе истинно; потому что плоть Господня есть плоть Богородицы. И когда причащаемся мы сей плоти Господа, обоженной, исповѣдуемъ и вѣруемъ, что причащаемся жизни вѣчной, кромѣ развѣ если вкушаемъ ее недостойно, на осужденіе себѣ самимъ. Такъ святые суть сродники Богородицы по тремъ причинамъ: первая та, что отъ тойже земли имѣють тѣло и отъ тогоже дуновения Божія душу; вторая та, что причащаются плоти, которую Христосъ пріялъ отъ Нея; третья та, что каждый изъ нихъ освященіемъ и благодатію нисходящаго на нихъ Духа воспріемлетъ и имѣетъ въ себѣ Бога всяческихъ, какъ и Пресвятая Богородица пріяла и имѣла Его въ себѣ самой. Ибо хотя Она родила Его тѣлесно; но несомнѣнно, что имѣла Его въ себѣ всего и духовно, имѣетъ Его и теперь всегда неотлучнымъ отъ Нея.

Вотъ таинство браковъ, кои сотворилъ Богъ и Отецъ равночестному, единосущному и соприсносущному едиnorodному Сыну Своему, и звалъ на него многихъ. Онъ послалъ рабовъ Своихъ звать званыхъ на браки, но они не хотѣли пойти. Кто же были эти посланные? Пророки. А кто позванные? Евреи. Они и тогда, и съ самаго начала были позваны, но не хотѣли слушать звавшихъ.

Тогда послалъ, говорить Евангеліе, Царь Отецъ другихъ рабовъ, говоря: *рцыте званымъ: се обѣдъ мой уготовалъ, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова: прїидите на браки. Они же небрегли отзидоша, овъ убо на село свое, овъ же на купли своя: прочїи же емие рабовъ его, досадѣша имъ и убиша ихъ* (Матѳ. 22, 4—6). Кого же называетъ здѣсь Господь вторыми рабами посланными? Св. Апостоловъ Своихъ. А обѣдъ какой это? Небесное царствіе, которое уготовалъ Богъ отъ сложенія міра для званыхъ и приходящихъ на него по собственному произволенію. Юнцами же и упитанными кого называетъ Онъ? Самого Сына Приснодѣвы и Бога, Который есть телецъ упитанный отъ сложенія міра, на сіе опредѣленный, на то т.-е., чтобъ быть приносиму въ жертву и быть снѣдаему. Онъ же есть и юнецъ, яко по силѣ Своей непобѣдимый. Названъ же Онъ здѣсь юнцами, во множественномъ числѣ, потому что святая плоть Его раздѣляется на многія частицы, изъ которыхъ каждая есть опять весь Христосъ. Онъ столько силенъ, что побѣждаетъ всѣхъ враговъ тѣхъ, кои причащаются Его, и имъ самимъ даетъ силу побѣждать міръ, и область чадами Божіими быти. Называется еще и единокѣтнымъ агнцемъ Онъ, всенепорочный Агнецъ Божій, яко всесовершеннѣйшій, каковымъ былъ. Онъ носить крестъ, какъ роги, которымъ (крестомъ) далъ Онъ и смертоносный ударъ врагу нашему діаволу, когда на немъ распяли Его и убили Евреи.

Другими рабами, какъ я сказалъ, называетъ здѣсь Господь святыхъ Апостоловъ, которыхъ послалъ Онъ созывать проповѣдію, заповѣдавъ имъ на путь языкъ не идти, и во градъ Самарянскій не входить, но идти паче къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, т.-е. къ Евреямъ; но они и Апостоловъ не приняли, а иныхъ изъ нихъ поносили и били, иныхъ же совѣмъ убивали, изъ числа

которыхъ есть и первомученикъ Стефанъ. *И слышавъ о семъ царь той, разгнѣвался, и пославъ вой своя, погуби убійцы оны, и градъ ихъ зажже* (— 7). Убійцами называетъ Господь нечестивыхъ Евреевъ, которыхъ Онъ побилъ, уничтожилъ и опустошилъ посредствомъ римскихъ воиновъ. Ибо и злые называются Божиими воинами, когда посылаются для наказанія другихъ злыхъ, какъ говоритъ пророкъ Давидъ: *посла на ня гнѣвъ ярости своея, ярость и гнѣвъ и скорбь, посланіе ангелы лютыми* (Псал. 77, 49). Тогда наконецъ глагола царь рабомъ своимъ: *бракъ убо готовъ есть, званіи же не быша достойни. Идите убо на исходища путей, и елицѣхъ аще обрѣцете, призовите на браки* (— 8. 9). Видишь ли послѣдовательность и порядокъ вещей? Видишь ли точность притчи?— Тогда глагола: когда это? Когда Евреи, позванные Апостолами въ царство небесное, не только не восхотѣли слушать ихъ, но поносили ихъ и убивали. Тогда уже послалъ Онъ ихъ во весь міръ, ко всѣмъ языкамъ. *И изшедше, говорить далѣе притча, раби они на распутіа, собираа всѣхъ, елицѣхъ обрѣтоша, злыхъ же и добрыхъ: и исполнися бракъ возлежащихъ* (— 10). Апостолы обошли всю вселенную, проповѣдуя слово Божіе, и собрали въ единство вѣры и боговѣдѣнія всѣхъ тѣхъ, которые послушались ихъ и которые были злы, но преложились отъ злыхъ дѣлъ своихъ и сдѣлались добрыми. *Вшедъ же царь видѣти возлежащихъ, видѣ ту челоувѣка необолчена во одѣяніе брачное: и глагола ему: друже, како вшелъ еси сѣмо, не имый одѣянія брачна? Онъ же умолча. Тогда рече царь слугамъ: связавше ему руцѣ и нозѣ, возмите его и вверзите во тму кромѣшную: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ. Мнози бо суть званіи, мало же избранныхъ* (— 11—14). Видишь, что говоритъ Господь? Что на браки собираются тѣ, кои предлагаются отъ зла и дѣлаются добрыми и добродѣтельными; тѣ же, которые

имѣють въ себѣ какое-либо лукавство или зло, хотя и входятъ на браки, но извергаются и изгоняются со стыдомъ ангелами, которые здѣсь называются слугами. Тѣ, которые остались сѣдящими за брачною трапезою, суть святые. Впрочемъ я знаю нѣкоторыхъ, которые думаютъ, что подѣ неимущимъ одѣянiя брачнаго должно здѣсь разумѣть тѣхъ, которые осквернили тѣла свои блудами, прелюбодѣянiями и убiйствами, но это не такъ. Всякій оскверненный какою бы ни было страстию и грѣховною склонностию, не имѣетъ одѣянiя брачнаго. И что это справедливо, послушай, что говоритъ св. Павелъ: *не лѣстите себе, ни блудницы, ни прелюбодѣи, ни малакiи, ни мужеложницы, ни лихоимцы* (которые называются и идолослужителями), *ни тати, ни пiяницы, ни досадители, ни хищницы*, (но скажу и отъ себя, ни тѣ, которые имѣють ненависть или зависть къ какому-либо брату), *царствiя Божiя не наследятъ* (1 Кор. 6, 9. 10), и не имѣють части и мѣста въ брачномъ торжествѣ Господа нашего Иисуса Христа. Видишь, какъ всякая страсть и всякій грѣхъ оскверняютъ одежду души нашей и изгоняють насъ изъ царства небеснаго?

10. Оставимъ же суетныя и безполезныя изысканiя и перестанемъ усиливаться узнать то, что выше силъ нашихъ, послѣдуя заповѣди Господа нашего Иисуса Христа, Который говоритъ: *испытайте писанiя* (Ин. 5, 39),—испытайте, а не увлекайтесь многою пытливостию и совопросничествомъ. Не вдавайтесь въ изысканiе того, что внѣ Божественныхъ Писанiй; но испытайте Писанiя, чтобъ познать все о вѣрѣ, любви и надеждѣ. О вѣрѣ,—чтобъ не влаться всякимъ вѣтромъ, т.-е. чтобъ не колебаться всякимъ чуждымъ еретическимъ ученiемъ, какъ свойственно людямъ неутвержденнымъ и непостояннымъ, но быть твердымъ въ правыхъ догматахъ церкви Апостольской и вселенской, и правильно мудрствовать о пред-

метахъ вѣры; и не это только, но чтобъ познать и научиться, какъ стяжать плодъ вѣры и то благо, которое происходитъ отъ нея чрезъ исполненіе заповѣдей Божиихъ. Когда обрѣтете вы плодъ вѣры, тогда стяжете и надежду твердую и непостыжающую, вмѣстѣ же съ нею стяжете и любовь къ Богу совершенную. Ибо ни одному человѣку невозможно стяжать совершенную любовь къ Богу иначе, какъ только вѣрою чистою и надеждою твердою и несомнѣнною.

Для чего же оставили мы испытывать и изслѣдовать самихъ себя по тѣмъ добродѣтелямъ, о коихъ мы сказали,—изслѣдовать, напримѣръ, имѣемъ ли мы такую вѣру въ Бога, какую имѣть заповѣдуетъ самъ Онъ, имѣющій судить насъ и требовать отъ насъ такой вѣры,—а пытаемся узнать то, что выше силъ нашихъ, мы не знающіе хорошо и того, что находится у насъ предъ глазами? Но какова есть та вѣра, которой требуетъ отъ насъ Богъ и которую имѣть въ Него обязаны всѣ мы? Овъ самъ открылъ намъ объ этомъ въ святомъ Евангеліи, говоря: *иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Ми* (Лк. 9, 23). *Аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и мать и жену, и чадъ и братію, и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лк. 14, 26). И опять: *иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю* (Мр. 8, 35),—и еще: *любяй душу свою, погубитъ ю: и ненавидяй души своя въ міръ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю* (Ин. 12, 25). Слышали, какіе признаки настоящей вѣры? Довольно ли же для васъ сказаннаго, или имѣете нужду, чтобы я напомнилъ вамъ и о другомъ нѣчемъ? Если желаете знать, что Богъ требуетъ отъ насъ такой вѣры, чтобъ мы совершенно никакого попеченія не имѣли о настоящей жизни, но

все упованіе относительно ея возлагали на Него единого; научитесь сему отъ самого Господа, Который явно возвѣщаетъ: *не пецѣйтесь глаголюще: что ямы, или что тѣмъ, или чимъ одждемся* (Мѡ. 6, 31). И мало-по-малу возводя насъ къ совершеннѣйшему, говоритъ: *аще ты кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему другую и хотящему судитися съ тобою и ризу твою взять, отпусти ему и срачицу* (Мѡ. 5, 39. 40). И отъ взимающаго твоя не истязуй (Лк. 6, 30). Желая же возвести насъ до крайней мѣры преизбыточества въ вѣрѣ, заповѣдуетъ намъ любить враговъ нашихъ, благословлять клянущихъ насъ, добро творить ненавидящимъ насъ и молиться за творящихъ намъ напасть (Мѡ. 5, 44). И другое многое заповѣдуетъ Онъ намъ дѣлать.

Всѣмъ этимъ въпервыхъ обнаруживается, какую вѣру должны мы имѣть въ Бога; а вовторыхъ обнаруживается, что тогда только слѣдуетъ намъ именоваться истинно вѣрными, когда исполняемъ заповѣди Его. Ибо безъ такихъ дѣлъ мертва вѣра наша, и мы еще мертвы. Испытай же, брате, себя самого добрѣ; и если найдешь, что ни въ чемъ сказанномъ не имѣешь недостатка, но все то творишь съ великимъ усердіемъ и теплымъ сердцемъ, то уразумѣешь тогда, что вмѣстѣ съ свѣтомъ вѣры имѣешь ты и непостыждающую надежду; не ту надежду, которая поражается самоуниженіемъ и тщеславіемъ въ погибающихъ, и каковой надежды прелести и лжи не можетъ познать никто изъ тѣхъ, которые питаютъ ее, но надежду, говорю, добрую, истинную, и которая бываетъ вмѣстѣ съ истиннымъ и необманивающимъ свѣтомъ вѣры, и поверхъ которой узришь ты возсѣдающую, какъ на Херувимахъ, любовь, которая есть Богъ. Когда обрѣтешь ты такимъ образомъ сію любовь и узришь ее, съ тѣхъ поръ и послѣ не захочешь уже много пытаться ни о чемъ будущемъ и невидимомъ, даже и другихъ будешь

заставлять не говорить ни о чемъ такомъ, станешь убѣждать ихъ не пытаться ни о чемъ изъ этого; и не заводить споровъ и состязаній о томъ, что имѣетъ быть въ другой жизни, поколику самъ ты изъ того своего опыта позналъ, что все будущее и невидимое неизъяснимо и недомыслимо. Если же ты не сдѣлалъ еще того, что можетъ тебѣ первому дать познать, что ты истинно вѣрный христіанинъ,—но по сличенію съ невѣрными, ты—вѣрный, а по сличенію съ вѣрными, совѣстію своею обличаешься, яко невѣрный,—и не имѣешь еще совершенной надежды и удостовѣренія, что имѣешь быть въ числѣ спасенныхъ, и не можешь говорить, какъ говорилъ св. Павелъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія* (2 Тим. 4, 7. 8): то, что пытаешь и спрашиваешь узнать, будутъ ли святые знать другъ друга въ царствіи небесномъ, когда прійдутъ въ созерцаніе Бога, Который выше всего, и будутъ зрѣть Его? Скажи мнѣ, какая тебѣ польза отъ этого изысканія? Желалъ бы я узнать отъ тебя, какую пользу получишь ты, неимѣющій части со Христомъ, но, какъ мы сказали, обличаемый совѣстію своею, что не сохранилъ заповѣдей Его, если узнаешь о покоѣ, славѣ, утѣшеніи и блаженномъ состояніи святыхъ, какого сподобятся они въ царствѣ небесномъ? Навѣрное никакой не получишь пользы, но больше еще навлечешь на себя осужденіе за то, что при всемъ томъ, что позналъ такіе высокіе предметы, презираешь ихъ и не хочешь отбросить. самомнѣніе и тщеславіе и стяжать смиреніе. Но спрошу тебя и еще, и ты мнѣ отвѣтъ спокойно и кротко; если, напримѣръ, какое-нибудь малое дитя, которое не узнало еще первыхъ буквъ азбуки, — если, говорю, такое дитя начнетъ спрашивать истолкованія того, что относится къ грам-

матикъ и реторикъ; то какой разумный человекъ согласится отвѣчать хоть однимъ словомъ на такіе неразумные вопросы, а не прогнать его скорѣе, какъ несмысленное, дѣтски мудрствующее и ищущее безъ толку то, что выше силъ его? Если же справедливо такъ поступить въ этомъ случаѣ, земномъ и ничтожномъ, не тѣмъ ли паче надлежитъ такъ поступить въ отношеніи къ тому, что выше слова, и разума, и всякаго чувства? Впрочемъ если кто и не выучится самъ читать, то ничего нѣтъ страннаго и дивнаго, если, слушая сочиненія, написанныя еллинами, будетъ понимать ихъ, какъ писанныя на его языкѣ, и о предметахъ, не превышающихъ его смысла: ибо слово еллиновъ—для вещей чувственныхъ, и сказанія ихъ суетны и о суетномъ. Но тѣ предметы, о которыхъ ты спрашиваешь, не таковы. Они суть таинства сокровенныя и недомыслимыя, какъ говоритъ Пророкъ Давидъ: *приклони небеса и сниде, и мракъ подъ ногами Его* (Пс. 17, 10). Какой это мракъ? Плоть Господа. Сошелъ Онъ и облекся плотію, какъ облакомъ примрачнымъ. Далѣе говоритъ Пророкъ: *и възде на Херувимы и летѣ: летѣ на крилу вътренью. И положи тму за кровъ Свой* (— — 11. 12).

Видишь ли, что пытаніе твое касается не простыхъ чувственныхъ вещей, но предметовъ божественныхъ, непостижимыхъ, которые не всякимъ удобно понимаются? Если самъ Господь положилъ тму покровомъ тайнъ Своихъ, и потребенъ нѣкій великій свѣтъ Всесвятаго Духа для уразумѣнія сокровенныхъ Его тайнъ; то ты, еще не сдѣлавшійся обиталищемъ сего свѣта, какъ пытаешь познать то, что познать силъ не имѣешь, какъ еще несовершенный и непросвѣщенный? Но чтобъ тебѣ не подумалось, что какъ ты сидишь во тьмѣ, такъ и Господь вошелъ во тму и скрылся (мракомъ покрылся), для того говоритъ еще св. Давидъ: *окрестъ Его селеніе Его*

(— — 12). Селеніе же это св. Павелъ называетъ свѣтомъ: *во свѣтъ живой неприступнѣмъ* (1 Тим. 6, 16). Впрочемъ оба они, и Пророкъ Давидъ и Апостоль Павелъ, когда, желая показать, что Божество Его непостижимо, говорятъ одинъ, что *окрестъ Его, селеніе Его*, а другой, что *Онъ живетъ во свѣтъ неприступнѣмъ*, не то показываютъ, будто Богъ какъ-нибудь ограничивается и описуется, но такое образное употребляютъ выраженіе для пытливыхъ, говоря какъ-бы имъ: о неразумные пытливыцы, не думайте, что Господь и Богъ нашъ, вознесшійся, вошелъ въ какую-либо тьму и сокрылся. Онъ всегда пребываетъ во славѣ Божества Своего, которая наполняетъ все и есть паче (пространнѣе) всего, въ каковой славѣ Онъ пребывалъ и прежде, чѣмъ произошло все; но да не погибнемъ мы въ конецъ отъ молніиныхъ блистаній Божества Его, положилъ Онъ тьму за кровь Свой, которая покрыла не Его, а насъ: ибо *Богъ нашъ*, говорить Писаніе, *есть огнь поядая* (Евр. 12, 29) не праведныхъ, но грѣшныхъ.

Такъ вотъ, возлюбленный, узналъ ты въ немногихъ словахъ божественныя и страшныя таинства вѣры нашей; узналъ, что Богъ сошелъ на землю и опять возшелъ на небеса и положилъ тьму за кровь Свой. Ибо не подобаетъ прежде будущаго суда Ему явлену быть намъ во славѣ Отца Его, т.-е., въ божественной; но подобаетъ сему быть тогда, когда восхощетъ Отецъ, Который опредѣлилъ тому время, состоящее въ Его власти. Если такимъ образомъ тайны царства небеснаго сокровенны и, по слову Господа, никому не дано знать ихъ, то для чего оставилъ ты дѣланіе заповѣдей Его и пытаешъ о тайнахъ, которыя сокрыты отъ всѣхъ людей? Ибо се слышишь Апостола Павла, который говорить о семъ: *око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце чело-вѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его*

(1 Кор. 2, 9). Но прежде вознесенія Своего на небеса и положенія тьмы за кровь Свой, Господь далъ намъ заповѣди, какъ нѣкоторыя орудія (мастерскіе инструменты), далъ и вѣру въ Него, какъ нѣкую художницу и мастерицу, чтобъ такимъ образомъ мы были обдѣлываемыми сосудами,—вѣру—художницею, а заповѣди—орудіями, посредствомъ которыхъ вѣра, или всехудожное Слово возсозидаетъ и обновляетъ насъ, когда являемся дѣлателями заповѣдей Его и дѣланіемъ ихъ очищаемся, и преуспѣвая въ семь, освѣщаемы бываемъ Святымъ Духомъ и получаемъ вѣдѣніе тайнъ царства небеснаго. И какъ ни орудія безъ художника, ни художникъ безъ орудій не могутъ сдѣлать никакого сосуда, такъ ни вѣра безъ дѣланія заповѣдей, ни дѣланіе заповѣдей безъ вѣры не обновляютъ и не возсозидаютъ насъ, или не дѣлаютъ новыми изъ ветхихъ. Когда же стяжеваемъ оба сіи сердцемъ неразвоеннымъ, т.-е. и вѣру и заповѣди, и дѣлаемся для Владыки Христа благопотребнымъ сосудомъ, гожимъ для пріятія духовнаго мѣра; тогда и Господь, положившій тьму за кровь Свой, обновляетъ въ насъ благодать Святаго Духа, дѣлаетъ насъ изъ ветхихъ новыми, возставляетъ живыми изъ мертвыхъ, разсѣиваетъ тьму, проводитъ умъ нашъ объ ону страну тьмы оной, и даетъ ему благодать приникать туда и какъ-бы въ малое нѣкое отверстіе узрѣвать тамъ столько свѣта, сколько видится его въ кругѣ солнца или луны. Такимъ созерцаніемъ онъ научается, или, лучше сказать, просвѣщается и съ убѣжденіемъ познаетъ, что вѣрующіе во Христа и особенно крещенные младенцами, и нечувствующие въ себѣ дѣйствія благодати Божіей, не могутъ возымѣть даже малой какой части въ неизреченныхъ благахъ Божіихъ инымъ способомъ, кромѣ какъ смиреніемъ сердца, несомнѣнною вѣрою и вседушнымъ произволеніемъ (посвятить себя на служеніе Богу), т.-е., не иначе, какъ если станутъ соблюдать всѣ заповѣди

Божіа, отвергнутся міра и всего, что въ мірѣ, вмѣстѣ и съ пожеланіями своими, охотно и съ радостію станутъ нести всѣ труды и претерпѣвать всѣ искушенія, которыя неизбѣжно испытывать на пути добродѣтели.

Ты же, прочитавшій сіе, изслѣдуй себя самого, не въ возношеніи лжеименнаго знанія внѣшней премудрости и не подѣ нагроможденіемъ суетныхъ помышленій, со страхомъ и трепетомъ. И если хочешь узнать, какова твоя жизнь и каково состояніе, спроси душу свою и скажи ей: душа, исполнила ли ты всѣ заповѣди Божіа, или нѣтъ? И она, открывъ уста совѣсти своей, непременно скажетъ тебѣ настоящую истину. Она не станетъ тебя стыдиться, но обличитъ тебя и покажетъ, какія сокровища заложилъ ты въ себя самого, добрыя или худыя. Въ свидѣтельствѣ совѣсти своей ты найдешь, любилъ ли ты міръ, или Бога предпочиталъ міру; искалъ ли ты славы человѣческой, или возжелѣвалъ славы Божіей; и скажу коротко, если всмотришься въ совѣсть свою и пересчитываешь тамъ все, какъ въ сундукъ какомъ, извлекаемая находящееся тамъ одно за другимъ, — то все узнаешь чисто-на-чисто. Ибо предположи въ умѣ своемъ, что въ сундукѣ совѣсти души твоей находятся—идолъчики славолубія и тщеславія, истуканчики челоуѣкоугодіа, сласти (конфекты) похвалъ челоуѣческихъ, наряды, притворства и лицемѣрія, сѣмя сребролюбія, и другія многія страсти, однѣ другими покрываемыя. Тогда, перебравъ и пересмотрѣвъ все сіе, ты долженъ будешь сознаться, что худыя набралъ ты себѣ сокровища. — Впрочемъ замѣтитъ при семъ понуждаюсь, что если поверхъ всего того находится у тебя киченіе и гордость (ибо, какъ говоритъ Апостоль Павелъ, *разумъ кичитъ*— 1 Кор. 8, 1), а съ киченіемъ неразлучно самомнѣніе, твердящее намъ, что мы значимъ нѣчто, когда есмы ничто,—если, говорю, эти страсти лежатъ у тебя поверхъ

всѣхъ, указанныхъ выше, то нѣтъ тебѣ возможности познать ни ихъ, ни тѣ, которыя подъ ними. И когда сталъ бы кто обличать тебя въ нихъ, ты смѣло отвѣтишь, что ничего такого не видишь въ себѣ, и сколько бы кто ни удостовѣрялъ тебя въ томъ, не повѣришь.

Скажи же мнѣ теперь, — если не вѣришь и не видишь, что на сердцѣ твоємъ лежитъ покровъ прикрывающій такія страсти, и ты естественно не имѣешь желанія снять этотъ покровъ съ сердца своего, чтобъ увидѣть страсти, которыя скрываетъ онъ подъ собою, и затѣмъ сокрушиться о несчастной душѣ своей, возподвизаться надъ очищеніемъ ея, промыть теплыми слезами умныя очи ея и лице, отринуть всякую мудрость и всякое знаніе вѣдшее, и послушавшись Апостола Павла, сдѣлаться буимъ для міра сего, чтобъ стать мудрымъ во Христѣ,—скажи мнѣ, если все сіе у тебя такъ есть, то какъ стану я возвѣщать тебѣ о Богѣ и божественныхъ вещахъ, сокровенныхъ и невидимыхъ, когда ты находишься въ состояніи такого неразумія и несмыслія? И самъ ты не осудишь ли меня за то, что я дѣлаю дѣло совсѣмъ неподходящее? Ты навѣрное будешь говорить самъ въ себѣ: поистинѣ этотъ человѣкъ безъ толку и смысла, что толкуеть мнѣ, не расположенному и не умѣющему слушать о таинствахъ, невидимыхъ и недомыслимыхъ не только для всякаго дыханія, сущаго подъ небесами, но и для всякаго творенія сущаго прее выше небесъ. Ибо если Ангелы не знали перваго пришествія Господня на землю, не знали, какого рода имѣло оно быть, или когда имѣлъ низойти Господь нашъ, чтобъ содѣлаться человѣкомъ; не тѣмъ ли паче невѣдомо для нихъ, когда имѣетъ быть второе Его пришествіе во славу, и каково оно будетъ, и каково то, что имѣетъ Онъ даровать тогда святымъ Своимъ? Что сказанное мною истинно, это подтверждаетъ божественный

Павель, говоря: *да скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ церковію многообразная премудрость Божія* (Еф. 3, 10). А о будущемъ пришествіи Своемъ Господь сказалъ, что тогда *силы небесныя подвижутся* (Матѣ. 24, 29), т.-е. Ангелы поражены будутъ изумленіемъ, увидѣвъ вдругъ то, чего дотолѣ и не воображали. Если такимъ образомъ силы небесныя не знаютъ, что тогда будетъ; то ты какъ смѣешь утверждать, что тогда святые, сподобясь лицезрѣнія Божія, не будутъ знать другъ друга въ царствіи небесномъ? И ты—другой, противорѣчащій первому и утверждающій, что тогда святые будутъ знать другъ друга, откуда узналъ это? О неразуміе! О неистовство и ослѣпленіе! Не ужасаетесь вы, человѣки? Не дрожите отъ страха?—Вы, обѣ стороны, будете осуждены праведнымъ и нелицепріятнымъ Судіею отъ словесъ вашихъ: тѣмъ, которые говорятъ, что святые тогда не будутъ видѣть и знать другъ друга, но всеми чувствами своими будутъ зрѣть единаго Бога, будучи соединены съ Нимъ всецѣло, Господь такъ скажетъ: о человѣки! Познали-ль вы Меня? Видѣли-ль свѣтъ Мой? Пріiali-ль Меня внутрь себя? Познали-ль дѣйствія Духа Моего самымъ искусомъ и опытомъ, или нѣтъ? И они,—я въ этомъ увѣренъ,—не посмѣютъ сказать: да, Владыко, мы видѣли Тебя и познали самымъ искусомъ дѣйствія Духа Твоего. Ибо если они скажутъ Ему это, то Онъ отвѣтитъ имъ: но если вы самымъ дѣломъ испытали все это, то какъ же говорите, что не будутъ знать другъ друга тѣ, которые во вѣки будутъ имѣть Меня живущимъ въ нихъ? Азъ есмь Богъ неложный, Богъ истинный, Богъ святой, обитающій во святыхъ Своихъ. Какъ обитаю въ нихъ? Какъ Я во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ, такъ и святые во Мнѣ и Я въ нихъ. Какъ Отецъ есть внутри Меня, и Я опять внутри Отца Моего: такъ Я буду обитателемъ внутри всехъ свя-

тыхъ, а святые будутъ обитателями внутри Меня.—Я во Отцѣ Моемъ и Отецъ во Мнѣ; и какъ знаетъ Меня Отецъ, такъ и Я знаю Отца, отсюда явно, что и святые знаютъ Меня, и Я знаю святыхъ, и что такимъ же образомъ святые знаютъ и будутъ знать другъ друга.

Впрочемъ, чтобъ это было явно для самыхъ безчувственныхныхъ, скажу еще, что будетъ обитать во всѣхъ святыхъ. Итакъ, когда откроются книги совѣсти каждаго человѣка; тогда если не найдется другое что въ сердцахъ и совѣстяхъ грѣшниковъ, то найдется само мнѣніе, или тщеславіе, или зависть, или другое что подобное; если же и не найдется ничего такого, то всячески найдется лѣность и нерадѣніе о дѣланіи заповѣдей Божіихъ, слѣдовательно недостатокъ любви къ Нему. За это омрачатся очи ихъ, чтобъ не видѣть, и будутъ они посрамлены, услышавъ: поелику не сотворили вы одной изъ заповѣдей Моихъ меньшихъ, и презрѣли ее, то Мнѣ не сотворили. Отойдите отъ Меня въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его (Мѣ. 25, 41. 45).— И опять, когда откроются книги совѣсти святыхъ, тогда возсіяетъ въ нихъ Христосъ и Богъ нашъ, обитающій теперь въ нихъ сокровенно, и святые сдѣлаются подобными Ему, Богу вышнему. Откуда это видно? Послушайте самого Христа Спасителя, Который говоритъ: *тогда праведники просвѣтятся, яко солнце* (Мѣ. 13, 43). О какомъ другомъ времени говорить сіе Онъ, если не о времени втораго пришествія Своего? И о какомъ другомъ солнцѣ, если не о Себѣ самомъ, именуемомъ Солнцемъ правды, возсіявающимъ и сіяющимъ во святыхъ Своихъ? Это же явно говоритъ и Іоаннъ наперсникъ Господень: *возлюбленніи, нынѣ чада Божія есмы, и не у явися, что будемъ: вѣмы же, яко, егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Іоан. 3, 2). И апостолъ Павелъ: *нынѣ разумно отчасти, тогда же познаю, якоже и по-*

знанъ быхъ (1 Кор. 13, 12). Если такимъ образомъ святыя будутъ подобны Богу и познають Бога столько, сколько знаетъ ихъ Богъ, и если какъ знаетъ Отецъ Сына и Сынъ Отца, такъ святыя будутъ видѣть и знать другъ друга, даже и тѣ, которые никогда не видали другъ друга въ мірѣ семъ, тамъ познають себя взаимно: то какъ не стыдитесь вы говорить и учить о томъ, чего не знаете, какъ будто разбогатѣвшіе даже такимъ знаніемъ, которое превышаетъ силы напѣи, и какъ будто отъ Бога поставленные учителя? Ибо какъ невозможно, чтобъ Отецъ не зналъ Сына, или Сынъ Отца, такъ невозможно, чтобы святыя, содѣлавшіеся богами по благодати, яко имѣющіе живущимъ въ себѣ Бога, не знали другъ друга; но они будутъ видѣть славу одинъ другаго, и каждый собственную свою славу, какъ и Сынъ видитъ славу Отца и Отецъ—Сына. Но какая это будетъ слава святыхъ?—Такая же, какъ и слава Сына Божія. Это самъ Онъ собственными устами открылъ, говоря: *и Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже и Мы едино есма* (Іоан. 17, 22). Видишь, что и та слава, которая прежде вѣковъ дана отъ Бога и Отца Сыну, та самая слава дана отъ Сына святымъ Его, и всѣ суть во едино?

Итакъ тѣ, которые говорятъ, что святыя не будутъ видѣть и знать другъ друга, когда сподобятся лицезрѣнія Божія, поистинѣ во тьмѣ ходятъ, еще не пришли въ общеніе съ Богомъ и не познали истинно Бога, но говорятъ и утверждаютъ то, чего не познали и въ созерцаніе чего никогда не приходили. Они говорятъ, что святыя будутъ находиться тогда какъ-бы въ экстазѣ, въ нѣкоемъ восхищеніи, какъ и здѣсь они иногда приходятъ въ такое божественное восхищеніе, и забудутъ и себя самихъ и всѣхъ другихъ, находящихся съ ними. И видно изъ такихъ словъ ихъ, что они худо понимаютъ Божественное Писаніе, когда полагають, что у святыхъ будетъ тогда

такое же измѣненіе и восхищеніе, какое бываетъ у нихъ и здѣсь. Слыша, что когда такой-то святой пришелъ въ созерцаніе Бога, то восхитился умъ его, и онъ столько и столько дней и ночей провелъ, совершенно не помня ничего земнаго, но вмѣстѣ со всѣмъ другимъ забылъ и собственное свое тѣло, пребывая пригвожденнымъ къ созерцанію оному всею душою и всѣми чувствами своими,—слыша, говорю, объ этомъ, они полагаютъ, что нѣчто подобное будетъ и въ другой жизни въ царствіи небесномъ, совершенно не понимая божественныхъ и духовныхъ вещей, и невидимыхъ таинствъ невидимаго Бога, недомыслимыхъ и недоступныхъ знанію непросвѣщенныхъ. Невѣдомо имъ, что такое восхищеніе ума бываетъ не у совершенныхъ, но у новоначальныхъ. Какъ родившійся въ мрачной темницѣ, освѣщаемой слабымъ свѣтомъ малаго свѣтильника, съ трудомъ и неясно видитъ находящееся въ темницѣ его, совсѣмъ не зная, что внѣ темницы той есть свѣтъ солнца и множество другихъ прекрасныхъ вещей и твореній Божіихъ, входящихъ въ составъ видимаго міра; такъ и находящійся еще въ мрачной темницѣ страстей и чувствъ міра сего, если бываетъ просвѣщенъ малымъ нѣкимъ вѣдѣніемъ (отъ Божественнаго Писанія), съ трудомъ, мало и темновато представляетъ таинства вѣры нашей, а о вѣчныхъ Божіихъ сокровищахъ, о томъ, каковы тѣ блага, которыми будутъ наслаждаться святые въ будущей жизни, совершенно никакого понятія не имѣетъ. И какъ находящійся въ темницѣ,—если среди многихъ проводимыхъ имъ тамъ лѣтъ, какъ-нибудь случайно откроется небольшая трещина въ кровлѣ темницы, и онъ внезапно увидитъ, сколько позволяетъ величина трещины, свѣтъ небесный, котораго никогда дотолѣ не видывалъ и не воображалъ,—вдругъ приходитъ въ изступленіе, и какъ-бы внѣ себя находясь, долгій часъ во всѣ глаза смотритъ вверхъ и дивится

внезапно открывшемуся ему зрѣлицу; такъ и тотъ, кто освободясь отъ узъ страстей и чувствъ, внезапно придетъ въ созерцаніе умнаго свѣта, вдругъ бываетъ пораженъ и объятъ удивленіемъ, и тѣми, которыми неизвѣстно такое состояніе, почитается вышедшимъ изъ себя, тогда какъ онъ весь сосредоточился въ себѣ умомъ, и изумляется этому свѣтлому видѣнію, котораго сподобился. И опять, какъ находящійся въ темницѣ,—если часто и каждочасно смотритъ въ отверстіе то, отъ долговременнаго пребыванія въ такой свѣтлости, привыкаетъ къ свѣту тому, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу умалется его первое великое изумленіе (какъ тоже самое имѣетъ мѣсто и въ насъ въ отношеніи къ солнцу: привыкли мы каждый день видѣть его и думаемъ, что оно — вещь не такая, чтобъ ему отдавать все вниманіе. Но если предположить, что мы, со времени рожденія доселѣ, никогда не видавши солнца, нынѣ только вдругъ увидѣли бы его предъ глазами своими, то конечно отъ великаго изумленія мы выпли бы изъ себя и стали безгласны), такъ и душа, мало-по-малу преуспѣвающая въ духовномъ и привыкающая къ умному свѣту, не поражается уже такъ сильно умнымъ свѣтомъ, какъ это было въ первый разъ; потому что по сему малому видимому ею свѣту заключаетъ, что есть и еще свѣтъ болѣе совершенный. И опять еще, какъ онъ, отъ рожденія заключенный въ темницѣ, по причинѣ малаго видимаго имъ свѣта начинаетъ, спустя долгое время, понимать, что дѣйствительно находится въ темницѣ, и что внѣ этой темницы есть дивныя нѣкія вещи, о которыхъ онъ не можетъ составить себѣ представленія, что они такое суть; но когда высвободится и выйдетъ изъ темницы, то видитъ и свѣтъ весь, и все находящееся въ этомъ свѣтѣ; такъ, полагай, бываетъ и съ человекомъ, который сначала немного вышелъ

изъ узъ плоти и сталъ внѣ этого міра и всѣхъ видимыхъ вещей.

Представь въ умѣ своемъ, что весь этотъ міръ есть мрачная, безсвѣтная темница, и что свѣтъ нашего солнца есть тоже, что свѣтъ малаго свѣтильника, который слабо освѣщаетъ всѣхъ находящихся въ этой темницѣ, а внѣ его—трѣпостасный свѣтъ, высшій всякаго свѣта, всякаго слова и разума, неизреченный, недомыслимый и неприступный, освѣщающій все такое, что невидимо, невѣдомо и неизяснимо для находящихся въ темницѣ міра сего. (Хотя есть нѣкоторые, которые думаютъ, что понимаютъ то и созерцаютъ, при помощи Божественныхъ Писаній; но есть и такіе,—и не большая ли часть такихъ, которые совсѣмъ не знаютъ, что кромѣ этихъ видимыхъ вещей есть невидимыя и непостижимыя).—Итакъ когда мы со всѣмъ рвеніемъ, со всею вѣрою и любовію взыщемъ не того, чтобы увидѣть тотъ свѣтъ, что внѣ сей темницы міра, и тѣ вещи, что находятся въ томъ свѣтѣ и о томъ мірѣ (ибо никто еще изъ взыскавшихъ таковое не сподобился и никогда не сподобится узрѣть то); но взыщемъ напередъ сохранить заповѣди Божіи, покаяться, сокрушиться и смириться: тогда откроется и для насъ, какъ-бы малое нѣкое отверстіе въ этомъ видимомъ кровѣ небесномъ, а чрезъ него покажется нѣсколько и невещественный оный и мысленный свѣтъ, сущій превыше небесъ,—который какъ только увидитъ душа, вся приходитъ въ восхищеніе, и стоитъ пораженная видѣніемъ сего новаго и преславнаго чуда, никогда невиданнаго ею дотолѣ; будучи же восхищена на небо, нудится пребыть тамъ, углубляясь мыслію въ недомыслимый оный свѣтъ, яко невечерній и непрестающій, и погружаться въ созерцаніе его день и ночь, и желанія уже не имѣетъ опять возвратиться въ темницу міра и смотрѣть на вещи, которыя въ немъ. И вотъ это-то со-

зерпаніе, какъ я сказалъ, есть созерцаніе новоначальныхъ, которые недавно вышли на подвигъ добродѣтелей. Но когда человѣкъ пребудетъ долгое время въ такомъ созерцаніи онаго свѣта, не возвращаясь вспять въ міръ, тогда отверзается ему небо ли, или око сердца его, т.-е. умъ,—не можетъ онъ того сказать опредѣленно,—отверзается, говорю, умъ ли паче, или небо,—и свѣтъ оный входитъ внутрь души его, свѣтъ пресвѣтлый и предивный, и просвѣщаетъ его соразмѣрно съ тѣмъ, сколько можетъ вмѣщать его человѣческое естество, или сколько онъ того достоинъ. Если онъ пребудетъ въ семъ свѣтѣ, то и свѣтъ сей пребудетъ въ немъ, которымъ будучи просвѣщаемъ, онъ будетъ узрѣвать и домыслять таинство за таинствомъ, и чудо за чудомъ, восходя отъ созерцанія къ созерцанію, что все еслибъ кто изъ таковыхъ восхотѣлъ описать, неостало бы ни бумаги, ни чернилъ, и времени, думаю, неостало бы изложить все подробно. Истиннѣе же сказать, какъ можно описать или пересказать то, чего нельзя выразить словомъ, какъ неизреченное и неизглаголанное? Находясь же въ семъ свѣтѣ, или, лучше сказать, съ симъ свѣтомъ, онъ не какъ въ изступленіи бываетъ, но видитъ и себя самого и то, что окрестъ его, т.-е., видитъ, въ какомъ состояніи самъ находится, и въ какомъ состояніи находятся другіе; также онъ предъзнаетъ и предсказываетъ, что когда выйдетъ изъ этой темницы міра и тѣла,—и особенно по воскресеніи, — тогда всеконечно увидитъ и невечерній оный свѣтъ, сколько возможно будетъ ему увидѣть его, и блага, сущія въ немъ, *ихже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Но поелику онъ узритъ ихъ такъ, какъ они суть уготованы отъ Бога любящимъ Его и ими воспринятымъ; то очевидно, что со вступленіемъ во свѣтъ оный мы не лишимся способности познавать и видѣть другъ друга, но вкусивъ

осіянія онаго и созерцанія свѣта онаго чистѣйшаго, какъ Бога будемъ знать и видѣть, такъ и другъ друга, въ чистѣйшемъ и неизреченномъ веселіи и радованіи во вѣки вѣковъ.

Итакъ тѣ, которые говорятъ, что святые въ будущемъ вѣкѣ не будутъ знать другъ друга, пусть изъ сказаннаго мною убѣдятся въ противномъ. Но еще лучше они сдѣлаютъ, если переставъ пытаться неиспытныя тайны, начнутъ самихъ себя испытывать, въ какомъ находятся состояніи. Вы же, которые совсѣмъ не знаете того, о чемъ я говорилъ, и не dospѣли въ чувство, искусъ и созерцаніе свѣта онаго, какъ не трепещете говорить и писать о такихъ тайнствахъ?

Если мы отдадимъ отчетъ за каждое праздное слово, то не тѣмъ ли паче будемъ осуждены и наказаны за такія слова? Праздное слово не есть только слово бесполезное; но празднымъ (*αργος* — недѣланнымъ) должно называть и такое слово, которое говоримъ, прежде чѣмъ дѣломъ сдѣлаемъ и искусомъ познаемъ то, о чемъ говоримъ. Если я, не презрѣвши славы міра сего и не отвергнувши ея отъ всей души, т. е. когда она губить душу мою и лишаетъ меня славы Божіей, — учу другихъ убѣгать ея, то не будетъ ли слово мое праздно, недѣлanno, пусто, и не буду ли осужденъ я, какъ лживый? И опять, если я, не пріивши съ сознаніемъ и чувствомъ умной благодати Святаго Духа, не сдѣлавшись наученнымъ отъ Бога чрезъ сію благодать и не сподобившись получить свыше слова премудрости и разума, безъ удержки устремлюсь истолковывать и изъяснять Божественныя Писанія и выступлю въ чинѣ учителя, вооруженъ будучи только одною внѣшней мудростію, то оставить ли Господь это безъ обличенія, не потребуетъ ли отчета въ семъ отъ меня? Конечно, не оставитъ этого такъ. И если угодно, то отъ низшаго и человѣческаго поучись божественному и небесному.

Кто, спрошу тебя, изъ людей, хотя бы онъ всѣхъ превосходилъ мудростію и разумомъ и вѣдѣніемъ законовъ, хотя бы былъ украшенъ всею праведностію и благочестіемъ, осмѣлится самъ собою сѣсть какъ судья между судьями, и, назвавъ себя властнымъ лицомъ, издавать законоположенія для другихъ? Если же и дерзнетъ кто на это, то не будетъ ли постыженъ отъ царя и наказанъ по всей строгости законовъ? Если же никто изъ здравыхъ умомъ, не дерзнетъ оказать такое неуваженіе къ земному царю и не посмѣетъ восхитить его честь и достоинство; то ты, человѣкъ, какъ осмѣливаешься презирать Царя небеснаго и дерзаешь восхищать себѣ учительское достоинство, безъ воли и желанія Его? И дѣлая это, думаешь ли, что Богъ оставитъ это безъ взысканія съ тебя? Нѣтъ, не оставитъ. Но, о Господи! даруй намъ божественную благодать Свою, да вѣдаемъ Тебя, и страхъ Твой спасительный да имѣемъ, и въ волѣ Твоей да пребываемъ, какъ подобаетъ. Васъ же, братіе, прошу, удержитесь отъ излишнихъ изысканій и споровъ, старайтесь же паче очистить себя отъ всякой скверны плоти и духа, покаяніемъ, слезами, смиреніемъ и исполненіемъ всѣхъ заповѣдей, да сподобитесь получить и настоящія и будущія блага—духовныя, въ откровеніи, чувствѣ и созерцаніи,—благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Нимже Отцу и Святому Духу, слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ШЕСТОЕ.

Черезъ возрожденіе въ божественномъ крещеніи души вѣрующихъ опять оживляются, и пріявъ Духа Святаго, какъ душу души, приносятъ плоды Духа жизни. Которые же плодоприносятъ зло, осуждаются вмѣстѣ съ некрещеными.

Окрещенный божественнымъ крещеніемъ называется

просвѣщеннымъ; а того, кто хотя увѣровалъ во Христа Господа и въ таинство воплощеннаго домостроительства Его, но еще пребываетъ въ чинѣ оглашенныхъ, ученики и учителя Евангелія Христова называютъ непросвѣщеннымъ, и творятъ о немъ общія молитвы, прося Господа огласить его словомъ истины вѣры во Христа и открыть ему Евангеліе правды; по какой причинѣ діаконъ и возглашаетъ въ церкви къ вѣрнымъ: вѣрніи о оглашенныхъ помолимся, и проч. Ибо оглашенный хотя увѣровалъ уже во Христа Господа, но вѣрнымъ еще не сдѣлался. Вѣрнымъ собственно называется уже тотъ, кому ввѣряется божественная благодать, и кто пріемлетъ ее; содѣлывается же онъ вѣрнымъ, когда бываетъ просвѣщенъ; а просвѣщенъ бываетъ, когда пріемлетъ божественное крещеніе. Ибо что слышалъ онъ, когда былъ оглашаемъ, въ томъ просвѣщается паче слова, пріемля, при троекратномъ погруженіи. Духа Святаго, и весь преисполняясь божественнымъ свѣтомъ. При томъ, содѣлываясь въ семъ таинствѣ причастникомъ смерти Христа Господа, онъ дѣлается причастникомъ и Его воскресенія, какъ говоритъ божественный Павелъ. И какъ Христось, воскресши, уже не умираетъ, смерть Имъ уже не обладаетъ; такъ и тотъ, кто вышелъ изъ купели богорожденія, т.-е. святаго крещенія, (которая животворить, или, лучше сказать, боготворить того, кто окрестился), не умираетъ болѣе душевною смертію, грѣхъ имъ болѣе не обладаетъ. Кто окрещенъ Духомъ Святымъ, тотъ еще отъ чрева матери своей, т.-е. святой купели, есть уже безсмертенъ; потому что душа его пріяла истинную жизнь, т.-е. благодать Святаго Духа, и онъ не можетъ болѣе согрѣшать, какъ рожденный отъ Бога. Св. апостолъ Павелъ говоритъ о семъ такъ: *о Немже и обрѣзани бисте обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіи тѣла грѣховнаго плоти, во*

обрѣзаніи Христовѣ, спогребшеся Ему крещеніемъ (Кол. 2, 11). *Сіе вѣдающе, яко ветхій нашъ человекъ съ Нимъ распялся, да упразднится тѣло грѣховное, яко ктому не работати намъ грѣху. Еже бо умре, грѣху умре единою; а еже живетъ, Богови живетъ. Такожде и вы помышляйте себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ* (Рим. 6, 6—12). *Елицы бо во Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся* (— 3). Такимъ образомъ, что для Христа Господа были крестъ и гробъ, то для насъ есть крещеніе; и какъ Христосъ умеръ плотію и воскресъ, такъ и мы умираемъ грѣху и воскресаемъ для добродѣтели силою Божіею: *да якоже воста Христосъ стѣ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни да ходимъ* (Рим. 6, 4). Итакъ хотя возможно, чтобы, по возрожденіи въ крещеніи, грѣшилъ и вѣрный; но если согрѣшитъ когда-либо вѣрный, то онъ (уже перестаетъ быть вѣрнымъ) изгоняется изъ Церкви и отлучается отъ общенія съ христіанами; и (если желаетъ снова войти въ нее) подвергается церковному наказанію, т.-е. исповѣданію грѣха, съ постыженіемъ, безчестіемъ, слезами и воздыханіями не о томъ только, что согрѣшилъ, но паче о томъ, что согрѣшивши, удалилъ отъ себя божественную благодать, котѣрая опять не такъ легко возвратится къ нему, какъ была дарована во св. крещеніи.

Два есть свѣтила свѣтящія намъ: Богъ—умное солнце, Который даетъ свѣтъ умнымъ очамъ души, да видитъ мысленно невидимую тварь,—и чувственное солнце, которое даетъ свѣтъ чувственнымъ очамъ, да видятъ тварь чувственную. Какъ никто не видитъ, какія мѣста ровны и какія неровны, какія дорожки чисты, и какія засорены, если не взойдетъ и не засвѣтитъ чувственное солнце; такъ никто не видитъ, гдѣ рвы грѣха и гдѣ ровныя стези правды, если не возсіяетъ ему умное Солнце. Итакъ, если най-

дется христiанинъ, который ходить стезями грѣха, или всѣми, или нѣкоторыми, то такой—не христiанинъ: ибо христiанинъ есть и именуется просвѣщеннымъ; всякій же, ходящій во свѣтѣ, видитъ рвы и стремнины (и не позволяетъ себѣ падать въ нихъ). Если же не видитъ ихъ и падаетъ, значитъ не имѣетъ свѣта; и потому, какъ же онъ будетъ христiанинъ? Если и говоритъ онъ, что видитъ, но грѣшитъ, будучи обольщаемъ діаволомъ, то лжетъ. Не видитъ онъ добрѣ; но видитъ, какъ видятъ и непросвѣщенные, т.-е. невѣрные. Ибо и они видятъ и различаютъ доброе и злое, и однакожь не уклоняются отъ злаго, потому что не видятъ чисто, что есть главнымъ образомъ добро, и что есть главнымъ образомъ зло. Итакъ христiанинъ, который не видитъ зла чисто, глазами не засоренными, еще не христiанинъ; и надлежитъ ему подвизаться, воздыханіями и слезами, постами и молитвами войти въ тотъ истинный и совершенный свѣтъ, который просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ. Христосъ Господь затѣмъ и пришелъ въ міръ, чтобы вѣрующимъ въ Него даровать очищеніе и избавленіе отъ грѣховъ. Очищеніе грѣховъ даруетъ Онъ чрезъ святое крещеніе, а избавленіе отъ грѣха даруетъ чрезъ святое причащеніе пречистаго тѣла и пречистой крови Своея. Ибо Самъ говоритъ: *ядый Мою плоть, и пійи Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ* (Іоан. 6, 56). Кто же пребываетъ со Христомъ, тотъ творитъ плоды добродѣтелей, а не плоды грѣха и беззаконія. Почему, кто послѣ крещенія и причащенія тѣла и крови Христовыхъ не приноситъ добрыхъ плодовъ, тотъ посядается, какъ безплодное дерево, и бросается въ огонь. Страшному подлежить осужденію не только тотъ, кто недостойно, при нечистотѣ плоти и духа, причащается тѣла и крови Господа (ибо дѣлается за сіе повиннымъ тѣлу и крови Господа); но и тотъ достойно осуждается

и наказуется, кто причащается безъ плода и пользы. По двумъ причинамъ осуждается таковой за свое безплодіе: первая та, что онъ это таинство, столь спасительное и благотворное, показываетъ бесплоднымъ и бесполезнымъ въ себѣ самомъ, не дѣлая ничего добраго (будто въ укоръ ему); вторая та, что причащается неблагодарно, такъ какъ послѣ того не являетъ никакого благодаренія Богу чрезъ исполненіе заповѣдей Его. Если Христосъ Господь не оставилъ ненаказанными тѣхъ, которые праздно произносятъ слово; не тѣмъ ли паче осудить Онъ того, кто столь великое таинство являетъ бесплоднымъ (*αργον* празднымъ) въ себѣ самомъ? Кто причащается тѣла и крови Христовыхъ, въ воспоминаніе Христа Господа, что Онъ умеръ и воскресъ нашего ради спасенія, тому надлежитъ не только быть чистымъ отъ всякой скверны плоти и духа, чтобъ не вкушать тѣла и не пить крови Господа въ осужденіе себѣ; но должно еще дѣломъ показать, что дѣйствительно воспоминаетъ Христа Господа, умершаго и воскресшаго за насъ, именно тѣмъ, чтобъ являть себя мертвымъ грѣху, міру и себѣ, и живымъ Богу о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ. Но кто послѣ причащенія не приноситъ добрыхъ плодовъ, а напротивъ творитъ грѣхи и неправды, тому мѣсто съ невѣрными, нечестивыми и некрещенными, какъ видно изъ словъ блаженнаго Павла: *колько горшій сподобится муки, иже Сына Божія поправый и кровь заветную скверну возмнивъ, еѹже освятится* (Евр. 10, 29). Видишь, что есть освященіе? Кто освященъ, тотъ приноситъ плоды Духа Святаго. Но кто вѣруетъ во Христа, и однакожъ еще обладаетъ страстями грѣховными, тотъ пусть послѣшитъ одуматься, и всякою возревновать ревностію освободиться отъ тиранства сихъ страстей, чтобъ потомъ начать приносить плоды добродѣтели. Ибо прежде надобно очистить

поле души отъ всѣхъ терній, и потомъ посѣять на немъ доброе сѣмя, чтобъ его приняла въ себя чистая и добрая земля и принесла обильные плоды. Если же не сдѣлаетъ онъ этого, но оставить тернія расти по прежнему и заглушать плодъ, то какого еще ждетъ онъ времени, чтобы совершить сие? Спѣши сдѣлать сие, пока есть день жизни; придетъ ночь смерти, когда никто уже не можетъ дѣлать. Намъ же да даруетъ Господь очиститься отъ всякой скверны душевной и тѣлесной и принести достойные плоды Духа Святаго, во Христѣ Иисусѣ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ СЕДЬМОЕ.

Не слѣдуетъ никому говорить, что въ нынѣшнее время невозможно всякому, кто захочетъ, взойти на верхъ добродѣтели и подражать древнимъ святымъ.

Каждый день слышу, какъ многіе христіане говорятъ, что еслибъ и мы были во времена Апостоловъ и сподобились видѣть Христа Господа, какъ они, то были бы святы и мы, какъ они. И не знаютъ они, что тотъ, кто говорилъ тогда во время Апостоловъ, Онъ же говоритъ и теперь во всемъ мірѣ. И не только это, но Онъ и въ дѣйствіяхъ Своихъ таковъ же есть и нынѣ, какъ былъ въ оное древнее время, какъ удостовѣрять Самъ, говоря, что какъ Отецъ всегда есть въ Сынѣ, такъ и Сынъ во Отцѣ, что какъ Отецъ Мой всегда дѣлаетъ, такъ и Я всегда дѣлаю. Но можетъ сказать кто, что совсѣмъ не одно и тоже видѣть самого Христа Господа тѣлесно, какъ тогда видѣли Его Апостолы, и слышать только словеса Его, какъ слышимъ мы теперь и отъ другихъ научаемся всему, что говорится въ евангеліяхъ о Христѣ и царствѣ Его. И я тоже говорю, что совсѣмъ неравно нынѣшнее тогдашнему, но что оно

несравненно больше того, и удобнѣе приводить насъ къ совершеннѣйшей вѣрѣ, нежели тогда, какъ видѣли Господа тѣлесно и слышали слово Его. Ибо тогда Господь нашъ являлся человѣкомъ простымъ, смиреннымъ и уничиженнымъ, какимъ и признавали Его неблагодарные іудеи, а теперь Онъ проповѣдуется намъ Богомъ истиннымъ. Тогда обращаясь съ людьми тѣлесно, тѣлъ Онъ съ мытарями и грѣшниками, а теперь сѣдитъ одесную Бога и Отца и питаетъ, какъ вѣруемъ, весь міръ, и не это только, но вѣруемъ и говоримъ, что безъ Него ничто не бываетъ. Тогда уничижали Его самые ничтожные люди, говоря: *не сей ли есть тектонъ, сынъ Маріинъ?* (Мр. 6, 3), а теперь поклоняются Ему цари и князи, какъ Сыну истиннаго Бога и Богу истинному, и Онъ прославлялъ и прославляетъ всѣхъ поклоняющихся Ему въ духѣ и истинѣ, хотя и наказываетъ иногда ихъ, если согрѣшаютъ, чтобъ сдѣлать ихъ изъ скудельныхъ и немощныхъ желѣзными и крѣпкими паче всѣхъ языкъ, сущихъ подъ небесемъ. Тогда почитали Его, какъ одного изъ людей, тлѣннымъ и смертнымъ, и было велико и дивно, если кто Его, когда Онъ, будучи Богомъ безвиднымъ и невидимымъ, неизмѣнно и непреложно принималъ зракъ раба чрезъ пріятіе тѣла человѣческаго и по всему былъ видимъ какъ человѣкъ, ничего не имѣющій особеннаго отъ всѣхъ другихъ людей,—ибо ѣлъ, пилъ, спалъ, утруждался, потѣлъ и дѣлалъ все человѣческое крогѣ грѣха; было, говорю, велико и дивно, если кто Его такового съ полною вѣрою признавалъ Творцемъ неба и земли и всего, что въ нихъ. Почему, когда Петръ исповѣдалъ: *Ты еси Сынъ Бога живаго*, то Владыка Христосъ ублажилъ его, говоря: *блаженъ еси Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, т.-е. чтобъ ты, увидя истину, сказалъ такъ, но Отецъ Мой, Иже на небесахъ* (Мѣ. 16, 16. 17). А нынѣ ничего въ

этомъ нѣтъ дивнаго, когда Господь Іисусъ проповѣдуется сущимъ во славѣ. Я даже полагаю, что кто нынѣ, слушая Христа, каждадневно възывающаго къ Нему во святыхъ евангеліяхъ и объявляющаго волю благоденнаго Отца Своего, не повинуется Ему со страхомъ и трепетомъ и не соблюдаетъ того, что Онъ ему заповѣдуетъ; тотъ, еслибъ и тогда былъ, видѣлъ самого Христа и слушалъ Его ученіе, не увѣровалъ бы въ Него, боюсь даже—не сталъ ли бы поносить и злословить Его.

Такъ говорятъ тѣ, которые болѣе оплотенѣли и огрубѣли умомъ; а что говорятъ люди болѣе ихъ благодѣтельные и почтенные? Эти говорятъ, что еслибъ мы жили во времена святыхъ отцевъ, то подвизались бы и мы. Ибо, смотря на добрую ихъ жизнь и подвиги, подражали бы имъ. А нынѣ обращаясь съ лѣнливыми и нерадивыми, и не-хотя сообразуемся съ ними и вмѣстѣ съ ними губимъ себя. Но и они, какъ вижу, не знаютъ, что мы находимся въ болѣе безопасной пристани, чѣмъ святые отцы. Тогда было много ересей, много лжехристовъ, много Христоторговцевъ, много лжеапостоловъ, много лжеучителей, которые, шатаясь по градамъ и весямъ, смѣло сѣяли плевелы лукаваго діавола и многихъ прельщали, опутывая ихъ хитрословесіемъ и увлекая въ пагубу души ихъ. Что это истинно, можете увидѣть изъ житій святаго Антонія, Евѣимія и Саввы. О св. Антоніи пишется, что когда настало гоненіе, то онъ, боясь, какъ бы кто изъ страха не отрекся отъ вѣры, вынужденъ былъ оставить пустыню и, вращаясь среди истязуемыхъ, воодушевлялъ ихъ своимъ присутствіемъ. Опять и о св. Евѣиміѣ и св. Саввѣ не написано развѣ, сколько они подвизались за вѣру и церковь противъ бывшихъ тогда ересей? И сколько монаховъ было тогда прельщено и увлечено еретиками? Также во время св. Стефана Новаго сколь тяжело и жестоко было гоненіе? Ка-

кая буря и какия волны возмущали тогда не монаховъ только, но и всѣхъ христіанъ? Когда же вспомню о томъ, что было прежде того, во время Василія Великаго, св. Іоанна Златоустаго и другихъ послѣ нихъ святыхъ, то окаиваю себя самого и скорблю о тѣхъ, которые, не подумавши обо всемъ этомъ, говорятъ приведенныя выше рѣчи. Не знаютъ они навѣрное, что все прошедшее время было гораздо хуже настоящаго, преисполнено бѣдъ и сѣтей лукаваго. То правда, что и теперь не мало еретиковъ, волковъ, аспидовъ и змій, вращающихся среди насъ; но они не имѣютъ власти явно нападать на насъ, а скрываются во мракѣ злобы и лукавства своего, и только тѣхъ, которые сами входятъ во тьму ихъ, восхищаютъ и пожираютъ. А тѣмъ, которые ходятъ во свѣтѣ Божественныхъ Писаній и шествуютъ путемъ заповѣдей Божіихъ, они и на встрѣчу выступить не дерзаютъ, и если завидятъ ихъ гдѣ-либо идущими, бѣгутъ отъ нихъ, какъ отъ огня.

Но о какихъ это еретикахъ, думаете вы, говорю я? Объ евноміанахъ? Или аріанахъ? Или духоборцахъ? Или савелліанахъ? Или аполинаристахъ. или діоскорянахъ?—Нѣтъ, не объ этихъ нечестивцахъ и безбожникахъ говорю я, и не о другомъ комъ изъ прочихъ еретиковъ, которые появлялись какъ тьма, но исчезли отъ блеска свѣтоносныхъ св. отцевъ, въ которыхъ обильно возсіяла благодать Св. Духа и разогнала тьму сказанныхъ ересей, и которыхъ богомудрыя писанія даже донынѣ свѣтятъ паче лучей солнца, и никто не дерзаетъ противорѣчить имъ. Но я говорю о тѣхъ еретикахъ, которые говорятъ, что въ нынѣшнія наши времена и среди насъ никого нѣтъ, кто могъ бы соблюсти заповѣди Евангелія и быть, какъ были святые отцы, во первыхъ, вѣрнымъ и дѣятельнымъ: ибо вѣра въ дѣлахъ обнаруживается, какъ въ зеркалѣ является подобіе лица;

а потомъ быть созерцательнымъ или Богозрителемъ, т.-е. зрѣть Бога, чрезъ просвѣщеніе отъ Духа Святаго, или пріявъ Духа, благодатію Его зрѣть Сына со Отцемъ. Такъ тѣ, которые почитаютъ это невозможнымъ, еретики и имѣютъ не одну какую-либо частную ересь, но, можно сказать, всѣ ереси; поколику эта ересь нечестіемъ и богохуленіемъ своимъ превосходитъ и затмеваетъ всѣ другія, и кто говоритъ такъ, низвращаетъ всѣ Божественныя Писанія. Мнѣ кажется, что такой тщесловесникъ говоритъ: тщетно нынѣ возглашается святое Евангеліе, тщетно читаются, или даже тщетно написаны творенія Василия Великаго и прочихъ святыхъ отцевъ нашихъ. Ибо если невозможно намъ сдѣлать и соблюсти, что говоритъ Богъ и всѣ святые, которые сперва творили то, а потомъ написали и намъ оставили въ наученіе, то для чего трудились они писать это тогда? Для чего и теперь читается то въ церквахъ? Не очевидно ли, что говорящіе такъ заключаютъ небо, которое отверзъ для насъ Христосъ Господь схожденіемъ Своимъ на землю, и преграждаютъ восхожденіе на небеса, которое обновилъ для насъ тотъ-же Христосъ Господь? Ибо когда сущій надъ всѣми Богъ, стоя горѣ какъ-бы во вратахъ неба, и призирая долу и зримъ бывая вѣрными христіанами, вызываетъ чрезъ святое Евангеліе: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѡ. 11, 28). эти богоборцы, или лучше сказать, антихристы вопягъ: невозможно это, невозможно. Таковыхъ самъ Владыка Христосъ велегласно обличаетъ, говоря: *горе вамъ книжницы и фарисеи лицемери, горе вамъ слѣпые вожди слѣпцевъ, яко затворяете царство небесное предъ человеки: вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити* (Мѡ. 23, 13. 24).

Господь явно ублажаетъ тѣхъ, которые плачутъ и проливаютъ слезы нынѣ, въ настоящей жизни; а эти гово-

рять: невозможно нынѣ плакать и проливать слезы каждый день. О безчувствіе! О уста бездверныя, испущающія нечестивые гласы противъ Бога всевышняго и Христа Іисуса Господа нашего и въ уста хищнаго волка, діавола, сталкивающіе овецъ Христовыхъ, за которыя пролилъ пречистую кровь Свою единородный Сынъ Божій! Поистинѣ добръ пророчествуетъ о таковыхъ Богоотецъ Давидъ: *сынове чловѣчестіи, зубы ихъ оружія и стрѣлы и языкъ ихъ мечъ остръ* (Пс. 56, 5). Скажи же мнѣ, человѣче, почему невозможно каждодневно плакать? А святые чѣмъ другимъ просіяли въ мірѣ и сдѣлались свѣтилами для него? Еслибъ это было невозможно, то и они не возмogli бы это справить; потому что и они были люди, какъ и мы, и ничего особеннаго предъ нами не имѣли, кромѣ добраго произволенія и ревности о всякомъ добрѣ, терпѣнія, смиренія и любви къ Богу. Такъ стяжи себѣ это и ты, и душа твоя, вмѣсто окаменѣлой и ожесточенной, сдѣлается источникомъ слезъ; если же не хочешь сокрушаться и воздыхать, то не говори по крайней мѣрѣ, что это дѣло невозможное. Говорящій такъ отрицается очищенія: ибо отъ вѣка неслыхано, чтобы безъ слезъ очистилась какая-либо душа, согрѣшившая послѣ крещенія: между тѣмъ какъ Богъ, богато дающій чрезъ святое крещеніе Духа Святаго, отъялъ тѣмъ всякую слезу отъ лица земли. Впрочемъ и во время св. крещенія, какъ читалъ я въ писаніяхъ св. отцевъ, нѣкоторые изъ крещаемыхъ въ зрѣломъ возрастѣ, въ сильное приходили сокрушеніе благодатію Св. Духа и проливали обильныя слезы, не горькія, но сладостныя, не съ трудомъ выжимаемыя, но безъ труда свободно ліющіяся и тихій покой вливающія въ сердце. Тѣ, которые сподобились дѣломъ испытать таковыя слезы, признають истиннымъ, что я сказалъ, и подтверждаютъ то, какъ подтверждаетъ свидѣтельство св. Григорія Богослова, ко-

торый, сказавъ: да приносить каждый изъ насъ одинъ то-то, другой то-то, и перечисливъ многое, наконецъ взываетъ: „всѣ же—слезы, всѣ чистоту, всѣ восхождение горѣ и простертіе въ предняя.“ Итакъ въ словахъ сихъ отдѣлили ли Богословъ иныхъ, чтобъ плакали, а иныхъ чтобъ не плакали? И о тѣхъ сказалъ, что имъ возможно, а объ этихъ, что имъ невозможно плакать? Или можетъ быть, какъ вы говорите, что есть такіе, которые естественно жестокосерды и не могутъ приходить въ сокрушеніе и плакать,—не говорить ли того же и Великій Григорій?—Да не будетъ. Неестественно чело-вѣку не плакать, не рыдать и не проливать слезъ; ни святой сей или другой кто изъ святыхъ не сказалъ такъ и не написалъ. А что всѣмъ чело-вѣкамъ естественно плакать, да научать тебя самые раждаемые младенцы, которые, какъ только выйдутъ изъ матерней утробы и спадутъ на землю, плачутъ и тѣмъ показываютъ, что они живы, а которые не плачутъ, подаютъ мысль, что они не живы. Отсюда видно, что какъ только родится чело-вѣкъ, имѣетъ уже естественно плачь и слезы. Это говаривалъ и св. отецъ нашъ Симеонъ Студитъ, что чело-вѣку должно съ плачемъ прожить всю настоящую жизнь, съ плачемъ и умереть, если хочетъ спастися и внити въ блаженную жизнь. Плачь, являющійся тотчасъ, какъ родится чело-вѣкъ, показываетъ, что слезы суть неотлучные спутники настоящей жизни. Какъ ястіе и питіе потребны для тѣла, такъ слезы потребны для души; такъ что если кто не плачетъ каждодневно,—не говорю каждочасно, да не отягчу,—явно показываетъ, что у него душа въ разстройствѣ и гибнетъ, какъ истощаемая гладомъ. Итакъ если, какъ доказано, плачь и слезы суть спутники чело-вѣческаго естества, то никто да не отрицается отъ сего естественнаго блага; никто да не лишаетъ себя сего блага, по лѣнности и нерадѣнію; никто да

не будетъ жестокосердъ по злобѣ и лукавству, и по гордости души, и да не попуститъ себѣ низпасть въ состояніе жестокости камня; но да ревнуеть всякъ, прошу васъ, со всѣмъ усердіемъ и тѣпаніемъ держать плачь и слезы, какъ заповѣдь Божію, и хранить ихъ со вниманіемъ въ сердцѣ своемъ, ограждая ихъ тамъ ницетою, смиреніемъ, простотою и незлобіемъ души, терпѣніемъ искушеній и непрестаннымъ поученіемъ въ Божественныхъ Писаніяхъ, каюсь всегда и воспоминаю свои прегрѣшенія,—и никто да не радить о семъ спасительномъ дѣланіи плача. Если же кто вознехочитъ о семъ, разлѣнясь и отчаясь во спасеніи своемъ, пусть не говоритъ по крайней мѣрѣ, что это невозможно и для тѣхъ, которые ревнивы и тщательны. Говорящій такъ заключаетъ врата царства небеснаго: ибо кто говоритъ, что невозможно плакать и сокрушаться, тотъ явно тѣмъ утверждаетъ, что невозможно и очиститься, а безъ очищенія никто не спасается, никто не ублажается Господомъ, никто не узритъ Бога.

Если же таковы бываютъ послѣдствія для тѣхъ, которые не плачутъ по заповѣди Господа; то какъ же, скажи мнѣ, эта ересь не будетъ худшею всѣхъ другихъ ересей? Но кромѣ того, изъ такого мудрованія слѣдуетъ еще, что и самое воплощенное домостроительство Божіе совершенно напрасно и безъ пользы, и проповѣдь апостоловъ бесплодна и бесполезна, и оглашенія и поученія святыхъ отцевъ, всегда подвигающія насъ къ плачу, тоже по ихнему напрасны. Для тѣхъ, которые такъ мудрствуютъ, все Божественное Писаніе, какъ вижу, стало бесполезно. Заткнули они уши свои и стали глухи, какъ аспиды, и все спасеніе свое, какъ думаю, полагаютъ въ одной внѣшней и видимой чинности христіанской, а которые изъ нихъ іереи и монахи,—въ черныхъ рясахъ и камилавкахъ, или даже въ большихъ бородахъ и длинныхъ волосахъ. Величаясь такимъ благообразіемъ, они дерзають

ставить себя и въ число спасенныхъ. Но пусть дерзають, пусть и утѣшаются всѣмъ этимъ, какъ и образомъ своего мудрованія. Нагими предстанемъ мы судишу Христову, *да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10). Такъ каждый день велегласно взываетъ къ намъ Божественное Писаніе, хотя они и не хотятъ это слышать. Если же наги предстанемъ мы судишу Христову, то гдѣ тогда будутъ эти облаченія, какими покрываемъ мы теперь и украшаемъ тѣла свои? Гдѣ - эти блестящія рясы? Гдѣ изящныя камилавки? Гдѣ щегольскіе сапоги? Гдѣ разукрашенные пояса? Гдѣ величавыя выступанія? Гдѣ изысканныя привѣтствія? Гдѣ преждевозлежанія на сборищахъ? Гдѣ многорасходныя трапезы? Гдѣ тщеславіе наше, гордыня и властолюбіе? Гдѣ пространныя келліи, убранныя будто покои новобрачныхъ? Гдѣ неукротимые безчинные смѣхи, безвременныя бесѣды и празднословіе? Гдѣ святыня наша, какъ величаютъ насъ и какъ любимъ мы быть величаемы? Гдѣ льстеды, которые величаютъ насъ святыми (говоря: отче святой), и стопы ногъ нашихъ возмущаютъ? Гдѣ чины, изъ-за которыхъ рвемся мы опереживать другъ друга? Гдѣ хвастовство родствомъ и знакомствомъ съ властями? Гдѣ слава мірская и украшеніе титуломъ мудреца вѣка сего? Гдѣ риторскій языкъ, изъ котораго какъ изъ источника течетъ цвѣтистая рѣчь? Гдѣ тогда, или лучше сказать, гдѣ теперь мудрецъ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего, чтобъ сѣсть намъ вмѣстѣ и посовѣщаться о томъ страшномъ днѣ и часѣ, все разслѣдовать и разсудить и съ самими собою и съ Божественнымъ Писаніемъ, чтобъ навѣрное опредѣлить, что можетъ помочь намъ тогда, и затѣмъ взяться дѣлать то со всѣмъ усердіемъ и ревностію?

Поистинѣ, братія мои возлюбленные, великая нужда и тѣснота, великій страхъ и трепетъ обыметъ въ тотъ

часъ тѣхъ, которые, подобно мнѣ, бываютъ здѣсь нерадивы и безпечны. Но блаженъ и треблаженъ тотъ, кто теперь считаетъ себя низшимъ всякой твари, смиряется и сокрушается, плачетъ и рыдаетъ дни и ночи предъ Богомъ, потому что онъ въ благоукрашеніи станетъ одесную Его. Блаженъ и тотъ, кто услышавъ о всемъ этомъ, не воздыхать только будетъ, отлагая между тѣмъ исправленіе съ нынѣ на завтра и продолжая бесполезно проводить время жизни своей, но какъ только услышитъ Господа призывающаго: покайтесь, тотчасъ полагаетъ начало покаянію. Ибо такой срѣтитъ милость, какъ послушный и благодарный рабъ, и не будетъ осужденъ съ непокорными; но въ настоящей жизни получить прощеніе во грѣхахъ, и облекшись силою благодати, преподѣлитъ всѣ страсти и преусиѣтъ во всякой добродѣтели, а въ будущемъ вѣкѣ сподобится неизреченныхъ благъ вмѣстѣ съ благоугождавшими Богу всегда,—которыя улучшить и всѣмъ намъ буди благодатию Господа нашего Іисуса Христа, съ Коемъ Отцу и Святому Духу держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ОСЬМОЕ.

Никто да не дерзаетъ думать, что возможно спастись одною вѣрою, безъ дѣланія добрыхъ дѣлъ.

Если желаемъ, братія мои возлюбленные, улучшить царствіе Божіе, то надлежитъ намъ имѣть къ тому всякое вниманіе и тщаніе, всякую ревность и подвигъ, и никакъ не думать, что для того, чтобы спастись, достаточно намъ лишь вѣровать въ истиннаго Бога и быть православными христіанами, приводя въ оправданіе такого мнѣнія сказанное Господомъ слово: *уже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ; а уже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мр. 16, 16). Напротивъ сего-то ради наипаче

и должно намъ подризаться и ревновать о томъ, чтобы ходить достойно званія, въ которое призваны, какъ говорить Апостоль Павелъ, т.-е. дѣлать дѣла достойныя Христа, отъ Коего получили имя и называемся христианами, зная, что большее получимъ осужденіе, если не смотря на такое наименованіе будемъ жить въ лѣности и нерадѣніи. Посему не думай, брате мой, что спасешся съ одною вѣрою. *Какъ польза, еще вѣру кто глаголетъ имѣти, дѣлъ же не имать? Еда вѣра можетъ спасти его?* учить св. апостоль Іаковъ (2, 14). Послушай, что и самъ Господь говорить: *Не всякъ глаголюй Ми: Господи, Господи, увидетъ въ царствіе небесное: но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесахъ* (Мѡ. 7, 21). Тоже внушаетъ и божественный Павелъ, говоря: *Боги исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его, мерзцы суще и непокориви, и на всякое дѣло благое неискусни* (Тит. 1, 16). Видишь, возлюбленный, какъ невозможно спастись кому-либо съ одною вѣрою безъ дѣлъ? Еслибы спасались одною только вѣрою, то всѣ бы люди спаслись и никто изъ насъ не погибъ бы; потому что нѣтъ человѣка, который бы не вѣровалъ, что есть Богъ. Даже и злые демоны вѣруютъ, что есть Богъ. Слушай, что сами они говорятъ: *вѣмъ Тя, кто еси, Святѣй Божій* (Мр. 1, 24). И опять въ другомъ мѣстѣ говорили нѣкъ о Апостолахъ: *сѣи челоуѣцы раби Бога Вышнѣго сущѣ, иже возвъщаютъ путь спасенія* (Дѣян. 16, 17). Видишь, что и бѣсы вѣруютъ, что есть Богъ? И однакожь эти вѣрующіе, что есть Богъ, осуждены въ геенну огненную за злыя дѣла свои. Итакъ, добра есть вѣра, если стяжешъ и дѣла. Иначе, какъ тѣло безъ души бываетъ недвижимо и недѣйствительно, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва есть. И послушай, что послѣ приведенныхъ выше словъ, — *какая польза челоуѣку, еще вѣру глаголетъ кто имѣти, дѣлъ же не имать? Еда можетъ вѣра спасти его?* — говорить

св. Іаковъ, братъ Божій: *аще братъ или сестра наши будутъ и лишени будутъ дневныя пищи, речетъ же имъ кто отъ васъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и насыщайтесь: не дастъ же имъ требованія тѣлеснаго: каѣ польза? Такжеже и въра, аще дѣлъ не имать, жертва есть о себѣ. Покажи ми вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ, и азъ тебѣ покажу отъ дѣлъ моихъ вѣру мою* (Іак. 2, 14—18).

Слыша сіе, брате мой, оставь великое нерадѣніе свое и попейсѣ съ вѣрою имѣть и дѣла. Кто имѣетъ вѣру вмѣстѣ съ дѣлами, тотъ лучше даже того, кто творитъ знаменія и чудеса. Ибо какая прибыль и какаѣ польза отъ чудесъ и знаменій для творящаго ихъ, если онъ изгнанъ будетъ изъ царствія небеснаго и наслѣдуетъ геенну съ огнемъ неугасимымъ? Развѣ творящій знаменія можетъ спастися ради только знаменій сихъ и исцѣленій, если не имѣетъ дѣлъ, дѣлающихъ его праведнымъ? Никакъ. И слушай, что говорятъ Господь: *мнози рекуть Мнѣ во онъ день: Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? И тогда исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ: отгидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. 7, 22, 23). Видишь, что и тѣ, которые творятъ знаменія и имѣютъ даръ пророчества, никакой отъ того не получаютъ пользы безъ дѣлъ?

Кто истинно вѣруетъ, тотъ не станетъ собирать деньги, ибо увѣренъ, что Богъ не оставляетъ безъ промышленія вѣрующихъ въ Него, но имѣетъ о нихъ попеченіе, какъ сказалъ Господь: *вѣсть Отецъ Мой небесный, яко требуете сихъ всѣхъ. Ищите же прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѳ. 6, 32, 33). Кто вѣруетъ, тотъ раздаетъ деньги свои бѣднымъ, ибо увѣренъ, что сторицею за то приметъ и животъ вѣчный наслѣдуетъ. Вотъ послушай, что говорится о тѣхъ, которые вѣруютъ истинно: *вси вѣровавшии бяху купити, и*

имяху еся обща: и стяжанія и имѣнія продаяху, и раздаяху вѣмъ, егоже аще кто требоваше (Дѣян. 2, 44. 45). И еще: елицы господіе селомъ или домовомъ бяху, продающе приношаху цѣны продаемыхъ. И полагаху при ногахъ Апостолъ: дающимъ же коуждо, егоже аще кто требоваше (Дѣян. 4, 34. 35).

Кто вѣруетъ, тотъ не гордится, но, подражая Господу, притрудно взыскиваетъ смиренія, какъ и Господь. Кто вѣруетъ, тотъ не смѣется, но рыдаетъ и плачетъ о грѣхахъ своихъ: ибо слышитъ, что смѣющіеся въ этой жизни будутъ плакать и рыдать въ будущей. Тѣ, которые вѣруютъ, не бывають гнѣвливы и вздорны, но хранятъ кротость, подражая Господу, Который говоритъ: *научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ (Мѡ. 11, 29).* Почему и ублажаетъ таковыхъ, говоря: *блажени кротцыи: яко тѣмъ наследятъ землю (Мѡ. 5, 5).* Который вѣруетъ, тотъ ненавидитъ неправду и любитъ правду, потому что Богъ возлюбилъ правду и возненавидѣлъ неправду (Пс 44, 8), и потому что, какъ написано, *любый неправду ненавидитъ свою душу (Пс. 10, 5).* Которые вѣруютъ, тѣ не только сами не ссорятся между собою, но умиротворяютъ и тѣхъ, которые разсорируются, подражая Господу; потому что и Онъ тоже сдѣлалъ, когда насъ, враговъ сущихъ, примирилъ съ единосущнымъ Отцемъ Своимъ (Кол. 1, 21). Вѣрующій безъ роптанія переноситъ всякое искушеніе, будучи увѣренъ, что за такое терпѣніе получить вѣнецъ нетлѣнный, какъ говоритъ Апостолъ Іаковъ, братъ Господень: *блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе, зане искушенъ бывъ приметъ вѣнецъ жизни, егоже обѣща Богъ любящимъ Его. (1, 12).*

Который вѣруетъ, тотъ не гнѣвается, но долготерпитъ, соблюдая заповѣдь Господа, Который повелѣваетъ *совсѣмъ не гнѣваться (Мѡ. 5, 22).* Кто вѣруетъ, тотъ

соблюдаетъ цѣломудріе и не оскверняетъ себя ни блудомъ, ни предлюбодѣніемъ, ни другими нечистотами, но хранитъ чистоту и цѣломудріе: ибо увѣренъ, что оскверняющіе тѣла свои не спасутся, какъ написано: *блудниковъ же и предлюбодѣвъ судитъ Богъ* (Евр. 13, 4). Вѣрующій не противится брату, но всѣмъ служитъ, и не ропщетъ, а пребываетъ въ терпѣніи Божіемъ, вѣруя, что тѣмъ большую получить награду, какъ говорить и Господь: *иже хочетъ въ васъ вѣнчанный быти, да будетъ вамъ слуга: и иже хочетъ въ васъ быти первый, буди всѣмъ рабъ* (Мѣ 20, 26. 27). Кто вѣруетъ, тотъ не клятвопреступничаеъ и совсѣмъ никакой не произноситъ клятвы устами своими, повинаясь Господу. Который сказалъ: *Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко* (Матѣ. 5, 34). Кто вѣруетъ, тотъ не бываетъ лѣнивъ на молитвы, и не нерадитъ о службахъ церковныхъ, но всегда себѣ внимаетъ и молится непрестанно. Вѣрующій никого не осуждаетъ, вѣруя, что мы всѣ—въ епитиміяхъ, что всѣхъ имѣетъ судить Богъ, и что каковымъ судомъ кто судитъ другихъ, таковымъ и самъ будетъ судимъ.

Кто вѣруетъ, тотъ не идетъ широкимъ и просторнымъ путемъ, ведущимъ въ пагубу тѣхъ, которые имъ идутъ, но идетъ путемъ тѣснымъ и прискорбнымъ, вѣруя, что поскорбѣвши на немъ немного, будетъ вѣчно радоваться съ Господомъ и всѣми святыми. Вѣрующій не любитъ міра, ни вещей мірскихъ, ни родителей или братій, ни жены или дѣтей, ни другаго чего, но любитъ единого Господа, и взявши крестъ Его, послѣдуетъ Ему. Кто вѣруетъ, тотъ не остается нераскаяннымъ во грѣхахъ своихъ, но если и согрѣшитъ, какъ человекъ, кается, сокрушается и плачетъ о грѣхахъ своихъ, стараясь не грѣшитъ болѣе. Вѣрующій не любитъ гулять и не услаждается винопитіемъ, срамнымъ бражничаньемъ и блудническими свиряніями и пѣснями, но всегда памятуеъ

о смерти, о страшномъ днѣ судномъ, и помня о семъ, молится, постится, отъ всего воздерживается, и прежде смерти поспѣшаетъ приготовиться, какъ отвѣтить и дать отчетъ предъ Царемъ славы.

Вѣрующій любитъ Господа и ненавидитъ всякое зло, Ему противное. Которые вѣрують, тѣ не питають вражды и ненависти противъ брата своего, и не воздають зломъ за зло, но любятъ ненавидящихъ ихъ, добро творятъ злоторящимъ имъ, благословляютъ клянущихъ ихъ, сносятъ творящихъ имъ напасть и радуются, когда ихъ поносятъ, не принимаютъ въ счетъ никакого зла, потому что имѣють любовь неподдѣльную, чистую, истинную,—какую имѣлъ св. Павелъ, засвидѣтельствовавшій о себѣ: *истину глаголю о Христѣ, не лгу, послушествовающей ми совѣсти моей Духомъ Святымъ: яко скорбь ми есть велия, и непрестанная болѣзнь сердцу моему: молибыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти* (Рим. 9, 1—3,)—какую явилъ и пророкъ Моисей, сказавшій къ народу: *вы согрѣшисте грѣхъ великъ: и нынѣ възду къ Богу, да умолю о грѣсѣ вашемъ. И возвратися Моисей ко Господу и рече: молюся ти, Господи: согрѣшиша людѣ сіи грѣхъ великъ и сотвориша себѣ боги златы. И нынѣ аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изгладѣ мя изъ книги Твоея, въ нюже вписалъ еси* (Исх. 32, 30—32). Такое же расположеніе имѣлъ Давидъ; ибо говорить: *съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ* (Пс. 119, 6). Видишь, какая любовь была у тѣхъ, которые истинную имѣли вѣру?

Кто вѣруеть, тотъ никакого дѣла не дѣлаеть съ лицемеріемъ, но всѣ дѣла свои дѣлаеть для Господа и какъ предъ Господомъ; ибо къ Нему имѣетъ прикованными очи души своей, и отъ Него единого вѣруеть пріяти воздаяніе за дѣла свои. Вѣрующій любитъ тѣхъ, кои

право вѣрують въ Господа; а которые неправо вѣрують въ Него, тѣхъ отвращается, терпѣть ихъ не можетъ и гонить съ глазъ своихъ. Кто вѣруетъ, тотъ не преслушиваетъ божественныхъ словесъ, но какъ вѣрный работникъ Божій, съ готовностію совершаетъ всякое дѣло, ими указуемое. Кто вѣруетъ, тотъ не льститъ и не творить зрѣнія на лица, но и бесѣдуетъ и все другое дѣлаетъ по истинѣ и въ правости сердца: ибо вѣрить тому, что сказалъ пророкъ: *горе глаголющимъ лукавое доброе, и доброе лукавое, полагающимъ тму свѣтъ, и свѣтъ тму, полагающимъ горькое сладкое и сладкое горькое* (Ис. 5, 20). Которые вѣрують, не гордятся и не высокоумдествуютъ, увлекаясь похвалами и льстивыми рѣчами, зная, что говоритъ Господь чрезъ пророка: *людіе мои, блажащии васъ льстятъ вы, и стези ногъ вашихъ возмущаютъ* (Ис. 3, 12). Кто вѣруетъ и ради Господа отвращается отъ міра, тотъ уже не соплетається болѣе ни съ чѣмъ мірскимъ, внимая слову Апостола, который говоритъ: *никтоже воинъ бывая, обязуется куплями житейскими, да вовводитъ угоденъ будетъ. Аще же и подвизается кто, не вънмается, аще незаконно подвизатися будетъ* (2 Тим. 2, 4. 5).

Кто вѣруетъ, тотъ не одобряетъ ничего злаго, но даже до смерти стоитъ за Христа и истину, не страшась; поелику тѣ, которые, видя злыя и беззаконныя дѣла, бывающія предъ очами ихъ, спускають имъ, являются подобными тѣмъ, которые творять ихъ, и погібнуть вмѣстѣ съ ними, какъ и первосвященникъ Ілій погібъ вмѣстѣ съ беззаконновавшими сынами своими, которымъ потворствовалъ; таковыхъ и пророкъ называлъ псами безгласными. Кто вѣруетъ, тотъ не любитъ неправо вѣрующихъ, какъ говоритъ Давидъ: *не ненавидящія ли тя, Господи, возненавидѣхъ и о вразѣхъ Твоихъ истаяхъ? Совершенною ненавистію возненавидѣхъ я:*

во враги быша ми (Пс. 138, 21. 22). Кто вѣруеть, тотъ всегда говоритъ истину и изъ устъ его не исходитъ никакая ложь; ибо тѣ, которые говорятъ ложь, невѣрные суть и сыны діавола. Кто вѣруеть, тотъ не лихоимствуетъ, но паче благоутробствуетъ и милуетъ, вѣруя, что милостивые помилованы будутъ, а лихоимцы преданы будутъ во адъ червю неусыпающему.

Кто вѣруеть, тотъ не причащается недостойно Пречистыхъ Тайнъ, но очищаетъ себя отъ всякой скверны, отъ чревоугодія, отъ злопамятства, отъ дѣлъ злыхъ и словъ срамныхъ, отъ смѣховъ безчинныхъ, отъ скверныхъ помысловъ, отъ всякой нечистоты и отъ всякаго грѣховнаго внутри движенія, — и такимъ образомъ пріемлетъ Царя славы; напротивъ въ тѣхъ, которые недостойно причащаются Пречистыхъ Тайнъ, стремительно врывается діаволъ и входитъ въ сердце ихъ, какъ случилось съ Іудею, когда онъ причастился вечери Господней; почему и говоритъ божественный Павелъ: *да искушаетъ же человекъ себе, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да пьетъ: ядый бо и пійй недостойнъ, судъ себѣ ястъ и пьетъ, не разсуждая тѣла Господня. Сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и усыпаютъ довольни* (1 Кор. 11, 28—30). Кто вѣруеть, тотъ не оклеветываетъ и не осуждаетъ братій своихъ христіанъ, но паче хвалить ихъ, потому что тѣ, которые хвалятъ другихъ, будутъ похвалены святыми ангелами въ царствіи небесномъ; но увы и горе тѣмъ, которые осуждаютъ и поносятъ другихъ, будто злыхъ, потому что они будутъ ввержены злыми бѣсами во тьму кромѣшную, гдѣ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Кто вѣруеть, тотъ идетъ правою стезею заповѣдей Божіихъ, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе, и никого не развращаетъ худостію своею; потому что развращающій другихъ хуже діавола; почему и говоритъ Богъ устами пророка Аввакума: *горе*

напаяющему подруга своего развращеніемъ мутнымъ (2, 15)! Кто истинно вѣруетъ, тотъ не устами только и языкомъ вѣруетъ, но сердцемъ, и такового дѣла явны бываютъ всѣмъ: *ибо не можетъ градъ укрытися верху горы стояй* (Матѣ. 5, 14). Тотъ, кто вѣруетъ истинно отъ сердца, исполняетъ заповѣди Господни, а кто вѣруетъ на словахъ только, а не сердцемъ, тотъ пусть бываетъ отъ добрыхъ, дѣлъ. О такихъ говоритъ Господь чрезъ пророка: *приближаются Мнѣ люди сіи усты своими, сердце же ихъ далеке отстоитъ отъ Мене* (Ис. 29, 13).

Итакъ, брате мой, когда видишь, что ты обильно богатъ всякаго рода худыми дѣлами, но скуденъ и пусть добромъ, скажи мнѣ, какъ можешь ты называть себя вѣрнымъ? Въ такомъ случаѣ ты, какъ я думаю, хуже всякаго невѣрнаго; потому что и *языцы, немущиіи закона, естествомъ законная творятъ* (Рим. 2, 14). Почему если вѣруешь, бѣги отъ грѣха, и съ воплемъ возстенай и возплачь, осуждая себя самого, оставь злыя дѣла, въ которыхъ жилъ ты доселѣ, и воспріими подвигъ покаянія и исправленія, чтобъ съ добрыми дѣлами явиться тебѣ предъ Царемъ славы въ онъй страшный день суда, въ который воздастъ Онъ каждому по дѣламъ его. Апостоль говоритъ: *аще кто назидаетъ на основаніи семъ злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе: кождо дѣло явлено будетъ: день бо явитъ: зане огнемъ открывается: и кождо дѣло, якоже есть, огонь искуситъ. И егже аще дѣло пребудетъ, еже назда, мзду прииметъ: а егже дѣло сгоритъ, отщепитъся: самъ же спасетъ, такожде якоже огнемъ* (1 Кор. 3, 12—15). Подумай же, брате, объ ужасно страшномъ таинствѣ семъ, и трепещи изъ-за того, что слышишь. Ибо если всѣхъ людей имѣетъ испытывать огонь, то ты гдѣ тогда явишься? И какъ дерзнешь ты приблизиться къ нему, когда наздалъ въ себѣ такую тяжелую и неудобноносимую

ношу изъ сѣна, и тростія и всякаго другаго худаго вещества? Увы мнѣ! Что буду дѣлать тогда? Эта сухо-древесная ноша золъ моихъ сгоритъ отъ онаго огня неугасимаго, а я останусь цѣль, чтобъ вѣчно горѣть въ ономъ огнѣ вѣчномъ за злыя и лукавыя дѣла мои. Почему, брате мой возлюбленный, принявъ сіе къ сердцу, упреди время, оставь всѣ недобрыя дѣла, какія дѣлалъ ты отъ юности своей, и пробудись отъ сна безпечности и нерадѣнія. Войди въ себя и исправь великіе и безчисленные пороки свои. Изгони грѣховныя и страстныя расположенія. Отбрось отъ себя плотскія сладострастія чрезъ исполненіе заповѣдей Божіихъ, и стяжи чистую и истинную вѣру въ Бога, да будешь достойно увѣнчанъ отъ Него, и сподобишься царствія небеснаго, которое улучшить буди всѣмъ намъ благодатию и человеколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Коему слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО СОРОКЪ ДЕВЯТОЕ.

О духовномъ вѣдѣніи, и что сокровище Духа сокрыто въ буквѣ Божественнаго Писанія, и явно не для всѣхъ, а лишь для тѣхъ, кои стяжали въ душу свою благодать Святаго Духа.

Духовное вѣдѣніе подобно дому, построенному посреди еллинскаго и мірскаго знанія, въ какомъ домѣ находится, какъ сундукъ какой, крѣпко-на-крѣпко замкнутый, знаніе Божественныхъ Писаній и неизреченное богатство, сокрытое въ семъ знаніи писаній, т.-е. божественная благодать. Этого богатства не могутъ видѣть входящіе въ домъ, если не будетъ для нихъ открытъ сундукъ; сундука же сего открыть невозможно никакою человѣческою мудростію. Почему всѣ люди, мудрствующіе по-мірски не знаютъ духовнаго сокровища, которое лежитъ въ сундукѣ духовнаго вѣдѣнія. И какъ, если кто

подыметъ этотъ сундукъ на плечи, не можетъ еще по одному сему видѣть сокровище, которое внутри его; такъ, если кто прочитаетъ и даже на память заучить всѣ Божественныя Писанія, и можетъ прочитать ихъ всѣ, какъ одинъ псаломъ, не можетъ по одному этому постигнуть благодать Святаго Духа, которая сокрыта въ нихъ: ибо ни того, что находится внутри сундука, нельзя обнаружить посредствомъ самаго сундука, ни того, что сокрыто въ Божественныхъ Писаніяхъ, нельзя открыть посредствомъ самихъ писаній.—Какимъ же образомъ это можно, послушай.

Предположи, что ты видишь небольшой сундучекъ, крѣпко запертый отсюда, и судя по тяжести его и по вѣшней видимой тебѣ красотѣ его, догадываешься, или отъ другаго кого узнаешь, что внутри его находится богатое сокровище; предположи также, что ты схватилъ этотъ сундучекъ на плечи, и убѣждалъ съ нимъ. Спрошу тебя теперь, какая тебѣ отъ него польза, если онъ навсегда останется для тебя запертымъ, и ты не откроешь его и не увидишь во всю жизнь свою сокровищъ его,—ни блеска многоцѣнныхъ камней и маргаритъ, ни золота, что внутри его? Какая тебѣ польза, если ты не ухитришься достать хоть малость какую изъ тѣхъ сокровищъ, и купить себѣ что съѣстное, или изъ одеждъ, а пробережешь тотъ сундукъ всю жизнь запертымъ, какъ мы сказали, и запечатаннымъ, полнымъ великихъ и многоцѣнныхъ сокровищъ, тогда какъ ты умираешь отъ голода, жажды и наготы? Конечно, никакой. Тоже самое, брате мой, бываетъ и въ духовныхъ вещахъ. Сундукъ, скажемъ такъ, есть Евангеліе Христово и прочія Божественныя Писанія, которыя имѣютъ внутри себя сокрытую вѣчную жизнь, и вѣстѣ съ нею неизреченныя блага небесныя, какъ говоритъ Христосъ: *испытайте писаній, яко вы мните въ нихъ*

имѣти животъ вѣчный (Іоан. 5, 39) Человѣкъ же, который поднѣялъ сундукъ на плечи, положимъ, изображаетъ того, кто выучилъ на память всѣ Божественныя Писанія, всегда имѣеть ихъ въ устахъ и хранить въ памяти душевной, какъ въ сундукѣ, содержащемъ многоцѣнные камни, — заповѣди Божіи, въ коихъ животъ вѣчный, а вмѣстѣ съ заповѣдями Божіими и добродѣтели, какъ маргариты. Ибо отъ заповѣдей рождаются добродѣтели, а отъ добродѣтелей явными дѣлаются таинства, сокрытыя въ буквѣ писанія. Тогда преуспѣваютъ въ добродѣтеляхъ, когда хранятъ заповѣди; и опять тогда хранятъ заповѣди, когда ревнуютъ о добродѣтеляхъ; а посредствомъ добродѣтелей и заповѣдей открывается для насъ дверь вѣдѣнія, или, лучше сказать, она открывается Иисусомъ Христомъ, Который сказалъ: *имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя. И Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ* (Іоан. 14, 21). Такимъ образомъ, когда вселится въ насъ Богъ и откроетъ намъ Себя завѣдомо (знательно, осознательно), тогда и мы прозримъ къ вѣдѣнію, т.-е. уразумѣемъ дѣйственно тѣ божественныя таинства, которыя сокрыты въ Божественныхъ Писаніяхъ. Другимъ же какимъ-либо способомъ достигнуть сего невозможно. И пусть никто себя не обманываетъ, думая, что открылъ иначе какъ этотъ сундучекъ вѣдѣнія и вкусилъ благъ, кои внутри его, т.-е. достигъ причастія ихъ и созерцанія ихъ.

Но какія это блага, о коихъ я здѣсь поминаю?—Совершенная любовь къ Богу и ближнему, презрѣніе всего видимого, умерщвленіе плоти, плотскихъ членовъ, которые на земли, и срамной грѣховной похоти; такъ чтобы, какъ мертвый ни о чемъ не помышляетъ и ничего не чувствуетъ, такъ и мы не помышляли совершенно ни о какомъ злѣмъ похотѣніи, и не чувствовали никакого насильственного и властнаго давленія на насъ

грѣха, искушающаго насъ, но помнили бы только заповѣди Спасителя нашего Иисуса Христа, безсмертіе и нетлѣніе, славу непрестающую, жизнь вѣчную, царство небесное, и всыновленіе, полученное нами чрезъ новое рожденіе отъ Духа Святаго, въ коемъ (рожденіи) содѣлались мы сынами Божиими и богами по благодати, наслѣдниками Божиими и сонаслѣдниками Христовыми,—помнили бы также, что съ сими благами стяжали мы и умъ Христовъ, или духъ Христовъ и благодать Св. Духа, и имъ (умомъ) познали Бога и самого Христа, обитающаго въ насъ и спешествующаго намъ въ насъ. Итакъ тѣ, которые, слыша заповѣди Божіи, творятъ ихъ, сподобляются богато получить всѣ эти неизреченныя блага, подаемыя ради того (творенія заповѣдей), посредствомъ открытія сказаннаго сундучка или посредствомъ отверстія умныхъ очей душевныхъ и узрѣнія того, что сокрыто въ Божественныхъ Писаніяхъ.

Другіе же, которые не познали того, о чемъ мы сказали и не испытали того дѣломъ, тѣ не вкусили еще сладости и жизни безсмертной, какую имѣютъ божественныя словеса, и хвалятся лишь знаніемъ, и надежду спасенія своего полагаютъ въ одномъ изученіи Божественнаго Писанія, и въ томъ, что знаютъ его на память. Такіе по смерти будутъ осуждены паче тѣхъ, кои со всѣмъ не слышали писанія,—и особенно тѣ изъ нихъ, которые заблуждаясь по невѣдѣнію, извращаютъ смыслъ Божественнаго Писанія и толкуютъ его по похотямъ своимъ, желая оправдать самихъ себя, будто то-есть и безъ точнѣйшаго соблюденія заповѣдей Божіихъ можно спастись. Для нихъ недоступна сила Божественныхъ Писаній.—И праведно.—Ибо какъ можно то, что сокрыто и запечатано, что незримо и недовѣдомо для всѣхъ людей и что открывается только Духомъ Святымъ и только такимъ образомъ будучи открываемо узрѣвает-

ся и познается нами,—какъ можно постигнуть это или познать посредствомъ ученія (научно), или даже помыслить о томъ — тѣмъ, которые сами о себѣ говорятъ, что ни разу не ощутили присутствія Духа Святаго, и не знаютъ, что такое есть просвѣщеніе или осіяніе Его, коими свидѣтельствуется обитаніе Его въ насъ? Какъ возможно понять сіе тѣмъ, которые ни разу не сознали въ себѣ никакихъ проявленій, которыя удостовѣряли бы, что въ нихъ совершилось возрожденіе, возсозданіе, обновленіе и измѣненіе, бывающее отъ Духа Святаго? Да и какъ возможно познать измѣненіе, совершающееся въ окрещенныхъ Духомъ Святымъ, тѣмъ, которые еще не окрестились Духомъ Святымъ? Или какъ возможно видѣть славу рожденныхъ свыше, то-есть отъ Бога, тѣмъ, которые не родились свыше? И тѣмъ, которые послѣ того, какъ, по слову Іоанна Богослова, получили область чадами Божиими быти, не восхотѣли пребыть такими чадами, но по нерадѣнію потеряли и самую благодать святаго крещенія, — скажи мнѣ прошу тебя, — какъ возможно понять разумно, или хоть мало-мальски представить, въ какую божественную духовную славу вступили сподобившіеся содѣлаться чадами Божиими? Богъ есть Духъ невидимый, безсмертный, непреступный, недомыслимый, и тѣхъ, кои родятся отъ Него, дѣлаетъ такими же, подобными, т.-е., Отцу, родившему ихъ. Они хотя по тѣлу всѣмъ видимы и всѣми знаемы бываютъ, но по духу познаются только отъ Бога, какъ и Бога они только знаютъ, какъ слѣдуетъ; — или лучше сказать, они же лаютъ быть знаемыми и зримыми только отъ Бога, къ Коему устремлены всѣмъ желаніемъ и всею любовію и Коего умно зрятъ непрестанно.

Употребимъ и другое сравненіе. Какъ плохо научившіеся грамотѣ и неупражнявшіеся въ чтеніи не могутъ читать такъ, какъ тѣ, которые и грамотѣ научились

хорошо, и долго упражнялись въ чтеніи, такъ и тѣ, которые не хотѣли исполнять дѣломъ заповѣдей Божіихъ, не могутъ удостоиться узрѣть откровеніе Духа Святаго, наравнѣ съ тѣми, которые подвизались въ дѣланіи заповѣдей и достигли полного въ семь совершенства, проливъ даже за нихъ и кровь свою. И какъ тотъ, кто взялъ бы въ руки книгу, закрытую и запечатанную, не можетъ увидѣть, или узнать, что въ ней написано, хотя бы обладалъ всею мудростію міра, такъ и тотъ, у кого, мы сказали, все Божественное Писаніе въ устахъ, не можетъ понять и постигнуть таинственную и божественную славу и силу, сокрытую въ немъ, если не будетъ исполнять заповѣдей Божіихъ и не сподобится получить Утѣшителя, Духа истины, Который бы раскрылъ предъ нимъ слова Божественнаго Писанія, какъ книгу, и показаль ему таинственно славу, которая внутри ихъ,—при этомъ же показаль бы силу и блага Божіи, сокрытыя въ нихъ, вмѣстѣ съ вѣчною жизнію, преисполненною тѣхъ благъ, которыя сокрыты и невѣдомы для всѣхъ нерадивыхъ презрителей заповѣдей Божіихъ.—И достойно сокрыты.—Ибо такъ какъ они прилѣпили всѣ чувства свои къ суетѣ мірской, пристрастились къ обманчивымъ благамъ настоящей жизни и омрачились чрезъ то умомъ своимъ; то и не могутъ вознестись горѣ, чтобъ помышлять о мысленной красотѣ неизреченныхъ благъ Божіихъ.

Какъ тотъ, у кого болятъ глаза, не можетъ сносить свѣта лучей солнечныхъ, и еслибы сталъ принуждать себя смотрѣть на нихъ, потерялъ бы и этотъ малый свѣтъ очей своихъ, и совсѣмъ бы ослѣпъ; такъ и тотъ, у кого болятъ очи душевныя, т.-е., у кого умъ омраченъ мірскими и плотскими вещами и чувства всѣ страстны, не можетъ смотрѣть на тѣлесную красоту и благообразіе нестрасно, безъ вреда и ущерба для души своей,

и если станетъ смотрѣть и замедлить умомъ въ помышленіи о красотѣ той, то потеряетъ и тотъ малый миръ помысловъ, тотъ покой и тишину срамной похоти, какія имѣлъ прежде, чѣмъ началъ смотрѣть на ту красоту, когда не докучали ему злые помыслы и срамное похотѣніе. Таковъ не можетъ даже и сознать, что онъ боленъ. Еслибъ онъ увѣрился, что болитъ душею, будучи исполненъ страстей; то конечно подумалъ бы, что есть другіе здравые душею, и можетъ быть иногда осудилъ бы себя за это, потому что самъ былъ причиною немощей своихъ, и началъ бы заботиться о томъ, какъ бы избавиться отъ этихъ немощей. Но какъ онъ всѣхъ другихъ почитаетъ такъ же страстными и больными, какъ и самъ; то и не думаетъ отставать отъ нихъ, говоря, что нѣтъ возможности, чтобъ кто-нибудь сталъ выше ихъ. Такъ и умираетъ несчастный въ страстяхъ, потому что никогда не доходилъ до желанія избавиться отъ такого зла. Еслибы пожелалъ, могъ бы, такъ какъ получилъ на это силу отъ Бога. Ибо которые крещены во имя Его, тѣ совлекаются прежняго растлѣнія грѣховнаго, какъ ветхой одежды, и облакаются во Христа, обновляясь къ жизни по Нему и содѣлываясь сынами Божиими по благодати.

Но, братіе мои, да не будетъ и намъ быть похожими на тѣхъ, которые имѣютъ такую худую славу, и находятся въ такомъ жалкомъ состояніи, потому что совсѣмъ оземленились и стали какъ запущенное поле, полное терній. Да будетъ же намъ послѣдовать Христу Господу, за насъ умершему, и воскресшему и вознесшему человѣческое естество на небеса,—жить по образу жизни Христа, Который есть для насъ образецъ, и соблюдать заповѣди Его, очистившись напередъ отъ скверны грѣховной посредствомъ покаянія, исповѣданія грѣховъ, и снова облекшись въ свѣтлое одѣяніе Духа Свя-

таго во Христѣ, Богѣ нашемъ, Коему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТОЕ.

1. Не должно съ нерадѣніемъ проходить дѣланіе заповѣдей Божіихъ, во должно подвизаться соблюсти ихъ всѣ.

2. Испушенія надобно переносить великодушно.

1. Апостоль Христовъ Іаковъ, братъ Божій, говоритъ въ посланіи своемъ: *имже весь законъ исполнитъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. 2, 10). И опять блаженный Павелъ говоритъ: *подвизайся отъ вѣсхъ воздержитъ*. А чтобы еще яснѣе представить это, св. Петръ прибавляетъ: *имже бо кто побѣжденъ бываетъ, сему и работенъ есть* (2 Петр. 2, 19). Такъ что, братія мои, кто поработенъ хоть одной страсти, даже самой малой, тотъ явно обладаетъ ею и не можетъ повиноваться заповѣди Господней, ее запрещающей. Ибо какъ возможно, чтобы слушался Христа тотъ, кто имѣетъ надъ собою другаго господина? Да и почему бы намъ самимъ не додуматься до истины, выраженной въ Апостольскихъ словахъ, убѣждаясь въ ней тѣмъ, что видимъ глазами своими? Ибо видимъ, что тѣ, которые плаваютъ по морямъ, не говорятъ: ну, теперь мы миновали всякую бѣду, хотя проплыли уже столько и столько миль; потому что нерѣдко у самой пристани набѣгаетъ внезапно буря и подвергаетъ крайнимъ опасностямъ и бѣдамъ; но тогда уже говорятъ, что благополучно совершили плаваніе свое, когда войдутъ въ пристань и ступятъ на твердую землю. Равно и тѣ, которые путешествуютъ по сушѣ, имѣя въ виду достигнуть до какаго-либо города, не говорятъ, что избавились уже отъ всякихъ бѣдъ, когда успѣютъ переѣхать такую-то рѣку, или такую-то гору, или миновать такихъ-то разбойни-

ковъ; ибо можетъ случиться, что нападуть на другаго какого убійцу, или на какого-либо звѣря, и убиты будутъ, или встрѣтятъ еще рѣку глубокую и утонуть въ ней. Даже когда уже избавятся, съ помощію Божіею, отъ всякаго искушенія и всякой смертной опасности и приблизятся къ городу, и тогда не могутъ еще сказать, что благополучно совершили путь свой; потому что если, миновавъ столько опасностей, зазѣваются и перестанутъ спѣшить, затворятъ ворота города, и они останутся внѣ,—и не знать еще, что можетъ случиться съ ними до завтрашняго дня.

Представь себѣ теперь, что этотъ городъ есть царство небесное, ночь—смерть каждаго, завтрашній день—второе пришествіе Христова, которое есть день суда. Итакъ кто не постарается достигнуть царствія небеснаго и внийти въ него, пока находится въ настоящей жизни, и въ то время, какъ выдти душѣ его изъ тѣла, окажется находящимся внѣ сего царствія,—найдетъ на него ночь, т.-е., смерть, — и не знать, что будетъ съ нимъ въ завтрашній день, т.-е., въ день суда,—позволятъ ли, или не позволятъ ему войти въ градъ Царя великаго.

Также и о сернѣ, или оленѣ, или другомъ какомъ животномъ не говорится, что они избѣжали бѣды, когда убѣжали отъ того или этого охотника, или пса, или не попались въ тѣ или другія сѣти; потому что, можетъ быть, они еще попадутся въ руки другаго какого охотника, или попадутъ въ другія сѣти. — Представь себѣ опять и здѣсь, что охотники суть бѣсы, псы ловчіе — лжеучители, которые кусаютъ и раздираютъ лживыми словами овецъ Христовыхъ и предають ихъ въ руки охотниковъ, т.-е. демоновъ. А подъ сѣтями разумѣй лукавые и срамные помыслы, которые опутываютъ души услаждающихся ими, и влекутъ ихъ къ сосложе-

нію съ ними; и когда доведутъ до сего, вяжутъ ихъ тугу, такъ что нѣтъ силъ изгнать эти срамные помыслы изъ ума, но они неотвязно толпятся въ немъ, возбуждаютъ щекотанія и движенія плотскія, разжигаютъ скверную похоть и погружаютъ въ тину грѣха.

Итакъ надлежитъ, сколько силъ есть, избѣгать всякаго грѣха и творить всякую добродѣтель, и хранить со всею ревностію всѣ заповѣди Божіи, не презирая ни одной, даже малѣйшей. Кто говоритъ: мнѣ когда бы хотъ не сдѣлать такого то большаго зла и не впасть въ такой-то великій грѣхъ, а такой-то и такой-то маленькой грѣшокъ — ничего, тотъ очевидно не любитъ заповѣдей Божіихъ и готовъ нарушить всякую изъ нихъ. Представь себѣ, что человѣкъ есть какъ-бы какой многоцѣнный сосудъ, составленный изъ всѣхъ святыхъ добродѣтелей, — изъ вѣры, страха Божія, смиренія, молчанія, послушанія даже до смерти, отсѣченія своей воли, всегдашняго покаянія и сокрушенія, непрестанной молитвы, строгаго храненія очесъ, безпристрастія, равной ко всѣмъ любви, нелюбостязанія, цѣломудрія, упованія на Бога, совершенной любви и всѣхъ другихъ добродѣтелей, которыя раждаются отъ этихъ. Каждая изъ нихъ есть какъ-бы часть какая сосуда того, то золотая, то серебряная, то мѣдная, то соотвѣтствующая камню драгоцѣнному, и всѣ онѣ подобныя разнымъ высокоцѣннымъ вещамъ, которыя, бывъ соединены, согласованы другъ съ другомъ и сочтаны Духомъ Святымъ, составляютъ того человѣка, какъ сказали мы, сосудъ избранъ, и благопотребенъ, въ который влагается, какъ новое вино, благодать Христова. Скажи мнѣ теперь, если будетъ недоставать одной какой изъ тѣхъ добродѣтелей, изъ которыхъ устроился этотъ сосудъ, то благоугодно ли будетъ Богу вложить въ него какой-либо изъ даровъ Святаго Духа, хотя бы дира, образуемая недостаткомъ

той добродѣтели, была очень незначительна? Конечно, не будетъ благоугодно. Потому что, что бы ни было влито въ такой сосудъ, мало-по-малу все вытечетъ въ сказанную малую диру.

Какъ же мы думаемъ о себѣ самихъ, что мы сосуды совершенные и цѣлые и что имѣемъ въ себѣ Духа Святаго, какъ вѣкое сокровище, тогда какъ у насъ есть только немного добрыхъ дѣлъ, и тѣ раздѣлены одно отъ другаго грѣхами, добродѣтелей же очень многихъ недостаетъ у насъ, потому что мы не позаботились стяжать ихъ дѣланіемъ заповѣдей Христовыхъ? Понистинѣ, какъ говоритъ св. Павелъ, мы осуетились помышленіями своими и омрачилось неразумное наше сердце, — и, глаголющеся быти мудри, мы обюродѣли (Рим. 1, 22). Между тѣмъ о себѣ и подобныхъ ему тотъ-же божественный Павелъ взываетъ, говоря: *Богъ рекъ изъ тмы свѣту возсіяти, — возсія въ сердцахъ нашихъ. Имамы же сокровище сіе въ скудельныхъ сосудахъ* (2 Кор. 4, 6. 7). Сосудами называетъ онъ тѣла наши, какъ можно видѣть изъ другаго его слова: *или не вѣсте, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть?* (1 Кор. 6, 19)? Скудельными же онъ ихъ назвалъ, чтобъ показать немощь естества нашего. Но эти скудельные сосуды, по причинѣ непобѣдимой силы сокровища, т. е. Духа Святаго, въ нихъ находящагося, несокрушимо прочны и тверды. Почему въ слѣдъ за симъ и прибавляетъ Апостолъ: *да премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ* (2 Кор. 4, 7). Этимъ вотъ что хочетъ онъ сказать: не думай, брате, что ты хранишь сущее въ тебѣ сокровище, напротивъ сокровище хранить тебя. Благодать Божія, сущая въ тебѣ, уготовала тебя въ сосудъ честный, благоугодный Богови. И то дивно, что если начнутъ сокрушать сей сосудъ, не мы, но враги наши, то и сокровище не разольется, и сосудъ сдѣлается еще болѣе крѣпкимъ и безопаснымъ,

по дѣйствию на него сокровища, потому что сокровище есть Богъ. Объ этомъ опять тотъ-же Апостолъ говорить: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Исусъ* (Фил. 4, 13).

Соблюдается же сокровище сіе въ насъ, какъ сказали мы, точнѣйшимъ соблюденіемъ всѣхъ заповѣдей, и, будучи соблюдаемо, насъ самихъ блюдетъ всесторонне невредимыми, непревратными и неподвижными, по челоуѣколюбію, могуществу и благодати своей. И если иной разъ случится намъ, какъ немощнымъ и легкопадательнымъ, сдѣлать малое какое опущеніе въ томъ, что лежитъ на насъ, какъ долгъ, или нѣсколько погрѣшить, сокровище это тотчасъ насъ возвращаетъ къ себѣ, тѣснѣ соединяетъ съ собою и восполняетъ допущенный ущербъ или недостатокъ, насъ же самихъ дѣлаетъ болѣе твердыми и безопасными. Почему прошу васъ, возлюбленные мои во Христѣ братія, представляйте Богу самихъ себя всегда чистыми отъ всякаго грѣха, и неотступно пребывайте въ храненіи всѣхъ спасительныхъ заповѣдей Его. Ибо тогда Сынъ Божій и Богъ-Слово, всепремудрый оный художникъ, взявши всѣ эти заповѣди, какъ какое вещество (матеріаль) изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней, соединитъ ихъ всѣ вмѣстѣ и съ ними уготовитъ насъ въ сосуды чѣстные и благопотребные. Почему никакъ не подобаетъ иныя заповѣди исполнять, а иныя оставлять неисполненными, или, исполнивъ всѣ заповѣди, являться предъ Владыкою Христомъ презорливыми нерадивцами объ одной какой либо, чтобъ Онъ, разгнѣвавшись за эту одну, не бросилъ и тѣхъ всѣхъ вмѣстѣ съ нами и не приказалъ выгнать насъ вонъ изъ Своего чертога. Но если мы постраждемъ это, то послѣ уже ничто не будетъ намъ въ пользу, и какъ много ни стучали бы мы въ дверь, взывая: Господи, Господи, отверзи намъ, Онъ скажетъ намъ: отойдите отъ Меня (о страшное слово!). Я не признаю васъ за вѣрныхъ, потому что вы не вѣрили сло-

вамъ Моимъ, не повиновались даже до смерти повелѣніямъ Моимъ, и не соблюдали заповѣдей Моихъ; потому отойдите отъ Меня!

Знаю, братіе, что я, бѣдный, первый услышу такіа слова, какъ не соблюшій ни одной заповѣди Бога моего; потомъ услышать ихъ тѣ, которые, какъ и я, суть не покоривые преслушники заповѣдей Божіихъ, тѣ, которые несмысленно говорятъ: мнѣ когда бы хотъ не соблюнуть, а поклясться—ничего; мнѣ когда бы хотъ не впасть въ прелюбодѣянiе, а украсть малую монету, или кусокъ хлѣба какой грѣхъ? Далѣе тѣ, которые говорятъ: блаженъ бы я былъ, когда хотъ не впалъ бы въ срамное и нечистое мужеложство, а брань, игры и пѣсни—не грѣхъ. Равнымъ образомъ и тѣ, которые думаютъ о себѣ, что они ангелы Божіи, потому что чисты отъ плотскихъ грѣховъ, и высокое о себѣ имѣя мнѣніе, гордятся непомѣрно, будто совершенные, а между тѣмъ никакой заботы не имѣютъ о добродѣтеляхъ душевныхъ и о страстяхъ, небрегутъ и о всѣхъ прочихъ заповѣдяхъ Христовыхъ и не нудятъ себя исполнять ихъ, но всякое дѣло, сколько-нибудь трудное, пропускаютъ и отъ всякихъ лишеній устраниются, хотя безъ этого нельзя бываетъ исполнить заповѣди, и вообще ведутъ жизнь безпечную. Что пользы, братіи мои, если кто воздерживается отъ блуда и отъ всякой другой плотской нечистоты, а между тѣмъ славолубивъ и сребролюбивъ? Ибо блудъ разстлѣваетъ тѣло, а славолубіе и сребролюбіе растлѣваютъ душу. И не только это, но по слову Господа, слава человѣческая и славолубіе дѣлаютъ насъ даже невѣрными. *Какъ можете вы, говорить Господь нашъ, въровати, славу другъ отъ друга приѣмлюще, и славы, яже отъ единого Бога, не ищите* (Іоан. 5, 44)? Что пользы человѣку, если онъ чистъ отъ мужеложства, но завидуетъ и ненавидитъ брата своего? Ибо ненависть къ брату дѣлаетъ убійцею того, кто ее имѣетъ. Ибо *всякъ,*

ненавидяй брата, человекоубійца есть (1 Иоан. 3, 15), говорить св. Апостоль. И по священнымъ канонамъ одна и таже епитимія положена какъ для мужеложника, такъ и для убійцы, и если не покаются, оба равно осуждены будутъ на вѣчное мученіе. Какая также польза, если кто не пьянствуетъ, но потомъ поносить брата своего, когда, какъ говоритъ св. Павелъ, въ томъ или другомъ пороѣ виновные равно изгоняются изъ царствія небснаго? *Не лѣстите себе*, говоритъ онъ, *ни блудники... ни пїяницы, ни досадители... царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. 6, 9. 10). Скажи мнѣ еще, что пользы отъ поста, когда недостаетъ кротости? И что пользы отъ кротости, когда она соединена съ нарушеніемъ заповѣди? Ибо какъ тотъ, кто ударяетъ обратно того, отъ кого получилъ ударъ, безчеститъ Бога, Который сказалъ: *еще кто тя ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мѣ. 5, 39): такъ и тотъ, кто, являя кротость, молча переноситъ, когда слышитъ хулу на Бога, грѣшитъ противъ Бога, потому что дѣйствуя такъ, онъ является сообщникомъ того, кто хулитъ Бога. Что также ты много надѣешься на послушаніе, когда порабощенъ чревоугодію? Ибо невозможно, чтобы рабъ чрева былъ истиннымъ рабомъ Божіимъ. Что хвалишься долгимъ стояніемъ за чтеніемъ Псалтири и другихъ молитвъ, когда при этомъ умъ твой блуждаетъ туда и сюда, и ты не понимаешь того, что читаешь? И особенно если, ради такого чтанія Псалтири, нерадишь о лежащемъ на тебѣ послушаніи или служеніи братіямъ: ибо конечно ты слышалъ, что говорить Божественное Писаніе: *проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ* (Іер. 48, 10). Что много надѣешься на тѣлесныя добродѣтели, въ которыхъ подвизаешься съ трудомъ и злостраданіемъ, когда нерадишь о душевномъ дѣланіи? Не слышишь ли, что говоритъ св. Павелъ: *тѣлесное обученіе вмалѣ есть полезно, а благочестіе на*

все полезно есть? (1 Тим. 4, 8). Или какую получить пользу тотъ, кто исправляя оба дѣланія, и тѣлесное и душевное, осуждаетъ однакожъ братій своихъ? Ибо Господь говорить: *Имже судомъ судите, судятъ вамъ: и въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мф. 7, 2). И тотъ опять, кто исправляетъ все сказанное, не дѣлаетъ ничего запрещеннаго и братій своихъ не осуждаетъ, но во время искушенія, когда случится ему потерпѣть непріятность, поношеніе и уничиженіе, не переноситъ того безъ смущенія, или когда смутится отъ того сердце его, не подавляетъ сего смущенія, и хотя не выпуститъ слова неподобнаго, показываетъ однакожъ внѣшнимъ видомъ лица своего, что душа его подвиглась на гнѣвъ, или другимъ какимъ образомъ устрояетъ отмщеніе за себя,—какъ дерзнетъ таковой называть себя рабомъ и подражателемъ Христу, а не напротивъ врагомъ Его?

2. Тѣ, которые суть настоящіе други Божіи, любятъ Его, и имѣютъ Его въ себѣ, какъ нѣкое сокровище благъ неисчислимое, принимаютъ такіа поношенія и безчестія со всякою радостію, и любятъ отъ чистаго сердца, какъ благодѣтелей, тѣхъ, которые причиняютъ ихъ имъ. Но тѣ, которые говорятъ: во время брани и мы, какъ человѣки, подвигаемся на серчаніе и гнѣвъ, и иной разъ дѣлаемъ отмщеніе братіямъ нашимъ словомъ, или и дѣломъ, но послѣ не держимъ на нихъ вражды, но все забываемъ и оставляемъ, особенно когда испросимъ другъ у друга прощеніе,—такіе похожи на неписанную хартію, на которой врагъ нашъ діаволь, какъ только найдеть время, пишетъ, чрезъ нихъ же самихъ, свои скверныя и злыя повелѣнія. Потомъ они это, написанное ими по внушенію діавола, изглаждаютъ; однакожъ вмѣсто этихъ повелѣній діавола, не вписываютъ заповѣдей Христовыхъ, чтобъ діаволь, пришедши, нашелъ хартіи сердце ихъ исписанными и со стыдомъ удалился, какъ

побѣжденный. Но каждый изъ нихъ оставляетъ, по не-
радѣнію своему, хартіи сердець своихъ неписанными, и
когда Господь пошлетъ написать на сердцахъ ихъ по-
велѣнія Свои, они тотчасъ со всею ретивостію пишутъ
тамъ велѣнія врага, т.-е. принимаютъ горькія и смерто-
носныя хотѣнія діавола, а животворныя и паче меда
сладкія внушенія Божіи отгоняють отъ себя. Для того
и заушеніе претерпѣлъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ
и Богъ, никоего грѣха не сотворившій, чтобъ грѣш-
ники подражали Ему, и чрезъ то не только получали
отпущеніе грѣховъ, но и дѣлались общниками Божества
Его, за такое повиновеніе Ему. А кто не послушается
Его и не снесетъ заушенія съ сердечнымъ смиреніемъ.
въ некоторомъ образѣ какъ-бы стыдясъ подражать стра-
стямъ Христовымъ, того постыдится и Христосъ Гос-
подь предъ ангелами и Отцемъ Своимъ небеснымъ.

А что я говорю, вотъ что есть. Онъ, будучи Богъ,
содѣлался ради насъ человѣкомъ, претерпѣлъ заушенія.
оплеванія и крестъ, и такими страданіями, какія пре-
терпѣлъ Онъ, безстрастный по Божеству, научаетъ насъ
въ некоторомъ образѣ и говоритъ каждому изъ насъ:
если хочешь ты, человѣкъ, обрѣсти животъ вѣчный и
быть виѣстѣ со Мною, смирись и ты для Меня, какъ
смирился Я для тебя, и, отложивъ гордое и діаволь-
ское свое мудрованіе, прими ударенія по ланитамъ,
оплеванія и заушенія, и не постыдишься претерпѣть все
сіе до смерти. Если же постыдишься ты пострадать ради
Меня и заповѣдей Моихъ, какъ Я пострадалъ ради тебя;
то и Я сочту стыдомъ имѣть тебя съ Собою во второе
пришествіе Мое, когда приду со славою мноюю, и скажу
ангеламъ Моимъ: этотъ постыдился смиренія Моего, и
не захотѣлъ оставить славы человѣческой, чтобъ упо-
добиться Мнѣ. Теперь же, когда онъ погубилъ тлѣнную
славу, а Я прославился безмертною славою Отца Мо-

его, стыжусь и Я даже смотрѣть на него; изгоните его вонъ. Да возьмется нечестивый, и да не видитъ славы Господни!... Вотъ что услышать тѣ, которые повидимости исполняютъ заповѣди Христовы, но, стыда ради человѣческаго, не стерпѣваютъ поруганій, безчестій, заушеній и ранъ, когда слѣдовало бы претерпѣть ихъ за заповѣди Господни. Ужаснитесь и вострепещите, людие, слыша сіе, и съ радостію претерпѣвайте страсти, какія претерпѣлъ Христосъ для спасенія нашего. Богъ заушается отъ какого-нибудь ничтожнаго раба, чтобы дать тебѣ примѣръ побѣды, а ты не хочешь принять заушеніе отъ подобострастнаго тебѣ человѣка? Стыдишься, человѣче, подражать Богу? Какъ же тебѣ соцарствовать и прославиться вмѣстѣ съ Нимъ въ царствѣ небесномъ, если не потерпишь того же? Еслибы Онъ захотѣлъ послѣдовать твоему правилу и устыдился содѣлаться человѣкомъ ради тебя, тогда и не знать, что бы такое было.

Вѣришь ли ты, что Христосъ есть Богъ? Да, говоришь, вѣрю. Если вѣришь, что Христосъ есть Богъ, Который сотворилъ небо и землю, и на землю сошелъ изъ нѣдръ Отчихъ, отъ безпредѣльной высоты Божества и отъ неизреченной славы Его, и содѣлался человѣкомъ смиреннымъ и бѣднымъ ради тебя; но какъ же ты, пыль и прахъ, не хочешь снизойти съ своего воображаемаго высокаго трона и отъ не-сущей славы своей, чтобы смириться предъ братомъ своимъ, который повидимости будто стоитъ низко, но можетъ быть есть несравненно выше тебя по добродѣтелямъ? Стыдишься бѣдности и ветхихъ рубищъ его, будучи одѣтъ въ богатые одѣянія? Но не пора ли и тебѣ презрѣть ихъ, такъ какъ они во истину суть посмѣшище и обличеніе внутренней срамоты, а не слава свѣтлая? Не хочешь во всемъ уподобиться Творцу своему и Богу, смиряясь вмѣстѣ съ братьями своими? Но если тебѣ не угодно содѣлаться по-

добнымъ Христу, то явно, что ты дѣлаешь себя, хотъ и не зная того, большимъ и славнѣйшимъ Его, являешься для нихъ какъ-бы другой Анна, или Каиафа, или Пилать: ибо не хочешь, чтобъ Творецъ всяческихъ былъ сопрестолень тебѣ, но хочешь, чтобъ Онъ предстоялъ тебѣ, какъ какой-нибудь осужденникъ.

Это сказано къ богатымъ и знатымъ, которые, ставя себя выше другихъ, высоко поднимаютъ брови свои и въ гордости презираютъ другихъ. Но что сказать намъ къ бѣднымъ, или къ тѣмъ, которые, повидимому, оставили все и сдѣлались нищими царствія ради небеснаго? Вотъ что скажемъ! Се, брате, содѣлался ты нищимъ, подражая Владыкѣ Христу и Богу. Содержи же въ мысли, что съ тобою Христосъ, что съ тобою сожителствуетъ Тотъ, Кто есть превыше всѣхъ небесъ. Представь же себѣ теперь: вотъ вы идете вмѣстѣ оба, и кто-нибудь, встрѣтясь съ вами на пути настоящей жизни, ударилъ Владыку твоего въ ланиту, ударилъ и тебя. Владыка Христосъ не пререкаетъ, тебѣ же умѣстно ли противиться? Если скажешь, что и Христосъ тому, кто ударилъ Его въ ланиту, сказалъ: *еще злы глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ, еще ли добръ, что мя биеши* (Іоан. 18, 23)? то знай, что Господь Іисусъ сказалъ сіе не съ тѣмъ, чтобъ противиться, какъ ты думаешь: но послику Онъ *грѣха не сотвори, ниже обрѣтется лествъ во устнхъ Его* (1 Петр. 2, 22), то и сказалъ такъ, чтобъ не подумали, что рабъ тотъ право ударилъ Его, какъ погрѣшившаго и виновнаго. Вотъ для чего Онъ сказалъ это слово,— для того, чтобъ показать, что Онъ неповиненъ. Мы же съ тобою конечно не таковы, т.-е. не безгрѣшны, мы напротивъ каждодневно грѣшимъ и виновны во многихъ прегрѣшеніяхъ. Христосъ Господь въ началѣ страданій сказалъ такъ; но послѣ все терпѣлъ, что было гораздо хуже этого, и не видно, чтобъ сказалъ гдѣ что-либо про

тивъ; напротивъ видно, что молилъ и просилъ Бога и Отца Своего простить тѣхъ, которые распяли Его. — Брате! Христосъ не негодовалъ, когда надъ Нимъ издѣвались, а ты изнемогаешь? Тотъ терпитъ заушенія, заплеванія и бичеваніе, а ты слова жесткаго не можешь стерпѣть? Тотъ подымлетъ крестъ, смерть поносную и раздирающую боль отъ гвоздей, а ты не принимаешь и послушанія, кажущагося тебѣ унижительнымъ? Какъ же думаешь ты быть общникомъ славы Его, когда не хочешь быть общникомъ поносной смерти Его? Истинѣ все подвижаешься ты, если не хочешь истинно взять на себя креста Христова, какъ Онъ повелѣлъ. Христосъ Господь юношѣ оному, а слѣдовательно и всѣмъ намъ, сказалъ: *иди, елика имаша, продаждь, и даждь нищимъ: и прииди, ходи въ слѣдъ Мене, возмъ крестъ* (Мр. 10, 21). А ты богатство свое можетъ быть и раздалъ бѣднымъ, но креста подъять на себя не хочешь, не хочешь т.-е. охотно переносить искушенія, какія встрѣчаются тебѣ; потому и остался ты одинъ на пути настоящей жизни, отдалившись, къ несчастію своему, отъ Владыки и Бога своего. Но прошу тебя, брате мой, будемъ соблюдать всѣ заповѣди Христовы и терпѣть находящія искушенія даже до смерти, по желанію царства небеснаго, чтобы, сдѣлавшись общниками страстей Христовыхъ, содѣлаться общниками и славы Его, причастниками жизни вѣчной и наслѣдниками неизреченныхъ благъ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Коему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВОЕ.

Надлежитъ человѣку прежде пріять силу отъ Христа чрезъ святое Крещеніе, и тогда браться за исполненіе заповѣдей: ибо св. Крещеніе дѣлаетъ крещаемыхъ или совсѣмъ неподвижными, или труднодвижными на зло, равно какъ и второе крещеніе покаянія. Также какия надлежитъ быть священникамъ.

Кто говоритъ другому: то дѣлай, а этого не дѣлай, говоритъ конечно человѣку, который можетъ то сдѣлать, а это не сдѣлать. Но кто говоритъ это къ такому, который не можетъ ни того ни другаго, тотъ не все ли говоритъ такія слова? Сказалъ Господь ученикамъ Своимъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа*. Итакъ первое, что дано, это есть очищеніе и сила чрезъ святое Крещеніе. И потомъ уже говоритъ Господь: и *учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѡ. 28, 19. 20). Итакъ всякій, кто, не укрѣпившись прежде силою св. Крещенія, возьмется творить заповѣди Христовы, все будетъ трудиться. И кто тому, кто не укрѣпленъ силою св. Крещенія, повелѣваетъ исполнять заповѣди Христовы, буй есть и слѣпецъ. Ибо прежде надлежитъ его укрѣпить въ духъ благодатію Христовою, очищающею душу чрезъ св. Крещеніе, и тогда уже давать исполнять и заповѣди. Ибо какъ возможно, чтобы земля, исполненная терній и волчцевъ, пріявъ чистое сѣмя, не заглушила его? Но божественное Крещеніе Христово имѣетъ великую силу—тѣхъ, которые не крещены и удобовижны на зло, дѣлать неподвижными на зло, какъ только окрестятся. Или если и не дѣлаются они тотчасъ такими неподвижными, но всячески дѣлаются неудобовижными. Это и есть знаменіе силы, какая пріемлется отъ св. Крещенія. Оно дѣлаетъ ихъ еще удобовижными на добро, какъ-бы

ангелами, сильными крѣпостію, творящими волю Божию (Пс. 102, 20). По сей же причинѣ Христосъ Господь даровалъ и божественную кровь Свою, чтобъ вѣрующіе въ Него причащались ея, и чрезъ то дѣлались причастными божественнаго естества, какъ причащающіеся Божіей крови и потомъ, какъ уже божественные и имѣющіе крѣпость божеской силы, чтобъ жителъствовали по совершенному закону Евангелія Христова и творили волю Божию, какъ сильные крѣпостію. Если теперь вѣрующій во Христа и исповѣдающій Его, послѣ того, какъ укрѣпленъ сталъ такою силою и получилъ возможность творить законъ Христовъ, презрѣть его и не станетъ жить по волѣ Божіей, то да вѣдаетъ таковой, что онъ отрекся отъ Христа, какъ, по слову Апостола, *Сына Божія поправый и кровь заветную скверну возмнившій* (Евр. 10, 29).

Если же какіе, послѣ св. Крещенія и Причащенія божественнаго тѣла и крови Христовой, бываютъ еще удобовижны на зло и не являются сильными крѣпостію на то, чтобы творить волю Божию, то явно, что они не увѣровали еще во Христа, какъ слѣдуетъ вѣровать. Имъ надлежитъ прибѣгнуть къ архіереямъ, іереямъ и духовнымъ мужамъ, исповѣдаться и отъ всей души покаяться во всѣхъ грѣхахъ своихъ, и особенно въ этомъ ихъ великомъ невѣжествѣ, что не имѣютъ совершеннаго познанія о таинствахъ христіанства, не знаютъ, въ чемъ состоитъ вѣра, и что вообще долженъ знать всякій христіанинъ, какъ христіанинъ; послѣ сего имъ надобно сдѣлать оглашеніе, чтобъ познали слово вѣры и все необходимое, какъ мы сказали, и начали вѣровать во Христа какъ слѣдуетъ; наконецъ прочитатъ надъ ними разрѣшительную молитву съ возложеніемъ рукъ, и тѣмъ завершить восполненіе недостававащаго въ нихъ. Когда такимъ образомъ открыто будетъ имъ Евангеліе правды, они получаютъ

духовное чувство, чтобъ восчувствовать и понять приня-
тую ими умную благодать Христову, которая какъ-бы
пріосѣнить тогда душу ихъ, дѣлая ее сокрушенною и
смиренною и вселяя въ нее спасительный страхъ Божій.
Это и служить всегда началомъ добраго пути и путевод-
ствомъ для тѣхъ, которые воспріимлютъ наконецъ жизнь
о Христѣ, какъ слѣдуетъ. Тогда уже пусть причастятся
они достойно и пречистаго Тѣла и Крови Христовой,
да будутъ божескаго общники естества. Бывъ освящены
такимъ образомъ, не будутъ уже они болѣе преобладаемы
грѣхомъ, какъ прежде: ибо въ томъ и освященіе, что
христіанинъ дѣлается сильнымъ крѣпостію на то, чтобы
творить волю Божію, и сего ради получаетъ наименованіе
вѣрнаго христіанина, какъ такой, которому ввѣрена бла-
годать Христова и который силою сей благодати живетъ
въ духѣ Христовомъ. Другимъ образомъ и возможности
нѣтъ сдѣлаться и быть христіаниномъ.

Но кто, получивъ силу жить по закону Хри-
стову, предается нерадѣнію и не творитъ воли Божіей,
со стороны того требуется великое удовлетвореніе чрезъ
понесеніе должнаго наказанія (церковной эпитиміи), чтобъ
исправленіе его соотвѣтствовало мѣрѣ грѣха его; при чемъ
потребно изліяніе столькихъ слезъ, сколько было воды
въ купѣли, въ которой онъ крестился; потребно такъ
усердно умолять Господа, да продлитъ ему жизнь, чтобъ
имѣть время уврачеваться и не умереть. неуврачеваннымъ
и не пойти за то въ муку вѣчную. Ибо кто можетъ
поручиться, что смерть подождетъ, пока онъ уврачуется?
Здѣсь въ этой жизни только умѣстны врачевательныя
эпитиміи. Здѣсь надобно на потребное время не допускать
такого до святаго Причастія, отлучать или отдѣлять его
отъ Христа и отъ общенія и соображенія съ прочими
христіанами. Здѣсь потребны рыданія, стenanія, посты,
бдѣнія и прочія злостраданія тѣлесныя, и не иначе, какъ

послѣ такихъ трудовъ сподоблять его Пречистыхъ Таинъ. И такое удовлетвореніе требуется отъ него совершенно праведно; такъ какъ онъ не сохранилъ божественнаго таинства, разумно принятаго. О такомъ грѣхѣ никто не можетъ сказать, что онъ меньше грѣха Адамова. Адамъ, еслибъ зналъ, что Богъ обитаетъ внутри его, никакъ не восхотѣлъ бы вкусить отъ древа познанія и преступить заповѣдь Божию. Но онъ какъ только созданъ былъ, такъ и получилъ благодать Божию, а не былъ прежде лишенъ благодати сей, чтобъ получивъ ее потомъ знать и чувствовать, что наки воспріялъ Бога: почему и не зналъ, что Богъ въ немъ. А этотъ прежде крещенія былъ нагъ отъ Христа, и облекся въ Него уже чрезъ святое Крещеніе, какъ говоритъ св. Павелъ: *елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3, 27). Всякая душа тотчасъ, какъ окрестится человѣкъ, принимаетъ въ духѣ благодать Христову, по коей тотчасъ воображается въ ней Христосъ. Но крещенные младенцами не чувствуютъ освященія, получаемаго въ Крещеніи; потому что такое чувство освященія есть умное дѣло, а младенцы еще несовершенны умомъ, чтобъ разумѣть принятую благодать. Почему съ продолженіемъ времени они мало-помалу измѣняются и переходятъ на сторону худа; и благодать св. Крещенія въ иныхъ погасаетъ и совсѣмъ теряется, а въ иныхъ сохраняется малая ея искра, отъ которой потомъ великая сія милость опять въ нихъ воспламеняется, если прибѣгнуть къ духовнымъ отцамъ и покаются, какъ мы сказали, примутъ оглашеніе, возстановятъ вѣру, какъ слѣдуетъ, и возуповаютъ на Бога. Въ таковыхъ скоро опять возгарается Божія благодать и явныя даетъ о себѣ свидѣтельства. Послѣ этого, если они съ усердіемъ и ревностію станутъ подкладывать подъ нее рукояти (связки дровъ) смиренномудрія и милости-ности, то въ нихъ возгорится пламя великое и просвѣ-

титъ даже окружающихъ ихъ: смиренномудрія, — помышляя и чувствуя, что испытываемое ими не есть плодъ ихъ собственныхъ усилій, а даръ Божій; милостивости, — убѣждаясь, что сподобленный такой милости долженъ и самъ быть милостивъ, и дѣйствительно являя ее ко всѣмъ другимъ.

Если же въ некоторые изъ тѣхъ, которые пріявъ и второе крещеніе покаянія чрезъ воспріятіе ангельскаго образа, и сдѣлавшихся монахами, не чувствуютъ въ духѣ божественной и всемошной силы Всесвятаго Духа, ими полученной, потому что отъ нихъ отступила благодать полученная ими при воспріятіи ангельскаго образа, какъ отступаетъ и благодать св. Крещенія отъ тѣхъ, которые крещены младенцами, какъ мы сказали, вслѣдствіе чего они оказываются удободвижными на зло, какъ были и прежде; то тщетна вѣра ихъ, тщетно и ихъ второе крещеніе покаянія: ибо и священныя одѣянія ангельскаго образа возлагаются на нечувственныхъ и мертвыхъ духомъ, которые не чувствуютъ пріемлемой благодати. Удостовереніе въ дѣйственности спасенія одно, — это духовное чувство благодати Всесвятаго Духа, даруемой отъ Бога ради вѣры духовной силѣ ума. Такую благодать Святаго Духа сподобляются получить во время крещенія тѣ, которые вѣруютъ во Христа, — иные, чтобъ творить знаменія и чудеса, большая же часть, чтобъ быть неподвижными на зло и легкодвижными на добро, и всеусердно съ радостію и веселіемъ проходить богоугодную жизнь. Таковъ чинъ у вѣрующихъ во Христа.

Но да внимаемъ добръ, чтобъ не случилось быть внѣ сего чина кому-либо изъ діаконовъ, или іереевъ, или духовныхъ отцевъ и руководителей душъ христіанскихъ, и не постигъ насъ гнѣвъ Божій, тѣмъ, что не станетъ у насъ болѣе ни огласителя, который бы оглашалъ ученіемъ вѣры, ни учителя, который бы училъ, ни духовныхъ мужей, которые бы возстановляли разстроившихся

божественнымъ возсозиданіемъ, которое превосходитъ всякое слово человѣческое. Ибо не слѣдуетъ никому, прежде причастія божественной благодати, восходить на учительскую кафедру, чтобъ не привлечь на себя Божія гнѣва,—такъ какъ изъ мудрыхъ въ словѣ, но непріятныхъ божественной благодати, иные сдѣлались начальниками ересей, другіе побѣждены были словами еретиковъ и пали въ ровъ пагубы. Но какъ таковые не чувствовали силы возрожденія, бывшаго въ нихъ чрезъ св. Крещеніе, то имъ надлежитъ прежде пойти къ духовнымъ мужамъ, чтобъ—посредствомъ покаянія и другихъ дѣяній, о коихъ мы сказали выше, поста, молитвы, возложенія рукъ опытныхъ отцевъ духовныхъ и строителей (экономовъ) великаго сего таинства, а также и священнаго оглашенія тѣми, которые умѣютъ оглашать, сподобиться получить возрожденіе и таинственное образovanje душевныхъ силъ, и укрѣпившись божественною благодатію и силою, начать работать въ вертоградѣ Божіемъ, да не будетъ тщетною вѣра ихъ и исповѣданіе ихъ. Ибо когда вѣра ихъ будетъ тщетна, то никакой пользы не принесетъ ни то, что именуютъ себя вѣрующими во Христа, ни то, что поклоняются Ему. Богъ не для того содѣлался человѣкомъ, чтобъ Ему поклонялись и вѣровали, что Онъ Богъ и человѣкъ, — просто въ то случилось; но Онъ содѣлался человѣкомъ для того, что бы мы содѣлывались общниками Божескаго естества, какъ и Онъ содѣлался общникомъ человѣческаго естества, и, познавъ силу сего таинства и благодать восчувствовавъ, благодарили Его. Которые опытно познали принятую благодать, тѣ суть други Христовы, коимъ ввѣрены тайны, и которые проводятъ жизнь въ духѣ Христовомъ. Тѣ же, которые совсѣмъ не получили такой благодати, т.-е., некрещенные, и которые получили ее, но не познали ея, такіе суть враги Божіи. Ибо всякій, кто непричастенъ

божескаго естества, т.-е. не имѣть божественной благодати, плотянь есть и не можетъ благоугодить Богу, потому что помышленіе плотское вражда на Бога есть, и плоть и кровь царствія Божія наслѣдiti не можетъ. Таковъ услышитъ наконецъ и оное евангельское слово: *отъ немущаго и еже мнится имѣя, взято будетъ отъ него* (Мѣ. 25, 29). Благодать Божія безпредѣльна, всегда съ преизбыточествомъ изливается и никогда не оскудѣваетъ. Если бы, скажемъ такъ, кто прожилъ тысячу лѣтъ, и въ эту тысячу лѣтъ каждый день была бы подаваема ему благодать, то онъ былъ бы преисполненъ ею и погруженъ въ нее, она же все пребыла бы цѣлою, нисколько не умалившеюся. Впрочемъ само собою слѣдуетъ, что въ томъ, кто получилъ благодать, она или умножается, если онъ подвизается, или умалется, если понерадить; и если это нерадѣніе продолжится, то мало-по-малу она и совсѣмъ въ немъ оскудѣетъ, и оставитъ его совершенно пустымъ. Оставить, а онъ долго еще будетъ думать, что имѣетъ ее. Ибо благодать отходитъ сокровенно, какъ сокровенная по естеству и таинственная; потому отходя не даетъ ему чувствовать отступленія своего, и онъ не сразу узнаетъ объ отступленіи ея. Намъ же даруй Господи сподобиться того, чтобъ, получивъ благодать Божію, мы приумножали ее въ себѣ, прилагая подвиги къ подвигамъ, во Христѣ Иисусѣ, Коему слава во вѣки. Аминь.

СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЕ.

1. Какіе это неизреченные глаголы, кои слышалъ Апостолъ Павелъ?
2. Что суть блага, ихже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце чело-вѣку не въздоша?
3. Что есть царствіе Божіе, и какъ оно дѣйствительно является въ насъ?

1. Владыка всяческихъ Христосъ каждодневно учитъ насъ чрезъ святыя Евангелія, гдѣ иное говоритъ прикровенно, чтобъ не понимали Его многіе, когда говоритъ

въ притчахъ, изъ чего иное опять объясняетъ наединѣ ученикамъ Своимъ, говоря: *вамъ дано есть въдати тайны царствія Божія, прочимъ же въ притчахъ* (Лук. 8, 10); иное же говорить не обинуясь, для всѣхъ явно, какъ сказали Ему Апостолы: *се нынѣ не обинуясь глаголеши, а притчи никоеяже не глаголеши* (Іоан. 16, 29). Почему нашъ долгъ изслѣдовать и узнать, въ какихъ словахъ учили Господь не обинуясь и явно, и въ какихъ учили прикровенно и приточно. Такъ, напримѣръ, явно возвѣстиль Онъ слѣдующее: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ* (Мѡ. 5, 44); *блажени плачущи, горе снѣющимся* (Лук. 6, 21. 25); *покайтесь, приблизится царствіе небесное* (Мѡ. 3, 2). И опять: *любяй душу свою погубитъ ю: и ненавидяй души своя въ мѣръ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю* (Іоан. 12, 25). И: *аще кто хочетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Мѡ. 16, 24). Много и другихъ подобныхъ мѣстъ, въ коихъ Іисусъ Христосъ предлагаетъ Свое ученіе не прикровенно и въ притчахъ, а явно и безъ всякой прикровенной мысли. Приточно же Имъ сказано, напримѣръ, слѣдующее: *подобно есть царствіе Божіе зерну горюшину, еже приеъмъ челоувѣкъ вверже въ вертоградъ свой: и возрасте, и бысть древо велие* (Лук. 13, 19). Опять: *подобно есть царствіе небесное челоувѣку купцу, ищущему добрыхъ бисерей* (Мѡ. 13, 45). И еще: *подобно есть царствіе небесное квасу, егже вземши жена скры въ сатѣхъ трехъ муки, дондеже вскисоша вся* (Мѡ. 13, 33). Сіе и многое подобное сему говорить Господь приточно, уподобляя царствіе небесное такимъ предметамъ, и называетъ это притчами.

Откуда помысли, прошу тебя, сколь велика премудрость Божія, что такими чувственными примѣрами, которые кажутся намъ такъ невысокими, Онъ изображаетъ предъ нами и, какъ живописецъ какой, начертываетъ въ

умѣ нашемъ недомыслимое и непостижимое. Дѣлаетъ же Онъ это для того, чтобъ невѣры оставались слѣпцами, лишенными вѣдѣнія такихъ благъ, такъ какъ сдѣлались недостойными того по причинѣ невѣрія своего; а вѣрующіе, напротивъ, слыша и съ вѣрою пріемля приточное слово, видѣли истину и ясно познавали событіе въ самихъ себѣ означаемыхъ притчами вещей. Ибо притчи суть образы вещей духовныхъ; а какъ и какихъ вещей суть они образы, послушай. Зерно горюшное есть Духъ Святой; человѣкъ есть каждый вѣрующій, желающій пріять зерно сіе посредствомъ дѣланія заповѣдей; вертоградъ есть сердце вѣрующаго, внутрь котораго ввергаютъ то зерно (единое, говоритъ, а не много, потому что естественно недѣлимое и недробимое не можетъ быть раздѣлено на многія части, но пребываетъ всегда едино). Потомъ когда хранимъ себя со всякимъ вниманіемъ и блюденіемъ, зерно то даетъ ростокъ; когда ростокъ подымется, то дѣлается явнымъ; когда же еще подрастетъ и станетъ довольно великимъ, то познаваемъ бываетъ тѣми, въ которыхъ настолько разросся; а когда наконецъ станетъ какъ дерево и пуститъ отъ себя многія вѣтви, тогда радостію неизреченною исполняетъ того, кто сподобляется это возымѣть въ себѣ. Итакъ, какъ садъ безъ посѣяннаго сѣмени не даетъ никакихъ полезныхъ зелій, кромѣ однихъ терній и дикихъ травъ, и сѣмя не будучи посѣяно не прорастаетъ и не приноситъ плода, но остается одно, какъ есть: совершенно такимъ же образомъ и наши души, если не примутъ въ себя божественнаго сѣмени, пребываютъ безплодными, исполненными терній, т.-е. грѣховъ; равно и божественное сѣмя, прежде чѣмъ ввержено будетъ въ души наши, пребываетъ въ себѣ, какъ есть, ни умноженія, ни умаленія не пріемлетъ и въ насъ ни ростка не даетъ, ни возрастаетъ въ древо. Ибо какъ возможно, чтобы то божественное сѣмя, не будучи по-

сѣяно въ сердцахъ нашихъ и не соединившись съ нами, но пребывая особо отъ насъ, какъ особо отъ сада находится сѣмя, не посѣянное въ немъ, — какъ, говорю, возможно, чтобъ оно разрослось въ насъ, какъ разрастается въ тѣхъ, въ сердцахъ которыхъ посѣяно и съ которыми соединилось? Никакъ это невозможно, — какъ невозможно также и то, чтобъ огонь зажегъ дрова, не бывъ подложенъ подъ нихъ, или чтобъ загорѣлись дрова безъ соприкосновенія съ огнемъ.

Но какъ слова свят. Евангелій иныя говорятся намъ примрочно и въ притчахъ, а иныя говорятся ясно безъ прикровенности; такъ и слова Апостоловъ не всѣ говорятся явно безъ прикровенности, но иныя изъ нихъ имѣютъ нужду въ большомъ толкованіи и изъясненіи, потому что содержатъ сокровенную глубину мыслей. И если признаете благословнымъ, возьмемъ въ разсмотрѣніе одно изреченіе св. Апостола Павла, и увидимъ, какія тамъ сокрыты глубины Духа: ибо, по слову Божію, *Св. Духъ вся испытуетъ и глубины Божія* (1 Кор. 2, 10). Какое же изреченіе имѣемъ мы разсмотрѣть? — О неизреченныхъ глаголахъ, какіе слышалъ божественный Павелъ, когда былъ восхищенъ до третьяго небесе.

Но прежде надобно намъ пояснить, что значить глаголь — *ρῆμα*, чтобы правильно уразумѣть смыслъ апостольскихъ словъ. Глаголь — *ρῆμα*, — значить слово, — *λογος*, какъ и наоборотъ слово называется глаголомъ. Такъ сотникъ сказалъ Господу: *ρῆμα* слово, — *λογος*, и испѣваетъ отрокъ мой, а жена Іова говорила: *ρῆμα* глаголь, — *ρῆμα*, нѣкій ко Господу и умри. — Глаголы и слова человѣческія говорятся устами человѣческими и слышатся ушами человѣческими. Но глаголь Божій и слово, исходящее изъ устъ Его, совершенно неизрекаемо и неизложимо для языка человѣческаго и невмѣстимо для уха человѣческаго, и даже невозможно, чтобы слово

Бога вошло въ чувство человѣческое, потому, что чувство не можетъ чувствовать того, что превыше всякаго чувства. — Далѣе подъ словомъ и глаголомъ въ Богѣ, по первому созерцанію, разумѣемъ Слово Бога и Отца, самого Господа нашего Іисуса Христа, Бога истиннаго; а подъ устами Его, коими Онъ изрекаетъ неизреченные глаголы, разумѣемъ Святаго Духа, какъ и пророкъ говоритъ: *уста бо Господня глаголаша сія* (Ис. 1, 20), т.-е. Духъ Господень. Почему же Духъ Святый называется устами Божиими, а Сынъ называется Глаголомъ и Словомъ? Потому что какъ собственное наше слово, сущее въ душѣ нашей, произносится и явнымъ для другихъ дѣлается посредствомъ устъ нашихъ, и другимъ способомъ невозможно произнести или сдѣлать его явнымъ, кромѣ глаголанія устъ; такъ и Сынъ Божій и Слово не можетъ познанъ быть, или услышанъ быть, если не будетъ откровенъ чрезъ Духа Святаго. — Что говоримъ: не можетъ, то говоримъ это въ отношеніи къ Богу вмѣсто *οὐκ εὐδεχεται* (не бываетъ, чтобъ, — неумѣстно, не подобаетъ) и вмѣсто — не хотеть, какъ говорится, напримѣръ, невозможно солгать Богу, и *не возможе многа знаменія сотворити*. И какъ у насъ бываетъ, что если не отверземъ собственныхъ устъ нашихъ, то не можетъ изыти внѣ слово наше: такъ и если не отверзутся уста Божіи (т.-е. Духъ Святый) чрезъ осіяніе и просвѣщеніе, какія бываютъ въ насъ (не говорю, чтобъ Духъ отверзался, но умъ нашъ, когда осіявается и просвѣщается отъ Духа), Сынъ и Слово Божіе не зрится и не бываетъ явенъ въ чувствѣ зрѣнія и слуха нашего (умнаго).

Изяснивъ сіе, заключаемъ, что неизреченные оные глаголы, какіе слышалъ божественный Павель, не другое что суть (по моему скудоумному мнѣнію), какъ сокровенныя и воистину неизяснимыя и незримыя, чрезъ осіяніе отъ Духа Святаго бывающія, созерцанія, и бо-

голѣпныя и недомыслимыя уразумѣнія пресвѣтлой и пренедовѣдомой славы и божества Сына и Слова Божія, какія будучи открываемы, болѣе ясными и болѣе чистыми представляются тѣмъ, кои достойны того. Вотъ что, говорю, суть тѣ неслышанныя слышанія неизреченныхъ глаголовъ, то непостижимое постиженіе непостижимыхъ вещей. Если Апостоль сказалъ, что слышалъ глаголы (т.-е. слухомъ), а мы, изъясняя сія глаголы, сказали, что это Сынъ Бога и Отца глаголется чрезъ Святаго Духа, и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ осіяніе Его открывается достойнымъ, и таковое осіяніе, или откровеніе бываетъ, сказали мы, посредствоу созерцанія, а не посредствоу слышанія; то да не покажется тебѣ сіе страннымъ и невѣрнымъ. Но послушай разрѣшеніе сего недоумѣнія и познай дѣло какъ есть, да не будешь невѣренъ, но вѣренъ. Разрѣшеніе же это таково. Внимай!

Богъ, Который есть первая причина всего прочаго, единъ есть. И это едино—есть свѣтъ и животъ, Духъ и Слово, уста и глаголь, премудрость и вѣдѣніе, радость и любовь, царство небесное и рай, небо небесъ, какъ и солнце солнцевъ, и Богъ боговъ, и всякое другое добро, какое бы ты ни сказалъ, заимствуя мысль о немъ отъ сихъ видимыхъ вещей, или отъ того, что выше всѣхъ ихъ, — найдешь, что оно есть сіе едино, о коемъ я сказалъ, и удостовѣришься, что оно есть и именуется всеобъемлюще, существенно и господственно — Благо. Оно не имѣетъ никакого совершенно подобія съ видимымъ, но есть выше всякаго видимаго добра, несравненно и неизреченно. И нераздѣлимо сіе едино, какъ видимое раздѣлено одно отъ другаго, но пребываетъ одно и то же, безъ всякаго измѣненія. Оно есть всеблагое, высшее всякаго блага. — Съ другой стороны, и человѣкъ, созданный по образу и подобию Божію, почти тѣмже образомъ бытія, и имѣетъ въ единой душѣ

и умъ, и слово, и единое чувство, хотя оно, по пяти естественнымъ потребностямъ тѣла, дѣлится на пять чувствъ. Въ отношеніи къ тѣлесному оно нераздѣльно раздѣляется посредствомъ пяти частныхъ чувствъ—зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія, и будучи неизмѣняемо неизмѣнно, проявляетъ дѣйственность свою,—и видитъ (не само чувство, но душа посредствомъ его), и слышитъ, и обоняетъ, и вкушаетъ, и различаетъ вещи по осязанію. Въ отношеніи же къ духовному нѣтъ необходимости, чтобъ это общее чувство раздѣлялось на пять чувствъ, какъ бы на пять оконъ, — не требуются, говорю, ни очи, чтобъ, открывая ихъ, видѣть тамошнія вещи, ни уши, чтобы слышать слово, ни органъ обонянія, чтобъ обонять тамошнія доброты, ни губы и языкъ, чтобъ вкушать и различать сладкое отъ горькаго, ни руки, чтобъ различать твердое и мягкое, тяжелое и легкое. Но оно выходитъ внѣ всего этого, что мы сказали, и естественно послѣдуетъ за умомъ, нераздѣляясь отъ него и несясь все всецѣло съ нимъ; но пребывая всецѣло единымъ чувствомъ, оно имѣетъ съ собою и въ себѣ пять чувствъ (или точнѣе сказать—болѣе), поколику всѣ они едино суть. Теперь сообрази, прошу тебя, поточнѣе, что излагаетъ слово мое. Душа, умъ, слово суть едино, въ единой сущности и единомъ естествѣ человѣка,—и это едино чувствуетъ, рассуждаетъ, какъ разумное существо, понимаетъ, помнитъ, совѣщается съ собою, желаетъ или не желаетъ, избираетъ, или не избираетъ, любитъ или ненавидитъ, и,—чтобъ не удлиннять слова, — это едино есть живущее (существо или сила), которое въ одно и тоже время и видитъ, и слышитъ, и обоняетъ, и вкушаетъ, и осязаетъ, и понимаетъ, и знаетъ, и говоритъ.—Слушай внимательно и вникай въ силу того, что говорится тебѣ, чтобъ могъ ты понять, какіе это неизреченные глаголы,

и какъ слышалъ ихъ св. Павелъ, — каковы и открыты были ему и видимы были имъ въ Духъ Святомъ.

Богъ Творецъ всяческихъ единъ есть, и сіе едино, какъ мы сказали прежде, есть всякое благо. Съ другой стороны и душа, разумная и безсмертная, тоже едина есть. И она едина есть вся — чувство, совмѣщающее въ себѣ всѣ чувства, какія ни есть. Итакъ, когда единый всяческихъ Богъ является чрезъ откровеніе единой разумной душѣ, тогда открывается ей всякое благо и въ одно и тоже время созерцается (ощущается) всѣми вмѣстѣ чувствами ея. Сіе единое и всякое вмѣстѣ благо и видимо бываетъ ею, и слышимо, и услаждаетъ вкусъ, и облагоухаваетъ обоняніе, осязается, познается, говорить и говорится, знаетъ и знаемо бываетъ, и что знаетъ, сіе сознается. Ибо кто познается Богомъ, тотъ знаетъ, что познается, и кто видитъ Бога, тотъ знаетъ, что и Богъ видитъ его. Но кто не видитъ Бога, тотъ не знаетъ, что Богъ видитъ его, такъ какъ самъ не видитъ Его, хотя хорошо видитъ все прочее. Итакъ, которые удостоились увидѣть заразъ всѣми вмѣстѣ чувствами, какъ однимъ изъ многихъ чувствъ, сіе всеблаго, которое и едино есть и многое, поелику есть всеблаго, тѣ, говорю, поелику познали и ежедневно познаютъ разными чувствами единаго чувства разныя вмѣстѣ блага, какъ единое, не сознаютъ во всемъ сказанномъ никакого различія, но созерцаніе называютъ вѣдѣніемъ и вѣдѣніе созерцаніемъ, слухъ зрѣніемъ и зрѣніе слухомъ, какъ и пророкъ Аввакумъ говорить: *Господи, услышахъ слухъ Твой и убояхся. Господи, разумѣхъ дѣла Твоя и ужасохся* (3, 1). Отъ кого же это другаго онъ услышалъ? Пророчествуя, онъ о Господѣ проповѣдалъ. Какъ же говорить: *Господи, услышахъ слухъ Твой*? И что хочетъ онъ открыть чрезъ удвоенное слышаніе, когда говорить: *услышахъ слухъ Твой*? Что другое, кромѣ того, что чрезъ осіяніе Святаго Духа, или откровеніе отъ

Него, позналъ удостовѣрительно Господа нашего Иисуса Христа, и опять, чрезъ сокровенное глаголаніе сего же Святаго Духа научаемъ, позналъ все воплощенное домостроительство Господне; и потомъ сіе о Господѣ ученіе, которое пріялъ отъ Духа Святаго, онъ такъ усвоилъ себѣ, какъ бы оно было его собственное, и какъ бы видя Господа, какъ и въ самомъ дѣлѣ удостовѣрительно видѣлъ Его чрезъ осіяніе отъ Святаго Духа, говорилъ Ему: *посредъ двою животну познанъ будеши, внигда при-ближиться тѣмъ, познаешися, внигда пріити времени, явишися* (— — 2). Такъ что ученіе вмѣстѣ и вѣдѣніе, которое бываетъ чрезъ созерцаніе, дѣйствиємъ Духа, онъ называетъ слухомъ, который слышалъ, о воплощенномъ домостроительствѣ Господа. И тѣмъ, что сказалъ: Господи! показываетъ, что видѣлъ Его предъ собою и собесѣдовалъ съ Нимъ: ибо какой человѣкъ бесѣдуетъ съ тѣмъ, кого не видитъ? Ужели кто можетъ, не видя земнаго царя предъ собою, говорить ему: о, царю! услышалъ я опредѣленія, какія положила царская власть твоя? Никакъ. А пророкъ говорить, и говорить не только—*услышалъ слухъ Твой*, но еще и—*познанъ будеши*, и—*познаешися*, и—*явишися*; почему, какъ познавшій со всею удостовѣрительностію весь совѣтъ Господа, говорить какъ бы Ему: то и то хочешь совершить Ты, Господи, какъ опредѣлило царство Твое. Да и всѣ пророческія изреченія наибольшею частію тоже значать.

Итакъ Божественному Писанію обычно такимъ образомъ называть слышаніе созерцаніемъ Бога, и созерцаніе слышаніемъ Бога. Такъ и божественный Павелъ неизъяснимыя созерцанія и осіянія Святаго Духа, ученія и откровенія, превосходящія мѣру человѣческаго естества и силы, необычно назвалъ глаголами, сказавъ и написавъ, что слышалъ неизреченные глаголы. Но въ слѣдъ за симъ онъ написалъ: *и за премногая открове-*

нiя и проч. Итакъ, если божественный Павелъ сказалъ прежде, что слышалъ, то почему послѣ того, какъ услышалъ, называетъ онъ это откровенiями, когда откровенiя бываютъ чрезъ созерцанiе, а не чрезъ слышанiе, какъ говоритъ и Давидъ: *открый очи мои и уразумѣю чудеса отъ закона Твоего* (Пс. 118, 18)? По чему другому, если не потому, что онъ, какъ мы сказали, слышанiе употребляетъ вмѣсто созерцанiя, и созерцанiе вмѣсто слышанiя? Также Апостолъ Павелъ помянулъ, что восхищенъ былъ до третьяго неба. И опять вопросъ, — какъ же сказалъ потомъ, что слышалъ? И это не по другой причинѣ, какъ по той, какую мы только-что указали. Отсюда заключаемъ, что восхищенiемъ онъ обозначилъ воцерковныхъ созерцанiе, какое видѣлъ, потомъ таинства, которыя были въ семь созерцанiи, — и о томъ, что наивысшiйше открывало славу оную и Божество, возсіявшее ему, онъ сказалъ, что слышалъ то, — поколику это сообщало вѣдѣнiе, научало видѣвшаго сiе и открывало ему то, что для всѣхъ неизреченно и недомыслимо.

Итакъ въ отношенiи къ духовнымъ вещамъ, какъ мы сказали, и слышательное и зрительное чувство есть одно и изъ того, что здѣсь созерцаетъ кто, или слышать, не можетъ онъ опредѣлительно сказать, что именно есть то, или другое, судя по тому, какъ онъ то видитъ или слышитъ. Почему Апостолъ и сказалъ, что того невозможно изложить человѣческимъ языкомъ. Намъ впрочемъ надлежитъ подвизаться объ очищенiи самихъ себя покаянiемъ и смиренiемъ, чтобъ соединить съ единымъ благимъ и преблагимъ Богомъ всѣ наши чувства, какъ одно, и тогда все то, чего не можемъ мы представить и изъяснить многими словами, все то заразъ познаемъ и уразумѣемъ, слыша зрѣнiемъ, и видя слышанiемъ, научаясь созерцанiемъ, и слушая откровенiемъ. Впрочемъ есть еще и иное нѣкое слышанiе въ отноше-

ніи къ вещамъ наидуховнѣйшимъ. Какое же это? То, коимъ пріемлется обѣтованіе благъ, которыя имѣють быть намъ даны. Какъ пророки, пророчествовавшіе о первомъ пришествіи Господа, хотя созерцали Его и знали точно, но какъ оно не было еще сбывшимся во дни ихъ, а имѣло быть послѣ, то они о томъ, что было имъ открываемо и показываемо относительно его, говорили, что слышать то, такъ какъ это имѣло быть въ послѣдствіи. Такъ и св. Павелъ, поелику видѣлъ блага царствія небеснаго, какія имѣють быть дарованы праведнымъ, и поелику узналъ и удостовѣрился до точности, что любящіе Бога отъ всей души и соблюдающіе заповѣди Его имѣють несомнѣнно получить сіи блага, по второмъ пришествіи Господнемъ и по воскресеніи мертвыхъ, по обѣтованію Господа; то и сказалъ: *слышавъ неизреченныя глаголы, аже не лѣтъ есть человекомъ глаголати.*—Но почему прежде называлъ ихъ благами, а потомъ называетъ глаголами? Потому что блага оныя воистину суть нѣкія дивныя и предивныя словеса, чрезъ кои всякое разумное естество будетъ улаждаемо неисчерпаемымъ, вѣчно живымъ и живоноснымъ улаженіемъ, будетъ выну оживляемо божественнымъ оживленіемъ и обвеселяемо. Ибо какъ Слово Бога и Отца есть Богъ, то справедливо осіянія и откровенія Бога Слова именуются глаголами. Слово есть Богъ, и глаголы Его суть лучи и блистанія Божества, кои возсіявають отъ Бога, какъ молнія, и наяснѣйше намъ открываются.

Этихъ глаголовъ не могу я изъяснить или истолковывать, но возлюбленный ученикъ Христовъ Іоаннъ Бого-словъ, по данной ему отъ Бога благодати, сказалъ нѣчто въ объясненіе того, что слышалъ св. Павелъ, говоря: *возлюбленніи, нынѣ чада Божія есмы, и не уявися, что будемъ: въмы же, яко егда явится, подобни Ему будемъ, ибо узримъ Его якоже есть* (1 Іоан. 3, 2). Св. Павелъ

сказалъ, что слышалъ неизреченные глаголы, которые не можетъ человекъ произнести. А Іоаннъ Богословъ говорить: *вѣмы, яко егда явится, подобни Ему будемъ и узримъ Его, якоже есть*. Что самое и св. Павелъ говорить въ другомъ мѣстѣ: *нынѣ разумѣю отъ части, тогда же познаю, якоже и познавъ быхъ* (1 Кор. 13, 12). Видишь, какъ въ отношеніи къ духовнымъ вещамъ одно и тоже есть вѣдѣніе и подобіе, видѣніе и познаніе?— Ибо Христосъ бываетъ для насъ всѣмъ—и вѣдѣніемъ, и мудростію, и словомъ, и осіяніемъ, и созерцаніемъ, и знаніемъ, и любящимъ Его даетъ вкусить отъ благъ Своихъ и въ настоящей жизни отъ части, даетъ также имъ таинственно слышать и неизреченные нѣкіе глаголы, отъ большей части сокрытые. Ибо если Христосъ не будетъ для насъ всѣмъ вмѣстѣ, то будетъ слѣдовать, что царство небесное и блаженство его неполны и несовершенны. То есть, если Христосъ не будетъ для всѣхъ праведныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что сказали мы выше, еще и одѣяніемъ, и вѣнцемъ, и обувію, и радостію, и сладостію, пищею, питіемъ, трапезою, ложемъ, упокоеніемъ, неизреченною красотою, и всѣмъ другимъ, что пригодно для услажденія, славы и радованія, но будетъ недостаточествовать хотя въ одномъ какомъ-либо благѣ и для одного только изъ имѣющихъ обитать тамъ; то лишеніе этого недостающаго блага дастъ мѣсто печали, и слѣдовательно печаль войдетъ въ среду неизреченной радости веселящихся, а изъ этого явно станетъ, что ложно слово писанія, которое говоритъ: *отбѣже болѣзнь, печаль и воздыханіе* (Исаіи 51, 11). Но этого никакъ не будетъ, а будетъ тамъ всяческая во всѣхъ и всякое благо будетъ преизбыточествовать вмѣстѣ со всѣми благами, и насыщать сверхъ мѣры всѣ чувства призванныхъ и сидящихъ на бракѣ Христа Царя, и Самъ Христосъ Богъ будетъ вкушаемъ и піемъ, такъ какъ Самъ Онъ

есть всякій видъ пищи, питія и сластей. Христось будетъ тогда видимъ всѣми, и Самъ Христось будетъ видѣть всѣ безчисленныя міріады святыхъ, ни съ кого глазъ не сводя, такъ что каждому изъ нихъ будетъ казаться, что Онъ на него смотритъ, бесѣдуетъ съ нимъ и привѣтствуетъ его; и никто не будетъ опечаленъ тѣмъ, будто Христось не обратилъ на него вниманія и презрѣлъ его.

Христось, какъ мы сказали, будетъ тогда и вѣнцемъ, имѣющимъ увѣнчать главы всѣхъ святыхъ. Не приѣмля никакого измѣненія, но пребывая неизмѣннымъ, Онъ будетъ являть Себя инаковымъ для одного, и инаковымъ для другаго; будетъ удѣлять Себя каждому, какъ подобаетъ и какъ онъ того достоинъ. Самъ Христось имѣетъ быть тогда для всѣхъ и одѣяніемъ, такимъ одѣяніемъ, какимъ облещись подвизался каждый и облещься, находясь еще въ сей жизни; и никакъ невозможно, чтобы кто-либо вошелъ на тотъ таинственный бракъ, не бывъ облеченъ въ это пресвѣтлое одѣяніе. Если же бы случилось такому, смѣшавшись съ достойными, войти туда тайкомъ (что однакожь никакъ невозможно), то онъ тотчасъ изгнанъ будетъ вонъ. И Владыка Христось, желая показать намъ, что никому одѣтому въ мрачныя рубища невозможно пребыть на бракъ, истолковалъ это притчею, въ которой сказавъ: *друже, како вшелъ еси тмо, не имый одѣяннѣя брачна*, прибавилъ потомъ: *связавше ему руцѣ и нозѣ ввержите его во тму кромѣшнюю* (Мѡ. 22, 12). Полагаю, что Господь сказать такимъ образомъ не потому, что тотъ мрачно одѣтый вошелъ на браки, утаившись отъ Бога, предъ Коемъ ничего нѣтъ утаеннаго, но потому, что еще не пришло время открыть такое таинство, и Онъ не хотѣлъ сказать прямо, что туда на браки невозможно войти никому, кто не одѣтъ въ одѣяніе Божества Моего, почему и прикрылъ слово о томъ подъ такимъ образомъ. Но Апостоль Па-

вель прямо уже открылъ сіе, говоря: *якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небеснаго* (1 Кор. 15, 49). А каковъ образъ небеснаго, о семь послушай, что говоритъ тотъ же божественный Павелъ: *Иже сый сіяніе славы Его и образъ рпостаси Его* (Евр. 1, 3),—наиточнѣйшій образъ Бога и Отца. Итакъ образъ Отца есть Сынъ, и образъ Сына есть Духъ Святой. Видѣвшій Сына видѣлъ Отца, и видѣвшій Духа Святаго видѣлъ Сына. Апостолъ говоритъ: *Господь же Духъ есть* (2 Кор. 3, 17), и опять: *самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголаннми* (Рим. 8, 26), вопія: *Авва Отче!* (—15). Духъ взываетъ: Авва Отче! не потому, что Духъ есть Сынъ,— да мимоидеть отъ насъ такая хула!—но потому, что Сынъ Божій видится и созерцается Духомъ Святымъ, и что ни Сынъ никому не открывается безъ Духа, ни Духъ безъ Сына; но вмѣстѣ съ Духомъ открывается Сынъ и Самъ чрезъ Духа взываетъ: Авва Отче!

2. Ты же, возлюбленный, если не знаешь еще того, о чемъ я говорю, не отчайся и не скажи: того, о чемъ ты говоришь, я совсѣмъ не знаю, и не могу тому научиться, и не чаю, чтобъ могъ когда-либо достигнуть до высоты такого вѣдѣнія, созерцанія и чистоты. Но опять не скажи и такъ: если невозможно войти въ царствіе Божіе тому, кто еще въ настоящей жизни не облечется во Христа, яко Бога, не взойдетъ до созерцанія Его и не достигнетъ того, чтобъ Онъ обиталъ внутри его (я же не могу успѣть ни въ чемъ такомъ); то какая мнѣ польза и подвизаться ради этого, изъ-за этихъ подвиговъ лишать себя наслажденія настоящими благами?—Смотри, не говори такого слова и даже не думай такъ. Но если тебѣ угодно и если желаешь послушать моего совѣта, я съ помощію Духа Святаго, истолкую тебѣ, въ чемъ настоящій путь и способъ спасенія.

Итакъ перво-на-перво, отъ всей души повѣрь, что все

сказанное мною есть совершенная истина, свидѣтельствуемая Божественными Писаніями, и что всякій вѣрующій въ Сына Божія долѣн имѣть быть именно таковымъ: ибо намъ дана область чадами Божиими быти, и если восхощемъ, нѣтъ къ тому никакого препятствія. Для этого было все воплощенное домостроительство и снисшествіе Сына Божія на землю, — т.-е. для того, чтобъ насъ содѣлать общниками и наслѣдниками Божества и царства Своего посредствомъ вѣры въ Него и соблюденія заповѣдей Его. Ибо если не увѣруешь, что это бываетъ именно такъ, какъ я сказалъ выше, то конечно не станешь и искать того, а не разыскавши не получишь. А Господь говорить: *ищите и обрящете: просите и дастся вамъ* (Матѳ. 7, 7). Послѣ же того, какъ увѣруешь, послѣдуй Божественнымъ Писаніямъ и дѣлай все, что они тебѣ говорятъ. Поступая такъ, найдешь все это, какъ написано мною, непогрѣшительнымъ. И не только это, но найдешь и другое многое, большее этого, — найдешь написаннымъ въ Божественныхъ Писаніяхъ. Что же это такое? То, чего око не видало, о чемъ ухо не слышало, и что на сердце человѣку не виходило, — блага, уготованныя Богомъ любящимъ Его. И если ты несомнѣнно повѣришь тому, что я сказалъ, то всеконечно увидишь это и ты, какъ и Павелъ, и восхищенъ будешь въ рай, куда вошелъ разбойникъ вѣстѣ со Христомъ, и услышишь тамъ неизреченные глаголы.

Хочешь ли, я инымъ нѣкимъ образомъ объясню тебѣ, какія это блага, *ихже око не видѣтъ и ухо не слышитъ и на сердце человеку не взыдоша?* — Полагаю, что всячески тебѣ желательно послушать, чего и самъ Павелъ, видѣвшій то, не сказалъ и не изложилъ. А почему не сказалъ онъ этого? Потому, думаю, чтобъ не подвергать людей грѣху невѣрія, — что услышать, и не повѣрять: такъ что если и ты не увѣренъ, что повѣришь тому, что имѣю сказать тебѣ, то лучше тебѣ не слышать о

томъ. Ибо если услышишь и не повѣришь, но преслушаешь слова мои, или лучше сказать, слова Божіи; то само это слово осудитъ тебя въ день суда,—что слышалъ и не повѣрилъ. Почему, не колеблясь сомнѣніями слушай слова мои, или, какъ предъ симъ сказалъ я, слова Божіи.—Познай же искомое нами рѣшеніе вопроса о неизреченныхъ глаголахъ, слышанныхъ св. Павломъ въ раю, что это суть вѣчныя оныя блага, и что блага сіи, которыхъ око не видало, о которыхъ ухо не слыхало и умъ человѣческій никогда не помышлялъ, которыя однакожъ Богъ уготовалъ любящимъ Его,—блага сіи не на высотѣ спрятаны, не въ какомъ-либо мѣстѣ заключены, не во глубинѣ сокрыты и не въ послѣднихъ предѣлахъ земли или моря обрѣтаются,—но суть предъ очами твоими.—Какія же это они?—Вмѣстѣ съ благами, усокровиществованными на небесахъ, есть Тѣло и Кровь Господа нашего Іисуса Христа, кои мы каждодневно видимъ, вкушаемъ и піемъ. Вотъ что суть блага оныя!—И помимо ихъ, пройди всю тварь, нигдѣ не найдешь ты ни одного изъ тѣхъ благъ, о коихъ я сказалъ. Если желаешь удостовѣриться въ истинѣ словъ моихъ, стань сперва святымъ чрезъ дѣланіе заповѣдей Божіихъ, потомъ причастись святыхъ и пречистыхъ Тѣла и Крове Христовыхъ, и тогда опытомъ точно познаешь силу словъ моихъ. А чтобъ тебѣ повѣрить удобнѣе этимъ моимъ словамъ, выслушай собственныя слова Господа, которыя сказалъ Онъ іудеямъ, а также и ученикамъ Своимъ: *аминь, аминь глаголю вамъ: не Морсей даде вамъ хлѣбъ съ небесе: но Отецъ Мой дастъ вамъ хлѣбъ истинный съ небесе. Хлѣбъ бо Божій есть сходяй съ небесе и дающій животъ міру. Рѣша убо къ Нему: Господи, всегда даждь намъ хлѣбъ сей. Рече же имъ Іисусъ: Азъ есмь хлѣбъ животный: грядый ко Мнѣ не имать взыскатися, и вѣруй въ Мя не имать вжаждатися никогдаже.*—

*Роптаху убо юдее о Немъ, яко рече: Азъ есмь хлѣбъ сшедшій съ небесе. И глаголаху: не сей ли есть сынъ Іосифовъ, егоже мы знаемъ отца и матеръ? Како убо глаголетъ сей, яко съ небесе снидохъ? (Іоан. 6, 32—35. 41. 42). Внемли же себѣ и ты, чтобъ не возроптать подобно Іудеямъ и не сказать: не хлѣбъ ли это, — что на дискосѣ, и не вино ли то, что въ чашѣ? Какъ же говорить сей, что сей видимый хлѣбъ и сіе видимое вино суть оныя блага, которыхъ око не видало и о которыхъ ухо не слыхало и умъ человѣческій никогда не помышлялъ? Но послушай, что сказалъ Господь тѣмъ, кои роптали тогда и говорили такія слова: *Отъица убо Іисусъ и рече имъ: не ропщите между собою. Никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его, и воскрешу его Азъ въ послѣдній день* (—43, 44). Какъ бы говорилъ Онъ имъ: чего ради не вѣрите вы и сомнѣваетесь въ этомъ? Никто не можетъ познать божества Моего (ибо это означаютъ слова: *никтоже можетъ пріити ко Мнѣ*), если Отецъ Мой не привлечетъ его и не подыметъ до познанія сего. Но привлеченіе здѣсь не какое-либо насиліе или принужденіе показываетъ, а призваніе посредствомъ откровенія. *Ихже бо предъувѣдъ и предустави, тѣхъ и призва* чрезъ откровеніе Сына Своего (Рим. 8, 29. 30), восхищая ихъ, нѣкоторымъ образомъ, любовію Сына Своего, имъ открываемаго. Яснѣе это показываютъ слѣдующія за тѣмъ слова Господа: *есть писано во пророцѣхъ: и будутъ вси научени Богомъ. Всякъ слушающій отъ Отца и навѣкъ, пріидетъ ко Мнѣ: не яко Отца видѣлъ есть кто: токмо сый отъ Бога, сей видѣ Отца* (—45. 46). Итакъ только наученный Богомъ можетъ увѣровать въ Сына Божія. И опять Господь говорить: *аминь, аминь глаголю вамъ: вѣрующій въ Мя, имать животъ вѣчный. Азъ есмь хлѣбъ животный. Отцы ваши ядоша манну въ пустыни, и**

умроша. Сей есть хлѣбъ сходяй съ небесе, да аще кто отъ него ястъ, не умретъ. Азъ есмь хлѣбъ животный, сшедый съ небесе: аще кто съестъ отъ хлѣба сего, живъ будетъ во вѣки: и хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра. Пряхуся же между собою жидове, глаголюще: како можетъ сей намъ дати плоть Свою ясти? Рече же имъ Иисусъ: аминь, аминь глаголю вамъ: аще не съесте плоти Сына Человѣческаго, ни пиете крове Его, живота не имаете въ себѣ. Ядый Мою плоть и пійй Мою кровь, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день. Плоть бо Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво (Іоан. 6, 47—55). Слышалъ, что причащеніе Божественныхъ и пречистыхъ Таинъ есть животъ вѣчный, и что тѣхъ, кои имѣють въ себѣ сей животъ вѣчный, Господь воскреситъ въ послѣдній день? Не такъ это, чтобъ другіе остались въ гробахъ, но такъ, что имѣющіе въ себѣ животъ воскреснутъ для вѣчной жизни, а прочіе воскреснутъ для вѣчныхъ мученій. И чтобъ тебѣ понять, что это истинно, слушай, что далѣе слѣдуетъ: ядый Мою плоть и пійй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ. Якоже посла Мя живой Отецъ, и Азъ живу Отца ради: и ядый Мя живъ будетъ Мене ради (— 56. 57). Видишь, что говорить? Слышишь, какъ ясно-ясно взываетъ Сынъ Божій, что, чрезъ причащеніе пречистыхъ Таинъ, такое же имѣемъ мы единеніе и жизнь со Христомъ, какое единеніе и жизнь имѣетъ Онъ Самъ со Отцемъ? Ибо какъ Онъ едино есть съ Богомъ и Отцемъ Своимъ по естеству, такъ, говорить, и мы едино бываемъ съ Нимъ по благодати, когда вкушаемъ плоть Его и пиемъ кровь Его. И чтобы мы не думали, что все сіе совершаетъ видимый хлѣбъ, Онъ говорилъ: *Азъ есмь хлѣбъ сходяй съ небесе*. Не сказалъ только: *сшедый* (ибо это означало бы, что Онъ только

одинъ разъ сошелъ), но что говорить? *сходяй съ небесе*, т.-е., Я всегда схожу и прихожу къ тѣмъ, которые причащаются достойно. При этомъ, желая отвлечь умъ нашъ отъ видимаго, или лучше сказать, желая возвести насъ посредствомъ видимаго къ созерцанію невидимой славы вѣчнаго Божества Своего, Христосъ Господь говорилъ: *Азъ есмь хлѣбъ животный*, и опять: *Отецъ Мой дастъ вамъ хлѣбъ истинный*, не отъ земли, а съ небесе. Говоря: *хлѣбъ истинный съ небесе*, показалъ тѣмъ, что хлѣбъ, который отъ земли, не есть истинный, какъ не приносящій потребной пользы. И чтобъ яснѣе это показать, говорить: *хлѣбъ Божій есть сходяй съ небесе и даѣй животъ міру*. Опять говорить: *сходяй*, и опять: *даѣй животъ*. Для чего? Для того, чтобъ ты не подумалъ, что Онъ говоритъ о чемъ-либо тѣлесномъ и, причащаясь, не представлялъ что-либо земное, но самую эту малую часть, коею причащаешься, умными очами души своей созерцать обоженною, содѣлавшеюся совершенно подобною хлѣбу, сходящему съ небеси, который есть Богъ истинный,—хлѣбъ и питіе безсмертной жизни; дабы не остаться тебѣ въ невѣріи, съ однимъ хлѣбомъ, который видишь чувствами своими, и такимъ образомъ не вкушать хлѣбъ лишь земный, а не небесный, и не лишиться за то живота, яко не вкусившему духовно небеснаго хлѣба, какъ говорить Самъ Христосъ: *Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не пользуется ничтоже* (—63). Какихъ это не пользуется? Тѣхъ, которые говорятъ, что Онъ простой человѣкъ, а не Богъ. И ты вѣрный, если причащаешься хлѣба только, а не тѣла обоженнаго, и если не вѣруешь, что при себѣ приѣмлешь въ себя Самого Христа всего, какъ надѣешься пріять отъ Него животъ и имѣть Его въ себѣ ощутительно для чувства души твоей? ибо слышишь, что говоритъ Онъ? *Ядый Мя*, т.-е., съ неба сходящій хлѣбъ,

живъ будетъ во вѣки. И опять: плоть не пользуется Духъ есть иже оживляетъ. Истинно Духъ есть, Иже очищаетъ насъ и дѣлаетъ достойными причастія тѣла Господня. Ибо тѣ, которые, причащаются недостойно, судъ себѣ ядятъ и пѣютъ, не разсуждая тѣла Господня, какъ говоритъ Апостоль.

Итакъ елицы вѣрніи, елицы познали силу таинствъ, о коихъ мы сказали и говоримъ, елицы вкусили хлѣба небеснаго и съ нимъ стяжали животъ вѣчный, даруемый симъ небеснымъ хлѣбомъ, т.-е. Сыномъ Божиимъ, и стали пребывать въ Немъ и съ Нимъ,—прїидите, восхитимся духовно и мысленно и мы до третьяго небесе, или, лучше сказать, до самаго неба Пресвятыя Троицы, да видимъ и слышимъ все то, что было изглаголено и что однакожъ пребываетъ неизглаголеннымъ, и да вкусимъ, да обоняемъ и да осязаемъ то добрѣ руками души своей, т.-е., да познаемъ то истинно умнымъ чувствомъ, и за тѣмъ возблагодаримъ и прославимъ человѣколюбиваго Бога, говоря: препрославленъ буди, Господи, благоволившій явиться и открытися въ насъ, и во всѣхъ вообще, скажемъ такъ, братіяхъ нашихъ.

Отцы и братія, монахи вкупѣ и мірскіе, богатые и бѣдные, рабы и свободные, юноши и старцы, и всякій возрастъ и родъ, послушайте! Богъ не ложенъ и не безсиленъ сотворить то, что обѣщалъ. Онъ не укоснить посѣтить всѣ языки, и никому невозможно укрыться отъ очей Его, или стерпѣть явленіе славы Его въ день суда. Ибо когда *небеса съ шумомъ мимо идутъ, стихіи же сжигаемы разорятся*, какъ говоритъ св. Петръ (2 Петр. 3, 10), тогда невозможно человѣку стерпѣть день пріествія неприступнаго Бога, живущаго во свѣтѣ неприступномъ, Который, всегда пребывая въ немъ (свѣтѣ) и съ нимъ приходя въ міръ, такъ имѣетъ быть узрѣнъ всякимъ человѣкомъ. Тогда грѣшниковъ обьиметъ истинно

великій страхъ и трепеть, и нѣтъ скорби и печали, нѣтъ болѣзни и муки, которыя могли бы сравняться съ тѣми, какія испытають тогда грѣшники. Но которые вѣруете этому и желаете спасенія себѣ, послушайте, что говоритъ Духъ Святый: да возвратится всѣмъ каждый изъ васъ отъ злаго пути, которымъ идетъ, т.-е. да оставитъ грѣхи, которые творить; научитесь добро творити; избавьте обидимаго; взыщите притрудно Господа и жива будетъ душа ваша; уклонитесь отъ зла и сотворите благо; цари возлюбите облекаться паче въ цѣломудріе, правду, истину и вѣру благочестивую, нежели украшаться царскимъ вѣнцемъ и царскими одеждами; патріархи, если вы не други Богу и не сыны Его, сойдите съ троновъ вашихъ и подите прежде самихъ себя научите отъ Божественныхъ Писаній, и когда станете отображеніемъ Бога и уподобитесь Ему, тогда приблизьтесь со страхомъ и трепетомъ, и осяжите божественная; если же не такъ, то, когда явится Богъ, тогда узнаете, что Онъ есть огонь поядая не тѣхъ, кои возлюбили Его, но тѣхъ, кои не хотѣли пріять Его, когда Онъ приходилъ просвѣтити ихъ. Властители покоритесь и смиритесь; и богатые станьте лучше бѣдными, потому что неудобно богатому внити въ царствіе небесное. И если богатому неудобно внити, то властителю и совсѣмъ невозможно внити. Да, невозможно: ибо Господь говоритъ ученикамъ Своимъ: *князи языкъ господствуютъ ими. Не такоже будетъ въ васъ, но иже еще хочетъ въ васъ влѣзшій быти, да будетъ вамъ слуга: и иже еще хочетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ* (Мѳ. 20, 25—27). Княземъ Писаніе называетъ того, кто ищетъ лишь себѣ чести и славы, и силою власти своей творить лишь свою волю. Но если Господь нашъ и Богъ, снисшедшій на землю для спасенія нашего и намъ во всемъ подавшій спасительный примѣръ, говорилъ: *сидюхъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя*

Отца (Іоан. 6, 38); то кто изъ вѣрующихъ въ Него можетъ спастись, не творя воли Божіей, а только свою собственную? И что я говорю—спастись? таковому невозможно вѣрнымъ быть и христіаниномъ истиннымъ именовать. Это объявляетъ Самъ Христосъ Богъ нашъ, когда говоритъ: *како вы можете впровати, славу друга отъ друга приѣмлюще, и славы, яже отъ единого Бога, не ищите* (Іоан. 5, 44)? Почему всякій, ищущій славы Божіей и во всякомъ дѣлѣ всячески подвизающійся творить не свою, а Господню волю, никогда не возмечтаетъ властвовать надъ кѣмъ-либо другимъ, или представлять себя высшимъ кого, малаго или большаго; но чѣмъ большее дадутъ ему насгоятельство, и чѣмъ пространнѣйшее поручать управленіе, тѣмъ больше будетъ онъ имѣть себя искренно низшимъ и меньшимъ, и почитать слугою тѣхъ, коихъ имѣетъ подъ своею властію. Но тѣ, которые не имѣютъ такого расположенія, но ищутъ человѣческой славы и жаждутъ богатства и утѣхъ, такіе (стыдно поистинѣ сказать) суть язычники, а не христіане настоящіе, какъ изрекъ божественный гласъ Іисуса Господа и Бога нашего: *всѣхъ силъ языцы ищутъ: вы же ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Лук. 12, 30).

3. Но знаете ли, какого царствія велитъ Онъ искать намъ? Того ли, которое находится на высотѣ небесной и имѣетъ открыться по воскресеніи всѣхъ мертвыхъ? И когда заповѣдуетъ намъ искать его, сколь далекимъ полагаетъ Онъ его отъ насъ? Слушай внимательно, да познаешь, какого царства искать велитъ намъ Господь. Богъ Творецъ и устроитель всяческихъ надъ всѣмъ царствуетъ, и небеснымъ, и земнымъ, и преисподнимъ; наипаче же царствуетъ Онъ надъ нами правдою, вѣдѣніемъ и истиною. И вотъ сего-то царства искать велитъ намъ Господь, т.-е. искать, да царствуетъ и надъ нами Богъ.

Какъ же да царствуетъ? Да возсѣдитъ поверху насъ, какъ на колесницѣ, да держитъ руками Своими желанія душъ нашихъ, какъ бразды, и находя насъ послушными, да направляетъ насъ туда, куда хочетъ, управляя желаніями нашими, какъ конями по волѣ Своей, чтобъ мы охотно покорствовали заповѣдямъ и повелѣніямъ Его и исполняли ихъ. Этимъ способомъ царствуетъ Богъ въ тѣхъ, въ которыхъ никогда не царствовалъ, послѣ того какъ они очищаются посредствомъ слезъ и покаянія и дѣлаются совершенными духовною мудростію и разумомъ. Такъ и люди въ мірѣ сѣмъ бываютъ какъ Херувимы на небѣ, имѣя на раменахъ душъ своихъ Бога. Кто же столько несмысленъ и безчувственъ, чтобы не возжелалъ увидѣть такую божественную славу, и не употребилъ всѣхъ усилій и подвиговъ стяжать ее, но лучше воспохотствовалъ стяжать богатство, или славу, или власть мірскую? Или, лучше сказать, кто столько окаянень и умоизступлень, чтобъ подумалъ, что кромѣ царствія и славы Божіей есть другое нѣчто болѣе великое, слава ли, или царство, или богатство, или честь, или власть, или удовольствіе, или другое что изъ того, что именуется и почитается благомъ на землѣ или на небѣ, чтобы, сравнивъ, избрать ему лучше это, а не то? Для имѣющихъ разумъ поистинѣ нѣтъ другаго блага, кромѣ царствія Божія.

Посему никто да не дерзаетъ несмысленно отгонять отъ себя Христа, Который повсюду ходитъ ища, да царствуетъ надъ всѣми нами. Никто, прошу васъ, да не лишаетъ себя сего великаго и возжелѣннаго дара. Никто да не низпадаетъ отъ сей истинной славы. Никто да не оставляетъ Щедродавца Бога, Творца всего сущаго, изъ-за временнаго богатства. Никто да не отрицается Владыки всяческихъ изъ-за пристрастія любви къ родителямъ, друзьямъ и сродникамъ. Никто да не погубляетъ сладости истинной жизни изъ-за похоти плотской. Никто да не

отчуждаетъ себя отъ вѣчной и нескончаемой славы изъ-за славы временной. Но прїидите, совокупимся всѣ во едино и взыщемъ, да прїидеть и воцарится въ каждомъ изъ насъ Тотъ, Кто есть выше всякаго начала и власти и всякаго имени именуемаго; каждый изъ насъ да воспрїиметь въ себя всего Его и да имѣетъ Его неотлучнымъ отъ себя день и ночь, чтобы Онъ просвѣщалъ его Своимъ пресвѣтлымъ и непреступнымъ свѣтомъ (тѣмъ свѣтомъ, который имѣетъ тогда поглотить враговъ Божіихъ, когда Онъ прїидетъ сотворить судъ надъ ними, невѣрующими въ Него, не прїемлющими Его и не хотящими, да царствуетъ Онъ надъ ними), сшествовалъ съ нимъ внутрь жилища его, опочилъ съ нимъ на одрѣ его, объялъ его невидимыми объятіями Своими и облобызалъ неизреченнымъ цѣлованіемъ; чтобы утѣшалъ его въ болѣзни, отгонялъ печали и скорби, изгонялъ бѣсовъ, каждочасно подавалъ ему радость и слезы сладчайшія меда и сота, врачевалъ душевныя и тѣлесныя страсти, уничтожалъ страхъ смерти, изводилъ неизреченно источники жизни, и послѣ смерти возводилъ каждаго изъ насъ на небеса небесъ. Все сіе надлежитъ тебѣ, возлюбленный, познать самымъ дѣломъ и испытать всѣмъ чувствомъ души твоей, чтобы стяжать въ себя Бога, Который возводилъ бы тебя вмѣстѣ съ Собою на небеса, теперь въ сей жизни безъ тѣла, а послѣ въ другой жизни воскресилъ бы тебѣ и тѣло сіе, содѣлавъ его вседуховнымъ, и потомъ уже царствовалъ надъ тобою нескончаемые вѣки, тебя носилъ, и Самъ тобою былъ носимъ, сый надъ всѣми Богъ, Коему подобаетъ всякое благодареніе, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Его Отцемъ, и пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Жизнь преподобнаго Сумеона Новаго Богослова.	Стр. 3
СЛОВО ПЕРВОЕ. 1) Въ чемъ состояло преступленіе Адамова? 2) Какъ по причинѣ преступленія его всѣ люди сдѣлались тлѣнными и смертными? 3) Какъ милостивый и человеколюбивый Богъ чрезъ домостроительство воплощенія избавилъ родъ человѣческой отъ тлѣніа и смерти? 4) И въ чемъ состоитъ таинство креста и тридневнаго погребенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа?	21
СЛОВО ВТОРОЕ. 1) О томъ, что естество человѣческое чрезъ воплощеніе Сына и Бога-Слова приходитъ опять въ благобытіе, т.-е., въ то доброе и божественное состояніе, въ какомъ было оно до преступленія Адамова. 2) Также о законѣ естественномъ, писанномъ и духовномъ. 3) Еще о томъ, какимъ способомъ можетъ кто придти въ благобытіе. 4) И какія дѣла дѣлая можемъ мы войти въ царствіе небесное.	27
СЛОВО ТРЕТЬЕ. О томъ, что намъ надлежитъ испытать самихъ себя, имѣемъ ли мы блаженства Христовы, потому что они (добродѣтели, ими указываемыя) суть знакъ печати (Христовой)	32
СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ. 1) О томъ, что смерть души есть удаленіе изъ нея Духа Святаго, жало же смерти сей—грѣхъ; и что смерть и тлѣніе тѣла есть уподобленіе смерти и растлѣніе души. 2) И о томъ, какіе признаки мертвости и живости души? 3) О томъ, какимъ образомъ бываетъ отъятіе тлѣніа и смерти; и о томъ, что смерть нынѣ не истреблена, а попрана и сдѣлана ничтожною. 4) О томъ, какъ послѣ смерти прославляются тѣлеса почившихъ святыхъ; также о воскресеніи и праведномъ судѣ Божиѣмъ.	44
СЛОВО ПЯТОЕ. 1) Что есть самовластіе, которое даровалъ Богъ человѣку въ началѣ? 2) И послѣ паденія, что осталось въ человѣкѣ отъ сего самовластія?	57
СЛОВО ШЕСТОЕ. 1) Что въ тѣлѣ болѣзнь, то въ душѣ грѣхъ. 2) Какъ имѣемъ мы чувство тѣлесное, такъ надобно, чтобъ душа имѣла чувство духовное и чувствовала какъ болѣзнь свою, такъ и здравіе. 3) Кто не имѣетъ чувства духовнаго и не чувствуетъ, болѣзнь ли душа его или здорова, тотъ еще не христіанинъ, хотя и называется христіаниномъ: ибо прямой плодъ вѣры христіанской есть здравіе души	63

СЛОВО СЕДЬМОЕ. 1) Богъ, по чрезмѣрной любви Своей къ людямъ, подвергъ ихъ разнымъ лишеніямъ въ жизни сей. 2) Бѣдность есть благоудѣаніе Святаго Бога. 3) Кто хулитъ бѣдность, тотъ отрицается христіанства и не хочетъ быть христіаниномъ. 4) Необходимость настоятъ, чтобы христіане имѣли скорби и бѣды 69

СЛОВО ОСЬМОЕ. 1) Удерживать въ умѣ читаемое въ Божественномъ Писаніи есть дѣйствіе силы Божіей. 2) О молитвѣ и чтеніи. 3) Какъ надлежитъ христіанину молиться? 74

СЛОВО ДЕВЯТОЕ. 1) Самый большой грѣхъ есть молиться безъ страха Божія, безъ благоговѣнія и вниманія. Допускающіе его не вѣдаютъ какъ должно Бога. 2) Для того, чтобы познать Бога, потребенъ божественный свѣтъ. 3) Всякій человѣкъ грѣшитъ умомъ, словомъ и дѣломъ. Чтобы охраниться отъ грѣховъ, надо прежде всего уврачевать умъ. 81

СЛОВО ДЕСЯТОЕ. 1) Богъ не немощнымъ создалъ въ началѣ человѣка, такъ чтобы онъ согрѣшилъ по немощи, какъ теперь грѣшитъ. 2) Иное есть грѣхъ Адама, а иное прочіе грѣхи, коими грѣшимъ мы нынѣ. 3) Что намъ даровано отъ Христа, и что есть грѣхъ? 4) Того ради Богъ содѣлался человѣкомъ, да упразднитъ дѣла діавола 86

СЛОВО ОДИННАДЦАТОЕ. 1) Пишетъ сіе слово св. отецъ къ одному ученику изъ мирянъ, и научаетъ, какъ должно чтить св. отцевъ духовныхъ? 2) Что должно дѣлать, чтобы найти встоящаго духовнаго отца? 3) И нашедши его, какъ должно къ нему относиться? 92

СЛОВО ДВѢНАДЦАТОЕ. 1) Кающійся во грѣхахъ своихъ никакой не получить пользы, если не взываетъ пріять отъ Христа Господа и врачевство той немощи своей, по причинѣ коей грѣшитъ. 2) Что бы ни дѣлалъ человѣкъ въ настоящей жизни, всеу дѣлаетъ, если то не способствуетъ въ здравію его душевному. 3) Какъ грѣхъ бываетъ по волѣ нашей и безъ воли нашей? 121

СЛОВО ТРИНАДЦАТОЕ. 1) Врачевство врачующее душу одно, а не много ихъ. 2) Четырьмя образами грѣшатъ люди. 3) Спасеніе всѣхъ въ единой волѣ Божіей; человѣкъ же не имѣетъ въ себѣ ничего, чѣмъ бы самъ могъ спастися. 126

СЛОВО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ. 1) Чего требуетъ Богъ отъ христіанина? 2) Какой вредъ потерпѣлъ и терпитъ человѣкъ отъ діавола, а не знаетъ того? 3) Всѣ люди недугуютъ душею, и не понимаютъ того. 4) Надобно имъ познать недуги свои, чтобы взывать къ врачу. 5) Лжеавый діаволъ свои искушенія какъ приманку какую полагаетъ предъ людьми. 6) По какой причинѣ не всѣ христіане преуспѣваютъ въ добродѣтеляхъ? 133

СЛОВО ПЯТНАДЦАТОЕ. 1) Есть семь классовъ лицъ, для которыхъ потребна молитва церкви о спасеніи ихъ. 2) Тѣ, которые молятся Богу, а между тѣмъ сами не знаютъ, о чемъ просить, не бываютъ услышаны. 3) Все трудятся тѣ, которые не молятся въ духѣ 141

СЛОВО ШЕСТНАДЦАТОЕ. 1) Кто истинный христіанинъ? 2) Христіанинъ, который любитъ славу, или удовольствія, или деньги, не истинный христіанинъ. 3) Христіанамъ необходимо нести чувствитель-

внѣ лишенія и подвиги, чтобъ освободиться отъ сихъ страстей. 4) Всякое доброе дѣло надобно дѣлать съ тою цѣлю, чтобы пріять благодать Христову и святость. 5) Молиться со вниманіемъ есть даръ Божій. 6) Грѣшники—враги Богу, отъ которыхъ Онъ отвращается. . . 149

СЛОВО СЕМНАДЦАТОЕ. 1) Какое бы ни сдѣлалъ человѣкъ добро, ему же самому бываетъ отъ того благо. 2) Какъ узнать, принялъ ли Богъ наши посты, молитвы и милостыни? 3) Какъ должно пѣть и молиться? 4) Освященіе и свобода даются душѣ посредствомъ вѣры. 5) Душею неслаломѣнною должно быть смиренномудріе. 6) Чѣмъ погашается благодать Божія . . . 158

СЛОВО ОСЬМНАДЦАТОЕ. 1) Вѣра въ семи значеніяхъ употребляется. 2) Черезъ вѣру сподобляется человѣкъ благодати Божіей. 3) Невозможно безъ вѣры угодить Богу. . . 167

СЛОВО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ. 1) Душа очищается посредствомъ вѣры и исполненія заповѣдей Христовыхъ. 2) Облекается она свыше сходящею силою Духа Святаго и сподобляется зрѣть Бога. 3) Желающимъ получить благо отъ Бога подлежить съ радостію терпѣть всякую скорбь, злостраданія и искушенія, ихъ встречающія. 4) Всякому надлежитъ разсмотрѣть себя, достоинъ ли онъ вникъ въ царствіе небесное. 173

СЛОВО ДВАДЦАТОЕ. 1) Кто тѣ, кои истинно любятъ Бога, отъ чего рождается любовь къ Богу и чѣмъ обнаруживается? 2) Какія дѣла любви къ ближнимъ по Богу? 3) Любовь есть глава закона. . . 181

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ. 1) О милостынѣ: кто насыщаетъ Бога, когда Онъ алчетъ, и напаваетъ, когда Онъ жаждетъ, и какъ потому можно совершать такого рода дѣла? 2) Не получаетъ настоящей пользы тотъ, кто милуетъ только бѣдныхъ, а не милуетъ и себя самого, оставляя себя въ небреженіи обпаченнымъ отъ всякаго добраго дѣла и отъ благодати Божіей. . . 185

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ. 1) Прежде надлежитъ намъ получить благодать Христову, и тогда уже проходить можемъ жизнь по Богу. 2) Какимъ образомъ сподобляются сей благодати? 3) Кто во грѣхѣхъ и кто въ благодати? 4) Всякій грѣхъ отъ діавола, а добро отъ Христа. 5) Что есть глава добродѣтелей, и что ноги ихъ? . . . 199

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ. Трѣмъ страстямъ бывають порабоощаемы люди: сребролюбію, славолюбію и сластолюбію. . . 208

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ. 1) Богъ никого не создалъ быть рабомъ другаго человѣка, тѣмъ менѣе демоновъ. 2) О безусловномъ гнѣвѣ и похоти, и отъ чего подвергается имъ человѣкъ. 3) Какъ для тѣлеснаго зрѣнія потребны здравые глаза, соразмѣрное разстояніе, чистый воздухъ и свѣтъ солнца, такъ и для умнаго зрѣнія необходимо все такое мысленно . . . 217

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ. 1) О страстномъ, невѣрномъ и лукавомъ или зломъ настроеніи. 2) Въ чемъ состоитъ единеніе Бога съ нами свѣта, и какъ оно происходитъ? . . . 226

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ. О покаяніи и противъ тѣхъ, которые криво толкуютъ слѣдующія слова божественнаго Павла: *иже предутьъ, тѣмъ и предустави*, и проч. (Рим. 8, 29 и д.). . . 232

СЛОВО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ. Душеполезныя наставленія всяко-
му христіанину 241

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ОСЬМОЕ. 1) Всякій грѣхъ есть вѣщестіе, и вся-
кій грѣшникъ—нечестивецъ. 2) Христосъ умеръ, чтобъ поспѣлѣть людей
отъ грѣховъ ихъ. 3) Чтобъ именоваться только христіанами, это пере-
ходить въ намъ отъ предковъ нашихъ и отъ рода христіанскаго . . . 245

СЛОВО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ. 1) Кто ищетъ отъ Бога, а самъ не
знаетъ, чего ищетъ, тщетно ищетъ. 2) Какъ молиться о царствіи Бо-
жіемъ? 3) Душа, сподобившаяся царствія, должна ощущать сіе чув-
ствомъ и являть дѣломъ. 4) Кто лукавый, и какъ можно избавиться
отъ рабства ему? 5) Какимъ образомъ совершается воскресеніе души? 249

СЛОВО ТРИДЦАТОЕ. 1) Сколько видовъ познанія о Богѣ и какіе
они? 2) Намъ надлежитъ знать, что есть Богъ, но что Онъ есть, того
не должно допытываться. 3) Чтобъ быть христіаниномъ, надо вѣровать
и вѣрститься. 4) Кто называется и есть христіанинъ, и кто называет-
ся, но не есть христіанинъ? 5) Кто не творитъ воли Христа Спасите-
ля, тотъ не христіанинъ. 6) Неправедныя христіане хуже Евреевъ. 259

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ. 1) Два есть главнѣйшихъ дѣла, изъ
коихъ въ одномъ пагуба, въ другомъ спасеніе. 2) Гордость растетъ
вмѣстѣ съ человѣкомъ. 3) Всякому необходимо сознать, что онъ ни-
что. 4) Главная черта христіанина есть смиреніе. 5) Есть двѣ жертвы,
благопріятныя Богу, безъ коихъ нѣтъ спасенія. 6) Какой признакъ
того, что приближается кто къ Богу? 26

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ. Посланное къ нѣкому брату христі-
анину—о покаяніи, гдѣ показывается, что надобно дѣлать тому, кто
послѣ того, какъ впалъ въ грѣхъ и приобрѣлъ злой навѣкъ, покался
и положилъ начало исправленію. 27

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ. Къ причащающимся Божественныхъ
Таинъ.—И кто причащается недостойно 279

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ. 1) О словахъ Апостола Павла:
искупящее время, яко дніе лукави суть (Еф. 5, 16). 2) Какимъ образомъ
искупаетъ кто разумно время настоящей жизни? 285

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ. 1) О словахъ: *первый человекъ отъ зем-
ли перстемъ, второй человекъ Господь съ небесе* (1 Кор. 15, 47). 2) Какъ
совлекаемся мы перстнаго человѣка, и облакаемся во Христа, и дѣ-
лаемся родственниками Ему и братьями? 293

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ. 1) Богъ въ день суда осудитъ, какъ
грѣшниковъ, тѣхъ, которые не ищутъ пріять благодать Божию. 2) Си-
ла грѣха непонятна. 3) Христосъ употребляетъ члены христіанъ, какъ
орудія 301

СЛОВО ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЕ. 1) Человѣкъ потерялъ истину по-
слѣ того, какъ изгнанъ былъ изъ рая. 2) Въ чемъ грѣхъ діавола, и въ
чемъ—Адама? 3) Человѣкъ грѣшенъ отъ самаго зачатія своего. 4) И
возражается Святымъ Духомъ во святомъ крещеніи. 5) Чего это же-
лали цари и пророки, прежде пришествія Христова? 6) Духовный
отецъ долженъ прежде оглашать исповѣдающихся и научать таинству

вѣры, а потомъ налагать и епитимію. 7) Всякому христіанину потребно воспріять божественное измѣненіе. 307

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ОСЬМОЕ. 1) Всякій изъ насъ долженъ познать, что онъ есть Адамъ, чтобъ быть Христомъ. 2) Таинство воплощенія Сына и Слова Божія имѣетъ цѣлю пересозидать вѣрующихъ въ Него, и дѣлать ихъ нетлѣнными и безсмертными. 3) Опредѣленія Божіи дѣлаются закономъ естества. 4) Какія опредѣленія Божіи опять Имъ отмѣняются, и какиимъ образомъ? 316

СЛОВО ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ. 1) Какъ разумѣть: *начало премудрости страхъ Господень*? 2) Какіе признаки и дѣла вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей? 3) Какіе признаки и дѣла людей невѣрныхъ и не боящихся Бога? 4) Кто тотъ мертвый, который не живетъ по Богу? 5) Какъ отъ Бога имѣемъ мы бытіе, такъ отъ Него же только поучить можемъ и благобытіе. 322

СЛОВО Сороковое. Воздержаніе есть одинъ изъ плодовъ Св. Духа. Тѣмъ, кои вѣруютъ во Христа, надлежитъ знать, что они получаютъ отъ Него дары Св. Духа, такъ что которые не знаютъ, что пріемлютъ отъ Христа дары, всеу увѣровали 328

СЛОВО Сорокъ Первое. 1) О праздникахъ, и какъ надобно ихъ праздновать? 2) Противъ тѣхъ, которые хвастаются празднествами. 3) Что означаетъ то, что бываетъ во время ихъ? 4) Къ тѣмъ, которые причащаются Пречистыхъ Таинъ достойно и недостойно. 5) Какъ ваетъ, что иной соединяется съ Богомъ чрезъ святое причастіе, а кой не соединяется? 6) Какое различіе имѣютъ причащающіеся достойно отъ причащающихся недостойно? 333

СЛОВО Сорокъ Второе. Что есть таинство воскресенія Христова? Какъ въ насъ бываетъ воскресеніе Христово, и какъ вмѣстѣ съ симъ бываетъ воскресеніе души? 343

СЛОВО Сорокъ Третье. Объ измѣненіяхъ души и тѣла, которыя бывають отъ стихій, пищи и бѣсовъ. 346

СЛОВО Сорокъ Четвертое. 1) Діаволъ пачею кознями воюетъ противъ людей. 2) Всякое доброе дѣло, какое дѣлаетъ человекъ, долженъ дѣлать его или для того, чтобъ умиловити Бога, или для того, чтобъ возблагодарить Его. 3) Кто ищетъ спасень бытія, долженъ подвизаться. 4) Въ какиихъ людяхъ царствуетъ Царь вселенскихъ и Богъ, и въ какиихъ не царствуетъ. 355

СЛОВО Сорокъ Пятое. 1) О сотвореніи міра и созданіи Адама. 2) О преступленіи заповѣди и изгнаніи изъ рая. 3) О воплощенномъ домостроительствѣ Господа, и о томъ, какъ Онъ воплотился ради насъ. 4) Какъ все твореніе имѣетъ быть опять обновлено? 5) Что это за свѣтлое состояніе, какое имѣетъ опять воспріять вся тварь? 6) Какъ это святыя соединяются со Христомъ и Богомъ нашими, и бывають едино съ Нимъ? 7) Какой это вышній міръ и какъ онъ наполнится, — и когда придетъ конецъ? 8) Пока не родятся всѣ, коимъ предопредѣлено родиться до самаго послѣдняго дня, — до того вышній міръ не наполнится. 9) На слова Евангелія: „уподобися царствіе небесное че-

- ловѣку царю, вже сотвори браки сыну своему" (Мѣ. 22, 2 и д.). 10)
 Святые по воскресеніи будутъ знать одинъ другаго. 367
- СЛОВО СОРОКЪ ШЕСТОЕ.** Черезъ возрожденіе въ бож. крещеніи души вѣрующихъ опять оживляются, и призвъ Духа Святаго, какъ душу души, приносятъ плоды Духа жизни. Которые же плодоприносятъ зло, осуждаются вмѣстѣ съ некрещеными 419
- СЛОВО СОРОКЪ СЕДЬМОЕ.** Не слѣдуетъ никому говорить, что въ нынѣшнее время невозможно всякому, кто захочетъ, взойти на верхъ добродѣтели и подражать древнимъ святымъ 424
- СЛОВО СОРОКЪ ОСЬМОЕ.** Никто да не дерзаетъ думать, что возможно спастись одною вѣрою, безъ дѣланія добрыхъ дѣлъ 433
- СЛОВО СОРОКЪ ДЕВЯТОЕ.** О духовномъ вѣдѣніи, и что сокровище Духа сокрыто въ буквѣ Божеств. Писанія, и явно не для всѣхъ, а лишь для тѣхъ, кои стяжали въ душу свою благодать Святаго Духа. 443
- СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТОЕ.** 1) Не должно съ нерадѣніемъ проходить дѣланіе заповѣдей Божіихъ, но должно подвизаться соблюсти ихъ всѣ.
 2) Испушенія надобно переноситъ великодушно 449
- СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВОЕ.** Надлежитъ человѣку прежде пріять силу отъ Христа черезъ святое Крещеніе, и тогда браться за исполненіе заповѣдей: ибо св. Крещеніе дѣлаетъ крещаемыхъ или со всѣмъ неподвижными, или труднодвижными на зло, равно какъ и второе крещеніе покаянія. Также какими надлежитъ быть священникамъ. 461
- СЛОВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЕ.** 1) Какіе это неизреченные глаголы, кои слышалъ Апостолъ Павелъ? 2) Что суть блага, ниже око не видѣ, ухо не слыша, и на сердце человѣку не въздоша? 3) Что есть царствіе Божіе, и какъ оно дѣйствительно является въ насъ? 467

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
29	8 св.	обезмислѣнъ	обезсмыслѣнъ
30	12 сп.	потрудиться	протрудиться
41	8 св.	нами по Христѣ,	нами, молимы по Христѣ,
60	3 —	предагъ	продалъ
87	12 св.	неправствуетъ	неправдствуетъ
159	8 св.	ви	не
185	4 св.	мне илуетъ	не милуетъ
212	8 св.	имъ	симъ
245	11 —	ве	не
258	17 —	бyste	бѣste
302	6 —	человѣкъ	человѣковъ
309	5 св.	грѣхамъ	грѣхомъ
348	8 —	пищи	пищи
364	8 —	сотворилъ	все сотворилъ
373	9 —	увѣдѣвъ	увидѣвъ